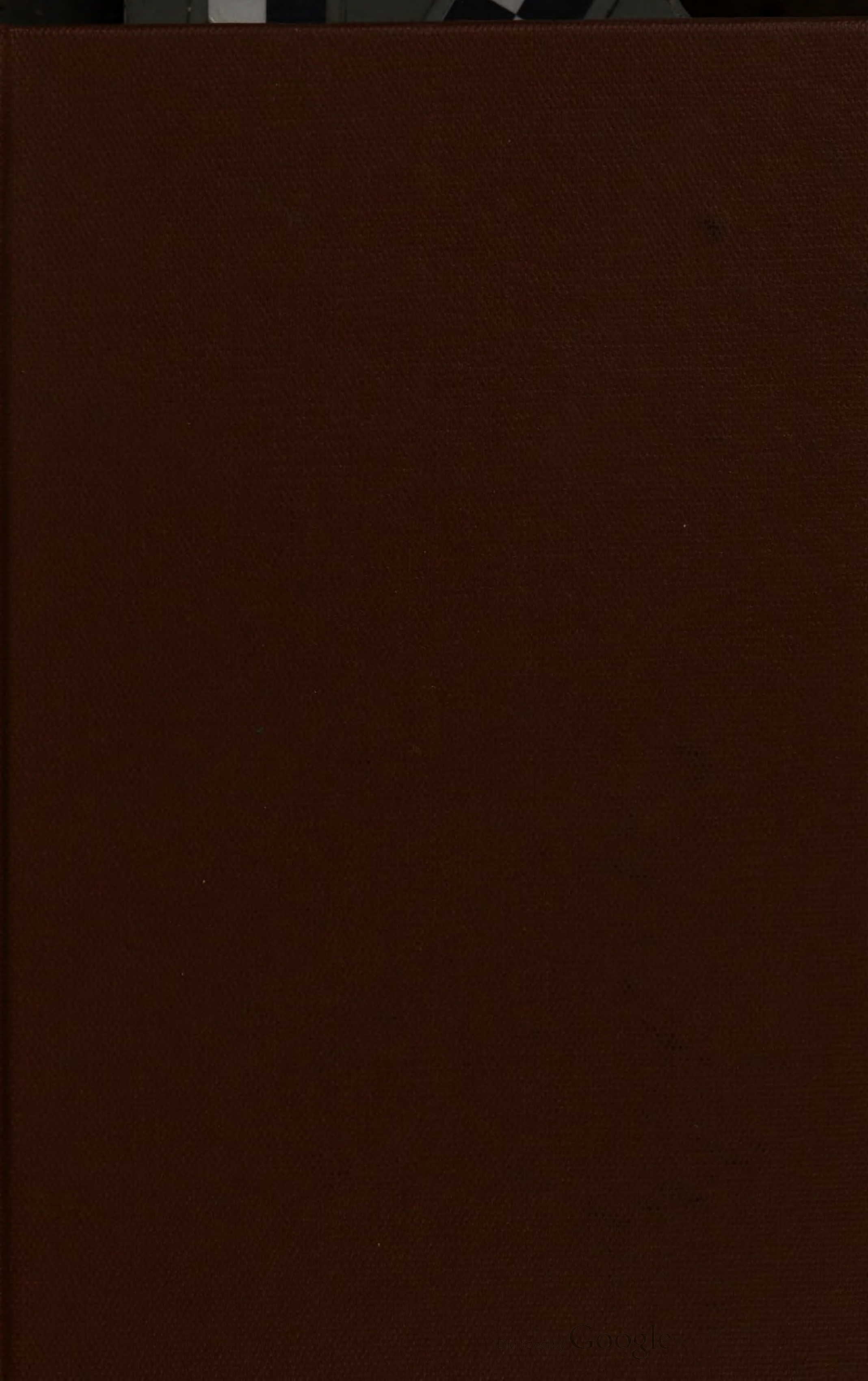

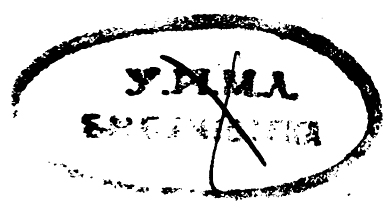

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

АПРѢЛЬ. 1900.

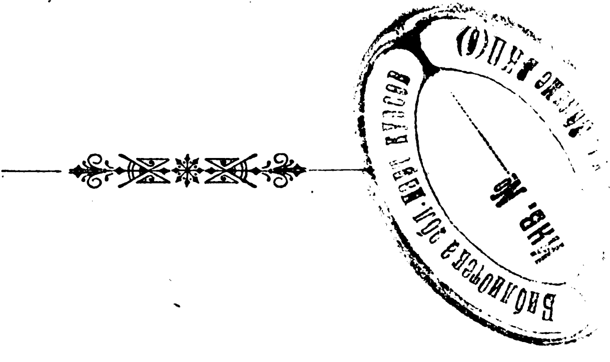
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

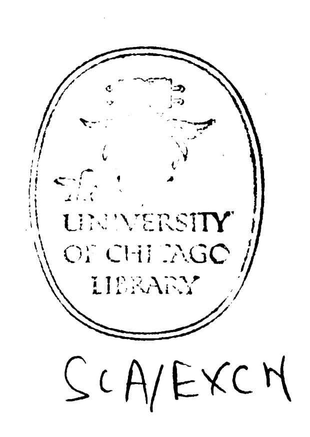
ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 апрѣля 1900 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

РАЗДОЛЬЕ.

(Повѣсть).

(Окончаніе).

XIX.

Фреда одѣлась, напилась чаю и, убравъ въ комнатѣ, сѣла къ столу. Дѣлать ей было рѣшительно больше нечего. Жизнь остановилась, какъ не заведенные часы. И чувствовала себя Фре́да прескверно: какъ протрезвившійся человѣкъ, припоминающій глупости, надѣланныя имъ во хмѣлю. Хмѣль радости, что она, наконецъ, вырвалась изъ Раздолья, такъ ударилъ ей въ голову, что она все позабыла: свои горести, обиду, Анатолія Павловича съ его „предложеніемъ“ и полную неопредѣленность завтрашняго дня.

По пріѣздѣ въ грязный уѣздный городишко, она наняла себѣ у толстой попадьи эту выбѣленную „зальцу“, съ увѣсистой балкою поперекъ потолка, съ геранями и филейными занавѣсками на безчисленныхъ окнахъ. Весь день просуетилась она, возможно уютнѣе устраиваясь на новосельѣ, потомъ, усталая, заснула такъ, какъ давно уже не спала.

Нынче все представилось ей совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Съ ума надо было сойти, чтобы согласиться на премудрый планъ Одобарова,—поселиться въ этомъ городишкѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Раздолья... Да еще и жить придется на его счетъ! Не дурно проявленная съ первыхъ же шаговъ самостоятельность! Но какъ было обидѣть его, вступившагося за нее такъ рыцарски? И куда дѣваться? Ѣхать въ N-скъ? Опять между Машею и Хмаровымъ?! Эта мысль, вчера еще пугавшая Фреду, сегодня представилась ей единственнымъ исходомъ. Они посовѣтуютъ, ободрятъ, даже, можетъ быть, мѣсто прiищутъ ей. Такою радостью прихлынула къ сердцу эта увѣренность въ нихъ и себѣ самой: нѣтъ, не надо трусить! Она и дальше выдержитъ характеръ. Не раздумывая долго, живо, весело Фреда собралась и уѣхала.

Но съ первыхъ же минутъ встрѣчи ее постигла малень-

кая неудача. Машу она застала дома и та ей ужасно обрадовалась; но у нея сидѣли двѣ ея новыхъ знакомыхъ и, повидимому, уходить не собирались. Младшая изъ нихъ, которую звали Шурой, — миловидная, свѣженькая горожанка-барышня, увлекавшаяся воскресной школою и работой въ какомъ-то кружкѣ, къ которому, очевидно, примкнула и Маша,— понравилась Фредѣ. Другая показалась Фредѣ типичной „нигилисткой" старыхъ временъ.—Это была сельская учительница, лѣтъ за 30-ть, некрасивая, загорѣлая и небрежно одѣтая; даже говоръ у нея былъ непріятный: она отчеканивала слова, точно диктовала. Маша и Шура звали эту госпожу просто Раисой, и обѣ, повидимому, передъ нею нѣсколько преклонялись.

Эта „Раиса" разсказывала о деревенской школѣ, которую вотъ уже четвертый годъ ведетъ вмѣстѣ съ одной пріятельницей своей, въ имѣньи этой послѣдней. Школа уже прочно пустила корни. Заведены у нихъ и чтенія съ фонаремъ, и повторительные курсы для взрослыхъ, и кое-какая библіотечка. Зовутъ ихъ зимними вечерами и по хатамъ почитать вслухъ „божественное" или сказку, Гоголя, Пушкина. Создавалось, конечно, все это не безъ своихъ сучковъ и задоринокъ, какъ и всегда, и вездѣ. Раиса говорила объ этихъ препятствіяхъ безъ всякихъ восклицательныхъ знаковъ. Теперь нужна еще помощница: времени на все не хватаетъ.

Молодыя пріятельницы, дѣти сумеречнаго десятилѣтія, жадно слушали простой разсказъ о простомъ и скромномъ дѣлѣ.

Этотъ разговоръ, затянувшійся часа на два, незамѣтно увлекъ и Фреду, хотя она, грѣшнымъ дѣломъ, все прислушивалась, волнуясь, къ шагамъ за дверью. Вдругъ войдетъ Хмаровъ!.. До поздняго вечера все прислушивалась, разсказывая Машѣ, что могла разсказать про раздольевскія дѣла. Маша же, какъ ни близко къ сердцу принимала Фредины новости, все еще была подъ впечатлѣніемъ разговора съ Раисою.

— Вотъ это человѣкъ! — говорила она восторженно. — Пройти черезъ столько горя и труда, со всевозможными неудадами... и какая вѣра, сколько энергіи! И никакихъ причитаній о „личномъ"...

Маша присѣла на край дивана возлѣ Фреды, уже улегшейся въ постель, и заплетала на ночь косы. Фреда глядѣла на нее и думала, какъ поразительно измѣнилась она за какой-нибудь мѣсяцъ. То милое, молодое выраженіе, которое такъ рѣдко бывало въ Раздольѣ на Машиномъ лицѣ, теперь спокойно распустилось, не прячется больше, чуть выглянувъ, за вѣчную суровость, какъ солнце въ осеннія тучи; оно свѣтитъ и грѣетъ изъ ея темныхъ глазъ.

— Охъ, боюсь я этой молодости,—сказала Маша въ отвѣтъ на это замѣчаніе Фреды.—Ты себѣ представить не можешь, до чего я стала покладиста, терпима! Просто противно.

Фреда искренно разсмѣялась.

— Ну, Маша, не тебѣ объ этомъ сокрушаться!

— Нѣтъ, не скажи...—Маша задумалась, потомъ прибавила застѣнчиво:

— А знаешь, я здѣсь все время здорова.

— И будешь здорова, Маша! Только не грызи себя изъ-за всякаго вздора. При твоей болѣзни спокойствіе и жизнь по сердцу сдѣлаютъ чудеса!

— Вотъ и Хмаровъ говоритъ, что при спокойной жизни я могу выздоровѣть... почти совсѣмъ выздоровѣть.

— А ты его часто видаешь?—спросила Фреда, стараясь не краснѣть.

— Кого? Виктора Даниловича?—Нѣтъ, рѣдко. Онъ сильно занятъ,—разсѣянно отозвалась Маша.—Спокойная жизнь, спокойная жизнь! — продолжала она. — Ты, можетъ, думаешь—я здѣсь спокойна? Нѣтъ, трещина въ душѣ все та же, Фреда. Какъ бы тебѣ это объяснить? Я никогда не увѣрена, то̀-ли я дѣлаю, что должна... Вотъ хоть бы сейчасъ: можетъ, мнѣ слѣдовало бы теперь-же уйти въ помощницы къ Раисѣ? Читать, учиться я и тамъ могу. Очень мнѣ тутъ хорошо, а порою всетаки невольно думается: одно баловство, отъ дѣла отлыниваешь... Вспомнится, каково по хатамъ живутъ, и станетъ все противно: и люди, и рефераты, и веселье, и пѣсни, и споры... Даже объ этомъ вотъ, что я сейчасъ говорю, споры... Какъ будто въ слова уходитъ что-то нужное, спѣшное... Одинъ Николай умѣетъ и понять, и разсудить по честности, и ободрить, и приструнить. Потому что онъ вправду сильный и искренній,—не боится и не замазываетъ. Такихъ здѣсь нѣтъ!

Маша улыбнулась хорошею свѣтлой улыбкой.

— Впрочемъ, пожалуй, и Николай на меня разсердится, если я возьму да уйду къ Раисѣ теперь же... — договорила она, вздохнувъ.

Она не видала возбужденнаго лица Фреды, которая, приподнявшись на локтѣ, не спускала съ нея напряженно-блестѣвшихъ глазъ.

— А Викторъ Даниловичъ?—съ усиліемъ выговорила она, наконецъ, сама не узнавая своего голоса.

— Викторъ Даниловичъ? Тому что-же? Все по прежнему...—разсѣянно сказала Маша, видимо думая о другомъ.

У Фреды огненные круги пошли передъ глазами, и сердце забилось усиленно. То, *какъ* Маша говорила сейчасъ о Николаѣ, а потомъ о Хмаровѣ, впервые выдвинуло передъ нею догадку, что она могла ошибаться...

На утро Фреда встала съ страннымъ ощущеніемъ... Оставалось прямо спросить Машу, но страхъ, что одно слово ея можетъ убить эту надежду, безъ которой, казалось Фредѣ, она теперь жить не сможетъ—замораживалъ вопросъ на губахъ. Какъ въ чаду, познакомилась она съ нѣсколькими новыми друзьями Маши. Шла рѣчь о мѣстѣ для нея при какомъ-то книжномъ складѣ... Хмаровъ, оказалось, уѣхалъ еще вчера въ Москву, и Маша узнала объ этомъ только отъ другихъ...

И, тѣмъ не менѣе, Фреда смалодушничала: уѣхала назадъ кончать свои счеты съ Раздольемъ, не спросивъ Машу, рѣшая лучше тотчасъ по пріѣздѣ написать ей—въ письмѣ легче было не выдать, если... если, всетаки, Хмаровъ!..

Въ тотъ же вечеръ къ дому попадьи подкатила коляска четверикомъ, возбудивъ любопытство всей улицы. Одобаровъ пріѣхалъ самъ на себя не похожій. Что творится въ Раздольѣ—уму не постижимо. Путаница въ дѣлахъ чудовищная; Доменикъ во всемъ умываетъ руки и собирается уходить. Вотъ и сейчасъ надо хоть со дна морского добывать пять тысячъ, вмѣсто того, чтобы, наконецъ, отдохнуть вечерокъ съ Фредою... Maman поправляется, но капризничаетъ нещадно—безъ Фреды никто не умѣетъ ей угодить. Поистинѣ Фреда была въ домѣ тѣмъ пухомъ, какъ говоритъ m-me де Сталь, которымъ перекладываютъ цѣнныя, хрупкія вещи и который предохраняетъ ихъ отъ поломки, самъ по себѣ какъ-бы ничего не знача... Но шутка терялась въ нытьѣ, отъ котораго пахнуло на Фреду такимъ букетомъ Раздолья, что она твердо рѣшила теперь же покончить всѣ объясненія, какъ ни тяжело было ей добивать бѣднаго Анатолія Павловича...

— А вы-то, недобрая! Хоть бы строчкою успокоила, порадовала меня. Ни слова въ отвѣтъ на мои письма.

— Какія письма, Анатолій Павловичъ? Никакихъ писемъ отъ васъ я не получала. Сама же писала вамъ, уѣзжая въ N—скъ. Собственноручно опустила даже въ почтовый ящикъ.

— А-а!—протянулъ Одобаровъ; онъ вспыхнулъ и забѣгалъ по комнатѣ, догадавшись, куда пропали письма.—Нѣтъ, этакъ нельзя!—говорилъ онъ, волнуясь.—Между нами нагромоздятъ въ концѣ концовъ такихъ недоразумѣній... Фреда, согласитесь, дорогая, не откладывать слишкомъ на долго... вашъ отвѣтъ... Вы знаете?..

— Анатолій Павловичъ, я сама все хочу и не могу рѣшиться сказать вамъ... Простите меня, но... *это* совершенно невозможно, Анатолій Павловичъ... Подумайте сами...

Одобаровъ остановился передъ нею.

— Почему невозможно?!—растерянно спросилъ онъ. — Вы

думаете maman?.. Но вѣрьте, она ужъ и теперь ждетъ не дождется васъ въ тайнѣ: кто сумѣетъ ухаживать за нею, какъ вы? А старому человѣку — это все. Вы же... Фреда, — неужели вы не сможете простить больной старухѣ?..

Фреда горько усмѣхнулась. Ему только и дѣла, что до себя со своею maman. А что дадутъ они *ей*?—объ этомъ онъ, очевидно, и не думалъ...

— *Я* не могу... вообще... Поймите же Анатолій Павловичъ!— уже тверже отвѣтила она.

Одобаровъ молчалъ, всматриваясь въ ея несчастное, виноватое лицо и ласково взялъ ея руку.

— Полно, Фреда,—заговорилъ онъ возможно спокойнѣе, чтобъ ободрить ее.—Я знаю, конечно, что вы не можете любить меня такъ, какъ того хочется въ ваши годы. Но многимъ ли дается это счастье? Умоляю васъ, подумайте. То, что я предлагаю вамъ, безмѣрно вѣдь лучше многихъ mariages de raison, которыми кончаетъ большинство дѣвушекъ въ наше время. У насъ столько общаго. Вы, развѣ я не вижу,— относитесь ко мнѣ съ симпатіей... жалѣете меня... А я! Я слѣпо, ничего отъ васъ не требуя, отдаю вамъ сильное чувство. Оно будетъ вамъ опорою и защитою... быть можетъ, согрѣетъ даже немножко васъ, одинокую. Возьмите его, хоть пока...

Одобаровъ отеръ платкомъ лобъ и кончилъ съ видимымъ усиліемъ надъ собою:

— Если бы въ васъ современемъ заговорило то... молодое чувство... къ другому... я сумѣю устранить себя изъ вашей жизни, безъ ропота и жалобъ. Даю вамъ слово... А пока...

Фреда, рѣшившаяся, наконецъ, поднять глаза на него, испугалась его страдальческаго выраженія: мысль объ его сердечныхъ припадкахъ всегда страшила ее.

— А пока... вы знаете, чтò вы для меня, Фреда,—повторилъ Анатолій Павловичъ, отворачиваясь, чтобы скрыть набѣжавшія слезы.

— Но что же я могу?— безпомощно откликнулась Фреда.

— Подумайте... хоть еще до завтра. Я не хочу вымучивать у васъ согласія. Боже сохрани! Но подумайте. Хорошо? Да?

Онъ взялъ ея руки, хотѣлъ поцѣловать ихъ, но, почувствовавъ, что она не хочетъ этого,—только крѣпко пожалъ ихъ и ушелъ.

Фреда все еще стояла посреди комнаты, смущенная и несчастная, когда въ дверь заглянула хозяйка, будто бы за самоваромъ. Но, взявшись за его ручки, она продолжала съ любопытствомъ смотрѣть на свою квартирантку, видимо не собираясь уходить.

— Вѣдь это у васъ Одобаровскій сейчасъ баринъ въ гостяхъ былъ?—спросила она.

— Да.

— А вы, должно быть, та самая мамзель и будете, которая отъ нихъ намедни отошла? Кучеръ ихній сказывалъ...

Фреда вспыхнула, понявъ, что ея „исторія“ стала уже сказкой города.

— А вамъ какое до этого дѣло?—рѣзко отвѣтила она.

— Вотъ тебѣ на! Какое мнѣ дѣло!—обиженно и крикливо затараторила попадья.—Небось, вы у меня-то квартеру сняли? Знала бы, не пустила! Тоже не резонъ всякую къ себѣ въ домъ пущать. У меня самой дочери невѣсты. А она еще: какое вамъ дѣло? Скажите, пожалуйста!

Фреда съ трескомъ захлопнула за нею дверь. Эта сценка переполнила чашу ея терпѣнія. Не вправѣ развѣ эта жирная баба подозрѣвать ее, выгнанную со скандаломъ мамзель, во всякой грязи и гадости? Когда вонъ самъ ея благородный рыцарь предлагаетъ ей бракъ, потому только для нея *менѣе* унизительный, что, видите ли, „большинство дѣвушекъ“ продаетъ себя такимъ образомъ!.. А она соглашается об-ду-мы-вать! Какъ было сразу не оборвать его! Позволить ему цѣловать руки, глядѣть на нее такими глазами, точно у него уже есть какія-то права... Подѣломъ ей, подѣломъ! Не она ли сама добивалась этого все лѣто?

Теперь только открывались у нея глаза на то, *чѣмъ* былъ бы для нея этотъ бракъ, лишь смутно маячившій всегда на горизонтѣ ея фантазіи... А Хмаровъ видѣлъ... Хорошаго онъ долженъ быть о ней мнѣнія! То-то и уѣхалъ онъ, даже не простившись. И теперь впереди,—жизнь безъ него, долгая-долгая, какъ эта черная, душная ночь за плотно притворенными ставнями...

Фреда вскакивала, бѣгала въ темнотѣ по комнатѣ, скрестивъ до боли руки на груди, опять бросалась на постель и забывалась въ слезахъ. Воспоминаніе преслѣдовало ее, какъ оскорбленіе. Взять „пока“ Анатолія Павловича со всѣми его преимуществами: именемъ, остаткомъ богатствъ, его „любовью“ и... его maman, чтобы „потомъ“ промѣнять его на перваго попавшагося тенора?! Хорошую роль прочитъ ей въ будущемъ этотъ изящный Одобаровъ... Да и ему-ли, съ его эгоизмомъ и угрозой сердечныхъ припадковъ, брать на себя зароки великодушнаго „самоустраненія“...

И все меньше кротости, жалости къ Анатолію Павловичу оставалось въ душѣ Фреды. Встрѣтила она его поутру спокойно и холодно. Онъ ахнулъ на ея блѣдность.

— Вы больны? Это я васъ такъ разстроилъ? — говорилъ онъ, удерживая ея руки въ своихъ; но Фреда рѣшительно высвободила ихъ и сказала залпомъ, хотя слова немножко застрѣвали у нея въ горлѣ:

— Я виновата передъ вами, Анатолій Павловичъ. Вы, конечно, не знаете... Тогда, въ бесѣдкѣ я сказала вамъ неправду: я уже люблю... Теперь вы видите сами, что *это* совершенно невозможно.

И Фреда устало присѣла на диванъ; ею овладѣло сразу большое равнодушіе. Онъ говоритъ еще и еще, но возражать она не станетъ. Лучше ужъ напишетъ ему потомъ. Лишь бы скорѣе уходилъ. Навѣрное во всѣ щели подслушиваютъ... Боже, какая мерзость!

Одобаровъ же схватился за ея молчаніе, какъ за надежду. Даже то, что она сказала ему сейчасъ, — не препятствіе: ея любовь несчастна, развѣ не видно это по всему? Она пройдетъ, забудется. Своею нѣжностью усыпитъ онъ все больное, горькое въ ея воспоминаніяхъ... И все дальше зарывался онъ въ оскорбительныя для нея обѣщанія; все громче звучалъ въ его словахъ голосъ эгоизма и безумный страхъ потерять ее.

— Подумайте, Фреда, еще... хоть до субботы. Умоляю васъ. Я пріѣду опять, и тогда... Нѣтъ, нѣтъ, не качайте головкою. Было бы жестокостью съ вашей стороны отказать мнѣ въ такомъ пустякѣ. Если бы вы только знали, какъ тяжело мнѣ живется! Сейчасъ узналъ еще милую вещь: у Николая вышли какія-то непріятности съ полиціей. Не удержится, пожалуй, на мѣстѣ. Станутъ говорить, что тутъ не безъ нашего давленія... послѣ этого нелѣпаго романа его съ Машей... А Маша можетъ повѣрить...

— Романъ Николая съ Машей?...—глухо переспросила Фреда, глядя на Одобарова большими растерянными глазами, которые не смогли, не догадались даже скрыть загорѣвшееся въ нихъ волненіе.

— Ну, да! Точно вы не знаете?..

— Да развѣ... это Николай?..—едва слышно пробормотала дѣвушка и схватилась за кружившуюся голову.

Анатолій Павловичъ, наконецъ, замѣтилъ и понялъ... Онъ стоялъ и смотрѣлъ на Фреду, блѣднѣя, полнымъ страданія и мягкости взглядомъ.

— А вы думали — Хмаровъ? — тихо сорвался у него вопросъ.

„Не онъ! Не онъ! Неужто правда? Господи, что же теперь?“— проносилось въ мозгу Фреды. Лицо ея, за минуту передъ тѣмъ такое блѣдное, равнодушное, сразу ожило... Въ заблестѣвшихъ глазахъ сверкала радость, по лицу пробѣгало отраженіе быстро мелькающихъ молодыхъ мыслей. Объ Анатоліи Павловичѣ она совсѣмъ забыла. А онъ стоялъ и смотрѣлъ...

Наконецъ, онъ вздохнулъ и протянулъ ей руку.

— Что же, до свиданья!—сказалъ онъ, какъ могъ бодрѣе и сердечнѣе...—Видите, я ухожу... Но все же, Фреда, не про-

гоняйте отъ себя стараго, навязчиваго друга. Изрѣдка видѣть васъ, быть чѣмъ нибудь вамъ полезнымъ... для меня ужъ и это счастье... Вы вѣрите?.. Безъ всякой задней мысли! Хорошо, Фреда?

Что говорить! Она все равно не слушаетъ, не находитъ слова ему въ отвѣтъ въ своихъ смущенныхъ радостью мысляхъ. „Не онъ! Не онъ!“ только ликуетъ и рвется ея сердце.

За то передъ своимъ отъѣздомъ въ N—скъ Фреда написала Анатолію Павловичу длинное письмо, въ которомъ, искренно обвиняя себя, просила простить ее, не думать о ней дурно и горячо благодарила за безграничную его къ ней доброту.

Это письмо доставило большое удовольствіе... Софьѣ Глѣбовнѣ.

XX.

— А, Хмаровъ! Легокъ на поминѣ. Только что говорили про васъ.

— Викторъ Даниловичъ, куда вы, батенька, сгинули? Васъ нигдѣ не видать.

— Схиму, что ли, приняли?

— Давно изъ Москвы?

Хмаровъ пожималъ на право и на лѣво руки гостямъ Инны Михайловны Бурцевой, извѣстной въ городѣ „шестидесятницы“, четверть вѣка уже возившейся съ неубывающимъ рвеніемъ надъ всевозможными школами, читальнями, изданіями для народа, а также съ разнокалиберною молодежью обоего пола, которую она неутомимо старалась сгруппировать вокругъ своихъ начинаній... Хмаровъ былъ своимъ человѣкомъ на ея „субботахъ“. Теперь онъ только ухмылялся подъ залпомъ восклицаній и вопросовъ, такъ радушно встрѣтившихъ его.

— Да отвѣчайте же, безпутная голова!—говорила ему худенькая пожилая хозяйка, — гдѣ пропадали? Второй мѣсяцъ глазъ не кажетъ. Хорошъ!

— Виноватъ, ваше превосходительство! А только вы со мною, господа, нынче потише. Послѣ праздниковъ диссертацію защищаю...

Обогнувъ чайный столъ подъ градомъ новыхъ вопросовъ, Хмаровъ поздоровался съ Фредою, хозяйничавшей за самоваромъ, и сѣлъ на свободный стулъ возлѣ нея. Она передала ему стаканъ чаю, подвинула сливочникъ. Будто они встрѣчались такъ каждый день. А между тѣмъ они еще не видались съ Раздолья...

Фреда скоро по пріѣздѣ въ N-скъ получила черезъ посредство Машиныхъ знакомыхъ мѣсто въ складѣ книгъ и учебныхъ пособій Бурцевой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доступъ въ

пестрый кружокъ губернской интеллигенціи, роившейся вокругъ Инны Михайловны. Съ работою по магазину дѣвушка быстро освоилась; хозяйка ею нахвалиться не могла и всячески ей патронировала: доставляла переводы, звала ее съ собою въ театръ и концерты, даже предлагала Фредѣ квартиру у себя. Но та предпочла поселиться самостоятельно: она чувствовала, что симпатіи, высказываемыя ей Инной Михайловной, чисто теоретическія,—не безъ намѣренія „развить кисейную барышню“,—и тяготилась ея опекой.

На „субботахъ“ Бурцевой она бывала, частью какъ бы по обязанности, частью надѣясь встрѣтить тамъ Хмарова или хоть что-нибудь про него услышать. Но удовольствія отъ этихъ вечеровъ Фредѣ было мало. Ее „интимидировали“ нѣсколько всѣ эти первокурсники и восьмиклассники, развязно цитировавшіе Спенсера, Маркса и Джорджа. Эти самоувѣренныя учительницы, фельдшерицы и смѣшливыя барышни-гимназистки такъ же мало интересовали ее, какъ и болѣе солидный элементъ этихъ сборищъ—представители разныхъ либеральныхъ профессій. Фреда охотно уединялась въ тѣнь огромнаго самовара; менѣе, чѣмъ когда, склонная къ мягкости и справедливости, высматривала она изъ своей засады комичныя черточки этого шумнаго общества, злорадно подхватывая на лету и ставя ему на счетъ всѣ плоскости „умѣренности и аккуратности“, проскальзывавшія въ пылу преній, часто далеко не безынтересныхъ.

Сегодня, впрочемъ, „суббота“ выдалась изъ скучныхъ. Молодежь подобралась все застѣнчивая, мало между собою знакомая. Приходъ Хмарова оживилъ всѣхъ, а извѣстіе о его докторскомъ экзаменѣ свело разговоръ на благодарную тему экзаменаціонныхъ курьезовъ и университетскихъ анекдотовъ.

— Отчего Маша Мирневская не пришла?—спросила хозяйка Хмарова.

— Я сейчасъ отъ нея. Ей нельзя сегодня,—отвѣтилъ тотъ.— Къ ней пришла Алена Никаноровна,—добавилъ онъ въ сторону Фреды. Это были первыя слова Хмарова, обращенныя прямо къ ней,—единственныя за весь вечеръ, гдѣ прозвучало напоминанье о Раздольѣ... И опять они сидѣли рядомъ, точно никогда, нигдѣ не встрѣчались иначе, какъ въ этомъ кружкѣ знакомыхъ, гдѣ и сегодня сошлись попустословить, посмѣяться. А между тѣмъ такъ легко было бы перекинуться фразою, другою поинтимнѣе, здѣсь, въ концѣ стола, подъ шумъ общаго разговора...

Вышли они однако (можетъ, и не совсѣмъ случайно) вмѣстѣ. Имъ было по дорогѣ домой. Хмаровъ, въ своемъ старомъ пальто и сѣрой смушковой шапкѣ, угрюмо шагалъ рядомъ, точно поневолѣ провожая элегантную барышню въ плю-

шевой кофточкѣ со вздернутыми рукавами и шляпкѣ съ крылышкомъ; тѣни ихъ, совсѣмъ не подъ пару, перегибались по стѣнамъ домовъ... Эти десять минутъ молчанія, такъ, съ глазу на глазъ, показались Фредѣ хуже всего, что до сихъ поръ было. Точно навсегда и непоправимо ломалось между ними прошлое и, сколько ни живи они потомъ въ одномъ городѣ, встрѣчайся хоть каждый день,—сломаннаго уже не склеить... Фреда чувствовала это... и все же не могла принудить себя *первая* сказать слово, которое одно, быть можетъ, вернуло бы ей Хмарова...

Они вошли въ сѣть глухихъ переулковъ, тускло освѣщенныхъ керосиномъ, съ безконечными заборами и гнилыми досками вмѣсто тротуара. Фреда споткнулась, Хмаровъ поддержалъ ее подъ локоть и сталъ по своему шутить... Вотъ она до сихъ поръ не научилась ходить даже по такимъ прекраснымъ улицамъ!

Фреда принялась, тоже посмѣиваясь, разсказывать, какъ трусила она первое время, возвращаясь одна въ свой Ситниковскій переулокъ. Вотъ и дошли.

— А, здѣсь? Ну, до свиданья.

— Заходите когда-нибудь, Викторъ Даниловичъ.

— Всенепремѣнно. Да вы таки по кирпичикамъ, по кирпичикамъ!—окликнулъ онъ ее еще разъ, глядя черезъ калитку, какъ нерѣшительно Фреда пробирается черезъ грязный дворъ къ своему флигельку.

Калитка хлопнула. Фреда зацѣпилась въ темныхъ сѣняхъ за кадушку и долго не могла попасть ключемъ въ замокъ своей двери. Войдя, наконецъ, къ себѣ, она сѣла на первый попавшійся стулъ, какъ была въ калошахъ, даже не поднимая вуалетки.

Кончено! И какъ опять просто-просто. Только въ головѣ шумитъ, точно прибой волнъ... да въ груди какъ-то обрывается „зубная боль“.

За стѣною, у башмачника Шумкина, хныкаетъ больной ребенокъ, стучитъ швейная машина. А Фреда сидитъ одна, въ темнотѣ, долго...

Онъ не вѣритъ ей больше... Что онъ думаетъ объ эпизодѣ съ Анатолемъ? Какою она должна ему представляться!..

Фреда и права была, и ошибалась. Хмаровъ сильно тосковалъ по ней, но уже иначе, чѣмъ въ Раздольѣ, какъ-то пароксизмами. Страсть, ревность, боль и обида за любимую дѣвушку—перекипѣли и отстоялись за два мѣсяца. Трезвѣе относясь теперь къ ней, въ новыхъ условіяхъ жизни, еще рельефнѣе оттѣнявшихъ все, что ему въ ней не нравилось, Хмаровъ все меньше вѣрилъ „хрустальному“ взгляду и сторонился „приворота“.

Была, впрочемъ, и другая причина, отдалявшая его отъ Фреды: ему было стыдно передъ нею. Давно ли онъ такъ самоувѣренно звалъ ее въ жизнь: стоитъ уйти изъ Раздолья и перестать быть „Меликтрисой Кирбитьевной“,—все остальное приложится. Теперь она въ правѣ спросить его: гдѣ же обѣщанные имъ пути къ цѣлямъ, осмысливающимъ сутолоку жизни? Гдѣ теперь,—на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ,—„дѣло“, вплетающее единичное существованіе въ то нѣчто цѣлое, что зовется прогрессивнымъ теченіемъ даннаго историческаго момента?..

Что можетъ онъ отвѣтить Фредѣ, когда самъ онъ очутился на перепутьѣ? Отчетливо, казалось, пролегавшая далеко впередъ дорога, вдругъ, разбилась на сѣть еле-обозначавшихся тропинокъ, по которымъ рискуешь путаться наугадъ, долго и глухо—безъ толку. Два года въ Раздольѣ сошли для Хмарова незамѣтно, день за день; а „исторія“ за эти два года иное окончательно отодвинула въ прошлое, другое явственнѣе придвинула и освѣтила. Люди, съ которыми онъ росъ и думалъ до сихъ поръ вмѣстѣ, тоже различно опредѣлились въ разлукѣ—теперь уже занявъ свои жизненныя положенія, внѣ рамокъ студенческаго быта. Главное же: собственная мысль его, два года работавшая въ общеніи съ Николаемъ и подъ давленіемъ кое-какого „опыта жизни“, на многое измѣнила за это время взгляды Хмарова. Въ Раздольѣ, „пока“, безпечный по натурѣ докторъ этимъ мало смущался. Но теперь предстояло „сейчасъ“ и „на долго“, если не на всю жизнь, установить свой modus vivendi, согласно съ конечными выводами этой критики. И круто приходилось Хмарову среди всей этой перестройки...

Онъ переживалъ дни душевной смуты, когда, „не сжигая“ того, чему до сихъ поръ „поклонялся“, тщетно ломаешь голову, *какъ* и *куда* приложить эти свои принципы къ жизни и дѣятельности по новымъ временамъ. Тѣ трудные дни, когда ошибки, недомыслія и увлеченія недавняго прошлаго рисуются человѣку отчетливѣе, чѣмъ слабо намѣтившійся еще „духъ времени“ съ его требованьями отъ людей, непассивно претерпѣвающихъ жизнь... Ищешь, колеблясь, куда ступить слѣдующій шагъ дальше... И въ этотъ-то жуткій моментъ Хмаровъ оказался совершенно одинокимъ. Друзей его размело, кого на окраины, кого въ другіе центры; среди оставшихся товарищей—никого по душѣ; а съ Машею и двумя-тремя „милыми юнцами“—ни на шагъ нельзя безъ „педагогики“. Одиночества же Хмаровъ рѣшительно не выносилъ; порою на него нападали припадки бѣшеной тоски,—онъ готовъ былъ кинуть всю заваренную имъ кашу съ докторствомъ, закутить, запить... Никогда не была ему нужнѣе Фреда, ея

изящная, привлекательная близость, та радость жизни, которую она одна могла бы дать ему. Но онъ крѣпился и не шелъ къ ней.

Приступы малодушія смирялись, впрочемъ, на новомъ „пока“: покончивъ съ докторствомъ, онъ получитъ командировку за границу. Понюхаетъ европейскаго воздуха, поглядитъ, какъ люди живутъ и мохомъ не обростаютъ, какія тамъ произрастаютъ новшества. Авось и для себя позаимствуетъ какихъ ни на есть „кирпичиковъ черезъ грязь“. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ Николаю, который заѣхалъ къ нему въ половинѣ декабря, по дорогѣ въ Москву: друзья его, Лемешковскіе, устроили ему какое-то новое мѣсто въ большой подмосковной мануфактурѣ.

Хмаровъ страшно обрадовался Николаю, и проговорили они всю ночь. Но оба о своихъ „романахъ“ отмалчивались. Николай спросилъ было Хмарова о Машѣ, но Хмаровъ, къ стыду своему, мало что самъ зналъ про нее въ послѣднее время: здорова, учится, пожалуй, слишкомъ усердно, потому что опять стала что-то дичиться; похоже на то, что какія-то безконечныя мысли начинаютъ снова колобродить въ ея головѣ. Николай тоже вернулся отъ нея сумрачный; завтра же уѣзжаетъ, едва повидавшись съ невѣстою. На вопросъ Хмарова объ этомъ, Николай отрывисто буркнулъ, что, согласно ихъ уговору съ Машею, не считаетъ себя въ правѣ оказывать на нее какое либо давленіе...

Поутру Хмаровъ и Маша проводили его на вокзалъ.

XXI.

Въ складѣ Бурцевой шла невообразимая сутолока, какъ всегда передъ Рождествомъ: на лѣстницѣ упаковывали ящики съ елочными украшеніями, покупатели перерывали вороха картонажей, книгъ и цвѣтной бумаги. Инна Михайловна и Фреда мелькали во всѣхъ углахъ, на скорую руку возстанавливая порядокъ. Хмаровъ ждалъ у стойки съ новыми книгами, украдкою наблюдая за Фредой. Она казалась ему сегодня какой-то странной. Глаза то слишкомъ блестятъ, то затуманиваются, на щекахъ яркія пятна румянца, кутается въ теплый платокъ.

— Вы больны?—удалось ему, наконецъ, спросить дѣвушку, когда она подошла къ стойкѣ за книгою.

— Немножко. Инна Михайловна уже взялась меня лѣчить. Папà-Бурцевъ говоритъ: легкая ангина.

— Но у васъ жаръ, а вы то и дѣло выходите на холодную лѣстницу!

— Дѣло привычки...

Она смѣялась и не дала ему даже пульсъ пощупать. Некогда! Вонъ Инна Михайловна разроняла цѣлый картонъ мелкихъ вещицъ... И черезъ минуту Фреда уже опять открывала коробку за коробкою передъ нерѣшительною покупательницею, съ изумительною кротостью объясняя ей десятокъ игръ.

Образъ больной Фреды, такъ мужественно и изящно справляющейся черезъ силу со своей работой, во весь день не выходилъ у Хмарова изъ головы. Вся притаившаяся нѣжность къ ней всколыхнулась въ страхѣ за нее: она непремѣнно еще больше простудится! А если у нея не жаба, а дифтеритъ, или начинается воспаленіе легкихъ? Быть можетъ, она давно больна и не обращаетъ вниманія... Вдругъ чахотка! Онъ не выдержалъ, наконецъ, и рѣшился сбѣгать, провѣдать ее въ сумеркахъ.

Фреда была уже дома, и ей вправду сильно нездоровилось. Инна Михайловна отослала ее лечь въ постель; но она сидѣла, завернувшись въ пледъ, въ углу дивана. Хмаровъ, шутливымъ тономъ, плохо маскировавшимъ его тревогу за нее, сталъ допытываться о симптомахъ болѣзни, о томъ, что прописалъ ей Бурцевъ; убѣждалъ ее показать горло и дать себя выслушать. Все это было совсѣмъ даже не похоже на Хмарова. Фреда отшучивалась, а у самой, пуще, чѣмъ отъ лихорадки, горѣла голова отъ мысли: попробовать развѣ откровенно заговорить? Эти четверть часа въ сумеркахъ вернули между ними что-то, похожее на прежнее.

Стемнѣло, однако. Хмаровъ зажегъ лампу, сѣлъ отъ нея черезъ столъ и, вдругъ, о чемъ-то угрюмо задумался. Такому—Фреда ничего уже ему не могла сказать. Капризно попросила она его отставить огонь.

— Хотите, я сбѣгаю за Машей? Скажу ей, что вы больны; она придетъ переночевать съ вами.

— Вотъ еще нѣжности,—иронически отозвалась Фреда.— Привыкать—такъ привыкать! Надо вкусить всѣхъ прелестей сво-бо-ды.

Не впервые разговоръ обострялся у нихъ на эту тему; Фреда задѣвала кстати и не кстати натянутую между ними струну. Умышленно и задорно, казалось, выставляла она себя передъ Хмаровымъ въ самомъ непріятномъ ему свѣтѣ. Сегодня вызовъ прозвучалъ особенно рѣзко, и докторъ вмѣсто того, чтобы, какъ всегда, парировать его добродушною шуткою, спросилъ въ свою очередь сквозь зубы, со злостью:

— Хотя бы вы разъ не съ того конца начали. Изобразите же когда нибудь *вашъ* идеалъ счастья и свободы.

— Но для чего? Чтобы дать вамъ случай поупражнять свое остроуміе?

— А, вдругъ, и мнѣ свѣтъ изъ вашихъ устъ возсіяетъ...

Нѣсколько словъ — и они были уже опять за тридевять земель отъ мягкаго, взволнованнаго настроенія. Сразу вспыхнуло раздраженіе другъ на друга, словно обострившись этимъ отзвукомъ прошлаго. У Хмарова, впрочемъ, только на минуту. Фреда сидѣла, откинувъ голову на спинку дивана, и, полузакрывъ глаза, будто небрежно, бросала возраженія, но подергиваніе уголковъ рта выдавало ее.

Хмарову мучительно жаль стало эту ломающую себя, невѣдомо чего ради, Фреду... Онъ прошелся по комнатѣ, потирая лобъ.

— Нѣтъ, серьезно, — заговорилъ онъ опять въ примирительномъ тонѣ.—Надо же намъ когда нибудь договориться: каковъ вашъ идеалъ свободы и счастья? А то мы сколько времени вокругъ да около топчемся.

— Но къ чему? Къ чему?

— Сейчасъ. Сперва маленькая аллегорія. Представьте себѣ, что вы получили посылку. Отъ кого, что?—невѣдомо, но презанятно упаковано. Развертываете бумажку за бумажкою—розовыя, голубыя, зеленыя, узорчатыя... еще и еще. Васъ разбираетъ любопытство: навѣрное, это что-то прекрасное, цѣнное. И вдругъ, оказывается, надъ вами подшутили: внутри орѣхъ, леденецъ, коробочка отъ пилюль—нестоющая дрянь...

— Словомъ,—перебила его страннымъ голосомъ Фреда...

Хмаровъ оглянулся, и ему жутко стало подъ ея упорнымъ, металлически блестѣвшимъ взглядомъ. Она подалась впередъ, выпрямилась.

— Словомъ, вовсе не аллегорія, а хорошо намъ съ вами знакомая, грубая правда... Понятно: какіе и могутъ быть у вчерашняго „чижика" и-де-алы?! Да еще собственные! Разумѣется—какая нибудь „нестоющая дрянь"...

— Чортъ знаетъ что!—вырвалось у Хмарова.—Развѣ я къ тому? Дайте же хоть договорить...

— И такъ понятно. Идеалы не грибы, чтобы выростать du jour au lendemain... Позвольте, однако, наконецъ, и глупому чижику, сунувшемуся въ вашу хваленую свободу, спросить: что дала, что даетъ ему эта свобода?! Покуда я познала лишь свободу—по 10 часовъ въ сутки торчать за прилавкомъ, простуживаться, рыться въ пыли. Взгляните на мои пальцы—я осязаніе теряю... Безъ головной боли я никогда не возвращаюсь домой... въ темнотѣ, по слякоти, съ единственнымъ желаніемъ—повалиться и заснуть, какъ камень... И все это ради нравственнаго удовлетворенія—заработывать десятокъ, другой рублей: столько-то на сахаръ, столько-то на прачку, столько-то на „высшія потребности". Тоже копѣйки... а я оголодала безъ

хорошей музыки, безъ впечатлѣній, безъ отдыха на чемъ нибудь... Я тупѣю, я задыхаюсь отъ скуки...

Она перевела духъ съ трудомъ и устало откинулась на минуту, потирая ладонью глаза...

— Жить—для того, чтобы ихъ заработывать, эти копѣйки! И какъ жить: въ канурѣ, бокъ о бокъ съ кучею неопрятныхъ ребятишекъ, въ каждую щель разитъ вонью и чадомъ... А лукулловскіе обѣды Инны Михайловны! Ей хоть подошву зажарь—она и не замѣтитъ... Что-о? — протянула она, строго сдвигая брови. Но Хмаровъ ничего не сказалъ и не успѣлъ сказать. Она заторопилась сама дальше, съ натянутымъ смѣхомъ:

— За то масса „для души"? Неправда-ли? Братское единеніе съ людьми высоко развитыми, преисполненными благороднѣйшихъ стремленій, и проистекающее отсюда самосовершенствованіе!.. Интересы общаго дѣла! Гдѣ? въ чемъ? Ужъ не въ furnitureвознѣ-ли съ просвѣтительною благотворительностью? Развѣ не та же благотворительность грошиками—всѣ эти ваши школы, ясли, столовыя, читальни?! Или въ вымучиваніи себѣ какого-то специфически-прекраснодушнаго міровоззрѣнія, почему-то обязательнаго для русской молодежи? А еще? Лепетъ часами въ кружкахъ, объ „общественномъ" и „личномъ", всѣхъ этихъ ученыхъ птенцовъ... Или дутыя славословія авгуровъ свободы вродѣ... — Она поперхнулась.—Ну да вродѣ васъ, съ вашею Инной Михайловной... J'en ai assez! J'en ai assez! *)

Фреда говорила все быстрѣе, слегка задыхаясь. Какъ сквозь частую кисею, смутно видѣла она передъ собой блѣдное лицо Хмарова, съ закушенными губами и растерянно фиксирующимъ ее взглядомъ. У него словъ не было остановить ее, а она остановиться уже не могла, хотя ни на минуту не переставала сознавать, какъ собственноручно и безсмысленно коверкаетъ и ломаетъ въ дребезги послѣднее, что уцѣлѣло у нихъ общаго. Отчаяніе и бѣшенство мутили ей мозгъ въ жару.

Потомъ... потомъ онъ вдругъ всталъ и ушелъ, пробормотавъ что-то въ родѣ: „Ну и Богъ съ вами! Живите по своему" или „Ищите своего"...

Вернуться Хмарову пришлось, впрочемъ, скоро. Опомнившись на свѣжемъ воздухѣ отъ этой дикой сцены, онъ просто за голову схватился. Какъ могъ онъ уйти, бросить ее одну въ такомъ возбужденіи, совсѣмъ больную? Онъ кинулся было назадъ; но, побоявшись на ново взволновать больную, побѣжалъ за Машею.

*) Съ меня довольно.

По дорогѣ онъ двадцать разъ взялъ съ нея слово прислать за нимъ чуть-что... Цѣлую ночь глазъ не сомкнулъ, все прислушиваясь, не стучатъ ли въ ворота, и совсѣмъ переполошился, когда рано утромъ Маша прислала за нимъ, не довѣряя старику Бурцеву, который твердилъ свое: жаба, да нервы пошаливаютъ... И хотя онъ теперь могъ самъ убѣдиться, что никакой опасности нѣтъ, но за два-три дня Фрединой болѣзни наволновался и измучился куда хуже Маши. Самъ на себя возмущался и всетаки малодушничалъ, впервые сознавая всю силу этой привязанности, все, что для него значила Фреда.

Болѣзнь ея имѣла только ту хорошую сторону, что стушевала остроту впечатлѣнія и неловкость между ними, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Нѣсколько дней спустя, оба уже осторожно подшучивали даже надъ постыднымъ бѣгствомъ Хмарова; а этотъ послѣдній съ заразительнымъ смѣхомъ отваживался передразнивать, какъ Фреда разносила „свободу" и ея „авгуровъ"...

И опять они были по прежнему „добрыми старыми знакомыми"... Только еще прибавилось между ними болѣзненныхъ точекъ, которыхъ лучше совсѣмъ не касаться—теперь уже не въ одномъ прошломъ, но и въ настоящемъ... Да у каждаго легла новою тяжестью на душѣ память объ этой сумасбродной сценѣ, оставившей горькій осадокъ, какъ ни цѣди его сквозь шутки и увѣренія, что всѣ эти нехорошія вещи только результатъ бреда.

На сочельникъ распустила, вдругъ, такая оттепель и заморосилъ такой дождь, что даже Хмаровъ ругался, шлепая въ темнотѣ по лужамъ. Дома его тоска обуяла одного въ этотъ „святой вечеръ", по привычкѣ съ дѣтства казавшійся не такимъ, какъ всѣ въ году. Бывали теперь у Хмарова припадки безсознательной сентиментальности, которые онъ, по обыкновенію своему, не вдаваясь въ анализъ, обзывалъ словомъ „нудно". Направлялся онъ собственно къ Машѣ; но та, оказалось, уѣхала на всѣ праздники къ Раисѣ, и Хмаровъ брелъ теперь, самъ не зная куда. Прибрелъ же, разумѣется, въ Ситниковскій переулокъ, гдѣ привыкъ за болѣзнь Фреды бывать по нѣскольку разъ на день. Послѣдніе дня два-три онъ, правда, опять было прибралъ себя къ рукамъ.

— Ну куда ни шло! На полъ-часа... Авось не погрыземся...

— Играетъ?—подумалъ онъ съ горечью у ея двери, откуда долетали звуки фортепьяно. Кто-то изъ знакомыхъ, уѣзжая, оставилъ Фредѣ на время свое пьянино.

Вотъ онъ уже и въ комнатѣ. И Боже мой, какимъ теп-

ломъ и ласкою охватила сразу Хмарова эта уютная Фредина комната! Не малыхъ ухищреній „съ копѣйками", немалаго озлобленія на тѣсноту и убожество этой десятирублевой „кануры" съ просиженной мебелью, стоилъ Фредѣ этотъ весьма, по ея мнѣнію, мизерный уютъ. Соорудила она изъ свѣжаго кретона чехлы и драпировку, пустила въ ходъ кое-какіе осколки бывшаго величія, украшавшаго нѣкогда ея изящное „гнѣздышко" у Юліи Всеволодовны: мягкій коверъ, скатерть въ яркихъ цвѣтахъ, повсюду со вкусомъ разставленные портреты, альбомы, красивыя бездѣлушки на легкихъ этажерочкахъ. Свѣтло отъ низкой, яркой лампы въ кружевахъ и двухъ свѣчей у нотъ. Пахнетъ, какъ отъ всѣхъ вещей Фреды, тонко, фіялкой. И сама Фреда у пьянино, въ суконной кофточкѣ съ отворотами, какъ-то особенно, по домашнему, выдѣляющей изящество ея движеній, ея фигуры... Блѣдная еще послѣ болѣзни, со спутанными на вискахъ слегка завивающимися волосами, она играетъ разсѣянно, хотя не сразу замѣтила, что кто-то вошелъ.

Она встала, хотѣла закрыть пьянино, но Хмаровъ попросилъ ее сыграть еще. Съ Раздолья онъ не слыхалъ ея музыки.

— Охотно. По крайней мѣрѣ, не станемъ ссориться,—грустно отозвалась дѣвушка его же мыслію и заиграла какой-то ноктюрнъ. Выборъ того, что она играла, тягостно начиналъ раздражать Хмарова: слишкомъ въ разрѣзъ съ его собственнымъ настроеніемъ были всѣ эти пестро-салонныя вещицы—лишь бы блеснуть бѣглостью пальцевъ. Онъ не замѣчалъ, что Фреда не выбираетъ—беретъ, что попало подъ руку.

А Хмарову все душнѣе и душнѣе отъ этой ея музыки, въ этой ея комнатѣ. Такъ и переломалъ бы всѣ эти вѣера, статуэтки, вазочки—„игрушки", олицетворяющія ему, какъ и эти пустопорожніе звуки, ея культъ пустяковъ, безъ котораго ей жизнь не въ жизнь. Крѣпко связываетъ Фреду вся эта дрянь съ петербургскимъ прошлымъ и его „поддѣльными звѣздами"; крѣпко опутываетъ и здѣсь, „на свободѣ" паутиною неуловимыхъ и вмѣстѣ упругихъ цѣпей,—цѣпей, противъ которыхъ безсиленъ онъ, со всѣми своими убѣжденіями, со всею своею силищею и дурацкою любовью къ ней... Вѣдь оттолкнула же она его въ кленахъ?! Правда, она не дотянула тогда съ Одоборовымъ... Что же изъ этого? Было, кажется, достаточно: пачкалась, унижалась—и все изъ за чего!..

Хмаровъ обѣими руками откинулъ со лба волосы и всталъ—его точно что-то душило. А сквозь отвращеніе и тоску, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, дурманила голову страсть и необъяснимая нѣжность къ этой исковерканной, несчастной и близкой ему Фредѣ.

— Ну что? Я ужъ пойду, должно быть...—проговорилъ онъ и взялъ шапку. Фреда не оглянулась на его странный голосъ; она сдѣлала только какой-то безпомощный жесть и наклонилась, какъ-бы разглядывая что-то въ нотахъ. Потомъ вдругъ повернулась къ нему... Нѣтъ, нѣтъ, никогда не найдетъ она въ себѣ рѣшимости заговорить!

— Постойте,—пробормотала она съ жалкимъ, виноватымъ лицомъ.—Я хотѣла сыграть вамъ еще одно. Импровизацію моего отца... Я хорошо помню, какъ онъ написалъ эту вещь; хотя была тогда совсѣмъ, совсѣмъ еще маленькая...

И, доставъ папку, полную пожелтѣвшихъ рукописныхъ нотъ, дѣвушка прибавила съ фальшивою ноткою смѣха, точно спохватившись,—въ оправданіе себѣ:

— Сегодня вѣдь сочельникъ... полагается un petit brin de souvenir d'enfance... *).

Она сѣла и, взявъ нѣсколько аккордовъ, опять полуобернулась къ Хмарову.

— Это фантазія... На некрасовское: „Изъ Гейне“. Знаете:

Душно, безъ счастья и воли,
Жизнь безпросвѣтно темна...
Буря бы грянула что-ли,
Чаша съ краями полна.
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!

И Хмаровъ не ушелъ. Онъ сидѣлъ, опершись лбомъ на руку, не шевельнулся, пока она играла.

Глубоко отпечатлѣлась у Фреды въ памяти сценка изъ ранняго ея дѣтства въ связи съ этой музыкой. Окошко—маленькое, въ глубокой нишѣ, какъ въ мансардахъ рисуютъ. Былъ ли еще кто въ комнатѣ? какая комната? Каковъ самъ отецъ возлѣ нея? — она не помнитъ. Но это окно отчетливо передъ нею. Оно открыто. Сумерки. На небѣ, совсѣмъ, совсѣмъ близко, кажется,—сильная гроза. Поминутно обливается заревомъ это нависшее небо и крыши безъ числа подъ окошкомъ. Тучи съ грохотомъ разламываются на куски; изъ этихъ трещинъ пышетъ огонь. Маленькой Фредѣ страшно, хочетъ убѣжать, спрятаться. Но ее твердо и нѣжно удерживаетъ за плечи рука отца, и его голосъ (всѣ интонаціи этого голоса она помнитъ, какъ сейчасъ)—говоритъ ей, что грозы бояться—глупо и стыдно. Гроза въ природѣ и въ жизни—милость и

*) Немножко воспоминаній дѣтства.

благодать Творца: она очищаетъ воздухъ отъ міазмовъ, а небесныя слезы смываютъ со всего копоть и пыль. Пыль— это самое ужасное въ жизни. Продуктъ вѣчнаго и незамѣтнаго разрушенія вокругъ насъ, она ѣстъ глаза, ѣстъ краски жизни, заслоняетъ дали... И не страшно, а величественно зрѣлище грозы. Человѣкъ теряетъ въ немъ себя, среди могущества силъ, неизмѣримо высшихъ, чѣмъ самъ онъ, жалкое ничтожество; а духъ его, хоть на мгновеніе смѣлый и свободный, понимаетъ, наконецъ, Бога... Потомъ, отецъ сѣлъ къ роялю и заигралъ. И звуки эти, величавые, какъ гроза, и тоскующіе, какъ теряющійся въ ней человѣкъ со своими ничтожными страхами и скорбями, говорили все это такъ, какъ не могъ сказать словами тихій, взволнованный голосъ, фантазировавшій на ухо пятилѣтнему ребенку...

Теперь, много лѣтъ спустя, тѣ же звуки, оживая подъ пальцами Фреды, говорили ей и Хмарову,—измаявшимся, запутавшимся въ маленькомъ „своемъ",—такое, въ чемъ смирялись всѣ вздорные порывы, терялись всѣ пустяки и условности жизни... въ чемъ они, наконецъ, находили другъ друга.

Фреда кончила, потушила свѣчи и, сжавъ руки на верхней крышкѣ пьянино, приникла къ нимъ головою.

— Фреда!

Хмаровъ чуть-чуть тронулъ ее за плечо. Она не шевельнулась, слегка только вздрагивая вся отъ бившихся въ груди безпомощныхъ рыданій. Онъ нѣжно, настойчиво расцѣпилъ ея похолодѣвшіе пальцы и, наклонившись къ дѣвушкѣ, близко заглянулъ ей въ заплаканное лицо.

У него самого глаза были полны слезъ. Безсвязно, срываясь голосомъ, шепталъ онъ ей тѣ глупыя, счастливыя слова, за которыми забывается столько твердыхъ и благоразумныхъ рѣшеній...

Теперь они сидѣли рядомъ, рука въ рукѣ. Фреда могла, наконецъ, сказать ему все: о томъ, что было послѣ него въ Раздольѣ, и о своей ошибкѣ насчетъ его и Маши, и о томъ, чего натерпѣлась она здѣсь уже съ первой ихъ встрѣчи.

— Знаешь, — сказалъ Хмаровъ, вставая: — Право, у меня точно обручъ желѣзный съ груди свалился. Какъ у вѣрнаго слуги — на радостяхъ, не помню, въ какой-то сказкѣ. Я, бывало, мальчикомъ, все старался представить себѣ: какъ это, должно быть, ужасно—грудь стянутая желѣзными обручами; и потомъ, какъ должно быть легко, когда можешь опять подышать.

Хмаровъ выпрямился и вздохнулъ.

— Теперь, не бось, знаю! Только тамъ, въ сказкѣ, ви-

дишь-ли, и второй обручъ сейчасъ же лопнулъ... А у меня еще нѣтъ...

И, низко наклонившись кудрявой головою надъ Фредиными руками, которыя онъ взялъ въ свои и потихоньку гладилъ, Хмаровъ въ свою очередь разсказалъ дѣвушкѣ правдиво про все, что еще вторымъ обручемъ жало ему грудь. Про свое распутье, колебаніе, одиночество; про тѣ тропинки въ будущее, которыя еще, Богъ вѣсть, куда его выведутъ... во всякомъ случаѣ только ужъ не къ „радостямъ и благоуханіямъ“. Про то, какъ все это удаляло его отъ „будничной Фреды-Марфы“,—опредѣлилъ онъ храбро, улыбаясь и все же чуточку труся прямо заглянуть ей въ глаза.

Напрасно! „Хрустальный взглядъ“ сіялъ сегодня смѣло и радостно. Ужъ не *она*, конечно, помѣшаетъ ему выбирать по совѣсти, не она свяжетъ его. Поскорѣе бы только свалился второй обручъ. Да лишь бы любилъ! Найдется еще и у нея за душою *теперь* кое-что, кромѣ „культа пустяковъ“ и „фальбалы“...

И опять оба уже смѣялись другъ другу въ глаза: это Фреда припомнила ему, какъ, бывало, лѣтомъ въ Раздольѣ, Хмаровъ поддразнивалъ ее словами изъ „Бѣдныхъ людей“: „Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой. А вѣдь она, маточка, тряпка, фальбала-то... Она, фальбала-то, тряпица!“

На второй день Рождества Бурцева, по обыкновенію, устраивала елку въ школѣ грамотности, которой она издавна завѣдывала. Инна Михайловна попросила и Фреду помочь убирать дерево и разложить подарки. Не какіе нибудь фуфайки да шарфы для ребятишекъ глухого предмѣстья („полезности“ принято было раздавать школьникамъ еще передъ праздниками), а настоящіе подарки: игрушки, коньки, книжки съ картинками, по желанію каждаго изъ дѣтей, спрошенныхъ заранѣе учительницами, а груды хлопушекъ, затѣйливыхъ картонажей и пряниковъ,—точно для званной елки въ богатомъ домѣ. Фреду, по правдѣ сказать, удивляла вся эта роскошь. И сколько возни, хлопотъ, сколько вниманія, вкуса затрачивается на эту школьную елку! Будто на что-то важное... Но Фреда подавляла въ себѣ эти критическія замѣчанія сегодня, добрая отъ избытка счастья, заискрившагося въ ея собственной жизни.

Чуть смерклось, изо всѣхъ окружающихъ переулковъ въ школу потянулись группы дѣтворы, принаряженной, припомаженной, но вовсе не робкой. Видно было, что школа приручила ихъ, задолго даже до поступленія въ нее, и теперь школьники навели съ собою младшихъ братишекъ и сестренокъ поглядѣть на елку. Все это обивало снѣгъ съ обуви въ сѣняхъ, весело раскутывалось и размѣщалось за столами въ

слабо освѣщенномъ классѣ, гдѣ Фреда помогала, еще нѣсколько чинясь, поить дѣтей чаемъ. Они же ни мало ее не дичились: многихъ заинтересовала стеклярусная отдѣлка ея лифа; кто похрабрѣе, покушался даже пощупать эти „чудныя висюльки“; долетали замѣчанія на ея счетъ, забавныя и лестныя... Невольно улыбаясь въ отвѣтъ, Фреда понемногу забывала брезгливость и застѣнчивость; заразительно передавалось и ей оживленіе этой дѣтской толпы, наэлектризованной радостнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ. Когда же, послѣ мгновенія нѣмого восторга, ребятишки разсыпались вокругъ огромной елки, сіявшей въ позолотѣ и разноцвѣтныхъ огняхъ, Фреда, ласковая, розовая, не подбирая уже юбокъ, съ увлеченіемъ принялась организовать хороводъ вокругъ дерева; потомъ до судорогъ въ пальцахъ барабанила одни и тѣже такты танцевъ на разбитомъ роялѣ.

При раздачѣ подарковъ вышелъ трогательный эпизодикъ. Подаркомъ для десятилѣтняго мальчика, вдругъ, оказывается кукла! Засуетились: не ошибка ли? не подвести бы мальчугана подъ насмѣшки товарищей? Но худенькій мальчикъ, съ заплатанными колѣнками, протискивается впередъ и заявляетъ, краснѣя до слезъ, что онъ и просилъ куклу... Не для себя, разумѣется,—у него дома сестренка-калѣка, которую онъ не могъ привести съ собою на елку, какъ другіе.

— Пусть ужъ ей будетъ...—говоритъ онъ покровительственно, упихивая въ свой холщевой мѣшечекъ, головою внизъ, франтиху-куклу въ локонахъ и шелку. Конечно, и для него самого у Инны Михайловны тотчасъ же нашлась пара коньковъ...

И Фреда, издали наблюдавшая сценку, не пожимала плечами на эти „сентиментальности“. Къ ней дѣти льнутъ ужъ чуть-ли не больше, чѣмъ къ другимъ учительницамъ: ее тащатъ за рукавъ показать „занятную штуку“, притаившуюся въ гущѣ хвои; ее зовутъ „разсудить“ двухъ повздорившихъ за мѣну школьниковъ; къ ней бѣгутъ съ прорваннымъ въ давкѣ мѣшкомъ, изъ котораго сыплятся гостинцы. Къ концу вечера Фредѣ знакомы десятки рожицъ въ этой веселой толпѣ.

Быстро бьется ея пульсъ, разливая по всему тѣлу жизнерадостное чувство; быстро вспархиваютъ и теряются возбужденныя мысли въ этой шумной толкотнѣ, гдѣ и она нужна, и она уже „своя“, гдѣ и ей весело, такъ весело, какъ не бывало еще ни на одномъ балу... Быть можетъ, это восторженное настроеніе подогрѣвалось въ значительной мѣрѣ присутствіемъ Хмарова, среди немногихъ постороннихъ [на елкѣ. Но вѣдь они и десяти словъ другъ другу не сказали во весь вечеръ. У нихъ уговоръ: никому покуда, кромѣ Маши, и виду не показывать; и только по возвращеніи Хмарова изъ за гра-

ницы удивить публику свадьбой. Эта конспирація тѣшитъ ихъ, какъ ребятъ. Къ сожалѣнію, физіономія Хмарова рѣшительно не годилась для заговорщика, — въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ. Даже засуетившаяся Инна Михайловна замѣтила и спросила его шутливо:

— Хмаровъ, милый человѣкъ, да что же вы это сіяете?.. Точно васъ вмѣстѣ съ самоварами и тазами къ празднику вычистили?

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

— Ну-ну! не заговаривайте зубы... И сказать бы: въ генералы отъ медицины васъ еще не произвели...

— Лучше, крестная, лучше!

— Влюбился!—Инна Михайловна всплеснула, смѣясь, своими маленькими ручками. Но ее уже тащили куда-то за чѣмъ-то. А Хмаровъ искалъ глазами граціозный дѣвичій силуэтъ въ черномъ, съ голубымъ у ворота, надъ галдящею толпою дѣтворы, въ туманѣ копоти и пыли, поднятой сотнею ногъ съ полу.

Да, веселый былъ этотъ вечеръ... и не для однихъ ребятишекъ пригорода!

XXII.

Въ концѣ января командировка Хмарова за границу была дѣломъ рѣшеннымъ, но Хмаровъ такъ „разбаловался" за мѣсяцъ, что уѣзжать одному ему очень не хотѣлось. Фреда же, на всѣ его уговариванія повѣнчаться теперь же и вмѣстѣ ѣхать за границу—только качала головой. Особенно послѣ того, какъ разъ вечеркомъ Хмаровъ поисповѣдался ей коевъ-чемъ изъ своей „были", которая, говорятъ, „молодцу не въ укоръ".

Какъ большинство чистыхъ дѣвушекъ, Фреда до сихъ поръ не останавливалась на мысли: есть ли эта „быль" и какова она у любимаго человѣка? Хотя, разумѣется, слыхивала о существованіи такой „были" вообще—и отъ свѣтскихъ пріятельницъ своихъ, и отъ самой Юліи Всеволодовны, весьма скептически относившейся къ мужской добродѣтели. Но еще разъ оказывалось, что знать *вообще* и испытать на *самой себѣ* неласковое прикосновеніе „несовершенствъ жизни"— двѣ вещи разныя... Осиливъ свое огорченіе при Хмаровѣ, котораго и безъ того уже пристыдили иные ея вопросы, ея заревомъ горѣвшее лицо и жалкій, растерянный взглядъ,— Фреда малодушнѣйшимъ образомъ долго проплакала потомъ, когда осталась одна. Налетомъ грусти и снисходительности осѣли эти слезы перваго женскаго „прощенія" на ея сіяющее счастье...

Наканунѣ отъѣзда его за границу, они опять поспорили, сумерничая передъ топившейся печкою, которая разбрасывала фантастичныя тѣни и красные отблески по Frединой комнаткѣ, давно уже покорившей всѣ предубѣжденія Виктора Даниловича. Хмаровъ горячо доказывалъ, что разлука теперь рѣшительно ни къ чему. Всѣ эти „испытанія"—просто на просто женская слабость—уснащать жизнь „борьбами" и „драмами". Слабость на подкладкѣ безсознательно-буржуазной потребности въ прочно обезпеченномъ завтрашнемъ днѣ... Фреда кипѣла, но не сдавалась. Буржуазно оно или нѣтъ,—но она не хочетъ, не хочетъ въ одинъ прекрасный день оказаться въ спискѣ его „увлеченій"... хотя бы на правахъ законной супруги. Быть можетъ, вся его любовь только оттого, что ему „нудно" пришлось... Закипитъ вокругъ жизнь, и... Нѣтъ, два—три мѣсяца разлуки будутъ прекраснымъ пробнымъ камнемъ! А что если и она сама окажется годной лишь для роли жены-бѣлоручки, блажной куколки, которую всю жизнь потомъ тащи на буксирѣ, въ числѣ прочаго домашняго скарба? Давно ли онъ считалъ ее... Марфою?

— Ну вотъ и ерунда! — перебилъ искренно Хмаровъ.— Марфа тамъ или не Марфа, теперь ужъ врозь все равно не куда! Такъ-то-съ, Фредерика Георгіевна! Было бы *тогда* человѣка не сбивать съ толку какими-то гимнами грозѣ... Сыграй что-ли еще разочекъ на дорожку...

Фреда играла. И опять эти могучіе звуки, соединившіе ихъ жизни не на однѣ радости въ будущемъ, давали имъ часокъ яркаго счастья, смягченнаго грустью надвигающейся разлуки. Потомъ долго проговорили еще вдвоемъ тутъ же, у пьянино. Ужасно рано пришла Маша...

А между тѣмъ сами же они звали ее посидѣть съ ними этотъ послѣдній вечеръ—по старому. Да и пришла Маша уже въ десятомъ часу,—провожала своихъ: Софью Глѣбовну на Рождествѣ разбилъ параличъ, и ее повезли куда-то на югъ за границу. Анатоль, впрочемъ, скоро, вернется: его оставляютъ на хозяйствѣ, вѣрнѣе — сторожить развалины, которыя онъ надѣется поддерживать системою гнилыхъ подпорокъ еще три-четыре года. Ужасно постарѣлъ, засуетили его въ конецъ; даже съ Машею не нашелъ минуты поговорить. Очень жалѣлъ, что ему не удалось побывать у Фреды...

— Не доставало, чтобы и сюда одобаровщина наползла,— съ неудовольствіемъ буркнулъ Хмаровъ.

Фреда лукаво улыбнулась. Впрочемъ, и ей самой, по правдѣ сказать, мало пріятнаго сулилъ такой визитъ.

Скоро, однако, „одобаровщину" забыли: разговорились о

планахъ ближайшаго будущаго. Фреда въ послѣдній мѣсяцъ сдѣлала большіе успѣхи по части „акклиматизаціи“: меньше дичилась, стала посѣщать воскресную школу, чтобы приглядѣться къ занятіямъ; взялась даже, на пробу, передѣлать небольшую повѣсть Додэ для народнаго изданія. А послѣ Пасхи она рѣшилась сдать экзамены, чтобы заручиться дипломомъ. Главнымъ предметомъ она выбрала языки—это куда ни шло. Но священная исторія, россійская грамматика, ариѳметика! Хмаровъ пари держалъ, что она срѣжется.

Онъ изображалъ въ лицахъ Фреду за экзаменаціоннымъ столомъ: какъ она будетъ таращить глаза на заскорузлаго семинариста, учителя русскаго языка, когда тотъ потребуетъ, чтобы она написала ему „хрію“; какъ педантъ-математикъ влѣпитъ ей нуль за то, что у нея съ февраля по май выходитъ 5 мѣсяцевъ... и т. д.

Вообще, Хмаровъ великодушно усердствовалъ, чтобы не дать барышнямъ „скукситься“... Онѣ смѣялись. Но лишь внѣшнимъ образомъ заслонялось этою болтовнею и смѣхомъ въ каждомъ изъ нихъ щемящее чувство, неопредѣленно-грустное и тоскливое. Точно этотъ вечеръ заканчивалъ и обрывалъ ихъ общую жизнь—навсегда. Съ чего-бы это? Хмаровъ вернется въ маѣ; вернется къ нимъ и Маша, до лѣта поработавъ у Раисы (Маша настояла на своемъ и уѣзжаетъ въ деревню надняхъ). А, кажется, никогда не сидѣть имъ больше *такъ* втроемъ... И отъ этого серьезно и хорошо проступаетъ во всякой мелочи этого вечера ихъ близость, согрѣвавшая имъ жизнь въ дни прогулокъ по раздольевскому парку.

Особенно сильно чувствовалось это по отношенію къ Машѣ... Въ послѣднее время Хмаровъ и Фреда, за собственными горестями и радостями, невольно удалились отъ нея, а у нея какъ разъ въ эти мѣсяцы явственно загибалась какая-то новая складка въ жизни. Маша черезчуръ горячо и ревниво отстаивала свои новые планы, чтобы за ними не чувствовалось что-то болѣе рѣшительное и стоившее ей тяжелой борьбы. Ужъ не первые ли-это шаги въ сторону съ ихъ общаго пути съ Николаемъ? Но въ чемъ? Въ Раисѣ-ни слѣда „толстовщины“, которой всегда боялся для Маши Николай. Нѣсколько мѣсяцевъ школьной практики — очень будутъ полезны Машѣ, будущей учительницѣ... А вотъ есть же что-то недоговоренное во всемъ этомъ—и не ладное!..

Теперь, какъ только разговоръ принялъ оттѣнокъ прощальной задушевности, Хмаровъ прямо спросилъ Машу обо всемъ, для нихъ неясномъ въ ея настроеніи и въ ея отношеніяхъ къ Николаю. Маша сидѣла понурившись, положивъ локти на столъ, и вертѣла въ рукахъ терракотовый бюстикъ Шевченки,

который Хмаровъ купилъ сегодня Фредѣ,—для пополненія ея коллекціи „игрушекъ“.

— Будто безъ этого нельзя?—оборвала она вдругъ Хмарова.

— Безъ чего: этого?

— Безъ счастья... Наконецъ, будто все счастье только въ томъ, чтобы... пожениться?—еле-слышно кончила она, еще ниже наклоняясь пылающимъ лицомъ къ маленькому Шевченкѣ...

Фреда и Хмаровъ тревожно и дружно протестовали, путаясь въ изобиліи аргументовъ. Какой смыслъ осложнять, коверкать двѣ жизни, отказываясь отъ счастья, на которое они имѣютъ полное право? У кого, что оно отнимаетъ? А между тѣмъ эта ломка, тоска этой разлуки существенно ослабитъ ихъ силы...

Маша молчала и смотрѣла на нихъ обоихъ задумчивыми глазами. Они такъ искренно горячились, убѣждая ее, точно отстаивали вмѣстѣ съ тѣмъ собственное право на счастье... Она отошла къ окну и стала молча глядѣть въ темноту двора, тамъ по слабо бѣлѣвшему снѣгу смутно мигали отблески уличнаго фонаря изъ-за забора. Такъ же смутно, темно и печально было и у нея самой на душѣ; слезы подступали къ горлу и давили грудь.

— Маша, Николай знаетъ объ этомъ?—спросилъ Хмаровъ.

Она, все не оборачиваясь, утвердительно кивнула головою.

— И, конечно,—что̀ онъ тамъ ни говори... вы упретесь, по сегодняшнему... У, зелье!

Хмаровъ взялъ дѣвушку за руку и привелъ ее на прежнее мѣсто, къ столу. Она была очень блѣдна, слезы, казалось, застыли въ широко раскрытыхъ глазахъ, упрямо сжатый ротъ вздрагивалъ.

— Ну можно-ли себя доводить до такого, голубушка?—усовѣщевалъ ее Хмаровъ.—Кайтесь,—вы вѣдь высиживали, вымучивали эту дикую идею полъ-года. Никого близкаго даже не спросили: какъ, молъ, полагаешь на этотъ счетъ... Наконецъ, это непослѣдовательно: то убивалась, что одна, что *онъ* никогда не полюбитъ: А теперь—на тебѣ!

— Я ему написала только, что мнѣ надо еще хорошенько обдумать... и что, можетъ быть... всетаки лучше... не надо!

— Знаемъ мы эти ваши „можетъ быть“! Но скажите, скажите же, ради Бога, на что вся эта драма? Какое вы, наконецъ, право имѣете точно умышленно опять себѣ нервы ковырять?.. Это просто не честно, поймите же!

— Не честно поступать противъ совѣсти!..—Маша выпрямилась, съ загорѣвшимся вдругъ взглядомъ.—Если же я до этого додумалась! Вѣдь кому какъ... А мы! Онъ безъ меня навѣрное больше сдѣлаетъ... Я тормазить его буду своими

вѣчными „осложненіями“. А я? тоже *такъ* смогу... хоть что нибудь... Хуже съ раскаяніемъ будетъ... на всю, на всю жизнь!

— Маша, Маша, да сколько-же я вамъ разъ доказывалъ, что вы преувеличиваете. Всѣ эти страхи ваши: за свои нервы, за Николая, за дѣтей...

Маша усмѣхнулась и взглянула ему пристально въ глаза. Въ первый разъ, за весь вечеръ, Хмаровъ отвернулся... закурить папиросу объ лампу. Вышло молчаніе; потомъ Маша заговорила, опять уже устало, разсѣянно:

— Да развѣ только это... Просто не чувствую я въ себѣ этого вашего *права* на счастье. Не чувствую—и все тутъ... Не хватитъ меня *и* на семью, *и* на работу... такъ, чтобы по настоящему работа была, а не забава одна... Будутъ одни упреки себѣ, раздвоеніе... Я ужъ знаю... Кто можетъ, умѣетъ,—другое дѣло. Пускай...

Она опять уже сжалась, ушла въ себя, почти жалѣя, что заговорила: зачѣмъ смущать ихъ, счастливыхъ (на долго-ли?), послѣ столькихъ огорченій?

— Рано и толковать объ этомъ, впрочемъ. Вѣдь мы съ Николаемъ все равно порѣшили ждать до осени, — сказала она, вставая, и взялась за свою шубу.

— Маша, куда! Нѣтъ, это просто гадко съ твоей стороны обрывать такъ разговоръ,—удерживала ее Фреда.

— Право, домой пора. Ужъ первый часъ,—вяло отозвалась она и вышла.

Хмаровъ, конечно, пошелъ проводить ее,—авось, удастся дорогою еще какое словцо ввернуть упрямицѣ. Онъ только немного замѣшкался, якобы разыскивая папиросницу.

— Оставляй этакъ вашу сестру. Ну, да вѣдь я не Николай. Посмѣй ты у меня только!—пригрозилъ онъ Фредѣ на прощанье...

Оба смѣялись, чтобы не „скукситься“.

— Да уберите-же, наконецъ, вашихъ дѣтей!—раздраженно крикнула Фреда, споткнувшись въ темныхъ сѣняхъ о ползавшаго у ея двери младенца башмачника Шумкина. На ея окрикъ изъ сосѣдской квартиры выглянула растрепанная, испитая еврейка и въ свою очередь завопила, что сѣни, молъ, общія й кому, спрашивается, чѣмъ могутъ мѣшать дѣти?

Фреда выразительно хлопнула дверью. Бросивъ на столъ перчатки и шляпу, она стала снимать жакетку, зацѣпила локтемъ полочку сзади себя—на полъ посыпалось нѣсколько вещицъ и разбилось. Между прочимъ и Хмаровскій Шевченко. Фреда посмотрѣла оторопѣло на осколки, гнѣвно дернула

плечами и бросилась въ кресло. Губы ея были закушены, ботинка постукивала по ковру.

Выпадаютъ же такіе денечки, когда все точно умышленно подтасовывается, чтобы допечь человѣка! Началось это, впрочемъ, еще со вчерашняго вечера: Фредѣ вернули ея второй опытъ пера—компиляцію для народнаго изданія. Первую ея работу единодушно расхвалили; а эта (казавшаяся ей самой гораздо удачнѣе), говорятъ, требуетъ сокращеній, передѣлки чуть не на ново... Въ сердцахъ Фреда швырнула тетрадку на подоконникъ. Подмокнетъ? Пускай! Передѣлывать она все равно не станетъ. Не угодила—жаль, но съ горя она не умретъ.

Однако, всю ночь она проворочалась въ непріятной безсонницѣ. Все это, навѣрное, личности, кружковое кумовство, борьба изъ кожи вонъ лѣзущихъ самолюбицъ. Но она не таковская, чтобы смолчать. Фреда мысленно перебирала всѣ горькія истины, которыя намѣревалась высказать этимъ непогрѣшимымъ авторитетамъ, воображающимъ, что „знаютъ народъ" и угощающимъ этотъ народъ... на копѣйку, двѣ, три поученій и дѣтскаго лепета... Все выскажетъ она „имъ"—о, разумѣется, не въ защиту синей тетрадки! Это ей теперь все равно!.. А между тѣмъ именно мысль о синей тетрадкѣ, какъ ожогъ, не давала ей заснуть...

Вдобавокъ и въ воскресной школѣ тоже вышла „исторія". Ничего въ сущности важнаго: поссорились двѣ учительницы. Но тотчасъ ужъ весь „муравейникъ" всполошился: пошли комментаріи, обсужденія, всѣ лѣзутъ въ судьи-миротворцы! „Интеллигентныхъ комеражей" хватитъ теперь по крайней мѣрѣ на недѣлю...

За нѣсколько высказанныхъ ею въ этомъ духѣ замѣчаній на нее стали коситься, и все это ее злило: а тутъ еще дома—эта сцена съ сосѣдкой, эта дурацкая неловкость... И наконецъ,—уже двѣ недѣли нѣтъ писемъ изъ за границы!..

Правда, не стоитъ ихъ и ждать: самъ Хмаровъ предупреждалъ ее, что писать не охотникъ и что письма его „солдатскія"... Можно ли однако повѣрить, чтобъ человѣкъ его развитія и образованія письма написать не умѣлъ?! Просто лѣнь азіатская, халатность, Богъ знаетъ что!

Да и вообще: любовь, счастье... что они?! какъ и все на свѣтѣ—иллюзія, игра нашихъ собственныхъ перемѣнчивыхъ настроеній! Сейчасъ—блескъ цѣннаго алмаза, кусочекъ радуги прямо съ неба, а скользнулъ лучъ мимо — еще тусклѣе и пошлѣе все кругомъ... Все, и самая жизнь.

Вотъ и она только-что вышла изъ полосы такого обманчиваго „свѣченія жизни". Все время ужъ какъ старалась, работала надъ собою. Казалось, крѣпко, на вѣкъ втянуло ее въ безкорыстный трудъ и интересы окружавшихъ ее хорошихъ

людей; казалось, просвѣчиваетъ уже и любовь къ этой работѣ, и радость отъ нея... Потомъ, вдругъ,—черный день, какъ нынче,—нитка обрывается, и, какъ бусы, раскатились всѣ эти кусочки разрозненныхъ „маленькихъ дѣлъ"... Кругомъ опять сутолока и пустая болтовня непривлекательныхъ чернорабочихъ, копающихся въ потѣ лица надъ этими „маленькими дѣлами"... и только!

А ее томитъ жажда „настоящаго", не суррогатовъ—въ родѣ этихъ жалкихъ школъ, народныхъ книжонокъ... Тоска по чему-то большому и прекрасному, способному унести душу на своихъ могучихъ крыльяхъ... Вѣдь чудилось же оно ей гдѣ-то близко, и въ энтузіазмѣ лѣтнихъ настроеній, казалось, манило впередъ... И—ничего!!. Жить, т. е. брести наугадъ сквозь безпощадныя страданья жизни, игрушкою собственныхъ эфемерныхъ настроеній... брести 60, 70 лѣтъ, чтобы потомъ сорваться dans le néant, à jamais!.. *).

Мрачныя размышленія Фреды были, наконецъ, прерваны приходомъ Шуры. Изъ всѣхъ новыхъ знакомыхъ эта свѣжая, милая дѣвушка всего больше пришлась Фредѣ по душѣ. Она такая искренняя, но и такое еще дитя! Присосалась къ своему „кусочку", и все-то у нея сводится къ дѣлишкамъ, мнѣніямъ и людямъ ея кружка самообразованія. Вотъ и сейчасъ навѣрное примется ее уговаривать искромсать брошюрку въ угоду ея Иванамъ Ивановичамъ и Иннамъ Михайловнамъ.

И опять мысль о синей тетрадкѣ непріятно засосала на сердцѣ. Тѣмъ болѣе ледянымъ тономъ срѣзала она „уговариванья" Шуры на первыхъ же словахъ:

— Я не постигаю, Шура, какъ это можно перекроить и перешить (точно испорченное платье) вещь, написанную по опредѣленному плану, имѣющую свою цѣльность. Не понравилось здѣсь,—можно попытаться издать въ Москвѣ, въ Петербургѣ. Притомъ—столько разговоровъ изъ-за трехъ-копѣечной книжки!.. Просто смѣшно, наконецъ. Оставимъ это, прошу васъ.

Тогда Шура перебросилась на школьную исторію, вся еще наэлектризованная ею сама. Она съ другою учительницею только что ходила къ Негрѣевой—уговаривали ее великодушно прекратить ссору, которая можетъ въ концѣ концовъ дурно отразиться на популярности школы. Фреда слушала съ афектированно-скучающимъ видомъ.

— Боже мой, Шура, — перебила она, наконецъ горячившуюся дѣвушку,—сколько шума изъ пустяковъ! Ну, стоитъ-

---

*) Въ небытіе, на вѣки...

ли вся эта буря въ ложкѣ воды такихъ дебатовъ, суеты, вмѣшательства двадцати лицъ?..

— Какъ же не стоитъ! Во-первыхъ, Федотова...

Фреда, морщась, взялась за високъ. — Я слышу это уже въ сотый разъ... Пощадите! А во-вторыхъ?..

— А я такъ право не понимаю, какъ можно равнодушно относиться къ подобнымъ вещамъ! Ужъ одно то: хорошо оно вышло... это ссора—передъ всѣми дѣвочками? Какой примѣръ?..

— Какъ же, какъ же! — иронически протянула Фреда. — Школьницы стеклись въ храмъ высоко-альтруистическихъ добродѣтелей и вдругъ... о ужасъ! на ихъ глазахъ двѣ учительницы побранились самымъ вульгарнымъ образомъ! Вотъ вамъ и „единеніе людей добра!“

— Послушайте, однако, Фреда!

Но Фреда слушала только себя.

— Странный вы всѣ, право, народъ: поднимаете крикъ изъ-за того, что Негрѣева поссорилась съ Ѳедотовой, и никому даже въ голову не приходитъ, что самое печальное во всей этой исторіи не то, *что* Негрѣева сказала Ѳедотовой, а Ѳедотова отвѣтила Негрѣевой... а нѣчто гораздо, гораздо болѣе серьезное... Ссорятся повсюду, гдѣ сойдутся люди. Ссорятся министры и ученые, монахи и толстовцы. Ссорятся, мирятся, опять ссорятся... C'est la vie!..

Фреда подалась впередъ, двѣ морщинки прорѣзались у нея между бровей. Слушая себя, группируя, какъ ей казалось, оригинальныя и безпристрастныя мысли, она начинала чувствовать, что сама собственно только теперь вглядывается во все это „простое“; что говоритъ она наобумъ, и не знаетъ, чѣмъ кончитъ. Ей стало неловко подъ выжидающимъ, изумленнымъ взглядомъ Шуры, и, злясь сама на себя, она говорила, взвинчивая свой самоувѣренный тонъ:

— Да, да, никто изъ васъ не видитъ или не хочетъ признаться, что у васъ все тотъ-же невоспитанный эгоизмъ, погоня за дешевыми лаврами, самая заурядная борьба мелкихъ самолюбій—точь въ точь, какъ и у прочихъ смертныхъ, душа моя...

Фреда сдѣлала энергичный жестъ рукою, будто сметая прочь всѣ эти проявленія людской мелочности, и встала. А самой становилось все болѣе не по себѣ: какой нелѣпо-театральный пріемъ—съ апломбомъ проскользнуть поверхъ необоснованныхъ обвиненій. И къ чему она это? Не проще-ли, не умнѣе ли разобраться съ тою же Шурою?

Но у Шуры во взглядѣ поблескивало теперь уже еле-сдерживаемое негодованіе.

— Скажите-же, по крайней мѣрѣ, въ чемъ вы видите эти фразы, эгоизмъ, борьбу самолюбій?.. Ни на урокахъ, ни на собраніяхъ учительницъ—я не вижу ничего, кромѣ...

— Вы-то? Еще-бы!..

— Не вижу! А если бы видѣла, не стала бы брюзжать и осуждать за глаза, а прямо поставила бы и другимъ на видъ. На вашемъ мѣстѣ...

— Нѣтъ ужъ, бла-го-да-рю!—вырвалось у Фреды.—Добровольно стать мишенью пересудовъ и поученій. Быть вынужденной потомъ „объясняться“ часами со всѣмъ синедріономъ и съ каждымъ порознь. Навлечь на себя громы и молніи тѣхъ, кто привыкъ руководить стадомъ безсловесныхъ, съ девизомъ: „Fidéle à mon maître“ *) на ошейникѣ...

— Фреда! это, наконецъ, возмутительно! Это... это...—Шура не находила словъ и рѣзко остановила двигавшуюся по комнатѣ Фреду; но та высвободила руку и съ равнодушнымъ видомъ стала поправлять скривленную этажерку.

— Я глубоко уважаю этихъ людей... и не позволю клеветать на нихъ никому!—Шура красная, не попадая въ рукава пальто, стала одѣваться; потомъ опять остановилась передъ Фредою съ башлыкомъ въ рукахъ:—Ну, какія могутъ быть у васъ доказательства, скажите?!

Фреда молчала. Ее била внутренняя дрожь; но она крѣпилась, блѣдная, съ иронически закушенными губами. Тогда Шура ушла...

Фреда глядѣла ей вслѣдъ. Какая нелѣпость! Зачѣмъ понадобилось ей раздразнить эту милую, добродушную Шуру? Въ десять минутъ разметала по вѣтру все, чего сама-же добивалась мѣсяцами съ такою ломкою для себя. Какъ вернешь, не унижаясь, всѣ гадости, которыя она наговорила сейчасъ, просто отъ злобы на собственное безсиліе, на свои сомнѣнія, отъ тоски по большему, лучшему... Точно „ихъ“ вина, что они не могутъ преподнести ей этого „большаго, лучшаго“ готовенькимъ?

— У, характерецъ!—вспомнился ей Хмаровъ. Вотъ одинъ онъ могъ бы помочь ей... Безъ него никогда ничего не выйдетъ у нея, „порченной“, изъ этой жизни по новому, съ людьми, съ которыми онъ ее свелъ. Свелъ и бросилъ! Ему и горя мало—вонъ недѣлями не пишетъ... Быть можетъ, отъ всей этой любви его и теперь одни осколки остались, какъ отъ его Шевченки на полу...

Она собрала и выкинула черепки. Если бы такъ-же можно было вытряхнуть весь мусоръ разобиженнаго самолюбія, скуки, блажи, примѣшивающійся къ ея неудовлетворенности. Все это отъ одиночества. Необходимо провѣтриться... Не съѣздить-ли къ Машѣ?.. Поспѣть на поѣздъ еще можно. Лишь бы

*) «Вѣренъ своему хозяину».

только ея Раиса не помѣшала имъ разговориться... Будетъ, пожалуй, торчать между ними весь вечеръ.

Вышло однако такъ, что именно съ приходомъ Раисы, часу въ десятомъ вернувшейся съ чтенія, разговоръ только и пошелъ вглубь. Раиса стояла у печки, отогрѣвая руки и слушая, какъ Маша убѣждала Фреду не упрямиться, синей тетрадки не забрасывать и, воспользовавшись случаемъ, высказать правду товарищамъ по работѣ. Вѣдь во многомъ Фреда, дѣйствительно, права...

Фреда съ новымъ жаромъ и все искреннѣе заговорила объ одолѣвавшихъ ее сомнѣніяхъ. Къ чему къ чему вся эта погоня за объединеніемъ на „маленькихъ дѣлахъ" людей, три четверти которыхъ разбѣгутся въ разныя стороны при первомъ случаѣ. А нестерпимо тусклая для молодости окраска, которую кладетъ на всю жизнь эта поглощающая муравьиная возня!... Поневолѣ ищешь впечатлѣній поярче, полета пошире въ иллюзіяхъ искусства или хотя бы въ мишурѣ внѣшняго блеска...

Раиса слушала и молчала... Фредѣ почудилось даже въ тѣни зеленаго абажура какое-то тревожное выраженіе на ея лицѣ... Неужели и она испытываетъ эти приливы тревоги, неужели они не чужды и этой „педанткѣ", затертой поденщиною своего маленькаго дѣла?...

Раиса подсѣла къ столу и, разсѣянно помѣшивая простывшій чай ложечкой, заговорила съ трудомъ, точно нехотя.

— Да, кому не доводилось пройти черезъ такіе дни обострившихся сомнѣній, усталости, потерянности, какъ въ пустынѣ... когда съ отчаяніемъ спрашиваешь себя: гдѣ они, тѣ „многіе", чья солидарность съ нами одна могла бы придать смыслъ и крѣпость общей работѣ?... Отзовутся ли они? Не самообманъ ли, что они есть, что ихъ много?... А ихъ должно быть много въ „муравьиной вознѣ", иначе...

— Иначе не стоитъ?... Да?...—докончила за нее Фреда вибрирующимъ отъ нетерпѣнія вопросомъ и глядя ей прямо въ глаза. Раиса улыбнулась съ грустной снисходительностью, какъ улыбаются дѣтямъ на ихъ логичные и все же наивные вопросы.

— А куда же уйдешь? Въ свое личное, еще болѣе „муравьиное"?... И потомъ... вѣдь въ самыя, можетъ быть, трудныя времена и эти наши „маленькія дѣла", цѣпляясь другъ за друга,—кристаллизуются вокругъ прогрессивной идеи грядущихъ временъ. Не все праздники жизни. Въ скучные будни остается то дѣятельное выжиданіе, о которомъ, помните, говоритъ Соломинъ. Но прежде всего нужна всетаки работа,

крупная или мелкая, но направляемая великими началами...

И опять ухо Фреды ловило въ этой твердой, отчетливой рѣчи тоскливый полу-вопросъ... Раиса отошла въ тѣнь къ печкѣ и, задумавшись, глядѣла оттуда на молодыхъ подругъ. Не минуетъ и ихъ эта горькая чаша неудовлетворенности, сомнѣній, душевнаго голода на скудной пищѣ...

Маша, перелистывавшая книжку Гюйо, которымъ очень увлекалась, прочла вслухъ: „C'est à force de vagues mobiles que la mer réussit à façonner la grève, à dessiner le lit immence, où elle se meut“ *).

— Да, Раиса?—спросила она, помолчавъ.

— И да, и нѣтъ,—отозвалась та не сразу.—У волнъ вѣдь не бываетъ этихъ дней колебаній, заминки въ тоскѣ по лучшему. А въ нихъ-то и родится, пожалуй, по атомамъ идея будущаго... Въ мукахъ, въ скорби... Родится и упорно добивается своего и надежда.. И эти сомнѣнія, и эта надежда попрозорливѣе, быть можетъ, чѣмъ... Ну, чѣмъ если бы никогда головы не поднимать отъ черной работы изо дня въ день...

Объ этомъ онѣ проговорили до свѣта. Раиса совсѣмъ отбросила „педагогику“. Порой наступали молчаливыя минуты задумчивости вокругъ стола съ неубраннымъ чаемъ и ворохомъ книгъ, ученическихъ тетрадокъ въ убогой бѣлой комнаткѣ. Молчали, точно прислушиваясь въ полной тишинѣ, къ отголоскамъ какой-то далекой надежды... Кругомъ молчала темная школа; а за ея стѣнами еще глуше молчала облачная зимняя ночь надъ сугробами, еще не тронутыми весною. И только одно обмерзлое окошко этой комнатки долго еще свѣтилось въ непроглядную деревенскую темень...

Вернувшись на слѣдующее утро домой, Фреда нашла письмо отъ Хмарова. Помаленьку, хоть и не сразу, уладились и прочія шероховатости. Работа втянула опять въ свои удачи и неудачи, волненія и усталость дня. А каждый уходившій день уносилъ съ собою и день разлуки.

XXIV.

Погожій октябрь доканчивалъ свою работу надъ Раздольевскимъ паркомъ. Онъ стоялъ уже сѣрый, прозрачный, съ обнажившимися узлами вороньихъ гнѣздъ; только по краю его выстроились тускло-зеленые итальянскіе тополи, тощіе и

*) «Силою подвижныхъ волнъ удается морю мѣнять очертанія береговъ и вылить форму гигантскаго ложа, въ которомъ оно движется».

сумрачные, какъ въ чахоткѣ. На нихъ нанизались галки; галочьи да гусиные крики съ рѣчки одни врѣзываются въ костлявый шорохъ и гулъ вѣтокъ, съ которыхъ сердитый вѣтеръ отряхиваетъ послѣдніе мертвые листья подъ хмуро-насупившимся небомъ. Густо устланы ими аллеи, которыхъ давно уже не метутъ. Старый домъ стоитъ со спущенными жалюзи, точно глаза закрылъ.

Анатолій Павловичъ и Алена Никаноровна занимаютъ въ немъ всего 4 комнаты, во дворъ. Софья Глѣбовна, на попеченіи Ларисы и Ульяны, поддерживаетъ свое существованіе гдѣ-то на югѣ Франціи. Часто требуются туда сотни рублей, такимъ мученичествомъ выжимаемыхъ Анатолемъ. Тысячи ежемѣсячно проходятъ у него сквозь пальцы, заносятся имъ въ графы приходо-расходныхъ книгъ; вся жизнь его уходитъ на манипуляціи съ этими призрачными тысячами именно теперь, когда онъ впервые позналъ горькимъ опытомъ, какъ иногда трудно дается въ руки и какъ нужна бываетъ подчасъ иная жалкая трехрублевка.

Да, мало-ли горькихъ истинъ вообще обнажилъ передъ „неисправимымъ идеалистомъ" этотъ годъ хозяйничанья на обломкахъ одобаровскихъ угодій, отъ которыхъ даже отвязаться нельзя... во всякомъ случаѣ, пока жива maman... Безъ всякихъ управляющихъ барахтается непрактичный Анатолій Павловичъ среди неурядицъ и дрязгъ этого безнадежнаго хозяйства, то скряжничая и раздражаясь на мелочахъ, то давая себя обворовывать, какъ малое дитя, теряясь въ хитроумныхъ комбинаціяхъ и незамѣтно растеривая себя самого во всемъ этомъ. Сморщившійся, обрюзгшій, постарѣвшій сразу на десять лѣтъ, уныло бродитъ онъ подъ дѣдовскими липами, додумываясь порою до кощунственной мысли... продать и ихъ на срубъ.

Но сегодня не его одинокая фигура, а два женскихъ силуэта гуляютъ по сквозному парку, утратившему рисунокъ аллей. Двѣ дорогихъ гостьи, которыхъ насилу дозвался къ себѣ Анатолій Павловичъ, заѣхали къ нему по пути на сѣверъ—Маша и Фреда. Фреда ѣдетъ къ мужу въ Москву, гдѣ Хмарову посчастливилось занять мѣсто ординатора... Ѣдетъ храбро и везетъ съ собою молодыя надежды.

Похорошѣвшая, оживленная, горячо уговариваетъ она упрямую „Марію" не откладывать надолго и свое счастье... А къ этому, кажется, клонится дѣло, даже послѣ свиданія ея надняхъ съ Николаемъ. Маша на всѣ доводы только качаетъ головою. Сейчасъ — все равно некогда. Время-ли думать о своемъ, когда черною тучею виситъ надъ половиною Россіи голодъ? А дальше что загадывать! У нихъ съ Раисою намѣчаются кое какіе планы работы. Дѣла такъ много, такъ скоро,

изнашиваются силы у такихъ, какъ она... Дня не теряя, надо работать, брать хоть количествомъ, подхватывая налету паутинки такихъ же усилій, связывая ихъ въ новые узелки...

— Ахъ, Маша, Маша!—говоритъ Фреда, у которой сердце ноетъ при мысли, какъ черезъ нѣсколько дней Маша опять съ головою окунется въ разгаръ чужого горя, рискуя сама схватить тифъ или простудиться на смерть, сама голодная, измученная...—Если бы, по крайней мѣрѣ, эти твои „дѣла“ давали удовлетвореніе. Хоть не разбивались бы въ дребезги такъ легко,—вотъ какъ ваша съ Раисою школа весной: наушничество дрянного человѣка, бумажка, не допускающая возраженія—и дѣло нѣсколькихъ лѣтъ труда, дѣло, на которое уложено столько души, лопается, какъ мыльный пузырь. Легко-ли тебѣ было? И все одной, все одной...

— Ну, чтожъ! Николай помогъ мнѣ пережить это и... не будучи моимъ мужемъ!—горячо возразила Маша.

— Но вѣдь жизнь полна такихъ неудачъ, Маша. Наконецъ, люди незамѣтно отвыкаютъ другъ отъ друга. Живое близкое оттѣсняетъ далекое... Неудовлетворенное чувство дѣлаетъ мнительнымъ, придирчивымъ, несправедливымъ, притупляетъ самую чуткость взаимнаго пониманія.

— Эхъ, Фреда, точно, живя вмѣстѣ, близкіе люди не раздражаются другъ на друга, не дѣлаются неискренними, чужими... Наконецъ, если ему станетъ трудно такъ... одному... Если онъ отвыкнетъ, захочетъ другого... вѣдь онъ свободенъ!

— Полно, Маша, это только такъ говорится! Подумай: каково было бы тебѣ тогда?

— Ну, что же? если и будетъ больно... сперва...

— Охъ, какъ больно, Маша!

— Велика важность! Точно не осилитъ разумное существо чего-то тамъ... инстинктивнаго? Развѣ измѣнило-бы это хорошую, крѣпкую связь между нами?

Маша шла, опустивъ голову и закусивъ губы, потомъ взяла Фреду подъ руку и, прижимаясь къ ней, очень душевно сказала:

— Вотъ вы такъ хорошо сдѣлали, что поженились! Виктору Даниловичу надо, чтобы возлѣ него былъ близкій человѣкъ, который, когда нужно, подтолкнулъ бы впередъ, а то и попридержалъ бы...

И обѣ невольно возвращались за эту прогулку по парку къ пережитому здѣсь въ прошломъ году. Вотъ и березовая аллея, памятная Машѣ и Николаю; но какою ощипанною глядитъ она теперь! Бѣлые, рѣдкіе стволы, путаница повисшихъ надъ ними тонкихъ, дрожащихъ прутиковъ, со щепотками нервно трепещущихъ по вѣтру желтыхъ листковъ... Машѣ стало, вдругъ, такъ грустно: жаль причудливой рѣзьбы тѣней

съ лунными просвѣтами, одѣвавшей эту аллею въ тѣ счастливые часы, и своего чего-то тихо-жаль... Точно ужъ годы прошли. Но развѣ хуже было свиданье ихъ съ Николаемъ нѣсколько дней тому назадъ? Нѣтъ, конечно, но... ей больно вспомнить, какъ сдержанъ и печаленъ вдругъ становился минутами Николай, какъ огорчали ее иныя его уговариванья: точно и онъ, никогда не кривившій душою, поддается софизмамъ жгучаго желанія. Но развѣ не полнѣе, не осмысленнѣе съ тѣхъ поръ выросла ихъ душевная близость? Развѣ не огромнымъ счастьемъ было для нихъ это свиданье? Что мудрить! Есть счастье! Другого по совѣсти быть для нихъ не можетъ... И не надо!

Маша подняла голову. Лучъ солнца скользнулъ по ея лицу до самой глубины ея печальныхъ глазъ. Всего одинъ мигъ, но Фреда поймала его, и ей невольно подумалось: „Благую часть избрала, которая не отнимется у нея". И смутное чувство робости за хрупкость собственнаго счастья, какъ тѣнь, скользнула по ней холодкомъ. Но и свѣтъ, и тѣнь мелькнули, не почудились-ли?.. Каждой свой трудъ жизни, каждой свои блестки радостей, вкрапленныя въ сѣрую массу существованія...

Имъ на встрѣчу шелъ Анатолій Павловичъ. Радъ своимъ гостямъ онъ былъ ужасно, хотя вся эта безтолковая, тягостная жизнь давно уже и окончательно подернула пепломъ и его послѣднее увлеченіе Фредой, и его привязанность къ Машѣ. Даже сейчасъ хозяйственныя заботы портили ему радость видѣть ихъ у себя: у него какъ разъ сегодня, наканунѣ самой большой ярмарки въ округѣ, разсчетъ съ рабочими за поденныя полевыя работы. Всѣ деньги роздалъ, народъ ждетъ съ утра; а конторщикъ, посланный въ городъ запродать партію пшеницы хоть за безцѣнокъ, лишь бы привезъ рублей 500,—до сихъ поръ не возвращается.

— Дядя, милый, да не волнуйся ты такъ. Пріѣдетъ твой Ѳедоръ.

— Да, пріѣдетъ, того гляди, съ пустыми руками! Хорошо говорить: не волнуйся. Посидѣли-бы въ моей шкурѣ. Я не Кольнеръ, у котораго на заводѣ люди двухъ рублей по 5 дней дожидаются... Нѣтъ, этому долготерпѣнію удивляться нужно!—восклицалъ Анатолій Павловичъ, вспыхивая при мысли,—давно-ли, десятки лѣтъ подъ рядъ, у него самого подъ носомъ Доменикъ продѣлывалъ то же самое.

Бочкомъ, не съ прежнею барскою осанкою, всходилъ Анатолій Павловичъ по широкимъ ступенькамъ подъѣзда, мимо поднявшихся ему навстрѣчу крестьянъ, ожидавшихъ разсчета.

— Вотъ скоро вернется Ѳедоръ. Я его послалъ размѣнять деньги,—говорилъ онъ, краснѣя пятнами и кусая губы. Мужики надѣли шапки и опять понуро стали разсаживаться по ступенькамъ. Въ передней, обращенной теперь въ контору, ждалъ высокій, хмурый парень; онъ подалъ барину засаленную четвертушку бумаги со штемпелемъ. Бумажка была отъ старосты сосѣдняго хутора, требовавшаго уплаты 25 рублей его обществу за возку картофеля сегодня же, не то, молъ, Ваше Благородіе, буду жаловаться земскому начальнику. Эта угроза „земскимъ" ужасно разобидѣла Одобарова. Долго не могъ онъ успокоиться.

Но обѣдъ приходилъ къ концу, а Ѳедора все нѣтъ. Анатолій Павловичъ сидѣлъ на горячихъ угольяхъ, то и дѣло озираясь въ окна на дожидавшихся разсчета крестьянъ.

— Вѣдь видятъ, какъ мы сидимъ тутъ, кушаемъ,—говорилъ онъ желчно,—а они жди, подъ дождемъ.

Фреда и Маша поражены были оскудѣніемъ, въ которомъ онъ жилъ: столъ, кое-какъ накрытый босою дѣвкою въ монистахъ (сервизы и серебро, такъ досаждавшіе, бывало, Фредѣ—проданы); два плохо-приготовленныхъ блюда, къ которымъ Алена Никаноровна прибавила, ради гостей, вазочку варенья и бутылку наливки... И Анатолій Павловичъ не брюзжитъ, не морщится; бросилъ даже недопитую маленькую чашку кофе—свое единственное баловство,—какъ только заслышалъ голосъ желаннаго Ѳедора въ конторѣ. И тотчасъ засѣлъ опять за разсчеты.

Маша прошла къ Аленѣ Никаноровнѣ, съ которою еще не успѣла поговорить. Но сильно одряхлѣвшая бабуся больше кряхтѣла да ворчала и все на маленькія бѣды ежедневности: на „ступу"-Оксану, на ревматизмъ, на оскудѣніе. Ни она, ни дядя не обмолвились съ Машею про Николая ни словомъ, а сама Маша не заговоритъ... Да и къ чему? Минуты молчанія затягивались подолгу. Маша сидѣла постарому на скамеечкѣ у ногъ бабуси, положивъ ей на колѣни голову; рука старухи съ прежней лаской гладила смуглую щечку и темныя косы; въ тишинѣ вокругъ нихъ постарому щелкалъ охрипшій маятникъ, пахло сушеными травами и мягко лили сверху блѣдный свѣтъ розовыя и голубыя лампадки у иконъ. Машу властно охватывала память дѣтскихъ лѣтъ, всего-всего пережитаго здѣсь съ Николаемъ... И кто знаетъ, не перерѣшила-ли бы въ эти минуты душевнаго затишья стойкая „Марія" свою и его судьбу?...

А Фреда тѣмъ временемъ испытывала тоже на себѣ власть воспоминаній. Тотъ-же кабинетъ: занавѣшенный портретъ Беатриче и портреты предковъ въ тѣни книжныхъ шкафовъ съ красиво-переплетенными книгами; много листовъ, исписан-

ныхъ ея рукою, хранятся въ ящикахъ дѣдовскаго бюро... Точно вотъ-вотъ раздастся въ столовой тягучее „ми-иссъ Фре-да!“ Софьи Глѣбовны; войдетъ Анатоль, станетъ пожимать ей руки, диктовать, декламировать... Съ непріятною дрожью ежила плечи молодая женщина и принималась ходить, чтобы стряхнуть эти воспоминанія.

Вбѣгалъ, дѣйствительно, Анатолій Павловичъ, но старый, озабоченный; принимался рыться среди конторскихъ книгъ, экономическихъ „журналовъ“, массы грязныхъ „свитковъ“ и счетовъ, въ безпорядкѣ наваленныхъ у него на письменномъ столѣ, вмѣсто рукописей и брошюръ добраго стараго времени; тутъ же валялись номера газетъ въ нераспечатанныхъ бандеролькахъ, да сиротливо выглядывала изъ этого пыльнаго вороха изящная бронзовая Минерва на чернильницѣ... Едва бросивъ Фредѣ на ходу два-три разсѣянныхъ слова, онъ опять уходилъ, а Фреда, поуютнѣе примостившись въ углу низкаго дивана, полу-задремывала, утомленная дорогою, подъ трескъ дровъ въ каминѣ.

И уже не осенніе сумерки въ этихъ развалинахъ мерещатся ей... а чудный майскій день. Только-что вынули зимнія рамы, и она высунулась въ окно,—не нарадуется хорошенькому палисаднику, въ которомъ съ часу на часъ лѣзетъ изъ подъ земли свѣжая-свѣжая трава; распускаются желтые и красные тюльпаны, низенькіе гіацинты; лопаются клейкія почки на черемухѣ и сирени.

Солнце мягкое, бархатное ласкаетъ лицо, плечи, грудь Фреды. И вдругъ, чья-то рука протягивается къ ней черезъ рѣшетку сквозь кусты.

— Честь имѣю кланяться, миссъ Фреда!

Передъ ней стоитъ Хмаровъ, только что вернувшійся изъ за границы; такой забавный, въ незнакомой заграничной шляпѣ и новомъ пальто. Онъ немножко смущенъ, глаза блестятъ, смѣется... Потомъ вспоминается ей прогулка вдвоемъ, за городомъ. Рѣка играетъ и сверкаетъ; густая, темнозеленая мурава устилаетъ коврами берегъ, вербы въ желтыхъ, пушистыхъ сережкахъ склоняются надъ нимъ. Какъ онѣ славно пахнутъ: пожалуй?.. не хуже липъ въ цвѣту...

— Да вы никакъ задремали, Фреда?

Анатолій Павловичъ стоитъ передъ нею и, улыбаясь, протягиваетъ ей обѣ руки. Уфъ! наконецъ-то освободился!

— Ну, теперь скорѣе, скорѣе разсказывайте все! Какъ жилось?.. Господи, какъ я вамъ радъ, какъ я вамъ радъ!

И Фреда разсказываетъ: о себѣ, о Машѣ, объ ихъ планахъ... ихъ... Разсказываетъ оживленно и охотно; возлѣ нея теперь вѣдь въ самомъ дѣлѣ „добрый, старый другъ“. Съ какимъ живымъ участіемъ разспрашиваетъ онъ, какъ тепло глядятъ

на нее знакомые, добрые глаза. Потомъ вдругъ задумается, поникнувъ сѣдою головою на руку, засмотрѣвшись въ разсыпавшійся жаръ углей. А Фредѣ, разглядывающей на огонь свои нѣжныя ручки (о красотѣ ихъ продолжаютъ заботиться, предоставляя наиболѣе портящія ихъ дѣлишки грубой половинѣ человѣческаго рода), вдругъ, Богъ вѣсть съ чего, вспоминаются подтруниванья ея мужа надъ „розовыми пальчиками феи-фантазіи"...

Къ чаю подошли Алена Никаноровна съ Машей. Говорили опять о томъ, что приходило въ голову, но никогда не бывало еще въ чопорной столовой такъ тепло и уютно людямъ вмѣстѣ. Подъ висячею лампою вокругъ стола со старинной, сборной посудою и бывшимъ „людскимъ" самоваромъ, молодыя разсказывали,—старые слушали. На много вечеровъ впредь хватитъ имъ этого матеріала для бесѣды, когда они будутъ сходиться подъ этою лампою, у этого самовара — опять уже вдвоемъ... На много долгихъ вечеровъ, когда, бросивъ газету, Анатолій Павловичъ будетъ ходить взадъ и впередъ черезъ кабинетъ, столовую, переднюю, изрѣдка останавливаясь передъ старушкою въ очкахъ и съ неизмѣннымъ чулкомъ; перекинется съ нею парою словъ, помолчитъ, вздохнетъ и опять примется шагать взадъ и впередъ черезъ три комнаты...

Никакихъ особенныхъ разговоровъ, впрочемъ, и теперь не было; только на прощаньи прошла черточка поглубже. Анатолій Павловичъ сказалъ Фредѣ:

— Вотъ, Маша обѣщаетъ писать. Но вѣдь она у насъ по этой части человѣкъ не надежный. Напишите и вы когда.

— Да, да, конечно.

— Напишите обѣ: лучше ли на свѣтѣ жить стало? Впрочемъ, вамъ, бѣдненькимъ, жизнь потруднѣе прежняго даваться будетъ. Навѣрное. Да что! Лишь бы жизнь была,—не лоскъ жизни—Богъ съ нимъ!—а смыслъ, просторъ. Побольше воздуху, свѣту...—Анатолій Павловичъ сдѣлалъ свой опредѣляющій жестъ рукою. — Живите, дѣло свое дѣлайте не по нашему... Охъ, тяжко бываетъ вдругъ увидать себя подъ старость рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ, зарывшимъ въ землю не одинъ, а всѣ десять талантовъ!...—Онъ криво усмѣхнулся и провелъ по волосамъ рукою.

— Но что же я это, однако, на васъ тоску навожу,—спохватился онъ тутъ же.—Вамъ надо бодро сказать: въ добрый часъ! Побольше счастья, побольше удачи во всемъ хорошемъ. И отъ всей души! — И, крѣпко пожавъ имъ руки, онъ хотѣлъ, казалось, еще что-то прибавить; но только махнулъ рукою и нервно сталъ ходить по кабинету.

— Дядя, скажи?—окликнула его Маша.

— Ну что тамъ! Не стоитъ. Пустяки.

— Всетаки—скажи.

— Да такъ. Я про свои бумаги было подумалъ. Не все-же тамъ хламъ, фразы...—онъ говорилъ съ виноватой усмѣшкой, какъ вспоминаютъ о слабостяхъ прошлаго. — Вкладывались же туда кое-какія знанія, мысли, кровныя, выстраданныя днями и ночами... Можетъ и пригодились бы кому? Не бросайте, не просмотрѣвши, когда я умру... вѣдь Кай смертенъ... Такъ вотъ! Обогащаю васъ обѣихъ этимъ цѣннымъ наслѣдіемъ... — кончилъ онъ, пытаясь за шуткою скрыть волненіе отъ этой, все еще въ немъ теплившейся иллюзіи,—послѣдней, быть можетъ, но тѣмъ болѣе дорогой и живучей...

Опять стоялъ Анатолій Павловичъ на нижней ступенькѣ подъѣзда, одинъ, глядя вслѣдъ отъѣхавшей коляскѣ. Долго стоялъ съ открытой головою подъ мелкимъ осеннимъ дождикомъ.

Вотъ и все, къ чему привела жизнь, полная столькихъ волненій, яркихъ радостей, поэтическихъ страданій! Что себя морочить: уѣхали *онѣ* навсегда. До него ли имъ будетъ въ той жизни труда, борьбы, новыхъ привязанностей, новыхъ интересовъ? Молодой ростокъ тянется къ свѣту, къ солнцу, къ небу. Какое ему дѣло до остатка сѣмени, догнивающаго гдѣ-то, у его корня, который онъ самъ себѣ уже выростилъ и пьетъ имъ жадно изъ земли живительные соки?

— Но вѣдь есть же, есть въ немъ капля и *моего*—моихъ думъ, моихъ надеждъ, и убѣжденій, ассимилированныхъ этимъ росткомъ изъ отжившаго сѣмени? Ими онъ росъ и крѣпъ, прежде чѣмъ далъ еще самъ корень, когда еще всякій пустякъ могъ заморить его, сдѣлать блеклымъ, дряннымъ... Вѣдь *есть?!...*—шепталъ, самъ того не замѣчая, Анатолій Павловичъ подъ мелкимъ дождикомъ, назойливымъ, какъ собственная его жизнь отнынѣ...

— Анатоль, батюшка, простудишься!—окликнула его Алена Никаноровна. Онъ провелъ рукою по лбу и волосамъ и вошелъ въ домъ. Въ конторѣ его ждалъ пріѣхавшій принимать пшеницу приказчикъ купца. Баринъ велѣлъ позвать ключника.

А коляска тѣмъ временемъ катилась все дальше. Дождь моросилъ, скатываясь по кожѣ фартука лѣнивыми, мутными струйками. Фреда и Маша молчали. И онѣ знали, что не вернутся больше сюда, хоть и подбадривали стариковъ обѣщаніями. Уѣзжая теперь свободными, безъ прежняго озлобленія на Раздолье, обѣ призадумались. Обѣимъ взгрустнулось.

— Прощай, Раздолье!—проговорила Фреда, когда крыши и тополя усадьбы стушевались за густой, сѣрой кисеей дождя

Но въ голосѣ Фреды сквозь грусть этихъ словъ звучалъ уже жизнерадостный вздохъ облегченія, какъ у человѣка, у котораго есть впереди свое молодое, свѣтлое „здравствуй"!

Маша отвела взглядъ отъ сплошной сѣрой дали, оглянулась на Фреду печальными, задумчивыми глазами. Потомъ, молча, стала смотрѣть черезъ край фартука на смѣнявшіяся вдоль дороги, сразу повеселѣвшія и погустѣвшія подъ дождемъ озими.

Т. Барвенкова.

Русская ссылка.

Ея исторія и ожидаемая реформа.

Знаменательнымъ фактомъ новой исторіи является наступательное шествіе европейскихъ народовъ на полудикихъ аборигеновъ внѣ-европейскихъ материковъ. Цѣли политическаго и экономическаго характера были стимуломъ этого движенія. Чтобы упрочить свою власть въ ново-завоеванной странѣ, необходимо было нейтрализовать враждебное настроеніе побѣжденныхъ и усилить въ ней контингентъ испытаннаго въ вѣрности населенія метрополіи. Чтобы достигнуть maximum'а доходовъ отъ новопріобрѣтенныхъ имуществъ, необходимы были дешевыя рабочія руки. Изъ этихъ стремленій государственной власти и беретъ свое начало ссылка въ новой, отличной отъ римской deportatio и relegatio формѣ, свойственной исключительно новому времени.

И государственная власть, и уголовная наука переживали болѣе или менѣе продолжительный періодъ увлеченія этой системой наказанія. Но чѣмъ продолжительнѣе былъ этотъ періодъ, тѣмъ горьше должно было быть наступившее разочарованіе, тѣмъ тягостнѣе постигшая неудача. И дѣйствительно, во всѣхъ странахъ, практиковавшихъ ссылку, государственная власть убѣдилась, въ конечномъ результатѣ, въ непроизводительности своихъ затратъ, уголовная наука—въ нераціональности этой системы исправленія „преступной воли", и голоса защитниковъ ссылки раздаются все рѣже.

Но цѣли устрашенія и исправленія преступниковъ играли второстепенную, подсобную роль. Обращеніе безлюднаго и богатаго по природѣ края въ доходную финансовую статью является главной цѣлью ссылки. Въ этихъ-то видахъ правительства, располагающія колоніями, и рѣшаютъ направлять въ новыя страны преступниковъ изъ метрополіи. Но какъ только ссыльная колонія достигаетъ болѣе или менѣе значительнаго уровня экономическаго и гражданскаго развитія, новый преступный элементъ становится тяжелымъ бременемъ для нея, создаетъ существенныя препятствія для дальнѣйшаго ея развитія, и колонія всѣми силами старается избавиться отъ этихъ опасныхъ гостей.

Такимъ именно образомъ прекратилась ссылка въ Сѣверную Америку, Тасманію, Западную Австралію, въ Новый-Южный Валисъ, которая такъ широко практиковалась Англіей.

То же происходитъ теперь и у насъ. Въ теченіе уже многихъ десятковъ лѣтъ и сибирское общество, и ученыя изслѣдованія доказываютъ весь вредъ ссылки для гражданскаго развитія Сибири, безцѣльность ея, какъ наказанія, и необходимость ея уничтоженія, и тѣмъ не менѣе Россія еще до сихъ поръ придерживается этой системы исправленія и колонизаціи, системы, никогда и нигдѣ не дававшей ожидаемыхъ результатовъ.

Только высочайшимъ повелѣніемъ 6 мая настоящаго года вопросъ о ссылкѣ поставленъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи, и надо надѣяться, что ссылка—тяжелый бичъ Сибири — будетъ, наконецъ, подвергнута существеннымъ измѣненіямъ.

Чтобы оцѣнить все общественное значеніе высочайшаго повелѣнія, необходимо прослѣдить весь тотъ пестрый рядъ явленій, которой породила ссылка, всѣ тѣ результаты, которые получены Россіей отъ упорной вѣковой колонизаціи восточной окраины въ цѣляхъ насажденія въ ней русской культуры, въ цѣляхъ заселенія и обогащенія пустыннаго края.

Съ того самаго момента, когда Ермакъ Тимоѳеевичъ „билъ челомъ" царю московскому, предлагая ему взять подъ свое мощное покровительство огромныя пространства Сибири, восхищенный Іоаннъ IV, щедро одаривъ удалого казака, обратилъ свой взоръ на зауральскую страну. Съ этого самаго момента начинается наша „цивилизующая миссія" на Востокѣ и съ ней наша колонизаціонная политика.

Московскій царь съ 1582 года направляетъ въ Сибирь всякихъ „охочихъ людей"—землевладѣльцевъ, ямщиковъ, ремесленниковъ, „воинскихъ людей" и священниковъ — въ цѣляхъ заселенія окраины. Въ 1590 году царь Ѳедоръ повелѣлъ набрать въ Сольвычегодскѣ 300 „пашенныхъ людей" и поселить ихъ въ Сибири съ женами и дѣтьми. Въ 1592 году такое-же распоряженіе было сдѣлано относительно заселенія Пелыма. Всѣхъ этихъ „пашенныхъ" и другихъ „охочихъ" людей московское правительство надѣляло пашнями и другими угодьями, выдавало земледѣльческія орудія и денежныя пособія. Это щедрое надѣленіе русскихъ эмигрантовъ царскими милостями было не только великодушнымъ вознагражденіемъ русскому крестьянству за насильственное переселеніе, но и прямой необходимостью въ интересахъ чисто государственныхъ. Дѣло въ томъ, что въ Сибири, въ моментъ ея присоединенія къ царству Московскому, туземцы совсѣмъ почти не знали земледѣльческой культуры. Свои скудныя потребности они удовлетворяли тѣми скудными природными средствами, которыми

никакъ не могъ довольствоваться совсѣмъ таки не избалованный выходецъ метрополіи, давно уже привыкшій къ сухому, но все-же хлѣбу. Это отсутствіе хлѣба создавало существенное препятствіе колонизаціонной политикѣ Московскаго царства. Сажать воинскихъ людей и священниковъ, плѣнныхъ шведовъ и литовцевъ, ящиковъ и плотниковъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ такого пищевого продукта, какъ хлѣбъ, на это не рѣшался даже самъ Іоаннъ Грозный. Доставка-же хлѣба изъ Россіи сопряжена была съ большими затрудненіями. Вотъ чѣмъ вызывалась необходимость въ тѣхъ щедрыхъ льготахъ, которыя московскіе цари предоставляли „пашеннымъ" и всякаго рода „охочимъ людямъ", которыми правительство заселяло главные сибирскіе тракты.

Этимъ насильственнымъ водвореніемъ „охочихъ людей" и ограничивается на первое время колонизаціонная политика московскихъ царей, изрѣдка расширяемая только случайной ссылкой „ослушниковъ государеву указу".

Но рядомъ съ этими насильственными переселеніями шла колонизація вольнонародная. Въ необозримыхъ пространствахъ Сибири легко было укрыться „отъ безурядницы, смуты, гнета суровой регламентаціи, непосильныхъ тягостей и злоупотребленій" *), и „гулящіе люди" наполняли Сибирь; прокладывая тропы по безлюднымъ тайгѣ и тундрѣ, они образовывали небольшія поселенія. Уже въ XVI вѣкѣ основаны были Тюмень, Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Обдорскъ и нѣсколько другихъ поселеній.

Прикрѣпленіе крестьянъ значительно стѣснило это свободное передвиженіе населенія на дальній востокъ, но остановить движенія оно не было въ силахъ. „Заставы крѣпкія" рушились подъ натискомъ голодающаго и безправнаго народа, стремившагося укрыться отъ тяжелой дѣйствительности московскаго царства. И если это „далёко" не сулило ничего хорошаго, то оно было уже однимъ тѣмъ заманчиво, что было вдали отъ зоркаго ока московскаго подъячаго и непосильныхъ тягостей крѣпостного труда.

И дѣйствительно, „брелъ" народъ! Брелъ такъ настойчиво, что уже въ 1622 году въ Сибири насчитывалось около 70.000 вольныхъ поселенцевъ на 7.400 поселенцевъ по распоряженію правительства.

Но по мѣрѣ того, какъ горсть побѣдоносныхъ казаковъ удалялась все болѣе въ глубь и на востокъ Сибири, все расширяя территорію московской короны, разочарованіе правительства въ результатахъ военной, казенной и вольнонародной колонизаціи дѣлалось все горше. Для осуществленія правительственныхъ цѣлей колонизаціи Сибири „охочихъ людей" было недостаточно, а допущеніе „самовольныхъ" переселеній слишкомъ противорѣчило

*) Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія.

уже сложившемуся къ тому времени принципу правительственной регламентаціи и нарушало интересы дворянства — опоры новой власти. Нужно было выискать иные способы колонизаціи; и правительство обращается къ ссылкѣ, какъ наказанію. Сначала направляютъ въ Сибирь только государственныхъ измѣнниковъ, а за ними и всякаго рода другихъ „лихихъ людей“. Всѣхъ ихъ сажаютъ „на пашню“, выдаютъ хлѣбъ на посѣвъ, лошадей и надѣляютъ разными льготами.

Алексѣй Михайловичъ регулируетъ и расширяетъ ссылку. Уложеніе 1649 года назначаетъ это наказаніе для всѣхъ городскихъ, посадскихъ и тяглыхъ людей за самовольную приписку къ новымъ владѣльцамъ, для разбойниковъ и „денежныхъ дѣлъ мастеровъ“. Для всѣхъ этихъ преступниковъ уложеніе, отмѣнивъ членовредительныя наказанія, назначаетъ ссылку „на пашню“ съ женами и дѣтьми.

Преемникъ Алексѣя Михайловича, царь Ѳедоръ еще болѣе расширяетъ ссылку. Указомъ 1679 года повелѣно: „всѣхъ воровъ, которые пойманы будутъ, и которымъ за ихъ воровство придется чинить казнь, а тѣмъ ворамъ рукъ и ногъ, и двухъ пальцевъ не сѣчь, а ссылать ихъ въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми на вѣчное житье“.

Царствованіе Петра Великаго внесло нѣкоторыя измѣненія въ колонизаціонную политику. Гигантскія государственныя предпріятія и сооруженія царя требуютъ огромнаго количества рабочихъ рукъ внутри государства, и Петръ рѣшаетъ утилизировать преступниковъ въ своихъ цѣляхъ. При немъ ссыльные отправляются во всѣ концы разросшагося государства для постройки крѣпостей и гаваней; ссылка-же въ цѣляхъ колонизаціи восточной окраины останавливается.

Со смертью Петра прекратилась и кипучая дѣятельность, характерная для эпохи царя-преобразователя, и съ нею-же исчезла необходимость въ раціональномъ пользованіи рабочей силой ссыльныхъ. Ссылка опять принимаетъ свою традиціонную форму и направляется на колонизацію и при томъ уже исключительно на колонизацію Сибири.

Наибольшее расширеніе ссылка получила въ царствованіе Елизаветы Петровны. Указомъ 1753 года императрица замѣнила смертную казнь и членовредительныя наказанія за обыкновенныя преступленія ссылкой въ Сибирь.

И такъ безостановочно увеличивался контингентъ ссыльныхъ въ теченіе всего XVIII вѣка.

Съ наступленіемъ новаго столѣтія выдвигается и новый типъ колонизаціи, при помощи такъ называемыхъ „казенныхъ поселеній“. Трудъ въ этихъ колоніяхъ былъ обязателенъ; малѣйшія подробности хозяйственнаго и домашняго быта поселенца были точно регламентированы. Павелъ I отпускаетъ 100.000 рублей на

устройство въ Забайкальѣ „казенныхъ поселеній“ для 10.000 человѣкъ. Но въ теченіе 5 лѣтъ удалось водворить за Байкаломъ только 610 поселенцевъ. Александръ I сначала продолжаетъ дѣло колонизаціи Сибири, сохраняя тотъ-же типъ поселеній, но совершенно безрезультатно. Въ поселеніяхъ колонисты совершали тяжкія и многочисленныя преступленія и побѣги, и всѣ жестокія кары, такъ широко практиковавшіяся мѣстными властями, ни къ чему не привели.

Съ назначеніемъ Сперанскаго въ 1819 году генералъ-губернаторомъ Сибири, все законодательство о ссыльныхъ подвергается существеннымъ измѣненіямъ. Выработанный Сперанскимъ стройный планъ упорядоченія ссылки при помощи казенныхъ заводовъ и фабрикъ оказался, однако, совершенно неосуществимымъ на практикѣ. Казенные заводы не были достаточно велики, чтобы занять всѣ рабочія руки, а сибирская администрація со своимъ крайнимъ формализмомъ и злоупотребленіями не могла ни правильно организовать работы, ни поддерживать необходимый въ средѣ ссыльныхъ авторитетъ. Банкротство этого типа колонизаціи побудило правительство Николая I-го снова возвратиться къ менѣе дорогимъ „казеннымъ поселеніямъ“, цѣлью которыхъ было „черезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ удержать преступниковъ отъ праздности и побѣговъ“. На это предпріятіе правительство ассигновало около полумилліона рублей, и въ новыхъ колоніяхъ поселили около 65.000 человѣкъ (причемъ женщинъ всего 6,5% общаго числа). Но штрафные поселенцы и на этотъ разъ оказались плохими колонистами: они побросали свои поселенія и „устремились къ бродяжеству и преступленіямъ“. Еще нѣсколько попытокъ въ этомъ-же родѣ было предпринято въ царствованіе Николая I, но всѣ онѣ потерпѣли полную неудачу.

Послѣ вѣковой практики правительство, наконецъ, пришло къ убѣжденію, что казенныя поселенія ссыльныхъ и принудительныя работы, какъ бы онѣ ни были регламентированы, не въ состояніи дать благопріятные результаты. Штрафная колонизація приносила въ Сибирь, въ большинствѣ случаевъ, наиболѣе испорченные элементы населенія, мало склоннаго къ тому тяжелому, упорному труду, какого требуетъ сибирская почва отъ пахаря. Тяжелыя лишенія въ пути, разныя невзгоды въ мѣстахъ водворенія, суровый непривычный климатъ, тяжелый и мало производительный трудъ—все это не исправляло, да и не могло исправить, а еще болѣе озлобляло колонистовъ-преступниковъ и создало изъ нихъ „тяжкій бичъ“ Сибири.

Если прибавить ко всему этому крайнюю бездѣятельность сибирской администраціи, получившей печальную извѣстность своими ужасными злоупотребленіями и истязаніями поселенцевъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему водворяемые въ Сибири постоянно покидали поселенія и предпочитали бросаться во всѣ сто-

роны, подвергаясь риску голодной смерти, подставляя свои спины подъ ружейные удары стражи; почему всѣ попытки правительства упорядочить ссылку и организовать поселенія изъ ссыльныхъ повлекли только огромныя затраты, но были почти совершенно безрезультатны въ смыслѣ колонизаціи Сибири.

Такое убѣжденіе естественно, казалось-бы, должно было повести къ уничтоженію ссылки, но правительство поступило совсѣмъ иначе. Убѣдившись, что ни „сажаніе на пашню", ни „казенныя поселенія", ни заводы не въ состояніи исправить и удержать ссыльныхъ, правительство всетаки продолжало изъ года въ годъ направлять въ Сибирь тысячную армію преступниковъ, съ той только разницей, что, вмѣсто прежнихъ поселеній и заводовъ, теперь упраздненныхъ, оно оставляло ссыльныхъ почти безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ всякаго правильно организованнаго надзора, усугубляя, такимъ образомъ, весь вредъ и опасность ссылки для сибирскаго общества.

Въ теченіе трехъ столѣтій русское правительство направляетъ въ Сибирь колонистовъ, число которыхъ изъ года въ годъ увеличивается. Будучи въ 1808 году равнымъ 2.035, число это подымается до 19.972 въ 1877, а для пятилѣтія 1883—88 среднее годовое число ссыльныхъ достигаетъ 21.300 человѣкъ. Съ 1888 года годовое число ссыльныхъ нѣсколько падаетъ, не опускаясь однако ниже 12.000.

Нѣтъ никакой возможности, даже сколько нибудь приблизительно, опредѣлить все число сосланныхъ въ Сибирь. Какъ видно по вышеприведеннымъ цифрамъ, число это должно быть очень значительно.

По приблизительнымъ вычисленіямъ Максимова *), за періодъ 1754—1864 гг. въ Сибирь выслано 900.000 человѣкъ. За періодъ 1864—1888 гг., по приблизительнымъ вычисленіямъ Ядринцева **), выслано 415.000. Принимая ежегодное число ссыльныхъ для послѣдующихъ годовъ равнымъ только 12.000, мы получаемъ для одиннадцатилѣтія 1888—1899 гг. число ссыльныхъ въ 132.000. Слѣдовательно, пренебрегши данными XVI, XVII и первой половины XVIII вв. и пользуясь только болѣе достовѣрными данными, мы получаемъ колоссальное число въ 1.450.000 ссыльныхъ за періодъ 1754—1899 гг.

Казалось бы, что вмѣстѣ съ естественнымъ ростомъ туземнаго населенія этотъ правильный приливъ ссыльныхъ долженъ былъ бы дать Сибири значительное населеніе. Между тѣмъ вся Сибирь на огромномъ пространствѣ въ 250.000 кв. геогр. миль

*) Сибирь и каторга.

**) Сибирь, какъ колонія.

насчитываетъ теперь только 5.727.090 жителей, тогда какъ одна черноземная полоса Западной Сибири могла бы пропитать болѣе 50.000.000 человѣкъ при разсчетѣ средней густоты населенія Европы *). Но цифра сибирскаго населенія почти совершенно неподвижна. Ядринцевъ не безъ основанія могъ замѣтить, что наличныя свѣдѣнія говорятъ „скорѣе о вымираніи ссыльныхъ, чѣмъ объ ихъ приростѣ". Этотъ странный фактъ обусловливается не только безпрерывными и многочисленными побѣгами, но и крайнимъ несоотвѣтствіемъ въ численности ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ.

„Безвѣстное отсутствіе" — явленіе крайне распространенное въ сибирскихъ поселеніяхъ. По оффиціальнымъ даннымъ процентъ „безвѣстно-отсутствующихъ" или бѣглыхъ въ 60-хъ годахъ достигалъ мѣстами 50 и даже 90,5% **). Статистика самаго послѣдняго времени убѣждаетъ въ томъ, что это явленіе не прекратилось. Такъ, въ Красноярскомъ округѣ изъ 20.798 ссыльныхъ въ безвѣстной отлучкѣ было въ 96 году 10.248; въ Ачинскомъ округѣ изъ 9.413 въ безвѣстной отлучкѣ 5.190; въ Канскомъ изъ 16.746 — 8.814; въ Амурскомъ изъ 506—358 ***). Ссыльные бѣгутъ не только съ континента, но даже съ острова Сахалина. Совсѣмъ на-дняхъ администрація каторги была сильно встревожена смѣлымъ побѣгомъ 100 каторжныхъ. „Бѣглыхъ изъ Сибири вѣчно ловятъ на всемъ протяженіи Россійской Имперіи", говоритъ г. Чудновскій,—и въ одномъ Петербургѣ съ 67 по 73 гг. задержано было 145 бѣглыхъ и 8.015 бродягъ ****). А сколько среди этихъ бродягъ, „непомнящихъ родства", бѣглыхъ каторжанъ и поселенцевъ! Да и теперь въ предѣлахъ Европейской Россіи не мало бѣглыхъ изъ Сибири. Они не въ такомъ большемъ количествѣ попадаютъ въ столицу, но тѣмъ дольше они могутъ пребывать въ глухихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ строгой бдительности петербургской полиціи.

Тяжелыя условія, въ которыхъ находится ссыльное населеніе Сибири, лишенное почти всякихъ денежныхъ или вещественныхъ запасовъ, враждебное отношеніе старожиловъ къ этимъ „несчастненькимъ", полная неподготовленность большинства ссыльныхъ къ какому-либо правильному труду,—все это служитъ причиной того, что большинству изъ нихъ не сидится на своихъ мѣстахъ, и въ поискахъ лучшей жизни и свободы они бредутъ по всѣмъ направленіямъ Сибири, оставляя на своемъ пути массу преступленій. Эти бродяги, по общему мнѣнію, „представляютъ

*) Чудновскій. Колонизаціонное значеніе сибирской ссылки. «Русская Мысль». 1886, X.

**) Изъ Иркутскаго солевареннаго завода бѣжало въ 1866 году 90,5% всего числа ссыльныхъ.

***) Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. 1899.

****) Чудновскій. Колонизаціонное значеніе сибирской ссылки.

самый дурной элементъ всего населенія ссыльныхъ", лишены „почти всякихъ признаковъ нравственности и способны на всякое преступленіе".

Обращаясь къ численному отношенію мужского и женскаго ссыльнаго населенія, мы замѣчаемъ крайнее несоотвѣтствіе. Въ первой четверти настоящаго столѣтія Сперанскій констатировалъ, что въ числѣ всѣхъ ссыльныхъ „и десятой части нѣтъ женщинъ". Съ тѣхъ поръ это численное отношеніе осталось почти неизмѣннымъ. По даннымъ 1867, 68, 69 и 70 гг. черезъ Тюмень проходило женщинъ $^1/_{11}$, $^1/_{10}$, $^1/_8$ и $^1/_7$ всего числа ссыльныхъ. По переписи 1897 года на 100 мужчинъ приходится женщинъ: въ Приморской области 45,5, на Сахалинѣ же и того меньше—27,8. При такомъ несоотвѣтствіи между полами, совпадающемъ съ крайней трудностью заработка, естественно, что всякая женщина обращается въ статью дохода. Причемъ различіе возрастовъ и даже степени родства теряютъ значеніе въ ссыльныхъ поселеніяхъ. И согбенная старуха, и недоразвитыя дѣвочки 12—13 лѣтъ,— все это „сожительствуетъ", употребляя терминъ самихъ поселенцевъ. „Бабы здѣсь потерянныя", говорятъ ссыльные, и многіе изъ поселенцевъ живутъ съ женщинами преимущественно съ цѣлью пользоваться доходами отъ ихъ проституціи. Извлекается доходъ не только отъ „продажи" своихъ „сожительницъ", исключенія не дѣлается ни для женъ, ни даже дѣвочекъ-дочерей. „Живется здѣсь хорошо тому, говорятъ ссыльные, у кого жена и дочь хороши: тогда и двухъ коровъ не надо" *). Широкое распространеніе проституціи не замедлило отразиться и на физическомъ здоровьи ссыльнаго населенія, сифилисъ совершенно „натурализовался въ странѣ, и есть цѣлыя деревни, имъ зараженныя, и цѣлыя поколѣнія, отъ него вымершія".

Возрасная группировка поселенцевъ также не благопріятствуетъ колонизаціи.

Въ 1894 году изъ каторжныхъ работъ поступило на поселеніе 472 человѣка ниже 40-лѣтняго возраста, и изъ нихъ 326 человѣкъ въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ; 159 человѣкъ—отъ 40 до 50 лѣтъ; 28—отъ 50 до 60; 13—отъ 60 до 70 и 2—отъ 70 до 80. Въ 1895 году поступило на поселеніе 1566 ссыльныхъ въ возрастѣ ниже 40 лѣтъ, изъ нихъ 983 отъ 30 до 40 лѣтъ; 483—отъ 40 до 50; 116—отъ 50 до 60; 18—отъ 60 до 70; 6—выше 70 лѣтъ. Слѣдовательно, изъ всѣхъ переведенныхъ изъ каторги на поселеніе было выше 40-лѣтняго возраста въ 94 году 30%, въ 95 г. 27%. Недостаточное питаніе и тяжелыя, изнурительныя работы каторжанъ, конечно, не содѣйствуютъ сохраненію ихъ здоровья, и въ 40-лѣтнемъ возрастѣ человѣкъ, отбывшій продолжительный срокъ каторжныхъ работъ, является почти старикомъ.

*) Дрилъ. 93 стр.

И вотъ этихъ-то преждевременныхъ старпковъ переселяли на новыя мѣста, требующія приложенія упорнаго и непривычнаго для ссыльныхъ труда.

Но 94 и 95 годы были исключительно счастливыми для каторжанъ: двумя всемилостивѣйшими манифестами были значительно сокращены сроки каторжныхъ работъ. Въ другіе-же годы возрастная группировка ссыльныхъ еще менѣе благопріятна для правильной и прочной колонизаціи Сибири.

Недостаточность питанія, о которой единогласно заявляютъ всѣ изслѣдователи каторги и поселенія, рядомъ съ изнурительными работами и полнымъ отсутствіемъ хотя-бы сносныхъ гигіеническихъ условій порождаютъ въ средѣ ссыльнаго населенія разныя болѣзни и огромный процентъ совершенно неспособныхъ къ трудовой жизни. „Желудочныя заболѣванія, переходящія въ хроническія формы, даютъ въ средѣ ссыльныхъ самую большую цифру заболѣваній и служатъ почвой, на которой появляются другія болѣзни". „Благодаря условіямъ питанія, говоритъ тюремный врачъ Лобасъ, эти болѣзни „непоправимое зло". Въ 1895 году на Сахалинѣ было больныхъ 13,47% мужского населенія и 7,46% женскаго. Въ 96 году на островѣ обращались за медицинскимъ пособіемъ 38.175 человѣкъ *) — это на населеніе въ 28.000! Понятно, что при такихъ условіяхъ процентъ слабосильныхъ и совершенно неспособныхъ къ труду также чрезвычайно великъ. Такъ, совершенно нетрудоспособныхъ арестантовъ на Сахалинѣ было въ 1895 году 2,69% мужчинъ и 0,84% женщинъ. Для отдѣльныхъ сахалинскихъ тюремъ это отношеніе еще болѣе неблагопріятно. По даннымъ 96 года въ Рыковской тюрьмѣ было слабосильныхъ 29%, въ Александровской на 95 арестантовъ-дроботасковъ 43% были отмѣчены слабыми **).

Понятно, что при такихъ условіяхъ и смертность въ Сибири значительно выше, чѣмъ въ Европейской Россіи. Къ сожалѣнію, нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ относительно смертности въ самомъ ссыльномъ населеніи. Но принимая во вниманіе, что сибирское населеніе пользуется бóльшимъ благосостояніемъ, сравнительно съ населеніемъ Европейской Россіи, и обратное отношеніе наблюдаемое между благосостояніемъ и смертностью, мы безошибочно можемъ заключить, что повышенная смертность въ Сибири создается исключительно огромной смертностью ссыльныхъ.

Средняя смертность на 1000 жителей выражается для:

	1892	1893	1894	1895
Европейской Россіи	38,3	31,1	32,2	32,5
Сибири	44,5	32,2	35,0	35,4

Тяжелыя условія жизни ссыльно-поселенцевъ, лишенныхъ

*) Бородовичъ. Поѣздка на Сахалинъ. «Русскія Вѣдомости», 99 г., №№ 270. 281.
**) Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи.

почти всякихъ средствъ существованія, создали изъ нихъ бездомный Lumpenproletariat, который скитается по всей необозримой Сибири, порождая въ ней нищенство, бродяжничество и массу преступленій.

Въ своихъ „Матеріалахъ для статистики Россіи“ Анучинъ констатируетъ постоянное возрастаніе преступности, по мѣрѣ удаленія отъ запада на востокъ Европейской Россіи. Въ этомъ изслѣдованіи Анучинъ дошелъ только до Уральскаго хребта, и въ прилегающихъ къ нему губерніяхъ: Пермской и Оренбургской авторъ констатируетъ maximum преступности. По его мнѣнію, это объясняется присутствіемъ въ этихъ губерніяхъ бѣглыхъ изъ Сибири. Но преступность въ самомъ центрѣ ссыльнопоселенцевъ далеко оставляетъ за собою всѣ остальныя мѣстности имперіи; и въ самой Сибири преступность ссыльнаго населенія значительно превосходитъ преступность вольныхъ поселенцевъ. Въ Забайкальской области, напримѣръ, судимость всего населенія выражается цифрой 0,08%, тогда какъ судимость ссыльныхъ 0,7%. „Въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ водворяются ссыльные, относительное число преступленій значительно выше, и самый характеръ преступности совсѣмъ иной, какъ со стороны причиненія вреда, такъ и со стороны жестокости и обдуманнаго умысла“ *). Самыя безчеловѣчныя и опасныя преступленія встрѣчаются въ Сибири чаще, чѣмъ обыкновенные виды правонарушеній.

Въ Ишимскомъ округѣ, замѣчаетъ одинъ авторъ, „нѣтъ аршина земли, который бы не былъ обагренъ человѣческой кровью“; „нѣтъ недѣли, въ теченіе которой не было бы совершено въ округѣ менѣе двухъ убійствъ; сколько-же остается ихъ необнаруженныхъ, вѣдомо одному только Богу“.

Да и на коренное сибирское населеніе ссылка имѣетъ деморализующее вліяніе. По заявленію иркутскаго тюремнаго инспектора, „показанія старожиловъ и отвѣты на циркулярные вопросы по волостямъ устанавливаютъ дурные примѣры и вліяніе ссылки на общій складъ деревенской жизни и на молодежь прежде всего“. О томъ-же свидѣтельствуютъ и другіе авторы. „Практикуемая въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ ссылка въ Сибирь, и именно въ среду мирнаго, ни въ чемъ неповиннаго, коренного населенія Сибири, въ значительной мѣрѣ подѣйствовала на него развращающимъ образомъ **)“.

Этотъ ссыльный элементъ и создалъ Сибири репутацію „страны преступниковъ“ ***), въ которой „ничто не цѣнится такъ дешево, какъ человѣческая жизнь“.

Богатый опытъ западной Европы обнаружилъ, что ссылка и,

*) Цитировано по Дрилю. Ссылка и проч.

**) Цитировано по Дрилю.

***) Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія.

вообще, насильственная колонизація—плохое средство заселенія безлюднаго края. „Родъ эмиграціи, недостигшей никакихъ результатовъ, какъ съ точки зрѣнія моральной, такъ и экономической,—это эмиграція подневольная, или ссылка. Англійскія и французскія колоніи *) ссыльныхъ совершенно не удались и могутъ служить примѣромъ ничтожности результатовъ насильственныхъ переселеній“ **). „Ссылка оказывается мало исправительною для осужденнаго, мало культивирующей Сибирь и далеко не содѣйствующею огражденію безопасности общества“ ***),—таковы заключенія всей практики ссылки, подтвержденныя также заключеніями лондонскаго и стокгольмскаго международныхъ тюремныхъ конгрессовъ ****).

Мнѣніе немногочисленныхъ защитниковъ ссылки, какъ дешевой карательной системы, краснорѣчиво опровергается цифровыми данными. Такъ, по Ядринцеву, водвореніе каждаго ссыльнаго въ Сибирь обходится правительству около 426 рублей; по Лохвицкому, вмѣстѣ съ расходами на администрацію и стражу до 800 р. Наиболѣе разсчетливый профессоръ Бѣлогрицъ-Котляревскій *****) указываетъ расходъ правительства на одну пересылку на каждаго преступника отъ 125 до 250 рублей, смотря по мѣсту водворенія. Кромѣ того, и мѣстное сибирское населеніе не свободно отъ налога за это правительственное благодѣяніе. Водвореніе каждаго ссыльнаго обходится Сибири около 300 рублей, которые расходуются кореннымъ сибирскимъ населеніемъ въ видѣ подводной и другихъ натуральныхъ или денежныхъ повинностей.

Необходимость отмѣны ссылки выступаетъ еще болѣе въ виду современнаго экономическаго подъема Сибири.

Послѣ того, какъ правительство признало переселенія крестьянъ одною изъ тѣхъ „историческихъ необходимостей“, противъ которыхъ бороться безполезно, оно выработало цѣлый рядъ правилъ, которыми регулировалось и регулируется въ настоящее время это движеніе. Согласно этимъ правиламъ, всякій „*законный*“ переселенецъ получалъ земельный надѣлъ и различныя льготы.

*) Счастливое исключеніе составляетъ Австралія, но это объясняется, по мнѣнію такого авторитетнаго судьи, какъ брюссельскій проф. Принсъ, «совершенно исключительными условіями успѣшности», которыхъ не приходится касаться въ нашей статьѣ.

**) Léon Say. Dictionnaire d'économie politique. Emigration.

***) Кистяковскій. Курсъ уголовнаго права.

****) На парижскомъ конгрессѣ, только благодаря большинству французскихъ делегатовъ, было вотировано заключеніе, которымъ ссылка признается полезной мѣрой репрессіи. Иностранные-же делегаты и меньшинство французскихъ, между прочимъ и извѣстный сенаторъ Беранже, высказались рѣшительно противъ ссылки.

*****) Очерки курса русскаго уголовнаго права.

Свободный на первое время отъ „чрезмѣрныхъ"—по выраженію Кавелина *)—податныхъ платежей, переселенецъ, при достаточномъ земельномъ надѣлѣ и при обиліи и дешевизнѣ въ Сибири скота, сравнительно скоро устраивалъ свое несложное крестьянское хозяйство, о которомъ онъ и мечтать не смѣлъ на своей родинѣ.

Но обычные толки на счетъ зажиточности сибирскаго населенія, на счетъ „житницы всего міра" оказались, судя по событіямъ послѣднихъ лѣтъ, жестокимъ преувеличеніемъ. Несомнѣнно, что благосостояніе сибирскаго старожила выше благосостоянія его русскаго собрата, но не настолько ужъ высоко оно, чтобы обезпечить сибиряка отъ голода и холода при какомъ-либо случайномъ бѣдствіи. Недородъ 1898 года ввергнулъ часть сибирскаго населенія въ такую-же нужду, какъ и нашего русскаго пахаря. „Населеніе (Енисейской губ.)—пишетъ г. Головачевъ—теперь живетъ покупнымъ хлѣбомъ, а для этого распродаетъ лошадей, рогатый и мелкій скотъ". „Нищихъ—продолжаетъ авторъ—появилось по деревнямъ чрезвычайно много. Масса лицъ хлынула въ города и другія мѣстности питаться Христовымъ именемъ. Бѣдняки, ранѣе жившіе на счетъ общественной благотворительности... теперь остались буквально безъ хлѣба" **).

Это „зажиточный" „мелкій буржуа", живущій въ самой „житницѣ", питается Христовымъ именемъ! Между тѣмъ „историческая миссія" капитализма еще не могла сказаться въ далекой восточной окраинѣ. Попытки создать широкое поприще для этой „миссіи" относятся вѣдь только къ самому послѣднему времени. Нѣтъ, въ созданіи *сибирскаго* пролетаріата повинны другія обстоятельства. Кромѣ ссылки, огромную услугу созданію этого новаго общественнаго класса въ Сибири оказала наша переселенческая политика.

Потокъ вольнонароднаго движенія съ самаго начала XVII вѣка встрѣчалъ „заставы крѣпкія"; пробившись кое-какъ черезъ эти заставы, русскій крестьянинъ приходилъ на новое мѣсто совершенно безъ всякихъ средствъ существованія и попадалъ въ кабалу къ сибиряку старожилу. Болѣе счастливымъ удавалось занять въ глухой тайгѣ „заимку" и вести кое-какъ свое хозяйство, но это были сравнительно счастливыя исключенія; большинство-же всю свою жизнь проводили „въ работникахъ" у своего-же брата—крестьянина. И такъ еще долго продолжалось это движеніе русскаго крестьянства на дальній востокъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Наконецъ, только въ началѣ настоящаго столѣтія правительство вышло изъ своей роли безучастнаго зрителя народныхъ страданій и сдѣлало первую попытку регулировать пере-

*) Крестьянскій вопросъ.
**) «Русскія Вѣдомости». 1899 г. № 17.

селенческое движеніе. Съ тѣхъ поръ переселенія совершались съ перемѣннымъ счастьемъ: то правительство широко ихъ поощряетъ, то совершенно стѣсняетъ.

Законы 1889 года и особенно 1894, которыми устанавливаются правительственныя пособія наиболѣе нуждающимся переселенцамъ, значительно повліяли на численное увеличеніе переселенческаго потока, захватившаго въ 1896 году 200.000 человѣкъ; но послѣ этого изданъ былъ извѣстный циркуляръ 20 января 1897 года, который предписывалъ ограничить переселенія „только сильными численностью работниковъ и зажиточными крестьянскими семьями". Но въ переселеніи больше всего нуждается именно бѣдное, а не зажиточное крестьянство, и, лишенные правительственнаго пособія, деревенскіе бѣдняки опять вынуждены были ломать „заставы крѣпкія" и „тайно" переселяться, наполняя новообразовавшіяся кадры сибирскаго пролетаріата. Такъ размножался новый общественный классъ на сибирской почвѣ.

Съ открытіемъ сибирскаго рельсоваго пути привлекательная сила восточной окраины значительно увеличилась въ глазахъ крестьянства Европейской Россіи. Въ сферѣ вліянія желѣзнаго пути находится площадь болѣе 1.000.000 квадратныхъ верстъ *). Въ почвенномъ и климатическомъ отношеніяхъ эта громадная площадь представляется весьма удобной для земледѣлія, обрабатывающей промышленности и торговли.

И западно-европейскіе, и русскіе капиталы проявляютъ живѣйшій интересъ ко всѣмъ симптомамъ оживленія сибирской промышленности. Едва только открытіе новаго пути (въ 1897 году) пріобщило оторванную до того времени отъ цивилизованнаго міра окраину къ міровому рынку, какъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться въ нее капиталы въ надеждѣ на большіе барыши. Въ нашихъ фабричныхъ районахъ расширяютъ производство и создаютъ новыя отрасли его въ разсчетѣ на потребленіе расширяющагося сибирскаго рынка. Горнозаводскій Уралъ, „умиравшій уже подъ давленіемъ жестокой конкурренціи южныхъ заводовъ", снова ожилъ и спѣшитъ завладѣть сибирскимъ желѣзнымъ рынкомъ. Южная свеклосахарная промышленность, уже давно проникшая на сибирскій рынокъ, теперь все болѣе расширяетъ кругъ своихъ потребителей на востокѣ. Въ самой Сибири ежедневно создаются различныя промышленныя, торговыя и кредитныя предпріятія.

Насколько недавнее открытіе великаго пути успѣло уже отразиться на экономическомъ оживленіи Сибири, можно судить по ея экспорту. При этомъ необходимо сдѣлать оговорку. Подвижной составъ Западно-Сибирской дороги оказался недостаточнымъ для провоза всѣхъ грузовъ, и много товаровъ осталось изъ-за этого по ту сторону Урала.

---

*) Сибирь и Великая сибирская желѣзная дорога.

Размѣръ сибирскаго экспорта только черезъ западную границу за первый годъ существованія желѣзной дороги представляется въ слѣдующемъ видѣ *):

Пшеница	22.448.500	пуд.
Овесъ	1.336.300	"
Прочіе зернов. хлѣба	486.000	"
Мука пшеничная	1.074.500	"
Маслян. сѣмена	275.200	"
Отруби	101.300	"
Всего хлѣба	25.721.800	пуд.

94°/₀ всего сибирскаго вывоза пшеницы было отправлено на западно-европейскіе рынки, главнымъ образомъ чрезъ Балтійскіе порты и западную сухопутную границу,—и только 6°/₀ пошло на внутренніе рынки России.

Другія статьи сибирскаго экспорта представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Продукты земледѣлія (хлѣбъ, масл. сѣм., ленъ, воскъ, медъ, яйца)	26.038.901	пуд.
Продукты скотоводства (мясо, сало, шерсть, щетина, масло, овчины, мѣха, кожи)	3.868.487	"
Чай	1.317.171	"
Рыба	329.457	"
Лѣсные товары	866.878	"
Прочіе товары	1.286.668	"
Всего	33.702.462	пуд.

Изъ всего этого количества до 25 милліоновъ пудовъ, или 74°/₀ всего вывоза, было отправлено по желѣзной дорогѣ, и только 9 милліоновъ пудовъ—водой и гужомъ.

При переводѣ всего сибирскаго экспорта на деньги, придерживаясь существовавшихъ въ 1897 году цѣнъ: для пшеницы въ Челябинскѣ—отпускномъ для Сибири пунктѣ; для продуктовъ скотоводства—цѣнъ, державшихся въ 97—98 годахъ на главныхъ сибирскихъ ярмаркахъ, цѣна всего сибирскаго вывоза выразится для продуктовъ земледѣлія приблизительно въ 15.000,000 р., для продуктовъ скотоводства приблизительно въ 22.500,000 р.

Эти, на первый взглядъ, ничтожные обороты сибирской внѣшней торговли пріобрѣтаютъ совсѣмъ другой смыслъ, если сравнить ихъ съ экспортомъ предшествующихъ лѣтъ.

*) Сибирь, какъ страна экспортная и какъ новый рынокъ. «Русскія Вѣдомости». 1899 г. №№ 18 и 26.

Вывозъ разныхъ товаровъ черезъ Владивостокъ и другіе порты Восточной Сибири *) выражается

для 1890 г.	въ	11.697.000	рублей
„ 91 „	„	14.222.000	„
„ 92 „	„	13.829.000	„
„ 93 „	„	14.522.000	„
„ 94 „	„	15.865.000	„

Сравнительно съ этими цифрами, экспортъ Сибири въ 97 г. достигшій 37 милліоновъ рублей, представляется очень значительнымъ.

Если-же вспомнить, что только ничтожная часть удобной для земледѣлія площади Сибири находится въ настоящее время подъ культурой (весь сборъ хлѣбовъ опредѣляется для 1898 года всего въ 160.000.000 пудовъ), что Сибирь очень богата скотомъ, то ясна станетъ та огромная роль, какую призвана сыграть наша обширная окраина на міровомъ сельскохозяйственномъ рынкѣ. Это поняли крупные землевладѣльцы Европейской Россіи, добившіеся, въ защиту своихъ интересовъ отъ конкурренціи дешеваго сибирскаго хлѣба, высокихъ хлѣбныхъ тарифовъ для Сибири. Но это врядъ-ли окажетъ существенную услугу русскимъ землевладѣльцамъ. Почва, только съ недавнихъ поръ тронутая культурой, „накопила по крайней мѣрѣ въ самыхъ верхнихъ слояхъ столько легко усвояемаго матеріала для питанія растеній, что долго еще продолжаетъ давать урожаи безъ удобренія, и именно даже при самой поверхностной обработкѣ“ **), такъ характеризуетъ Марксъ преимущества колоній передъ ихъ метрополіями.

То же наблюдается и въ нашей колоніи. Конкурренція ея дешеваго хлѣба на всемірномъ рынкѣ будетъ тѣмъ большей необходимостью для Сибири и тѣмъ большей неизбѣжностью для Европы, чѣмъ дольше наша окраина сохранитъ „одностороннія формы труда“, характерныя вообще для молодыхъ колоній. Эти „одностороннія формы труда“ создаютъ огромное количество избыточнаго продукта въ видѣ зерна, которое колонія вынуждена пускать на міровой рынокъ для обмѣна на недостающія издѣлія обработывающей промышленности ***). „И противъ такой конкурренціи... европейскій арендаторъ и крестьянинъ при прежнихъ размѣрахъ ренты оказывается безсильнымъ“ ****). Окажутся безсильными и высокіе хлѣбные тарифы, созданные въ угоду покровительствуемому землевладѣльческому классу Европейской Россіи.

*) До открытія желѣзной дороги (до 97 г.) вся внѣшняя торговля Сибири велась почти исключительно черезъ порты Восточной Сибири.

**) Марксъ. Капиталъ, III, 553.

***) См. Марксъ. Капиталъ, III, ст. 551—555.

****) Марксъ. Капиталъ, III, 598.

Понятно, что при настоящемъ промышленномъ развитіи Сибири, и иностранные, и русскіе капиталы съ жадностью ринулись на этотъ новый рынокъ; понятно, что и русское крестьянство съ удвоенной энергіей стремится теперь въ этотъ новый край, въ надеждѣ избавиться отъ хроническаго недоѣданія и періодическихъ голодовокъ. Между тѣмъ крестьянскія переселенія до сихъ поръ еще встрѣчаются съ существенными препятствіями, создаваемыми государствомъ *).

Экономическое оживленіе Сибири, какъ прямое слѣдствіе проведенія великаго пути, не осталось безъ вліянія и на колонизаціонную политику. Именно это торговое оживленіе ускорило давно ужъ необходимую реформу ссылки.

Въ этомъ смыслѣ формулировано высочайшее повелѣніе 6 мая настоящаго года.

Ссылка—читаемъ мы въ текстѣ этого узаконенія—„нѣкогда содѣйствовала заселенію этого обширнаго и обильнаго естественными богатствами края“ (Сибири), но теперь, „по мѣрѣ того какъ стали прибывать въ Сибирь все въ большемъ и большемъ числѣ свободные переселенцы, созидавшіе честнымъ, тяжелымъ трудомъ свое благосостояніе въ дотолѣ пустынной странѣ, дальнѣйшее направленіе туда ссыльныхъ оказалось не только безполезнымъ, но и вреднымъ для края“. „Въ настоящемъ ея видѣ, говоритъ далѣе высочайшее повелѣніе, она (ссылка) служитъ въ большей части случаевъ лишь къ развращенію, какъ самихъ сосланныхъ, такъ и мѣстнаго населенія“. „Усматривая въ ссылкѣ тяжкое бремя для Сибири и препятствіе на пути гражданскаго преуспѣянія этого края“, названное повелѣніе признаетъ необходимость „безотлагательнаго разрѣшенія вопроса объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки“ и выставляетъ, между прочимъ, слѣдующіе пункты: 1) о замѣнѣ ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями; 2) объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ; 3) объ упорядоченіи участи ссыльныхъ, находящихся въ Сибири.

Мы остановимся только на этихъ трехъ пунктахъ.

Въ основаніе цитированнаго узаконенія положены заключенія проекта новаго уголовнаго уложенія, являющагося результатомъ

---

*) А вѣдь это механическое передвиженіе населенія способствуетъ не только колонизаціи новаго края, но и огражденію метрополіи отъ преступленій. «Колоніи, говоритъ проф. Принсъ, безспорно, должны играть свою роль въ борьбѣ противъ опасныхъ классовъ. Правительствамъ, которыя къ счастью обладаютъ здоровыми колоніями, въ высшей степени выгодно регулярно отправлять туда *не неисправимыхъ злодѣевъ*, а такихъ *тружениковъ*, которые, задыхаясь въ круговоротѣ цивилизаціи, жаждутъ только немножко побольше воздуха и свободы». Преступность и репрессія, 1898, стр. 204.

многолѣтняго труда коммиссіи, собранной по высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта отъ 11 декабря 1879 года.

Проектъ уложенія предрѣшилъ уже коренное измѣненіе нашей карательной системы. Исключивъ совершенно изъ лѣстницы наказаній ссылку на водвореніе и житье, проектъ только за каторгой сохраняетъ характеръ *общаго* уголовнаго наказанія; ссылка-же на поселеніе удерживается проектомъ то въ качествѣ неизбѣжнаго дополнительнаго наказанія, слѣдующаго за отбытіемъ каторжныхъ работъ, то какъ *особенное* наказаніе за преступленія, не содержащія въ себѣ ничего безчестнаго, не являющіяся продуктомъ злой воли: за преступленія противъ вѣры, за нѣкоторые виды преступленій противъ государства и порядка управленія. Причемъ проектъ предлагаетъ устройство ссыльныхъ въ мѣстахъ поселенія мѣрами правительства.

Такимъ образомъ, проектъ почти совершенно исключаетъ ссылку, широко расточаемую дѣйствующимъ уложеніемъ, и выдвигаетъ на первый планъ различныя формы лишенія свободы—отъ ареста до каторги включительно.

Эта реформа системы наказанія, съ точки зрѣнія интересовъ Сибири, является наиболѣе раціональной.

Ссылка лицъ, осужденныхъ за преступленія, не содержащія въ себѣ ничего безнравственнаго и безчестнаго, какъ это устанавливаетъ проектъ, не только не идетъ въ разрѣзъ съ интересами Сибири, но даже содѣйствуетъ ея культурному росту. Въ сѣверо-восточной окраинѣ Сибири скопцы и раскольники были первыми пахарями. Это они впервые упорно расчищали дѣвственную тайгу, научили жителей обжигать кирпичи, класть печи и преподали полудикимъ аборигенамъ многіе пріемы болѣе культурной жизни. Такое же вліяніе имѣли въ другихъ мѣстностяхъ Сибири поляки, сосланные за мятежи 1830 и 1863 годовъ: они научили туземцевъ разнымъ ремесламъ и дали изъ своей среды многихъ изслѣдователей Сибири. Было бы поэтому весьма желательно, чтобы нынѣ собранная коммиссія высказалась по первому пункту высочайшаго повелѣнія въ смыслѣ сохраненія основныхъ положеній проекта, и чтобы она не подвергла ссылки по суду еще большей урѣзкѣ.

Что касается ссылки безъ суда, а въ порядкѣ административномъ, то высочайшее повелѣніе упоминаетъ лишь объ одной ея части, именно о ссылкѣ по приговорамъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ.

Какъ извѣстно, ссылка въ порядкѣ административномъ имѣетъ у насъ двѣ формы: 1) ссылка лицъ порочныхъ, переданныхъ въ распоряженіе правительства по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ (сюда же относится ссылка лицъ, не принятыхъ обществомъ по отбытіи ими наказанія въ арестантскихъ

ротахъ); 2) ссылка административно-политическая, т. е. ссылка лицъ, политически-неблагонадежныхъ.

Эта категорія ссыльныхъ чрезвычайно многочисленна и часто встрѣчается въ административной практикѣ Россіи. Такъ, за періодъ 1826—46 гг. изъ 79.909 ссыльныхъ болѣе половины приходится на ссылку административную; за десятилѣтіе 1867—76 гг. было выслано въ порядкѣ административномъ 78.686 человѣкъ; въ одномъ 1875 г. 65,3% всего числа ссыльныхъ пало на ссылку административную. Для настоящаго времени среднее годовое число ссыльныхъ по распоряженію администраціи опредѣляется въ 6000, (не считая слѣдующихъ за ними женъ и дѣтей—до 4,000 ежегодно) *).

Высочайшее повелѣніе касается только первой формы административной ссылки. Несомнѣнно, что полная отмѣна этой, такъ сказать, сословной ссылки является весьма желательной, какъ въ интересахъ Сибири, такъ и въ смыслѣ общественномъ: ослабленія сословнаго принципа въ сферѣ наказанія.

Что касается ссылки административно-политической, то еще 7 декабря 1895 года министру внутреннихъ дѣлъ предложено было „безотлагательно“ подвергнуть пересмотру дѣйствующія о ней постановленія, но до сихъ поръ этотъ пересмотръ не состоялся. Нынѣ собранная коммиссія имѣетъ возможность коснуться и этого вопроса и разрѣшить его въ интересахъ справедливости и государственной пользы.

Мы уже имѣли случай показать, что ссыльные этой категоріи не только не являются бременемъ для мѣстности, въ которую они ссылаются, но даже содѣйствуютъ ея культурному развитію. Политическіе ссыльные явились піонерами грамотности въ нашихъ окраинахъ и часто бывали единственными людьми, которые могли помочь населенію въ случаѣ внезапныхъ бѣдствій. Но для нихъ самихъ „ссылка служитъ наказаніемъ тѣмъ болѣе тяжкимъ, что она налагается безъ суда и влечетъ за собою разрывъ со всей привычной ихъ обстановкой“ **).

Полная отмѣна административной ссылки была бы значительнымъ шагомъ впередъ.

Что касается третьяго пункта высочайшаго повелѣнія, то о немъ и говорить не приходится. Всякая правительственная попытка въ дѣлѣ облегченія участи ссыльно-поселенцевъ, находящихся теперь въ Сибири, несомнѣнно внесетъ хоть частичное улучшеніе въ безпросвѣтную жизнь этихъ несчастныхъ отщепенцевъ. Наученное опытомъ прошлаго, правительство, вѣроятно, воздержится отъ „казенныхъ поселеній“ и примѣнитъ къ коло-

---

*) Проф. Бѣлогрицъ-Котляревскій. Очерки курса русскаго уголовнаго права.

**) «Вѣстникъ Европы». Іюнь, 1899 г. Внутреннее обозрѣніе.

низаціи поселенцевъ такія-же правила, какія оно съ недавнихъ поръ практикуетъ по отношенію къ свободнымъ переселенцамъ, сохраняя, конечно, въ извѣстныхъ, но строго опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ правительственный надзоръ. Послѣ столь многочисленныхъ неудачныхъ попытокъ правительства устроить бытъ поселенцевъ, мы останавливаемся на этой системѣ колонизаціи и считаемъ ее наиболѣе раціональной *), памятуя глубоко-правдивыя слова иниціатора лондонскаго тюремнаго конгресса доктора Wines'а: „Обращайтесь съ виновникомъ зла, какъ съ себѣ подобнымъ, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что вашъ призывъ найдетъ откликъ въ его душѣ“.

Разъ вступивъ на путь реформъ, правительство вынуждено будетъ пойти и дальше.

Отмѣна или только ограниченіе ссылки заставитъ обратиться къ инымъ формамъ репрессіи. Чѣмъ и какъ будетъ замѣнена ссылка для огромной категоріи преступниковъ, достигающей 12.000 въ годъ? Всѣ наши тюрьмы регулярно переполнены и всегда заключаютъ вдвое и втрое больше арестантовъ, сравнительно съ числомъ, на которое онѣ разсчитаны. Созданіе-же новыхъ тюремъ, достаточныхъ для новой и многочисленной категоріи арестантовъ,—даже при нашихъ бюджетныхъ остаткахъ—является сложнымъ финансовымъ вопросомъ, который можетъ быть разрѣшенъ лишь постепенно и въ теченіе долгаго времени. Всѣ эти естественные вопросы неминуемо возникнутъ сейчасъ-же по ограниченіи ссылки, и для ихъ разрѣшенія придется обратиться къ мѣропріятіямъ, выходящимъ далеко за предѣлы уголовной политики.

Современная криминологія непреложно доказала, что для правильной борьбы съ преступностью необходимо воздѣйствіе не только на частную волю преступнаго дѣятеля, но и на тѣ соціальныя условія, которыя ее порождаютъ. Требуя такого направленія борьбы съ преступленіемъ, современная наука рекомендуетъ средства широко-предупредительнаго характера: поднятіе матеріальнаго и умственнаго **) уровня массъ, раціональная си-

---

*) Вотъ что говоритъ г. Дриль въ своемъ новомъ изслѣдованіи о ссылкѣ: «Ссылка или, правильнѣе, переселеніе *можетъ успѣшно существовать, но только въ качествѣ одного изъ способовъ устройства* дальнѣйшей судьбы тѣхъ выпущенныхъ изъ долгосрочныхъ тюремъ, которые *сами пожелаютъ* воспользоваться имъ и которые, по оцѣнкѣ тюремной администраціи и по своему прошлому и настоящему, окажутся вполнѣ пригодны для правильной колонизаціи рѣдко населенной страны. Но тогда ссылка будетъ уже мѣрой раціональнаго патроната, а не наказаніемъ». (Ссылка во Франціи и Россіи. 99 г. стр. 171—172). Курсивъ вездѣ нашъ.

**) А вѣдь у насъ и въ настоящее время приходится 1 учащійся на 1,580 жителей, а въ Сибири—1 на 2.600; тогда какъ въ другихъ европейскихъ

стема общественнаго призрѣнія, защита интересовъ трудящихся классовъ, —вотъ совокупность мѣръ, способствующихъ уменьшенію преступности, мѣръ, въ сферѣ которыхъ остается еще такое широкое поле дѣятельности для русскаго общества и правительства.

Ближайшими-же мѣропріятіями, къ которымъ правительству придется обратиться, какъ только ссылка подвергнется ограниченію, являются тѣ институты, которые уже вошли въ лучшіе европейскіе кодексы: институтъ условнаго осужденія, досрочнаго освобожденія, поручительство, предостереженіе и, наконецъ, широкое развитіе патроната; все это вмѣстѣ—полная реорганизація нашей отсталой карательной системы.

Сергѣй Дижуръ.

странахъ на 100 жителей приходится: въ Швейцаріи 17,5 учащихся, въ Великобританіи 16, а въ Австраліи—когда-то штрафная колонія Англіи—даже 18 учащихся на каждые 100 жителей.

НА ПОРОГѢ ЖИЗНИ.

(Страничка изъ біографіи двухъ современницъ).

Въ исходѣ восьмидесятыхъ годовъ двѣ лучшія воспитанницы провинціальной Z-ой гимназіи, Вѣра Орлова и Ольга Тростянцева, блестяще оканчивали курсъ наукъ. Обѣ дѣвушки считались кандидатками на полученіе золотой медали. Въ гимназіи всѣ привыкли видѣть ихъ неразлучными; никто не помнилъ, чтобы онѣ когда либо поссорились. Во время уроковъ подруги неизмѣнно сидѣли рядомъ, на одной скамьѣ. Онѣ сообща завтракали на „перемѣнкахъ“ между уроками, вмѣстѣ возвращались изъ гимназіи домой и помогали другъ другу въ періоды усиленныхъ занятій передъ экзаменами. Даже, если онѣ, еще будучи дѣтьми, начинали излишне шалить, классная дама не рѣшалась разсадить ихъ по разнымъ угламъ: до такой степени вошло у нея въ привычку постоянно видѣть этихъ бойкихъ, способныхъ ученицъ одну подлѣ другой. Никто не могъ установить съ достовѣрностью, когда именно возникла и развилась заботливо-нѣжная привязанность юныхъ подругъ, но сами онѣ твердо помнили, что ихъ сближеніе началось еще въ первомъ классѣ и поводомъ къ нему послужило слѣдующее обстоятельство.

Какъ-то разъ, послѣ третьяго урока, когда первоклассницы гурьбой толпились въ прихожей, разыскивая свои шубки и калоши, гимназическій сторожъ Григорій зычнымъ голосомъ протрубилъ:

— Здѣсь спрашиваютъ воспитанницу Орло-о-о-ву! Гдѣ воспитанница Орло-о-о-ва?

Коричневыя платьица заволновались и засуетились.

— Орлова? Гдѣ Орлова?—пронеслось въ жужжащей толпѣ.

Маленькая, худощавая дѣвочка, съ пепельными локонами и личикомъ херувима, робко выступила впередъ.

— Это я!—сказала она звонкимъ, дѣтскимъ дискантомъ, слегка сконфуженная и замѣтно испуганная, съ недоумѣніемъ глядя на сторожа Григорія огромными синими глазами.

— Орлова! Тамъ за тобой пришелъ какой-то мужикъ! Онъ

стоитъ на лѣстницѣ: такой смѣшной хохолъ! Въ оборванной свиткѣ! Совсѣмъ, какъ нищій!—обстоятельно доложила разбитная офицерская дочь, Пѣтухова.

Орлова испугалась и сконфузилась еще больше. Она хотѣла бѣжать по указанному направленію, но смѣшной мужикъ уже показался въ дверяхъ.

— Прошка! Прохоръ!—закричала охваченная непонятнымъ страхомъ Орлова, мгновенно забывая все окружающее. Передъ нею стоялъ крестьянинъ Прохоръ, единственный работникъ и кучеръ, служившій у ея отца. Повидимому, Прошку экстренно зачѣмъ-то прислали изъ дому, изъ хутора Орловки.

Тревожно и внимательно смотрѣла дѣвочка на нежданнаго посланца. Тараканьи усы сорокалѣтняго „Прошки“ были растрепаны, и его полинялые глаза какъ-то странно бѣгали по сторонамъ, съ выраженіемъ жалобной растерянности, печальнаго недоумѣнія и огорченія.

— Прошка!—повторила еще разъ Орлова:—зачѣмъ ты пріѣхалъ?

Прошка рѣшительно почесалъ голову:

— Та вотъ видите, барышня, что я уже не знаю, якъ ёго и тее...

Сбиваясь на каждомъ словѣ, неясно и запутанно, Прохоръ пояснилъ, что онъ явился за барышней: нужно поскорѣй ѣхать домой, такъ какъ завтра „похоронъ“. Дома у барыни родилась еще одна дочка, а потомъ „мамашу захватила якаясь хороба (болѣзнь)“. Прошка „загналъ пару коней“, свозя къ больной всѣхъ ближайшихъ докторовъ, но барынѣ никто не сумѣлъ помочь. Онъ перекрестился и закончилъ свой разсказъ словами:

— Такъ мамаша ваши и умерли, царство имъ небесное, нехай земля легко ложится! Баринъ дали мнѣ мѣрку, я уже и трумну (гробъ) купилъ и все, что нужно... Вотъ заѣхалъ за вами, надо спѣшить, потому завтра похоронъ...—Прошка вытеръ рукавомъ глаза. Орлова только въ эту минуту поняла, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Мама моя! Мама!—вдругъ вскрикнула она отчаяннымъ голосомъ... На крикъ сбѣжались классныя дамы, пришла начальница гимназіи и кое-кто изъ преподавателей, но всѣ усилія остановить Орлову не увѣнчались успѣхомъ. Накричавшись, она впала въ полуобморочное состояніе; тогда ее удалось одѣть и сдать на руки тоже плачущему Прошкѣ.

Заинтересованныя и растроганныя этой сценой ученицы не хотѣли уходить по домамъ. Онѣ столпились у гимназическаго подъѣзда и съ жуткимъ любопытствомъ осматривали присланный за Орловой старинный тарантасъ. Прошка попросилъ городового покараулить лошадей и покупки, пока онъ

пойдетъ за барышней въ гимназію. Городовой—добродушный старикъ изъ николаевскихъ солдатъ—согласился оказать незнакомому мужику эту услугу; онъ охранялъ тарантасъ, набитый сѣномъ и разными свертками изъ магазиновъ. Главная покупка Прошки—довольно большой, темно-коричневый гробъ—былъ основательно уставленъ и привязанъ въ передней части экипажа.

Выйдя на улицу, Орлова увидѣла гробъ и опять принялась плакать. Въ этотъ моментъ къ осиротѣвшей дѣвочкѣ подошла нелюдимая, угрюмая и не по дѣтски серьезная Ольга Тростянцева.

Это была краснощекая „первоклассница" съ широкой костью, большимъ ртомъ и длинными красноватыми руками. Въ гимназіи Тростянцеву называли „богачкой", такъ какъ въ будущемъ она являлась единственной наслѣдницей милліоннаго состоянія, принадлежащаго ея отцу, Саввѣ Лукичу Тростянцеву. Матери своей Ольга не помнила. Савва Тростянцевъ происходилъ изъ бѣдной крестьянской семьи и сдѣлался милліонеромъ, благодаря слѣпой удачѣ во всѣхъ дѣлахъ и несокрушимой энергіи. Онъ владѣлъ обширными каменоломнями, скупалъ окрестныя имѣнія у прогорающихъ помѣщиковъ. Обыкновенно Савва Лукичъ жилъ вблизи каменоломенъ, въ пріобрѣтенной имъ барской усадьбѣ, Монплезиръ, а въ г. Z. у него былъ большой, мрачный домъ, переполненный жесткими пузатыми диванами, такими же креслами и шкафами. Савва Лукичъ получилъ этотъ домъ со всей его старинной обстановкой взамѣнъ уплаты долга отъ одного неисправнаго должника.

Здѣсь-то и поселилась Ольга Тростянцева, когда ей пришла пора поступать въ гимназію. Вмѣстѣ съ дѣвочкой переѣхала въ городъ и тетка ея, Алена Лукинична, женщина слезливая и забитая, съ крестьянскимъ говоромъ, съ манерами деревенской бабы. Савва Лукичъ называлъ Ольгу своей „царевной" и не жалѣлъ денегъ, лишь бы предоставить дочкѣ полныя удобства. Каждый день Олю привозила въ гимназію пара откормленныхъ лошадей, впряженныхъ въ крытый фаэтончикъ.

Въ этотъ часъ фаэтонъ опять стоялъ у гимназическаго подъѣзда, и кучеръ Тимофей терпѣливо поджидалъ выхода маленькой хозяйки. Потомъ онъ лихо щелкалъ кнутомъ и пускалъ во всю прыть лошадей, обрызгивая грязью гимназистокъ, неосторожно перебѣгающихъ улицу. Оля Тростянцева являлась въ гимназію въ дорогомъ „салопчикѣ" на лисьемъ мѣху, покрытомъ толстой, словно бычачья кожа, шелковой матеріей, усѣянной крупными, выпуклыми розами. Она носила свои учебники въ огромномъ саквояжѣ изъ ковровой ткани

съ изображеніемъ фантастической райской птицы. Шустрыя гимназистки смѣялись надъ этимъ сакомъ, называя его „чемоданомъ". Тростянцева замѣтно выдѣлялась изъ среды остальныхъ сверстницъ. Инстинктивно сознавая такую рѣзкую разницу, она была крайне необщительна. Всѣ находили ее неловкой и смѣшной, „настоящей деревенщиной", „совсѣмъ мужичкой". Гимназистки подтрунивали надъ нею, но въ то же время боялись ея: при случаѣ она проявляла насмѣшливое остроуміе и умѣла „срѣзать" кого угодно на своемъ грубоватомъ, полународномъ жаргонѣ.

Все время, пока въ гимназической прихожей кричала и плакала Орлова и пока ее приводили въ чувство, Тростянцева стояла въ сторонѣ, болѣзненно сдвинувъ широкія, черныя, какъ смоль, брови, судорожно сжимая въ рукахъ свой „чемоданъ" съ книгами. Когда Орлову вывели на улицу, вышла вслѣдъ за нею и Тростянцева. Завидѣвъ хозяйку, Тимофей подкатилъ къ подъѣзду, но Ольга не обратила на него никакого вниманія. Она сосредоточенно осмотрѣла тарантасъ съ увязаннымъ коричневымъ гробомъ; затѣмъ, немного о чемъ-то подумавъ, подошла къ Орловой.

— Слушай, ты! Орлова! какъ тебя... Вѣра, что ли? не плачь! Перестань плакать! Я подарю тебѣ хорошую картинку: голубую, съ ангеломъ... Не плачь!

Услышавъ слово сочувствія, Орлова зарыдала громче прежняго и, обращаясь къ гробу, стала звать: „мама моя! мама!"

— Да полно тебѣ!—заговорила Ольга:—у меня тоже умерла мама, уже давно умерла, а я не плачу... Тетенька говорила, что мамаша на небѣ, и ей тамъ лучше... И твоей мамѣ теперь лучше, чѣмъ на землѣ. Можетъ, она уже долетѣла до неба, и ей сейчасъ больно, что ты такъ убиваешься... Не хорошо такъ! Оставь!

Вѣра Орлова, пріумолкнувъ, взглянула вверхъ, какъ бы надѣясь увидѣть еще недолетѣвшую къ небу мать. Между тѣмъ Прошка настойчиво упрашивалъ Вѣру садиться въ тарантасъ. Онъ развернулъ „панскую енотовую шубу", чтобы потеплѣй закутать барышню. Шуба, крытая сукномъ бутылочнаго цвѣта, сильно вылиняла и поблѣднѣла отъ времени, мѣхъ на ней пожелтѣлъ и мѣстами повылѣзъ.

— Садитесь, барышня, а то къ вечеру не доѣдемъ домой... Тамъ уже вѣрно духовенство собралось, панихиду будутъ служить, а васъ нѣту.

Вѣра хотѣла взобраться на подножку тарантаса. Тростянцева испуганно остановила ее:

— Постой! Какъ же ты поѣдешь? Съ гробомъ? Это не годится! Подожди, садись со мной: я повезу тебя, куда нужно... Поѣдемъ вмѣстѣ!

Прошка попытался, было, разъяснить Ольгѣ, что ѣхать придется далеко: тридцать верстъ отъ города. Это будетъ неудобно для барышни, и дорога теперь плохая: трясетъ очень. Но Тростянцева властно взглянула на Прошку: въ домѣ отца она привыкла, чтобы прислуга повиновалась безпрекословно.

— Не твое дѣло! Ты здѣсь не распоряжайся, когда у тебя не спрашиваютъ!—обрѣзала она Прошку и усадила Вѣру въ свой фаэтонъ. Дальше она велѣла Тимофею узнать подробно, какой дорогой лучше ѣхать, и громко скомандовала:

— Ты, Тимофей, заверни на минутку домой: я скажу теренькѣ, что уѣзжаю!

Дома Ольга спрятала въ свой саквояжъ книжки Вѣры. Она заставила Вѣру выпить вина и перекусить. Алена Лукинична, узнавъ о случившемся, уговаривала Олю не ѣздить въ деревню, а предоставить Вѣрѣ одинъ экипажъ—безъ сочувствія, но своенравная дѣвочка упрямо заявила: „Тетенька! не мѣшайте вы мнѣ! Я такъ хочу!"

Ольга и Вѣра опять очутились въ фаэтонѣ. Ихъ съ ногъ до головы укутали ватными одѣялами, платками, какими-то полостями и коврами.

— Трогай, Тимофей!—скомандовала Оля:—а вы, тетенька, не бойтесь за меня... Видите, какая она бѣдная: нельзя же ее одну оставить!

Растерявшаяся Вѣра плохо сознавала, что вокругъ нея происходитъ. Она все время молчала и недоумѣвающе смотрѣла по сторонамъ заплаканными синими глазами.

Стоялъ ноябрь, морозный и вѣтряный. Одноцвѣтное сѣровато-бѣлое небо уныло раскинулось надъ землей. Снѣга еще не было, и пыль летѣла изъ подъ колесъ. Сейчасъ же за чертой города фаэтончикъ купца Тростянцева обогналъ Прошку, одиноко трусившаго въ панскомъ тарантасѣ. Среди пустыннаго осенняго поля печальная поклажа тарантаса наводила ужасъ. На придорожномъ болотцѣ шумѣлъ сухой невырѣзанный камышъ и въ этомъ свистящемъ шумѣ слышалось что-то рыдающее и жалобное, точно похоронное. Прошка промерзъ въ старой, подбитой вѣтромъ свиткѣ, но онъ не рѣшался накинуть на себя баринову енотовую шубу. Бережно сложивъ эту шубу, онъ водворилъ ее на прежнее мѣсто, подъ козлы.

Кучеръ Тимофей былъ недоволенъ такой неожиданной экскурсіей, однако, онъ ничѣмъ не выражалъ своего недовольства. Онъ зналъ, что съ хозяйской дочкой нельзя шутить: она полновластная распорядительница въ домѣ и, если нажалуется отцу, Тимофей немедленно будетъ лишенъ теплаго мѣста. Старикъ Тростянцевъ недавно по одному слову дочки „выпроводилъ" заслуженнаго повара за то, что онъ

„согрубилъ“ барышнѣ. А поваръ всего только и сказалъ, что „вамъ, сударыня, еще рано въ кухонное хозяйство вмѣшиваться“... И Тимофей, едва успѣвшій наскоро перекусить, чѣмъ Богъ послалъ, старательно подгонялъ лошадей, оставляя Прошку далеко позади.

Часа два Орлова и Тростянцева ѣхали молча. Вѣра все не могла сообразить: какъ же это такъ? *Моей мамы*, и вдругъ не будетъ? Какъ же она умерла, когда обѣщала на Рождество взять Вѣру въ деревню и расчистить для нея мѣсто, чтобъ можно было кататься на конькахъ? Вѣдь меньше, чѣмъ два мѣсяца тому назадъ, на имянины Вѣры, мама пріѣзжала въ городъ и привезла такихъ вкусныхъ цукатовъ изъ грушъ и сливъ. Тогда же мама подарила Вѣрѣ хорошенькія бирюзовыя сережки, въ формѣ звѣздочки. Вѣра съ тѣхъ поръ, какъ ей „прокололи“ уши, носила некрасивыя старинныя серьги съ подвѣсками, а мама сдѣлала ей къ имянинамъ такой пріятный сюрпризъ. Въ свою очередь, она выучила для мамы новое стихотвореніе: мама такъ любитъ, когда она читаетъ стихи. Вѣра разучила къ Рождеству небольшое, но грустное стихотвореніе,—мамѣ нравится все грустное:

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился. Поля опустѣли,
Только не сжата полоска одна.
Грустную думу наводитъ она...

— Нѣту моей мамы! Нѣту...—вдругъ закричала Вѣра изъ подъ толстаго капора, надѣтаго на ея голову Аленой Лукиничной. Оля обняла шею Вѣры и стиснула ее.

— Перестань! перестань плакать!—повелительно утѣшала она:—у меня тоже нѣтъ мамы, а я молчу! Нельзя кричать на морозѣ: ты простудишься, у тебя будетъ дифтеритъ! И твоя мама заплачетъ у Бога, если увидитъ, что ты больна...

Начинало смеркаться, когда притихнувшая Вѣра робко сказала: „Вотъ и девять дубковъ! Видишь? Это дубки стоятъ возлѣ дороги, только на нихъ нѣтъ листьевъ... Сейчасъ будетъ плотина, а потомъ нашъ домъ!“

Горячія слезы полились изъ ея глазъ, смачивая синій капоръ и застывая на немъ.

Осеннія сумерки уже спускались на землю, но въ отдаленіи на горѣ еще можно было различить длинный помѣщичій домъ подъ красной желѣзной кровлей, съ облупившейся отъ дождей штукатуркой. Вокругъ дома группировались дворовыя постройки подъ камышевыми крышами, такъ же какъ и домъ, старыя, покосившіяся въ разныя стороны. Посреди двора высоко торчалъ надъ колодцемъ длинный шестъ,

„журавель“. Немного поодаль темнѣла остроконечная крыша малорусской клуни (риги) и симметричныя скирды соломы. Среди нихъ, на верхушкѣ устойчиваго столба было укрѣплено что-то круглое; здѣсь аисты, приносящіе съ собою счастье, свили прочное гнѣздо. Но теперь это гнѣздо опустѣло, и осенній вѣтеръ безпрепятственно издѣвался надъ нимъ. Позади дома—по спуску горы—направлялся къ рѣкѣ обширный фруктовый садъ. Обнаженныя деревья, будто кому-то угрожая, кивали своими торчащими вѣтвями. Окна дома уже были освѣщены извнутри. Залаяли собаки, бросившись на встрѣчу незнакомымъ лошадямъ.

Пріѣхали...

На лай собакъ вышла изъ дому заплаканная нянька, высохшая старушка со сбившимся на бокъ головнымъ уборомъ, „очипкомъ“. Она сразу узнала Вѣру подъ ея безчисленными покровами и почти на рукахъ вынесла дѣвочку изъ экипажа. Нянька повела Вѣру на крыльцо и стала что-то причитывать. Оля послѣдовала за ними, раскутавъ съ помощью Тимофея всѣ одѣяла и ковры.

— А гдѣ же Прошка? Съ кѣмъ это ты пріѣхала?—спрашивалъ отецъ Вѣры, еще не старый человѣкъ съ легкой просѣдью въ темной окладистой бородѣ.

— Прошка тамъ ѣдетъ... позади насъ... Это она... она меня привезла... Она добрая... она меня пожалѣла!—повторяла рыдающая Вѣра, пока ее раздѣвали. Нянька помогла раздѣться и Олѣ Тростянцевой. Тутъ прибѣжалъ маленькій братъ Вѣры, мальчикъ лѣтъ четырехъ, и ея младшая сестра—лѣтъ шести. Цѣлуя Вѣру, дѣти сообщали, что „батюшка пришелъ опять, сейчасъ будетъ служить“...

— Можетъ быть, мнѣ все это снится?—съ надеждой подумала Вѣра и сдѣлала усиліе проснуться. Но дѣйствительность брала свое. Вѣра привычными шагами шла по большимъ, „параднымъ“ комнатамъ дома. Давно знакомая старинная, разрозненная мебель въ безпорядкѣ стояла по угламъ. Какъ хорошо знаетъ Вѣра эти тяжелые столы и стулья, эти диваны съ продавленными пружинами и кресла съ отломанными колесами! Только вотъ зеркала зачѣмъ-то завѣсили простынями, а то все по старому...

— Почему они закрыли зеркала?—недоумѣвала Вѣра, открывая дверь въ залъ. Ольга неотступно шла за нею. Въ продолговатой, почти пустой залѣ лежала на столѣ покойница. Въ углу горѣла лампада передъ образомъ Николая Угодника въ массивной серебряной ризѣ; ниже, вокругъ умершей, сверкали закапанные воскомъ церковные подсвѣчники. Мать Вѣры неподвижно покоилась на своемъ твердомъ ложѣ, ничѣмъ не покрытая, съ пожелтѣвшимъ лицомъ и плотно сжатыми гу-

бами. Нянька надѣла на нее темнозеленое платье, сшитое по старой модѣ съ тюникомъ. Кружевная наколка съ бархатнымъ бантомъ цвѣта бордо прикрывала волосы. Изъ подъ платья виднѣлись ноги въ однихъ чулкахъ: Прошка долженъ былъ привезти изъ города новыя туфли. Ноги лежали какъ-то странно носками вверхъ, словно были связаны. Вѣра сначала не узнала матери: заострившійся носъ сильно измѣнялъ лицо. Но, всмотрѣвшись ближе, дѣвочка поняла: эта мертвая женщина и ея мама—одно и то же. Это тѣ самыя губы, что столько разъ цѣловали Вѣру, и эти блѣдныя руки такъ часто любовно перебирали ея локоны, дарили ей игрушки и лакомства. Вѣра плакала, колотилась головой о полъ и полусознательно повторяла:

— Мама моя! Мама!

Плакалъ старый батюшка, надѣвая ризу и приготовляясь служить панихиду, плакалъ дьячекъ, раздувавшій кадильницу... Плакалъ отецъ Вѣры, заливалась слезами нянька, плакали мужики и бабы, сочувственно толпившіеся у дверей, а на дворѣ, подъ окномъ рыдалъ осенній вѣтеръ, тоскливо завывая между вѣтвями высокихъ, старыхъ тополей. Заплакала тихонько и Оля Тростянцева, стараясь не обращать на себя вниманія этихъ чужихъ, опечаленныхъ людей. Она крѣпко держала въ рукѣ тоненькую желтую свѣчку и усердно клала земные поклоны тѣмъ размашистымъ движеніемъ, которое переняла у своего отца. Ея папаша всегда такъ бьетъ поклоны, когда молится въ церкви.

Послѣ панихиды пили чай. Батюшка утѣшалъ Вѣру и просилъ скушать хоть что нибудь, но она не могла ѣсть. Наконецъ, пріѣхалъ Прошка. Тимофей, съ видомъ опытнаго въ подобныхъ дѣлахъ человѣка, снесъ въ комнаты гробъ, разсортировалъ Прошкины покупки. Онъ отдѣлилъ шелковые платки для духовенства отъ простыхъ, предназначенныхъ для людей. Онъ отдалъ нянькѣ изюмъ и рисъ для приготовленія „колова", а также и туфли для покойницы. Потомъ все тотъ же расторопный Тимофей помогъ уложить тѣло умершей въ гробъ.

Вѣру больше не пустили въ залъ. Ее положили спать вмѣстѣ съ Олей въ дѣтской, подъ печкой, на высокихъ пушистыхъ перинахъ. Вѣра лишь теперь увидѣла свою новорожденную сестру: крошечное, тщедушное созданьице копошилось въ рѣзной колыбели, переходившей по наслѣдству отъ одного ребенка въ домѣ Орловыхъ—къ другому. Ночью было душно и страшно. Лампада слабо мерцала въ углу, завѣшанномъ образами; возлѣ печки трещалъ сверчокъ. Младшія дѣти давно уснули, дремала и нянька, прикурнувъ на изразцовой лежанкѣ. Изрѣдка ее пробуждалъ пискливый крикъ новорожденной; старуха вставала, наполняла стеклянный рожокъ молокомъ съ

подсахаренной водою и втискивала рожокъ въ кричащій ротикъ. Тогда опять все стихало. Только изъ парадныхъ комнатъ доносился чей-то равномѣрный, немного приподнятый голосъ, растягивавшій непонятныя слова:

— Человѣкъ, яко трава... дни его... цвѣтъ сельный... яко духъ прейдетъ въ немъ... И не будетъ, и не познаетъ... мѣста своего...

Гдѣ-то подъ порогомъ тревожно скреблась мышь да на дворѣ заунывно подвывала собака. Вѣра со страхомъ прижималась къ Ольгѣ, и онѣ не замѣтили, какъ уснули въ объятьяхъ другъ друга.

На слѣдующій день состоялись скромныя похороны. Наплакавшуюся до изнеможенія Вѣру снова усадили въ фаэтонъ. Ея отецъ благодарилъ Олю Тростянцеву, говоря, что она славная дѣвочка, что Богъ не забудетъ ея добраго поступка, вознаградитъ ее. Оля мысленно повторяла, что ей никакого вознагражденія не нужно; пусть лучше Вѣра перестанетъ плакать: все равно слезами горю не поможешь. Тимофей—наравнѣ съ духовенствомъ получилъ шелковый платокъ. Онъ погонялъ подкормленныхъ овсомъ лошадей и приговаривалъ: „эй, вы! но, но! домой ѣдемъ!“ Въ глубинѣ души онъ больше не злился на хозяйскую дочь, ни съ того, ни съ сего потащившуюся, невѣдомо куда, хоронить невѣдомо кого. Грустное зрѣлище похоронъ и встрѣчи съ деревенскими людьми внесли немного новизны въ его однообразно-сытую жизнь. Онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, такъ какъ имѣлъ возможность проявить при похоронахъ большую распорядительность и рѣдкое знаніе порядковъ.

Въ воздухѣ начинали пролетать и кружиться первыя снѣжинки. Уже подъѣзжая къ городу, Вѣра сказала:

— Знаешь, Оля, я часто читала мамѣ одни стихи... Она меня выучила, а теперь, вотъ, я забыла, какъ сначала? Тамъ тоже кого-то похоронили... засыпали... и когда всѣ ушли... когда никого не осталось... спустился ангелъ легкокрылый и надъ покинутой могилой приникъ... съ усердною мольбой... Теперь моя мама осталась одна, но... ангелъ молится надъ нею? Правда? Онъ съ мамой?

Губы Вѣры дрожали, подергивались. Слезы—крупныя и прозрачныя—безъ рыданій лились по лицу.

— Не плачь!—строго замѣтила Ольга:—ты простудишься! У тебя будетъ дифтеритъ... Не думай ни о чемъ! Слышишь?

Тростянцева довезла подругу до ея квартиры. Вѣра жила въ городѣ у пріятельницы своей матери, вдовы ветеринарнаго врача, Поповкиной. Эта вдова была необыкновенно добра и сантиментальна.

Она кончила институтъ вмѣстѣ съ матерью Вѣры, которую

до послѣднихъ дней иначе не называла, какъ „милой Машенькой“. Извѣстіе о неожиданной смерти пріятельницы глубоко потрясло Поповкину. Когда Прошка заѣхалъ къ ней предупредить, что возьметъ Вѣру въ деревню прямо изъ гимназіи, такъ какъ „барыня умерли и завтра похороны“, Поповкина упала въ обморокъ. Очнувшись, она никакъ не могла рѣшить: да неужели же это правда, что Машенька умерла? Она то собиралась ѣхать въ Орловку, желая отдать умершей „послѣдній долгъ“, то бросалась на колѣни передъ образомъ и начинала молиться „за страдальческую душу рабы божьей, Маріи“. Воспоминанія прошлаго, мельчайшія происшествія и сценки далекой дѣвической жизни всплывали передъ Поповкиной, мѣшая ей спать. Она повторяла себѣ, что, кажется, все это было такъ недавно, какихъ нибудь двѣнадцать-пятнадцать лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ все ушло безслѣдно и безвозвратно... И вотъ уже милой Машеньки нѣтъ больше въ живыхъ, а она, Поповкина, коротаетъ унылую жизнь бездѣтной вдовы... И нѣтъ у нея никакихъ надеждъ, никакихъ желаній; словомъ, у нея нѣтъ будущаго, а настоящее такъ однообразно и пусто... Теперь Поповкина находила, что она была недостаточно добра и внимательна къ покойной Машенькѣ, особенно въ послѣднее время: жизнь ожесточаетъ и дѣлаетъ черствыми самыхъ близкихъ друзей. Но она искупитъ эту вину передъ Машенькой—нѣжной заботливостью объ осиротѣвшихъ дѣтяхъ; она всегда будетъ добровольной опекуншей Машенькиныхъ дѣтей.

Поповкина съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія Вѣры изъ деревни послѣ похоронъ. Она недоумѣвающе пожала плечами, когда увидѣла черезъ окно, что Вѣру подвезла къ крыльцу незнакомая дѣвочка—въ красивомъ, новенькомъ фаэтонѣ, а Прошка съ неизмѣннымъ тарантасомъ отсутствовалъ. Ольга высадила Вѣру изъ экипажа и повела въ домъ. Поповкина выбѣжала навстрѣчу; она обняла Вѣру и разрыдалась, осыпая „сиротку“ поцѣлуями. Вѣра принялась вторить квартирной хозяйкѣ, поднялся шумъ и вопли. Тогда Тростянцева сказала своимъ отрывистымъ голосомъ, обращаясь къ Поповкиной:

— Вотъ вы еще больше разжалобили Вѣру! Она и безъ того много плакала, ее нужно утѣшать, останавливать, а вы еще хуже сдѣлали...

Поповкина согласилась съ этой странной, по ея мнѣнію, дѣвочкой и подавила рыданія. Между тѣмъ, Ольга вошла въ комнату Вѣры, осматриваясь по сторонамъ. Здѣсь ей все очень понравилось. Любящая мать Вѣры перевезла сюда изъ деревни лучшую мебель; въ простѣнкѣ, подлѣ окна помѣщался дамскій письменный столъ изъ рѣзного орѣха съ си-

нимъ сукномъ. На немъ стоялъ чернильный приборъ, свѣчи, лампа, бюваръ, бездѣлушки—совсѣмъ какъ на столѣ у взрослой дамы. На постели бѣлѣло батистовое покрывало съ кружевами на голубомъ чехлѣ. Въ ординарной дверцѣ платяного шкафа сверкало продолговатое зеркало. Въ углу стоялъ будуарный диванчикъ и два кресла съ обивкой изъ свѣтлаго кретона; на окнахъ зеленѣли цвѣты. Можно было подумать, будто здѣсь живетъ молодая, опрятная дѣвушка, но никакъ не маленькая первоклассница. Осмотрѣвъ все, Тростянцева пришла къ заключенію, что папаша долженъ устроить и для нея такую же комнату; она непремѣнно попроситъ папашу объ этомъ: онъ всегда исполняетъ желанія Ольги и любитъ ее не меньше, чѣмъ любила Вѣру покойная мать. Оля крѣпко, но покровительственно поцѣловала Вѣру и замѣтила Поповкиной:

— Вы ее разотрите хорошенько теплымъ уксусомъ, да напойте малиной... Она все плакала, кричала на холодѣ: можетъ, она простудилась. Меня всегда вытираютъ уксусомъ, если думаютъ, что я простужена... а пока—прощайте.

„Какая странная дѣвочка“!—подумала еще разъ Поповкина, глядя вслѣдъ Ольгѣ, которая выходила изъ комнаты самоувѣренно твердой, немного неуклюжей походкой.

На другой день Тростянцева пересадила Вѣру на одну скамью съ собой и подарила ей большую, наклейную картинку. На картинкѣ былъ изображенъ на голубомъ фонѣ незабудокъ бѣлый ангелъ съ желтыми волосами и съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ.

Оля дорожила этой картинкой; ей даже было немного жаль „голубого ангела“, но она не хотѣла нарушить обѣщаніе, данное Вѣрѣ въ первую минуту ихъ сближенія.

Съ тѣхъ поръ эти двѣ гимназистки сдѣлались неразлучными пріятельницами. Разставаясь на каникулахъ, онѣ скучали одна безъ другой, и мало по малу для лѣтнихъ вакацій установился такой порядокъ: большую часть лѣта подруги проводили въ семьѣ Тростянцевой, въ усадьбѣ Монплезиръ, а остальное время—въ Орловкѣ. Ольга ознакомила Вѣру съ каменоломнями, мастерскими и прочими владѣніями своего отца. Вѣра привозила пріятельницу въ Орловку въ „родовомъ“ тарантасѣ и не безъ гордости говорила:

— Мой папа тоже помѣщикъ, только не такой богатый, какъ твой... Но у насъ есть сѣнокосъ, огородъ, поле и все, все!.. А главное—садъ! У васъ нѣтъ такого хорошаго сада, какъ орловскій...

— Такъ покажи мнѣ этотъ садъ, что тамъ за невидаль такая?—съ недоумѣніемъ спросила Ольга. Вѣра привела ее въ садъ.

— Вотъ подожди!—сказала она:—я покажу тебѣ все поочереди... Смотри сюда: здѣсь у насъ вишнякъ, тутъ есть вишни всѣхъ сортовъ; самыя вкусныя изъ нихъ—черешни и очень ранняя шпанка... Эта шпанка иногда поспѣваетъ въ половинѣ мая. Здѣсь начинаются сливы: ренглотки, венгерки, разныя сливы... Тутъ растутъ яблоки: кисло-сладкія и сладко-горькія, раннія и позднія, антоновка, зимовка... много сортовъ... Это груши; у насъ есть всякія груши: бергамотки и другія... Здѣсь мама устроила парники и грядки съ клубникой, а тамъ дальше растетъ спаржа, потомъ малина, крыжовникъ, смородина...

— Да!—безпристрастно согласилась Ольга:—садъ у васъ не чета нашему! Фрукты хорошіе... Только, какой отъ нихъ доходъ?

— Какъ, какой доходъ?—возмутилась Вѣра:—а торговки? Онѣ постоянно пріѣзжаютъ изъ города и все закупаютъ... Одинъ годъ, когда былъ урожай, мама тысячу рублей за садъ получила... Видишь, какой доходъ!

— Ну, тысяча рублей еще небольшія деньги!—авторитетно замѣтила Ольга. Вѣра съ почтеніемъ взглянула на подругу, для которой тысяча рублей ничего не значитъ.

— Посмотри, Оля, на эту грушу!—продолжала она:—мы съ мамой назвали ее: „громъ-груша". Разъ, во время грозы и грома, ее раскололо на три части, но каждая часть пустила вѣтки кверху и продолжаетъ расти... Войди въ середину! тамъ—какъ будто въ зеленой комнатѣ. На краю сада у насъ стоитъ дубъ, большущій такой! Мы его называемъ: „тронъ лѣшаго",—онъ очень похожъ на кресло. А дальше, возлѣ болота есть „стрѣла-береза", высокая, ровная... Пойдемъ, я тебѣ покажу!

— Дерево, какъ дерево!—рѣшила Ольга, взглянувъ на березу:—развѣ стрѣла такая бываетъ? Въ прошломъ году папаша купилъ огромный лѣсъ и возилъ меня смотрѣть. Тамъ страхъ какъ много деревьевъ; если бы каждому дереву давать имя, не хватило бы именъ!

Вѣра огорченно вздохнула. Положительно, Оля не можетъ понять всей прелести Орловки. Лучше и не показывать ей остальныхъ достопримѣчательностей...

Время летѣло. Восьмидесятые годы девятнадцатаго столѣтія уходили въ вѣчность. Вѣра съ Ольгой подрастали, формировались, сосредоточенно присматривались ко всему окружающему. Уже младшая сестренка Вѣры, Раичка, поступила въ гимназію и тоже поселилась въ домѣ Поповкиной.

Въ четвертомъ классѣ, когда Ольгѣ было пятнадцать, а

Вѣрѣ—четырнадцать лѣтъ, обѣ онѣ пережили періодъ непомѣрнаго увлеченія драматическимъ театромъ. Подруги бредили на яву Гамлетомъ, Маріей Стюартъ, Королемъ Лиромъ, Нарциссомъ, Киномъ и Уріелемъ Акостой. Но на ряду съ классическими произведеніями, Вѣра и Ольга съ замираніемъ сердца созерцали, чуть не каждый вечеръ, всевозможные мелодраматическіе ужасы. Въ тѣ годы провинціальные антрепренеры старались развлекать публику сердцещипательными мелодрамами. Въ г. Z былъ очень предпріимчивый антрепренеръ; онъ ввелъ въ моду такія пьесы, о которыхъ здѣсь до сихъ поръ никто и не слышалъ. Антрепренеръ этотъ питалъ особенную слабость къ пьесамъ съ двойнымъ заглавіемъ, такъ напримѣръ: „Жидовка или Казнь огнемъ и водою“, — „Сестра Тереза или За монастырской стѣной“, „Тридцать лѣтъ или Жизнь игрока“ и т. д. Но въ репетуарѣ Z-го театра имѣлись также забористыя пьесы и съ однимъ заглавіемъ: „Убійство Коверлей“, „Человѣкъ, который смѣется“, „Вокругъ свѣта въ 80 дней“, „Желѣзная маска“, „Вѣчный жидъ“, „Дебора“, „Всадникъ безъ головы“, „Воровка дѣтей“, „Парижскіе нищіе“ и проч. По пятницамъ устраивались специальные спектакли, предназначаемые, главнымъ образомъ, для еврейской публики (въ городѣ значительную часть населенія составляли евреи). Тогда шли разныя произведенія во вкусѣ пятничныхъ посѣтителей, и выдающимся успѣхомъ пользовалась комедія: „Не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ“.

Ольга и Вѣра считали долгомъ бывать въ театрѣ всякій разъ, какъ только на афишахъ появлялось неизвѣстное имъ дотолѣ заглавіе. Нѣкоторыя, ужъ очень интересныя, по ихъ мнѣнію, пьесы онѣ смотрѣли по два и даже по три раза. При посѣщеніи театра дѣвушки покупали билеты въ такъ называемые „купоны для учащихся“. Эти купоны являлись изобрѣтеніемъ все того же находчиваго антрепренера: „купонники“ уплачивали по пятидесяти копѣекъ съ персоны и размѣщались въ боковыхъ ложахъ, ближайшихъ къ сценѣ. Купонныя ложи имѣли много неудобствъ и никогда не посѣщались „настоящей публикой“. Дорожа купонниками, антрепренеръ, по мѣрѣ силъ, заботился, какъ бы угодить имъ, такъ что болѣе десяти-двѣнадцати особъ въ купонныя ложи не допускалось, но все же купонники жаловались, что имъ тѣсно, какъ сельдямъ въ бочкѣ. Орлова и Тростянцева были яростными купонницами. Однако, увлеченіе театромъ не оказывало пагубнаго дѣйствія на ихъ успѣхи въ наукахъ. Врожденная аккуратность Вѣры спасала театралокъ отъ манкированья занятіями: Вѣра настояла на томъ, чтобы сейчасъ же по возвращеніи изъ гимназіи приниматься за приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню, а затѣмъ уже думать о театрѣ. Это пра-

вило было возведено въ обязательную повинность, и только благодаря такому строгому режиму, подруги продолжали числиться въ разрядѣ лучшихъ учеиицъ. Окончивъ занятія, Ольга провозглашала громкій девизъ: „да здравствуетъ свобода!“— а Вѣра немного резонерскимъ тономъ замѣчала:

— Кончивъ дѣло, гуляй смѣло!

Такая пунктуальность порой возмущала Ольгу, привыкшую съ дѣтскихъ лѣтъ къ свободѣ и независимости.

— Вѣра!—говорила она:—у тебя не было въ семьѣ нѣмцевъ?

— Нѣтъ!—удивленно отвѣчала Вѣра:—а что?

— Вѣдь ты настоящая нѣмка! У тебя и въ комнатѣ все такъ аккуратно, такъ „до толку и до ладу“, какъ выражается моя тетенька... И сама ты всегда такая чистенькая... Что на тебѣ разорвется, сейчасъ зашьешь; увидишь на платьѣ пятно, поскорѣй вычистишь... И учишься ты какъ-то по нѣмецки: никогда ничего не пропустишь, все у тебя поспѣваетъ къ сроку... Нѣтъ, ты нѣмка, Вѣра, нѣмка!

Вѣра, смѣясь, отвѣчала, что лучше быть нѣмкой, чѣмъ неряхой.

Послѣ вечерняго чая пріятельницы, обыкновенно, отправлялись въ театръ; къ концу спектакля Алена Лукинична присылала за Ольгой экипажъ и лошадей. Ночевали, въ большинствѣ случаевъ, у Ольги: у нея было удобнѣй и просторнѣй, хотя не такъ уютно, какъ у Вѣры. Понятно, обѣ подруги мечтали о поступленіи на сцену, разучивали монологи, декламировали стихи. Возвратившись изъ театра, онѣ поспѣшно ложились спать, чтобы завтра не опоздать въ гимназію, но сонъ долго не приходилъ. Вѣра и Ольга дѣлились впечатлѣніями, разсуждали объ исполненіи только что видѣнной пьесы. У Вѣры была особая способность вполнѣ точно воспроизводить голоса актеровъ и актрисъ, „передразнивать“ ихъ. Когда Ольга начинала дремать, Вѣра при свѣтѣ лампады становилась на постель, живописно укутывалась въ одѣяло и произносила голосомъ актера Градова, любимца Ольги:

О, Дора, Ты святая женщина!
Ты тѣнь моей утраченной любви...

— Повтори! повтори!—кричала Ольга, забывая о снѣ.

Вѣра принимала новую позу и, захлебываясь отъ пафоса, декламировала:

Она меня за м-м-муки полюбила,
А я ее—за состраданье къ нимъ!

Или еще:

Офелія! О, нимфа! Помяни
Грѣхи мои въ твоей святой молитвѣ...

На утро обѣ приходили въ классъ вялыя и сонныя, но уроки онѣ знали твердо, и самые строгіе изъ преподавателей никогда не могли поймать врасплохъ юныхъ театралокъ.

По праздникамъ у Вѣры Орловой устраивались дневные спектакли, или, правильнѣе сказать, дивертисменты. Публику изображали: Поповкина, ея кухарка, молодая хохлушка, и младшая сестра Вѣры, Раичка. Наибольшимъ сценическимъ талантомъ отличалась Вѣра,—въ этомъ отношеніи Ольга совершенно пасовала передъ нею. Вѣра напяливала на себя старомодные наряды Поповкиной и, выходя изъ за шкафа, не безъ граціи раскланивалась передъ публикой; затѣмъ она читала монологи и стихотворенія, выученныя изъ христоматіи или схваченныя на лету въ театрѣ. Монологи не всегда передавались точно, но чувства въ нихъ было очень много. Особенно удачно выкрикивала Вѣра слова Арбенина:

Я плакалъ! Я—мужчина!
Что слезы женскія? Вода!

Поповкина находила у Вѣры феноменальный талантъ. Во второмъ отдѣленіи спектакля выступала передъ публикой Ольга. Подражая дикціи актера Градова, она сначала довольно развязно произносила:

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ...

Но тутъ у Ольги возникало почему-то подозрѣніе, что надъ нею смѣются. Она нѣсколько разъ повторяла: „По торжественнымъ днямъ... по торжественнымъ днямъ“... И вдругъ, сконфуженная, убѣгала за кулисы, т. е. за шкафъ. Тогда Вѣра отправлялась туда же убѣждать и урезонивать Ольгу, и та, наконецъ, снова появлялась передъ публикой, начиная уже другой номеръ.

— Утопленница!—говорила она заглавіе, и продолжала:

Унылый прудъ! ты мнѣ знакомъ!
Я помню вечеръ тотъ ненастный...

Дальше Ольга увлекалась и забывала о публикѣ.

Вѣра, надрывая горло, кричала: „браво, браво, Градова! Бисъ! бисъ! Ура! Браво! Бисъ!

— Бісъ тоби! — вопила, въ свою очередь, расходившаяся кухарка Поповкиной.

Ольга „по сценѣ“ носила фамилію Градова, а Вѣра называлась: артистка Соборнова-Райская. Онѣ избрали себѣ псевдонимы въ честь тѣхъ актеровъ, которые имъ наиболѣе нра-

вились,—и клялись удержать за собой эти псевдонимы, когда впослѣдствіи поступятъ на сцену. Отъ періодическихъ недосыпаній и театральныхъ волненій Ольга и Вѣра даже слегка похудѣли.

Весною, какъ разъ во время экзаменовъ (всѣмъ извѣстно, что экзамены въ четвертомъ классѣ дѣло нешуточное), въ Z. пріѣхали на гастроли извѣстные петербургскіе артисты. Орлова и Тростянцева усердно занимались, подготовляясь къ экзамену по всеобщей исторіи. Сначала онѣ старались и не думать о театрѣ, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Дѣвушки, наконецъ, собрались въ театръ, рѣшили поѣхать „однимъ одинъ разокъ", взглянуть на столичныхъ гостей и дальше ни-ни! Вѣра предложила захватить при этомъ съ собой хронологію древней исторіи, чтобъ „подзубривать въ антрактахъ".

Въ тотъ вечеръ на сценѣ шла: „Женитьба Кречинскаго"; Давыдовъ игралъ Расплюева, а Кречинскаго — Киселевскій. Изящная, артистическая игра цѣликомъ захватила Вѣру и Ольгу. Онѣ сидѣли, затаивъ дыханіе, не отрывая глазъ отъ сцены,— позабывъ о хронологіи, не помня о томъ, что на свѣтѣ существуетъ древняя исторія и экзамены, что греки ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ первыхъ Олимпійскихъ игръ и что объ этомъ обстоятельствѣ должны твердо помнить лучшія ученицы гимназіи. Въ тотъ моментъ даже аккуратная, никогда ничего не забывающая Вѣра не смогла бы отвѣтить на вопросъ: кто сказалъ: „приди и возьми"? Кому говорилось: „Царь! помни объ Аѳинахъ!" и кто именно повторялъ, что ему мѣшаютъ спать чьи-то лавры? Придя въ состояніе экстаза, подруги потеряли въ театрѣ тетрадки съ хронологіей, къ великому огорченію Вѣры, которая столько трудилась, составляя списокъ годовъ и переписывая его въ двухъ экземплярахъ: для Ольги и для себя.

Какъ въ очарованномъ снѣ, ѣхали онѣ домой по молчаливымъ улицамъ города, мимо уснувшихъ домовъ и благоухающихъ садовъ съ цвѣтущими каштанами, съ высокими кустами сирени. При свѣтѣ мѣсяца лиловая сирень казалась бѣлой; на землю ложились фантастическія тѣни; боярышникъ разливалъ въ воздухѣ свой сладкій, опьяняющій ароматъ.

— Ахъ, Оля! Какъ хорошо жить на свѣтѣ! Какъ мнѣ жаль тѣхъ, кто уже умеръ!—восторженно прошептала Вѣра.

— Что жъ ихъ напрасно жалѣть, Вѣрокъ? Имъ не поможешь! Мы тоже умремъ, и о насъ, можетъ, никто не пожалѣетъ!—отвѣтила Ольга.

Остывъ немного отъ волненій, дѣвушки съ аппетитомъ поужинали и поспѣшили лечь спать, чтобы завтра съ утра повторить „Пелопонезскія войны и дальше, до Рима". Но, уже

лежа въ постели, Вѣра не выдержала и, вскочивъ съ ногами на подушку, точь въ точь барственнымъ голосомъ Киселевскаго произнесла:

— „Ра-а-сплюевъ! поди сюда, любезный человѣкъ!“ И потомъ послѣ паузы заключительныя слова комедіи: „Сорвалось! А все женщины... женщины!“

Тутъ и Ольга пришла въ восторгъ; она обнимала Вѣру и, захлебываясь, кричала: „у тебя, Вѣрокъ, талантъ, талантъ! Понимаешь-ли ты, что значитъ: талантъ? Чортъ меня побери!“

Онѣ уснули только на разсвѣтѣ.

Благое намѣреніе однимъ одинъ разокъ побывать въ театрѣ такъ и осталось благимъ намѣреніемъ, пригоднымъ развѣ для замощенія ада. На другой день подруги смотрѣли „Стараго барина“, на третій—„Чародѣйку“, „Доктора Мошкова“ и прочія, модныя въ то время новинки. Такъ онѣ провели вечеровъ десять въ самый разгаръ экзаменовъ. Благодаря этому увлеченію, Ольга перешла въ пятый классъ безъ всякой награды, а Вѣрѣ едва-едва удалось „выскочить“ на „книгу безъ похвальнаго листа“, т. е. получить награду второй степени.

Слѣдующій учебный годъ былъ посвященъ систематическому чтенію и саморазвитію. Случайно Ольгѣ удалось раздобыть „запрещенный“ систематическій каталогъ для чтенія выдающихся произведеній русской литературы. Переѣхавъ осенью въ городъ, дѣвушки задались цѣлью „питать и развивать умъ“, руководствуясь запрещеннымъ каталогомъ. Чтеніемъ онѣ увлеклись еще больше, чѣмъ театромъ. Прочитавъ ту или другую книгу, сторонницы саморазвитія отыскивали въ прежнихъ журналахъ критическія статьи, написанныя по поводу даннаго произведенія: такъ поступать рекомендовалъ систематическій каталогъ.

Вѣра и Ольга сообща плакали надъ умирающимъ Базаровымъ, надъ судьбой Анны Карениной, надъ могилой мечтательнаго Обломова и надъ „Рыбаками“ Григоровича. Но больше всего было пролито слезъ надъ больными, униженными и оскорбленными героями Достоевскаго.

Юныя читательницы съ неудержимой энергіей успѣвали раздобывать тѣ книги, которыхъ нельзя было получить въ библіотекѣ. Онѣ прочли: „Что дѣлать?“ Чернышевскаго, „Кто виноватъ?“ и „Письма“ Герцена, „Подводный камень“ Авдѣева, „Шагъ за шагомъ“ Омулевскаго. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, написанныя задолго до рожденія нашихъ героинь, уже значительно устарѣли, утратили свое первоначальное значеніе. Но запрещенный каталогъ являлся созданіемъ минувшей эпохи, и отъ него нельзя было требовать иной системы.

Вѣра и Ольга „проглотили“ много литературныхъ произведеній, однако, не могли утолить свою умственную жажду

и потребность читать, которая развивалась въ нихъ все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ время шло впередъ. Иногда дѣвушки не ясно понимали прочитанное, или понимали его превратно, но это не помѣшало имъ приняться за статьи Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Шелгунова, а также и другихъ, болѣе современныхъ критиковъ и новѣйшихъ публицистовъ. Читали онѣ и творенія „ретроградовъ“: „Некуда“ Лѣскова, „Марево“ Клюшникова и прочихъ. Случалось, подруги рѣзко и діаметрально расходились во взглядахъ на вещи и на книги.

Ольга искала, главнымъ образомъ, содержанія и часто довольствовалась только однимъ содержаніемъ.

Вѣра же, помимо этого, еще придавала громадное значеніе формѣ. Плохо или небрежно написанная вещь не производила на нее сильнаго впечатлѣнія, независимо отъ того, на какую бы тему ни писалъ авторъ. Она инстинктивно поклонялась красотѣ, искала этой красоты вездѣ и во всемъ. Ольга гдѣ-то вычитала, что такого рода преклоненіе передъ красотой— своего рода язычество. И она часто преслѣдовала Вѣру, укоризненно называя ее „язычницей“.

Между прочимъ, читали онѣ (уже и тогда почти всѣми позабытый) романъ Омулевскаго: „Шагъ за шагомъ“. Вѣрѣ чрезвычайно понравился благородный герой романа, Свѣтловъ, хотя она находила, что самый романъ написанъ „не важно“.

— Боже! Боже!—воскликнула она:—вотъ, еслибъ на эту тему да написалъ Тургеневъ! если бы такого Свѣтлова да встрѣтить въ дѣйствительной жизни... Я бы, кажется, подошла и поцѣловала у него руку: такъ онъ мнѣ нравится!

Ольга, пожавъ плечами, иронически спросила:

— Ну, а потомъ что? Поцѣловала бы руку и замужъ за него вышла? Правда?

Вѣра не поняла насмѣшки.

— Отчего же нѣтъ? Конечно-бы вышла, если бы взялъ... Онъ очень славный и... интересный...

— Вотъ то-то и есть: интересный! Ты бы его потому и поцѣловала, что интересный! А когда бъ онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ некрасивый, да еще плохо одѣтый, такъ ты бы и смотрѣть не захотѣла на него, и руки цѣловать не стала, и души его не замѣтила бы! У тебя всегда на первомъ планѣ внѣшность! Помнишь, какъ ты отвергала Обломова? И отвергала только потому, что у него ячмени на глазахъ были? Ты изъ за ячменей душу проглядѣла, да какую душу! кристальную!

— Вовсе нѣтъ! И ничуть я Обломова не отвергала, и душа его мнѣ нравится, очень нравится! Только я говорила, что въ него нельзя влюбиться, потому что у него ячмени! Вѣдь это

некрасиво... Вдругъ: я его люблю, а у него ячмени! Но душу его я всегда бы оцѣнила, независимо отъ этого...

— Воображаю! И Базаровъ тоже тебѣ не нравился, потому что—рыжій!

— Но развѣ я виновата, что терпѣть не могу рыжихъ? Базарова мнѣ подъ конецъ жаль, онъ отличный человѣкъ, а всетаки рыжій...

— Конечно! Я же говорю: ты язычница! Тебѣ непремѣнно подавай этакого франтика: глаза съ поволокой, волосы-локонами, губы, какъ коралы, зубы, какъ перлы... Одно слово, герой бульварнаго романа...

— И все это нисколько не помѣшаетъ, если онъ будетъ умный и славный... А безъ души и красота теряетъ свою цѣну...

— Разсказывай!—недовѣрчиво протянула Ольга.

Вѣра лукаво усмѣхнулась и съ оживленіемъ торопливо заговорила:

— Постой, постой! А скажи, ты могла бы влюбиться въ одну душу? Вѣдь душа душой, а все же, чтобъ онъ не былъ противный... Подожди! Вотъ, представь себѣ господина: душа тончайшей кристальности и умный онъ! страшно умный!! Но за то на каждомъ глазу по два ячменя! рѣсницъ нѣтъ! во рту ни одного зуба! губы—бѣлѣе бумаги, волосы красные, какъ огонь; самъ-рябой—ря-я-бой! И гря-я-зный! Носъ луковицей, руки въ веснушкахъ, а ноги кривыя, бочонкомъ! Ты въ него влюбишься? Ты его поцѣлуешь за то, что у него душа возвышенная? Ну, скажи же, скажи! Да только по правдѣ, по совѣсти?

Ольга призадумалась.

— Вольно жъ тебѣ рисовать такого урода, что при одной мысли о немъ человѣка тошнить начинаетъ!... Такихъ и на свѣтѣ нѣтъ!—упрямо возразила она:—а я имѣла въ виду совсѣмъ другое...—Но что это „другое“, Ольга не пояснила.

Систематическое чтеніе книгъ продолжалось. Наконецъ, дойдя ужъ до послѣднихъ книжекъ журналовъ, Ольга и Вѣра вспомнили, что вотъ—русскихъ авторовъ онѣ почти всѣхъ знаютъ, а съ иностранными знакомы очень мало. Тогда Ольга попросила отца пригласить къ ней француженку и нѣмку: ей хотѣлось поучиться языкамъ по программѣ, болѣе широкой, чѣмъ гимназическая. Вмѣстѣ съ Ольгой начала заниматься языками и Вѣра; онѣ неустанно трудились въ теченіе всѣхъ каникулъ, послѣ легкихъ, сравнительно, экзаменовъ пятаго класса, и въ результатѣ достигли желанной цѣли: научились бѣгло читать по французски и сносно по нѣмецки. Пришла пора изучать иностранныхъ писателей.

Въ это время случилось одно маленькое происшествіе. Какъ-то, въ началѣ зимы, Вѣра съ сестрой Раичкой уѣхала на нѣсколько дней въ деревню. Ихъ отецъ былъ боленъ: у него на шеѣ сдѣлался карбункулъ; предстояла мучительная операція—прорѣзъ карбункула. Тростянцева скучала безъ подруги, издали волнуясь и опасаясь за исходъ операціи. Въ отсутствіи Вѣры она не могла ни читать, ни предаваться размышленіямъ. Ольга вспомнила, что забыла въ комнаткѣ Вѣры свой учебникъ словесности и отправилась на поиски за этой книгой. Она перерыла, съ помощью Поповкиной, всѣ книжки, аккуратно сложенныя на этажеркѣ. Теоріи словесности нѣтъ нигдѣ; можно было предположить, что учебникъ провалился сквозь землю. Оставалось еще поискать въ ящикахъ письменнаго стола. Ольга открыла одинъ изъ ящиковъ, и взоръ ея остановился на небольшомъ листкѣ бумаги, исписанномъ почеркомъ Вѣры съ поправками, помарками и дополнительными строками на поляхъ. Это было стихотвореніе, несомнѣнно принадлежавшее перу Вѣры. Нѣсколько безнадежнымъ тономъ и не совсѣмъ гладко юная поэтесса прочувствованно говорила:

Безсильно ты плачешь надъ свѣжей могилой
Малютки прелестной своей.
Звучатъ твои стоны тоскливо, уныло
Въ толпѣ равнодушныхъ людей.
Теперь ему чужды и пошлость людская,
И ложь, и постыдная лѣнь:
Предъ нимъ—безпредѣльная радость святая,
Предъ нимъ—безконечно-ликующій день!
Успѣлъ избѣжать онъ тоскливыхъ мученій,
Уснувши спокойнымъ и радостнымъ сномъ...
Ужъ онъ не узнаетъ борьбы и лишеній,
Зачѣмъ же ты плачешь о немъ?

У Ольги отъ волненія дрожали руки. Съ одной стороны, стихотвореніе произвело потрясающее впечатлѣніе, еще выше подняло Вѣру въ ея глазахъ. Съ другой, ей становилось обидно, больно: значитъ, есть что-то такое, что Вѣра скрываетъ онъ нея, между тѣмъ, какъ она, Ольга, всегда стоитъ передъ Вѣрой съ открытой душой, не утаиваетъ ни одной мысли.

Операція сошла благополучно. Прошка привезъ въ городъ Раичку и Вѣру, которая сейчасъ же по пріѣздѣ — веселая, довольная и радостная—прибѣжала къ Ольгѣ. Но та встрѣтила ее какъ-то холодно. Ольга съ укоризной глядѣла на подругу, а Вѣра, ничего не подозрѣвая, подробно передавала свои послѣднія впечатлѣнія. Передъ операціей отецъ

благословилъ дѣтей, долго молился и плакалъ. Дѣти слышали изъ сосѣдней комнаты, какъ онъ бормоталъ разныя несвязныя слова, засыпая отъ дѣйствія хлороформа. Въ эту минуту Вѣра такъ боялась, какъ никогда въ жизни. За то потомъ, какая наступила радость, когда все окончилось благополучно: теперь уже нѣтъ ни малѣйшей опасности. Ольга внимательно выслушала разсказъ и въ заключеніе произнесла:

— Слава Богу, что операція обошлась такъ удачно! Слушай, Вѣра: я хотѣла у тебя спросить... ты ничего отъ меня не скрываешь? Все говоришь мнѣ? Такъ же, какъ и я тебѣ? Или у тебя есть свои секреты?

Вѣра покраснѣла и съ запинкой сказала:

— У меня нѣтъ отъ тебя секретовъ, Оля!

— Ты говоришь: нѣтъ? А стихи? Ты думаешь, я ничего не знаю? Я все знаю!—заговорила Тростянцева, съ такой силой ударяя кулакомъ по столу, что картонный абажуръ закачался во всѣ стороны на лампѣ и жалобно зазвенѣлъ своими металлическими частями. Вѣра заплакала, припавъ лицомъ къ столешницѣ.

— Я не хотѣла скрывать отъ тебя... я давно собиралась показать тебѣ, только мнѣ стыдно было... Не понимаю, почему, но очень стыдно... Зачѣмъ ты подкралась исподтишка? Зачѣмъ прочла безъ меня? Я бы потомъ, все равно, показала тебѣ, а теперь ты меня обидѣла... мнѣ теперь страхъ какъ больно.

Ольга смирилась, успокоилась. Миръ былъ водворенъ снова. Вѣра отдала Тростянцевой всѣ свои произведенія, но просила, чтобъ она не читала стихотвореній въ присутствіи автора.

— Мнѣ и безъ того стыдно, что я написала такую ерунду!— совершенно искренно признавалась Вѣра.

Въ тетрадкѣ съ розовой обложкой оказалось нѣсколько небольшихъ, тщательно переписанныхъ отрывковъ и двѣ длинныя поэмы. Одна изъ нихъ была озаглавлена: „Крезъ, царь Лидійскій“, другая: „Содомъ и Гоморра“.

Всю ночь не могла уснуть Ольга, перечитывая стихи Вѣры. Эти стихотворенія приводили ее въ трепетный восторгъ; преобладаніе глагольныхъ рифмъ и другіе явные недостатки нисколько не смущали ее. Особенно понравился Ольгѣ діалогъ изъ поэмы „Крезъ, царь лидійскій“. Крезъ разговаривалъ съ Солономъ:

И такъ Солонъ, теперь ты знаешь
Богатства Лидіи моей.
Скажи: кого ты называешь
Счастливымъ самымъ изъ людей

Затѣмъ шелъ пространный и поучительный отвѣтъ мудреца Солона и заключеніе первой части поэмы:

Умолкъ мудрецъ... Царь Крезъ смутился:
Другого онъ отвѣта ждалъ...
Весь дворъ въ испугѣ притаился,
Безпечный деспотъ промолчалъ...

Во второй части было необычайно, по мнѣнію Ольги, эффектное описаніе момента, когда Крезъ на кострѣ повторяетъ имя Солона и даетъ персидскому царю, Киру, соотвѣтствующія объясненія.

Киръ въ раздумьи слушаетъ Креза и, наконецъ:

Смущенный Киръ сказалъ: „Прощаю!
Казнить я Креза не хочу...
Не дорожитъ онъ жизнью—знаю!
Но все-жъ его я пощажу!

Не спалось въ эту ночь и Вѣрѣ: она съ тревогой ждала суда Тростянцевой, ее жестоко мучило авторское нетерпѣнье, но Вѣра пересилила себя и утромъ не побѣжала къ Ольгѣ, хотя въ тотъ день было воскресенье, и она свободно могла спозаранку навѣстить подругу. Впрочемъ, Ольга не заставила себя долго ждать: чуть свѣтъ прибыла она къ поэтессѣ, бурно обняла Вѣру и принялась повторять на всѣ лады свою излюбленную фразу:

— Ты талантъ, Вѣрокъ! ты—талантъ! У тебя всѣ таланты! И сценическій, и поэтическій, но я не завидую тебѣ: я тебя люблю.

На каникулахъ, живя въ гостяхъ у Ольги, Вѣра попробовала писать прозой. На шестидесяти пяти листахъ писчей бумаги она написала повѣсть подъ заглавіемъ „Загадочная натура“ и посвятила ее Шпильгагену. Повѣсть начиналась словами: „Это было давно, въ невозвратные дни моей далекой, свѣтлой юности“, а заканчивалась слѣдующими, нелишенными даже нѣкоторой эффектности, строками: „Прощайте, прощайте, милыя тѣни далекаго прошлаго! Вы вдвойнѣ дороги моему сердцу, потому что вмѣстѣ съ вами отъ меня уходитъ незабвенная молодость. И на смѣну ей на моемъ, теперь уже недолгомъ, жизненномъ пути появляется суровый призракъ холодной, одинокой старости. Милыя тѣни! прощайте!“

Вѣра рыдала надъ этими словами, и Ольга, въ свою очередь, находила ихъ глубоко-трогательными. Энергичная Ольга тутъ же рѣшила, что произведеніе Вѣры слѣдуетъ немедленно отослать въ редакцію „Мірового Вѣстника“.

Вѣра перепугалась.

— Ужъ ты выдумаешь! Зачѣмъ сейчасъ въ „Міровой Вѣстникъ“? Тамъ все настоящіе писатели сотрудничаютъ, а я возьму и подпишусь: Вѣра Орлова. Засмѣютъ меня и конецъ! Нѣтъ, въ „Вѣстникъ“ нельзя! А вотъ что: пошлемъ лучше въ „Живописное Обозрѣніе“ и сверху на рукописи обозначимъ: „безплатно“... Тогда, можетъ, и напечатаютъ!

Ольга неумолимо замотала головой.

— Слушай, Вѣра! Не напускай ты на себя, пожалуйста, этого смиренства! Ты написала геніальную вещь, значитъ—и поступать съ нею должно, какъ съ геніальной вещью! Въ „Міровой Вѣстникъ“ и—никуда больше! Подожди! Мы имъ покажемъ, какъ нужно писать!

Ольга съ азартомъ колотила кулакомъ по столу, но кому это: „имъ“—редактору „Мірового Вѣстника“, или читающей публикѣ, такъ и осталось невыясненнымъ.

Настойчивость Тростянцевой заставила Вѣру безжалостно сжечь свое первое дѣтище. Она испугалась за себя: вѣдь такъ легко поддаться сладкому соблазну, послать повѣсть въ редакцію и, такимъ образомъ, „оскандалиться на вѣки“. Нѣтъ, ужъ лучше уничтожить самую возможность скандала.

Ольга долго не могла простить Вѣрѣ этого ауто-да-фе.

— И все, все сожгла? Даже черновое?—допытывалась она.

— Все!—лаконически отвѣчала Вѣра и умоляла никогда больше не вспоминать объ ея творческихъ способностяхъ.

Между тѣмъ, послѣдовательное „изученіе западно-европейской литературы“ продолжалось своимъ чередомъ, частью въ подлинникахъ, частью по переводамъ. Нужно было удивляться, откуда берется у этихъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, подростковъ столько энергіи и любви къ труду. Откуда у нихъ взялась пытливая любознательность, неутомимая жажда знанія, инстинктивное стремленіе къ свѣту? Ольга, не жалѣя денегъ, пріобрѣтала въ магазинахъ тѣ книги, которыхъ не было въ библіотекѣ. Изучая извѣстныхъ иностранныхъ авторовъ, дѣвушки письменно излагали свои мнѣнія о прочитанномъ, выписывали цитаты, составляли „конспекты“. Однажды Вѣра притащила изъ библіотеки популярную исторію философіи Вебера и уговорила Ольгу „позаняться философіей“. Дальше онѣ принялись за чтенія Милля, Спенсера и другихъ. Дѣвушки далеко не всегда понимали этихъ мыслителей, но старались усвоить хоть что нибудь. Теперь онѣ стремились развивать въ себѣ „умъ, геній и энергію“, ратовали за эмансипацію женщинъ, повторяли слова: „все полезное прекрасно“. Сейчасъ же по окончаніи гимназіи онѣ собирались ѣхать заграницу—„изучать на практикѣ міръ божій“—мечтали и о томъ, чтобы побывать въ Америкѣ, этой „странѣ

труда и колоссальной энергіи". Подруги начали изучать латинскій языкъ, проектируя поступить на медицинскіе курсы, какъ только эти курсы будутъ открыты. И какіе проекты, какія мечты не приходили имъ на мысль!

Ольга, впрочемъ, вскорѣ охладѣла къ латыни, но Вѣра упорно продолжала переводить съ русскаго языка на латинскій: „Attende, mi fili! Scribe in tuos codicillos hoc exemplum. Si habis viginti mala, sex pruna“ и т. д. Она сожалѣла лишь объ одномъ, что некому исправить эти переводы, объяснить, не ошибается ли она.

Обѣ пріятельницы горѣли отъ нетерпѣнья: да когда же, наконецъ, придется разстаться съ гимназіей? Когда же начнется дѣйствительная жизнь и кончатся ожиданія? Имъ надоѣдало ждать и все готовиться къ чему-то новому. Съ нѣкоторыхъ поръ Вѣра утверждала, что старинные часы, равномѣрно отбивающіе ходъ времени въ столовой у Ольги, теперь постоянно выговариваютъ: „что-то будетъ? что-то будетъ?“ Ольга признавалась, будто и ей въ тиканьи часовъ слышится тотъ же вопросъ, а иногда восклицаніе: „Жизнь идетъ! жизнь идетъ!“

— Да, да!—замѣчала въ отвѣтъ на это Вѣра:—жизнь идетъ, но не отъ насъ, а къ намъ! Еще немножко, и она совсѣмъ подойдетъ близко, близко! Помнишь, Оля: „Мертвые въ мирѣ почили, время настало живымъ“? Вотъ оно походитъ наше время! О, мы не загубимъ его даромъ! Наша жизнь не должна пройти безполезной.

Пока Орлова и Тростянцева питали умъ, „развивая въ себѣ геній и энергію“, сверстницы и соученицы по гимназіи разъ навсегда прозвали ихъ: „чернокнижницами“.—Но въ гимназіи ихъ всѣ любили. Чернокнижницы „не зазнавались“, не имѣли никакого желанія „важничать“, или импонировать своею начитанностью. Напротивъ, онѣ всегда были рады оказать остальнымъ подругамъ посильную помощь, растолковать непонятное, выяснить неопредѣленное. Въ послѣднее время учителя не ставили Вѣрѣ и Ольгѣ отмѣтокъ за сочиненія, а довольствовались тѣмъ, что возвращали имъ тетради съ письменными работами безъ всякихъ помарокъ, съ лестной надписью: „очень хорошо“... Какъ-то разъ учитель словесности призналъ образцовымъ сочиненіе Вѣры: „Русская женщина въ „Запискахъ Охотника“ Тургенева“ и прочиталъ его вслухъ, въ назиданіе всему классу.

— Это что! — думала про себя Ольга: — вотъ, если бъ ты, прочиталъ „Загадочную натуру“, или поэмы Вѣры! тогда было бы другое дѣло! Ты, пожалуй, и самъ не сумѣешь такъ написать, потому что для этого нуженъ талантъ!

Во всѣхъ отвлеченныхъ вопросахъ Ольга высоко ставила

авторитетъ Вѣры, которая нерѣдко исправляла письменныя работы пріятельницы и часто помогала ей рѣшать геометрическія задачи. Но въ практическомъ отношеніи Тростянцева была гораздо сообразительнѣй и опытнѣе Вѣры. Такъ что въ этой области первенствовала Ольга.

Благосклонно относились къ этимъ общимъ любимицамъ даже старыя, высохшія и озлобленныя, классныя дамы. Единственно, что ставила въ укоръ Тростянцевой и Орловой престарѣлая надзирательница, Хіонія Карловна, — это отсутствіе женственныхъ манеръ. Хіонія Карловна говорила о подругахъ:

— Я не спорю: онѣ милыя дѣвушки, скромныя и способныя, до извѣстной степени, украшеніе нашей гимназіи... Но ихъ скорѣе слѣдовало бы называть: „милыми мальчишками"! Всякій долженъ согласиться, что у нихъ—полное отсутствіе манеръ: ихъ движенія рѣзки и неженственны, онѣ слишкомъ громко смѣются, черезчуръ быстро ходятъ... Словомъ, — это мальчишки! Я увѣрена, что на каникулахъ онѣ лазятъ по деревьямъ и стрѣляютъ изъ ружей!

Хіонія Карловна считала это верхомъ неженственности.

Передъ окончаніемъ гимназіи Ольга и Вѣра, сформировавшись, превратились въ хорошенькихъ, почти взрослыхъ дѣвушекъ. Но онѣ до сихъ поръ не имѣли понятія о дѣтскомъ флиртѣ, никогда не кокетничали, не получали записочекъ отъ влюбленныхъ гимназистовъ. Ихъ мечты были чисты и цѣломудренны; ихъ воображеніе заполонили отвлеченные вопросы и лукавыя мудрствованія. Орлова и Тростянцева не могли похвалиться передъ сверстницами толпой поклонниковъ и обожателей, хотя на нихъ засматривались многіе мужчины на улицахъ и въ театрѣ. Подруги, всецѣло занятыя умственной жизнью, лишь смутно догадывались о томъ, что онѣ „тоже не хуже другихъ", однако не придавали этому обстоятельству никакого значенія.

Пожилые, но игривые уличные донжуаны неизмѣнно преслѣдовали Вѣру эпитетомъ: „херувимчикъ"; дѣвушка, сильно конфузясь, съ испугомъ убѣгала отъ этихъ непрошенныхъ цѣнителей красоты, а Ольга однажды ожесточенно обругала акцизнаго чиновника, который предложилъ проводить ее отъ библіотеки „хоть на край свѣта". Ловеласъ безпрекословно выслушалъ энергичное порицаніе...

Наступили выпускные экзамены. Вѣра и Ольга, прекративъ чтеніе книгъ, принялись за повтореніе гимназическаго курса. Главные экзамены—по наиболѣе труднымъ предметамъ—сошли блистательно. Теперь оставались лишь второстепенные, которыхъ уже нечего было бояться.

— Вотъ что, Вѣрокъ!—предложила Ольга: — намъ необходимо перевести и духъ отъ этихъ занятій! Смотри, ты даже.позеленѣла изъ за нихъ! Съѣздимъ на одинъ день къ вамъ, въ Орловку, отдохнемъ, подышемъ свѣжимъ воздухомъ — и назадъ, къ учебникамъ... Ландыши-то, ландыши теперь въ самомъ цвѣту! Цѣлый день въ лѣсу провести можно!

— Великолѣпно!— одобрила Вѣра:—и знаешь, что? Отслужимъ панихиду надъ маминой могилой! Мнѣ она снилась сегодня ночью, и я думаю весь день о ней, о мамѣ... Вѣдь мы съ тобой только теперь начинаемъ жить, пусть же она благословитъ насъ!

Ольга согласилась, и послѣ того имъ почему-то взгрустнулось.

Стояла вторая половина мая. Весна въ томъ году была немного поздняя, но тихая и ясная. Дѣвушки украсили могилу снопами ландышей и сирени и пригласили стараго священника отслужить панихиду. Это былъ тотъ самый старикъ, который когда-то хоронилъ Вѣрину мать. Младшія дѣти и одряхлѣвшая нянька тоже приплелись на кладбище. Кладбище раскинулось вблизи Орловской усадьбы; съ одной стороны подлѣ него пріютилась группа старыхъ осокорей съ полузасохшими верхушками, съ другой—кусты бузины. Вокругъ разбѣгались во всѣ концы хлѣбныя поля и сѣнокосные луга; въ отдаленіи зеленѣли высокіе курганы, покрытые молодыми хлѣбами, какъ изумруднымъ ковромъ. Сверкая на солнцѣ, они сливались съ горизонтомъ. А солнце сіяло надъ землей—яркое, нѣжное, согрѣвающее, щедро разсыпая жизнь; подъ его теплыми лучами тянулась къ небу свѣжая весенняя трава, полевые цвѣты довѣрчиво раскрывали свои разноцвѣтныя чашечки. Пчелы озабоченно жужжали, перелетая съ мѣста на мѣсто. Въ травѣ копошились красноватыя козявки, похожія на божьихъ коровокъ; въ канавѣ, окружавшей кладбище, сновали ящерицы, суетились муравьи. Въ далекой, прозрачной вышинѣ распѣвали птицы. На верхушкѣ ближайшаго изъ осокорей аисты, стоя надъ гнѣздомъ, расправляли на солнцѣ крылья и производили трескучій деревянный звукъ, точно стуча въ колотушку. Характерный весенній гулъ наполнялъ воздухъ стройными мелодіями. Дѣвушки взволнованно слѣдили, какъ священникъ дрожащими руками бралъ отъ псаломщика свою вытертую епитрахиль и надѣвалъ ее на себя. Онѣ вслушивались въ замирающій старческій голосъ: „еще молимся о упокоеніи“... И чувствовали, какъ къ горлу подступаютъ рыданія, а слезы невольно выплываютъ изъ глазъ.

Ладанъ струился синеватымъ дымкомъ изъ кадила, разсѣеваясь безъ слѣда въ необъятномъ воздушномъ пространствѣ. Нянька опустилась на колѣни и припала къ землѣ. Ка-

кая-то отважная птица, привлеченная небывалымъ зрѣлищемъ, низко пролетѣла надъ самыми головами молящихся, прокричала свое: чи-ви-викъ! и поспѣшно исчезла, сама испугавшись собственной храбрости.

Вѣра рыдала все сильнѣй и сильнѣй. Заплакали, глядя на нее, и младшія дѣти, не отдававшія себѣ яснаго отчета, почему это онѣ плачутъ? Онѣ не помнили матери; ея личность являлась въ дѣтскомъ понятіи чѣмъ-то отвлеченнымъ, неуловимымъ. Но въ ту минуту имъ стало жаль кого-то близкаго, лежащаго въ темнотѣ подъ землею, когда все кругомъ поетъ, радуется и такъ красиво расцвѣтаетъ.

Панихида кончилась. Священникъ и нянька съ дѣтьми направились обратно, къ дому, а Ольга и Вѣра замѣшкались на кладбищѣ. Ихъ заплаканныя лица пылали; вѣтеръ игралъ непокрытыми волосами, сжигая на щекахъ влажную отъ слезъ кожу. Дѣвушки ничего не замѣчали. Онѣ молча опустились на траву, подъ тѣнью старыхъ осокорей и задумались. Солнце ласкало золотыми лучами осѣвшую отъ времени могилу, почтенную сегодня молитвой. Сирень и ландыши уже успѣли привянуть, но благоухали, казалось, крѣпче прежняго. Рядомъ возвышались сосѣдніе зеленѣющіе холмики, увѣнчанные убогими крестами; между ними пестрѣли цвѣты.

Щемящая и въ то же время успокоительно-нѣжная грусть овладѣвала молодыми сердцами. Это былъ моментъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя выходящимъ на дорогу жизни: и страшно, и сладко, и предвидишь что-то неизбѣжное, и жаль близкихъ, утраченныхъ навсегда, съ которыми было-бы такъ хорошо въ эту минуту. Слезы высохли, но грусть не проходитъ.

А старые, хотя еще мощные, осокори тихо и заботливо шумятъ надъ юными головами, словно посылая родственныя благословенія:

— Добрый путь! Въ добрый часъ!

И въ ихъ немолчномъ шелестѣ слышится что-то славное, бодрящее... Кажется, будто они не громко, но убѣжденно лепечутъ:

„Идите въ жизнь! не бойтесь ея... И не отгоняйте отъ себя сладкой, молодой грусти: она не наложитъ морщинъ на свѣжія лица, напротивъ, она сохранитъ вамъ сердца и души. Смѣлѣй, не бойтесь! У васъ въ рукахъ наивысшій даръ неба, самое цѣнное достояніе человѣка—юность! И никто—кромѣ времени—не въ силахъ лишить васъ дорогого сокровища, да и время не сможетъ отнять воспоминаніи объ этой блестящей жизненной веснѣ... Пусть потомъ придутъ жгучія лѣтнія грозы, осеннія непогоды и суровая стужа неумолимой зимы: воспоминаніе о весеннихъ юныхъ дняхъ всегда согрѣетъ больную душу живительнымъ тепломъ...

Пройдетъ все! Эти могилы сравняются съ полемъ, засохнемъ мы, увядающія деревья, не станетъ и васъ... Но юность останется на землѣ! И на нашемъ мѣстѣ выростутъ новые великаны, и они, какъ мы, запоютъ новымъ поколѣніямъ могучія, безсмертныя пѣсни природы... Не умретъ, не исчезнетъ безслѣдно все юное и хорошее, потому что юность такъ-же безконечна, какъ и жизнь"...

О. Н. Ольнемъ.

ВЕСНОЙ.

Я весны не ждала—я забыла о ней
И сроднилась съ суровой зимой:
Такъ давно—такъ давно мнѣ не пѣлъ соловей...
И покровъ ледяной надъ душою моей
Холодѣлъ неподвижной корой...
И опять эта пѣснь полетитъ до зари
Сквозь душистую зелень березъ...
И опять эта ночь съ вѣчной жаждой любви...
И опять ей въ отвѣтъ вспыхнутъ пѣсни мои
И потухнутъ—померкнутъ отъ слезъ...

Галина.

Изъ разсказовъ Гюи-де-Мопассана.

(Le colporteur. 15-me édition, Paris, 1900).

V.

Изъ прочихъ разсказовъ настоящаго сборника особенно интересны тѣ, которые отражаютъ способность психологическаго изображенія жизни художника. Тонкій наблюдатель тайныхъ, еле уловимыхъ движеній человѣческаго сердца, Мопассанъ воспроизводитъ ихъ не мертвыми „отрывками“ душевной жизни, изученными подъ ножомъ неумолимаго и безстрастнаго анатома, но полными жизненной правды и силы, какъ они могутъ быть только угаданы или подслушаны у бьющагося сердца, а не высмотрѣны въ лупу усталымъ глазомъ близорукаго мудреца. Изображенія сильныхъ страстей настолько естественны, просты по замыслу и невѣроятно сложны по тѣмъ вопросамъ, которые возбуждаются въ душѣ читателя, что въ этомъ отношеніи только могутъ поспорить немногіе художники съ Мопассаномъ. Вспышки страсти чередуются съ періодами мучительныхъ скорбей, безысходной тоски, сознанія безплодности порывовъ къ свободѣ и свѣту. Загубленная, непонятая жизнь, неудавшаяся борьба во имя желаннаго прекраснаго начала, любовь и ненависть, надежда и обманъ—вся эта житейская игра, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, послужила темой многихъ произведеній художника, къ которымъ можно примѣнить знаменитыя слова нѣмецкаго поэта:

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

Къ этимъ разсказамъ, гдѣ психологическій интересъ стоитъ на первомъ планѣ, относятся и печатаемые ниже.

Ужасный случай.

Довольно большая компанія сидѣла на дачѣ, около круглаго стола, заставленнаго чашками и маленькими стаканчиками. Только что разсказали объ ужасномъ случаѣ, происшедшемъ наканунѣ.

— Слово „ужасный" въ полномъ значеніи его, не слѣдуетъ употреблять очень ужъ часто,—сказалъ сидѣвшій здѣсь генералъ Ж.—Всѣ разсказы о мертвецахъ, о кровопролитныхъ сраженіяхъ, даже большею частью, о самыхъ свирѣпыхъ преступленіяхъ—не заслуживаютъ вполнѣ этого названія. Вотъ я вамъ разскажу случай, въ которомъ я лично принималъ участіе и который мнѣ объяснилъ дѣйствительное значеніе этого слова.

— Это случилось въ кампанію 1870 года. Мы отступали. Положеніе нашей арміи было отчаянное. Много было отсталыхъ, не способныхъ продолжать движеніе; страдали отъ голода, холода, отъ страшнаго утомленія... Еле-еле двигались...

Въ это время, въ сторонѣ отъ дороги я замѣтилъ двухъ жандармовъ, которые держали подъ руки страннаго человѣчка, стараго, безъ бороды, вида, дѣйствительно, изумительнаго.

Они искали офицера, думая, что поймали шпіона.

Слово „шпіонъ" разнеслось моментально между отставшими, и сейчасъ-же плѣнникъ былъ окруженъ. Кто-то крикнулъ: „Надо его разстрѣлять!" И всѣ солдаты, которые до того времени падали отъ изнеможенія и не могли стоять иначе, какъ опираясь на ружье, внезапно почувствовали приступъ бѣшенаго гнѣва, при которомъ толпа приходитъ въ неистовство и готова на всякое преступленіе и звѣрство.

Я хотѣлъ говорить. Я былъ батальоннымъ командиромъ,—но тутъ болѣе начальства не признавали: меня бы самого повѣсили, если бы я вздумалъ идти наперекоръ.

Одинъ изъ жандармовъ сказалъ мнѣ:

— Уже три дня, какъ онъ слѣдитъ за нами. Онъ выпытываетъ ото всѣхъ свѣдѣнія объ артиллеріи.

Я попробовалъ допросить это существо:

— Что ты тутъ дѣлаешь? Что тебѣ нужно? Зачѣмъ ты идешь за арміей?

Онъ пробормоталъ нѣсколько словъ на непонятномъ нарѣчіи.

Это былъ, дѣйствительно, странный человѣкъ, узкоплечій, съ угрюмымъ взглядомъ. Онъ настолько смутился передо мной, что я уже не сомнѣвался: это былъ шпіонъ. Онъ выглядѣлъ очень пожилымъ и слабымъ. На меня онъ поглядывалъ и простодушно, и хитро въ одно и то же время.

Кругомъ кричали:

— Повѣсить! повѣсить!

Я сказалъ жандармамъ:

— Вы отвѣчаете за плѣннаго...

Я еще не кончилъ говорить, какъ сильный толчекъ опрокинулъ меня, и я увидѣлъ, какъ человѣчка этого моментально схватили разъяренные солдаты. Его повалили и били немилосердно; затѣмъ поволокли къ краю дороги и бросили у подножія дерева. Онъ упалъ въ снѣгъ, почти мертвый.

Въ одинъ мигъ его разстрѣляли. Выстрѣливъ въ него, солдаты опять заряжали ружья и снова стрѣляли съ остервенѣніемъ звѣрей. Они спорили за очередь пройти мимо трупа и выстрѣлить въ него такъ, какъ проходятъ мимо гроба, чтобы окропить святой водой.

Но вдругъ послышался крикъ:

— Пруссаки! Пруссаки!

И я услышалъ отчаянный шумъ растерявшейся и бѣжавшей толпы.

Паника, вызванная выстрѣлами по бродягѣ, свела съ ума самихъ экзекуторовъ. Они не сообразили, что переполохъ вызванъ ими же самими, бросились бѣжать и скрылись въ темнотѣ.

Я остался одинъ около тѣла съ двумя жандармами, которыхъ долгъ службы удержалъ при мнѣ.

Они подняли эту мясную массу, истертую, истрепанную, кровавую.

— Надо обыскать его,—сказалъ я имъ.

Я вынулъ коробку съ восковыми спичками, которая была въ моемъ карманѣ. Одинъ солдатъ свѣтилъ другому. Я стоялъ между ними.

Жандармъ, который обыскивалъ трупъ, докладывалъ:

— Одѣтъ въ голубую блузу, бѣлую рубашку, панталоны, обутъ въ сапоги...

Первая спичка потухла; зажгли вторую. Выворачивая карманы, онъ продолжалъ:

— Роговой ножъ, клѣтчатый платокъ, табакерка, кусочекъ бичевки, кусокъ хлѣба...

Вторая спичка догорѣла. Зажгли третью. Жандармъ, послѣ продолжительнаго ощупыванія трупа, объявилъ:

— Все.

Я сказалъ:

— Раздѣньте его. Можетъ быть, мы найдемъ что-нибудь на тѣлѣ.

И чтобы могли дѣйствовать оба солдата, я взялся самъ свѣтить. При быстро угасавшемъ свѣтѣ спички я видѣлъ, какъ они снимали одежды одну за другой, раздѣвая этотъ безформенный кровяной обрубокъ еще теплаго мертваго тѣла.

Вдругъ одинъ изъ нихъ пробормоталъ:

— Чортъ побери!.. Господинъ командиръ, это—женщина!

Я не могу вамъ сказать, какое странное и острое чувство тоски шевельнулось у меня въ сердцѣ. Я не могъ этому повѣрить и сталъ на колѣни въ снѣгъ, передъ этимъ кускомъ мяса, чтобы посмотрѣть: да, это была женщина!

Оба жандарма, неподвижные и ошеломленные, ждали отъ меня перваго слова.

Но я не зналъ, что подумать, что предположить.

Тогда вахмистръ медленно произнесъ:

— Можетъ быть, она искала своего сына, который былъ солдатомъ въ артиллеріи, и о которомъ она не имѣла извѣстій.

Другой отвѣтилъ:

— Очень возможно.

Я видѣлъ на своемъ вѣку много ужаснаго, но тутъ не могъ не заплакать. Я почувствовалъ передъ этой умершей, посреди этой холодной темной равнины, передъ тайной этой неизвѣстной убитой, то, что называется словомъ—„ужасъ“...

Ожиданіе.

Въ курильной комнатѣ, послѣ обѣда, собралось исключительно мужское общество. Говорили о неожиданныхъ наслѣдствахъ, которыя сваливаются иногда точно съ неба. Де-Брюманъ, котораго называли то знаменитымъ учителемъ, то знаменитымъ адвокатомъ, подошелъ къ разговаривавшимъ и, облокотясь на каминъ, произнесъ:

— Мнѣ предстоитъ теперь отыскать наслѣдника, исчезнувшаго при дѣйствительно ужасныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь кроется одна изъ простыхъ, но тѣмъ не менѣе жестокихъ драмъ нашей обыденной жизни.

Въ моей практикѣ вообще не рѣдкость трагическіе случаи, но это—одинъ изъ самыхъ ужасныхъ, которые мнѣ когда-либо попадались. Дѣло вотъ въ чемъ.

Мѣсяцевъ шесть тому назадъ меня пригласили къ одной умирающей. „Мнѣ хочется дать вамъ, милостивый государь, сказала она, одно очень деликатное, но въ то же время трудное и большое порученіе. Ознакомьтесь съ моимъ духовнымъ завѣщаніемъ; оно тамъ на столѣ. Гонораръ вашъ въ случаѣ неуспѣха — пять тысячъ франковъ, въ случаѣ успѣха — 100 тысячъ... Вы должны послѣ моей смерти найти моего сына“.

Чтобы легче было говорить, она попросила меня помочь ей сѣсть на постели, такъ какъ ея угасавшій голосъ часто прерывался, переходя въ горловой свистъ и хрипъ.

Я былъ въ очень богатомъ домѣ. Роскошно и изящно обставленная комната была вся сплошь обита мягкой, ласкавшей глазъ матеріей, не пропускавшей ни малѣйшаго звука; слова разговора, раздаваясь, тутъ же исчезали, замирали въ этихъ нѣмыхъ стѣнахъ.

Умирающая продолжала:

„Вы первый человѣкъ, которому я разскажу свою ужасную исторію. Я постараюсь найти въ себѣ достаточно силъ, чтобы досказать ее до конца. Надо, чтобы вамъ, сердечному и въ то же

время свѣтскому человѣку, все было ясно. Это заставитъ васъ съ большей энергіей взяться за мое дѣло. Слушайте же меня.

До своего замужества я любила одного человѣка. Онъ былъ бѣденъ, и родители мои въ виду этого устранили возможность брака. Нѣсколько времени спустя, я вышла замужъ за очень богатаго человѣка. Я вышла за него по невѣдѣнію, изъ боязни, изъ послушанія, необдуманности,—ну, какъ выходятъ всѣ дѣвушки нашего круга.

У меня родился ребенокъ—мальчикъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ умираетъ мой мужъ. Тотъ, кого я любила, въ свою очередь тоже женился. Когда я овдовѣла, онъ началъ скорбѣть о томъ, что онъ не свободенъ и любитъ меня. Онъ явился ко мнѣ, плакалъ, рыдалъ, надрывая мнѣ сердце... Онъ сталъ моимъ другомъ... Мнѣ, можетъ быть, не слѣдовало его принимать? Но что же дѣлать? Я была одна, такъ грустна, такъ одинока, въ такомъ отчаяніи... А главное—я все еще его любила... О, какъ иногда приходится страдать! Кромѣ него, у меня никого не было на свѣтѣ. Родители мои умерли. Онъ часто бывалъ у меня, проводилъ со мной цѣлые вечера... Конечно, такъ какъ онъ былъ женатъ, мнѣ не слѣдовало такъ часто принимать его, но противиться ему—не хватало силъ...

Что вамъ еще сказать? Онъ сталъ моимъ любовникомъ... Какъ это случилось? Боже мой, развѣ я могла бы отвѣтить на такой вопросъ? Да и кто можетъ на него отвѣтить? Да и можетъ ли быть иначе, когда взаимная любовь влечетъ другъ къ другу всей силой неодолимой страсти? И неужели вы думаете, что можно противиться тому, о чемъ проситъ, умоляетъ на колѣняхъ, со слезами на глазахъ, обожаемый человѣкъ, тотъ, кого такъ хочется видѣть счастливымъ, чье малѣйшее желаніе становится закономъ. Есть отъ чего придти въ отчаяніе, когда нужно бороться ради его съ самимъ собой въ угоду приличіямъ свѣта! Какая сила нужна для этой борьбы, чтобы отказаться отъ счастья, какое самоотреченіе и даже какой эгоизмъ честности? Скажите!.. Словомъ, я сдѣлалась его любовницей и была счастлива... Счастье мое длилось двѣнадцать лѣтъ.

Я даже сдѣлалась,—и это было самой большой съ моей стороны низостью и подлостью... я сдѣлалась подругой его жены. Мы вмѣстѣ воспитывали моего сына. Мы старались сдѣлать изъ него человѣка въ полномъ смыслѣ, благороднаго, умнаго. Ему было уже семнадцать лѣтъ. И онъ любилъ моего... моего любовника почти такъ же, какъ и я, потому что мы оба одинаково съ дѣтства берегли моего сына и ухаживали за нимъ. Молодой человѣкъ называлъ его „дорогой другъ“ и безгранично уважалъ, видя въ немъ лучшаго наставника, примѣръ прямоты, честности и порядочности. Онъ считалъ его честнымъ и преданнымъ другомъ своей матери, какъ бы опекуномъ и, наконецъ, покровителемъ послѣ смерти отца. Впрочемъ, быть можетъ,

онъ никогда не задумывался надъ этимъ вопросомъ, привыкнувъ съ раннихъ лѣтъ видѣть этого человѣка въ нашемъ домѣ, въ непрестанной заботливости о насъ обоихъ.

Какъ-то мы должны были обѣдать втроемъ. Это было для меня самымъ большимъ праздникомъ, и я поджидала одного и другого, спрашивая себя, который изъ нихъ раньше придетъ. Дверь открылась: это былъ мой старый другъ. Я направилась къ нему, протягивая обѣ руки. Онъ подошелъ и обнялъ меня; губы наши слились въ долгомъ и счастливомъ поцѣлуѣ...

И вдругъ... легкое шуршанье, едва замѣтное, скорѣе неуловимое ощущеніе присутствія человѣка заставило насъ вздрогнуть и моментально обернуться. Жанъ, мой сынъ, весь красный, стоялъ у двери и смотрѣлъ на насъ.

Это былъ ужасный, безумный моментъ... Я отшатнулась и съ мольбой подняла руки къ сыну...

Мы стояли пораженные, какъ громомъ, молча посматривая другъ на друга. Я опустилась на кресло. Смутное, но въ то же время страстное желаніе убѣжать отсюда, скрыться въ темнотѣ ночи, исчезнуть навсегда, охватило меня. Потомъ рыданія подступили мнѣ къ горлу, я конвульсивно вздрагивала; сердце мое разрывалось, нервы были страшно напряжены отъ сознанія непоправимаго несчастья и того ужаснаго стыда, который пережило въ эти минуты материнское сердце.

Тотъ... стоялъ передо мной въ полномъ смущеніи, не смѣя ни приблизиться, ни заговорить, ни дотронуться до меня, въ страхѣ, что мой сынъ можетъ вернуться. Наконецъ, онъ произнесъ:

„Я пойду за нимъ... я скажу... я дамъ ему понять... Наконецъ, мнѣ нужно съ нимъ повидаться... чтобы онъ зналъ“...

И онъ вышелъ.

Я ждала... ждала совсѣмъ потерянная, вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ, при малѣйшемъ трескѣ топившагося камина.

Я ждала часъ, ждала два; въ сердцѣ моемъ все разрасталось чувство необъяснимаго ужаса. Такого состоянія я не пожелала-бы и на десять минутъ даже самому преступному человѣку. Гдѣ мой мальчикъ? Что дѣлаетъ онъ?

Около полуночи посыльный принесъ письмо отъ моего любовника. Я его до сихъ поръ помню наизусть: „Вашъ сынъ вернулся? Я его не нашелъ. Самъ я внизу, такъ какъ не хочу подниматься къ вамъ въ такое позднее время“.

Я написала карандашомъ на той же бумажкѣ:

Жанъ не вернулся. Вы должны его отыскать“.

Я провела всю ночь, сидя въ креслѣ. Я ждала. Я начинала сходить съума. Мнѣ хотѣлось выть, бѣгать, кататься по полу. Между тѣмъ я не двигалась: я все ждала. Что будетъ дальше? Мнѣ хотѣлось узнать это, угадать. Но я ничего не предвидѣла, не смотря на всѣ усилія, на всѣ мои муки!

Теперь я уже боялась ихъ встрѣчи. Что они сдѣлаютъ? Что сдѣлаетъ мой сынъ? Я ужасалась, я терзалась.

Вамъ, конечно, это совершенно понятно, сударь? Моя горничная, не зная ничего, поминутно входила ко мнѣ, принимая меня, повидимому, за сумасшедшую. Всякій разъ я отсылала ее прочь. Она пошла за докторомъ, и когда тотъ пришелъ, я была уже въ страшномъ нервномъ припадкѣ.

Меня уложили въ постель. У меня сдѣлалась нервная горячка.

Когда послѣ продолжительной болѣзни я пришла въ себя, у моей постели стоялъ кто-то. Это былъ мой любовникъ. Я закричала: „мой сынъ“?... Гдѣ мой сынъ? Онъ молчалъ.

— Умеръ?.. онъ умеръ?... Онъ застрѣлился?

Онъ отвѣтилъ:

„Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, нѣтъ,—наконецъ, отвѣтилъ онъ. Не смотря на всѣ старанія, мы не могли его найти“.

Вдругъ, въ припадкѣ какой-то необъяснимой злости и негодованія на самое себя, я закричала:

— „Если вы его не отыщете, такъ и сами не смѣйте ко мнѣ приходить и видѣться со мной. Убирайтесь прочь!“

Онъ ушелъ. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Я не видала ни того, ни другого.

Можете ли вы все это представить? Понятны ли вамъ эти ужасныя и долгія муки, которыя надрывали мое сердце—матери и женщины? И всему этому не видно конца!

Нѣтъ, виденъ конецъ... я умираю... Я умираю, не повидавши ни того, ни другого...

Мой старый другъ писалъ мнѣ въ продолженіе двадцати лѣтъ каждый день. Я ни разу не согласилась впустить его къ себѣ ни на одну секунду. Мнѣ все казалось, что въ ту минуту, какъ онъ будетъ здѣсь, появится и мой сынъ! Мой сынъ... Мой сынъ... Умеръ-ли онъ? Живъ-ли онъ? Гдѣ скрывается онъ? Можетъ быть, тамъ, далеко за моремъ, въ далекой сторонѣ, и имени которой я даже не знаю! Думаетъ ли онъ обо мнѣ?... О, еслибъ только онъ зналъ! Какъ дѣти жестоки! Понялъ ли онъ, на какія ужасныя муки онъ обрекъ меня, въ какое отчаяніе повергъ онъ меня, заставивъ терзаться до самой смерти свою мать, тогда еще молодую женщину!? Сознайтесь, вѣдь это жестоко!...

Разскажите все это моему сыну. И повторите ему мои послѣднія слова: „Мое дитя, мое милое дитя, не будь такъ жестокъ къ бѣднымъ женщинамъ. Жизнь и безъ того тяжела и безпощадна Мое милое дитя, подумай о томъ, какова была жизнь твоей матери съ того дня, какъ ты покинулъ ее. Мой милый сынъ, прости ей, люби ее теперь, когда она уже умерла. Она перенесла самое ужасное изъ наказаній...“

Она задыхалась, вздрагивала, волновалась такъ, какъ будто

говорила съ сыномъ, который стоялъ передъ нею. Потомъ прибавила:

„Скажите ему также и то, что я никогда болѣе не видѣлась... съ тѣмъ“...

Она замолкла, но черезъ минуту снова обратилась ко мнѣ:

„Теперь уйдите, пожалуйста. Такъ какъ ихъ нѣтъ около меня, я хочу умереть одна“.

И я ушелъ, господа. Я плакалъ, какъ безумный, и такъ громко всхлипывалъ, что мой кучеръ нѣсколько разъ удивленно оборачивался на меня. И страшно становится при одной мысли, что такія драмы разыгрываются на каждомъ шагу.

— Я не нашелъ этого молодого человѣка, — добавилъ Брюманъ, — этого сына... думайте о немъ, какъ хотите, я же скажу этого... преступнаго сына...

Новогодній сюрпризъ.

Жакъ Рандаль, пообѣдавъ одинъ у себя дома, отпустилъ своего лакея со двора и сѣлъ къ столу писать письма.

Такъ онъ проводилъ послѣдній вечеръ каждаго года, одинъ, за письмами, въ задумчивости.

Онъ мысленно пересматривалъ истекшія за годъ дѣла, дѣла конченныя, мертвыя; и по мѣрѣ того, какъ являлись передъ нимъ лица его друзей, онъ писалъ имъ по нѣскольку строкъ: то былъ его сердечный привѣтъ на новый годъ.

Онъ выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ, вынулъ оттуда фотографическую карточку женщины, посмотрѣлъ на карточку нѣсколько секундъ и поцѣловалъ. Затѣмъ, положивъ карточку рядомъ съ листикомъ почтовой бумаги, онъ началъ писать:

„Милая Ирина, вы навѣрно уже получили небольшой подарокъ отъ меня на память, сдѣланный вамъ, какъ хорошенькой женщинѣ. Я заперся сегодня, чтобы сказать вамъ“... Перо остановилось. Жакъ всталъ и принялся ходить по комнатѣ.

Вотъ уже десять мѣсяцевъ, какъ она была его любовницей; она—женщина незаурядная, не авантюристка какая-нибудь изъ міра подмостковъ или съ улицы, но женщина, которую онъ полюбилъ и побѣдилъ. Онъ не былъ уже юношей, но хотя былъ еще человѣкомъ молодымъ, однако смотрѣлъ на жизнь серьезно, положительно и практично.

Онъ сталъ провѣрять свою страсть, какъ провѣрялъ каждый годъ исчезнувшую или новую дружбу, факты и людей, вошедшихъ въ его жизнь.

Первый пылъ любви прошелъ, и онъ хотѣлъ узнать, съ точ-

ностью прикидывающаго на счетахъ коммерсанта, каково было его чувство къ ней, и старался угадать, чѣмъ оно будетъ впослѣдствіи.

Онъ нашелъ въ своемъ сердцѣ сильную и глубокую привязанность, въ которой были и нѣжность, и благодарность, и тысячи мелочей, порождающихъ продолжительную связь.

Неожиданный звонокъ заставилъ его вздрогнуть. Онъ колебался. Открывать ли? Но онъ сказалъ себѣ, что открыть нужно, что въ ночь на новый годъ надо открывать дверь каждому, кто придетъ и постучится, кто бы онъ ни былъ.

Онъ взялъ свѣчку, прошелъ въ переднюю, отодвинулъ задвижку, повернулъ ключъ, потянулъ дверь — и увидалъ ее... ту, которую любилъ. Она была блѣдна, какъ смерть, и опиралась руками о стѣну.

— Что съ вами?—испуганно прошепталъ онъ.

— Ты одинъ?

— Да.

— Прислуги нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ты не собирался уходить?

— Нѣтъ.

Она вошла въ домъ, какъ своя. Войдя, она опустилась на диванъ и, закрывъ лицо руками, горько заплакала.

Онъ всталъ передъ ней на колѣни, стараясь отстранить ея руки, увидѣть ея глаза и повторялъ:

— Ирина, Ирина, что съ вами? Я васъ умоляю, скажите, что съ вами?

Тогда она проговорила сквозь рыданія:

— Я не въ силахъ такъ жить...

Онъ недоумѣвалъ,

— Такъ жить?..Какъ?...

— Да, я не въ силахъ такъ жить... дома... ты не знаешь... я никогда тебѣ объ этомъ не говорила... Это ужасъ, что такое... Я не въ силахъ больше... Я слишкомъ страдаю... Онъ меня ударилъ...

— Кто... твой мужъ?

— Да... мой мужъ.

— А!

Онъ удивился, такъ какъ не предполагалъ, чтобы ея мужъ былъ такъ грубъ. Это былъ человѣкъ лучшаго общества, человѣкъ круга, любившій лошадей, бывавшій часто за кулисами, хорошо владѣвшій шпагой. Его знали, о немъ говорили, его вездѣ цѣнили. У него были очень хорошія манеры, очень ограниченный умъ, отсутствіе того истиннаго просвѣщенія, которое дѣлаетъ человѣка мыслящимъ существомъ, и преклоненіе передъ всѣми предразсудками хорошаго тона.

Онъ, казалось, достаточно оказывалъ вниманія своей женѣ,

какъ это и должно быть между богатыми и благородными людьми. Онъ заботился о ея желаніяхъ, о ея здоровьи, о ея туалетахъ и предоставлялъ ей свободу во всемъ остальномъ.

Рандаль, сдѣлавшись другомъ Ирины, пріобрѣлъ право на дружеское пожатіе руки ея мужа, въ которомъ всякій мужъ, знающій жизнь, не отказываетъ близкимъ своей жены. Потомъ, когда Жакъ, пробывъ нѣсколько времени другомъ, сдѣлался ея любовникомъ, то отношенія между нимъ и ея мужемъ стали болѣе сердечныя, какъ оно и должно быть.

Онъ никогда не видѣлъ и не предполагалъ ссоръ въ этой семьѣ, и его встревожило это неожиданное открытіе.

Онъ спросилъ:

— Какъ это случилось? разскажи мнѣ.

Тогда она разсказала длинную исторію, всю исторію своей жизни, со дня свадьбы. Первыя недоразумѣнія возникли изъ-за пустяковъ; они увеличивались съ каждымъ днемъ; виною было несходство характеровъ.

Потомъ пошли ссоры; они прекратили супружескую жизнь, но продолжали жить подъ одной кровлей.

Потомъ... мужъ сдѣлался придирчивымъ, подозрительнымъ, грубымъ. Теперь онъ ревновалъ ее къ Жаку и не дальше, какъ сегодня, послѣ сцены ревности, онъ ударилъ ее.

Она прибавила рѣшительно:

— Я не вернусь больше къ нему. Дѣлай со мной, что хочешь.

Жакъ сѣлъ противъ нея, такъ что колѣни ихъ касались. Онъ взялъ ее за руки:

— Мой другъ, вы сдѣлаете огромную, непоправимую глупость. Если вы хотите разойтись съ мужемъ, устройте такъ, чтобы вина была на немъ, чтобы ваша репутація свѣтской, безупречной женщины осталась за вами.

Она спросила, бросивъ на него безпокойный взглядъ:

— Что-же ты мнѣ посовѣтуешь?

— Возвратиться къ себѣ и переносить все до того дня, пока вы не получите права на разъѣздъ или на разводъ, выйдя съ честью изъ этого положенія.

— Вѣдь это немного подло, что вы мнѣ совѣтуете?

— Нѣтъ, это умно и разсудительно. У васъ высокое положеніе, имя, которое надо охранить, друзья, которыхъ вы не должны лишаться, и, наконецъ, родители, которыхъ вы обязаны поберечь. Не забывайте этого, не нужно терять все однимъ безразсуднымъ поступкомъ.

Она встала и съ силой сказала:

— Такъ нѣтъ-же, не могу больше; кончено, кончено, кончено!

Затѣмъ, положивъ обѣ руки на плечи своего любовника и смотря ему пристально въ глаза, она спросила:

— Любишь-ли ты меня?

— Люблю.

— Правда?

— Да.

— Тогда оставь меня у себя.

Онъ вскричалъ:

— Тебя оставить? У меня? Здѣсь? Да ты съ ума сошла! Да это значило бы погубить тебя, погубить безвозвратно! Ты съ ума сошла!

Она продолжала, медленно и серьезно, какъ-бы сознавая всю важность своихъ словъ:

— Послушайте, Жакъ. Онъ запретилъ мнѣ видаться съ вами, а я не стану ломать комедіи и приходить къ вамъ потихоньку. Теряйте меня или оставьте меня у себя.

— Въ такомъ случаѣ, милая Ирина, добывайте разводъ, и я женюсь на васъ.

— Да, вы женитесь на мнѣ года.... самое раннее черезъ два. У васъ терпѣливая любовь.

— Ну, подумайте. Если вы останетесь здѣсь, онъ завтра возьметъ васъ обратно, такъ какъ онъ вашъ мужъ, такъ какъ на его сторонѣ и право, и законъ.

— Я васъ не просила оставить меня у себя, Жакъ, но увезти меня куда-нибудь. Я думала, что вы меня достаточно любите для этого. Я ошиблась. Прощайте.

Она повернулась и направилась къ дверямъ такъ быстро, что онъ удержалъ ее уже при самомъ выходѣ.

— Послушайте, Ирина...

Она отбивалась, не желая ничего слушать, съ глазами, полными слезъ, и бормотала:

— Пустите меня... Пустите меня... Пустите...

Онъ силой посадилъ ее, сталъ снова передъ ней на колѣни и, приводя всѣ доказательства и причины, пытался объяснить ей безуміе и большую опасность ея проекта. Онъ не позабылъ ничего изъ того, что могло убѣдить ее, находя въ своемъ чувствѣ къ ней всевозможные аргументы для убѣжденія.

Она молчала и оставалась холодной. Онъ просилъ ее, умолялъ слушать, вѣрить ему, послѣдовать его совѣту.

Когда онъ кончилъ говорить, она отвѣтила только:

— Отпустите-ли вы меня теперь? Пустите меня, дайте встать.

— Послушайте, Ирина...

— Пустите меня.

— Ирина... Ваше рѣшеніе безповоротно?

— Пустите-же меня!

— Скажите только, безповоротно-ли ваше безумное рѣшеніе, въ которомъ вы горько раскаетесь?

— Да отпустите же меня!

— Тогда оставайся. Ты вѣдь знаешь, что ты здѣсь дома. Мы уѣдемъ завтра утромъ.

Она порывисто встала и сказала сухо:

— Нѣтъ. Поздно. Я не хочу жертвъ, не хочу самопожертвованія.

— Останься. Я сдѣлалъ, что былъ обязанъ сдѣлать; я сказалъ, что долженъ былъ сказать. На мнѣ нѣтъ больше отвѣтственности за тебя. Моя совѣсть спокойна. Скажи твои желанія, и я исполню ихъ.

Она снова сѣла, посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, потомъ спросила спокойнымъ голосомъ:

— Тогда объясни.

— Что? Что ты хочешь, чтобы я объяснилъ?

— Все... Все, что ты передумалъ, измѣнивъ такъ быстро рѣшеніе. А я посмотрю, какъ мнѣ поступить.

— Да я ничего не думалъ. Я долженъ былъ предупредить тебя, что то, что ты собиралась сдѣлать, безумно. Ты стоишь на своемъ, и я прошу своего участья въ этомъ безуміи и даже требую этого.

— Это неестественно—такъ быстро мѣнять рѣшенія.

— Послушай, милая. Тутъ идетъ дѣло не о жертвѣ, не о самопожертвованіи. Въ тотъ день, когда я понялъ, что люблю тебя, я сказалъ себѣ то, что должны были бы говорить себѣ влюбленные въ подобныхъ случаяхъ:

Человѣкъ, который любитъ женщину, старается побѣдить ее, получаетъ и овладѣваетъ ею, принимаетъ передъ самимъ собой и передъ нею священное обязательство. Рѣчь идетъ, конечно, о женщинѣ, подобной вамъ, а не о той, которую легко побѣдить.

Бракъ, имѣющій большое общественное и юридическое значеніе, имѣетъ въ моихъ глазахъ очень небольшое значеніе — нравственное, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ обыкновенно совершается.

И потому, если женщина связана этой юридической цѣпью съ человѣкомъ, котораго она не любитъ, и который не любитъ ея въ свою очередь, то вполнѣ естественно, что она отдается тому, который понравится ей. И вотъ, если мужчина сходится съ женщиной такимъ образомъ, по любви, то, по моему мнѣнію, они берутъ на себя взаимное обязательство, гораздо болѣе законное, чѣмъ то смущенное „да“, которое было произнесено когда-то предъ шарфомъ мэра.

Я говорю, если они оба благородные люди, ихъ союзъ долженъ быть тѣснѣе, прочнѣе и здоровѣе, чѣмъ если-бы онъ былъ освященъ всѣми обрядами.

Здѣсь женщина рискуетъ всѣмъ. И именно потому, что она это знаетъ, что отдаетъ все свое сердце, свое тѣло, свою душу, свою честь, свою жизнь, потому что она предвидѣла всѣ не-

счастья, всю опасность, всѣ ужасы, предпринимая этотъ отважный шагъ, потому что она готова ни передъ чѣмъ не останавливаться, зная, что мужъ можетъ ее убить и свѣтъ оттолкнуть,— ее можно уважать въ ея супружеской невѣрности. Но и любовникъ, пріобрѣтая ее, долженъ также все предвидѣть, всему заранѣе предпочесть ее. Мнѣ больше нечего сказать. Я говорилъ сначала, какъ разумный человѣкъ; теперь во мнѣ остается человѣкъ, васъ любящій. Приказывайте!

Она, сіяющая, закрыла ему ротъ своими губами, сказавъ чуть слышно:

— Это все была неправда, милый! Ничего не случилось. Мой мужъ ничего не подозрѣваетъ. Но мнѣ хотѣлось посмотрѣть, узнать, что бы ты сталъ дѣлать... мнѣ хотѣлось получить... новогодній подарокъ твоего сердца... новогодній подарокъ, не похожій на то ожерелье. Ты мнѣ его далъ. Благодарю... благодарю... Боже, какъ я счастлива!..

Фермеръ.

Во время моего пребыванія на фермѣ у барона Рене-де-Трейль, отъ котораго я получилъ приглашеніе поохотиться, я услышалъ печальную быль, которая, помимо своего интереса, объяснила мнѣ болѣе чѣмъ дружеское отношеніе барона къ его фермеру. Вотъ что расказалъ баронъ:

Жанъ (такъ звали фермера) былъ сначала деньщикомъ у моего отца, а затѣмъ, когда отецъ вышелъ въ отставку, остался у него въ качествѣ лакея. Ему было тогда уже 40 лѣтъ.

У матери моей служила горничной замѣчательно красивая дѣвушка.

Жанъ безумно полюбилъ эту дѣвушку. Она была такъ хороша, что я тоже не могъ видѣть ее равнодушно. Жанъ исхудалъ и страшно измѣнился. Думали, что онъ боленъ, и хотѣли его лѣчить.

Однажды утромъ Жанъ сказалъ робкимъ голосомъ моему отцу, когда тотъ брился:

— Г. баронъ...

— Ну, что?

— Мнѣ не лѣкарства нужны...

— А что-же?

— Мое лѣкарство—женитьба!

Отецъ мой остолбенѣлъ:

— Какъ ты сказалъ? что?

— Мое лѣкарство—женитьба.

— Женитьба? Значитъ, ты влюбленъ... животное?

— Точно такъ, г. баронъ.

Мой отецъ принялся такъ хохотать, что матушка закричала ему черезъ стѣну:

— Что съ тобой, Гонтранъ?

— Поди сюда, Катринъ,—отвѣтилъ онъ.

И когда она вошла, онъ разсказалъ ей со слезами на глазахъ отъ смѣха, что его безумный лакей, какъ животное, боленъ отъ любви.

Но мать не смѣялась. Она была тронута этимъ.

— Кого это ты такъ полюбилъ, милѣйшій?

Онъ объявилъ, не колеблясь:

— Луизу, г-жа баронесса.

Мать съ важностью возразила:

— Мы это постараемся устроить.

Она позвала Луизу и разспросила ее. Луиза отвѣтила, что она прекрасно знала о пламенной любви Жана къ ней. Жанъ уже нѣсколько разъ объяснялся ей въ любви, но она не соглашалась выйти за него. Причину своего отказа она не сказала.

Прошло два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ отецъ и мать не переставали убѣждать эту дѣвушку выйти замужъ за Жана. Такъ какъ она клялась, что никого другого не любила, то не могла привести никакой серьезной причины своего отказа. Отецъ, наконецъ, побѣдилъ ея упрямство большимъ серебрянымъ подаркомъ. Имъ устроили ферму на землѣ, гдѣ мы съ вами находимся въ данный моментъ. Съ того времени они покинули замокъ, и я ихъ не видѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Черезъ три года я узналъ, что Луиза умерла отъ чахотки. Отецъ и мать умерли около того же времени. Прошло еще два года; я все не встрѣчался съ Жаномъ.

Наконецъ, однажды осенью, въ концѣ октября, мнѣ пришла въ голову мысль отправиться поохотиться въ это имѣніе, которое тщательно оберегалось. По увѣренію моего фермера, оно изобиловало дичью.

Я пріѣхалъ въ этотъ домъ, къ Жану, въ дождливый вечеръ. Я былъ пораженъ, найдя стараго солдата моего отца совсѣмъ сѣдымъ, не смотря на то, что ему было не болѣе сорока пяти—шести лѣтъ.

Я пообѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ за этимъ самымъ столомъ, за которымъ мы съ вами теперь сидимъ. Дождь лилъ ливмя; слышно было, какъ онъ хлесталъ по крышѣ, стѣнамъ и окнамъ; ручьи въ изобиліи бѣжали по двору, и собака моя выла въ хлѣву точно такъ же, какъ сегодня воютъ наши собаки.

Вдругъ, какъ только служанка ушла спать, Жанъ пробормоталъ:

— Г. баронъ...

— Что, Жанъ?

— Я имѣю кое-что вамъ сообщить.

— Что-же, говори.
— То... то, что меня безпокоитъ.
— Ладно. Говори.
— Вы хорошо помните Луизу, мою жену?
— Конечно, я ее прекрасно помню.
— Она меня уполномочила передать вамъ одно дѣло.
— Какое дѣло?
— Ея... ея... какъ говорятъ, признаніе...
— А!... ну, что-же?
— Мнѣ не хочется вамъ объ этомъ говорить... но надо... надо... Итакъ... она умерла не отъ чахотки.... а... отъ горя.... вотъ и конецъ длинной исторіи. Съ тѣхъ поръ, какъ она переѣхала сюда, она начала худѣть, такъ измѣнилась, что черезъ шесть мѣсяцевъ ее нельзя было узнать. Все было съ ней такъ же, какъ и со мной до женитьбы; но причина была совсѣмъ другая. Я позвалъ врача; онъ сказалъ, что у нея болѣзнь печени и апатія. Я накупилъ лѣкарствъ на триста франковъ. Но она не хотѣла ихъ принимать, говоря:
— Не стоитъ труда, Жанъ. Это не поможетъ.

Но я видѣлъ, что у нея болѣло глубоко внутри. И когда я ее засталъ однажды въ слезахъ, я не зналъ, что дѣлать. Я накупилъ ей шляпъ, платьевъ, помады для волосъ, серегъ. Ничто не помогало. Я понялъ тогда, что она умретъ.

И вотъ въ одинъ изъ снѣжныхъ вечеровъ, въ концѣ ноября (она въ этотъ день не покидала постели), она меня попросила привести священника. Я отправился.

Какъ только онъ пришелъ, она сказала мнѣ:

— Жанъ, я должна исповѣдаться передъ тобой. Слушай, Жанъ. Я тебя никогда не обманывала ни до свадьбы, ни послѣ. Здѣсь священникъ, онъ тебѣ подтвердитъ это; онъ знаетъ мою душу. Итакъ, слушай. Если я умру, то только потому, что я не могла сродниться съ мыслью, что я не буду больше въ замкѣ... такъ какъ я... слишкомъ сильно... была привязана къ г. барону Рене... ты слышишь, только—слишкомъ привязана—и больше ничего. Это меня убило. Когда я его не видала, я чувствовала, что я приближаюсь къ смерти. Когда же онъ былъ вблизи, я жила имъ. Мнѣ достаточно было только видѣть его. Я хочу, чтобы ты сказалъ ему объ этомъ какъ-нибудь потомъ, когда меня не будетъ уже на этомъ свѣтѣ. Ты ему скажешь? Клянись... клянись, Жанъ, передъ священникомъ. Сознаніе, что онъ будетъ знать, что я отъ этого умерла, утѣшитъ меня... и вотъ... клянись въ этомъ...

Я обѣщалъ ей, г. баронъ, и я сдержалъ свое слово, слово честнаго человѣка.

И онъ замолкъ, глядя мнѣ прямо въ глаза.

Боже, вы не можете себѣ представить, мой другъ, какое душевное волненіе охватило меня, когда я слушалъ этого бѣднягу, жену котораго я убилъ, самъ того не зная. Онъ разсказывалъ мнѣ все это въ такую же дождливую ночь, въ этой самой кухнѣ.

Я бормоталъ:

— Мой бѣдный Жанъ! мой бѣдный Жанъ!

Онъ прошепталъ:

— Вотъ и вся исторія, г. баронъ. Ни вы, ни я ничего здѣсь сдѣлать не можемъ... это уже кончено...

Я потянулся черезъ столъ, взялъ его за руку и заплакалъ.

Онъ спросилъ:

— Хотите пойти на могилу?

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія. Говорить я не могъ.

Онъ всталъ, зажегъ фонарь, и мы отправились подъ дождемъ; свѣтъ нашего фонаря рѣзко освѣщалъ косыя капли, мелькавшія какъ стрѣлы.

Онъ открылъ калитку, и я увидалъ кресты изъ чернаго дерева.

Онъ неожиданно сказалъ: „Тамъ, передъ мраморной плитой“, и поставилъ фонарь, чтобы я могъ прочесть надпись:

„Луизѣ-Гортензіи Маринетъ
женѣ Жана-Франца Лебрюмана
земледѣльца.
Она была вѣрная жена. Миръ ея душѣ“!

Мы стояли на колѣняхъ въ грязи. Фонарь былъ между нами, и я смотрѣлъ, какъ дождь билъ по бѣлому мрамору, водяною пылью отскакивая отъ плиты, и затѣмъ стекалъ съ четырехъ сторонъ холоднаго и непроницаемаго камня. Я думалъ о душѣ той, которая умерла... О, бѣдная душа!... бѣдная душа!...

. . . .

. . . .

Съ тѣхъ поръ я пріѣзжаю сюда каждый годъ. Не знаю отчего, но я чувствую всегда смущеніе передъ этимъ человѣкомъ, который словно отпускаетъ мнѣ вину.

Е. Л.

СНѢГУРОЧКА.

Изъ сибирскихъ разсказовъ.

I.

Снѣгурочкѣ было подъ тридцать, а быть можетъ и за тридцать. Судя по тому, что дочь ея была уже въ третьемъ классѣ гимназіи, и раньше дѣвочки былъ еще мальчикъ, умершій. Лицо у нея было холодное, скучное, какое-то сѣрое, движенія вялыя и неувѣренныя, и одѣвалась она въ простенькія самодѣльныя кофточки, и говорила тѣмъ самодѣльнымъ говоромъ, какимъ говорятъ въ глухихъ деревняхъ нетронутые россійской цилизаціей сибиряки, и имя у нея было неизящное—Евфросинья Степановна... И всетаки я звалъ ее про себя Снѣгурочкой, и снѣгурочкой осталась она въ моей памяти.

Тоненькая и стройная, какъ молоденькая лиственница, съ несложившейся фигурой и бѣлокурыми, совсѣмъ свѣтлыми волосами,—бѣленькая и какая-то хрупкая, она выглядѣла дѣвушкой, немного постарше своей дочери, а иногда и гимназисткой выпускныхъ классовъ, когда сидѣла въ своей любимой позѣ, наклонившись надъ книгой за маленькимъ столомъ ея дочери, какъ я часто видалъ, когда бывалъ у мужа ея—Иннокентія Демьяновича. Бѣлокурая голова поднималась отъ книги и смотрѣла вдаль долго и неподвижно; тогда, казалось, она старается что-то вспомнить, — трудное и нужное, и ей грустно, что она не можетъ вспомнить...

Особенные у нея были глаза. Холодные и прозрачные, они были того блѣдно-голубоватаго цвѣта, какимъ выглядитъ зимній снѣгъ; временами они темнѣли и становились совсѣмъ синіе, какъ тотъ странный снѣгъ, какимъ онъ бываетъ весной; тогда глаза дѣлались большіе, глубокіе и теплые.

Тогда сѣрое, скучное лицо оживлялось и согрѣвалось, и движенія становились порывисты, и тоненькая гибкая фигура выпрямлялась и словно выростала, и совсѣмъ по другому звенѣлъ голосъ, и совсѣмъ другія,—русскія горячія слова неслись въ воздухѣ... И я съ удивленіемъ слушалъ и съ удив-

леніемъ смотрѣлъ на измѣнившееся возбужденное лицо съ расширившимися, посинѣвшими глазами.

Долго я видѣлъ только сѣрое лицо и зимніе глаза. Завернувшись въ свою теплую шаль,—казалось, ей всегда было холодно,—она молча протягивала мнѣ холодную снѣжную руку, уходила въ свою комнату, и до меня доносился оттуда только монотонный голосъ ея, диктовавшій дочери диктантъ. Изрѣдка выйдетъ она въ залъ, гдѣ мы бесѣдовали съ Иннокентіемъ Демьяновичемъ о сибирскихъ матеріяхъ, на минуту остановится въ дверяхъ, прислушается, взглянетъ то на одного, то на другого своимъ сѣрымъ безучастнымъ лицомъ, и опять скроется. Я пробовалъ заговаривать съ ней, но у насъ ничего не выходило, — дикая и застѣнчивая, она подавала короткія, неуклюжія реплики въ отвѣтъ на мои вопросы, и разговоръ обрывался.

А меня она очень интересовала. Мнѣ хотѣлось знать, кто читаетъ эти книжки журналовъ, которыя я часто находилъ открытыми на столѣ, и для кого стоитъ на полкахъ эта толпа русскихъ писателей. Я зналъ, что не для Иннокентія Демьяновича. Его библіотека была совсѣмъ особенная и заключала въ себѣ довольно полное собраніе сочиненій стараго Никольскаго рынка. Тамъ были и „Тайны природы и человѣческаго духа“, и „40,000 секретовъ“, и „Чудеса“, всякихъ міровъ, и „Загробная жизнь“, и „Самоновѣйшій лѣчебникъ“ и пр., и пр., все то, что путемъ упорныхъ сбереженій съ десяти лѣтъ, соблазняемый необыкновенными заглавіями и обуреваемый жаждой проникнуть во всякія „Чудеса и Тайны“, выписывалъ Иннокентій Демьяновичъ. Удивительная библіотека давно лежала сваленная въ сундуки, давно и самъ онъ узналъ, и добрые люди указали, что все это хламъ, годный только на растопку, успѣлъ прочитать другія книги и сдѣлался тѣмъ развитымъ, но необразованнымъ, обо многомъ думавшимъ и многое понимавшимъ, но не знавшимъ элементарныхъ вещей, извѣстныхъ всякому гимназисту,—особеннымъ человѣкомъ, какихъ много въ Россіи вообще и въ Сибири въ частности. Съ нимъ можно было говорить о чемъ угодно, но я зналъ, что онъ мало интересуется Россіей, газеты читаетъ только сибирскія, а изъ русскихъ журналовъ только историческіе, къ которымъ онъ почему-то пристрастился—тогда онъ восхищался дневникомъ Пирогова—и гдѣ онъ особенно старательно выискивалъ воспоминанія и разсказы про старые крѣпостные порядки.

Приходилось думать, что журналы лежатъ для жены его, но въ моей головѣ какъ-то не связывались эти журналы и книги и скучная сѣрая фигура съ топорными деревенскими фразами, казавшаяся такой примитивной, не культурной.

Помню какъ-то, въ зимній вьюжистый вечеръ я пріѣхалъ къ нимъ изъ подгородной деревушки, гдѣ я жилъ тогда—въ ихъ маленькій трехъ-оконный домикъ, помѣщавшійся на краю города, рядомъ съ тайгой, окружавшей городокъ кольцомъ. Дѣвочка спала, Иннокентія Демьяновича дома не было, жена его была одна и въ какомъ-то особенномъ настроеніи. Она приняла меня холоднѣе обыкновеннаго, почти вовсе не замѣчала меня и все время сидѣла въ дальнемъ углу, прильнувши къ окну. А снѣжный буранъ крутилъ и метался, и бѣлыми хлопьями бился въ окна. Временами поднимался вой тайги— долгій, тяжелый, и все росъ и угрюмымъ шумомъ наполнялъ комнату. Тогда завернувшаяся въ шаль худенькая фигура въ дальнемъ углу вздрагивала и плотнѣе припадала къ окну, и въ отвѣтъ на мои вопросы падали оттуда въ комнату какія-то не подходящія фразы, безсвязныя, случайныя, о которыхъ, очевидно, она и не думала.

Совершенно неожиданно она вскочила, посмотрѣла на меня странными, сузившимися глазами и торопливо, путаясь, заговорила:

— Ужъ вы не сердитесь, пожалуйста... Сдѣлайте милость, не сердитесь... Не могу я... Никакъ нельзя... Онъ придетъ, Иннокентій Демьяновичъ, сейчасъ придетъ. Такъ и сказалъ...

Она кинулась въ сосѣднюю комнату, тотчасъ-же вышла, торопливо натягивая кофточку, проскользнула въ переднюю и, кинувши мнѣ: „Онъ придетъ... Такъ и сказалъ“...—скрылась...

Мнѣ нужно было сговориться съ Иннокентіемъ Демьяновичемъ о поѣздкѣ на пріискъ, куда мы давно собирались, да и не хотѣлось возвращаться домой. Я только что отпрягъ и поставилъ подъ навѣсъ мою лошадь,—приходилось снова запрягать, снова плестись по выбитымъ обозами ухабамъ между двумя рядами этого невеселаго темнаго лѣса, вязнуть въ сугробахъ околицы и вернуться въ продуваемую, какъ рѣшето, мою избушку на курьихъ ножкахъ, — за тѣмъ, чтобы слушать, какъ несется буранъ мимо оконъ, какъ воетъ тайга, и думать подходящія одинокія думы, которыя такъ любятъ приходить въ подобные вечера и отъ которыхъ я только что бѣжалъ. Какая-то физическая истома не пускала меня двинуться отъ тепла жарко натопленной комнаты, отъ шумящаго самовара, отъ уюта семейнаго дома. Я остался ждать хозяина.

Кто такой былъ Иннокентій Демьяновичъ,—трудно сказать. Оффиціально онъ назывался „служащій“, но русское понятіе „служащій“ такъ же мало опредѣляло его, какъ мало походитъ сибирскій купецъ на русскаго купца. Сибирь тогда еще не дошла до раздѣленія труда и дифференцированія торговыхъ функцій. Одинъ и тотъ же купецъ, въ большинствѣ случаевъ самъ составлявшій свое состояніе, занимался и зо-

лотопромышленностью, и велъ дѣла съ инородцами по пушнинѣ, рыбѣ и мамонтовой кости, и дѣлалъ хлѣбныя операціи, и имѣлъ универсальный магазинъ, гдѣ было все,—отъ дегтя и хомутовъ до бархата и шампанскаго включительно.

Такія же многообразныя функція исполнялъ и Иннокентій Демьяновичъ, только за прилавкомъ никогда не сидѣлъ. Тотчасъ послѣ окончанія городского училища, еще мальчикомъ, онъ поступилъ на пріиска, прошелъ всѣ ступени пріисковой лѣстницы, бывалъ и въ тундрѣ у инородцевъ, и ѣздилъ въ южныя сибирскія степи за хлѣбомъ и скотомъ, а большую часть своей жизни провелъ въ поискахъ за золотомъ, въ плаваньи по пустыннымъ рѣкамъ, въ скитаньи по безлюднымъ таежнымъ сопкамъ. Ширококостный, на короткихъ ногахъ, съ узкимъ прорѣзомъ глазъ, съ рѣдкой растительностью на подбородкѣ—въ его жилахъ текла несомнѣнная примѣсь бурятской крови—молчаливый и повидимому неповоротливый, онъ былъ типичнымъ представителемъ тѣхъ служащихъ въ Сибири людей, которые дѣлаютъ ея исторію—покоряютъ природу, прокладываютъ новые таежные пути, изслѣдуютъ пустынныя, никому невѣдомыя рѣки, наполняютъ рѣдкостями музеи Сибири,—тѣхъ характерныхъ сибирскихъ людей, которые повидимому перестали понимать, что такое опасность и испытывать то чувство, которое называется страхомъ. О подвигахъ Иннокентія Демьяновича я давно слышалъ, но познакомились мы случайно и, не знаю почему, сдѣлались пріятелями.

Когда вставали въ умѣ всякіе вопросы и воспоминанія и это скверное сомнѣніе закрадывалось въ душу и поднималась та глухая тоска, съ которой такъ скучно сидѣть одному въ холодной избушкѣ на курьихъ ножкахъ, — нужно было ѣхать къ Иннокентію Демьяновичу и слушать, какіе озорники тѣ медвѣди, которые не ложатся на зиму въ берлогу, и какъ не хорошо дышетъ въ лицо медвѣдь, если невзначай облапитъ тебя въ тайгѣ, какъ неудобно бываетъ, если лодка налетитъ на камень и упадутъ въ воду ружье и провизія и приходится сотню, другую верстъ пробираться пѣшкомъ по пустыннымъ мѣстамъ, и какая невкусная сырая рыба и дичь безъ соли. О себѣ онъ избѣгалъ говорить и предпочиталъ разсказывать о своихъ пріятеляхъ, а такъ какъ пріятелей у него было много и всѣ они были такіе-же „служащіе", какъ и онъ, то и матеріалъ для разсказовъ у насъ не истощался.

Сначала мнѣ было довольно трудно разговаривать, пока я не обучился сибирскому языку.

— Какой парень-то могучій потерялся! Молодыми-то товарищи были...

— Гдѣ потерялся?—интересуюсь я.

— Въ деревнѣ... Въ Кемской.

— Какъ же это онъ тамъ потерялся?

Я знаю Кемскую и удивляюсь.

— Напали на него трое,—думали деньги на разсчетъ рабочихъ везетъ. Двоихъ-то онъ уложилъ, а третій топоромъ должно быть по башкѣ угодилъ... Привезли въ Кемскую,— три дня только протянулъ...

— Потерялся?—все продолжаю недоумѣвать я.

Мой собесѣдникъ тоже недоумѣваетъ, почему я пристаю къ нему съ глупыми вопросами, и коротко отвѣчаетъ:

— Ну...

Пріѣхалъ онъ какъ-то изъ губернскаго города и сообщаетъ мнѣ свѣжую новость:

— Ивана-то Алексѣевича знавали? Пропалъ!...

— Гдѣ пропалъ?—спрашиваю я.

— У себя на имянинахъ, за обѣдомъ... Только что „уру" за его здоровье закричали, а онъ покатился со стула и не охнулъ.

Понемногу я привыкаю, перестаю задавать глупые вопросы и только интересуюсь знать, отчего „теряются" и какъ по настоящему „пропадають" люди.

...... — Послалъ какъ-то хозяинъ нашъ другого служащаго— я-то хворалъ тогда—Пыжова, Андрея Андреевича, осенью въ тайгу съ деньгами. Недѣля проходитъ, мѣсяцъ проходитъ, полгода... Пишутъ изъ тайги: не являлся. Чтобы убитъ, либо еще что-нибудь,—нельзя было подумать,—шестеро рабочихъ съ нимъ. Хоть и вѣрный человѣкъ былъ, старый служащій, испытанный, а подумалъ на него хозяинъ, — большія деньги съ нимъ были: подѣлился, молъ, съ рабочими да и убѣжалъ. Телеграммы разослалъ по всѣмъ мѣстамъ, — въ Колывани кого-то сцапали, да оказалось не онъ. И забывать стали... Только. ѣду я разъ по Енисею такъ въ мартѣ, далеко отсюда—верстъ десять, а можетъ пятнадцать—тамъ Енисей-то шириной будетъ... маленечко заблудился я въ буранъ,—ѣду по срединѣ и смотрю, что за чудо: сидятъ люди въ снѣгу, кучкой, другъ къ дружкѣ наклонились, словно сговариваются про что. Подъѣзжаю,— мерзлые... Лица бѣлыя—бѣлыя, какъ снѣгъ, и словно спятъ Только плечи да головы надъ сугробомъ... Откопали мы,—въ лодкѣ сидятъ. Попали видно въ сало и затерло льдами... Кто за весла еще руками держится, одинъ внизу лежитъ, лицомъ ко дну,—должно укрыться хотѣлъ, а на кормѣ Андрей Андреевичъ сидитъ — лицо такое сердитое, въ ногахъ полчетверти водки замерзшей. И деньги всѣ при немъ,—цѣлы...

И другой случай разсказываетъ мнѣ Иннокентій Демьяновичъ, когда отъ людей остались только головешки ихъ костра, да котелокъ, да обглоданныя звѣриными зубами человѣческія кости... И третій случай, когда отъ людей ничего не осталось,

и ждутъ ихъ въ семьѣ цѣлые года, пока время не сотретъ ихъ память...

Тогда Россія постепенно уходитъ вдаль, и россійскія печали и сомнѣнія затихаютъ, и начинаешь проникаться настроеніемъ Сибири,—этой огромной, не дифференцированной, не вѣдающей рефлексій Сибири, гдѣ все такъ просто и несомнѣнно,—медвѣдь, буранъ, сопка, въ пятнадцать верстъ ширины рѣки, на тысячи верстъ тайга, гдѣ люди еще не дожили до того, чтобы „помирать“, „опочивать“, „преставляться“ и даже не успѣваютъ „отойти“ и „кончиться“, а просто „теряются“ и „пропадаютъ“...

II.

Иннокентій Демьяновичъ пришелъ, наконецъ. Изъ за самовара выглядываетъ его мохнатая, скуластая голова и опущенные внизъ рыжіе усы. Онъ попыхиваетъ своей неизмѣнной трубочкой и „разговариваетъ“.

— Что же на пріиски,—ѣдемъ, что ли?—спрашиваю я.

— Ну...—слышится изъ за самовара. Въ переводѣ на человѣческій языкъ это значитъ: ѣдемъ.

— Скоро?

— Ну!...

Было очевидно, что не скоро и даже совсѣмъ не скоро.

— Но вѣдь тогда рѣка пройдетъ!.. И транспортъ пропустимъ... Придется верхомъ ѣхать, вдвоемъ!

Оказывается, что мой собесѣдникъ именно и собирается, ѣхать верхомъ, послѣ ледохода, такъ какъ положительно говоритъ:

— Ну...

Въ моей душѣ поднимаются опасенія.

— Двѣсти верстъ слишкомъ по тайгѣ,—протестую я.—Говорятъ, весной медвѣди голодные и злые,—они насъ не того?

Изъ за самовара вылетаетъ клубъ табачнаго дыма и длинное крылатое слово:

— Ну-у-у!!!...

Я устыдился, такъ какъ мой собесѣдникъ ясно выразилъ и снисходительную жалость ко мнѣ, и свое презрѣніе къ медвѣдямъ и двумъ стамъ верстъ; поэтому я рѣшительно объявляю:

— Ладно,—ѣду!..

Такимъ образомъ, вопросъ о поѣздкѣ достаточно обсужденъ и детально вырѣшенъ. Мы молчимъ и куримъ.

— А гдѣ Афросинья Степановна?—спрашиваетъ меня Иннокентій Демьяновичъ.

Мнѣ хочется отмстить и позлить своего собесѣдника, и я отвѣчаю:

— Ну.

— Давно ушла? Не говорила, куда?

— Ну!..

Моя месть и злость проходятъ незамѣченными, мой собесѣдникъ совершенно удовлетворяется моими отвѣтами и только спрашиваетъ:

— Не замѣтили,—одѣлась?

Я протянулъ такое длинное и выразительное—„ну...“, что онъ поднялся съ мѣста и пошелъ въ другую комнату.

— Ничего,—успокоившись, говоритъ онъ.—Валенки надѣла, кофточку. Теперь долго пробѣгаетъ...

— Какъ это пробѣгаетъ?—удивился я.

— А такъ... Вотъ теперь и носится по улицамъ, либо надъ рѣкой. А, можетъ, въ тайгу еще забралась.

Вѣроятно мое лицо продолжало выражать удивленіе,—онъ продолжалъ:

— Въ родѣ какъ пьяницы бываютъ запойныя, такъ и она... Услышитъ буранъ,—не удержишь. И всё наровитъ къ тайгѣ поближе,—первое ей это удовольствіе. Иногда, въ чемъ сидитъ, выскочитъ. Чудна́я вѣдь она у меня...

Иннокентія Демьяновича нужно было долго раскачивать, пока онъ бросалъ свое „ну“ и начиналъ членораздѣльную рѣчь. Теперь, къ моему удивленію, онъ самъ заговорилъ и началъ разсказывать съ тѣмъ оживленіемъ, которое было доступно ему.

Медленно и неуклюже шагаетъ онъ по комнатѣ. Время отъ времени останавливается и прислушивается къ тому, что дѣлается за окномъ,—тогда останавливается движущійся по бѣлой стѣнѣ темный силуэтъ съ мохнатой головой, — такъ удивительно похожій на поднявшагося на заднія лапы медвѣдя.

— Въ тайгѣ родилась... Отецъ-то ея изъ рабочихъ, съ молодыхъ лѣтъ на пріискахъ остался, послѣ матеріальнымъ служилъ у Голыхъ, Анисима Лаврентьевича; тамъ и выросла, и замужъ за меня вышла. Двое ужъ ребятъ у насъ было, какъ въ первый разъ изъ тайги она выѣхала.

...— Умора была, какъ пріѣхали,—улыбаясь говоритъ разсказчикъ.—Вѣдь деревни Фрося никогда не видала, а тутъ какой ни какой—городъ... Знаете, у Карпа Михайловича большой-то домъ, каменный, двухъэтажный,—остановится и смотритъ, и смотритъ. Въ соборъ вошла, испугалась даже... Только не долго дивилась,—заскучала скоро. Съ бабьемъ городскимъ что-то не склеилось у ней, да къ тому-же мальчикъ нашъ въ скорости отъ скарлатины померъ. Стала говорить: жили-бы въ тайгѣ,— живъ-бы остался, не захворалъ бы... А тутъ подошло время

ѣхать мнѣ въ развѣдочную партію. Боюсь оставить одну,— совсѣмъ затосковала, мѣста не находитъ, какъ-бы, думаю, безъ меня чего не случилось... Думалъ-думалъ,—и она-то просится: „увези, говоритъ, меня отсюда"!—Дочку у сестры оставилъ, да и поѣхалъ.

— Съ ней?

— Ну... Да вы что думаете, Афросинья-то Степановна? Стрѣляетъ,—тунгусу не уступитъ, а на лыжахъ—я скорѣе устану.

— И знаете?—онъ остановился предо мной.—Сразу вѣдь ожила, какъ на лыжи встала. И вернулась—всякое мнѣніе прошло.

Я совсѣмъ не желалъ удовлетворяться такимъ коротенькимъ разсказомъ, и мнѣ нѣсколько смутно рисовалась фигура Евфросиньи Степановны, участвующей въ развѣдочной партіи.

— Да разскажите вы толкомъ... Я вѣдь совсѣмъ не знаю, какая такая партія, какъ вы тамъ орудуете?..

— Извѣстно какъ... Лыжи тунгусскія надѣнемъ, саночки лёгкія приспособимъ въ родѣ нартъ, провіантъ возьмемъ, инструментъ... Придемъ въ долину, гдѣ развѣдку дѣлать, и начнемъ шурфы *) бить. Въ этотъ разъ получше снарядился: шестеро рабочихъ было, печку желѣзную взялъ, наморозилъ пельменей мѣшка три, да щей два здоровыхъ круга.—Много-то не возьмешь, на себѣ везти приходится. Ничего жить... Трудновато, конечно, мерзлую-то землю бить, да потомъ оттаивать... За то придешь съ работы, спиртишку хватишь, поѣшь, мокрую одежду у огня развѣсишь, да на нары,—живи не тужи! А кончимъ развѣдку, сложимъ свое барахло въ саночки, да и махнемъ черезъ сопки въ другое мѣсто.

Я слѣжу за ними черезъ сопки и спрашиваю:

— Ну, хорошо, черезъ сопки... А какъ-же въ дорогѣ-то спать?

— Въ дорогѣ-то? Въ снѣгу...

— То есть, какъ это въ снѣгу?

— Очень просто. Большіе снѣга-то,—пять-шесть аршинъ. Выроемъ яму длинную да глубокую, сверху вѣтвями погуще накроемъ, чтобы снѣгъ не падалъ, да и залѣземъ. Въ одномъ концѣ огонь разложимъ, да воду вскипятимъ,—чайку выпить. А прогорятъ дрова, сгребемъ угли въ одинъ уголъ, дыру вверху закроемъ, гдѣ дымъ выходилъ, да и на боковую,—малина. Тепло станетъ, а спишь такъ—дома на перинѣ не выспишься.

Понемногу меня охватывало сибирское настроеніе. Снѣжная яма показалась мнѣ такъ соблазнительна, что я выразилъ легкомысленное желаніе попутешествовать подобнымъ

*) Ямы, изъ которыхъ берутся пробы на золото.

образомъ. Иннокентій Демьяновичъ увлекся моей идеей и сталъ уговаривать идти съ нимъ на слѣдующую зиму.

— Конечно, на пельмени-то, да на щи не разсчитывайте: это лакомство одно, да и то на первое время, а настоящая-то ѣда—чай кирпичный да сухари. И хорошо: сваришь въ котлѣ, сухарей накрошишь, посолишь и ѣшь, инда за ушми трещитъ. Здѣсь вотъ иной разъ понаставлено всего, а кусокъ въ горло не идетъ, и кашляю я здѣсь, и одышка какая-то, а тамъ... Да что толковать! Житье — ничего, прямо хорошее житье...

— Ну, а какъ же Ефросинья-то Степановна,—тоже въ ямѣ?

— Говорю вамъ—сразу ожила. Мы шурфы бьемъ, а она въ балаганѣ управляется. А то возьметъ ружье, да и пойдетъ въ тайгу промышлять что-нибудь, птицу какую, звѣря,—разъ сохатаго подстрѣлила, теленка... Рабочіе ужъ очень любили ее. Да и сами посудите: придутъ мокрые, одежонка обледенѣетъ, а въ балаганѣ чай готовъ, огонь горитъ, тепло.

Онъ что-то вспомнилъ и менѣе оживленно выговорилъ:

— Кабы тифъ намъ не подгадилъ...

— Тифъ?

— Ну...

Въ комнатѣ стало какъ-то сразу тише. Самоваръ жалобно допѣвалъ послѣднюю пѣсню, тускло горѣла лампа, буранъ словно затихъ, и только неясный, тревожный шумъ тайги наполнялъ комнату. Изъ за самовара вспыхивала трубочка, и медленно вились кверху синіе клубы дыма, и медленно звучали въ воздухѣ глухія, протяжныя, жуткія фразы.

— Въ снѣгу? Въ ямѣ?

— Въ ней... Главная причина: въ жилое мѣсто вышли. Рабочіе запросились, — три мѣсяца прошлялись, намаялись, отдохнуть захотѣлось, въ банькѣ помыться,—не раздѣваясь, спишь-то. И одинъ что-то на дёсны жаловаться сталъ. Думаю начнется цынга — крышка всему дѣлу, самая это большая бѣда въ тайгѣ: все вѣдь чай да сухари одни... А не далеко отъ зимовья шли, перехода на три, на четыре. Рождество къ тому же подходило. И сами-то, молъ, вздохнемъ, какъ люди праздникъ проведемъ. Ну и вышли. Зимовщикъ знакомый былъ, запасливый человѣкъ; чудесно съ недѣльку прожили у него, обмылись, отогрѣлись, поѣли всласть. Знакомые еще оказались, въ городъ поѣхали, да буранъ задержалъ,—въ картишки перекинулись. Тамъ еще замѣтилъ, да какъ-то въ голову не пришло. „Что это,—спрашиваю какъ-то зимовщика:—народъ у тебя въ кухнѣ валяется?“—„А, говоритъ—зимники изъ городу на промысла идутъ, что-то разнедужились“.

А жена все въ кухнѣ,—чистёха она у меня, съ бѣльемъ

все возится, стряпню развела. Послѣ ужъ оказалось, что у зимниковъ-то тифъ былъ—какъ онъ у васъ называется? Сыпной, что-ли, пятнистый...

Ну, пошли... Сначала-то ничего. Только ужъ недѣлю спустя—далеко ушли—стала жена припадать, а не сознается: „подвези, скажетъ, немножко, пристала"... А потомъ и вовсе свалилась. Вотъ ужъ тутъ оторопь взяла меня. Лежитъ въ ямѣ-то огненная, глаза безумные, свѣтятся, и все говоритъ, все говоритъ... Не доглядишь, — засунетъ руки въ снѣгъ, да въ ротъ... И все бы ничего: тайгу я знаю, какъ свою квартиру, компасъ при мнѣ, на наше счастье настъ сдѣлался—снѣгъ крѣпкій, повернули назадъ, — не шли, а летѣли, все прямикомъ. Да я-то свалился, сразу память отшибло, тоже лопотать сталъ... А за мной подручный, старый таежный медвѣдь, а потомъ еще двое... Осталось трое здоровыхъ-то, молодые, бывали въ тайгѣ, да мало знали ее. Послѣ сказывали, такъ и рѣшили: пропадать всѣ будемъ... А тутъ буранъ поднялся, санокъ-то не видать стало, съ компасомъ управляться не умѣютъ... Думали-думали, вырыли яму большую въ снѣгу, положили насъ всѣхъ, дровъ нарубили,—запасли чаю, сухарей отдѣлили, одинъ съ нами остался, а двое на-легкѣ пошли жилье отыскивать... Сколько ужъ кружили и сами не знаютъ, а какъ вышли—одному Богу извѣстно. Зимовщикъ ружье услыхалъ, стрѣляли они, шли. Ну, людей разослали, какъ-то нашли насъ, откопали. Послѣ сказывали, сугробъ надъ нами наметало; только паръ на деревьяхъ, надъ ямой-то осѣлъ, какъ бываетъ надъ медвѣжьей берлогой,—потому и замѣтили...

И что бы вы думали? Только тѣ двое, что въ жилое мѣсто вышли, легли тамъ и не встали, а мы всѣ отошли—ничего!...

Я еще никакъ не могъ вылѣзть изъ занесенной сугробомъ снѣжной ямы, гдѣ лопочутъ огненные люди съ безумными глазами, и машинально повторилъ за нимъ:

— Ничего?

— Ничего... У меня маленечко мозги помутились, въ сумасшедшемъ сидѣлъ, да жена долгонько, чай около года, съ ногами билась. Морозъ тогда здоровый былъ, должно быть, везли на санкахъ-то, не доглядѣли: ознобила ноги.

Трубка погасла, самоваръ потухъ. А за окнами снова разыгрывался буранъ, и снова что-то завыло тамъ, такъ жалобно, такъ страшно...

III.

— Вотъ и я!

Съ клубами бѣлаго пара, она быстро вошла въ комнату, какъ сказочная Снѣгурочка, вся обсыпанная снѣгомъ, съ растрепавшимися бѣлокурыми волосами, съ порозовѣвшими щеками, стройная и изящная. Звенѣлъ веселый смѣхъ, что-то пѣло въ ней и дрожало, какъ туго натянутая струна, а изъ за опушенныхъ бѣлымъ инеемъ рѣсницъ смотрѣли синіе горячіе глаза, блестѣвшіе и искрившіеся и странно расширенные...

— Вы чего тутъ, какъ сычи, насупились? И ты-то, Кеша, хорошъ, — нашелъ, чѣмъ гостя угощать! Самъ же говоришь: сырость только въ животѣ отъ чаю-то заводится... И темно у васъ тутъ. Давайте балъ устраивать!

Ефросинья Степановна быстро сбросила валенки и кофточку, зажгла стѣнную лампу, принесла еще двѣ свѣчки, легко, словно безъ усилій, сдвинула тяжелый сундукъ и выгнала насъ изъ темнаго угла на середину комнаты, куда велѣла поставить столъ. Вмѣсто самовара на столѣ появились огромный окунь, съ нашего леща, цѣлое блюдо строганины *) и водка, и облепиховая наливка. Стройная фигура носилась изъ комнаты въ комнату съ блестѣвшими каплями растаявшаго снѣга на бѣлокурыхъ волосахъ, съ звенѣвшимъ, какъ музыка, веселымъ смѣхомъ, и мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу это помолодѣвшее возбужденное лицо и большіе синіе глаза. И въ комнатѣ сразу сдѣлалось свѣтло и весело.

Она остановилась предъ нами, налила двѣ рюмки водки и, сложивши руки на груди, какъ деревенская баба, и кланяясь въ поясъ, по бабьи церемонно выговорила:

— Бесѣдуйте!

Мы побесѣдовали. Пустыя рюмки оказались налитыми, снова поясной поклонъ.

— Бесѣдуйте!

Я началъ протестовать, но Иннокентій Демьяновичъ, все время улыбавшійся и повеселѣвшими глазами слѣдившій за женой, укоризненно сказалъ:

— Нельзя... Ужъ больно правильно угощаетъ.

Мы побесѣдовали еще по рюмкѣ и, такъ какъ бесѣда принимала слишкомъ бурный характеръ, я категорически отказался отъ третьей рюмки. Тогда церемонная хозяйка поклонилась еще ниже и еще церемоннѣе выговорила:

— Бесѣдуйте, гости милые! Поелозьте, сударики!

---

*) Наструганная тоненькими стружками сырая мерзлая стерлядь, которую ѣдятъ съ солью и перцемъ.

— Сами знали, надвигали,—густымъ басомъ отвѣтилъ Иннокентій Демьяновичъ,—наелозилися.

Тѣмъ не менѣе онъ безъ особенныхъ усилій выпилъ третью рюмку и еле согласился замѣнить мнѣ водку облепиховой наливкой. Иннокентій Демьяновичъ продолжалъ время отъ времени „бесѣдовать“, а я слушалъ Ефросинью Степановну.

Она сидѣла, подперши голову руками; ея возбужденіе улеглось, и большіе синіе глаза съ выраженіемъ какого-то испуга и тоски смотрѣли на меня.

— Ахъ, хорошо тамъ въ тайгѣ! Шу-у-митъ...—Она зажмурила глаза, глубоко вздохнула, словно набирая въ себя какъ можно больше воздуху, и съ тѣмъ мѣняющимся выраженіемъ глазъ, отчего словно тѣни ходили по лицу, продолжала:

— Люблю... Разъ я замерзла было. Въ буранъ... Домъ нашъ у скалы прилѣпился, предъ нами ущелье длинное да глубокое, и за нимъ все сопки, сопки. Вотъ разъ и поднялся буранъ. Надѣла я валенки, шапку оленью да и пошла... А маленькая была, лѣтъ осьми-девяти. Влѣзла на скалу, что надъ нами, выбрала мѣстечко укромное за вѣтромъ и сѣла... Ахъ, не видали вы буранъ въ тайгѣ... Какъ закрутитъ снѣгъ, да закурятся сопки, да зашумитъ тайга со всѣхъ сторонъ.. (она снова зажмурила глаза и глубоко вздохнула). — Стало заносить меня понемножку снѣгомъ, холодъ подъ шубенку забирается—не могу уйти и кончено. Все смотрю, какъ, словно стѣна, несется снѣгъ по ущелью, какъ курятся сопки, да слушаю, какъ разными голосами воетъ тайга. Вѣдь у каждаго дерева и у каждой сопки свой голосъ есть,—у лиственницы одинъ голосъ, ель да пихта—другой, а кедры толстымъ голосомъ шумятъ, всѣхъ покрываютъ. Одна сопка зашумитъ, другая, третья, а потомъ какъ сойдутся вмѣстѣ да заревутъ, да какъ подхватитъ буранъ, завоетъ, засвищетъ, зарыдаетъ...

Она смотрѣла на меня круглыми непонимающими глазами.

— Такъ и сижу... Смеркаться стало, чувствую, ноги стынутъ, а не могу съ мѣста уйти, силъ нѣтъ оторваться, думаю, — еще немножко посмотрю, вотъ еще немножко... Ну и занесло меня,—засмѣялась она.—Тутъ уже не помню, должно быть, дремать стала... Долго искали. Собака наша привела отца. Ну, домой принесли, оттерли, а потомъ запирать стали, какъ буранъ начнется.

Она сидѣла, подперши голову рукой, и все говорила, и словно тѣни мелькали по лицу.

.... — Вы говорите, скучать... Не жили вы тогда въ тайгѣ,— весело было, не какъ теперь. Зимой-то еще веселѣе, лѣтомъ на работѣ всѣ. Народу много жило, поляки, русскіе... Одинъ полякъ химію намъ преподавалъ.

— Химію?—какъ-то невольно вырвалось у меня.

— Ну... химію. Зимой-то мало дѣла въ тайгѣ. Соберутъ они насъ подростковъ, да и учатъ. И взрослые приходили, молодые служащіе. Ты, Иннокентій, тоже вѣдь ходилъ, кажется?—обратилась она къ мужу.

— Я больше по камнямъ...—отозвался Иннокентій Демьяновичъ.—Руды все мнѣ хотѣлось знать.

— Старикъ былъ, полякъ-то. Послѣ, вышло время, на свою сторону уѣхалъ и профессоромъ химіи сдѣлался,—не помню хорошо, въ Краковѣ или во Львовѣ. А другой молодой былъ, россійскій, литературѣ насъ училъ. А Некрасова какъ читалъ! Помню тогда появилась „Арина мать солдатская"... По Россіи все тосковалъ, яду въ себя принялъ, никуда не поѣхалъ.

— А какъ собирался!—вмѣшался Иннокентій Демьяновичъ, и сумрачное лицо освѣтилось доброй улыбкой.—И меня все уговаривалъ. Дружокъ мнѣ былъ, пріятель... Растужится, бывало,—поѣдемъ, скажетъ, Кеша, въ Россію... И сейчасъ ругаться. Льдина, говоритъ, у васъ сибиряковъ вмѣсто сердца, а въ душѣ только фартъ одинъ,—цѣлковый, золотишко. Повезу, говоритъ, я тебя, челдона дикаго, звѣрюгу лѣсную, въ Россію, покажу, говоритъ, тебѣ человѣка настоящаго русскаго, Донъ-рѣку, степь широкую... Да вотъ, не поѣхалъ.

А синіе глаза съузились и поблѣднѣли, и сѣрый тонъ ложился на унылое лицо. Она глубоко вздохнула и, словно стряхнувши съ себя печаль, снова оживленно заговорила:

— Какъ сладкій сонъ, та жизнь моя... И не было нигдѣ, и не будетъ такой. Соберутся вечеромъ къ намъ,—все бездомовные были, одинокіе, читать начнутъ, разговаривать, спорить. Газеты всякія выписывали, журналы—и польскіе, и русскіе, и заграничные,—библіотека какая составилась! Или играть начнуть, скрипку принесутъ, віолончель,—музыканты какіе были! А придетъ Рождество, съѣдутся со всѣхъ пріисковъ ряженые, рабочіе съ гармоньями придутъ, танцы всякіе пойдутъ, либо пѣть примутся всякія пѣсни—и русскія, и польскія, и наши сибирскія... И читать меня выучили, и къ книгѣ пріохотили. Выросла, сама учить стала,—собрала ребятишекъ съ сосѣднихъ пріисковъ, человѣкъ десять, да трехъ тунгусишекъ,—умница одинъ изъ нихъ былъ, первый ученикъ у меня.

... — Скучно?...—Она встала и начала ходить по комнатѣ.—Вотъ здѣсь такъ дѣйствительно скучно. Въ особенности сначала, какъ пріѣхали. Дома мнѣ показались большіе-большіе, а люди... маленькіе. И чудные такіе, словно другой породы... Скоро какъ-то тутъ имянины были нашего хозяина, а съ дочерью-то я подружка была: раньше отецъ ея управляющимъ на нашемъ же пріискѣ былъ, и вмѣстѣ мы съ ней въ тайгѣ-то учились. Послѣ она въ гимназію поступила, первая изъ

нашего города на курсы поѣхала—Герьевскіе были тогда, въ Москвѣ, и компанію всетаки мы вели. Собрался у нихъ весь городъ—и наши, конечно, и всѣ эти чиновники, ваши россійскіе, жены ихъ. Меня къ дамамъ опредѣлили. Ну, и разговоровъ наслушалась я. Одна говоритъ „мой, говоритъ, дядя на шесть лошадей"... „А мой кузенъ, другая говоритъ, въ сенатѣ младшимъ"... А третья: „сестра, говоритъ, пишетъ,—въ Москвѣ ужъ не носятъ"... не помню тамъ, чего-то. Подсѣла я къ одной, — миленькое личико, просто залюбовалась я,— мадонну такую на картинкѣ видѣла.

— „Какой, спрашиваю, журналъ больше вамъ нравится"?

— „Нива"... говоритъ. Выкройки хорошія.

Я на другое.

— „Какъ вамъ, говорю, Сибирь наша нравится?

— „Прислуга, отвѣчаетъ, грубая. И портнихъ нѣтъ...

Билась, билась я съ ней, да какъ-то и вырвалось у меня:

— „Какъ это вы, дамочки, со скуки здѣсь не повѣситесь?" Послѣ на весь городъ просмѣяли за „дамочки".

Она долго молчала, глаза потускнѣли, лицо сдѣлалось сѣрое и скучное, и углы рта опустились. Она укуталась въ свою шаль, медленно ходила по комнатѣ вялыми, усталыми шагами и снова сѣла и съ печальнымъ выраженіемъ глазъ заговорила:

— Докторъ, голубчикъ,—вы много жили, много видѣли... скажите, какъ по вашему:—скучно жить на свѣтѣ или весело?

Я хотѣлъ отвѣтить шуткой: „дамочкамъ?", но что-то было въ осунувшемся лицѣ и въ печальной интонаціи голоса, что остановило меня. Да и самый вопросъ въ этой формѣ всталъ предо мной неожиданностью.

— Я иногда перечитываю ихъ,—она указала глазами на свою полку съ книгами,—все они пишутъ, все пишутъ, а ничего нѣтъ...

Теперь мнѣ было легче отвѣчать. Я началъ говорить о томъ, какъ много уже исполнилось изъ того, о чемъ „они" писали и какъ еще больше исполнится въ будущемъ, и какъ тогда хорошо и весело будетъ жить на свѣтѣ.

Она внимательно слушала, пристально смотрѣла мнѣ въ лицо и послѣ короткаго раздумья сказала:

— Вамъ легко говорить,—у васъ университеты, суды, земство,—а у насъ... Вотъ какъ туча въ засуху,—все ходитъ, все ходитъ по небу, — хоть-бы краешкомъ задѣла... А она все мимо, все мимо...

— Придетъ...—неожиданно вмѣшался въ разговоръ Иннокентій Демьяновичъ.—А ты чего хохлишься? Поѣдемъ въ Петербургъ, Россію смотрѣть... Вѣдь вотъ,—обратился онъ ко мнѣ:—сколько разъ уговаривалъ ее...давно меня въ главную контору зовутъ,—не хочетъ!

— Не хочетъ! Самъ знаешь... Какъ подумаю я,—выростетъ моя Ася тамъ въ Питерѣ, и будетъ она россійской и забудетъ Сибирь мою бѣдную, и разучится понимать ее и перестанетъ любить... Пусть, по крайней мѣрѣ, гимназію здѣсь кончитъ, а тамъ и ѣдетъ доучиваться, куда захочетъ...

Тайга съ гнѣвомъ и ропотомъ ворвалась въ комнату и тотчасъ ушла изъ нея и, какъ голодный звѣрь, завыла вдали. Длиннымъ языкомъ вспыхнула лампа, качались огни свѣчей, въ комнатѣ сдѣлалось странно тихо.

— Что это мы словно покойника хоронить собрались!— встрепенулась хозяйка.—Бери, Кеша, гитару,—начинай промысловую, веселую.

Иннокентій Демьяновичъ настраивалъ гитару и спрашивалъ: „Не ходи, моя милая берегомъ, уваломъ“? Эту, что-ли?

„Что женатый распроклятый.
„Холостой—голу-убчикъ...
„Холостой глазамъ поводитъ.
„Изъ ума выводитъ“.

Съ тѣмъ ухарствомъ, съ какимъ выводятъ пріисковые рабочіе, пѣлъ женскій голосъ, но, должно быть, веселье и радость уже покинули Снѣгурочку; она оборвала на полусловѣ и уныло выговорила:

— Не выйдетъ... Брось!

Прислонившись къ бѣлой стѣнѣ, она запѣла старинную русскую пѣсню: „Надоѣли мнѣ ночки, надоскучили“...

Тихо звенѣли струны гитары, и плыли по комнатѣ тихія и жалобныя пѣсни, съ мольбой и жалобой бился буранъ въ окна, а издали доносились глухіе, тяжкіе вздохи затихавшей тайги.

Такъ и осталась въ моей памяти прислонившаяся къ стѣнѣ тоненькая, хрупкая фигура съ блѣднымъ, усталымъ лицомъ въ рамкѣ бѣлокурыхъ волосъ. Большіе синіе глаза такъ печально смотрѣли вдаль, — туда, откуда несся буранъ, гдѣ вздыхала тайга...

IV.

Давно это было, и время заволокло туманомъ и Иннокентія Демьяновича съ его трубочкой и таежными разсказами, и тоненькую фигуру Снѣгурочки съ бѣлокурыми волосами и снѣжными глазами, и носящіеся надъ сибирскими сопками бураны, и разными голосами шумящую тайгу. Краешкомъ прошла туча надъ Сибирью, открылся томскій университетъ, пріѣхалъ новый судъ. Прорѣзали рельсы глубь тайги, и сви-

щутъ паровозы по медвѣжьимъ угламъ, и доносится изъ Сибири какой-то новый большой, смутный шумъ...

Время отъ времени, по старой памяти, ко мнѣ заглядываютъ сибирскіе гости,—тѣ, что играли въ бабки у моихъ оконъ и приготовишками лѣчились у меня отъ корей, скарлатинъ и коклюшей. Я всматриваюсь въ ихъ лукавые сибирскіе глаза и характерную сибирскую интонацію рѣчей, и порывистыя движенія, и насмѣшливый складъ ума,—и снова Сибирь входитъ въ мою комнату. И кажется мнѣ, что тамъ, за Ураломъ будто оттаяло и потеплѣло, какъ-то рѣдко встрѣчаю я сѣрыя скучныя лица и печальные глаза, и никто меня не спрашиваетъ—должно быть сами какъ-нибудь рѣшаютъ—скучно жить на свѣтѣ или весело...

Ихъ такъ много ѣдетъ изъ всякихъ дальнихъ угловъ и на высшіе женскіе курсы, и на Рождественскіе, и на медицинскіе, и въ университетъ, и въ горный, и въ лѣсной, и въ технологическій... Они привозятъ мнѣ поклоны и привѣтствія отъ моихъ старыхъ друзей и разсказываютъ новые сибирскіе разсказы: сколько у нихъ открылось разныхъ обществъ, читаленъ, библіотекъ, музеевъ, амбулаторій, какъ толпами, словно на драку или публичную лекцію, ходитъ теперь сибирская публика на засѣданія новаго суда, какія небывалыя раньше слушаетъ она тамъ лекціи, какъ иначе разыгрываются теперь сибирскія драмы и совсѣмъ по другому складывается мѣстная жизнь.

Изрѣдка долетали слухи и изъ того глухаго угла, гдѣ я жилъ. Я слышалъ, что Евфросинья Степановна умерла, и отъ пріѣхавшей на курсы племянницы Иннокентія Демьяновича зналъ, что она много работала въ открывшемся послѣ моего отъѣзда „Обществѣ попеченія объ учащихся въ начальныхъ училищахъ“ и оживилась, и повеселѣла, когда стала наѣзжать окончившая московскую и петербургскую науки мѣстная молодежь. Трепетно ждала открытія томскаго университета, послала туда энтографическія и естественно-научныя рѣдкости, вывезенныя ею и Иннокентіемъ Демьяновичемъ изъ тайги и тундры, собирала деньги на взносъ за слушанье лекцій первыхъ студентовъ, а, умирая, взяла съ своей Аси клятву, что она вернется въ Сибирь, гдѣ-бы ни училась, и останется и будетъ работать въ ней. Мнѣ было извѣстно, что Ася доучивается въ гимназіи, а Иннокентій Демьяновичъ снова уѣхалъ въ тайгу и снова бродитъ по сопкамъ и таежнымъ ущельямъ.

Какъ-то потомъ мнѣ попался номеръ какой-то сибирской газеты, и я заинтересовался корреспонденціей съ пріиска, на которомъ я былъ. Тамъ описывалось одно изъ тѣхъ страшныхъ таежныхъ наводненій, когда горныя рѣчушки взду-

ваются бурными потоками, рвутъ плотины и въ нѣсколько часовъ губятъ годовую операцію и разоряютъ золотопромышленниковъ,—когда, чтобы удержать воду, бросаютъ въ рѣчку все, что есть—мѣшки съ мукой, бочки съ солониной... Картинно описывался страшный моментъ, когда сталъ шататься мостъ, и на кличъ управляющаго пятеро рабочихъ, отчаянныхъ рабочихъ-охотниковъ бросились крѣпить мостъ, и мостъ тотчасъ же сорвало, и бурный потокъ подхватилъ людей, а управляющій, въ чемъ былъ, бросился въ воду и поочередно спасъ всѣхъ рабочихъ, догнавши послѣдняго за двѣ версты отъ пріиска... Въ концѣ корреспонденціи была названа фамилія Иннокентія Демьяновича, и глухо добавлялось, что онъ умеръ черезъ недѣлю отъ полученнаго въ рѣкѣ какого-то воспаленія... Совсѣмъ недавно слышалъ я объ Асѣ. Пріѣхавшій изъ-за границы знакомый разсказалъ мнѣ, что встрѣтилъ ее гдѣ-то на югѣ Франціи, кажется въ Монпелье, что она оканчиваетъ медицинскій факультетъ и готовится защищать диссертацію, а послѣ собирается въ Россію сдавать экзаменъ на врача.

С. Елпатьевскій.

ПРИЗНАНІЕ.

Донынѣ мы съ тобою были
Чужіе сердцемъ и умомъ—
Мы не однимъ богамъ служили
И розно шли своимъ путемъ..
Но я узналъ твою утрату
И безнадежную печаль,—
И мнѣ, какъ любящему брату,
Тебя до боли стало жаль!
Я не принесъ тебѣ участья...
Чтò въ вѣчномъ горѣ—свѣтлый часъ?
Я не вернулъ-бы этимъ счастья
И отъ несчастья бы не спасъ...
Но взоръ твой, полный скорби жгучей,
Огнемъ мнѣ въ душу проникалъ,
И лаской горестныхъ созвучій
Тебѣ я втайнѣ отвѣчалъ.
И эти отзвуки живые
Ужъ не умрутъ во мнѣ, повѣрь...
Какъ прежде, въ жизни—мы чужіе,
Душой—родные мы теперь...

А. Колтоновскій.

Типы капиталистической и аграрной эволюціи.

Статья первая.

Типы національнаго капитализма.

I.

Литература аграрнаго вопроса за послѣднее время сильно оживилась во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, въ особенности же въ Германіи. Отъ былого равнодушія къ нему со стороны наиболѣе передовыхъ группъ мыслителей и дѣятелей не осталось и слѣда. Онъ сталъ сразу едва ли не самымъ популярнымъ и животрепещущимъ вопросомъ, возбудилъ повсюду оживленную полемику, посѣялъ зерно сомнѣнія во многихъ истинахъ, когда-то казавшихся незыблемо установленными. Вызванное такимъ образомъ броженіе мысли вскорѣ перешагнуло чрезъ узкія рамки отдѣльнаго единичнаго вопроса и распространилось на гораздо болѣе обширную область всего соціологическаго міросозерцанія. И не удивительно. Аграрный вопросъ оказался столь важною составною частью этого міросозерцанія, связанною съ остальными его частями столь тѣсной и неразрывной связью, что затронувши его, нельзя было оставить въ покоѣ и остальныхъ частей.

Аграрный вопросъ былъ тѣмъ пунктомъ, въ которомъ впервые была пробита нѣкоторая брешь въ общей стройной и цѣлостной системѣ, которой обычно присвоивается теперь эпитетъ догматическаго или ортодоксальнаго марксизма. Еще въ 1895 году на знаменитомъ бреславльскомъ конгрессѣ, гдѣ съ такой силою обнаружился расколъ между представителями общественнаго теченія, кладущаго въ основу своей практической, жизненной программы соціально философскіе принципы автора *Капитала*,— одинъ изъ участниковъ конгресса воскликнулъ: „этотъ расколъ на два лагеря—симптомъ преобразованія понятій въ партіи, и только тѣ, которые нарочно закрываютъ глаза и ничего не хотятъ видѣть,—могутъ думать, что все пойдетъ по старому. Вы

еще поймете, что намъ придется серьезнѣйшимъ образомъ считаться съ аграрнымъ вопросомъ, съ новыми понятіями, съ новыми цѣлями. Съ аграрнымъ бытомъ нельзя обращаться по готовому шаблону, который слишкомъ часто выступалъ вмѣсто изслѣдованія и знанія... Теперь идетъ пересмотръ, ревизія партійныхъ представленій; заядлый фанатизмъ партійныхъ догматиковъ начинаетъ уже потухать... Мы снова придемъ — вы уже однажды вкусили отъ древа познанія, и это не пройдетъ для васъ безслѣдно!" *).

Эти слова оказались пророческими даже въ гораздо большей степени, чѣмъ того ожидалъ самъ ихъ авторъ. Черезъ какихъ-нибудь 3—4 года пересмотръ марксистскаго міросозерцанія шелъ уже по всей линіи. Самые рѣшительные защитники догмы не могли болѣе отрицать необходимости этого пересмотра и принимать по отношенію ко всѣмъ попыткамъ въ этомъ направленіи пассивно оппозиціонную тактику. Карлъ Каутскій, являющійся, по общему признанію, въ Германіи самой серьезной научно-литературной силой ортодоксальнаго направленія, счелъ болѣе тактичнымъ откровенно признаться, что современное экономическое развитіе Европы обнаружило цѣлый рядъ такихъ явленій, которыхъ не предвидѣли и не могли предвидѣть при своей жизни Марксъ и его сотрудникъ Энгельсъ. Поэтому многіе изъ фактовъ современной жизни какъ будто не укладываются безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ формулы и тезисы стараго марксизма и повидимому даже стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ ними. Въ такомъ положеніи обстоитъ дѣло прежде всего съ явленіями и формами аграрной эволюціи. Вотъ почему Каутскій нашелъ себя вынужденнымъ предпринять спеціальное изслѣдованіе, посвященное аграрному вопросу и ставившее себѣ цѣлью доказать, что противорѣчіе это—только мнимое, только кажущееся, что оно можетъ быть устранено болѣе глубокимъ анализомъ фактовъ и болѣе строгимъ и точнымъ пониманіемъ доктрины марксизма.

Въ русской литературѣ книгѣ Каутскаго сразу посчастливилось. Непосредственно вслѣдъ за ея выходомъ объ ней былъ данъ самый восторженный отзывъ въ книгѣ В. Ильина, затѣмъ ей посвященъ былъ рядъ статей въ періодическихъ изданіяхъ (В. Булгакова и В. Ильина въ „Началѣ", М. Б. Ратнера въ „Русскомъ Богатствѣ"); наконецъ, она была переведена на русскія языкъ, издана, быстро разошлась, и въ настоящій моментъ готовится уже второе изданіе. Иная участь постигла другую книгу, посвященную тому же вопросу: „Die Agrarischen Fragen"

---

*) Изъ рѣчи Шенланка, см. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Breslau vom 6 bis 12 Oktober 1895, Berlin, 1895, s. 152—153.

von Friedrich Otto Hertz. Wien 1899. Она прошла въ русской литературѣ до сихъ поръ почти совершенно не отмѣченной *).

Между тѣмъ книга Герца заслуживаетъ во всякомъ случаѣ не меньшаго, если еще не большаго вниманія, чѣмъ книга Каутскаго. Обѣ онѣ посвящены одному вопросу, обѣ написаны людьми, стоящими въ рядахъ одной и той же общественно-политической группы **); но какъ различны они во всемъ остальномъ, начиная съ формы изложенія, пріемовъ аргументаціи и кончая практическими выводами! Книга Каутскаго представляетъ толстый томъ въ 450 стр., въ которомъ едва ли четверть посвящена анализу цифръ и фактовъ аграрной эволюціи; все остальное—или популярное систематическое изложеніе элементовъ теоріи Маркса (рента, цѣна земли, стоимость и цѣна сельскохозяйственныхъ продуктовъ и т. п.), или бѣглыя экскурсіи въ область исторіи сельскаго хозяйства (элементарное изложеніе сущности феодальнаго сельскаго хозяйства, эпохи господства трехполья, съ уклоненіями въ сторону пересказа нѣкоторыхъ основныхъ понятій изъ области сельскохозяйственной технологіи), или же, наконецъ, практическіе итоги и разсужденія относительно основныхъ принциповъ раціональной соціальной политики въ области аграрныхъ отношеній. Книга Герца, не насчитывающая и полутораста страницъ, напротивъ, грѣшитъ скорѣе чрезмѣрнымъ аскетизмомъ по части теоретизированья. Авторъ лишь изрѣдка въ сжатой, часто лаконической формѣ подводитъ теоретическіе итоги разсмотрѣннымъ фактическимъ даннымъ или анализу цифръ текущей сельско-хозяйственной статистики. Часто итоги эти содержатъ только отрицательные выводы, только критику, только полемику противъ слишкомъ скороспѣлыхъ или тенденціозныхъ обобщеній. Чтобы собрать воедино и систематизировать основные тезисы міросозерцанія Герца, пришлось бы продѣлать надъ его книгой большую самостоятельную работу. За то въ книгѣ Герца вы найдете множество интересныхъ фактовъ, цифръ, ссылокъ на многочисленные источники, прекрасную библіографію аграрнаго вопроса: обширная и всесторонняя начитанность въ аграрно-политической литературѣ составляетъ одно изъ важныхъ преимуществъ Герца. Въ то время, какъ у Каутскаго лишь данныя по Германіи отличаются извѣстной полнотой, всѣ же остальныя болѣе или менѣе случайны и отрывочны, Герцъ положилъ много труда на изученіе аграрной эволюціи другихъ странъ, пользуясь первоисточниками. Въ то время, какъ Каутскій стремится всюду под-

*) Мы видѣли объ ней библіографиическую замѣтку, строкъ въ пять, въ «Русск. Вѣд.». Кромѣ того, когда эта статья была уже окончена, мы познакомились со второй половиной статьи г. Ратнера въ «Рус. Бог.», гдѣ авторъ посвящаетъ двѣ-три страницы и Герцу. Въ оцѣнкѣ его книги мы съ г. Ратнеромъ вполнѣ сходимся.

**) Каутскій—въ Германіи, Герцъ—въ Австріи.

вести общій генеральный итогъ эволюціи сельскаго хозяйства въ той или иной странѣ, Герцъ воздерживается отъ механическаго суммированія данныхъ и старается постоянно детализировать изслѣдованіе по извѣстнымъ мѣстностямъ, естественнымъ поясамъ и зонамъ. У одного прежде всего стоитъ стремленіе систематизировать, пользоваться въ широкихъ размѣрахъ дедукціей, строить схемы, создавать порядокъ и симметрію; у другого—анализъ самой дѣйствительности, недовѣріе къ выкручиванью системъ изъ головы, воздержаніе отъ теоретизированья, преобладаніе индукціи. Одинъ—искусный зодчій, который можетъ похвалиться умѣньемъ искусно утилизировать случайный матеріалъ для постройки зданія, планъ котораго уже заранѣе составленъ; другой—спеціалистъ по части вивисекціи, для котораго индивидуальныя уклоненія и конкретныя особенности въ развитіи организмовъ едва ли не интереснѣе обычнаго, нормальнаго хода. Одинъ — представитель догматическаго, ортодоксальнаго направленія въ марксизмѣ, другой—критическаго.

Въ противоположность Каутскому, написавшему „Die Agrarfrage“, Герцъ называетъ свою книгу „Die Agrar*ischen* Frag*en*“, и подчеркиваетъ это названіе, заявляя, что съ его точки зрѣнія нѣтъ единаго и одноформеннаго аграрнаго вопроса: въ различныхъ странахъ положеніе его настолько различно, самыя тенденціи развитія аграрнаго вопроса настолько неодинаковы, что невозможно охватить ихъ, исчерпать одной общей формулой, а стало быть, и дать одно общее рѣшеніе. Точно такъ же, съ точки зрѣнія Герца, нѣтъ и единой, всеобщей формы капитализма; въ различныхъ странахъ развитіе его имѣетъ своеобразный характеръ, свои особенныя типическія черты. Господствовавшее до сихъ поръ стремленіе все обобщать и обобщать, открывать въ чертахъ хозяйственнаго развитія различныхъ странъ одни и тѣ же законы, однѣ и тѣ же основныя комбинаціи, привело, по мнѣнію Герца, къ односторонности, къ игнорированію признаковъ, составляющихъ исключительную принадлежность данной страны, придающихъ ей особую отъ сосѣдокъ физіономію. Все свелось къ тому, чтобы попросту подводить все разнообразіе проявленій жизни, все богатство различныхъ комбинацій элементовъ, различныхъ формъ, въ которыя выливается соціальная эволюція,—подъ одну опредѣленную, универсальную схему.

Извѣстно, что объемъ всякаго понятія обратно пропорціоналенъ его содержанію. Чѣмъ больше явленій охватывается даннымъ понятіемъ, тѣмъ оно общѣе, элементарнѣе, бѣднѣе содержаніемъ. Поэтому одностороннее стремленіе подводить все подъ одну готовую схему должно было гибельнымъ образомъ подѣйствовать на марксизмъ, опошливая его, сводя его къ небольшему числу общихъ мѣстъ, безсодержательныхъ именно по своей чрезмѣрной общности. Создавалась упрощенная философія, въ которой шаблоны

замѣняли мѣсто изслѣдованія и знанія; мысль пріучалась бѣгать по немногимъ торнымъ дорожкамъ, теорія пріобрѣтала неподвижность застывшей догмы.

Книга Герца является воплощеніемъ начавшейся въ послѣднее время реакціи противъ этого направленія мысли, и реакцію эту нельзя не признать явленіемъ вполнѣ здоровымъ и правомѣрнымъ. Можно надѣяться, что она найдетъ извѣстный откликъ и въ нашей родинѣ. Мы, русскіе, всегда отличались въ этомъ отношеніи большой переимчивостью, а въ послѣднее время вліяніе западной, и въ особенности германской, литературы на нѣкоторую часть нашей приняло особенно большіе размѣры.

Съ другой стороны, извѣстная часть русской литературы заняла уже давно по отношенію къ ортодоксальному или догматическому марксизму совершенно независимую позицію. И ея представителямъ въ послѣднее время все чаще и чаще выпадаетъ на долю пріятное сознаніе, что они—не одни, что со своей критикой *этого* марксизма они находятся въ хорошей компаніи. На самой родинѣ марксизма все чаще и чаще, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе подвергаются сомнѣнію, критикѣ и переработкѣ тѣ самыя его положенія и тѣ самыя его стороны, которыя у насъ вызвали наиболѣе рѣшительную оппозицію. Европейская мысль и европейская литература, такимъ образомъ, подтверждаютъ правильность и основательность того отношенія къ дѣлу, которое установилось у насъ. Теперь нѣтъ уже болѣе возможности безапелляціонно утверждать, что наше критическое отношеніе къ нѣкоторымъ сторонамъ марксизма зависитъ просто отъ нашей отсталости и реакціоннаго утопизма. Благодаря этому, быть можетъ, сдѣлается болѣе возможнымъ плодотворный обмѣнъ мыслей по важнѣйшимъ вопросамъ подлежащей критической переработкѣ теоріи; быть можетъ, окажется и болѣе точекъ соприкосновенія, больше общей почвы у направленій, ранѣе какъ будто рѣзко и непримиримо разошедшихся въ діаметрально противоположныя стороны.

Съ этой точки зрѣнія мы и хотѣли бы въ настоящей статьѣ побесѣдовать съ читателями по поводу книги Герца, не стѣсняясь ни порядкомъ изложенія автора, ни даже общимъ кругомъ вопросовъ, имъ разработываемыхъ. Естественно, что многое въ его книгѣ, отвѣчающее прямымъ запросамъ текущей западно-европейской жизни, имѣетъ для насъ весьма второстепенное значеніе и наоборотъ. Уже это одно представляетъ достаточное основаніе для того, чтобы свободнѣе отнестись къ темамъ, затрогиваемымъ его книгою.

Изложеніе наше естественно распадается на двѣ части: 1) различные типы капиталистической эволюціи вообще, и 2) различныя направленія аграрной эволюціи. Такъ какъ въ первомъ изъ этихъ вопросовъ взгляды Герца близко соприкасаются со взглядами, высказанными въ извѣстномъ трудѣ проф. Зомбарта объ „обще-

ственномъ движеніи девятнадцатаго вѣка“ *), то въ настоящей статьѣ намъ придется неоднократно касаться и этого интереснаго труда. Читатели, надѣюсь, не посѣтуютъ на насъ за нѣсколько длинныя отступленія, которыя мы должны себѣ позволить, чтобы логически связать основные мотивы разбираемыхъ сочиненій съ нѣкоторыми литературными злобами дня и животрепещущими вопросами русской жизни.

II.

Что такое капитализмъ?

Понятіе это охватываетъ собою столько разнообразныхъ явленій общественной жизни, что дать ему вполнѣ удовлетворительную формулировку является дѣломъ нелегкимъ. Конечно, говоритъ Герцъ, мы могли бы опредѣлить капитализмъ, какъ такую систему народнаго хозяйства, которая въ *правовомъ* отношеніи покоится на послѣдовательно проведенномъ принципѣ свободы лица и свободы собственности, въ *техническомъ*—на производствѣ, достигшемъ высокой степени развитія, въ *соціальномъ* на раздѣленіи средствъ производства и непосредственныхъ производителей, и въ *политическомъ*—на томъ, что концентрированная политическая сила государства находится въ рукахъ собственниковъ средствъ производства, а основой этого обладанія является исключительно экономическая причина—распредѣленіе собственности.

Но сколько бы мы еще ни прибавляли опредѣляющихъ признаковъ,—на каждомъ шагу мы встрѣтимъ рядъ затрудненій. Въ особенности многочисленнымъ ограниченіямъ долженъ подвергнуться послѣдній изъ названныхъ моментовъ—политическій; признакъ производства въ крупныхъ размѣрахъ натыкается на развивающіяся явленія — домашнюю работу и парцеллярную аренду; отдѣленіе непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства—понятіе, подъ которое не подходитъ цѣлый рядъ явленій: домашняя форма крупной промышленности, форма ипотечнаго владѣнія, многочисленныя побочныя мелкія ремесла, зависимыя отъ крупной промышленности и служащія необходимымъ ея дополненіемъ. Наконецъ, принципъ свободы собственности и свободнаго обмѣна также долженъ подвергнуться большимъ ограниченіямъ: такъ, въ наиболѣе развитой капиталистической странѣ, Англіи— большая часть поземельной собственности по закону несвободна, неотчуждаема.

Точно также не вполнѣ удовлетворительнымъ на взглядъ Герца будетъ и реальное опредѣленіе капитализма, просто какъ системы,

*) «Die soziale Bewegung im neunzehnten Iahrhundert» von W. Sombart, Iena 1897.

при которой руководство и управленіе производствомъ находится въ рукахъ капиталовладѣльцевъ. Торговый и кредитный капиталъ не имѣютъ никакого непосредственнаго вліянія на завѣдываніе производствомъ,—и однако они исторически явились въ качествѣ первоначальной формы капитализма.

Итакъ, всѣ эти опредѣленія черезчуръ абсолютны. Поэтому Герцъ предлагаетъ свое, *генетическое* опредѣленіе капитализма, какъ болѣе относительное и растяжимое, а потому болѣе соотвѣтствующее разнообразію видовъ капитализма. Именно, по его формулировкѣ, капитализмъ—„такое состояніе народнаго хозяйства, въ которомъ осуществленіе началъ свободнаго обмѣна, свободы личности и свободы собственности достигло своего относительно высшаго пункта, опредѣляемаго для каждаго отдѣльнаго народнаго хозяйства эмпирическими условіями его существованія и давленіемъ экономическаго развитія“ *).

Опредѣленіе это чрезвычайно характерно для Герца. Въ немъ отразилась вполнѣ его основная точка зрѣнія, характернѣйшая черта его политико-экономическихъ воззрѣній: отрицаніе абсолютныхъ, неподвижныхъ, разъ навсегда данныхъ опредѣленій. Опредѣленіе Герца—просто условная формула, заранѣе оговаривающая зависимость того или другого конкретнаго своего содержанія — отъ той или другой эмпирической комбинаціи обстоятельствъ.

Герцъ, какъ мы уже сказали, является довольно типичнымъ представителемъ цѣлаго направленія въ марксизмѣ,—направленія, которое, въ отличіе отъ ортодоксальнаго или догматическаго, можно назвать критическимъ. Въ виду этого интересно его отношеніе къ общей теоріи капитализма, выработанной Марксомъ. „Дедуктивный геній Маркса—говоритъ Герцъ—изъ изслѣдованія англійской формы капитализма, принятой за типическую, вывелъ извѣстную простую и общую формулу. Теперь рѣчь идетъ о томъ, что нельзя болѣе безъ дальнѣйшихъ разсужденій и оговорокъ примѣнять ее къ измѣнившимся обстоятельствамъ и переносить на другіе народно-хозяйственные организмы. Согласно тому же экономическому матеріализму, и самый великій геній не могъ предвидѣть и принять во вниманіе всѣ эти новые, позднѣе явившіеся факты. Крупная заслуга Маркса состоитъ прежде всего въ томъ, что онъ изъ подавляющей и запутанной массы единичныхъ явленій извлекъ и открылъ главныя движущія силы, опредѣляющія движеніе общества. Но никогда не отрицалъ Марксъ значенія модифицирующихъ, видоизмѣняющихъ факторовъ, „эмпирическихъ обстоятельствъ, природныхъ условій, рассовыхъ отношеній, извнѣ дѣйствующихъ историческихъ вліяній и т. п.“ **), далѣе силы традиціи, значенія побочныхъ психологическихъ мо-

*) Hertz «Die Agrar. Fragen», S. 9—10.

**) Kapital, III, 2, S, 324; русское изданіе, стр. 653.

тивовъ; всегда, когда только онъ разсматривалъ какія либо конкретныя, спеціальныя отношенія,—онъ давалъ въ своей оцѣнкѣ „мелкихъ привходящихъ моментовъ“ образцовые примѣры умѣнья тонко подмѣчать, считаться и взвѣшивать... Послѣдователи Маркса, напротивъ того, находили въ большинствѣ случаевъ болѣе удобнымъ и легкимъ, вооружившись линейкой историческаго матеріализма, выводить грубыми и прямыми линіями общій абрисъ явленія, вмѣсто того, чтобы прослѣживать всѣ изгибы его очертаній съ гравировальнымъ рѣзцомъ тщательной и детальной исторической работы. Въ этомъ отношеніи они не похожи на Маркса. Если въ началѣ было достаточно намѣтить общую тенденцію, общее направленіе движенія, то чѣмъ далѣе мы подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе сказывается необходимость принимать во вниманіе многочисленныя мелкія привходящія обстоятельства, какъ различные природные, историческіе, психологическіе, національные факторы. Упрекъ, что такимъ образомъ историческій матеріализмъ будетъ искаженъ примѣсью „идеологіи“—безсмысленъ. Именно принципъ „матеріализма“ *), идея необходимости всего совершающагося, соотношенія всѣхъ причинъ и слѣдствій требуетъ того, чтобы принимался въ разсчетъ каждый факторъ. Для такого „матеріализма“ нѣтъ „главныхъ“ и „мелкихъ“ причинъ, но только „причины“ просто. И если каждый „идеологическій“ моментъ можно вывести и объяснить матеріалистически,—что для насъ является установленнымъ a priori,—такъ этимъ онъ еще не выбрасывается изъ міра. По своему происхожденію, генезису, это могутъ быть „вторичные“ факторы, но дѣйствуютъ они съ тою же силою и точно такимъ же образомъ, какъ и „первичные“ **).

Итакъ, не покидая совершенно почвы историческаго матеріализма, Герцъ дѣлаетъ большой шагъ впередъ въ его истолкованіи. Далѣе, онъ рѣшительно отвергаетъ всякое превращеніе схемы Маркса, лишь намѣчающей въ самыхъ общихъ чертахъ основное направленіе процесса соціальнаго развитія человѣчества, въ готовый шаблонъ для всякой отдѣльной страны или всякой отдѣльной отрасли производства. Здѣсь вопросъ долженъ рѣшаться не догмами, не теоріями, не дедукціями изъ предвзятыхъ положеній, а вполнѣ и исключительно спеціальнымъ изученіемъ фактовъ. Понятно, какую важность имѣетъ такая постановка вопроса для насъ, русскихъ, и какъ приближаетъ она взгляды Герца къ взглядамъ такъ называемой „русской соціологической школы“, которая не можетъ и никогда не могла помириться съ „упрощеннымъ“ рѣшеніемъ вопроса о судьбахъ капитализма въ Россіи, которое исчерпывалось одной общей фразой: „Россія пойдетъ по тому же самому пути, по которому шла и западная Европа“.

*) Мы предпочли бы сказать «реализма».

**) Hertz, «Die Agrarischen Fragen etc.», S. 98—99.

Выдѣляя нѣсколько главныхъ народнохозяйственныхъ тѣлъ, на которыя распадается „Европа“,—напр., Великобританію, Францію, Германію, Австрію, Италію, Россію—мы несомнѣнно найдемъ въ ихъ экономической структурѣ и много общихъ чертъ, и не меньше своеобразныхъ, существенно различныхъ. Возникаетъ вопросъ: какое значеніе, какой смыслъ имѣютъ эти различія? Преходящи они или болѣе или менѣе постоянны? Въ зависимости отъ того, какой отвѣтъ будетъ данъ на эти вопросы, мы получимъ два рѣзко различныхъ направленія. Одни скажутъ, что названныя страны различаются между собой просто какъ различныя ступени одной и той же лѣстницы, какъ одинъ и тотъ же организмъ въ разныхъ стадіяхъ своего развитія,—или, говоря безъ метафоръ, ихъ различаетъ лишь то, что они переживаютъ различные моменты одного и того же, общаго для всѣхъ процесса соціальнаго развитія. Другіе, напротивъ, усматриваютъ разницу не исключительно въ томъ, что одна страна ушла въ данный моментъ нѣсколько дальше другой отъ общей исходной точки по общему пути, но что и *весь циклъ состояній,* переживаемый каждой изъ этихъ странъ, имѣетъ нѣчто своеобразное; иными словами, что разница не только въ ступеняхъ и моментахъ, но и въ общемъ характерѣ,—можно сказать, въ самомъ *типѣ* ихъ развитія *).

Приверженцы перваго—догматическаго—направленія опираются на извѣстную фразу Маркса, въ которой говорится, что наиболѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна показываетъ отсталымъ странамъ только картину ихъ собственной будущности; приверженцы второго—критическаго—опираются, подобно Герцу, на указанія самого Маркса, что онъ изслѣдовалъ только общее направленіе, къ которому тяготѣетъ процессъ, не предрѣшая вопроса, насколько и какъ можетъ онъ модифицироваться въ зависимости отъ различныхъ конкретныхъ, мѣстныхъ условій, и, стало быть, не претендуя на указаніе какого-то всеобщаго, обязательнаго для всѣхъ и въ этомъ смыслѣ „супра-историческаго“ закона.

„Мы не можемъ признать—говоритъ Герцъ—существованія одной всеобщей формы капитализма. Онъ проявляется только въ отдѣльныхъ народно-хозяйственныхъ организаціяхъ, какъ *національный* капитализмъ; даже относительно высшій пунктъ его развитія опредѣляется различнымъ образомъ въ зависимости отъ природныхъ и историческихъ особенностей каждой отдѣльной страны“ **).

---

*) Напомню, что этотъ терминъ—*типы* соціальнаго движенія—употребляется Вернеромъ Зомбартомъ, который принимаетъ три основныхъ типа, обозначая ихъ «ради простоты» какъ англійскій, французскій и нѣмецкій. См. «Soziale Bewegung im neunzehnten Iahrhundert», Iena, 1897, S. 24.

**) l. c., 10—11. Ср. у В. Зомбарта о національномъ характерѣ особенностей соціальнаго движенія, op. cit., S. 27 etc. Ср. также Каблуковъ, «Условія раз-

Послѣдовательнѣе проводя ту точку зрѣнія, на которую становится Герцъ, слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, выразиться еще рѣшительнѣе, рѣзче и опредѣленнѣе. Можно ожидать не только того, что специфическія особенности данной страны скажутся *даже* на высшемъ пунктѣ ея капилистическаго развитія; можно ожидать, чло на этомъ высшемъ пунктѣ своеобразныя, типическія черты скажутся гораздо яснѣе и рельефнѣе, чѣмъ на первоначальныхъ стадіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если справедливо мнѣніе догматиковъ, то, напримѣръ, современное положеніе народнаго хозяйства Англіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ картина будущаго положенія промышленности Россіи; напротивъ, если справедливо мнѣніе ихъ антагонистовъ, то по мѣрѣ своего развитія русскій капитализмъ будетъ не приближаться къ англійскому, а давать своеобразные результаты, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе проявлять черты своего отличія отъ него, ибо, развиваясь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ какъ разъ всѣ свои *типическія* черты, черты, свойственныя *именно ему*. Англійскій и русскій капитализмъ, оба взятые на низшихъ ступеняхъ своего развитія (а не въ одинъ и тотъ же историческій моментъ, конечно), должны представлять гораздо больше чертъ сходства, чѣмъ они же въ пору своего крайняго развитія: это потому же, почему въ высокой степени сходны между собою эмбріональныя формы животныхъ, столь не похожихъ другъ на друга въ пору зрѣлости. На зарѣ развитія промышленной жизни, когда капитализмъ еще только нарождается,—формы его въ различныхъ странахъ слишкомъ мало индивидуализированы, проявленія его носятъ слишкомъ общій характеръ. Бросаются прежде всего въ глаза самыя общія свойства капитализма, какъ такового, тѣ его черты, которыя присущи ему во всякое время и при всякихъ условіяхъ: разрушеніе натуральнаго хозяйства, втягиваніе продукта труда непосредственныхъ производителей въ круговоротъ товарнаго обращенія, отлученіе работниковъ отъ средствъ производства, стягиваніе ихъ въ крупныя фабрики, первоначальное накопленіе... Только впослѣдствіи, вставъ на ноги, достигнувъ эпохи зрѣлости, капитализмъ развертываетъ всѣ свои потенціи, показываетъ, что онъ въ силахъ сдѣлать съ данной страной, при данныхъ естественныхъ и историческихъ условіяхъ, какія метаморфозы можетъ онъ въ ней произвести и на какую высоту можетъ онъ ее поставить въ хозяйственномъ, политическомъ и общекультурномъ отношеніяхъ.

витія крестьянскаго хозяйства въ Россіи», Москва 1899 г. стр. 7 или его же «Эконом. хронику» въ журн. «Юрид. Вѣстн.» 1883 г. № 5: «Условія эти (опредѣляющія относительное значеніе капитализма для страны и послѣдовательный ходъ его эволюціи) въ каждой странѣ различны. Поэтому ходъ развитія капитализма не можетъ повторяться съ одинаковой правильностью и быть вполнѣ тождественнымъ во всѣхъ странахъ».

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать въ высшей степени замѣчательнымъ слѣдующій фактъ. Въ то время какъ раньше у догматиковъ любимою цитатой изъ Маркса было упомянутое мѣсто объ Англіи, какъ живой указательницѣ будущаго экономически отсталыхъ странъ, въ послѣднее время отъ нихъ же приходится слышать совершенно иныя рѣчи. Герцъ зло смѣется надъ тѣмъ, что, возражая Бернштейну, большинство его противниковъ твердитъ, что онъ на все смотритъ сквозь англійскіе очки, что его утвержденія, предсказанія и совѣты годятся для Англіи и не годятся для Германіи, гдѣ всѣ отношенія представляются совершенно иными *). И Каутскій, защищаясь отъ этого упрека, подробно развиваетъ ту мысль, что Англія *перестала* (sic) быть *типомъ* промышленнаго развитія для другихъ странъ, что ея развитіе въ послѣднее время пошло слишкомъ односторонне: она превращается въ денежный шкафъ міра и т. п. Мы видимъ въ этомъ нѣчто большее, чѣмъ полемическія уловки и увертки. Каутскій говоритъ совершенно искренно. Англійскій капитализмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ достигаетъ высшихъ пунктовъ своего развитія, яснѣе и рельефнѣе проявляетъ и свои типическія, исключительно ему свойственныя особенности. Считать его циклъ образцомъ и нормой для другихъ странъ становится болѣе невозможнымъ,—отсюда и поворотъ въ образѣ мыслей догматиковъ. Очень возможно, что теперь „нормой“ для нихъ сдѣлается Германія,—конечно, до новой смѣны.

Предыдущими разужденіями мы близко подошли къ рѣшенію пресловутаго вопроса о „самобытности“ или „несамобытности“ экономическаго развитія Россіи. Пойдетъ ли Россія „своимъ путемъ, отличнымъ отъ того пути, которымъ идетъ Западная Европа“? Или она „пойдетъ тѣмъ же самымъ путемъ, что и Западная Европа“? Самая постановка вопроса въ такой формѣ является архаической, ирраціональной. Какой такой „Западной Европѣ“ мы противополагаемъ Россію? Развѣ эта „Европа“ представляетъ собою какое-то однородное цѣлое, развѣ она объединена единой хозяйственной структурой? Развѣ, напримѣръ, различіе между Испаніей и Англіей меньше, чѣмъ между Испаніей и Россіей? Или неужели Германія и Скандинавскія государства имѣютъ менѣе правъ составить два различныхъ типа, чѣмъ Россія и Австрія, Россія и Италія?

Качественно или только количественно отличается экономическая эволюція Россіи отъ эволюціи западно-европейскихъ государствъ? Опять таки на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить ни въ ту, ни въ другую сторону безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Если расположить главнѣйшія европейскія страны въ одинъ рядъ, по ихъ относительному сходству, то и Россія найдетъ на одномъ

*) См. напр. Protokoll üb. Verhandlungen des Parteitages zu Stutgardt, Berl. 1898, S. 128—129.

изъ крайнихъ концовъ этого ряда принадлежащее ей по праву мѣсто; но если сопоставить ее съ одною изъ странъ, нашедшихъ свое мѣсто на противоположномъ полюсѣ, напр., съ Англіей, то различіе будетъ настолько рѣзкимъ, что терминъ „качественный" для обозначенія этого различія будетъ вполнѣ умѣстнымъ.

Быть можетъ, нѣкоторыхъ такое рѣшеніе не удовлетворитъ, какъ слишкомъ „эклектическое". Но что же дѣлать? Положеніе эклектиковъ, что „истина всегда посрединѣ", въ общей формѣ, разумѣется, и пошло, и нелѣпо. Но вѣрно и несомнѣнно то, что противъ всякой крайности и односторонности можно всегда придумать такую прямо противоположную, но столь же нелѣпую крайность и односторонность, что бѣдняжка истина будетъ равно близка или, лучше сказать, равно далека отъ той и отъ другой, т. е. какъ разъ окажется на этой пошлой золотой серединѣ. Такъ и въ вопросѣ о пресловутой самобытности или несамобытности нашей экономической исторіи и промышленнаго развитія. Справедливо замѣчаетъ по этому поводу П. Н. Милюковъ, что въ большинствѣ областей жизни „историческое развитіе совершается у насъ въ томъ же направленіи, какъ совершалось и вездѣ въ Европѣ. Это не значитъ, что оно приведетъ въ частности къ совершенно тожественнымъ *результатамъ,* но тожественности мы не встрѣтимъ и между отдѣльными государствами Запада—каждое изъ нихъ представляетъ *настолько глубокія различія и своеобразія,* что самое подведеніе ихъ подъ одну рубрику „западныхъ государствъ" можетъ имѣть только весьма *условное* и *относительное* значеніе" *). Слѣдовательно, нѣтъ какой-то общей, универсальной формы капитализма, черезъ всѣ стадіи развитія которой должна была бы пройти всякая страна въ силу желѣзной экономической необходимости.

И когда теперь намъ настойчиво твердятъ, что Россія должна, должна и должна пойти тѣмъ же путемъ, что и Западная Европа— то это кажется какимъ-то запоздалымъ отголоскомъ старины, какимъ-то анахронизмомъ. Да и какъ же иначе, когда подобная постановка вопроса настолько же устарѣла, какъ и другая, подобная ей—„быть" или „не быть" въ Россіи капитализму? Когда-то и этотъ споръ былъ важнымъ, насущнымъ, животрепещущимъ; онъ волновалъ сердца и умы, изъ-за него было переломано не мало полемическихъ копій. Сильнѣйшіе умы были имъ заняты; Марксъ, „самъ" Марксъ рѣшалъ его на двое, признавая возможность пойти и въ ту, и въ другую сторону... Но прошли времена... И нѣтъ больше спору о томъ, „быть" или „не быть" капитализму—спорятъ лишь о „судьбахъ капитализма въ Россіи" и судьбахъ Россіи при капитализмѣ. Жизнь непререкаемо рѣшила прежніе вопросы и поставила новые. Прошла эмбріональная фаза

*) П. Н. Милюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры», т. I, стр. 220.

капитализма, дифференцировались его различные національные типы—и споръ о путяхъ „Россіи" и „Запада" былъ упраздненъ, оставалось лишь анализировать своеобразныя черты различныхъ типовъ и этимъ конкретнымъ анализомъ дополнять абстрактную, „идеально-среднюю" организацію капиталистическаго производства, построенную Марксомъ. Капитализмъ занялъ въ Россіи свое мѣсто, и, худо ли, хорошо ли, „заработалъ",—приходилось изслѣдовать результаты его развитія въ спеціальной обстановкѣ Россіи, при данныхъ историческихъ условіяхъ времени и мѣста; приходилось набрасывать „очерки нашего пореформеннаго хозяйства", изучать „фабрику, что она даетъ населенію и что у него беретъ".

И опять таки кажется какимъ-то страннымъ анахронизмомъ, когда появляются люди, чрезвычайно гордые тѣмъ обстоятельствомъ, что они не вѣрятъ въ возможность для Россіи миновать стадію капитализма; когда они съ какимъ-то непонятнымъ задоромъ ломятся въ открытую дверь, вызывая на бой ряды прошлыхъ поколѣній, упрекая ихъ въ утопическихъ, несбыточныхъ мечтахъ и выставляя на видъ свою трезвенность и положительность, запоздавшую по крайней мѣрѣ на четверть вѣка... Русскій человѣкъ, говорятъ, вообще заднимъ умомъ очень крѣпокъ. Нѣсколько десятилѣтій спустя ему не трудно быть въ иномъ вопросѣ проницательнѣе самого Маркса, и какъ дважды два четыре доказать, что для Россіи и послѣ паденія крѣпостного права не могло быть двухъ путей развитія, двухъ возможностей, а только одна и притомъ именно та, которая случилась. Тѣмъ болѣе, что это несомнѣнно гораздо болѣе легкое и простое занятіе, чѣмъ изучать своеобразныя черты нашего доморощеннаго капитализма въ отличіе отъ другихъ, рядомъ существующихъ типовъ...

Намъ совершенно непонятно то полемическое настроеніе, которымъ продиктованы эти запоздалыя нападки на упованія и надежды „поколѣнія семидесятыхъ годовъ"... Конечно, у него было не мало увлеченій, оптимизма, неосновательной вѣры. Преодолѣніе капитализма нерѣдко представлялось нашимъ отцамъ „такъ близко, такъ возможно"... Но, во первыхъ, не будь этой вѣры, по всей вѣроятности, поколѣніе 70-хъ годовъ не сдѣлало бы того, что оно сдѣлало, не смогло бы снести тотъ тяжелый крестъ, который достался ему на долю. Только вѣра въ чрезвычайную близость завѣтной цѣли могла такъ вдохновить, такъ наэлектризовать цѣлое поколѣніе, исполнить его такой жаждой подвига и такими силами для его совершенія. А во вторыхъ... во вторыхъ, надо не забывать, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. И такъ ли велики были ихъ ошибки? Не являются ли, напротивъ, *такія* ошибки обычнымъ достояніемъ самыхъ крупныхъ людей въ пору Sturm-und Drang-Period'овъ? Возьмемъ хотя бы Маркса, — реалиста до мозга костей, котораго нельзя упрекнуть въ недостаточной оцѣнкѣ „объективныхъ условій, не-

зависящихъ отъ человѣческой воли и желаній". И онъ отдалъ дань этой общей человѣческой слабости, и ему казалось слишкомъ „близко и возможно" то, что оказалось впослѣдствіи гораздо болѣе далекимъ, и онъ искалъ въ свое время для своей родины Германіи „иныхъ, болѣе короткихъ путей развитія"... Такъ что современные его послѣдователи вынуждены защищать его отъ упрека въ преувеличеніи скорости темпа историческаго развитія указаніемъ на то, что „тому, кто ясно видитъ цѣль, дорога всегда кажется короче"...*).

Поколѣніе 60-70 гг. искало этой болѣе короткой дороги къ цѣли, минуя капитализмъ, черезъ общину и артель. Что суровая дѣйствительность во многомъ посмѣялась надъ ихъ надеждами—неоспоримо. Но это еще не основаніе продѣлывать ту-же ошибку въ противоположномъ направленіи: увлекаться примѣромъ передовыхъ капиталистическихъ странъ и переоцѣнивать реформирующее вліяніе русскаго капитализма. А именно такая переоцѣнка слышится намъ въ извѣстныхъ формулахъ: „русскій буржуа—первый русскій европеецъ", „признаемъ же нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму".

Мы нисколько не отрицаемъ, что „капитализмъ заключаетъ въ самомъ себѣ и разрушительныя, и созидательныя силы" **), или, согласно другой подобной же формулировкѣ, имѣетъ не только „темныя", но и „свѣтлыя" стороны ***), не только „отрицательныя", но и „положительныя" ****). Но мы, во-первыхъ, во избѣжаніе всякой двусмысленности и всякихъ недоразумѣній, оговариваемся, что „созидательныя", или „положительныя" стороны капитализма, собственно говоря, принадлежатъ не капитализму, какъ таковому, т. е. какъ опредѣленной *формѣ* общественнаго сочетанія силъ, — а самому этому сочетанію силъ, крупному производству, коопераціи, независимо отъ ея *формы*. Положительныя стороны крупнаго производства проявляются не *благодаря* его временной и преходящей капиталистической оболочкѣ, а *несмотря на нее*. Это во-первыхъ. А во вторыхъ, мы не думаемъ, чтобы повсюду, во всѣхъ странахъ и во всѣхъ областяхъ производства, взаимное отношеніе созидательныхъ и разрушительныхъ, отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ капитализма представлялось одинаковымъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ одной универсальной формы капитализма, нѣтъ одинаковаго шаблона для всѣхъ странъ и всѣхъ отраслей промышленности. Напротивъ, въ однихъ—пропорціональное отноше-

---

*) Mehring, Gesch. der Deutsch. S. D., Erst. Th., Stutg. 1897, S. 230.

**) В. Зубковъ. «По поводу одной статьи, въ «Русскомъ Богатствѣ», «Сѣв. Курьеръ», № 45.

***) В. Богучарскій въ «Нов. Словѣ», 1897 г., VIII, стр. 122.

****) Мы предпочитаемъ эту послѣднюю терминологію, употребляемую и Марксомъ въ I т. «Капитала».

ніе положительныхъ сторонъ капитализма къ отрицательнымъ можетъ быть рѣшительно благопріятнымъ, въ другихъ же, наоборотъ, столь же рѣшительно неблагопріятнымъ; въ однихъ странахъ, въ однихъ отрасляхъ производства, въ силу извѣстныхъ условій, капитализмъ будетъ функціонировать главнымъ образомъ какъ паразитъ, въ другихъ—какъ могущественнѣйшій культурный факторъ. Между этими двумя крайностями будетъ лежать цѣлый рядъ промежуточныхъ стадій. Отъ Англіи черезъ Францію и Германію, далѣе черезъ Австрію и Италію къ Россіи—мы имѣемъ цѣлую лѣстницу странъ, расположенныхъ по возрастающимъ степенямъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ капитализма и по убывающимъ степенямъ его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, было-бы наивностью думать, что достаточно явиться въ данной странѣ буржуазно-капиталистическимъ отношеніямъ, чтобы вмѣстѣ съ ними *въ той же самой мѣрѣ* явилась и та „капиталистическая выучка", которая до нѣкоторой степени вознаграждаетъ за то, что „у капитала изо всѣхъ поръ, съ головы до ногъ, сочится кровь и грязь". Нѣтъ, тысячу разъ возможно преимущественное развитіе какъ разъ этихъ мрачныхъ, тѣневыхъ сторонъ капитализма, при относительно минимальномъ развитіи „выучки", т. е. вообще творческой работы, подготовляющей элементы новой хозяйственной формаціи. Въ этомъ случаѣ получится слѣдующее: капиталистическій паразитизмъ будетъ распространенъ въ данной странѣ, какъ нигдѣ, его сѣтями будетъ опутано все населеніе; но формальное господство капитализма по преимуществу будетъ ограничиваться сферой эксплуатаціи, мало проникая въ сферу реорганизаціи самаго производства на новѣйшихъ началахъ. Легкость поверхностнаго, внѣшняго подчиненія некапиталистическихъ производителей и высасыванія изъ нихъ жизненныхъ соковъ приведетъ къ тому, что развитіе капитализма будетъ идти болѣе въ ширь, чѣмъ въ глубь, и никогда въ ней не будетъ поздно сказать: „насъ давитъ не только развитіе капитализма, но и *недостатокъ* этого развитія",—точнѣе недостатокъ развитія его творческихъ сторонъ при избыткѣ разрушительныхъ *).

Съ этой точки зрѣнія не меньшей наивностью (и въ силу тѣхъ же причинъ) будетъ и отожествленіе понятій „буржуа" и „европеецъ", убѣжденіе, что появленіе и усиленіе буржуазіи должно въ равной мѣрѣ сопровождаться европеизаціей нашей родины. Все это не болѣе, какъ поверхностныя обобщенія, основанныя на самой простой аналогіи съ историческою жизнью наиболѣе передовыхъ изъ западно-европейскихъ государствъ, все это въ концѣ концовъ то же шаблонизированье, то же чисто механическое рас-

*) Напомнимъ, что къ этому и сводится, діагнозъ, поставленный общему ходу нашего хозяйственнаго развитія въ самомъ серьезномъ изслѣдованіи по экономикѣ Россіи,—«Очеркахъ пореформеннаго хозяйства» г. Николая—она.

пространеніе свойствъ единичныхъ и даже исключительныхъ явленій на всѣ явленія даннаго рода. Правда, въ свое время въ извѣстныхъ странахъ буржуазія съумѣла блестяще вписать свое имя въ исторію европейской культуры. Но сравнимъ колебанія въ настроеніи буржуазіи по разнымъ странамъ и разнымъ эпохамъ,—и мы констатируемъ фактъ, чуть-ли не имѣющій значенія настоящаго историческаго закона: степень прогрессивности и либерализма буржуазіи—разумѣется, *при прочихъ равныхъ условіяхъ*—оказывается прямо пропорціональной положительнымъ сторонамъ капитализма и обратно-пропорціональной его отрицательнымъ сторонамъ. Не смотря на цѣлый рядъ осложняющихъ вліяній, которыя не могутъ не затемнять чистаго проявленія этого закона, дѣйствительность его довольно ясно выступаетъ изъ самаго непосредственнаго разсмотрѣнія фактовъ.

Обратимся-же къ фактамъ.

III.

Какія условія, по мнѣнію Герца, являются рѣшающими при опредѣленіи типа или характера „національнаго капитализма“?

„На образованіе національнаго капитализма вліяютъ, во-первыхъ, естественныя условія—почвенныя, климатическія, географическія; возможность болѣе легкаго или болѣе труднаго сообщенія, взаимодѣйствіе и комбинація различныхъ природныхъ факторовъ.

„Во-вторыхъ—историческіе моменты: наличность уцѣлѣвшихъ предшествующихъ хозяйственныхъ формъ, сложившагося народнаго характера и народныхъ потребностей, послѣдующее вліяніе различныхъ политическихъ формъ.

„Въ третьихъ—соединеніе обоихъ первыхъ моментовъ, что и представляется самымъ частымъ случаемъ. Вопросы, которые слѣдуетъ соединять съ этимъ, таковы, напр.: существуетъ ли еще въ данной странѣ свободная, незанятая земля, или вся она уже находится въ частномъ владѣніи.

„Свободное мѣновое хозяйство достигаетъ господства при всѣхъ этихъ различныхъ комбинаціяхъ самымъ различнымъ образомъ. На иныя изъ этихъ условій оно простираетъ свое уравнивающее, нивеллирующее вліяніе (интернаціональный моментъ); по отношенію къ упорной живучести другихъ ему остается только одно средство—примѣниться, приспособиться къ нимъ (національный моментъ)...

„Исторически-національные моменты часто только еще обостряютъ давленіе и эксплуатацію такъ называемаго „нормальнаго“ капитализма, подъ которымъ обычно разумѣютъ англійскій“ *).

*) Герцъ, op. cit, S. 11—12.

Впрочемъ, Герцъ тотчасъ же оговаривается, что онъ съ своей стороны совершенно не признаетъ ни за какимъ видомъ капитализма какой-то особой „нормальности“. Обозначеніе это можетъ вести къ ошибкамъ. Чѣмъ, напр., американскій капитализмъ менѣе „нормаленъ“, нежели англійскій? Гдѣ основанія, по которымъ бы можно было признать какой либо изъ существующихъ видовъ капитализма „анормальнымъ“? Такихъ основаній нѣтъ— всѣ виды равно нормальны, равно соотвѣтствуютъ тѣмъ конкретнымъ условіямъ, той мѣстной обстановкѣ, въ которой имъ приходилось развиваться.

Какъ уже упоминалось выше, въ этомъ пунктѣ взгляды Герца вполнѣ сходятся со взглядами Зомбарта, о книгѣ котораго Герцъ, между прочимъ, отзывается съ большой похвалой *). Указавъ, что „нормальною“ обычно называютъ эволюцію той страны, въ которой она приняла наиболѣе законченныя, яркія и рѣзкія формы, Зомбартъ говоритъ: „существо ошибки, въ которую впадаютъ при такого рода воззрѣніи, заключается въ томъ, что названіемъ „нормальнаго“ обозначаютъ какъ разъ ненормальнѣйшее изъ когда бы то ни было существовавшихъ направленій эволюціи; потому что соціальное развитіе Англіи могло сложиться такъ, какъ оно сложилось, именно только благодаря цѣлому ряду совершенно особенныхъ, изъ ряду вонъ выходящихъ условій... Если мы примемъ за объективный масштабъ „нормальности“ развитія средній, нормальный ходъ современной капиталистической эволюціи — а это на самомъ дѣлѣ единственный масштабъ, находящійся въ нашемъ распоряженіи,—то съ гораздо бо̀льшимъ правомъ можно будетъ даже сказать: на континентѣ развитіе является нормальнымъ, а въ Англіи — ненормальнымъ. Но мнѣ думается, что для науки было бы приличнѣе вовсе покинуть эту классификацію эволюціи на „нормальныя“ и ненормальныя“,— а вмѣсто этого лучше обратиться къ изслѣдованію причинъ, благодаря которымъ въ разныхъ странахъ возникли различныя конкретныя формы, въ которыхъ воплотилась эволюція общества“ **).

Для Англіи причины эти извѣстны. Это, во-первыхъ, ея островное положеніе. Оно, съ одной стороны, безконечно облегчало торговыя сношенія съ прочими странами, содѣйствуя широкому развитію парового транспорта; съ другой стороны, это островное положеніе служило естественной обороной страны отъ внѣшнихъ враговъ, сберегало для производительной дѣятельности массу силъ, которыя иначе были бы поглощены милитаристической организаціей. Эти благопріятныя условія оказывали кромѣ того существенное косвенное дѣйствіе, не мало способствуя выработкѣ независимаго, гордаго и энергическаго харак-

*) «Die Agrarischen Fragen», S. 11.
**) «Die Bewegung im XIX Iahrg.», S. 24—25.

тера британца. Во-вторыхъ, надо указать нѣкоторыя почвенныя условія, въ особенности богатыя залежи каменнаго угля, послужившія на долгое время основой развитія фабрично-заводскаго дѣла въ Англіи. Въ третьихъ — комбинація этихъ природныхъ и историческихъ условій, которая привела къ болѣе раннему выступленію Англіи на путь капиталистическаго развитія, доставила ей возможность ранѣе другихъ захватить свободные рынки, и обезпечила за нею надолго „монопольное положеніе въ міровой промышленности“ *). Общій типъ промышленнаго развитія Англіи, благодаря этому, характеризуется наибольшимъ перевѣсомъ положительныхъ, творческихъ сторонъ капитализма надъ отрицательными, разрушительными, и чѣмъ болѣе развивался англійскій капитализмъ, тѣмъ болѣе развивалась и эта его характерная черта. Въ эпоху „первоначальнаго накопленія“, первыхъ шаговъ капитализма на пути расчищенія себѣ почвы и отлученія (часто насильственнаго) непосредственныхъ производителей отъ орудій производства — въ эту эпоху промышленное развитіе Англіи представляло больше всего сходныхъ чертъ съ капиталистическимъ развитіемъ другихъ государствъ; но по мѣрѣ достиженія имъ эпохи зрѣлости сильнѣе проявлялись черты его своеобразія, оригинальности. Надо далѣе замѣтить, что такъ какъ Англія раньше другихъ странъ выступила на путь капиталистическаго развитія, то и самый процессъ преобразованія формъ производства растянулся въ ней на бо́льшій періодъ времени, могъ идти наиболѣе ровно и постепенно (поскольку можно говорить о ровности въ примѣненіи къ капиталистическому строю, основная черта котораго — извѣстная порывистость и непостоянство). Не нужно было сразу переходить отъ первобытныхъ способовъ производства къ послѣднему слову новѣйшей техники, какъ это пришлось позднѣе отсталымъ странамъ; не такъ быстро, слѣдовательно, шло вытѣсненіе человѣка машиной; дать вытѣсняемымъ занятіе путемъ расширенія производства и основанія новыхъ предпріятій было не такъ трудно, и приращеніе рынковъ требовалось для этого не столь внезапное и большое, чтобы удовлетвореніе этой потребности сдѣлалось слишкомъ затруднительнымъ. Конечно, дѣло шло и здѣсь далеко не безъ шероховатостей и задержекъ; но въ общемъ, взятый во всемъ своемъ цѣломъ, процессъ капиталистическаго развитія страны совершался при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Созданіе новыхъ источниковъ существованія массъ не отставало, а скорѣе обгоняло и разрушеніе старыхъ „устоевъ“ ихъ жизни, и приростъ населенія. Въ результатѣ — промышленный расцвѣтъ, ростъ спроса на трудъ, относительно незначительная безработица, и наконецъ „склонность и способность предпринимателя, загребающаго большіе

*) Зомбартъ, op. cit., S. 29.

барыши, лучше оплачивать наемный трудъ, такимъ образомъ до извѣстной степени дѣлясь съ рабочимъ сыплющимся на промышленность золотымъ дождемъ" *). Отсюда—maximum довольства и спокойствія массъ, maximum прочности всѣхъ общественныхъ связей, не смотря на крайнее развитіе капитализма, а слѣдовательно, и классовыхъ противоположностей. Конечно, рабочіе не могли не бороться съ хозяевами изъ-за рабочаго дня, заработной платы и т. п.; но борьба эта легче улаживалась на почвѣ взаимныхъ уступокъ и соглашеній **). Имѣя всегда синицу въ рукахъ, рабочія массы въ Англіи меньше думали о журавлѣ въ небѣ, меньше увлекались планами всеобщаго и радикальнаго переустройства всѣхъ общественныхъ отношеній; рабочее движеніе стало носить отпечатокъ практичности, иногда слишкомъ узкой, вошло въ колею профессіональнаго, трэдсъ-юніонистскаго движенія, и — въ противоположность рабочему движенію континента — не только потеряло свой противогосударственный характеръ, но даже оказалось наилучшимъ оплотомъ противъ всякихъ увлеченій.

Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, приходилось англійской буржуазіи бояться „краснаго призрака"; персонифицируя всѣ блага промышленнаго расцвѣта, она болѣе чѣмъ гдѣ-либо могла здѣсь отождествлять свои интересы съ интересами всей страны; здѣсь ей было легче, чѣмъ гдѣ-либо, найти себѣ и союзниковъ въ различныхъ классахъ общества, и безкорыстныхъ, талантливыхъ и убѣжденныхъ „идеологовъ" — защитниковъ изъ міра людей мысли. Чувствуя такимъ образомъ подъ своими ногами твердую почву, англійская буржуазія прежде всего отличается однимъ качествомъ—солидностью. Она преисполнена спокойнымъ сознаніемъ силы и чувствомъ собственнаго достоинства. Ея моральное вліяніе, прочные корни, которые пущены ею въ экономической жизни страны, ея образованность и культурность — все заставляетъ ее твердо держаться за свободныя учрежденія; и въ de jure монархической Англіи эти учрежденія на практикѣ давно являются гораздо болѣе прочными и дѣйствительными, чѣмъ въ республиканской Франціи. Правда, англійская буржуазія заражена шовинизмомъ; но этотъ шовинизмъ естественъ, прежде всего потому, что для нея нужны внѣшніе рынки; погоня за ними — необходимое условіе ея существованія. Но этотъ шовинизмъ дѣлитъ

---

*) Зомбартъ, op. cit. S. 29.

**) «Третейскіе суды и примирительныя камеры являлись очень полезнымъ средствомъ для избѣжанія стачекъ... крайне невыгодныхъ въ то время, когда условія рынка складывались вполнѣ благопріятно и каждый день работы обѣщалъ хорошій барышъ»... (Зомбартъ, op. cit. S. 30). Для дальнѣйшей характеристики Франціи любопытно замѣтить, что законъ о третейскихъ судахъ и примирительныхъ камерахъ въ ней до самаго послѣдняго времени оставался мертвою буквой.

съ буржуазіей чуть-ли не вся нація. И не удивительно. Почти все населеніе Англіи живетъ и кормится около крупной промышленности и за ея счетъ; судьбы его тѣсно связаны съ судьбами англійскаго экспорта, и всякій ударъ, нанесенный ему на международномъ рынкѣ, былъ бы въ то же время рѣшительнымъ ударомъ благосостоянію рабочихъ массъ. Итакъ, какъ бы ни была несимпатична внѣшняя политика, направляемая англійской буржуазіей, послѣдняя внутри страны, во внутреннихъ отношеніяхъ является крупнѣйшей культурно-политической силой. Она въ полной мѣрѣ обладаетъ хладнокровіемъ, свойственнымъ всякой настоящей силѣ, и потому никогда не прочь отъ своевременныхъ уступокъ духу времени. Ей чуждо лихорадочное стремленіе отчаяннаго игрока поставить всю свою судьбу въ зависимость отъ одной шальной ставки. Нѣтъ, политическая игра англійской буржуазіи—игра серьезная, обдуманная и осторожная; поистинѣ, нигдѣ въ такой степени не оцѣнено значеніе компромисса, какъ въ Англіи *).

Наконецъ, въ томъ же смыслѣ имѣло немаловажное значеніе для Англіи еще одно, чисто историческое условіе — наличность сильной поземельной аристократіи, оставшейся въ наслѣдство отъ норманскаго завоеванія и установившагося вслѣдъ за нимъ феодальнаго порядка. Порядокъ этотъ такъ глубоко пустилъ корни, что капитализмъ не могъ его совершенно уничтожить, не могъ добиться неограниченной свободы мобилизаціи земельной собственности и долженъ былъ приспособиться ко всѣмъ этимъ майоратамъ, фидеикомиссамъ и другимъ бастіонамъ лэндлордизма. Уже Марксъ отмѣтилъ, что проистекающій отсюда традиціонный антагонизмъ между буржуазіей и аграріями, вигами и торіями, много способствовалъ постепенному улучшенію положенія рабочаго класса. И тѣ, и другіе должны были заигрывать съ нимъ, чтобы привлечь его на свою сторону. При этомъ естественно, что тори, дѣйствуя въ подрывъ вигамъ, выдвигали на первый планъ развитіе фабричнаго законодательства, а виги мстили аграріямъ—тори, принимая подъ свое покровительство „бѣднаго земледѣльческаго рабочаго". Въ этомъ антагонизмѣ заключается не послѣдній двигатель всего англійскаго прогресса.

Картина сильно мѣняется, когда мы переходимъ къ Франціи. Въ ряду великихъ державъ она является второй по времени выступленія на путь буржуазно-капиталистическаго развитія. Ей пришлось поэтому съ перемѣннымъ счастьемъ выдержать главную часть борьбы за промышленное преобладаніе съ Англіей, борьбы въ одиночку, т. е. при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. На ея долю досталось наибольшее число ударовъ отъ могучей соперницы.

---

*) Ср. характерное въ этомъ отношеніи соч. Дж. Морлея «О компромиссѣ» (есть русскій переводъ).

Попеременныя удачи и неудачи въ этой борьбѣ составляютъ одинъ изъ важныхъ элементовъ порывистаго и непостояннаго развитія Франціи. Эпохи промышленнаго расцвѣта нерѣдко смѣнялись въ ней эпохами такихъ длительныхъ и суровыхъ кризисовъ, во время которыхъ совершенно улетучивались всѣ блага капитализма и во всей мрачной наготѣ возставали его отрицательныя и разрушающія стороны. Сильные промышленные кризисы бывали постоянными предтечами всѣхъ кровавыхъ переворотовъ, которые переиспытала Франція *).

Въ промышленной борьбѣ между Англіей и Франціей противники били другъ друга не только рублемъ, но и дубьемъ. Такъ, Англія пользуется великой французской революціей и войной республики съ монархической Европой для того, чтобы блокадой французскихъ береговъ убить внѣшнюю торговлю своего врага. Но извѣстно, что „капиталистическое производство вообще не существуетъ безъ внѣшней торговли" **). Во Франціи разражается ужасный экономическій кризисъ; онъ вызываетъ крайнее обостреніе всѣхъ общественныхъ отношеній, стремленіе всѣхъ соціальныхъ группъ завладѣть государственной машиной, ожесточенную борьбу за власть, конечную побѣду самыхъ крайнихъ элементовъ, представляющихъ интересы голодной улицы,—таксу на съѣстные припасы и объявленіе чуть ли не всѣхъ богатыхъ врагами отечества... Буржуазія ударяется въ реакцію и бросается въ объятія военной диктатуры. Наполеонъ I поправляетъ до нѣкоторой степени дѣло; отмстивъ Англіи континентальной системой, онъ улучшаетъ для Франціи условія сбыта и возстановляетъ соціальный миръ внутри Франціи. Но англійскія деньги неустанно работаютъ надъ созданіемъ новыхъ и новыхъ коалицій противъ могучаго врага — континентальная система и основанная на ней искусственная монополія Франціи трещитъ по всѣмъ швамъ отъ гигантскаго развитія контрабанды, прямого уклоненія многихъ правительствъ отъ выполненія своихъ обязательствъ и т. д. Наконецъ, побѣдительницей въ этой вѣковой борьбѣ выходитъ—не Франція, растерявшая значительную часть своихъ колоній, и до сихъ поръ не безъ страха отступающая передъ Англіей гдѣ нибудь въ Фашодѣ...

Неудачѣ этой борьбы, думается намъ, въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ приписать и тотъ фактъ, что во Франціи преимущественно развились тѣ отрасли промышленности, которыми не

---

*) Ср. примѣры въ «Klassenkämpfe in Frankreich», S. 4. (Einleitung). «Die Welthandelskrise von 1847 die eigentliche Mutter der Februar-und Märsrevolutionen gewesen war...» «...Die seit Mitte 1848 allmälig wider eingetretene, 1849 und 1850 zur vollen Bluthe gekommene industrielle Prosperität die belebende Kraft der neuerstarkten europäischen Reaktion war. Das war entscheidend».

**) «Капиталъ», т. II, стр. 359.

занималась Англія. А это, со своей стороны, — согласно остроумной гипотезѣ Зомбарта—наложило глубокую печать на характеръ значительной массы французскаго промышленнаго населенія.

„Значительная часть специфически французской промышленности, благодаря свойственной ей организаціи въ небольшія мастерскія (ateliers), все еще носитъ характеръ мелкаго производства,—полу-ремесленный характеръ... въ значительной мѣрѣ это, такъ сказать, „художественная“ индустрія. Такова, напримѣръ, ліонская шелковая промышленность, таковы многочисленныя отрасли парижской индустріи, занятыя изготовленіемъ предметовъ роскоши. Она стоитъ въ рѣзкой противоположности съ крупнымъ массовымъ производствомъ (Stapelindustrie) Англіи—каменноугольной, желѣзодѣлательной, хлопчатобумажной промышленностью. Французскій рабочій, ouvrier, въ Ліонѣ прямо такъ и называемый „maître ouvrier“, благодаря такому направленію и организаціи многочисленныхъ отраслей производства Франціи, носитъ гораздо болѣе индивидуалистическій, слѣдовательно, мелкобуржуазный оттѣнокъ, чѣмъ пролетарій другихъ странъ“.

Этимъ, по мнѣнію Зомбарта, слѣдуетъ объяснить, во первыхъ, то сильное вліяніе, которое мелкая буржуазія имѣла на пролетарское движеніе во Франціи. Тѣмъ же вліяніемъ мелкобуржуазнаго строя Франціи, по мнѣнію Зомбарта, слѣдуетъ объяснить большую распространенность въ ней ученій, соединяющихъ крайній соціальный радикализмъ со столь же крайнимъ и рѣзко выраженнымъ индивидуализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, естественно, что въ то самое время, когда рабочій крупной, колоссальной промышленности считаетъ вполнѣ практичнымъ и осуществимымъ только замѣщеніе частнаго предпринимателя реформированнымъ государствомъ,—рабочій мелкой промышленности болѣе вѣритъ въ мелкую производительную ассоціацію, свободную и независимую отъ всякаго давленія „сверху“. Естественно, что главной задачей при этомъ и выдвигается уничтоженіе этого давленія, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, и того историческаго элемента, отъ котораго оно можетъ исходить. Далѣе, тѣмъ же мелкобуржуазнымъ строемъ Франціи, по его мнѣнію, слѣдуетъ объяснить и малую способность французскаго пролетаріата къ широкой, массовой организаціи, его узко-сектантскій духъ, склонность раздробляться на мелкія фракціи, кружки и клубы, дающіе такъ много мѣста игрѣ личныхъ самолюбій маленькихъ диктаторовъ, политическихъ величинъ, которыя дивятъ „свой только муравейникъ“. Исторія французскихъ рабочихъ партій чуть не сплошь является исторіей проистекающихъ отсюда мелочныхъ дрязгъ, интригъ и раздоровъ, часто едва прикрываемыхъ фиговымъ листкомъ „принципіальныхъ разногласій“.

Далѣе во Франціи приходится учесть вліяніе еще одного,

очень важнаго обстоятельства историческаго характера. Какъ мы уже видѣли, въ Англіи антагонизмъ между индустріальной буржуазіей — вигами — и поземельной аристократіей — тори — сильно способствовалъ улучшенію положенія рабочаго класса и мирному, постепенному характеру развитія страны. Во Франціи же великая революція 1789 г. съ корнемъ вырвала феодальное дворянство, раздробила латифундіи, пустила ихъ съ аукціона и, такимъ образомъ, радикально перемѣнила личный составъ французскаго землевладѣнія. Но этимъ самымъ она поставила передъ французскимъ пролетаріатомъ вмѣсто двухъ взаимно антагонистичныхъ силъ — одну буржуазную массу. Борьба должна была идти одинъ на одинъ, и немудрено, что при матеріальной и организаціонно-политической раздробленности французскаго пролетаріата передовые кружки и группы пріобрѣтаютъ склонность къ заговорщической тактикѣ... Бланкизмъ *) такое же специфическое порожденіе французской жизни, какъ прудонизмъ или другія школы „libertaire'овъ“.

Если мы сюда еще прибавимъ страстный, увлекающійся темпераментъ романской расы и слѣды вліянія старой „системы опеки“, великолѣпно формулированной въ извѣстной фразѣ: „государство—это я“, то намъ будутъ ясны всѣ важнѣйшіе составные элементы типа соціальнаго движенія Франціи, вѣчно конвульсивнаго, вѣчно возбужденнаго, непостояннаго, то вспыхивающаго яркимъ фейерверкомъ, то моментально угасающаго при встрѣчѣ съ серьезными препятствіями...

Въ связи съ этимъ интересна и общая характеристика французской буржуазіи, данная однимъ вдумчивымъ наблюдателемъ западно-европейской жизни:

„Буржуазія Франціи представляется мнѣ одной изъ самыхъ талантливыхъ и энергичныхъ буржуазій Европы. Она привыкла къ господству, выработала солидныя качества для защиты этого господства. И въ то же время она обладаетъ, такъ сказать, „общественными талантами“, прикрывающими черезчуръ грубыя формы ея владычества: наука, искусство, техника находятся до сихъ поръ подъ ея сильнымъ вліяніемъ.

„Вообще она свободолюбива, гораздо свободолюбивѣе нѣмецкой, итальянской буржуазіи, хотя видитъ въ этой свободѣ прежде всего возможность проводить свою точку зрѣнія, проводить свои интересы, подавлять враждебные элементы: отсюда обвиненіе въ якобинствѣ, которое представители стараго стиля бросаютъ ей въ лицо. Ни одна буржуазія не отличается и такою жестокостью въ подавленіи народныхъ возстаній. Въ противоположность англій-

*) Здѣсь я разумѣю не современную группу Вальяна — сильно слинявшіе осколки стараго бланкизма—а общій методъ дѣйствія, которому Бланки далъ свое имя.

ской практической буржуазіи, она заходитъ на этомъ пути гораздо дальше, чѣмъ даже подсказываетъ ей непосредственный интересъ... Трудно предположить, чтобы при столкновеніи ея правъ съ правами пролетаріата она пошла на компромиссъ, на важныя уступки безъ самой ожесточенной борьбы (какъ это можно ожидать, наоборотъ, отъ болѣе хладнокровной англійской буржуазіи); она скорѣе рискнетъ потерять все, чѣмъ уступить хоть что-нибудь.

„Съ этимъ-то и связано ея инстинктивное скрытое тяготѣніе къ диктатурѣ, а стало быть, при условіяхъ, существовавшихъ доселѣ,—и къ цезаризму. Къ нему она прибѣгаетъ въ критическіе моменты, чтобы поправить „игру свободныхъ учрежденій", чтобы силой пріостановить, даже, если можно, разбить часы исторіи, разъ ей покажется, что они забѣгаютъ слишкомъ впередъ ея строя жизни. Не удастся ей задушить врага въ рамкѣ „справедливыхъ законовъ", — она можетъ кинуться въ объятія Наполеона I, Наполеона III" *).

Эта яркая, превосходная характеристика французской буржуазіи ясно намѣчаетъ и черты ея превосходства надъ буржуазіями Германіи, Австріи, Италіи, и тѣ черты, въ которыхъ она, наоборотъ, уступаетъ англійской. Послѣдующее изложеніе должно еще болѣе усугубить это впечатлѣніе яркости отличій.

Теперь мы переходимъ къ Германіи. Выше уже было сказано, что на первыхъ ступеняхъ развитія промышленности въ странѣ бываетъ трудно распознать *типъ* будущаго развитого капиталистическаго хозяйства. Всѣ эмбріональныя формы слишкомъ расплывчаты и неопредѣленны. Не мудрено, что Марксъ, при всей его проницательности, могъ схватить только одну сторону вопроса о „судьбахъ капитализма въ Германіи", именно, ту, что Германія не можетъ разсчитывать на такой же гладкій и ровный путь развитія, какъ и Англія. Марксъ слишкомъ увлекся этой стороной и впалъ въ крайность, утверждая, что для Германіи весьма вѣроятенъ слѣдующій исходъ—она испытаетъ „всѣ страданія современнаго развитія безъ его благъ и наслажденій", и въ одно прекрасное утро она увидитъ себя на уровнѣ европейскаго паденія, безъ того, чтобы когда бы то ни было находиться на уровнѣ европейской эмансипаціи" **).

Марксъ исходилъ при этомъ изъ совершенно правильной точки зрѣнія, которую не всегда понимаютъ его послѣдователи. Онъ отнюдь не признавалъ одного шаблона для капиталистическаго развитія всѣхъ странъ, одинаковаго уровня развитія отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ капитализма повсюду. Марксъ

---

*) Н. Кудринъ. «Письмо изъ Франціи», «Русск. Бог.» 1895, № 11.
**) Цитирую по Мерингу, вышеупомянутое сочиненіе, т. I, стр. 126.

только преувеличилъ быстроту темпа экономическаго развитія и потому ошибся въ данномъ конкретномъ случаѣ приложенія совершенно безукоризненной общей точки зрѣнія. Отсюда и ложные выводы для практики. Позднѣе, Энгельсъ рѣшительно и откровенно призналъ, что Марксъ и онъ впали въ ошибку.

„Исторія доказала намъ и всѣмъ, кто думалъ такъ же, какъ и мы, что мы были неправы“ — читаемъ мы въ одной изъ предсмертныхъ работъ Энгельса *). „Она выяснила, что положеніе экономическаго развитія на континентѣ тогда еще далеко не было созрѣвшимъ для устраненія капиталистическаго строя; она доказала это тѣмъ экономическимъ переворотомъ, который охватилъ послѣ 1848 г. весь континентъ, даровалъ крупной индустріи дѣйствительное право гражданства во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ, наконецъ, и въ Россіи, а изъ Германіи сдѣлалъ прямо таки индустріальную страну перваго ранга,—и все это на капиталистическомъ основаніи, которое, слѣдовательно, въ 1848 г. было еще весьма способнымъ къ расширенію“. Не однѣ отрицательныя, но и положительныя стороны капитализма могли еще въ достаточной, хотя и послѣдовательно уменьшающейся степени сказаться на многихъ странахъ.

Если сравнить германскую индустрію съ англійской и французской, то несомнѣнно, что она ближе подойдетъ къ типу первой. Отличіе прежде всего придется отмѣтить въ томъ, что Германія никогда не могла и мечтать хотя бы о самой кратковременной монополіи на всемірномъ рынкѣ. Времена этой монополіи даже для самой Англіи все болѣе и болѣе отодвигаются въ глубокую даль невозвратнаго прошлаго. Итакъ, развивая крупную промышленность по англійскому типу, Германія создавала основу для столь же сплоченнаго и организованнаго рабочаго движенія, какъ въ Англіи; но не обладая тѣмъ исключительнымъ перевѣсомъ положительныхъ сторонъ капитализма надъ отрицательными, который характеризуетъ эту послѣднюю, Германія не давала своему рабочему классу соблазновъ уйти въ узкую политику настоящей минуты, ближайшихъ интересовъ „здороваго эгоизма“; поэтому формы, въ которыя вылилось движеніе, оказались совершенно иныя **). Германіи приходилось выступить на путь капиталистическаго развитія уже тогда, когда онъ сдѣлался торною дорогой и когда на немъ тѣснилось уже множество конкуррентовъ. Протиснуться среди нихъ было дѣломъ нелегкимъ, и если вообще вѣрна пословица, что „въ дракѣ шкуры не жалѣютъ“, то

---

*) Einleitung къ «Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850». Berlin 1895 г., S 8. Это вступленіе помѣчено 6-мъ марта 1895 года.

**) Профессіональная, чисто экономическая организація рабочаго класса всегда сильно отставала отъ политической, и только въ послѣднее время обращаетъ на себя больше вниманія, чѣмъ прежде.

тѣмъ болѣе молодому германскому капитализму не приходилось въ пылу борьбы жалѣть шкуру рабочаго класса, выносившаго на своей спинѣ все это „промышленное процвѣтаніе“. Это, конечно, не могло не настраивать послѣдняго на болѣе радикальный ладъ.

Съ другой стороны, болѣе позднее выступленіе Германіи на путь промышленнаго развитія представляло и нѣкоторую своеобразную выгоду: ей не пришлось на первыхъ же порахъ выдержать что нибудь вродѣ того же промышленнаго поединка съ Англіей, отъ котораго въ свое время такъ пострадала Франція. Кромѣ Германіи, въ это время не только Франція, Италія, Бельгія, Австро-Венгрія, Россія, но и молодыя капиталистическія государства другихъ частей свѣта, какъ Соединенные Штаты и Японія, также потянулись за рынками, и Англіи уже приходилось идти на уступки, дѣлиться и размежевываться со всѣми. Отсюда по крайней мѣрѣ вытекала бо́льшая ровность и постоянство условій промышленнаго развитія, чѣмъ это было для Франціи. Нельзя кстати не замѣтить, что въ полномъ соотвѣтствіи съ этою ровностью и постоянствомъ дѣйствовали національно-расовыя черты германскаго характера — извѣстная выдержанность, хладнокровіе и методичность, то, что обычно сходитъ за пресловутую „нѣмецкую аккуратность“.

Теперь слѣдуетъ отмѣтить еще своеобразную комбинацію привходящихъ моментовъ чисто-историческаго характера. Съ одной стороны, Германію отличала отъ Франціи и сближала съ Англіей наличность антагонизма между старымъ феодальнымъ „юнкерствомъ“ и новорожденною буржуазіей. Но, съ другой стороны, въ ней былъ и кромѣ рабочаго класса еще одинъ элементъ, который могъ для своего укрѣпленія использовать этотъ антагонизмъ. То была сильная монархическая власть, выдвинутая необходимостью патріотической борьбы за пангерманское объединеніе.

При первыхъ же проблескахъ либерально-буржуазной оппозиціи, политическій тактъ Бисмарка сразу нашелъ самый простой и вѣрный путь подорвать ее въ самомъ корнѣ. Германская буржуазія не могла имѣть тѣхъ корней въ массахъ населенія, какъ англійская, и къ тому же на нее не могъ не дѣйствовать устрашающимъ образомъ примѣръ Франціи, гдѣ буржуазіи уже не разъ приходилось сводить кровавые счеты со своимъ историческимъ наслѣдникомъ. И вотъ дарованное Германіи сверху всеобщее и прямое избирательное право выдвигаетъ на широкую арену политической жизни рабочую партію и ставитъ буржуазію между двухъ огней. Кризисъ буржуазнаго либерализма не заставляетъ себя долго ждать,—блудный сынъ возвращается подъ родительское крыло, и осуществляется знаменитый „картель“ партій порядка подъ верховнымъ покровительствомъ центральной власти, умѣло балансирующей между интересами аграріевъ и крупныхъ

фабрикантовъ, и примиряющей ихъ—порою не безъ труда—различными подачками то въ ту, то въ другую сторону.

Со своей стороны, рабочая партія, получивъ, довольно неожиданно для себя, почти безъ всякой борьбы, даромъ, свободный доступъ въ парламентъ, поспѣшила использовать новую позицію и быстро увеличивала свою численность. Чтобы не подавать повода вновь отнять у рабочихъ это драгоцѣнное право участія въ управленіи, въ ея интересахъ было строго ограничиваться легальной парламентской работой. „Наши дѣла идутъ гораздо лучше съ помощью законныхъ средствъ, чѣмъ съ помощью незаконныхъ"... „На почвѣ законности мы пріобрѣтаемъ силу, мы процвѣтаемъ (pralle Muskeln und rothe Backen bekommem) и не предвидимъ конца своему существованію"—таковы характерные отзывы бывшаго революціонера 48 года, Энгельса *). Такимъ образомъ, движеніе по своему духу явилось синтезомъ англійскаго и французскаго: въ теоріи, въ постановкѣ конечныхъ цѣлей—радикализмъ французовъ, въ практической политикѣ — эволюціонизмъ, если угодно, даже оппортунизмъ англичанъ **). Даже „исключительные законы", какъ коррелативъ ко всеобщему избирательному праву проведенные усиліями „картеля", не могли выбить рабочую партію изъ ея неуязвимой легальной позиціи и рухнули, не достигнувъ цѣли. Ростъ рабочей партіи принялъ размѣры, не предвидѣнные хитроумной тактикой Бисмарка, и единственнымъ ея выигрышемъ было то, что клинъ между либерально-манчестерской буржуазіей и пролетаріатомъ былъ вбитъ еще глубже, еще прочнѣе. И теперь въ рабочей средѣ твердо вкоренилось убѣжденіе, что „германское бюргерство сдѣлалось слишкомъ малодушнымъ и неразвитымъ, чтобы провести свои буржуазно-демократическія требованія. Тѣ самыя требованія, которыя сдѣлались въ Англіи и Франціи законами, германское бюргерство было неспособно осуществить; теперь за малыми исключеніями, оно вовсе отъ нихъ отказывается". Отсюда практическій выводъ: „поэтому мы всегда съ гордостью подчеркивали, что въ Германіи мы имѣемъ двойную задачу—кромѣ нашей основной цѣли, еще исполнить тѣ задачи, которыя въ другихъ странахъ исполнила буржуазія" ***).

*) Die Klassenkämpfe etc. ss. 17--18.

**) «Bis zu einem gewissen Grade sind wir Alle Opportunisten»,—изъ рѣчи Бебеля, см. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Hannover, Berlin 1899, s. 125. Ср. также отзывъ Конрада Шмидта въ анкетѣ по поводу Ганноверскаго партейтага, предпринятой Берлинскими «Monatshefte» (1899, Heft XII, December): «In dem ganz allgemeinen Sinne, dass unsere Politik mit den in der jeveiligen ökonomisch-politischen Lage gegebenen Möglichkeiten rechnen, dass unsere Taktik, um überhaupt etwas zu erreichen, diesen Möglichkeiten sich anpassen muss—ist natürlich die ganze Partei opportunistisch oder possibilistisch».

***) См. Protokoll über Verhandlungen des Parteitages zu Halle, Berlin 1890, s. 164 (изъ р. Liebknecht'a); Prot. üb. Verh. des Part. zu Hannover, Berlin 1899, ss. 154—155 (тоже).

Передъ нами остается еще Австрія, находившаяся еще въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ для промышленнаго развитія въ капиталистической формѣ. Изъ неблагопріятныхъ условій мы прежде всего отмѣтимъ одно, географическаго характера: это—неблагопріятное пропорціональное отношеніе длины прибрежной границы къ общей площади страны *). Это отношеніе благопріятнѣе для Германіи, еще благопріятнѣе для Франціи, самое благопріятное—для Англіи.

Для характеристики „типа національнаго капитализма" Австріи предоставимъ слово Герцу. Онъ мастерски рисуетъ въ этомъ отношеніи параллель между Австріей и Германіей. „Тамъ, въ Германіи, мы видимъ энергическій хозяйственный подъемъ, хотя и отзывающійся на рабочемъ классѣ часто весьма жестоко; здѣсь—несмотря на родство происхожденія, единства расы, сходства природныхъ условій—застой во всѣхъ областяхъ, недостатокъ духа предпріимчивости, политическая испорченность... Согласно одной поговоркѣ, австрійскій предприниматель въ благопріятныя времена не вводитъ никакихъ улучшеній и нововведеній потому, что играетъ на биржѣ, а въ неблагопріятныя—потому, что долженъ уплачивать разницу... Поговорка эта по крайней мѣрѣ недурно выражаетъ общій духъ положенія вещей.

„Повсюду, во всѣхъ культурныхъ странахъ мы видимъ лихорадочное соперничество изъ-за азіатскаго рынка; скоро не останется ни одного городка въ Малой Азіи, гдѣ-бы не былъ приложенъ нѣмецкій, французскій, англійскій или бельгійскій капиталъ; а между тѣмъ австрійскій промышленникъ сидитъ себѣ спокойно, огражденный высокими покровительственными пошлинами, въ четырехъ стѣнахъ своего синдиката (ни одна страна не картелирована въ такой степени, какъ Австрія), да заполняетъ вопросный листокъ, который ему прислало высокое правительство, для того, чтобы узнать, какимъ образомъ можно ему помочь всего лучше и, натурально, всего дешевле, точь въ точь, какъ какой-нибудь милый мальчикъ Фрицъ или Карлъ наканунѣ Рождества кладетъ въ свои башмаки листочекъ съ записью своихъ пожеланій, чтобы ночью, пока онъ спитъ, младенецъ-Христосъ исполнилъ ихъ... Конечно, иностранный капиталъ при такомъ положеніи вещей массами стремится въ Австрію, ища себѣ приложенія, точь въ точь, какъ мы это видимъ въ Азіи, за Балканами и въ другихъ нецивилизованныхъ странахъ.

„Быть можетъ, виной этому просто бюрократическая опека, какъ это часто думаютъ? Но она сама — болѣе слѣдствіе, чѣмъ причина...

„Вообще тѣ страны, которыя работаютъ въ большихъ размѣрахъ для экспорта, должны нуждаться въ болѣе свободной органи-

*) Что конечно, имѣетъ важное значеніе для развитія парового транспорта.

заціи для производства, чѣмъ тѣ, которыя главнымъ образомъ ограничиваются удовлетвореніемъ внутренняго рынка, какъ Австрія; подобнымъ же образомъ въ болѣе свободной организаціи скорѣе нуждаются тѣ страны, которыя вывозятъ произведенія искусствъ и роскоши, графическіе, химическіе и т. п. продукты,—чѣмъ тѣ, которыя вывозятъ предметы массоваго потребленія, зерно, текстильные товары... Есть еще сотни факторовъ, которые нужно принять во вниманіе.

„Все можетъ быть объяснено только исторически. Свою долю участія могло здѣсь имѣть тѣсное соединеніе крупнаго помѣстнаго землевладѣнія (латифундій) съ индустріей, — соединеніе, которое до извѣстной степени не давало у насъ мѣста для такого шумнаго движенія аграріевъ, какъ въ Германіи. Исчерпывающее изложеніе во всякомъ случаѣ должно обратиться назадъ, вплоть до временъ первоначальнаго зарожденія австрійской индустріи“ *).

Понятно, что въ странѣ, гдѣ подобнымъ образомъ складывались всѣ экономическія отношенія, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы движеніе пролетаріата улеглось въ руслѣ профессіональнаго движенія, или въ сколько нибудь широкой мѣрѣ направилось на прямое экономическое творчество, созданіе въ широкихъ размѣрахъ потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій. — Внѣшнія условія для этого были слишкомъ неблагопріятны. Нечего было ждать улучшенія положенія рабочаго класса и отъ доброй воли и уступчивости другихъ общественныхъ классовъ. Не для чего было, наконецъ, и династіи заигрывать съ рабочимъ классомъ и выдвигать его въ подрывъ какому нибудь другому. „Здѣсь надо искать причинъ, почему у насъ—говоритъ Герцъ—конечно, мало видовъ на основаніе „индустріальной демократіи“ при помощи сильныхъ профессіональныхъ союзовъ, какъ это представляетъ Бернштейнъ; въ Австріи съ давнихъ поръ центръ тяжести лежитъ на завоеваніи государственной машины“ **). Эти слова особенно цѣнны въ устахъ Герца, который является горячимъ сторонникомъ Бернштейна почти во всѣхъ пунктахъ его критики теоретическаго и практическаго марксизма.

Послѣ всего сказаннаго выше не будетъ неожиданностью слѣдующая характеристика австрійской „либеральной буржуазіи“: „Она только и дѣлала, что нарушала свои либеральные принципы... Въ устахъ австрійскихъ буржуазныхъ либераловъ либеральные принципы всегда останутся пустыми словами. C'est la fatalité... Дѣло въ томъ, что чѣмъ позже выступаетъ страна на путь буржуазнаго развитія, тѣмъ сильнѣе выдыхается творческое, идейное значеніе буржуазіи. Въ Англіи и Франціи буржуазія играла въ высшей степени прогрессивную, преобразовательную роль, и не

*) Hertz, Die Agrarischen Fragen, Ss. 29—30.
**) Die Agrarischen Fragen, S. 30.

только въ сферѣ политики, но и въ сферѣ умственной дѣятельности; тамъ она выступала на историческую сцену, окруженная яркимъ блескомъ вызваннаго ею идейнаго движенія. Въ Германіи уже это проявляется въ значительно болѣе слабой степени. Въ Австріи же идейная, творческая роль буржуазіи сводится къ нулю".

Ну, а Россія? Какова въ ней „творческая роль" буржуазіи во всѣхъ областяхъ жизни умственной, художественной, общественной, научной, etc., etc.?

У насъ развитъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, особый, спеціальный видъ капитализма, именно капиталистическій паразитизмъ, т. е. эксплуатація капиталомъ непосредственныхъ производителей безъ соотвѣтственной реорганизаціи производства изъ мелкаго, примитивнаго—въ крупное, основанное на приложеніи новѣйшей технологіи.

Чѣмъ позднѣе выступаетъ страна на путь промышленнаго развитія, тѣмъ—caeteris paribus—въ болѣе короткій періодъ времени приходится ей пережить тѣ метаморфозы, которыя связаны съ завоеваніемъ капитализмомъ внутренняго рынка, разрушеніемъ натуральнаго хозяйства, отлученіемъ производителей отъ средствъ производства, замѣщеніемъ ручного труда — машиннымъ и т. д.; тѣмъ рѣзче для нея хозяйственный переворотъ; тѣмъ концентрированнѣе общая сумма бѣдствій и страданій, съ нимъ связанныхъ; тѣмъ труднѣе перевѣсить ихъ созданіемъ новыхъ основъ жизни, т. е. новыхъ формъ производства, дающихъ работу и насущный кусокъ хлѣба „освобождаемымъ" рабочимъ рукамъ. Много отнимая у населенія, и мало давая ему, капитализмъ, естественно, не испытываетъ недостатка во враждебномъ къ себѣ отношеніи, но чувствуетъ большой недостатокъ въ союзникахъ всякаго рода изъ среды этого населенія. Въ частности, ему труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, найти себѣ подходящихъ идеологовъ, теоретиковъ-защитниковъ *).

Съ другой стороны, въ такой странѣ, при затрудненіяхъ на

---

*) Одинъ изъ нашихъ марксистовъ говоритъ: «Являясь наиболѣе образованнымъ классомъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ классомъ, не принимающимъ непосредственнаго участія въ общественномъ производствѣ, а стало быть и не задѣтымъ непосредственно борьбой между участниками этого производства, *интеллигенція наболѣе способна понимать интересы капиталистическаго общества въ его цѣломъ*, ставить себѣ такія цѣли, которыя *соотвѣтствуютъ интересамъ наиболѣе быстраго всесторонняго развитія этого общества*» («Новое Слово», 1897 г., ноябрь, ст. А. Егорова «Народничество прежде и теперь», стр. 54). На нашъ взглядъ, это положеніе—типичный образецъ все-обобщающаго *шаблона*. Мы противопоставимъ ему наше положеніе — caeteris paribus, антибуржуазность, демократическій идеализмъ интеллигенціи обратно пропорціоналенъ положительнымъ сторонамъ капитализма и прямо пропорціоналенъ его отрицательнымъ сторонамъ. Въ этомъ обстоятельствѣ мы склонны искать причинъ относительно сильнаго развитія демократическаго духа въ нашей интеллигенціи.

иностранныхъ рынкахъ, при трудности даже въ своей странѣ удержаться передъ натискомъ иностранныхъ товаровъ и иностранныхъ капиталовъ, для буржуазіи пропорціонально возрастаетъ потребность во внѣшней поддержкѣ, покровительствѣ, даже опекѣ...

Словомъ, мы возвращаемся къ тому же, съ чего начали. Прогрессивное, творческое значеніе, или, если угодно, „европеизмъ" буржуазіи прямо пропорціоналенъ положительнымъ сторонамъ капитализма и обратно пропорціоналенъ его отрицательнымъ сторонамъ; точно также (подразумѣвая всегда caeteris paribus) онъ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ времени выступленія страны на путь капиталистическаго развитія.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ спеціально характеръ, принимаемый капитализмомъ въ земледѣліи, его разрушительное и творческое вліяніе въ этой области, а слѣдовательно, и ту роль, которую должно играть большее или меньшее преобладаніе земледѣльческаго промысла въ данной странѣ при опредѣленіи типа ея національнаго капитализма. Путеводителемъ намъ будетъ служить—и въ гораздо большей степени, чѣмъ въ настоящей статьѣ—названная книга Герца.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Викторъ Черновъ.

Да, совсѣмъ какъ тогда!

Ярко въ небѣ весеннее солнце горитъ.
На прудѣ, на соломенныхъ крышахъ села,
На сребристыхъ вершинахъ прибрежныхъ ракитъ
Знойный отблескъ повсюду разсыпанъ, разлитъ,
Даль прозрачна, ясна и тепла...
На задворкѣ одинъ, не покрывъ головы,
Я стою, полонъ думъ о далекомъ быломъ
И, какъ въ дѣтствѣ, среди изумрудной травы
Чуткимъ слухомъ ловлю тихій шопотъ листвы!
И дышу ароматнымъ тепломъ.
И совсѣмъ какъ тогда—холодитъ вѣтерокъ,
Набѣгая волною съ зеленыхъ полей,
Стрекоза прозвенитъ и вспорхнетъ мотылекъ,
И въ пахучей травѣ золотистый жучокъ
Копошится межъ сочныхъ стеблей...
И совсѣмъ какъ тогда—и кузнечиковъ трескъ,
И въ зеленыхъ вѣтвяхъ воробьевъ перезвонъ,
Крики утокъ съ пруда, старой мельницы плескъ,
И дѣтей голоса, и движенье и блескъ...
Словно счастьемъ весь міръ напоенъ...
Да, совсѣмъ какъ тогда... только самъ я не тотъ...
Только въ сердцѣ печаль, въ волосахъ сѣдина.
И сгущается накипь ростущихъ заботъ,
И ничто мнѣ мечты молодой не вернетъ,
И душа сожалѣній полна...
Сожалѣній о дняхъ, когда горькихъ утратъ,
Невозвратныхъ утратъ не знавала душа,
И безъ тяжкихъ цѣпей, и безъ пошлыхъ преградъ
Жизнь была, какъ весна, хороша...

А. Вербовъ.

Американскіе милліардеры.

(Окончаніе).

Достигнувъ извѣстнаго предѣла богатства, короли доллара все покорили своей волѣ, но сами не знаютъ предѣла своимъ желаніямъ. Нѣтъ такой ступени богатства, на которой они сказали бы себѣ: довольно. Они всегда стремятся пріобрѣтать больше и больше. Интересно разобраться, какой стимулъ заставляетъ ихъ безостановочно двигаться по этому пути. Вѣдь за извѣстнымъ предѣломъ богатство не можетъ открывать возможности большей суммы наслажденій. Человѣкъ, имѣющій милліардъ триста милліоновъ капитала, не можетъ пользоваться большей суммой жизненныхъ благъ, чѣмъ человѣкъ, обладающій капиталомъ въ милліардъ двѣсти милліоновъ.

Въ началѣ, на первыхъ ступеняхъ пріобрѣтенія, интересъ заключался въ самомъ процессѣ накопленія. Каждый шагъ покупался цѣной тяжелыхъ усилій, цѣной борьбы, которая требовала упорства, находчивости и смѣлости. Малѣйшая неосторожность могла дать перевѣсъ внимательнымъ конкуррентамъ, и плоды долгихъ усилій гибли даромъ. Далѣе, когда всѣ конкурренты были побѣждены, и главный базисъ состоянія положенъ, приходилось охранять его отъ посягательства публичной власти. Путемъ угрозъ и подкупа надо было создать себѣ неприступное положеніе, при которомъ ни судъ, ни общественныя учрежденія не могли бы наложить руки на ихъ капиталы.

Наконецъ, и это достигнуто, и никакая опасность не грозитъ болѣе могущественному милліардеру. Дальнѣйшій ростъ состоянія совершается уже по инерціи, не требуя постояннаго напряженія силъ со стороны его обладателя. Онъ продолжался бы даже, какъ мы видѣли, и въ томъ случаѣ, если бы милліардеръ устранился совершенно отъ всякихъ дѣлъ и предпріятій. На этой ступени самый процессъ дальнѣйшаго обогащенія уже не можетъ давать удовлетворенія.

Знаменитые богачи прежнихъ временъ—какой-нибудь Шейлокъ или Скупой Рыцарь—тѣшились самымъ видомъ своихъ сокровищъ. Они испытывали минуты высокаго наслажденія, созерцая плоды своихъ долгихъ усилій.

„Хочу себѣ сегодня пиръ устроить,—говоритъ Скупой Рыцарь.
„Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
„И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
„Средь нихъ глядѣть на блещущія груды“.

Богачи Новаго Свѣта лишены этого опьяняющаго наслажденія, лишены по той простой причинѣ, что они не видятъ денегъ. Они имѣютъ дѣло не съ блестящимъ золотомъ, а со счетами и чеками тѣхъ банковъ, гдѣ хранятся ихъ богатства. Бумаги эти не имѣютъ въ себѣ рѣшительно ничего привлекательнаго.

Такимъ образомъ, у современныхъ крезовъ отпадаетъ и этотъ мотивъ къ стяжанію. Горы золота не кружатъ имъ головы, новыхъ реальныхъ наслажденій они не могутъ купить цѣной его и, наконецъ, та борьба, которая зажигала энергію и заставляла стремиться все дальше и дальше, тоже отошла въ область прошлаго.

И вотъ въ существованіи этихъ всемогущихъ королей образуется какая-то пустота, ихъ гнететъ безцѣльность этой жизни, потраченной исключительно на пріобрѣтеніе ради пріобрѣтенія.

— „Что называютъ люди успѣхомъ въ жизни? Пріобрѣтеніе денегъ? Но развѣ это дѣйствительно успѣхъ? Самый бѣдный человѣкъ, какого я знаю, это тотъ, у кого есть только деньги. Я предпочелъ бы не имѣть ничего или очень немного, но имѣть цѣль въ жизни“.

Эти слова были сказаны два года тому назадъ самымъ богатымъ человѣкомъ Соединенныхъ Штатовъ, Рокфелеромъ. Положимъ, онъ говорилъ ихъ въ церкви, на собраніи членовъ баптистской конгрегаціи—а, извѣстно, въ церкви человѣкъ говоритъ и думаетъ далеко не всегда такъ, какъ поступаетъ въ жизни.

По крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ не стало извѣстно, чтобы Рокфелеръ отказался хотя-бы отъ части своего состоянія, которое такъ тяготитъ его, по его словамъ. Мало того, онъ не осуществилъ даже своего намѣренія передать веденіе всѣхъ своихъ дѣлъ замѣстителю съ жалованьемъ въ 5 милліоновъ франковъ. Очевидно, разстаться со своимъ положеніемъ на дѣлѣ много труднѣе, чѣмъ на словахъ.

Все это не мѣшаетъ, однако, тому чувству неудовлетворенности, которое влечетъ за собой крупное богатство. Немногіе вполнѣ ясно сознаютъ его причину, какъ Рокфелеръ. Большинство не отдаетъ себѣ отчета, откуда явилось это чувство пустоты, которое съ нѣкоторыхъ поръ проникло въ ихъ жизнь. И никто, даже изъ тѣхъ, кто понимаетъ причину, не пытается, конечно, устранить ее въ корнѣ. Всѣ—и сознающіе, и несознающіе борятся съ ней однородными, хотя и различными по формѣ способами.

На сцену выступаетъ другое могущественное чувство, которое требуетъ себѣ пищи наравнѣ съ жаждой наживы. Это чувство—честолюбіе. Погоня за удовлетвореніемъ этого чувства наполняетъ временно жизнь милліардеровъ. Средства для этого бываютъ самыя

разнообразныя. О нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ уже приходилось упоминать. Вспомнимъ хотя бы негра Малькольма Вельмана, задавшагося цѣлью ослѣпить міръ блескомъ своихъ туалетовъ. И онъ достигъ своего. О богатѣйшихъ коллекціяхъ его галстуховъ и жилетовъ писали газеты, ими восхищалась, ему подражала молодежь 5-й авеню. Честолюбіе его могло быть вполнѣ удовлетворено—онъ побилъ рекордъ по туалетной части.

Одно время среди обитателей 5-й авеню вошли въ моду крупныя пожертвованія на просвѣтительяын и благотворительныя цѣли. Одинъ передъ другимъ американскіе милліардеры подписывали громадныя суммы на университеты, на библіотеки, на больницы, удивляя міръ своею щедростью и просвѣщенностью. Газеты прославляли ихъ имена, публика рукоплескала имъ. Эта прихоть имѣла по крайней мѣрѣ хорошую сторону для ихъ согражданъ. Такъ или иначе съ ихъ милліардовъ шла дань въ пользу общественныхъ учрежденій страны! Но, къ сожалѣнію, эта полезная мода продолжалась не долго. Пожертвованія такъ участились, что имена жертвователей перестали обращать на себя исключительное вниманіе. Да и къ тому же рядомъ съ Асторами, Вандербильтами и другими исконными обитателями 5-й авеню на тотъ же путь осмѣливались вступать и разные непризнанные выскочки. Не успѣвъ составить себѣ и нѣсколькихъ сотъ милліоновъ состоянія, они уже спѣшили обезпечить себѣ почетное положеніе въ ряду милліардеровъ какимъ-нибудь крупнымъ пожертвованіемъ. А при такомъ условіи пожертвованія теряли уже всякій интересъ—они перестали служить отличительнымъ знакомъ избранныхъ. И результатъ этого не замедлилъ сказаться. Нѣсколько лѣтъ длился приливъ золота на общественныя нужды, потомъ сталъ замѣтно убывать, пока не свелся опять къ единичнымъ случаямъ крупныхъ благотворителей, появляющихся отъ времени до времени вездѣ.

Американцы, — должно быть, за недостаткомъ историческихъ реликвій въ своей странѣ,—чувствовали всегда большой интересъ къ историческимъ памятникамъ европейскихъ странъ. Но особеннымъ ореоломъ окружены тамъ всѣ воспоминанія, относящіяся къ Наполеону. Первый консулъ пользуется положительнымъ культомъ среди энергичныхъ янки. Тяжеловатый стиль Имперіи является любимымъ стилемъ американскихъ дворцовъ.

Во время путешествія въ Европу Фредерикъ Вандербильтъ посѣтилъ Парижъ и плѣнился тамъ Мальмэзонскимъ дворцомъ, выстроеннымъ Наполеономъ для Жозефины. Во время осады Парижа дворецъ Жозефины сильно пострадалъ. Нѣмецкія ядра разрушили стройныя колонны, попортили барельефы и прекрасную стѣнную мозаику. Однимъ словомъ, вмѣсто великолѣпнаго дворца осталась груда развалинъ, а наиболѣе цѣнныя украшенія его были тотчасъ же расхищены. Тогда Фредерику Вандербильту пришла

блестящая идея — возстановить Мальмэзонскій дворецъ, но возстановить, конечно, не въ Парижѣ, а въ Нью-Іоркѣ. Тотчасъ же проектъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе. Пріобрѣтены были всѣ самые подробные планы дворца; скуплены за громадныя деньги всѣ сохранившіеся отъ него остатки. Въ Нью-Іоркѣ тотчасъ же приступили къ постройкѣ дворца. И въ стилѣ, и въ матеріалахъ постройки, и въ мельчайшихъ подробностяхъ расположенія и обмеблировки комнатъ дворецъ Вандербильтовъ явился точной копіей дворца Жозефины.

Комнаты м-ръ и м-ссъ Вандербильтъ служатъ точнымъ воспроизведеніемъ сообщающихся между собой покоевъ Наполеона и Жозефины. Особенно замѣчательны кровати, отдѣланныя съ неслыханной роскошью. Надъ кроватями возвышаются подъ самый потолокъ царскіе балдахины, поддерживаемые колоннами изъ кавказскаго каштана, покрытые скульптурными украшеніями и золотыми инкрустаціями.

Фредерикъ Вандербильтъ предполагалъ истратить на этотъ дворецъ пять милліоновъ франковъ, но до сихъ поръ на него затрачено уже болѣе десяти милліоновъ, и онъ далеко еще не доведенъ до конца. Но это обстоятельство нисколько не смущаетъ его счастливаго владѣльца. Нельзя сказать, чтобы это архитектурное произведеніе доставляло большое художественное наслажденіе своему хозяину:— этотъ послѣдній на врядъ-ли даже можетъ различить стиль Имперіи отъ стиля Возрожденія и, конечно, ищетъ въ данномъ случаѣ не удовлетворенія эстетическаго чувства. Онъ доволенъ, что соорудилъ нѣчто такое, чего не могутъ имѣть его сосѣди по 5-й авеню.

Но лавры Фредерика Вандербильта не давали спать м-ссъ Стивесантъ Фишъ, одной изъ самыхъ эксцентричныхъ представительницъ этого оригинальнаго мірка. М-ссъ Стивесантъ Фишъ тоже путешествовала по Европѣ и тоже осматривала историческіе памятники. И вотъ однажды, когда она стояла въ Венеціи на мосту Вздоховъ, ее посѣтила поистинѣ вдохновенная идея — почему бы не перенести Палаццо Дожей въ Америку и не украсить свой родной городъ этимъ знаменитымъ и неподдѣльнымъ историческимъ памятникомъ. Къ сожалѣнію, венеціанцы оказались такими странными и несговорчивыми людьми, что ни за какія деньги не соглашались уступить свой памятникъ американской милліардеркѣ. Волей неволей пришлось оставить эту блестящую идею. Но чтобы вознаградить себя за такую неудачу, м-ссъ Стивесантъ Фишъ рѣшила всетаки построить въ Нью-Іоркѣ дворецъ въ венеціанскомъ стилѣ. Впрочемъ, стиль долженъ былъ выразиться главнымъ образомъ не въ архитектурѣ зданія, а въ его внутреннемъ убранствѣ: громадное шестиэтажное зданіе, воздвигнутое м-ссъ Стивесантъ на Мадисонъ-авеню, не имѣетъ снаружи ни малѣйшаго сходства съ величественнымъ Дворцомъ Дожей. Положимъ, и внутри

сходство это довольно проблематическое. Оно исчерпывается почти исключительно тѣмъ, что въ столовой надъ входной дверью виситъ портретъ какого то дожа, а въ танцовальной залѣ эстрада для музыкантовъ возвышается на двѣнадцать ступеней надъ остальной комнатой, напоминая, по мнѣнію м-ссъ Стивесантъ, ту эстраду, на которой въ Венеціи возсѣдалъ совѣтъ десяти. Въ остальномъ—комнаты декорированы самымъ прихотливымъ образомъ. Стѣны столовой, напримѣръ, украшены панно на доисторическія темы: на нихъ изображены разныя новѣйшія археологическія находки, желѣзныя, грубо сдѣланныя орудія и оружія. Потолокъ украшенъ фресками изъ жизни первыхъ христіанъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ громадныя печи сдѣланы цѣликомъ изъ венеціанскаго мрамора. Въ общемъ убранство дворца можно назвать очень роскошнымъ, но лишеннымъ какого бы то ни было стиля, въ томъ числѣ и венеціанскаго. Этотъ дворецъ уже до сихъ поръ стоилъ м-ссъ Стивесантъ болѣе 6 милліоновъ франковъ, но цѣна не останавливаетъ ея супруга, который владѣетъ кромѣ того еще тремя великолѣпными дворцами. Когда теперешняя м-ссъ Стивесантъ Фишъ, урожденная миссъ Маріонъ Антонъ, вышла замужъ за м-ра Стивесантъ, этотъ послѣдній былъ скромнымъ желѣзнодорожнымъ чиновникомъ. Но энергичная молодая женщина быстро вывела его на широкій путь спекуляцій. Въ непродолжительномъ времени онъ сталъ однимъ изъ замѣтныхъ богачей Соединенныхъ Штатовъ, а жена его сразу выдвинулась среди группы избранныхъ. Ея эксцентричность завоевала ей теперь одно изъ первыхъ мѣстъ среди дамъ 5-й авеню. На балу, который она давала годъ тому назадъ на своей виллѣ въ Ньюпортѣ, принадлежности котильона были ввезены въ залъ на живомъ ослѣ съ золотыми подковами и сбруей, усыпанной драгоцѣнными камнями. Послѣ этого смѣлаго нововведенія и нѣсколькихъ другихъ оригинальныхъ выходокъ, скипетръ, который съ давнихъ поръ держала въ своихъ рукахъ м-ссъ Асторъ, заколебался, и очень можетъ быть, въ непродолжительномъ времени, м-ссъ Стивесантъ Фишъ займетъ почетное мѣсто законодательницы въ дамской половинѣ группы четырехсотъ.

Не стоитъ перечислять всѣ тѣ quasi-историческіе памятники и другія великолѣпныя или просто дорого стоющія зданія, при помощи которыхъ соперничаютъ другъ съ другомъ короли Америки. Ихъ теперь выросло такъ много, что соперничество на этомъ пути начинаетъ уже терять интересъ.

Въ недавнее время въ моду вошло сооруженіе другого рода зданій—великолѣпныхъ мавзолеевъ, которые должны современемъ принять останки своихъ владѣльцевъ.

Мавзолей Гётчинсона весь сдѣланъ изъ мэнскаго гранита, а внутри покрытъ редстонскимъ гранитомъ. Алтарь сдѣланъ изъ вертелитскаго мрамора, чрезвычайно рѣдкаго и дорогого камня. Два года тому назадъ въ окрестностяхъ Нью-Іорка была найдена

небольшая залежь этого мрамора, и Гётчинсонъ тотчасъ же купилъ ее всю, чтобы ни у кого кромѣ него не могло быть издѣлій изъ этого мрамора. Не смотря на это, мавзолей Гётчинсона стоилъ ему немногимъ болѣе 400.000 франковъ.

Вслѣдъ за нимъ Робертъ Гёлетъ принялся за возведеніе гигантскаго мавзолея, самаго громаднаго изъ надгробныхъ памятниковъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ отличается той особенностью, что весь матеріалъ для него пріобрѣтенъ въ Америкѣ; нѣтъ ни одного привознаго камня. Выстроенъ онъ въ іоническомъ стилѣ, а по внутреннему устройству представляетъ подражаніе древне еврейскимъ могиламъ. Онъ еще не оконченъ въ настоящее время, но въ общемъ обойдется немногимъ дороже 620.000 франковъ.

До сихъ поръ пальма первенства принадлежитъ безспорно мавзолею Вильяма Клэрка. Это громадная кубическая масса изъ бѣлаго нортъ-дусейскаго гранита. Ступени ведущей къ нему лѣстницы сдѣланы изъ цѣльныхъ кусковъ гранита, такъ же какъ весь фронтонъ, представляющій собой громадную плиту не менѣе 35 тоннъ вѣса. Бронзовыя двери сдѣланы по рисункамъ парижскихъ художниковъ. Алтарь изъ тосканскаго мрамора съ инкрустаціями изъ зеленаго мрамора и золотистаго хрусталя. Потолокъ покрытъ египетской мозаикой. Воздухъ и свѣтъ проникаютъ черезъ большую розетку, расположеную надъ алтаремъ. Этотъ дѣйствительно очень красивый мавзолей будетъ стоить по окончаніи не менѣе милліона франковъ. Вѣроятно, это еще далеко не послѣднее произведеніе въ такомъ родѣ. Найдутся желающіе соорудить что нибудь еще болѣе оригинальное и, главное, болѣе дорогое.

Конечно, не одни зданія служатъ средствомъ для борьбы честолюбій американскихъ милліардеровъ. Едва-ли не болѣе важную роль въ этомъ отношеніи играютъ собаки. Пріобрѣтеніе рѣдкихъ и дорогихъ экземпляровъ собачьей породы, содержаніе цѣлыхъ собачьихъ дворовъ очень распространено среди обитателей 5-й авеню. По вычисленію м-ра Джемса Мортимера, организатора вестминстерскихъ собачьихъ выставокъ, американскіе милліардеры тратятъ въ годъ на собакъ не менѣе 25 милліоновъ!

М-ръ Джорджъ Гульдъ пріобрѣтаетъ и воспитываетъ сетеровъ и понтеровъ, которые получаютъ преміи на всѣхъ выставкахъ. Молодой Франкъ Гульдъ держитъ исключительно сенъбернаровъ, затрачивая на нихъ поистинѣ безумныя суммы. Въ настоящее время онъ внѣ себя отъ досады, такъ какъ не можетъ пріобрѣсти самый знаменитый экземпляръ этой породы. Собака принадлежитъ м-ру Роджеру Пройору, и тотъ не соглашается уступить ее американскому любителю. Быть можетъ въ первый разъ молодому милліардеру приходится усомниться во всемогуществѣ долларовъ.

М-ръ Пьерпонтъ Морганъ имѣетъ цѣлый собачій дворецъ,

отдѣланный съ чисто американской роскошью. Большой домъ раздѣленъ на рядъ просторныхъ комнатъ, въ каждой изъ которыхъ помѣщается по двѣнадцати собакъ. Комнаты выходятъ во внутренній дворъ, по которому могутъ свободно гулять собаки. Кромѣ того для нихъ открытъ великолѣпный паркъ м-ра Моргана. Для ежедневнаго купанья имъ отведенъ особый прудъ. Верховное управленіе надъ этимъ собачьимъ общежитіемъ поручено м-ру Робертсу Армстронгу, который получаетъ болѣе высокій окладъ, чѣмъ префекты Франціи. Особый поваръ готовитъ кушанья для собакъ. Ежедневно мясникъ присылаетъ на собачью кухню свѣже заколотаго быка и барана.

— „Ни одна провинціальная семья,—говоритъ съ гордостью м-ръ Морганъ,—не ѣстъ лучшаго и даже такого же мяса!“.

Любопытно отмѣтить, что счастливый владѣлецъ этой богатѣйшей коллекціи собакъ никогда не привязывался ни къ одной изъ своихъ собакъ; онъ даже не ласкаетъ ихъ никогда. Онѣ должны возбуждать зависть и удивленіе его пріятелей—вотъ и все ихъ назначеніе!

Но, конечно, не всѣ милліардеры относятся съ такимъ равнодушіемъ къ своимъ домашнимъ животнымъ. Вотъ, напримѣръ, какую сценку можно было наблюдать въ прошломъ году въ Балтиморѣ. Праздновалась свадьба миссъ Адели Горвицъ. Церковь сіяла огнями и туалетами дамъ. Пасторъ ждалъ у алтаря. За минуту до начала церемоніи въ дверяхъ показывается невѣста подъ руку съ отцомъ. Лѣвой рукой она прижимаетъ къ груди свою любимую собачку, фоксъ-террьера Джона. На собачкѣ вѣнокъ изъ бѣлыхъ хризантемъ и гирлянда изъ тѣхъ же цвѣтовъ окружаетъ ея шею. Нисколько не смущаясь, невѣста проходитъ всю церковь и становится рядомъ съ женихомъ противъ алтаря. Во все продолженіе церемоніи фоксъ-террьеръ не покидаетъ рукъ своей госпожи. По окончаніи обряда Джонъ первый вскочилъ въ свадебную карету и неизмѣнно сопутствовалъ молодымъ во время ихъ свадебнаго путешествія.

Также трогательна привязанность ми-ссъ Милльсъ къ своему кингъ-чарльсу, надоѣдливой, злой собаченкѣ, кидающейся на всѣхъ гостей хозяйки. М-ссъ Милльсъ отказывается принимать тѣ приглашенія, гдѣ не упоминается ея Тоби. Но самая знаменитая изъ всѣхъ собаченокъ 5-й авеню безспорно Биби м-ссъ Дэвисъ. Она ѣстъ только на золотѣ и на серебрѣ. Разъ она едва не стала жертвою своихъ аристократическихъ вкусовъ. Служанка, на попеченіе которой она была оставлена, хотѣла во что бы то ни стало напоить ее изъ чашки бѣлаго желѣза. Биби съ своей стороны тоже ни за что не соглашалась унизить такъ свое достоинство, и дѣло грозило кончиться трагически, еслибы во время не вернулась хозяйка. Биби, одна изъ всего своего собачьяго рода, пользуется правомъ проѣзда въ первомъ классѣ всѣхъ желѣз-

ныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ. Ей, или ея хозяйкѣ, дано именное разрѣшеніе, подписанное самимъ м-ромъ Пульманомъ.

Какъ мы видимъ, самыя эксцентричныя чудачества позволяетъ себѣ женская половина группы четырехсотъ. Это и неудивительно. Если мужчины-милліардеры чувствуютъ порой пустоту своего существованія, то что-же сказать о женщинахъ. Мужчины имѣютъ всетаки нѣкоторые реальные интересы въ жизни, нѣкоторыя занятія, они входятъ въ сношенія съ остальными людьми. А жизнь ихъ женъ и дочерей представляетъ собой нѣчто совершенно исключительное, совершенно обособленное отъ міра. Съ самаго ранняго дѣтства ихъ культивируютъ въ тепличной атмосферѣ, какъ рѣдкія и нѣжныя растенія. Исключительное назначеніе ихъ блистать въ гостинныхъ своими манерами и своими туалетами, и къ этому направляется все ихъ воспитаніе. Соотвѣтственно этой цѣли ихъ учатъ немножко грамотѣ, немножко музыкѣ и очень усиленно хорошимъ манерамъ, умѣнью съ достоинствомъ войти въ гостинную, граціозно поклониться, граціозно опуститься на стулъ или встать съ него. Единственное искусство, которое преподается въ совершенствѣ молодымъ милліардеркамъ, это танцы. Въ этомъ онѣ не должны имѣть соперницъ, и родители ихъ затрачиваютъ громадныя суммы, приглашая къ нимъ знаменитыхъ балетмейстеровъ. Къ 16-ти годамъ весь курсъ воспитанія долженъ быть оконченъ, такъ какъ съ этихъ поръ молодая дѣвушка уже не имѣетъ времени для занятій—она начинаетъ выѣзжать. До тѣхъ поръ ея исключительное общество составляли ея сверстницы, дочери такихъ же милліардеровъ, которыхъ она имѣла право принимать въ своихъ аппартаментахъ.

Заглянемъ въ помѣщеніе миссъ Руфи Туомбли во дворцѣ ея родителей на 5-й авеню. Изъ великолѣпной передней мы входимъ въ роскошную залу, а оттуда въ музыкальный салонъ. Стѣны его обиты свѣтлой шелковой матеріей и такимъ же шелкомъ обитъ рояль. Безчисленные этажерки и шкапики содержатъ послѣднія новинки салонной музыки. Въ рабочемъ кабинетѣ мы находимъ изящный письменный столикъ и книжный шкафъ съ избранными писателями для молодыхъ дѣвицъ въ роскошныхъ переплетахъ. Но самая прелестная комната—будуаръ; это настоящая бомбоньерка, украшенная всевозможными дорогими бездѣлушками. Въ этой комнатѣ хозяйка проводитъ большую часть времени, здѣсь же она обыкновенно принимаетъ своихъ подругъ.

За будуаромъ слѣдуетъ спальня, потомъ ванная и уборная. Въ этой послѣдней комнатѣ можно найти рѣшительно всѣ туалетныя приспособленія, всѣ усовершенствованныя косметики, употребляемыя опытными красавицами. Ни одна изъ тайнъ жен-

скаго туалета не осталась, повидимому, неизвѣстной этой молоденькой дѣвушкѣ, почти ребенку.

При такомъ обширномъ помѣщеніи миссъ Туомбли должна имѣть и соотвѣтственный штатъ прислуги. Въ ея исключительное распоряженіе предоставлено шесть человѣкъ. Старшая горничная причесываетъ и одѣваетъ свою госпожу и сопровождаетъ ее во время выѣздовъ, чтобы поправить, если окажется надобность, ея туалетъ. На обязанности второй горничной лежитъ наблюденіе за туалетомъ. Она должна слѣдить, чтобы всѣ части костюма ея госпожи, включая сюда и обувь, и перчатки, были въ исправности. Это дѣло нешуточное, принимая во вниманіе, что на туалетъ молодой особы расходуется въ годъ около 100.000 франковъ. Конечно, она избавлена отъ необходимости чинить и штопать бѣлье и платья своей госпожи, такъ какъ обитательницы 5-й авеню не занашиваютъ своихъ вещей. Бальныя и вечернія платья никогда не служатъ больше одного раза. Наконецъ, третья горничная убираетъ комнаты миссъ Руфи. Кромѣ того въ ея распоряженіи находятся еще лакей, кучеръ и грумъ. Этотъ послѣдній сопровождаетъ свою госпожу во время прогулокъ верхомъ и относитъ ея записки подругамъ. Каждое утро онъ является къ ней за приказаніями. Лакей, дежурящій въ передней, сообщаетъ объ этомъ старшей горничной, а та докладываетъ молодой госпожѣ. Миссъ Руфи справляется съ своей записной книжкой, составляетъ списокъ своихъ визитовъ и пріемовъ, вообще расписаніе предстоящаго дня. Это расписаніе передается груму и тотъ относитъ его м-ссъ Туомбли, которая санкціонируетъ его или дѣлаетъ какія-нибудь замѣчанія и отсылаетъ обратно дочери. Послѣ этой длинной процедуры колесо ежедневной жизни пускается въ ходъ. Прогулки въ экипажѣ или верхомъ чередуются съ посѣщеніями подругъ, завтраками, зваными обѣдами, а тамъ подходитъ вечеръ съ его обязательными выѣздами на маленькіе вечера, на большіе балы и т. п., и такъ изо дня въ день, съ нѣкоторымъ разнообразіемъ, вносимымъ чередованіемъ зимнихъ и лѣтнихъ развлеченій.

Послѣ замужества продолжается буквально та же жизнь, съ той только разницей, что вмѣсто шести-семи комнатъ въ распоряженіи хозяйки имѣется ихъ нѣсколько десятковъ, такъ же какъ и слугъ, да не приходится посылать расписаніе дня на утвержденіе матери. Этотъ исключительный образъ жизни вырабатываетъ и исключительный типъ женщины-милліардерки. Отличительными признаками этого особаго вида женщинъ является удивительное невѣжество какъ въ области отвлеченныхъ знаній, такъ и въ чисто практическихъ житейскихъ вопросахъ, полнѣйшая сердечная сухость и смѣшная, нелѣпая гордость. Пальцы ихъ никогда не прикасались ни къ какой работѣ, онѣ не желаютъ знать даже обычныхъ женскихъ рукодѣлій. Всѣ хозяйственныя заботы переданы

ими на руки всевозможныхъ экономокъ, домоправительницъ и дворецкихъ, а заботы о дѣтяхъ, если они есть, различнымъ боннамъ, гувернанткамъ и гувернерамъ. Все ихъ время уходитъ также на пріемы и выѣзды, посѣщеніе баловъ, концертовъ и выставокъ модныхъ художниковъ.

И нельзя думать, чтобы на концертахъ или выставкахъ онѣ искали удовлетворенія эстетическаго чувства. Художественныя наслажденія такъ же чужды имъ, какъ и умственныя. Если онѣ считаютъ иногда своимъ долгомъ поощрить своимъ присутствіемъ того или другого артиста, то только тогда, когда онъ пользуется европейской извѣстностью, и покровительство ему вводится въ моду одной изъ законодательницъ ихъ поведенія.

Нечего удивляться такому отсутствію у нихъ эстетическихъ чувствъ—имъ чужды и болѣе естественныя душевныя движенія. Мы видѣли, съ какой легкостью разрушаются въ этой средѣ браки, но помолвки разстраиваются еще чаще и легче. Молодая дѣвушка-невѣста безъ колебаній беретъ назадъ свое слово, если она получаетъ предложеніе отъ другого, обладающаго нѣсколькими лишними милліонами состоянія или болѣе громкимъ титуломъ.

Жоржъ и Санжеръ Пульманы, сыновья извѣстнаго Пульмана, были помолвлены съ двумя прелестными дѣвушками—Жоржъ съ миссъ Фелисита Оглеби, а Санжеръ съ миссъ Линни Фернальдъ. Весь Ньюпортъ съ интересомъ слѣдилъ за ходомъ обоихъ романовъ. И вдругъ старикъ Пульманъ умираетъ, оставивъ по завѣщанію каждому изъ сыновей ренту въ 15,000 франковъ ежегодно. Обѣ невѣсты немедленно берутъ назадъ свое слово, хотя даютъ понять молодымъ людямъ, что онѣ готовы исполнить его, если завѣщаніе будетъ признано судомъ недѣйствительнымъ.

Конечно, состраданіе, желаніе при помощи своихъ милліоновъ принести людямъ пользу никогда не посѣщаетъ миніатюрныя головки этихъ райскихъ птичекъ. Напротивъ, когда дѣло касается ихъ долларовъ, онѣ умѣютъ накоплять ихъ не хуже, чѣмъ тратить.

Вотъ, напримѣръ, синьора Кузино, знаменитая богачка, не очень давно переселившаяся въ Нью-Іоркъ изъ Чили. Ея состояніе превосходитъ милліардъ двѣсти милліоновъ франковъ. И оно растетъ съ неослабѣвающей быстротой. Между тѣмъ ея серебрянныя копи представляютъ настоящій адъ для рабочихъ, которые гибнутъ тамъ сотнями. И нельзя сказать, чтобы синьора Кузино относилась къ этому безсознательно, не отдавала себѣ отчета въ происхожденіи своихъ богатствъ. Нѣтъ, она сама долгіе годы провела на мѣстѣ своихъ работъ, сама ввела минимальную заработную плату, сама учредила при копяхъ запасные магазины, гдѣ рабочіе должны забирать все необходимое для нихъ.

А между тѣмъ синьора Кузино вовсе не одержима скупостью, которая такъ свойственна многимъ изъ милліардеровъ. Напротивъ, она также щедра, даже расточительна въ пользованіи своимъ бо-

гатствомъ, какъ жадна въ его пріобрѣтеніи. Только тратить его она желаетъ болѣе оригинальнымъ способомъ. „Въ Вальпарайзо останавливается цѣлая американская эскадра. Офицеры—только офицеры, замѣтьте—считаются гостями богатой чилійки. Заказанный ею поѣздъ забираетъ ихъ и отвозитъ въ Сантъ-Яго. Всѣмъ этимъ господамъ сообщается, что они могутъ пользоваться въ Сантъ-Яго всѣмъ, чѣмъ пожелаютъ. Театры, рестораны, экипажи, всевозможные магазины — все къ ихъ услугамъ. М-ссъ Кузино платитъ за все. Отъ времени до времени синьора Кузино приглашаетъ своихъ друзей прокатиться по морю. Во время прогулки, компанія доѣзжаетъ до Огненной Земли; тамъ всѣ выходятъ на землю, устраиваютъ ужины, задаютъ балы передъ глазами пораженныхъ туземцевъ. Какое странное представленіе о нашей цивилизаціи составляютъ себѣ эти несчастныя созданья!“

Всѣ эти безумныя траты служатъ только къ тому, чтобы наполнить чѣмъ нибудь существованіе, возбудить зависть своего мірка и поразить изумленіемъ простыхъ смертныхъ. Изъ этихъ трехъ цѣлей вторая достигается почти безошибочно и ведетъ къ непрекращающемуся соперничеству на этомъ пути. Что касается до внутренняго удовлетворенія, то врядъ ли эти бѣдныя говорящія куколки получаютъ его. Положимъ, ихъ душевный міръ такъ бѣденъ, что онѣ вѣроятно даже не сознаютъ этого.

Конечно, и въ этой средѣ можно найти иногда счастливыя исключенія. Такое исключеніе представляетъ собой миссъ Елена Гульдъ, дочь покойнаго милліардера Джея Гульда. Теперь ей 30 лѣтъ, и она до сихъ поръ отказывалась отъ всѣхъ предложеній, какихъ такой богатой невѣстѣ пришлось выслушать не мало. Съ ранней молодости головка ея была полна разными великодушными планами. Она отличалась пламеннымъ патріотизмомъ и при началѣ войны съ Испаніей собиралась ѣхать въ дѣйствующую армію въ качествѣ сестры милосердія. Но въ это время умеръ ея отецъ, и на рукахъ ея остался подростокъ-братъ. Она не рѣшилась оставить юношу одного, такъ какъ съ дѣтства занималась его воспитаніемъ, и ограничилась пожертвованіемъ 500.000 на дѣло національной обороны.

Все состояніе ея отца находится въ настоящее время въ ея управленіи. Чтобы разумно вести его обширныя дѣла, она прослушала курсъ юридическихъ наукъ въ юридической школѣ. Но заботы ея направлены далеко не исключительно на увеличеніе семейнаго достоянія. Она въ широкихъ размѣрахъ занимается благотворительностью. Кромѣ непосредственной частной помощи нуждающимся, она дѣлаетъ постоянныя крупныя пожертвованія разнымъ общественнымъ учрежденіямъ. Нью-іоркскій университетъ, юридическая школа, колледжъ въ Ретгенѣ, инженерное училище получили отъ нея громадныя суммы. И притомъ надо отмѣтить одну важную особенность въ ея благотворительной дѣя-

тельности—она по большей части анонимна. О ея послѣднемъ крупномъ пожертвованіи нью-іоркскому университету узнали совершенно случайно, благодаря нескромности ея банкира.

Занятая своими многочисленными дѣлами, миссъ Елена Гульдъ почти никуда не выѣзжаетъ и мало кого принимаетъ.

— Это вовсе не оттого, что я не люблю общества, — объясняетъ она, улыбаясь. Напротивъ, мнѣ было бы очень пріятно видѣть у себя гостей. Но у меня нѣтъ времени!

Впрочемъ, самый видъ миссъ Гульдъ какъ-то не гармонируетъ съ изящными куколками 5-й авеню. Нельзя сказать, чтобы она небрежно относилась къ своему туалету, но всетаки, въ прошломъ году ея прелестныя сосѣдки съ ужасомъ узнали, что она носитъ свою зимнюю шапочку второй годъ.

Между тѣмъ миссъ Гульдъ вовсе не отличается угрюмымъ и необщительнымъ нравомъ. Она съ увлеченіемъ занимается велосипеднымъ спортомъ и предпринимаетъ большія прогулки на велосипедѣ со своей невѣсткой. Она обожаетъ дѣтей и устраиваетъ для нихъ веселые и грандіозные праздники. Кромѣ того она страстно любитъ цвѣты. У нея великолѣпныя оранжереи, гдѣ можно найти самыя замѣчательныя коллекціи ея любимыхъ цвѣтовъ—тюльпановъ и орхидей.

Эти оранжереи и цвѣтники уже давно возбудили зависть и подражаніе остальныхъ обитательницъ 5-й авеню. Составлять богатыя коллекціи цвѣтовъ быстро вошло въ моду, особенно благодаря тому, что это увлеченіе стоитъ очень дорого. М-ссъ Бельмонтъ занимается культурой фіалокъ. М-ссъ Гудъ Райтъ изобрѣтаетъ способы улучшенія разновидностей орхидей. М-ссъ Эгментонъ разводитъ разные виды вьющихся розъ, такъ что большую часть года ея садъ и домъ наполнены благоуханіемъ.

Всѣ эти дамы держатъ, конечно, искусныхъ садовниковъ, но кромѣ того онѣ желаютъ, по примѣру миссъ Гульдъ, сами работать въ своихъ цвѣтникахъ. Но нѣжныя ручки прекрасныхъ садовницъ не приспособлены къ грубымъ и тяжелымъ садовымъ инструментамъ, и въ Нью-Іоркѣ тотчасъ же возникло производство легкихъ серебряныхъ леекъ, садовыхъ ножницъ, скребковъ и т. п. Одна лейка изящной работы, съ иниціалами, стоитъ около 1000 франковъ. Приборъ остальныхъ садовыхъ инструментовъ 2000 франковъ. Но это еще не самое дорогое. Особенно дорого стоитъ выписка сѣмянъ, луковицъ и отростковъ изъ разныхъ странъ свѣта и содержаніе садовниковъ и ихъ помощниковъ.

Но въ общемъ цвѣты еще не самая разорительная прихоть американскихъ милліардерокъ. Страсть къ драгоцѣнностямъ далеко оставила ее за собой. Лѣтъ 25 тому назадъ американскіе богачи, еще только что начинавшіе создавать свои крупныя состоянія, и не думали о такихъ непроизводительныхъ расходахъ, какъ пріобрѣтеніе безумно дорогихъ украшеній для своихъ женъ.

Но европейскія газеты, перечислявшія наслѣдственныя драгоцѣнности аристократическихъ родовъ, возбудили въ концѣ концовъ зависть новой американской знати. Началось лихорадочное пріобрѣтеніе ювелирныхъ издѣлій. Въ Америкѣ все совершается со сказочной быстротой, и теперь нѣкоторыя королевы доллара не уступятъ по части драгоцѣнностей настоящимъ королевамъ. Ожерелье, которое Джоржъ Вандербильтъ надѣлъ въ день свадьбы на шею своей невѣсты, стоило 750,000 франковъ. Оно представляетъ собой 5 крупныхъ рубиновъ, оцѣненныхъ каждый въ 120,000 франковъ. Они соединены между собой тонкой, почти невидимой золотой цѣпочкой, на которой въ промежуткахъ между рубинами прикрѣплено по 6 прекрасныхъ брилліантовъ. Отъ этого верхняго ряда спускаются внизъ гирлянды изъ мелкихъ брилліантовъ, украшенныя восемью крупными солитерами.

Полный брилліантовый уборъ м-ссъ Асторъ стоитъ 3.700,000 франковъ. М-ссъ Оливье Бельмонтъ обладаетъ знаменитой ниткой жемчуговъ, принадлежавшей нѣкогда Маріи-Антуанетѣ. Одна эта нитка оцѣнивается въ 900,000 франковъ. Брилліанты м-ссъ Макъ Туомбли стоятъ 1.750,000 франковъ, а м-ссъ Брандвей Мартинсъ имѣетъ жемчужное ожерелье, стоющее 1.700,000 франковъ и рубиновый уборъ въ 2 милліона.

Въ отношеніи драгоцѣнностей, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, американскія милліардерки, не одаренныя тонкостью вкуса, цѣнятъ главнымъ образомъ не красоту и изящество этихъ вещей, а ихъ дороговизну и эксцентричность. Мы уже упоминали объ обручальномъ кольцѣ миссъ Виргиніи Файръ, не позволяющемъ ей носить перчатки. Теперь по этой части рекордъ побила м-ссъ Клярансъ Маккай. Она уже раньше гордилась самой богатой коллекціей колецъ въ Америкѣ. Но послѣднее кольцо, которое подарилъ ей мужъ, заслуживаетъ описанія. Это собственно не одно кольцо, а цѣлыхъ три, незамѣтно соединенныя между собой. Оно носится на мизинцѣ, безымянномъ и среднемъ пальцахъ. Всѣ три кольца сдѣланы изъ тяжелаго золота; среднее изъ нихъ украшено великолѣпнымъ рубиномъ, стоющимъ 100.000 франковъ и окруженнымъ сверкающими изумрудами. На одномъ изъ остальныхъ колецъ изображена голова дракона тонкой работы, а края всѣхъ трехъ колецъ представляютъ собой острые зубцы. Въ длину это тройное кольцо имѣетъ два съ половиной дюйма, а въ ширину полтора дюйма. Въ общемъ это орудіе пытки совершенно лишаетъ возможности шевелить пальцами и надѣвать перчатку. Тѣмъ не менѣе м-ссъ Маккай почти не разстается съ своимъ сокровищемъ, рѣшаясь даже не носить перчатки на правой рукѣ.

По части туалетовъ, конечно, царитъ такая же роскошь и тоже стремленіе къ эксцентричности.

Недавно м-ру Вальдорфу Астору, жквущему теперь въ Лондонѣ, удалось съ большимъ трудомъ добиться разрѣшенія пред-

ставить свою дочь миссъ Паулину Асторъ ко двору королевы Викторіи. Тотчасъ-же начались лихорадочныя приготовленія къ этому событію чрезвычайной важности. Молодая дѣвушка не могла разсчитывать очаровать англійскій дворъ блескомъ своего ума, непринужденной прелестью разговора, и потому рѣшено было обратить все вниманіе на костюмъ, чтобы по крайней мѣрѣ ослѣпить роскошью своихъ туалетовъ. Портные Парижа и Нью-Іорка, не теряя времени, принялись за дѣло. Миссъ Паулина рѣшила взять съ собой только 120 платьевъ; каждое изъ нихъ отправлялось въ Лондонъ въ особомъ сундукѣ, не считая 38 чемодановъ съ бѣльемъ и 72-хъ картонокъ со шляпами. Для перваго представленія королевѣ было приготовлено бѣлое шелковое платье, покрытое бѣлыми кружевами. Длинный бархатный шлейфъ весь вышитъ жемчугомъ. Широкая шелковая лента, тоже вышитая жемчугомъ, спускается наискось отъ лѣваго плеча къ поясу. Великолѣпный тюлевый вуаль, вытканный спеціально для нея, прикрѣпленъ тремя страусовыми перьями. Все платье, не считая жемчуга, стоило 12,500 франковъ. Стоимость остальныхъ ея платьевъ колебалась отъ 2-хъ до 10-то тысячъ франковъ каждое. Бѣлье вполнѣ соотвѣтствовало платьямъ. Впрочемъ, по части бѣлья у нея есть соперница. Батистъ и полотно для приданаго миссъ Мэри Черчиль изготовлялись по спеціальнымъ заказамъ на французскихъ и голландскихъ фабрикахъ. Настоящія валянсьенскія, брюссельскія, брюггскія и алансонскія кружева въ изобиліи украшаютъ каждую вещь. Самыя простыя рубашки стоятъ не менѣе 600 франковъ каждая, а болѣе нарядныя цѣнятся отъ 1,500 до 3,000 франковъ. Приданое миссъ Мэри Черчиль было въ теченіе цѣлой недѣли выставлено на показъ ея подругамъ и знакомымъ, возбуждая всеобщее удивленіе и зависть.

И не только знакомые допускаются иногда къ обозрѣнію этихъ вещей, повидимому, не предназначенныхъ для широкой публики. Все, что пріобрѣтаютъ для себя американскія милліардерки, служитъ предметомъ ихъ гордости и должно вызывать восторгъ всѣхъ окружающихъ. Ихъ туалеты, ихъ бѣлье ничуть не разнятся въ этомъ отношеніи отъ ихъ домовъ и оранжерей. Онѣ также охотно готовы показывать ихъ всѣмъ, также рады, что о нихъ знаетъ и говоритъ весь міръ.

Норвинъ разсказываетъ по этому поводу любопытный разговоръ свой съ однимъ американскимъ репортеромъ.

„Одинъ молодой репортеръ,—говоритъ онъ,—попросилъ у меня рекомендательное письмо къ одной изъ королевъ 5-й авеню, моей дальней родственницѣ. Начинающій писатель хотѣлъ собрать свѣдѣнія о тѣхъ планахъ, какіе наша красавица составляла на будущій зимній сезонъ, о предположенныхъ ею празднествахъ и другихъ увеселеніяхъ. Просьба была самая естественная, и я охотно далъ письмо.

Черезъ нѣсколько дней молодой репортеръ явился поблагодарить меня.

— Ну, что же,—спросилъ я его,—вы довольны? Получили вы всѣ свѣдѣнія, какія желали?

— О, я въ восторгѣ,—отвѣчалъ онъ.—Меня прекрасно приняли. Мадамъ X. не ограничилась тѣмъ, что отвѣтила на мои вопросы; она сама собщила мнѣ нѣкоторыя вещи, о которыхъ я никогда не осмѣлился бы ее спрашивать.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ я.—А между тѣмъ, джентльмены вашей профессіи не отличаются, обыкновенно, излишней скромностью.

— Мнѣ не пришлось быть нескромнымъ. М-мъ X. сама показала мнѣ весь свой гардеробъ, свои новые туалеты, свое бѣлье, свои кружева, рубашки, полученныя изъ Парижа; она провела меня въ свою уборную и посвятила меня въ самыя интимныя подробности, предлагая мнѣ записывать все, чтобы не забыть чего нибудь.

Я былъ, признаюсь, нѣсколько смущенъ. Поведеніе м-мъ X.,—хотя у меня и не было особыхъ иллюзій относительно нея,—возмущало меня.

— Послушайте,—сказалъ я молодому репортеру.—Я попрошу васъ сейчасъ объ одной вещи, которую вамъ будетъ не легко исполнить. Обѣщайте мнѣ не пользоваться тѣми свѣдѣніями, о которыхъ вы говорите. Мнѣ бы очень не хотѣлось причинить непріятность м-ру X. И ради самой м-мъ X. я васъ прошу о томъ же;—что сказали бы ея подруги, если бы онѣ узнали, что она позволила себѣ дойти до подобной нескромности?

— Все будетъ сдѣлано, какъ вы желаете,—отвѣчалъ молодой репортеръ.—Хотя,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—вы придаете этому слишкомъ большое значеніе. Подруги м-мъ X. о томъ только и мечтаютъ, чтобы послѣдовать ея примѣру.

„И онъ досталъ изъ своего портфеля и подалъ мнѣ полдюжины писемъ. М-мъ X. уже разсказала своимъ подругамъ о томъ, что произошло, и подруги, завидуя этому обстоятельству, просили репортера посѣтить ихъ, получить отъ нихъ тоже разныя свѣдѣнія“.

Это постоянное соперничество другъ съ другомъ на почвѣ нелѣпыхъ тратъ, это вѣчное стремленіе блистать во что бы то ни стало, возбуждать газетный шумъ и толки, поглощаетъ всѣ силы милліардерокъ, и у нихъ не остается ни времени, ни охоты заниматься разными простыми женскими дѣлами. Мало того, что онѣ не желаютъ знать никакихъ домашнихъ хозяйственныхъ работъ, онѣ стараются уклониться и отъ естественной роли женщины быть матерью. Дѣйствительно, материнство связано со столькими непріятными условіями. На нѣсколько мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ, женщина должна отказаться отъ свѣтской жизни, отъ участія въ

различныхъ балахъ и пикникахъ. Она не можетъ блистать туалетами, не можетъ собирать у себя избранное общество. Однимъ словомъ, на время, по крайней мѣрѣ, весь смыслъ ея существованія теряется для милліардерки. А сколько важныхъ перемѣнъ можетъ произойти за это время. М-ссъ Стивесантъ можетъ окончательно побѣдить м-ссъ Асторъ; какая нибудь новая королева можетъ вторгнуться въ ихъ кругъ, и во всемъ этомъ она не будетъ принимать никакого участія. Да объ ней совсѣмъ забудутъ за это время! Она утратитъ свое положеніе, свою роль. Нѣтъ, нѣтъ! Надо во что бы то ни стало избѣжать этого несчастія! И вотъ принимаются мѣры, чтобы ограничить, на сколько возможно, число дѣтей, или даже вовсе избавиться отъ нихъ.

„Взгляните на великолѣпную 5-ю авеню, славящуюся тѣмъ, что на протяженіи цѣлой мили на ней живутъ только милліардеры, и обратите вниманіе на окружающіе ее дворцы. Вы тотчасъ же убѣдитесь, что безплодіе является тамъ правиломъ, а обиліе дѣтей рѣдкимъ исключеніемъ. Начиная отъ 57-й до 72-й улицы, вы насчитаете тамъ 45 дворцовъ; только въ четырехъ изъ нихъ есть дѣти. Въ 804 номерѣ, у Вильяма Росвельта; въ 858 номерѣ, у Исаака Стерна; въ 857 номерѣ, у Джоржа Гульда, и въ 840 номерѣ, у Джона Жакоба Астора. У Джоржа Гульда пять человѣкъ дѣтей, у Вильяма Росвельта четверо, у Исаака Стерна двое и у Джона Жакоба Астора одинъ. Всего двѣнадцать дѣтей въ сорока пяти семьяхъ“.

Но заглянемъ на минуту въ тѣ семьи, гдѣ, вопреки нежеланію матери, есть дѣти. Надо принять во вниманіе, что нежеланію матери противодѣйствуетъ иногда страхъ отца остаться безъ наслѣдника и передать въ чужія руки свое состояніе. Какъ бы то ни было, дѣти, хотя и не часто, встрѣчаются въ грандіозныхъ дворцахъ нью-іоркскихъ милліардеровъ. Не надо только забывать, что это не обыкновенныя дѣти,—это наслѣдники громадныхъ состояній, это будущіе короли доллара. Съ самаго появленія ихъ на свѣтъ окружающіе не должны ни на минуту забывать, съ какими высокорожденными младенцами они имѣютъ дѣло.

Мы въ помѣщеніи новорожденнаго сына Гарри Уитнея. Въ золотой, эмалированной колыбелькѣ, задернутой небесно-голубымъ пологомъ, отдѣланнымъ старинными венеціанскими кружевами, покоится будущій наслѣдникъ милліоновъ. Расшитыя голубымъ шелкомъ подушки трутъ нѣжныя щечки ребенка, а кружева, густо окаймляющія его рубашечку и чепчикъ, щекочутъ его шейку и грудку, но зато онъ окруженъ истинно королевской роскошью. Всѣ родственники поднесли новорожденному царскіе подарки. Его дѣдъ Вандербильтъ подарилъ тяжелую золотую цѣпь съ золотой, усѣянной бриллiантами подковой. Старикъ Уитней поднесъ погремушку, сдѣланную изъ слоноваго клыка, усыпаннаго драгоцѣнными камнями, къ которому прикрѣплены золотые колокольчики.

Отъ Вильсоновъ онъ получилъ полный уборъ изъ брилліантовъ, отъ Слоановъ ожерелье изъ кораловъ, осыпанныхъ брилліантами.

У ребенка пока три няньки; всѣ онѣ имѣютъ дипломъ опытныхъ сидѣлокъ. Четыре раза въ день его посѣщаютъ доктора. Одинъ въ 8 часовъ утра, другой въ 1 часъ дня, третій въ 7 часовъ вечера и четвертый въ 12 часовъ ночи. Бюллетени о состояніи здоровья новорожденнаго сообщаются каждый разъ по телефону всѣмъ старшимъ родственникамъ и вывѣшиваются въ большой залѣ дворца. Каждый изъ докторовъ получаетъ 250 франковъ за визитъ, такъ что въ день медицинскій осмотръ ребенка обходится въ 1000 франковъ.

А вотъ ребенокъ немного постарше, двоюродный братъ маленькаго Уитнея, сынъ Корнеліуса Вандербильта. По примѣру коронованныхъ особъ онъ называется Корнеліусъ V Вандербильтъ. Ему уже второй годъ. Онъ старше своего кузена и не можетъ обходиться такимъ небольшимъ штатомъ прислуги, какъ тотъ. Двѣ няньки и дежурный докторъ не выходятъ изъ комнаты ребенка; кромѣ того у него есть отдѣльная горничная, швея, два кучера и два служителя для тяжелыхъ работъ. Всѣ требованія гигіены соблюдаются самымъ строгимъ образомъ Никто не осмѣливается поцѣловать ребенка, чтобы не передать ему какой-нибудь заразы, и мать первая съ рѣдкой выдержкой, или, можетъ быть, съ рѣдкимъ равнодушіемъ, подчиняется этому правилу. Все помѣщеніе Корнеліуса V покрыто бѣлой эмалью и самъ онъ не носитъ никакого цвѣта, кромѣ бѣлаго. На шеѣ у него постоянно надѣта нитка бѣлаго жемчуга, стоимостью въ 60.000 франковъ. Его туалетъ, не считая, конечно, драгоцѣнныхъ украшеній, оцѣнивается по самымъ скромнымъ разсчетамъ въ 200.000 франковъ.

Каждый день онъ выѣзжаетъ кататься въ бѣлой эмалированной колясочкѣ, отдѣланной внутри дорогими бѣлыми мѣхами. Главная нянька катитъ колясочку, а по бокамъ идутъ два рослыхъ лакея, чтобы предохранить ее отъ неосторожныхъ толчковъ прохожихъ. Костюмъ для прогулокъ не уступаетъ домашнимъ платьямъ. Особенно интересна одна шляпка ребенка, украшенная тремя великолѣпными бѣлыми страусовыми перьями. Эти перья намѣревался пріобрѣсти принцъ Уэльскій, чтобы украсить ими будуаръ принцессы, но м-съ Вандербильтъ удалось за баснословную цѣну перекупить ихъ у поставщика наслѣдника англійскаго престола.

„Да, да,—говоритъ съ гордостью отецъ Корнеліуса V,—это тѣ самыя перья, которыя такъ желалъ имѣть принцъ Уэльскій. Я очень сожалѣю объ этомъ, но мой сынъ не менѣе достоинъ ихъ",— и, пожалуй, на этотъ разъ онъ правъ.

Бѣдный мальчикъ живетъ въ полномъ одиночествѣ. Къ нему не допускаютъ ни одного ребенка и самъ онъ не бываетъ нигдѣ, даже у своего отца и у дѣда. Отъ времени до времени они сами

посѣщають его. Вообще даже сами родители смотрятъ на него какъ на владѣтельнаго принца и сообразно съ этимъ относятся къ нему. Конечно, такой маленькій ребенокъ еще не отдаетъ себѣ отчета въ той роли, какую навязываютъ ему съ колыбели, но сознаніе это просыпается очень рано.

Вотъ ребенокъ немного постарше, проведшій годы младенчества при совершенно такихъ же условіяхъ. Теперь ему восьмой годъ. Это Жакъ Вильямъ Асторъ, единственный сынъ Джона Жакоба Астора. Исключительное воспитаніе сдѣлало изъ него печальнаго, молчаливаго, угрюмаго ребенка.

Какъ и Корнеліусъ V Вандербильтъ, Жакъ Асторъ всегда одинъ. Ему отведено цѣлое крыло во дворцѣ его отца и туда не имѣетъ доступа ни одинъ ребенокъ. Его дворъ состоитъ изъ одной француженки, имѣющей верховное наблюденіе надъ воспитаніемъ мальчика, двухъ горничныхъ, двухъ лакеевъ, двухъ выѣздныхъ лакеевъ, двухъ кучеровъ и шести грумовъ.

Кухня маленькаго королевича составляетъ предметъ особой гордости его родителей. Каждое утро лакей преподноситъ Жаку на серебряномъ блюдѣ меню, составленное старшимъ поваромъ. Мальчикъ одобряетъ его или вноситъ какія-нибудь измѣненія, согласно своему прихотливому вкусу. Потомъ меню передается француженкѣ, за которой остается послѣднее слово. Она внимательно изучаетъ его и безжалостно вычеркиваетъ всѣ сладости, которыя могутъ повредить ея воспитаннику. Мать почти никогда не вмѣшивается въ эти мелочи.

Каждый день Жакъ Асторъ совершаетъ прогулку въ своемъ экипажѣ. Онъ сидитъ тамъ одинъ подъ охраной двухъ выѣздныхъ лакеевъ—одного на козлахъ, другого — позади. Француженка гувернантка слѣдуетъ за нимъ въ другомъ экипажѣ и наблюдаетъ, чтобы онъ не останавливался и не вступалъ ни съ кѣмъ въ разговоры. Единственнымъ товарищемъ бѣднаго ребенка служитъ небольшое пьянино, заказанное спеціально для него. Цѣлыми часами мальчикъ печально перебираетъ клавиши, подбирая опереточные мотивы, которые онъ слышитъ отъ своей француженки. До сихъ поръ его еще ничему не учили, онъ едва умѣетъ читать и писать, но въ будущемъ родители предполагаютъ вести все его обученіе дома, не щадя издержекъ на приглашеніе лучшихъ профессоровъ. Никогда Жакъ не будетъ посѣщать никакихъ школъ или университетовъ. Когда его отцу говорятъ что-нибудь относительно неудобствъ такой исключительной системы воспитанія, Джонъ Жакобъ Асторъ возражаетъ:

— Короли Франціи и Англіи и русскіе императоры тоже никогда не посѣщали школы.

А если ему напоминаютъ сыновей Людовика Филиппа, онъ отвѣчаетъ:

— Асторъ долженъ искать примѣровъ выше себя, а не ниже себя!

Король-буржуа недостаточный образецъ для представителя славнаго рода Асторовъ.

Такъ или почти такъ, какъ маленькіе Уитней, какъ Корнеліусъ V, какъ Жакъ Асторъ, воспитываются всѣ дѣти на 5-й авеню. Можно себѣ представить, къ какимъ результатамъ приводитъ такая система. Выйдя изъ ранняго дѣтства, бѣдные будущіе милліонеры оказываются неспособными ни къ какой мысли, ни къ какому усилію. Любопытными образчиками того, къ чему ведетъ подобное воспитаніе, служатъ Жоржъ и Санжеръ Пульманы, о которыхъ намъ уже приходилось упоминать.

Въ раннемъ дѣтствѣ мальчики близнецы славились своей силой и красотой, но неусыпныя заботы окружающихъ не замедлили уничтожить такую аномалію. Запертые въ своихъ роскошныхъ апартаментахъ, лишенные всякаго общества товарищей, они росли подъ присмотромъ всевозможныхъ гувернантокъ, гувернеровъ и преподавателей. Эти послѣдніе должны были развивать и обогащать ихъ умъ, не нарушая уваженія, подобающаго ихъ высокому положенію. Слѣдствіемъ этого условія оказалось то, что мальчиковъ нельзя было рѣшительно ничему научить, не смотря на самыя добросовѣстныя усилія учителей. Любимымъ занятіемъ близнецовъ было уничтожать все, что попадалось имъ подъ руку, и истязать домашнихъ животныхъ. Малѣйшая жалоба м-ру Пульману со стороны преподавателя вела за собой немедленную отставку жалобщика.

Наконецъ всетаки печальные результаты домашняго обученія заставили м-ра Пульмана попробовать поставить дѣло иначе. Сохранивъ весь штатъ преподавателей, онъ рѣшилъ посылать мальчиковъ въ Гарвардскую приготовительную школу. Несмотря на то, что они оказались тамъ старше всѣхъ въ классѣ, по успѣхамъ они заняли 147-е и 148-е мѣсто изъ 148 учениковъ. Занятія и тамъ шли не лучше, тѣмъ болѣе, что, получивъ нѣкоторую свободу отъ домашняго надзора, они проводили свободное время въ кутежахъ и всевозможныхъ неистовствахъ. Они пріобрѣтали, напримѣръ, свирѣпыхъ псовъ и травили ими своихъ товарищей и учителей. Видя, что и этотъ опытъ ни къ чему не привелъ, м-ръ Пульманъ принялъ героическое рѣшеніе отдать юношей въ школу ручного труда въ Потстоунѣ. Въ это время Жоржу и Санжеру было уже по 18 лѣтъ и они успѣли уже истратить 8 милліоновъ изъ отцовскаго состоянія. Въ Потстоунъ они отправились по обыкновенію въ своемъ спеціальномъ поѣздѣ, съ цѣлымъ штатомъ преподавателей и прислуги. Появленіе этихъ двухъ сорванцовъ произвело страшный переполохъ въ училищѣ, и черезъ нѣсколько времени директору пришлось волей-неволей, съ большими извиненіями, отослать ихъ обратно къ родителямъ.

Ничего новаго м-ръ Пульманъ не могъ придумать и на воспитаніе юношей былъ поставленъ крестъ, къ ихъ великому удовольствію. Въ деньгахъ имъ по прежнему не было отказа, и они превесело проводили время то у себя дома, то въ Европѣ, куда они часто любили предпринимать путешествія.

Однажды, возвращаясь изъ Парижа, они стали жаловаться на неудобства, которыя имъ приходилось переносить, благодаря постоянному присутствію переводчиковъ.

— Какъ,—воскликнула одна старая пріятельница ихъ матери, ѣхавшая въ томъ-же вагонѣ,—вамъ приходилось обращаться къ переводчикамъ? При всѣхъ тѣхъ облегченіяхъ, какія вамъ доставляли съ дѣтства, вы не могли настолько научиться французскому языку, чтобы объясняться безъ посторонней помощи?

Жоржъ молча опустилъ голову. Но Норвинъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, рѣшилъ воспользоваться случаемъ поразспросить такого любопытнаго субъекта.

— Да, сказалъ ему Жоржъ, когда они усѣлись въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ остальной компаніи,—во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ, вѣроятно, болѣе невѣжественныхъ юношей, чѣмъ мы. Санжеръ и я—мы знаемъ меньше, чѣмъ мальчики, никогда не бывавшіе въ школѣ. Нами никогда не руководили. Я говорю иногда Санжеру, что всякій воспитанный такъ, какъ мы, не могъ бы ничего достичь!—Мы иначе не ѣздили изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ, какъ въ вагонъ-салонѣ. Съ нами обращались, какъ съ набобами. Мы останавливались въ Отелѣ Виндзоръ, но не любили сидѣть тамъ и предпочитали слоняться по городу. Наша мать посылала коммиссіонеровъ, чтобы слѣдить за нами. Но вы можете судить о томъ, стѣсняли-ли они насъ! Я помню, что разъ мы цѣлую недѣлю забавлялись тѣмъ, что опрокидывали тачку одной старой торговки яблоками. Иногда мы бросали на тротуаръ апельсинныя корки и смотрѣли, какъ скользятъ и падаютъ прохожіе. Мы тратили громадныя суммы самымъ нелѣпымъ способомъ. Но чего можно ждать отъ дѣтей, воспитанныхъ такъ, какъ мы.

Удивительнѣе всего то, что отецъ всегда внушалъ имъ высокомѣрное презрѣніе къ торговлѣ и промышленности, создавшей его состояніе. Только при концѣ жизни у него открылись глаза на коренную ошибку такой постановки воспитанія. Исправить прошлое уже не было возможности, но онъ рѣшилъ попробовать примѣнить къ своимъ сыновьямъ еще одно радикальное средство. Онъ ограничилъ долю наслѣдства каждаго изъ нихъ доходомъ въ 15.000 франковъ ежегодно.

Попытавшись безуспѣшно оспорить завѣщаніе отца, молодые люди попробовали поступить на службу на желѣзную дорогу, основанную ихъ отцомъ, но въ очень скоромъ времени имъ было отказано отъ мѣста за полной неспособностью ихъ къ работѣ. Наврядъ-ли вообще героическое рѣшеніе отца принесетъ ка-

кую-нибудь пользу молодымъ людямъ. Они уже дѣйствительно утратили способность къ малѣйшему усилію воли, къ какому бы то ни было труду. Кромѣ того м-ссъ Пульманъ, законная наслѣдница всего состоянія мужа, совсѣмъ не раздѣляетъ тѣхъ взглядовъ, къ которымъ онъ пришелъ въ концѣ жизни. Она находитъ неудобнымъ явно идти наперекоръ волѣ своего покойнаго мужа, но косвеннымъ образомъ она не перестаетъ поддерживать своихъ неудачниковъ—сыновей, которымъ дѣйствительно трудновато было бы перейти сразу на такой суровый режимъ.

Жоржъ и Санжеръ Пульманы, пожалуй, самые типичные представители Нью-Іоркской золотой молодежи, но ихъ никакъ нельзя назвать исключеніями. Напротивъ, всѣ ихъ сверстники съ 5-й авеню проводятъ время приблизительно также и всѣ не далеко ушли отъ нихъ въ умственномъ отношеніи. Большая часть изъ нихъ занимается какимъ-нибудь видомъ спорта, или велосипеднымъ, какъ Пайнъ Уитней, или гонкой яхтъ, какъ Робертъ Герри, или покупкой собакъ, какъ Франкъ Гульдъ, или какимъ-нибудь другимъ, мало производительнымъ занятіемъ. Робертъ Гёлетъ, напримѣръ, прославился тѣмъ, что игралъ Джульету въ трагедіи Шекспира, поставленной студентами Гарвардскаго университета. Ни одинъ изъ студентовъ не соглашался играть женскую роль, а Гёлетъ, наоборотъ, добивался этого и даже взялъ на себя всѣ расходы по спектаклю, съ тѣмъ, чтобы ему позволили играть Джульету. Дѣйствительно, его женственное лицо болѣе всего подходило къ женской роли. Онъ заказалъ себѣ роскошные туалеты,—одно бальное платье Джульеты стоило 8.000 франковъ,—но, къ сожалѣнію, женственное лицо и великолѣпные костюмы остались его единственными преимуществами. Бѣдный юноша не только не умѣлъ играть, но оказался даже совершенно неспособнымъ выучить роль.

Вильямъ Вандербильтъ занимается пріобрѣтеніемъ различныхъ рѣдкостей, и его квартира представляетъ настоящій музей или, лучше сказать, складъ всевозможнаго хлама, такъ какъ, обладая весьма скудными знаніями, онъ постоянно попадаетъ впросакъ и покупаетъ за большія деньги совершеннѣйшую ерунду. Недавно одинъ ловкій товарищъ, зная его слабость, продалъ ему за 5.000 долларовъ самую обыкновенную стальную броню, подъ видомъ военныхъ доспѣховъ Наполеона, въ которыхъ тотъ сражался подъ Ватерлоо. Простодушный юноша нѣсколько дней подрядъ показывалъ всѣмъ знакомымъ свое драгоцѣнное пріобрѣтеніе, пока кто-то изъ пріятелей не сжалился надъ нимъ и не объяснилъ ему, что его просто-на-просто надули.

Не имѣя надобности ни служить, ни продолжать коммерческую дѣятельность отцовъ, накопившихъ съ избыткомъ и на ихъ вѣкъ, эти молодые люди слоняются по свѣту въ поискахъ за сильными ощущеніями, которыя могли бы хоть на минуту возбудить ихъ

притупленные нервы. Едва избавившись отъ родительской опеки, они бѣгутъ изъ своего мірка, гдѣ все имъ такъ знакомо и такъ скучно. Иногда въ погонѣ за чѣмъ-нибудь новымъ, оригинальнымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ, они пускаются на самыя изумительныя выходки.

Недавно въ Нью-Іоркѣ надѣлала большого шума исторія одного молодого милліардера — Стефана Ванъ Ренселера. Этотъ молодой человѣкъ былъ извѣстенъ въ своемъ кругу какъ страстный любитель всѣхъ видовъ спорта. Онъ участвовалъ и въ велосипедныхъ, и въ яхтовыхъ гонкахъ, занимался верховой ѣздой, боксомъ и т. п. Но въ концѣ концовъ все это ему начало надоѣдать, и онъ мечталъ о чемъ-нибудь болѣе эксцентричномъ и интересномъ. Случай не замедлилъ представиться. Въ Нью-Джерси, гдѣ жилъ въ то время молодой клубмэнъ, пріѣхалъ одинъ извѣстный американскій циркъ. Ванъ Ренселеръ пошелъ на представленіе и былъ очарованъ имъ. Тотчасъ-же ему пришла въ голову блестящая идея. На другой день онъ является къ содержателю цирка и, не называя себя, проситъ принять его въ труппу. Содержатель не выказываетъ особой готовности, но молодой человѣкъ проситъ испытать его въ наѣздничествѣ. Репетиція сходитъ очень удачно, и послѣ нѣсколькихъ дополнительныхъ уроковъ, молодой милліонеръ допускается, наконецъ, къ участію въ публичномъ представленіи. Въ началѣ, среди другихъ наѣздниковъ, онъ не обращалъ на себя особаго вниманія публики, но когда онъ выступилъ соло, завзятые любители цирка начали присматриваться къ новому лицу, и вотъ то тамъ, то тутъ зрители съ удивленіемъ стали узнавать въ цирковомъ наѣздникѣ извѣстнаго клубмэна, представителя золотой молодежи 5-й авеню, м-ра Ванъ Ренселера. Интересная вѣсть быстро облетѣла публику, и молодой милліардеръ, прыгающій черезъ обручъ на аренѣ цирка, вызвалъ бурные аплодисменты. На другой день сенсаціонная новость облетѣла уже весь Нью-Іоркъ, и пріятели м-ра Ванъ Ренселера толпой стали собираться въ циркъ, къ великому удовольствію антрепренера, совершившаго нечаянно такую выгодную аферу. Онъ дѣлалъ громадные сборы, пока это извѣстіе не дошло до родителей Стефана Ванъ Ренселера. Они приняли это совершенно иначе, чѣмъ товарищи его, видѣвшіе въ этомъ случаѣ неожиданное развлеченіе, и приняли немедленно крутыя мѣры, заставившія его прекратить свою краткую экскурсію въ область наѣздническихъ успѣховъ. Прощаніе его съ труппой было самое трогательное; онъ устроилъ своимъ сотоварищамъ грандіозный банкетъ, память о которомъ еще долго не умретъ въ ихъ средѣ.

Если поступленіе въ циркъ составляетъ во всякомъ случаѣ рѣдкое явленіе въ средѣ четырехсотъ, то женитьба на цирковыхъ наѣздницахъ, кафешантанныхъ пѣвицахъ и другихъ представительницахъ низшаго театральнаго мірка уже перестала удивлять американскую аристократію. Въ этой средѣ по большей части проводитъ время золотая молодежь 5-й авеню; тамъ-же она ищетъ себѣ и подругъ жизни. Да и дѣйствительно, это самыя подходящія жены для молодыхъ милліардеровъ, привыкшихъ къ безпорядочной, безшабашной жизни. Онѣ, пожалуй, еще лучше женщинъ ихъ круга помогутъ имъ пустить по вѣтру отцовскія состоянія.

Первый проложилъ этотъ путь Джонъ Андерсонъ, король табаку, женившійся на Кити Колеръ, игравшей субретокъ въ бродвейскомъ театрѣ. Эдита Кингтонъ играла *Фру-фру* въ Дэли-театрѣ, когда ею плѣнился Джоржъ Гульдъ и женился на ней, не смотря на сопротивленіе родителей. Маргарита Матеръ, пѣвица, прославившаяся своими довольно рискованными похожденіями, стала супругой извѣстнаго пивного короля м-ра Пабста. Элеонора Майо вскружила голову м-ру Эльвертону и тоже въ концѣ концовъ женила его на себѣ. Наконецъ, знаменитая наѣздница труппы Буффало Биль, Катарина Клемонсъ, въ настоящее время одна изъ наиболѣе замѣтныхъ представительницъ группы четырехсотъ—м-ссъ Говардъ Гульдъ.

Конечно, такое вторженіе новыхъ элементовъ въ довольно замкнутый прежде кругъ крупныхъ американскихъ промышленниковъ не могло не отразиться на господствующихъ тамъ нравахъ. Новыя милліардерки, шагнувшія сразу съ цирковой арены или съ кафешантанныхъ подмостковъ въ великосвѣтскія гостиныя какихъ-нибудь м-ссъ Асторъ или м-ссъ Вандербильтъ, не могли не перенести туда, хотя отчасти, атмосферу своей прежней жизни. И нельзя сказать, чтобы эта атмосфера особенно шокировала почтенныхъ милліардеровъ. Напротивъ, она вноситъ даже нѣкоторое разнообразіе въ мертвящую скуку салоновъ. Молодые люди наперерывъ ухаживаютъ за этими непринужденными красавицами, гораздо болѣе интересными для нихъ, чѣмъ ихъ натянутыя и скучныя кузины.

Нѣкоторая свобода нравовъ, воцарившаяся такимъ путемъ на 5-й авеню, не могла не оказать своего дѣйствія и на молодыхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ въ собственныхъ дворцахъ своихъ родителей. Жизнь этихъ бѣдныхъ куколокъ шла дѣйствительно крайне однообразно и невесело. Совершенно невѣжественныя, чуждыя всякихъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій, онѣ не могли пользоваться и тѣми развлеченіями, какія наполняли существованіе ихъ братьевъ. Съ другой стороны, всякія хозяйственныя хлопоты и женскія работы считались ниже ихъ достоинства; такимъ образомъ все ихъ время было наполнено исключительно перемѣной костюмовъ и выѣздами. Естественнымъ образомъ онѣ всегда

стремились къ чему нибудь эксцентричному, необычайному, что могло бы хоть на время дать пищу ихъ незанятому уму и воображенію. Теперь въ этомъ отношеніи имъ открылся большій просторъ. Подражая своимъ новымъ родственницамъ, онѣ стали соперничать другъ съ другомъ и съ ними по части разныхъ эксцентричныхъ и рискованныхъ выходокъ. Два года тому назадъ въ этомъ отношеніи особенно славилась миссъ Луиза Моррисъ, теперешняя м-ссъ Фредерикъ Гебгартъ.

Миссъ Луиза Моррисъ уроженка Балтиморы. Переселившись въ Нью-Іоркъ, она сразу завоевала общія симпатіи въ обществѣ 5-й авеню, благодаря своему неистощимому веселью и блеску своихъ безчисленныхъ туалетовъ. Въ Нью-Іоркѣ молодая дѣвушка пользовалась неограниченной свободой, и слава объ ея эксцентричныхъ выходкахъ создавала ей массу поклонниковъ. Между прочимъ, она имѣла обыкновеніе отправляться каждый вечеръ въ театръ въ сопровожденіи цѣлой толпы молодыхъ клубмэновъ. По окончаніи спектакля молодежь ужинала гдѣ нибудь въ ресторанѣ. Однажды вечеромъ веселая компанія проходила мимо фонтана Бари близъ Монтъ-Вернонскаго сквера.

— Лулу, — сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей миссъ Луизѣ Моррисъ,—перешли бы вы черезъ этотъ бессейнъ?

— А что вы мнѣ дадите?—спросила она.

— Мы вамъ дадимъ самый великолѣпный велосипедный хлыстъ, какой можно найти за деньги.

Не говоря больше ни слова молодая дѣвушка вскочила на край бассейна и, приподнявъ юбку, перешла бассейнъ съ одного конца на другой. Вода заходила ей немного выше колѣнъ, но ни платье, ни юбки не были замочены. Выскочивъ съ противоположной стороны, миссъ Луиза Моррисъ подозвала проѣзжавшій кэбъ, поѣхала домой и легла въ постель,—она схватила насморкъ. На другой день обѣщанный хлыстъ былъ ей доставленъ.

Въ то же лѣто въ Ньюпортѣ она стала героинею другого приключенія. Однажды, гуляя по берегу моря со своими пріятелями, она вскричала:

— Боже, какія прозрачныя, чистыя волны! Какъ жаль, что на мнѣ платье, а не купальный костюмъ.

— Неужели васъ смущаетъ вопросъ о костюмѣ? — сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей. — Войдите въ воду такъ, какъ есть, если не боитесь!

Лулу не заставила повторить себѣ дважды это предложеніе. Вскрывъ зонтикъ и подобравъ юбки, она вошла въ море буквально до колѣнъ. Потомъ, обращаясь къ своей свитѣ, она крикнула имъ:

— Принесите мнѣ пенюаръ.

Пенюаръ былъ принесенъ, и она возвратилась въ отель, завернувшись въ него. Ея юбки оставляли мокрый слѣдъ на полу, и другимъ молодымъ дѣвушкамъ, удивлявшимся, что такое случи-

лось съ Лулу, было сказано, что она нечаянно упала въ воду. Но такое объясненіе никого не удовлетворило—всѣ ждали отъ Лулу чего нибудь болѣе необыкновеннаго. Наконецъ, сама миссъ Луиза Моррисъ переодѣлась, вернулась въ салонъ и возстановила истину. Ее встрѣтили цѣлымъ хоромъ восторженныхъ привѣтствій, точно она совершила какой нибудь доблестный поступокъ, достойный преклоненія современниковъ.

Миссъ Лулу далеко не единственная въ своемъ родѣ; болѣе или менѣе всѣ молодыя дѣвушки 5-й авеню стремятся къ тому же; только не у всѣхъ хватаетъ храбрости. Недавно, впрочемъ, миссъ Элеонора Сидлей, съ завистью слѣдившая за успѣхами миссъ Луизы Моррисъ, придумала одну вещь, оставившую далеко за собой смѣлыя выходки Лулу. Миссъ Элеонора гостила у м-ра и м-ссъ Огденъ Фаулеръ. Конскіе бѣга привлекли туда всю золотую молодежь 5-й авеню, и м-ръ Огденъ пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ на холостой обѣдъ. Въ послѣднюю минуту, выписанный изъ Нью-Іорка метрдотель телеграфировалъ, что онъ никакъ не можетъ быть. Оказалось впослѣдствіи, что это было подстроено самой миссъ Сидлей, но м-ръ Огденъ, не подозрѣвая объ этомъ, былъ очень огорченъ. Ни одинъ изъ его слугъ не умѣлъ какъ слѣдуетъ разлить шампанское.

— Я васъ выручу изъ бѣды!—вскричала миссъ Эленора Сидлей.—Я переодѣнусь горничной-негритянкой, выкрашу лицо и руки и буду прислуживать вашимъ гостямъ. Я умѣю въ совершенствѣ разливать шампанское. Положитесь на меня.

М-ръ и м-ссъ Огденъ нашли эту затѣю великолѣпной. Тотчасъ же по телефону изъ Нью-Іорка была вытребована необходимая краска и подходящій парикъ, а вечеромъ миссъ Элеонора Сидлей—единственная представительница своего пола,—проникла въ обѣденную залу. Ея присутствіе произвело сенсацію. Въ началѣ обѣдающіе ограничивались тѣмъ, что совали ей на чай, чтобы она не забывала ихъ стакановъ. Но, благодаря шампанскому, сцена скоро оживилась. Хорошенькую негритянку заставляли пить изъ всѣхъ стакановъ. Молодые люди поочередно сажали ее къ себѣ на колѣни. Наконецъ, общее веселье дошло до такихъ предѣловъ, что м-ръ Огденъ сталъ серьезно тревожиться и сдѣлалъ миссъ Элеонорѣ Сидлей знакъ, что ей пора удалиться. Но молодая дѣвушка, вмѣсто того, чтобы послѣдовать этому совѣту, быстро сбросила съ себя парикъ, вытерла мокрой салфеткой лицо, и передъ изумленными зрителями открылись роскошные бѣлокурые волосы и характерныя черты одной изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ 5-й авеню.

Разсказы объ этомъ обѣдѣ вызвали большой шумъ въ Нью-Іоркѣ, и слава миссъ Элеоноры Сидлей совершенно затмила славу Лулу Моррисъ.

Теперь на очереди еще новая затѣя, которую, впрочемъ, пустила въ ходъ не свѣтская дѣвушка, а простая натурщица. На

одномъ обѣдѣ, который давалъ своимъ знакомымъ банкиръ Генри Пуръ, на столъ былъ поставленъ грандіозный паштетъ. Въ срединѣ обѣда, когда гости уже достаточно развеселились, и оркестръ заигралъ тушъ, корочка паштета вдругъ лопнула, и оттуда выскочила на столъ извѣстная всѣмъ нью-іоркскимъ художникамъ натурщица. Вмѣстѣ съ ней изъ пирога выпорхнула цѣлая стая ласточекъ. Это неожиданное явленіе было встрѣчено самыми восторженными оваціями.

Въ настоящее время молодые милліардерки заняты важнымъ вопросомъ, какъ бы и имъ воспроизвести этотъ очаровательный фокусъ. Все затрудненіе заключается въ костюмѣ. Натурщица избѣгла этого затрудненія довольно простымъ способомъ, но молодымъ особамъ изъ высшей американской аристократіи, какъ ни какъ, не вполнѣ удобно появляться въ одномъ намекѣ на костюмъ.

Впрочемъ, теперь у нихъ явилась еще одна фантазія, которую многія надѣятся осуществить. Молодые нью-іоркскіе клубмэны задумали заказать къ парижской выставкѣ золотую статую въ натуральный ростъ одной хорошенькой актрисы, миссъ Модъ Адамсъ. Подписка на эту статую среди ея поклонниковъ въ первые же дни дала 1.740.000 франковъ, и статуя была заказана. Послѣ выставки статуя должна поступить въ собственность миссъ Модъ Адамсъ и, такимъ образомъ, обезпечить ее до конца жизни. Эта затѣя возбудила сильную зависть среди прекрасныхъ обитательницъ 5-й авеню. Конечно, осуществить ее нѣсколько труднѣе, чѣмъ перейти вбродъ черезъ бассейнъ или нарядиться негритянкой, но нѣкоторыя всетаки разсчитываютъ достичь своего. Издержки, конечно, останавливаютъ ихъ менѣе всего. Фигурировать на французской выставкѣ, да еще въ видѣ золотой статуи— это стоитъ какихъ нибудь 2-хъ милліоновъ франковъ. Миссъ Мэй Гелетъ уже приступила къ выполненію этого плана и заказала свою статую. Вѣроятно кромѣ нея на выставкѣ появится еще съ полдюжины этихъ оригинальныхъ произведеній искусства.

Конечно, весь образъ жизни, какой ведетъ молодежь обоего пола на 5-й авеню, всѣ эти эксцентричности, какими они наполняютъ свою жизнь, стоятъ громадныхъ денегъ. Хотя состоянія ихъ отцовъ могутъ выдержать очень серьезныя испытанія, но всетаки бываютъ случаи разоренія и въ этой средѣ, повидимому, обезпеченной отъ такихъ случайностей самыми размѣрами своихъ богатствъ.

Въ 1893 году Алонзо Ятесъ, въ то время студентъ Гарвардскаго университета, получилъ въ наслѣдство отъ своего отца капиталъ въ 42 милліона франковъ. Молодой человѣкъ принялся съ такимъ увлеченіемъ растрачивать свои капиталы, что д-ръ Эли, президентъ Гарвардскаго университета, нашелъ необходимымъ заявить ему, что „университетъ не достаточно цѣнитъ честь, какую оказываетъ ему присутствіе Алоизо Ятеса“. Лони, какъ назы-

вали его товарищи, понялъ съ полуслова и перекочевалъ въ другой университетъ, невдалекѣ отъ Нью-Іорка. Но и тамъ повторилась та же исторія: онъ предпринималъ поѣздки на нѣсколько дней въ Нью-Іоркъ, обходившіяся ему въ 200,000 франковъ, а въ самомъ университетѣ велъ себя такъ, что въ концѣ концовъ снова получилъ вѣжливое предложеніе удалиться. Послѣ этого Лони Ятесъ оставилъ намѣреніе продолжать свое образованіе; онъ поселился въ Нью-Іоркѣ и занялся пріобрѣтеніемъ лошадей, получившихъ призы на бѣгахъ и скачкахъ. Но это ему скоро надоѣло, и онъ рѣшилъ предпринять путешествіе въ Европу. Онъ захватилъ съ собой мать и молоденькую кузину, миссъ Леилу Ятесъ, на которой вскорѣ и женился, получивъ за ней то же немаленькое приданое. Но женитьба не надолго удержала его отъ безпорядочнаго образа жизни. Скоро онъ бросилъ молодую жену съ матерью въ Лондонѣ, а самъ поѣхалъ путешествовать въ Италію. Въ Римѣ онъ встрѣтился съ одной актрисой, которая очень скоро раскусила, что за типъ представляетъ собой молодой американскій милліонеръ, и сумѣла крѣпко привязать его къ себѣ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ бурной страсти, охватившей вдругъ несчастнаго юношу, онъ умеръ въ Ниццѣ. Отъ всего его состоянія у него оставалось 600,000 франковъ. Въ три года онъ прожилъ 42 милліона.

Другой подобный случай произошелъ съ Лесли Хайномъ, получившимъ совершенно неожиданно наслѣдство въ 30 милліоновъ отъ одного изъ дальнихъ родственниковъ. Лесли Хайнъ былъ въ то время простымъ фермерскимъ рабочимъ и получалъ въ день по 2½ франка. Его мечты не шли дальше того, чтобы накопить тысячу франковъ и купить себѣ нѣсколько головъ скота. И въ другъ нежданно-негаданно на него сваливается громадное состояніе въ 30 милліоновъ франковъ. Такое богатство совершенно вскружило голову бѣдному малому. Онъ буквально разбрасывалъ пригоршнями золото въ разныхъ увеселительныхъ садахъ, задавалъ громадные пиры для всѣхъ встрѣчныхъ, катался въ отдѣльныхъ поѣздахъ по всей Америкѣ и вообще устраивалъ самыя невѣроятныя безумства. Ему казалось, что такое богатство не можетъ никогда истощиться. Но оказалось, что это гораздо легче, чѣмъ кажется. Однажды, вернувшись въ Санъ-Франциско изъ путешествія въ Австралію, онъ опустилъ руку въ карманъ за деньгами и не нашелъ тамъ ничего. Само собой разумѣется, что онъ никогда не считалъ ни своихъ расходовъ, ни своихъ капиталовъ. Онъ попробовалъ обратиться къ своимъ друзьямъ, которыхъ онъ такъ щедро угощалъ два года тому назадъ, но они забыли его. Попробовалъ поступить на ферму, гдѣ онъ раньше работалъ, но оказалось, что здоровье его такъ разстроилось за это время, что онъ не состояніи былъ работать. Два мѣсяца спустя, онъ умеръ въ полной нищетѣ, пропустивъ черезъ свои руки въ те-

ченіе 27 мѣсяцевъ 30 милліоновъ франковъ,—больше милліона франковъ въ мѣсяцъ!

Конечно, въ общемъ случаи полнаго разоренія являются все-таки рѣдкимъ исключеніемъ. Чтобы растратить состояніе въ нѣсколько сотъ, даже въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, надо много злой воли, можно сказать, много искусства. Тѣмъ не менѣе самая возможность растраты всего, цѣною многихъ усилій созданнаго, состоянія сильно пугаетъ самихъ милліардеровъ. Воспитавъ своихъ дѣтей такъ, что они не только не продолжаютъ, по примѣру отцовъ, созидать богатства, но напротивъ, всѣ силы своей изобрѣтательности направляютъ на то, чтобы растрачивать ихъ,—они начинаютъ опасаться послѣдствій этого. На свои колоссальныя состоянія они смотрятъ съ гордостью, какъ на памятникъ своей неутомимой дѣятельности, своей побѣдоносной борьбы, и теперь они чувствуютъ, что въ рукахъ ихъ наслѣдниковъ этотъ памятникъ распадется въ прахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умрутъ и имена славныхъ королей Новаго Свѣта. Съ этой опасностью они пытаются бороться всѣми средствами. Главное изъ этихъ средствъ состоитъ въ завѣщаніяхъ. При помощи завѣщаній наиболѣе крупные американскіе милліардеры стремятся оградить хоть часть своихъ имуществъ отъ возможности растраты и заставить своихъ сыновей волей-неволей продолжать ихъ дѣло.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе три изъ этихъ завѣщаній: Вильяма Вандербильта, Джея Гульдъ и Вильяма Астора.

Вильямъ Вандербильтъ умеръ въ 1885 году, оставивъ послѣ себя восемь человѣкъ дѣтей—четырехъ сыновей: Корнеліуса, Вильяма, Фредерика и Джоржа и четырехъ дочерей: Маргарету Эліотъ, Эмили Слоанъ, Флоренсъ Макъ Туомбли и Эму Сьюардъ Веббъ.

Женѣ своей онъ оставилъ капиталъ, приносящій два милліона въ годъ дохода, и свой дворецъ на 5-й авеню, со всей находящейся въ немъ движимостью. Каждый изъ дѣтей долженъ былъ получить капиталъ въ 50 милліоновъ. Кромѣ того, дочерямъ онъ оставилъ по великолѣпному дому на 5-й авеню. Сыну Джоржу все личное имущество его матери послѣ ея смерти, а сыновьямъ Вильяму и Корнеліусу еще по 300 милліоновъ каждому. Корнеліусъ долженъ былъ сверхъ того получить 15 милліоновъ въ награду за помощь въ дѣлахъ, оказанную имъ отцу при жизни того. Такимъ образомъ старшему сыну пришлось получить всего 365 милліоновъ.

Но ни онъ и никто изъ остальныхъ дѣтей не могъ получить полностью завѣщанную имъ сумму. Только половина суммы, назначенной каждому изъ дѣтей, могла быть получена имъ въ видѣ цѣнныхъ бумагъ, вторая половина должна была оставаться по прежнему въ дѣлахъ синдиката, и наслѣдники могли пользоваться только доходами съ нея. Такимъ образомъ Корнеліусъ, получившій по завѣщанію 365 милліоновъ, могъ взять тотчасъ же и упо-

требить по своему усмотрѣнію только 182 милліона. Остальные 182 милліона составляли, какъ и при жизни отца, капиталъ его синдиката, и Корнеліусъ могъ только пожизненно пользоваться доходами съ нихъ. Точно также и остальные семеро дѣтей Вильяма Вандербильта.

Джей Гульдъ умеръ 2 декабря 1892 года. Онъ оставилъ послѣ себя шесть человѣкъ дѣтей: Джоржа, Эдвина, Эленъ, Боуарда, Анну и Франка. Состояніе его въ это время превышало 800 милліоновъ франковъ. Весь этотъ капиталъ онъ раздѣлилъ поровну между своими шестерыми дѣтьми. Только старшій сынъ Джоржъ, въ вознагражденіе за помощь отцу въ дѣлахъ, получилъ сверхъ своей доли еще 30 милліоновъ; миссъ Элена тоже получила отдѣльно на свою долю семейный дворецъ на 5 авеню. Но никто изъ его дѣтей не могъ получить на руки своей части наслѣдства. Всѣ капиталы должны были оставаться неприкосновенными въ дѣлахъ желѣзнодорожнаго синдиката, которымъ управлялъ Джей Гульдъ. Каждый изъ наслѣдниковъ могъ свободно распоряжаться только процентами, идущими на его часть капитала. Въ случаѣ смерти одного изъ наслѣдниковъ, его доля переходила къ оставшимся въ живыхъ дѣтямъ на тѣхъ же условіяхъ.

Завѣщаніе Вильяма Астора составлено слѣдующимъ образомъ. Прежде всего вдова его должна получать ренту въ 3 милліона франковъ въ годъ. Каждая изъ его трехъ дочерей, м-ссъ Вильсонъ, м-ссъ Драйтонъ и м-ссъ Росевельтъ получали по 20 милліоновъ. 50 милліоновъ было распредѣлено на разныя благотворительныя цѣли, а весь остальной капиталъ, около 360 милліоновъ, переходилъ къ его единственному сыну, Джону Жакобу Астору III. Но изъ этой суммы Джонъ Жакобъ могъ получить немедленно послѣ смерти отца только 90 милліоновъ. Въ 1896 году ему предоставлялось, если онъ пожелаетъ, вынуть изъ дѣла еще 90 милліоновъ. Остальные 180 милліоновъ должны были составить капиталъ вновь основаннаго синдиката для эксплуатаціи недвижимыхъ имуществъ Асторовъ, и наслѣдникъ могъ пользоваться только процентами съ нихъ.

Такимъ образомъ три виднѣйшіе представителя американскихъ милліардеровъ одинаково озабочены дальнѣйшей судьбой своихъ капиталовъ въ рукахъ своихъ наслѣдниковъ и одинаковыми способами пытаются предохранить ихъ отъ гибели.

Но, конечно, эти мѣры ограждаютъ до нѣкоторой степени только судьбу ихъ капиталовъ; на судьбу ихъ наслѣдниковъ онѣ не имѣютъ никакого вліянія. Кромѣ Пульмана, ограничившаго дѣйствительно до очень скудныхъ размѣровъ доходы своихъ сыновей, никто изъ милліардеровъ не лишалъ своихъ сыновей подобающаго имъ положенія. Несмотря на всѣ ограниченія завѣщаній, они оставались всетаки самыми богатыми людьми Америки и работать имъ попрожнему не представлялось никакой необходимости. Напро-

тивъ, эти завѣщанія, какъ они ни обидны для наслѣдниковъ, имѣли даже для нихъ свою хорошую сторону. Они обезпечивали ихъ при всѣхъ обстоятельствахъ отъ разоренія.

Но разореніе еще не худшее изъ золъ, грозящихъ теперешнему молодому поколѣнію американскихъ милліардеровъ. Имъ грозитъ гораздо болѣе страшная судьба—вырожденіе и полное вымираніе. Это общество, только вчера родившееся, сегодня уже быстрыми шагами стремится къ гибели. Какъ и все въ Америкѣ, круговоротъ этотъ совершается съ изумительной быстротой.

Дочери милліардеровъ стремятся къ одному—найти себѣ титулованныхъ мужей. Вся ихъ мечта состоитъ въ томъ, чтобы уѣхать въ Европу и выйти тамъ за какого-нибудь герцога, графа, маркиза или барона. Онѣ съ радостью отдаютъ отцовскіе милліоны за титулъ какого-нибудь разорившагося князька. За послѣдніе четыре года 152 наслѣдницы американскихъ милліоновъ переплыли океанъ и соединились съ представителями разныхъ болѣе или менѣе знатныхъ европейскихъ родовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ принесли съ собой очень значительныя приданыя. Миссъ Консуэло Вандербильтъ, теперешняя графиня Мальборо, принесла своему мужу приданое въ 50 милліоновъ; миссъ Анна Гульдъ, нынѣшняя маркиза Бони де Кастелянъ имѣла приданое въ 75 милліоновъ. Мадамъ Ральфъ Вивіани передала своему мужу 60 милліоновъ франковъ.

Всѣ эти дѣвушки стремятся къ одному—во что бы то ни стало покинуть свою родину и среду. Но судьба дочерей не имѣетъ еще особо важнаго значенія для группы четырехсотъ. Она служитъ только до нѣкоторой степени показателемъ того, что ихъ попытки облагородить свои роды при помощи геральдическихъ книгъ не обманываютъ никого, и прежде всего ихъ самихъ. Ихъ дочери предпочитаютъ какого-нибудь обѣднѣвшаго, но настоящаго французскаго маркиза „прямымъ потомкамъ Генриха IV“.

Гораздо важнѣе для королей Соединенныхъ Штатовъ участь ихъ сыновей, будущихъ представителей ихъ славныхъ родовъ. А между тѣмъ мы видѣли, что представляетъ собою теперь золотая молодежь 5-й авеню. Отсутствіе какого-нибудь правильнаго воспитанія, отсутствіе товарищества, отсутствіе необходимости работать и рядомъ съ этимъ возможность съ дѣтства располагать неограниченными суммами денегъ—все это создало изъ нихъ людей, лишенныхъ воли и энергіи, лишенныхъ всякихъ умственныхъ интересовъ и всякаго нравственнаго чувства.

Войдите въ одинъ изъ салоновъ 5-й авеню во время бала, собравшаго туда всю золотую молодежь. Вы увидите типичную картину вырожденія. Всѣ эти молодые люди тщедушны, слабосильны, съ дряблыми, старческими лицами въ 20—30 лѣтъ. Ихъ жены и выше, и красивѣе, и здоровѣе ихъ. Съ перваго взгляда видно, что онѣ недавно попали въ эту среду, не успѣвшую еще

наложить на нихъ печать скуки и пресыщенія. Это по большей части бывшія пѣвички, наѣздницы, натурщицы и разныя искательницы приключеній, на удочку которыхъ легко попадаютъ эти безвольные и пресыщенные клубмэны. Такъ же, какъ и ихъ сестры, молодые люди 5-й авеню стремятся, главнымъ образомъ, найти выходъ изъ родительской среды. Но въ то время, какъ дѣвушки пытаются подняться выше по соціальной лѣстницѣ, соединяясь съ представителями знатныхъ европейскихъ родовъ, молодые люди, наоборотъ, опускаются все ниже, выбирая себѣ подругъ среди женщинъ самаго невысокаго разбора.

Браки эти сулятъ мало хорошаго для молодой американской аристократіи. Прежде всего и самое главное—они бездѣтны. Громадное большинство богатѣйшихъ американскихъ родовъ должно исчезнуть вмѣстѣ съ настоящимъ поколѣніемъ. Исключеніе до сихъ поръ составляютъ наиболѣе старые роды — Вандербильты, Асторы, Уитнеи еще противятся грозящей имъ участи. Скорѣе всѣхъ гибнутъ позже всѣхъ возникшіе роды. Начало ихъ процвѣтанія, пышный расцвѣтъ и увяданіе обнимаетъ собою иногда два, много три поколѣнія.

Пройдетъ какихъ-нибудь два, три десятка лѣтъ и отъ теперешней славной группы 400, останется нѣсколько семей, выжившихъ благодаря случайно благопріятно сложившимся условіямъ.

Это обстоятельство не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего печальнаго. Можно только радоваться, что этотъ вредный наростъ, образовавшійся на общественномъ организмѣ, отпадаетъ естественнымъ образомъ. Но, къ сожалѣнію, гибнетъ не самое явленіе, а только его современные представители. Соціальныя и экономическія условія, способствовавшія его образованію, не измѣнились, и результаты ихъ остаются тѣ же. Синдикаты продолжаютъ держать въ монопольномъ владѣніи едва-ли не всѣ отрасли американской торговли и промышленности. Ихъ директора по прежнему продолжаютъ богатѣть съ головокружительной быстротой и на смѣну вымирающихъ милліардеровъ появляются все новые и новые. Смѣняются только имена, самое же явленіе остается незыблемымъ.

Т. Богдановичъ.

ВЕЧЕРЪ.

Въ заревѣ заката
Западъ золотой.
Вся земля объята
Грустною мечтой.
Дивно блещутъ краски
Искрами огня.
О, какъ нѣжны ласки
Гаснущаго дня...
Только тьма все сгладитъ,
Тьмы не превозмочь,—
Солнце скоро сядетъ,
Скоро будетъ ночь...

* * *

Въ сердцѣ доцвѣтаютъ
Поздніе цвѣты,
Дивно въ немъ играютъ
Грезы и мечты.
Длись же, вечеръ ясный,
О помедли, тѣнь!
Погоди, прекрасный
Уходящій день!
Тщетно... тьма все сгладитъ,
Тьмы не превозмочь...
Солнце жизни сядетъ...
Въ сердце будетъ ночь...

А. Вербовъ.

ЭЛИНОРЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

(Переводъ съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой).

V.

Между тѣмъ какъ Мэнистей, совершенно того не вѣдая, возбуждалъ столько новыхъ чувствъ въ душѣ своей гостьи,—самъ онъ, послѣ перваго, мимолетно непріятнаго ощущенія, вызваннаго ея пріѣздомъ, едва теперь помнилъ о ея существованіи. Онъ былъ постоянно занятъ окончаніемъ своей книги, работая надъ нею съ ранняго утра до поздней ночи, порою съ увлеченіемъ и даже экстазомъ; но въ общемъ, по обыкновенію, онъ былъ полонъ унынія и разочарованія.

Элиноръ Бургоинъ работала съ нимъ или для него по нѣскольку часовъ каждый день. Ея обычная блѣдность стала еще замѣтнѣе. Она мало ѣла и еще меньше спала,—такъ, покрайней мѣрѣ, предполагала миссъ Мэнистей. Престарѣлая лэди, дѣйствительно, начинала безпокоиться, повременамъ протестовала и увѣщевала самого Мэнистея, угрожая даже написать „генералу". А Элиноръ на это только улыбалась и своимъ упорствомъ преодолѣвала все. Мэнистей же, несмотря на тревожный взглядъ своей тетки и ея порой очень настойчивые совѣты, снова возвращался къ привычному положенію вещей; онъ весь былъ въ зависимости отъ своей кузины, не чувствуя себя способнымъ работать безъ нея. Льюси Фостеръ находила его крайне эгоистичнымъ и неосмотрительнымъ, и это давало ей лишній поводъ быть имъ недовольной.

Дружба ея съ миссисъ Бургоинъ росла постепенно и прочно. Чѣмъ болѣе выяснялось, что Мэнистей не желаетъ обращать вниманія на миссъ Фостеръ и ни на минуту не беретъ на себя труда развлекать ее,—тѣмъ больше, казалось, Элиноръ старалась сдѣлать для молодой американки жизнь у нихъ какъ можно пріятнѣе. И безъ того всегда любезная, она стала въ отношеніяхъ къ Льюси какъ-то естественнѣе и веселѣе. Чувствовалось, какъ будто она внутренно порѣшила какой-то

вопросъ и порѣшила его безусловно въ пользу Льюси Фостеръ.

Немного, впрочемъ, можно было сдѣлать для молодой дѣвушки, пока работа Мэнистея была въ разгарѣ. Тетя Патти раза два пріободрилась, разыскала свои путеводители и брала съ собой свою гостью, чтобы показать ей всѣ достопримѣчательности Рима. Но маленькую лэди такъ замѣтно утомили эти экспедиціи, что Льюси, полная раскаянія, просила, чтобы на будущее время ее предоставили самой себѣ. Развѣ недостаточно хороши были садъ и озеро, и лѣсныя тропинки къ Рока-ди-Папа, и дороги къ Альбано?

Такимъ образомъ, теперь ей случалось много часовъ проводить одной въ саду, раскинувшемся на холмахъ, и имѣя всю Кампанью у своихъ ногъ. Для ея молодой фантазіи садъ этотъ скоро сдѣлался символомъ Италіи,—всѣ элементы ея, все ея очарованіе были тутъ на лицо. Вдоль верхней окраины всего сада пролегала обширная, мѣстами разрушенная стѣна, продѣланная въ самомъ холмѣ; громадныя дубовыя деревья, перевѣсившись черезъ кирпичные обломки стѣны, образовали собою длинный непрерывный навѣсъ, который не пропускалъ свѣта на дорожку, пробѣгавшую внизу. Внутри этой толстой стѣны—еще въ тѣ дни, когда въ этомъ смутно-рисующемся надъ долиною Римѣ живы были люди, помнившіе голосъ и черты Павла изъ Тарса,—еще въ тѣ времена, по повелѣнію Домиціана, были продѣланы ниши и фонтаны; а надъ террасой, которая теперь была скрыта за большими дубовыми вѣтвями, была наброшена кровля, которую поддерживали капители и колонны изъ блестящаго мрамора. Затѣмъ, въ нишахъ, вокругъ прозрачныхъ фонтановъ, онъ приказалъ разставить изящныя статуи, до сихъ поръ еще поражающія тонкостью работы; здѣсь были щедро разбросаны повсюду розовый, желтый и бѣлый мраморы, а на мозаичномъ полу переливались тѣни листьевъ и фонтановъ въ роскошномъ, отраженномъ освѣщеніи сада и раскинувшейся за нимъ Кампаньи; мѣстами сквозь самый хребетъ холма были пробиты прохладные корридоры туннелей, въ пролеты которыхъ, не выходя изъ сада, можно было видѣть голубое озеро, сверкавшее какъ будто на ихъ противоположномъ концѣ.

И эти ниши, и всѣ эти уголки сохранились, но громадная полуразрушенная кирпичная стѣна, выведенная нѣкогда съ такимъ удивительнымъ искусствомъ и отдѣланная мраморомъ, поддерживалась теперь только распростертыми вѣтвями дубовъ. Корридоры туннелей тоже остались,—только ихъ завалило землею, и озеро уже не синѣло въ ихъ зіяющихъ темныхъ пролетахъ. А на искрошившейся поверхности стѣны чьи-то дерзкія руки наставили обломковъ нѣкогда царившихъ

тутъ Цезарей и богинь, безжалостно перемѣшавъ ихъ съ кусками бѣлаго карниза, нѣкогда вѣнчавшаго портикъ, обрубками акантовъ съ давно не существующихъ капителей или сиротливыхъ дельфиновъ исчезнувшей Афродиты.

Руина эта была прекрасна, какъ всѣ руины Италіи, когда онѣ предоставлены только природѣ. Она то пряталась во мракѣ нависшихъ деревьевъ, то исчезала за ниспадающими покровами плюща, то, испещренная дрокомъ и ракитникомъ, отливала золотомъ въ густой тѣни. У подножія стѣны, на всемъ ея протяженіи пролегалъ низкій мраморный каналъ, гдѣ еще сохранялась чистѣйшая свѣжая вода. Тутъ кругомъ росли ландыши, распространяя въ полусумракѣ свое благоуханіе, между тѣмъ какъ на другой сторонѣ дорожки, обращенной къ саду, трава была вся усѣяна длинностебельчатыми фіалками и остроконечными головками цикламена. А немного далѣе изъ чащи той же травы поднималась отягченная цвѣтами высокая многолѣтняя камелія, осыпавшая своими бѣлыми и красными лепестками окружающій газонъ. И надъ всѣмъ возвышались знаменитыя сосны этой виллы, уходившія высоко къ небу и глядѣвшія съ высоты на море и на долину.

Какъ старо было все это!.. И вмѣстѣ какой весенней свѣжестью вѣяло тутъ отовсюду. По утрамъ, по крайней мѣрѣ, весна царила во всей силѣ, и подъ ея вліяніемъ смолкала жалоба оскорбленной красоты, которая, какъ-будто, постоянно раздавалась въ этомъ пріютѣ, не смотря на все ликованіе расцвѣтающей природы. Воды, цвѣты, соловьи, тѣни и солнечные лучи—все это по утрамъ было особенно полно жизни и силы. Только вечерами Льюси избѣгала этой тропинки, потому что въ эти часы отовсюду—отъ поверхности земли и съ вершины разрушенной стѣны,—прокрадывалась сдержанная на время старая острая печаль, и сердце Льюси билось и сжималось, когда ей въ такія минуты случалось проходить тутъ или присѣсть на какой нибудь скамьѣ. Марината не отличалась маляріей; но съ приближеніемъ ночи, въ почвѣ старинныхъ тѣнистыхъ пріютовъ Италіи всегда кроется что-то враждебное для человѣческой жизни. Несчастные призраки поднимаются изъ земли, мучимые завистью къ тѣмъ, кто еще слѣдуетъ по согрѣтому солнцемъ жизненному пути.

За то, именно вечерами, когда Стѣна Фонтановъ гнала дѣвушку отъ себя, — центральный „жаркій“ поясъ сада былъ особенно прелестенъ со своими розами, сиренями, птицами, со своимъ изящнымъ газономъ, оживляемымъ блестящими ящерицами и усыпаннымъ, точно драгоцѣнными каменьями, всевозможными цвѣтами, издававшими разнообразнѣйшіе ароматы. И въ довершеніе всего — эта старая терраса на

концѣ сада съ ея баллюстрадами, расположенная надъ Кампаньей и господствующая надъ долиной, надъ моремъ и надъ горизонтомъ съ его несравненными закатами. Поэтому Льюси каждый вечеръ можно было найти на каменныхъ перилахъ этой террасы съ какой нибудь книгой, съ помощью которой она въ эти тихіе часы пыталась воскресить передъ собою древнюю римскую жизнь; порой она размышляла о томъ, сколько драгоцѣннѣйшихъ мраморныхъ обломковъ было—какъ это утверждали археологи—погребено тамъ внизу, у ея ногъ, подъ шелестѣвшими оливами и еще безлистыми виноградными лозами; порою же она просто, безъ всякой мысли, только вдыхала этотъ чудный воздухъ, любуясь на медленно опускавшееся солнце, между тѣмъ какъ слухъ ея невольно ловилъ стрекотанье кузнечиковъ, звонкія ноты соловьевъ или полетъ удода, подобно какой нибудь сказочной жаръ-птицѣ перепархивавшаго изъ одной густой садовой тѣни въ другую.

Однако, садъ не всегда былъ въ распоряженіи одной Льюси и птицъ. Возвращавшіеся изъ Альбано или съ оливковыхъ плантацій крестьяне часто сокращали себѣ путь къ Маринатѣ, проходя черезъ садъ; появлялись смуглолицые садовники въ синихъ полотняныхъ одеждахъ, снимавшіе остроконечныя шляпы передъ незнакомой лэди; порой десятка два юныхъ, одѣтыхъ въ черное учениковъ сосѣдней семинаріи внезапно наполняли аллеи веселыми криками и смѣхомъ, предаваясь дѣтскимъ забавамъ: они бѣгали взапуски, насколько позволяли длинно-полые костюмы, причемъ ихъ развѣвающіяся полы и красные кушаки такъ и мелькали вокругъ разбитаго и безносаго бюста Домиціана, который возвышался въ концѣ длинной дубовой аллеи. Въ эти минуты, Льюси пряталась за сирени и арбутусы и сквозь листву слѣдила изъ засады за этими итальянскими мальчиками въ неудобныхъ женственныхъ нарядахъ, слегка презирая въ душѣ ихъ зависимое положеніе и въ то же время скорбя о предстоящей имъ судьбѣ.

Случалось, что Мэнистей, работу котораго нарушалъ этотъ шумъ, выходилъ на террасу, блѣдный и нахмуренный; но, при видѣ учениковъ и стараго священника, надзиравшаго за ними, его раздраженіе смягчалось. Онъ направлялся къ нимъ, и, остановившись съ непокрытой головой и откинутыми съ высокаго лба черными кудрями, шутилъ и смѣялся съ мальчиками; затѣмъ Льюси могла видѣть, какъ онъ послѣ этого прохаживался со старымъ священникомъ взадъ и впередъ по дубовой аллеѣ, ораторствуя и жестикулируя, между тѣмъ какъ старикъ съ пріятнымъ удивленіемъ смотрѣлъ черезъ свои очки на этого англичанина и, то нѣсколько смущенный, то впадая въ фанатическое увлеченіе, время отъ времени бросалъ

отъ себя какое-нибудь восклицаніе или одобреніе. „Онъ говоритъ о книгѣ“, — думала про себя въ такихъ случаяхъ Льюси, и душа ея негодовала и возмущалась.

Однажды, разставшись съ мальчиками, онъ неожиданно направился мимо ея скрытаго убѣжища и, при видѣ дѣвушки, остановился.

— Мѣшаютъ вамъ эти мальчуганы?—спросилъ онъ, бросая взглядъ на ея книгу и говоря съ той неловкой отрывистостью, которая у него часто моментально смѣняла развязность и веселое настроеніе.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ—нисколько!

Онъ продолжалъ стоять, обрывая листья съ арбутуса, подъ которымъ она сидѣла.

— Этотъ старый священникъ, который съ ними приходитъ, премилый человѣкъ,—проговорилъ онъ.

Ея робость исчезла.

— Въ самомъ дѣлѣ? Онъ, правда, смотритъ за ними, точно старая нянюшка. Они такія еще дѣти—эти большіе мальчики.

Его глаза загорѣлись.

— А вы желали бы, чтобъ они были посамостоятельнѣе и погрубѣе? Вы предпочитаете Гарвардовскую или Іельскую партію футболя съ убитыми и ранеными на полѣ битвы?

Она засмѣялась, въ первый разъ осмѣливаясь отстаивать себя.

— Нѣтъ. Я не хочу крови. Но, вѣдь, тутъ должна быть середина. Какъ бы то ни было...

Она колебалась. А онъ смотрѣлъ на нее полудосадливо, полуулыбаясь.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Имъ не принесла бы никакой пользы самостоятельность, не правда-ли?..

— Принимая во вниманіе, что скоро они сдѣлаются рабами на всю жизнь?.. Вы, вѣдь, именно это подразумѣвали?

Она подняла на него свои искренніе голубые глаза. Онъ моментально почувствовалъ нѣчто холодное и критическое въ ея манерѣ по отношенію къ нему. Вполнѣ возможно, что онъ сознавалъ это и раньше, чѣмъ, быть можетъ, и объяснялось то обстоятельство, что онъ ее избѣгалъ. Переживая этотъ кризисъ мысли и творчества, онъ боялся малѣйшаго соприкосновенія съ противорѣчіемъ и недовѣріемъ. Достаточно было и того, что онъ не довѣрялъ самому себѣ. Казалось, будто онъ носилъ въ себѣ какія-нибудь тяжкія раны, касаться которыхъ было дозволено только нѣжнымъ рукамъ Элиноръ. Между тѣмъ, онъ угадалъ съ перваго же вечера, что въ этой американской дѣвушкѣ съ ея сдержанной наивностью и съ

ея твердыми протестантскими убѣжденіями, кроются элементы, ему враждебные.

На его вопросъ, однако, она отвѣтила тоже вопросомъ, опять-таки относившимся къ этимъ воспитанникамъ семинаріи:

— Не затѣмъ-ли они и берутъ ихъ на воспитаніе съ такихъ раннихъ лѣтъ, чтобы уничтожить въ нихъ всякую волю?

— Ну, что же? Развѣ такъ уже печально отрѣшиться отъ своей воли ради идеи, ради дѣла?

Она засмѣялась тихимъ, застѣнчивымъ, но музыкальнымъ смѣхомъ, который вызвалъ въ немъ совсѣмъ новое представленіе о ней.

— Этого стараго священника вы называете идеей?

При этомъ, воображенію ихъ обоихъ представилась полная, дышавшая здоровьемъ фигура упомянутой личности. Мэнистей невольно улыбнулся.

— Старый священникъ есть просто символъ.

Она отрицательно покачала головой.

— Онъ есть именно то, чего объ немъ не знаютъ. Онъ отдаетъ приказанія, они повинуются, а вскорѣ наступитъ очередь другого отдавать имъ приказанія...

— Пока не придетъ, наконецъ, время, когда они сами станутъ приказывать? Ну, что же можно было бы возразить противъ этого?

Онъ смотрѣлъ на нее пристально и съ любопытствомъ:

— Укажите мнѣ нѣчто лучшее.

Она покраснѣла.

— Развѣ не лучше, если... иногда... человѣкъ повелѣваетъ самъ собою?..—проговорила она тихо.

Мэнистей засмѣялся.

— Короче сказать, когда ему предоставляется свобода дѣлать изъ себя дурака!.. Безъ сомнѣнія, это великая современная панацея.

Онъ остановился и продолжалъ смотрѣть на нее разсѣянными блестящими глазами. Затѣмъ онъ заговорилъ снова:

— Прекрасно! Значитъ, вы презираете моихъ маленькихъ попиковъ? А приходило ли вамъ когда нибудь въ голову разобраться, что болѣе прочно: ихъ ли идея человѣческой жизни, которая, какъ бы то ни было, уже выдержала тысячу девятьсотъ лѣтъ и все такъ же сильна и дѣйствительна, какъ и была; или же тотъ сортъ идей, который распространяютъ здѣсь ихъ враги? Загляните въ исторію абиссинской войны: всѣмъ тутъ предоставлена свобода дѣлать изъ себя дураковъ—и въ Римѣ, и въ Африкѣ—и они исполняютъ это великолѣпно. Личныя мнѣнія, личныя цѣли—повсюду, начиная съ Криспи и кончая послѣднимъ поручикомъ. Результатъ —

универсальное крушеніе и грязь, тысячи загубленныхъ жизней, посрамленная нація! Затѣмъ, посмотрите вокругъ, на то, что происходитъ здѣсь въ эту недѣлю, на этихъ холмахъ. Это Святая Недѣля. Всѣ они постятся, всѣ ходятъ къ обѣднѣ— весь этотъ народъ, работающій въ полѣ, всѣ наши служители и этотъ славный старый попикъ. Завтра Чистый Четвергъ. Съ этой минуты и до воскресенья никто здѣсь не станетъ ничего ѣсть, кромѣ маленькаго хлѣбца и нѣсколькихъ маслинъ. Завтра перестанутъ звонить колокола. Если бы между завтрашней обѣдней и субботней службой хотя единый колоколъ прозвонилъ внезапно въ Римѣ, надъ этой долиной, надъ этими горами, словомъ, на протяженіи всей Италіи, — цѣлая нація почувствовала бы горе и оскорбленіе. А потомъ, въ субботу,—какой чудный символъ!—внезапно раздается звонъ. Это, ударяютъ разомъ, какъ только начнется „Sanctus“—всѣ колокола Италіи... А въ воскресенье, посмотрите вы на церкви. Что же это, если не „одна общая волна мысли и любви“ Матью Арнольдса? По моему, это и есть именно то, что приводитъ въ движеніе машину жизни. Сдѣлайте сравненіе,—и мои маленькіе глупенькіе попики съ ихъ глупымъ послушаніемъ окажутся совсѣмъ ужъ не такими плохими.

Безсознательно онъ опустился на скамью подлѣ нея и смотрѣлъ ей въ глаза проницательнымъ и властнымъ взглядомъ. Она смутно сознавала, что все это онъ говоритъ не для нея, а для гораздо болѣе обширной аудиторіи,—что онъ на самомъ дѣлѣ еще весь находится подъ впечатлѣніемъ „книги“. Но то обстоятельство, что онъ, какъ бы то ни было, сказалъ съ нею подрядъ такое количество послѣдовательныхъ фразъ послѣ многихъ дней абсолютнаго пренебреженія и невниманія къ ней,—это обстоятельство подѣйствовало на нее возбуждающимъ образомъ. Пульсъ ея забился сильнѣе; но отъ этого самообладаніе ея не только не уменьшилось, а даже скорѣе окрѣпло.

— Ну, хорошо, если это единственный путь, которымъ приводится машина въ движеніе...—я подразумѣваю путь католицизма... — слова сходили съ ея устъ поспѣшно и прерывисто,—то я не понимаю, какъ же въ такомъ случаѣ существуемъ „мы“?

— Вы? Америка?

Она сдѣлала утвердительный знакъ.

— Да развѣ вы „существуете“—въ томъ смыслѣ, о которомъ идетъ рѣчь?

Онъ смѣялся, говоря это, но его тонъ разсердилъ ее. Она слегка подняла голову и внезапно сдѣлалась серьезной.

— Разумѣется, мы знаемъ, что вы насъ не любите.

Онъ нѣсколько смутился.

— Какъ можете вы это знать?

— О, мы прочли то, что вы о насъ говорили.

— Меня плохо истолковали,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Совсѣмъ нѣтъ!—настойчиво проговорила она.—Но сами вы ошибались во многомъ... очень, очень ошибались. Вы судили слишкомъ поспѣшно.

Онъ поднялся, между тѣмъ какъ около его губъ блуждала скрытая улыбка; въ ней сказывалась снисходительность политика и дѣлового человѣка къ ничтожной деревенской дѣвочкѣ, которая воображала вывести его изъ заблужденія.

— Намъ слѣдовало-бы договориться до конца, — сказалъ онъ.—Я вижу, что мнѣ придется защищаться, но я боюсь, что миссисъ Бургоинъ уже ожидаетъ меня...

И, приподнявъ свою шляпу съ нѣсколько преувеличенной почтительностью, которая у него такъ быстро могла замѣнять рѣзкость и невниманіе, Мэнистей удалился.

Щеки Льюси Фостеръ пылали.

Она слѣдила за нимъ, пока онъ не скрылся въ аллеѣ, ведущей къ дому; затѣмъ, порывистымъ движеніемъ взяла книгу, которая лежала около нея на скамьѣ, и принялась ее читать съ особеннымъ усердіемъ, почти со страстью. То было жизнеописаніе одного изъ героевъ гарибальдійскаго движенія 1860—61 года.

Незадолго передъ этимъ, она—черезъ посредство библіотеки въ Римѣ, въ которую Мэнистеи имѣли доступъ—окружила себя книгами по вопросу итальянскаго „Risorgimento“ *), этого великаго движенія, этого героическаго созиданія націи, къ которому отцы наши относились съ такимъ горячимъ интересомъ, и которое теперь превратилось въ тусклое далекое прошедшее не только для молодыхъ англійскихъ умовъ, но и для молодыхъ умовъ самой Италіи.

Но у Льюси, которая читала эту исторію, имѣя передъ глазами римскую долину и св. Петра, воображеніе которой постоянно разжигалось разговорами м-ра Мэнистея съ миссисъ Бургоинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ случайныхъ гостей,—у нея всѣ эти поразительные образы Кавура, Гарибальди, Мадзини, всѣ эти мечты о свободѣ, о мести и объединеніи — всѣ эти безсмертныя имена, дѣла и страсти приводили въ трепетъ свѣжее поэтическое чувство дѣвушки и овладѣвали всѣми ея симпатіями. Дѣйствительно ли Италія создалась черезчуръ скоро? Неужели ни къ чему была вся эта длинная борьба, всѣ эти страданія? Ну, если такъ, то чья же это вина, если не вина католическаго духовенства?—этихъ черныхъ, интригующихъ предателей Италіи съ папствомъ во главѣ, которое,

*) Возрожденіе.

за исключеніемъ одного короткаго момента въ сороковыхъ годахъ, всегда поддерживало всякую тираннію, а всякую свободу обагряло кровью, помогало открыто Бурбонамъ, а теперь снова раздирало на части Италію, за созданіе которой положили жизнь столько доблестныхъ людей.

Духовенство!—Читая исторію Карла Альберта или Меттерниха и неаполитанскихъ Бурбоновъ, она удивлялась, какъ, вообще, могла Италія допускать, чтобы такое невѣжественное, тиранническое племя жило и благоденствовало въ ея предѣлахъ; какимъ образомъ хоть одинъ іезуитъ могъ свободно прогуливаться по итальянскимъ улицамъ, какимъ образомъ могла нація забыть и простить такія преступленія противъ своей внутренней жизни, какими являлись преступленія этихъ іезуитовъ? И дѣвушка долго стояла на концѣ террасы, стискивая въ рукахъ свою книгу и пристально глядя передъ собою, на этотъ отдаленный храмъ, обрамленный соснами сада. Книга ея начиналась описаніемъ испытаній одного неаполитанскаго мальчика въ неаполитанской школѣ въ годы правленія духовенства, когда австрійскіе штыки послѣ возстанія 1821 года возвратили власть Бурбонамъ и іезуитамъ и задушили молодую, только что нарождавшуюся свободу, какъ какой-нибудь жестокій мальчишка могъ бы задушить юнаго птенца. „Чему могли мы научиться,—восклицаетъ авторъ этой книги,—при этомъ монашескомъ воспитаніи, которое мѣшало развитію нашего ума и нашего тѣла? Сколькихъ людей приходилось мнѣ встрѣчать въ позднѣйшей жизни, которые жаловались на свое невѣжество и изливали проклятія на семинарію или коллегію, гдѣ они потеряли столько годовъ и не научились ничему!“

„Это монашеское воспитаніе одновременно мѣшало росту и нашего ума, и нашего тѣла“...—Льюси повторила про себя эти слова, бросая ихъ какъ вызовъ тому символу, который царилъ въ этой лучезарной дали. И тамъ — этотъ старикъ, окруженный своими кардиналами!.. Льюси думала о немъ съ молодымъ возмущеніемъ и, тѣмъ не менѣе, не безъ нѣкотораго трепета воображенія. Ну вотъ, черезъ нѣсколько дней—въ слѣдующее воскресенье—она увидитъ его и произнесетъ надъ нимъ свой собственный судъ!

Въ это время посѣтители почти не допускались на виллу, и она погрузилась почти въ монастырскій покой: въ теченіе недѣли или дней десяти книга, быть можетъ, будетъ закончена. Съ приближеніемъ кризиса миссъ Мэнистей слѣдила внимательнымъ окомъ за миссисъ Бургоинъ. Она постоянно опасалась переутомленія для этой слабой здоровьемъ женщины, и

когда засѣданія въ библіотекѣ затягивались нѣсколько долѣе, она имѣла теперь храбрость нарушать ихъ, увлекая музу Мэнистея изъ ея грота въ садъ для отдыха.

Такимъ образомъ, когда тѣни становились длиннѣе, Льюси различала звукъ легкихъ, хотя и медленныхъ шаговъ и черезъ нѣсколько минутъ уже видѣла передъ собою нѣжное, блѣдное лицо, улыбавшееся ей навстрѣчу.

— Ахъ, какъ вы, должно быть, утомились! — восклицала она, вскакивая со своей скамьи.—Позвольте уступить вамъ мѣсто здѣсь, подъ деревьями.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пройдемтесь немного! Я устала сидѣть.

И онѣ отправлялись ходить взадъ и впередъ вдоль террасы или по оливковой рощѣ, расположенной надъ нею, причемъ миссисъ Бургоинъ, опираясь на руку Льюси, болтала и смѣялась съ видимымъ облегченіемъ послѣ напряженнаго состоянія, за которымъ крылось умственное и физическое утомленіе.

Льюси всегда поражало,—какою изящной и прекрасной появлялась она послѣ этихъ часовъ непосильной умственной работы. Бѣлый или, вообще, какой-нибудь свѣтлый, свѣжій нарядъ, нѣсколько почти незамѣтныхъ драгоцѣнностей на рукахъ и около ворота, вьющіяся или подколотыя массы свѣтлыхъ волосъ—все это, по мнѣнію Льюси, неизмѣнно представляло образецъ совершенства. Никогда, кажется, не являлась она въ большей степени женщиной моды и большого свѣта, какъ послѣ этого утренняго труда, который даже на сильномъ человѣкѣ непремѣнно оставилъ бы свои слѣды. Глаза ея блестѣли подъ горячимъ впечатлѣніемъ тѣхъ „идей“, относительно которыхъ такъ удобно было „совѣщаться“ съ нею.

Но за то, какъ быстро сбрасывала она съ себя этотъ обликъ, обращаясь къ заботливой и симпатичной Льюси Фостеръ... Всякая нерѣшительность исчезала, смутныя тревоги засыпали, и она ощущала потребность отдаться этой роскоши,—очарованію этой спокойной молодой дѣвушки, наряду съ простымъ очарованіемъ окружающаго—служителей, животныхъ, деревенскихъ дѣтей... Въ натурѣ Элиноръ заключалась неизсякаемая жажда любви, выражавшаяся въ тысячѣ незначительныхъ мелочей. Она рѣшительно не могла „не забрасывать своихъ крючечковъ“, и рѣдко случалось, чтобы ея обаяніе не достигало своей цѣли. По отношенію Льюси Фостеръ, впрочемъ, она скоро поняла, что всякія нѣжности непригодны: онѣ были естественны съ ея стороны, и разъ или два она какъ-то пробовала поцѣловать свѣжую щечку дѣвушки и обнять ее рукой за талію. Но Льюси отнеслась къ этому довольно неловко: когда ее поцѣловали, она вся вспыхнула и продолжала стоять пассивно; вообще, во всей ея манерѣ было

что-то натянутое и суровое, хотя, послѣ одной изъ подобныхъ выходокъ, миссисъ Бургоинъ была, наконецъ, вознаграждена маленькимъ вниманіемъ со стороны Льюси: оно выразилось въ придвинутомъ стулѣ, въ принесенной накидкѣ и въ новой мягкости взгляда этихъ ясныхъ глазъ дѣвушки. Элиноръ никогда и не претендовала на этотъ недостатокъ взаимности,—въ этомъ была даже своего рода прелесть. Господствующій этой зимою въ Римѣ американскій типъ былъ крайне экспансивенъ, и манеры Льюси по сравненію съ нимъ напоминали, если можно такъ выразиться, освѣжающую живительную погоду. „Если уже она приласкаетъ",—говорила себѣ Элиноръ, „то сдѣлаетъ это отъ всей души. Въ этомъ можно быть увѣреннымъ".

Повременамъ миссисъ Бургоинъ случайно обращала свое вниманіе на разбросанную повсюду мадзиніевскую литературу. Она перелистывала книжки, прочитывала заглавія, и глаза ея загорались легкой досадой, такъ какъ она угадывала тутъ со стороны дѣвушки неодобреніе Мэнистею и своимъ собственнымъ взглядамъ. Но она никогда не вступала съ Льюси въ разсужденія. Она была слишкомъ утомлена этимъ предметомъ и такъ всегда спѣшила отдохнуть на этихъ разговорахъ о птицахъ, о видахъ, о людяхъ и о „тряпкахъ"...

Или, быть можетъ, она была слишкомъ счастлива для того, чтобы предаваться спорамъ?.. Всѣ эти дни передъ Пасхой, она, такъ сказать, парила въ воздухѣ. Книга созрѣвала, Мэнистей былъ доволенъ, и его обращеніе стало настолько пріятнымъ, насколько это можетъ сдѣлать надежда на близкій успѣхъ. „Нэмійскій жрецъ" былъ, дѣйствительно, исключенъ изъ содержанія, которое представляло теперь одно слитное, могучее и цѣльное соціально политическое разсужденіе. Но эту маленькую „пьеску" предполагалось переплести, спеціально для Элиноръ, вмѣстѣ съ нѣсколькими эскизами озера и храма, которые она набросала въ началѣ весны. А въ тотъ день, когда книга будетъ закончена,—приблизительно такъ недѣли черезъ двѣ,—предполагалась грандіозная прогулка въ Нэми,—въ этотъ дивный и благословенный уголокъ!

Элиноръ не ощущала теперь никакой усталости и всегда была готова болтать съ Льюси о мелкихъ женскихъ дѣлишкахъ. Когда ее особенно поражала красота молодой дѣвушки, она стремилась привести въ исполненіе тѣ планы насчетъ преобразованія ея нарядовъ, прически, обуви и шляпокъ, которые она и миссъ Мэнистей повѣряли другъ другу.

Но Льюси была застѣнчива, и на нее трудно было подѣйствовать въ этомъ направленіи. Посѣтителей на виллѣ оказалось меньше, чѣмъ она ожидала. Даже обѣщанное приглашеніе изъ посольства до сихъ поръ не приходило; говорили,

что дочь посланника уѣхала во Флоренцію. А для тихой жизни въ саду и прогулокъ по окрестнымъ дорожкамъ ея платья казались ей вполнѣ удовлетворительными. Чувство неловкости, вызванное въ ней изяществомъ ея флорентійскихъ знакомыхъ, теперь исчезло, и она нашла бы неправильнымъ и эксцентричнымъ понапрасну тратить деньги. Итакъ, она совершенно перестала думать о своихъ нарядахъ, а голубыя и бѣлыя клѣтки опять часто появлялись, къ отчаянію Элиноръ. Объ одномъ только сожалѣла Льюси, это,—зачѣмъ она написала дядѣ Бэну то письмо изъ Флоренціи. Онъ могъ не такъ понять его, могъ сдѣлать что-нибудь безразсудное.

И дядя Бэнъ, повидимому, дѣйствительно, сдѣлалъ нѣчто безразсудное, такъ какъ изъ Бостона пришло письмо, на другой день послѣ нашествія на садъ семинаристовъ. Льюси, послѣ нѣсколькихъ часовъ мученій и колебаній, пришлось таки сообщить миссъ Мэнистей его содержаніе—что она, впрочемъ, сдѣлала очень неохотно. Эта лэди, улыбаясь съ видимымъ удовольствіемъ, позвала миссисъ Бургоинъ, а та, въ свою очередь, позвала свою горничную, и начались безконечныя обсужденія.

Въ субботу, рано утромъ, въ комнатѣ миссисъ Бургоинъ царила суматоха, доставлявшая удовольствіе всѣмъ, кромѣ Льюси. Мэнистей уѣхалъ въ Римъ на цѣлый день, и Элиноръ пользовалась отдыхомъ. Никогда еще не выглядѣла она болѣе хрупкой—съ этимъ румянцемъ цвѣта розовыхъ лепестковъ на щекахъ—и въ то же время никогда, кажется, не испытывала бóльшаго довольства, такъ какъ, въ концѣ концовъ, съ ней такъ-же удобно было „совѣщаться“ о нарядахъ, какъ и объ идеяхъ.

— Мари!—сказала она своей горничной,—ангелъ мой! ступайте позовите скорѣе Бенсонъ! Мы должны призвать на помощь всѣ свои таланты. Если намъ не удастся лифъ, то вѣдь и все платье не будетъ идти къ миссъ Фостеръ.

Мари побѣжала исполнять приказаніе. Между тѣмъ, передъ огромнымъ зеркаломъ, краснѣющая и смущенная, стояла Льюси Фостеръ, облаченная въ парижское платье миссисъ Бургоинъ. Элиноръ повела дѣло съ большимъ тактомъ, и вотъ Льюси была теперь вся въ ея власти.

— Наступаетъ кризисъ, моя дорогая, — шепнула миссъ Мэнистей на ухо Элиноръ, подмигивая ей своими маленькими глазками, когда онѣ выходили изъ за завтрака.—Вопросъ теперь только въ томъ, удастся-ли намъ сдѣлать изъ нея красавицу? Да ужъ вамъ-то, разумѣется, удастся!

Элиноръ во всякомъ случаѣ дѣлала со своей стороны все, что только могла. Она принесла свои новѣйшія платья, и Льюси покорно примѣряла ихъ одно за другимъ. Элиноръ

была прежде всего занята слѣдующимъ общимъ соображеніемъ: каковъ, собственно, былъ истинный стиль этой дѣвушки?

— Когда я нападу на настоящій путь, тогда мы позовемъ нашихъ мастерицъ. Разумѣется, вамъ можно было бы всѣ эти вещи сдѣлать въ Римѣ; но, такъ какъ у насъ есть модели, а этимъ двумъ дѣвушкамъ рѣшительно нечего дѣлать, то почему не доставить себѣ удовольствія и не заняться этимъ здѣсь?

„Удовольствія"?..—Льюси Фостеръ широко раскрыла глаза. А между тѣмъ этотъ нелѣпый чекъ отъ дяди Бэна былъ налицо вмѣстѣ съ рѣшительнымъ приказаніемъ пріобрѣсти себѣ все, рѣшительно все, что носятъ другія дѣвушки. Для чего,—спрашивалъ онъ въ своемъ письмѣ,—она была такъ экономна передъ своимъ отъѣздомъ? Все это одна глупость и непослушаніе! Ему теперь все разсказали: и про ея нелѣпыя колебанія, и про эту заслуживающую порицанія бережливость. И вотъ, сама же она осталась въ проигрышѣ, не такъ-ли? Пускай она немедленно пріобрѣтетъ себѣ все необходимое, или же онъ, не смотря на свою старость, сейчасъ же садится въ вагонъ, а тамъ на пароходъ—и... пріѣдетъ, чтобы распорядиться по своему!

Вообще, она не отличалась покорностью,—далеко нѣтъ! Но чтеніе письма дяди Бэна привело ее въ кроткое настроеніе и ей даже захотѣлось плакать.

Подумалъ-ли дядя Бэнъ о томъ, какъ не хорошо тратить на себя такъ много денегъ и такъ много думать обо всемъ этомъ? Ихъ совмѣстная жизнь отличалась полнѣйшей простотой, и подобные вопросы никогда не поднимались между ними. Само собою разумѣется, что всегда требовалось быть опрятной и порядочной, сообразуясь въ нарядахъ съ его вкусомъ. Но...

Она молча стояла передъ большимъ зеркаломъ, между тѣмъ, какъ миссисъ Бургоинъ и швеи болтали подкалывали и закалывали. Потомъ ее попросили пройтись до конца комнаты и обратно, и Льюси прошлась; когда ей предлагали сдѣлать выборъ и высказать чему-нибудь предпочтеніе, она старалась исполнить ихъ желаніе; и по мѣрѣ того, какъ ее облекали въ одно восхитительное платье за другимъ, она становилась все болѣе и болѣе чувствительной къ красотѣ этихъ нѣжныхъ тканей, къ той изобрѣтательности и причудливости, съ какою онѣ были скомбинированы, къ этой утонченности ихъ розовыхъ, сѣрыхъ, голубыхъ, лиловыхъ и желтоватыхъ оттѣнковъ. Наконецъ, миссисъ Бургоинъ остановилась на одномъ платьѣ изъ бѣлаго крепа съ блѣдно-зеленымъ жилетомъ и узенькими черными каемками, расположенными съ

большимъ знаніемъ дѣла и чисто художественнымъ искусствомъ. Когда высокая фигура Льюси была облачена въ этотъ нарядъ, всѣ три присутствовавшія женщины невольно отступили и разомъ вскрикнули отъ удовольствія.

— О, Боже мой!—произнесла миссисъ Бургоинъ, испуская глубокій вздохъ облегченія:—теперь вы видите, Мари,—я вѣдь говорила вамъ: вотъ настоящій покрой. И посмотрите только, до чего это просто и какъ удачно! Это все зеленый цвѣтъ! Да, дѣйствительно, когда Матильда захочетъ, она бываетъ прямо божественна! Все, что вамъ слѣдуетъ сдѣлать, Мари, это—только скопировать. Матеріалъ—пустяки!.. Въ какіе-нибудь полчаса вы все это получите на Корсо.

— Могу я теперь снять это?—спросила Льюси.

— Ну что же, хорошо, снимите, — неохотно согласилась миссисъ Бургоинъ:—только это очень жаль. А что касается еще одного верхняго платья, юбки,—она отсчитывала на своихъ гибкихъ пальчикахъ,—одного послѣобѣденнаго костюма, одного вечерняго платья, то, мнѣ кажется, я уже знаю, какъ это слѣдуетъ сдѣлать...

— Довольно для одного утра, — не правда-ли?—спросила Льюси, полуулыбаясь, полупросительно.

— Да, да,—разсѣянно отвѣтила м-съ Бургоинъ, — между тѣмъ какъ мысли ея были полны дальнѣйшихъ замысловъ.

Платья были унесены, и горничная тети Патти отправлена за покупками. Затѣмъ, когда Льюси въ своемъ бѣломъ капотѣ направлялась въ свою комнату, м-съ Бургоинъ удержала ее за руку.

— А помните,—сказала она ей,—какъ жестока я была въ тотъ вечеръ, когда вы пріѣхали?.. какъ я привела въ безпорядокъ ваши волосы? Если бы вы знали, какъ страшно мнѣ хочется сдѣлать это и теперь! Вы знаете, вѣдь всѣ эти платья доставятъ мнѣ нѣкоторыя хлопоты... Правда, хлопоты, которыя мнѣ нравятся,—но тѣмъ не менѣе, я полагаю, что вы должны меня за нихъ вознаградить. Вознаградите-же меня разрѣшеніемъ сдѣлать опытъ надъ вашей прической. Мнѣ хочется распустить ваши волосы, а затѣмъ причесать ихъ такъ, какъ нужно. Вы не знаете, какъ я искусна въ этомъ. Ну, позвольте-же, прошу васъ!

И прежде, нежели сконфуженная дѣвушка успѣла возразить, она уже была усажена на стулъ передъ туалетомъ м-съ Бургоинъ, и пара опытныхъ рукъ принялась за работу.

— Судя по вашему виду, не могу сказать, чтобы это доставляло вамъ удовольствіе,—сказала Элиноръ, распуская туго заплетенныя косы; высвобожденные волосы длиннымъ шелковистымъ покрываломъ ложились по плечамъ дѣвушки. Неу-

жели вы считаете предосудительнымъ, если волосы ваши будутъ убраны покрасивѣе?

Льюси принужденно засмѣялась.

— Меня не учили много размышлять объ этомъ. У моей матери были очень строгіе взгляды.

— А!—проговорила Элиноръ съ самой скромной интонаціей.—Но, видите-ли, тутъ въ Римѣ, право-же, лучше поступать такъ, какъ поступаетъ весь Римъ. Если не жить такъ, какъ другіе, этимъ можно только обратить на себя вниманіе, и васъ заподозрятъ въ самомнѣньи. Матушка ваша этого не предвидѣла.

Послѣдовало молчаніе, между тѣмъ какъ проворные бѣлые пальчики продолжали плести, перевязывать и подготовлять основаніе.

— Начинаетъ складываться восхитительно, — прошептала художница:—только вотъ тутъ, справа, необходимо, чтобы волосы были поволнистѣе—надо чуть-чуть притронуться коегдѣ. Скорѣе, Мари! Принесите грѣлку, щипцы и двѣ-три самыя тоненькія шпильки.

Горничная бросилась стремглавъ, зараженная рвеніемъ своей хозяйки. Затѣмъ онѣ вдвоемъ принялись за работу и, когда онѣ выпустили, наконецъ, свою жертву, то оказалось, что, благодаря ихъ соединеннымъ усиліямъ, эта темноволосая головка приняла величественный и прекрасный, совершенно фешенэбельный видъ. Роскошные волосы мелкими шелковистыми волнами приподнимались надъ бѣлымъ лбомъ. Маленькіе легкіе локоны были искусно распредѣлены на вискахъ, какъ бы для того, чтобы завершить изящество этого прелестнаго овала; а на затылкѣ, эти черныя массы, скрѣпленныя жемчужнымъ гребнемъ м-съ Бургоинъ, были собраны и перевиты въ корону, которая даже самой Артемидѣ придала бы еще болѣе царственный видъ.

— Неужели мнѣ, дѣйствительно, слѣдуетъ ихъ такъ оставить?—воскликнула Льюси, глядя на себя въ зеркало.

— Ну, разумѣется! ну, конечно!..—и м-съ Бургоинъ инстинктивно придержала руки дѣвушки, опасаясь, какъ бы надъ ея произведеніемъ не совершили какого-нибудь насилія.—И сегодня вечеромъ вы должны надѣть свою „старенькую“ бѣлую кофточку,—не „клѣтчатую“, а ту, мягкую, которую вычистили, съ розовымъ кушакомъ. Боже мой, какъ скоро идетъ время! Мазонъ, бѣгите и скажите м-съ Мэнистей, чтобы она меня не ждала; я догоню ее въ деревнѣ.

Дѣвушка вышла. Льюси взглянула на м-съ Бургоинъ. „Вы очень добры ко мнѣ“,—сказала она, между тѣмъ какъ губы ея слегка дрожали отъ волненія. Ея голубые глаза подъ

черными бровями свѣтились чувствомъ, которое она не умѣла выразить.

— А! эти вещи—моя слабость. Если у меня есть какое-нибудь дарованіе, такъ это по части „тряпокъ".

— Какое-нибудь дарованіе!—повторила Льюси съ удивленіемъ:—но вы такъ много дѣлаете для м-ра Мэнистея!..

М-съ Бургоинъ пожала плечами.

— Ну, что это! Ему хотѣлось имѣть секретаря—вотъ я и попала случайно на это мѣсто, — проговорила она сдержаннымъ тономъ.

— М-съ Мэнистей разсказывала мнѣ, какъ вы помогали ему зимой. И она, и м-ръ Бруклинъ говорили мнѣ также и другія вещи,—сказала Льюси; но тутъ она остановилась, густо покраснѣла и робко перевела взглядъ на фотографіи, стоявшія на столѣ миссисъ Бургоинъ.

Элиноръ поняла.

— Ахъ! они говорили вамъ и про это?..—Она слегка поблѣднѣла...—И вотъ, вы удивляетесь, не правда-ли?—что я могу разсуждать о кофточкахъ и прическахъ для другихъ?

Она отошла отъ Льюси; чувство холоднаго оборонительнаго достоинства изгладило всю мягкость и нѣжность ея обращенія.

Льюси послѣдовала за ней и взяла ея руку.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—сказала она,—это только такъ мужественно, такъ великодушно съ вашей стороны,—что вы еще можете... интересоваться...

— Да развѣ я интересуюсь! — презрительно проговорила Элиноръ, съ какимъ-то отчаяніемъ протягивая впередъ свою свободную руку и снова ее опуская.

Льюси молчала. Минуту спустя, Элиноръ обернулась, спокойно взяла со стола фотографію ребенка и протянула ее къ дѣвушкѣ.

— Ему тутъ ровно два года... Его рожденіе было какъ разъ за четыре дня до того, какъ сняли эту фотографію. Я больше всего ее люблю, потому что въ послѣдній разъ видѣла его именно такимъ,—въ этой ночной рубашечкѣ. Я была очень больна въ ту ночь; мнѣ не позволили оставаться при моемъ мужѣ; но послѣ того, какъ меня увели, я вернулась потихоньку и стала качать ребенка... поднимала его изъ кроватки, прижималась къ нему лицомъ. Сонный онъ былъ всегда такой тепленькій, нѣжный... Прикосновеніе къ нему, его запахъ,—его дорогое дыханье... и его кудри... и эти влажныя ручки,—все это порой опьяняло меня, давало мнѣ жизнь, какъ вино. Вотъ и въ ту ночь... я испытывала то же самое.

Голосъ ея не дрожалъ, а изъ глазъ Льюси тихо прокрадывались слезы. И вдругъ, она внезапно наклонилась и крѣпко и долго прижалась губами къ рукѣ м-съ Бургоинъ.

Элиноръ улыбнулась, затѣмъ, въ свою очередь, наклонилась впередъ и слегка поцѣловала щеку дѣвушки.

— Ахъ! я не заслужила ни того, чтобы его имѣть, ни того, чтобы потерять его!—сказала она съ горечью.

Послѣдовала маленькая пауза. Элиноръ нарушила ее, проговоривъ:

— Ну, теперь намъ, дѣйствительно, слѣдуетъ идти къ тетѣ Патти, не правда-ли?

VI.

— А! Вотъ вы гдѣ! Пожалуйста, не торопитесь, времени у насъ много. Слушайте! Вотъ ударили въ колоколъ,—это восемь часовъ: теперь они растворяютъ двери. Боже мой! Взгляните на эту толпу!.. А эти итальянскіе мальчуганы, которымъ хочется поспѣть за долговязыми священниками!

Льюси умѣрила шагъ, и мистеръ Реджи взялъ ее на свое попеченіе, между тѣмъ какъ м-ръ Мэнистей исчезъ впереди съ м-съ Бургоинъ; на долю тети Патти пришелся м-ръ Ванбругъ Ниль, пожилой человѣкъ, высокій, тонкій и съ чрезвычайно изящными манерами; онъ присоединился къ нимъ на „Піацца" и былъ, повидимому, стариннымъ другомъ м-ра Мэнистея.

Торжественный день наступилъ, и вотъ они въ это раннее свѣжее апрѣльское утро приняли вмѣстѣ со всѣмъ Римомъ участіе въ папской церемоніи въ церкви св. Петра. Компанія Мэнистея провела предшествующую ночь въ Римѣ для того, чтобы пораньше утромъ быть уже у входа въ соборъ.

Льюси оглянулась кругомъ. Прежде, нежели колоколъ успѣлъ ударить восемь часовъ, площадь св. Петра сплошь покрылась толпами людей, которые всходили одни за другими по ступенямъ храма. Когда заговорили колокола, произошла внезапная давка: толпа молодыхъ священниковъ и семинаристовъ, въ черныхъ, развѣвающихся кафтанахъ, хлынула черезъ свободный проходъ на ступени паперти.

— Это мнѣ напоминаетъ,—смѣясь, сказалъ Реджи черезъ плечо одному своему товарищу, слѣдовавшему позади,—натискъ воспитанниковъ Гарроускаго колледжа, когда они осаждали павильонъ... вы видѣли это?.. еще тогда побѣдилъ тотъ крошечный мальчуганъ!.. Смотрите-ка: они прорвали цѣпь солдатъ, и кто-нибудь непремѣнно будетъ задавленъ!

И дѣйствительно, аттакующее духовенство на мгновеніе оттѣснило итальянскихъ солдатъ, которые такъ великодушно охраняли и направляли папскихъ гостей отъ входа на „Піацца"

до самыхъ дверей собора. Но маленькіе человѣчки—какими они представлялись глазамъ Льюси—тотчасъ-же возвращались обратно, храбро кидались на эту черную армію и принуждали ее выстраиваться въ линію, пока все не приходило снова въ возможный порядокъ, и такимъ образомъ предотвращался опасный натискъ у главнаго входа.

Тѣмъ временемъ, Льюси была поспѣшно проведена впередъ вмѣстѣ съ привилегированною толпою, направлявшеюся на трибуны, при входѣ въ ризницу съ южной стороны.

— Догонимъ скорѣе м-съ Бургоинъ, — сказалъ молодой человѣкъ, глядя впередъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.— На Мэнистея нечего надѣяться. Онъ начнетъ городить чепуху и совершенно забудетъ объ Элинорѣ. Ужъ я вамъ говорю!... Нѣтъ, посмотрите всетаки на зданія и на это небо! Ну, развѣ это не поразительно!

Они на ходу окинули поспѣшнымъ взглядомъ эти великолѣпныя стѣны, своды и карнизы, съ ихъ золотомъ, слоновою костью и фигурами на голубомъ фонѣ. Бѣлые голуби кружились у нихъ надъ головами; апрѣльскій вѣтеръ обдавалъ щеки Льюси и игралъ ея черной мантильей. Всѣ ея угрызенія исчезли. За эти дни уединенной жизни въ саду виллы она начала глубоко сознавать все величіе Рима и его очарованіе; и, не смотря на ея сдержанный и нѣсколько горделивый видъ, юное сердце дѣвушки билось и трепетало отъ удовольствія.

— Какъ эти черныя кружевныя ткани идутъ ко всѣмъ вамъ, женщинамъ!—сказалъ Реджи Бруклинъ, бросая важный и одобрительный взглядъ на нее и на свою кузину Элинорѣ, когда они нагнали ее и остановились въ толпѣ, передъ дверями ризницы. Льюси только покраснѣла нѣсколько ярче обыкновеннаго; ей даже показалось пріятнымъ сознаніе, что молодой человѣкъ любуется ею въ это чудное апрѣльское утро, хотя съ своей стороны она не особенно интересовалась Реджи Бруклиномъ.

Передъ упомянутыми дверями молодой человѣкъ окончательно овладѣлъ м-съ Бургоинъ, между тѣмъ какъ Мэнистей съ видомъ невольнаго облегченія остался позади.

— А вы, миссъ Фостеръ, держитесь поближе: мой сюртукъ весь въ вашемъ распоряженіи,—онъ выдержитъ какой угодно натискъ. Не давайте только отбивать себя, а за миссисъ Бургоинъ я ручаюсь.

Такимъ образомъ, они поспѣшно подвигались дальше, увлекаемые этимъ моремъ людей вдоль переходовъ и корридоровъ, составляя часть этой смѣявшейся, толкавшейся и болтавшей толпы: тутъ было собраніе всѣхъ типовъ, кишѣвшихъ въ улицахъ Рима: англійскіе и американскіе туристы,

ирландскіе, нѣмецкіе или англійскіе пасторы, монахи въ бѣлыхъ или коричневыхъ одѣяніяхъ, высокія молодыя дѣвушки, съ очевиднымъ удовольствіемъ носившія свои черныя покрывала, которыя придавали новую прелесть ихъ свѣтлымъ волосамъ и ослѣпительному цвѣту лица; а рядомъ съ ними престарѣлыя женщины, которымъ, наоборотъ, эти темные уборы придавали видъ какого-то необычайнаго мира и спокойствія; казалось, будто бы онѣ сразу получили возможность стать самими собою и отказаться отъ борьбы съ годами.

Реджи Бруклинъ все время продолжалъ оживленно болтать, главнымъ образомъ на счетъ Мэнистея. Элиноръ Бургоинъ сперва смѣялась на его шутки, затѣмъ, когда общее движеніе замедлилось, она слегка повернула голову и стала всматриваться въ тѣснившую ихъ толпу. Глаза Льюси послѣдовали за ея взглядомъ: тамъ, далеко позади, пассивно увлекаемый этой толпой и предоставляя обгонять себя при всякомъ удобномъ случаѣ, шелъ Мэнистей. Прекрасное выразительное лицо его было слегка обращено кверху; глаза были полны мысли; онъ казался одновременно и рабомъ, и властелиномъ этой толпы.

По лицу Элиноръ пробѣжала слабая, чуть примѣтная улыбка, выражавшая и нѣжность, и гордость: она знала и понимала его,—она одна!

Наконецъ, двери были пройдены. Они находились теперь въ обширномъ, огороженномъ и раздѣленномъ на части пространствѣ, гдѣ уже двигались и гудѣли тысячи людей, съ „Tu es Petrus“ впереди. Реджи Бруклинъ хотѣлъ было поскорѣе провести дамъ по теченію этого людского потока къ трибунамъ. Но м-съ Бургоинъ удержала его движеніемъ руки. „Нѣтъ,—намъ не слѣдуетъ раздѣляться“,—сказала она тономъ, не допускавшимъ возраженія, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Реджи съ отчаяніемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ толпа неслась мимо него и наполняла первыя мѣста на трибунѣ подъ литерой Д. Наконецъ, показался Мэнистей и съ досадливымъ удивленіемъ приподнялъ свои брови при видѣ нетерпѣнія молодого человѣка; затѣмъ они тоже послѣдовали за другими.

Наконецъ-то, они находились въ третьемъ ряду трибуны Д, у той черты, гдѣ долженъ былъ проходить папа, и около того помоста, съ котораго онъ преподаетъ свое апостольское благословеніе. Недовольный Реджи Бруклинъ ворчалъ, что имъ слѣдовало бы сидѣть впереди, но Элиноръ и тетя Патти были очень довольны. Всѣ ихъ знакомые оказались тутъ-же, по близости. Всюду кругомъ слышался шелестъ вѣеровъ и ропотъ разговора. Но вотъ, всѣ вскочили на свои мѣста, глядя внизъ, на быстро наполнявшуюся цер-

ковь. Съ „Піацца“ черезъ Атріумъ и восточныя двери валила тысячами менѣе привилегированная публика—цѣлое море людей разстилалось за двумя необозримыми линіями швейцарской папской гвардіи, и море это такъ быстро и неустанно волновалось, что отъ него положительно рябило въ глазахъ.

Льюси эти три часа ожиданія показались мгновеніемъ. Передъ ея глазами проходили сановники въ великолѣпныхъ костюмахъ временъ Тюдоровъ или Валуа. Кругомъ она слышала громкія имена „Колонна“, „Барберини“, „Савелли“, „Боргезе“, которыя м-съ Бургоинъ, знавшая всѣхъ, по крайней мѣрѣ въ лицо, болтая и смѣясь, указывала своему сосѣду—м-ру Нилю; безпрестанно появлялись новыя процессіи:—каноники и монсиньоры въ своихъ кружевныхъ и мѣховыхъ пелеринахъ, красные кардиналы со своими свитами; затѣмъ послѣдовала „Guardia Nobile“, великолѣпная, въ своихъ крылатыхъ ахиллесовскихъ шлемахъ, вѣнчающихъ полугреческую, полуфранцузскую форму — эти полу-боги и полу-дэнди—самая дорогая и самая безразсудная игрушка, какую только выставлялъ какой-нибудь дворъ; и наконецъ, между тѣмъ какъ время все подвигалось, по церкви разносился трепетный ропотъ, возвѣщавшій, повидимому, великій моментъ, который однако все еще не наступалъ. Мелочи этого рода какъ-бы подгоняютъ минуты, изглаживая изъ памяти сознаніе времени.

Между тѣмъ Льюси,—положительная и такъ хорошо владѣвшая собою,—тоже не можетъ удержаться, чтобы не слѣдовать общему импульсу: подобно всѣмъ окружающимъ, она вскакиваетъ на стулъ, вытягиваетъ свою бѣлую шейку, таращитъ глаза. Вотъ проходитъ красивый камергеръ и движеніемъ руки выражаетъ кроткій протестъ, обращенный къ дамамъ. „De grâce, mesdames, mesdames, de grâce“. А вотъ раздается досадливый шопотъ тѣхъ немногихъ, которые не имѣютъ ни храбрости, ни ловкости, чтобы вскарабкаться на свои мѣста: „Giu Giu! Садитесь же, сударыня! Что это за манеры“? И Льюси, вся пунцовая, сконфуженная, поспѣшно опускается, между тѣмъ какъ позади нея раздается голосъ добродушно улыбающагося ирландскаго священника, который поощряетъ ее словами: „Пускай ихъ! Не обращайте на нихъ вниманія! Никому вы не мѣшаете!“ И въ своемъ возбужденіи, она хватается за его слова—потому что кому же лучше знать, какъ не священнику? Съ этой рискованной высоты она взираетъ иногда на Мэнистея, удивляясь, гдѣ же его возбужденіе и его сочувствіе? Ихъ нѣтъ и слѣда! Изъ всей толпы ему одному только, очевидно, страшно надоѣло долгое ожиданіе. Онъ сидѣлъ, откинувшись на своемъ стулѣ, со скрещенными ру-

ками, и пристально глядѣлъ на потолокъ, зѣвая и переминаясь на своемъ мѣстѣ. Наконецъ, онъ вынулъ изъ кармана маленькую греческую книгу и, склонившись надъ ней, погрузился въ чтеніе. Одинъ только разъ, когда процессія низшаго духовенства проходила мимо, онъ пристально посмотрѣлъ на нее, затѣмъ, обернувшись къ м-съ Бургоинъ, выразительно замѣтилъ: „Противныя физіономіи, не правда-ли?.. И вѣдь почти у всѣхъ безъ исключенія?“

Однако, Льюси могла видѣть, что даже и тутъ, въ этой громадной толпѣ, среди этого шума и суеты, съ нимъ считались, о немъ еще помнили. Сановники подходили поболтать съ нимъ, перегнувшись черезъ канатъ; дипломаты останавливались и привѣтствовали его мимоходомъ, направляясь къ своимъ оффиціальнымъ мѣстамъ, по ту сторону исповѣдальни. Въ отвѣтъ на всѣ эти знаки вниманія, онъ не проявлялъ, однако, съ своей стороны любезности. Льюси находила его манеры безжизненными и холодными. Ее поражало различіе между его настроеніемъ въ этотъ день и тѣмъ горячимъ благоговѣніемъ, которое онъ расточалъ старому кардиналу тамъ, въ саду виллы. Что за измѣнчивый человѣкъ! На этотъ разъ это былъ онъ, „qui tendait la joue“... холодный, сдержанный, задумчивый,—онъ, казалось, относится къ этому величественному зрѣлищу и его значенію или совсѣмъ индифферентно, или прямо враждебно...

Разъ только Льюси видѣла, что онъ встрепенулся, выказалъ проблескъ оживленія. Сѣдовласый священникъ—весь проникнутый изящнымъ достоинствомъ, на минуту остановился у канатнаго барьера въ ожиданіи товарища. Мэнистей перегнулся къ нему и притронулся къ его рукѣ. Старикъ обернулся. Лицо его напоминало пергаментъ, щеки ввалились; но въ голубыхъ глазахъ свѣтилась несравненная наивность и молодость души.

Мэнистей улыбнулся ему. Въ его обращеніи сказывалась особенная, почти дѣтская почтительность.

— Вы, вѣдь, присоединитесь къ намъ потомъ, во время завтрака?—спросилъ онъ.

— Какъ-же, какъ-же! — Старый священникъ просіялъ и закивалъ головой; но тутъ появился его товарищъ и увлекъ его съ собою.

— Четверть одиннадцатаго,—сказалъ Мэнистей, зѣвая и глядя на свои часы.—А, слушайте!

Онъ вскочилъ на ноги. Въ одну минуту всѣ, находившіеся на трибунѣ литера Д, стояли уже на своихъ стульяхъ, Льюси и Элиноръ въ ихъ числѣ. Гулъ пронесся по церкви, странный, непередаваемый гулъ. Льюси затаила дыханіе.

Вотъ, вотъ онъ, этотъ старый человѣкъ... Окруженный

цѣлымъ потокомъ солнечнаго свѣта, который протянулся съ юга на сѣверъ черезъ весь храмъ до самыхъ дверей часовни Св. Даровъ, показался папа. Бѣлая фигура тамъ, высоко надъ толпою, наклоняется изъ стороны въ сторону; приподнятая рука раздаетъ благословенія. Хрупкая и безтѣлесная сама по себѣ, фигура эта становилась еще болѣе хрупкой и безтѣлесной въ этихъ солнечныхъ лучахъ. Точно видѣніе парила она надъ этимъ безчисленнымъ множествомъ народа...—трудно было даже представить себѣ, что это было живое существо. Нѣтъ, это олицетвореніе мысли, исторіи, религіи... Гулъ поднимается все выше и охватываетъ трибуны. „Слышали вы“?—говоритъ мистеръ Мэнистей м-съ Бургоинъ, съ улыбкой приподнимая брови, когда нѣсколько папистовъ крикнуло: „Viva il Papa Re!“ *)—такъ что голоса ихъ выдѣлились изъ числа другихъ. Элиноръ обернула къ нему свое блѣдное лицо, озаренное сочувственнымъ возбужденіемъ. Но она видѣла все это раньше. Ея глаза инстинктивно и безпрестанно обращались къ Мэнистею, заимствуя окраску и выраженіе его собственныхъ глазъ. Не самое зрѣлище имѣло для нея значеніе—бѣдная Элиноръ!.. Одно біеніе сердца, одна улыбка человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нею, перевѣшивали все это. А онъ, выведенный, наконецъ, изъ своей безпечности, наблюдалъ, насторожившись, какъ соколъ, за движеніемъ каждой фигуры въ этой толпѣ и мысленно пробѣгалъ извѣстныя страницы своей книги, исправляя въ одномъ мѣстѣ, усиливая въ другомъ.

Только Льюси—чужестранка и пуританка Льюси — отдавалась настроенію безусловно. Правда, она ничѣмъ не выдавала себя, за исключеніемъ слегка раскрытыхъ губъ и легкаго трепета покрывала, сколотаго на ея груди; но чувствовалось, что все ея существо расплавлялось въ пылу этого момента. Это ея первое соприкосновеніе съ рѣшающими центральными вопросами; впервые присутствуетъ она при великомъ міровомъ зрѣлищѣ, какое только Европа знавала и въ которомъ только принимала участіе, по крайней мѣрѣ, со временъ Карла Великаго.

Однако, между тѣмъ какъ глаза Льюси смотрятъ на величавую картину, въ памяти ея встаетъ другая: она видитъ передъ собою навѣсъ незатѣйливаго, крытаго тесомъ дома, и подъ нимъ, съ трубкой и газетой въ рукахъ, сидитъ и грѣется на апрѣльскомъ солнышкѣ ея старый дядя. Она проходитъ мимо него и заглядываетъ въ строгую, пропитанную запахомъ листвы столовую...—Вотъ, на стѣнѣ, вставленное въ рамку, виситъ Объявленіе Независимости, у камина сложена вязанка свѣжихъ вѣтвей, на столѣ библія, передъ очагомъ старый коверъ. Она

*) Да здравствуетъ папа—король!

вдыхаетъ въ себя атмосферу этого дома, его строгую независимость и простоту; а тамъ, впереди,—когда глаза ея на минуту отвлекаются отъ зрѣлища, которое происходитъ передъ ней,—она какъ бы слышитъ голоса своей родины, такіе юные, необработанные и сильные; она чувствуетъ біеніе этой жизни, которая старается пробиться и выработать свою индивидуальность. Она сознаетъ также всю ея неприглядность и вульгарность. Затѣмъ, съ гордымъ униженіемъ — какъ человѣкъ, сознающій себя чуждымъ и только терпимымъ—она снова вся сосредоточивается на несравненномъ зрѣлищѣ... Вотъ это Св. Петръ... тутъ храмъ Микель-Анджело, а тамъ, окруженный красными мантіями своихъ кардиналовъ, моремъ гвардейцевъ и колеблющимися опахалами,—какъ будто глядя только на нее одну и ей одной посылая благословеніе этими восковыми перстами,—тамъ приближается къ ней облаченный въ бѣлое и увѣнчанный тройной короною папа.

Она со страхомъ всматривается въ это видѣніе, стараясь проникнуть въ него, овладѣть имъ; но оно ускользаетъ отъ нея... Какая-то протестующая внутренняя сила готова прокричать ему въ слѣдъ, что она не покорится, что она враждуетъ съ нимъ. А это видѣніе, не внимая ничему, торжественное, великое, надвигается все ближе и ближе... Вотъ уже теперь оно совсѣмъ близко отъ нея... Толпа опускается на свои мѣста, головы склоняются, какъ колосья подъ налетѣвшимъ вѣтромъ. Льюси склоняется тоже. Папское кресло, несомое на плечахъ гвардіи, теперь уже только въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія. Въ головѣ Льюси проносится смутное удивленіе, какимъ образомъ этотъ старый человѣкъ можетъ удерживать свое равновѣсіе, опираясь одной своей хрупкой рукой о ручку кресла, а другую безпрестанно поднимая для благословенія. Она улавливаетъ самый взглядъ и выраженіе этихъ глазъ, эту рѣзкую линію сжатыхъ, тонкихъ губъ. Это духъ, это призракъ, олицетворяющій прошлое и носящій въ себѣ ключъ къ будущему.

— „Jeux de police!“—шепнулъ со смѣхомъ Реджи м-съ Бургоинъ, когда процессія миновала.—Вы развѣ не знаете?... они именно такъ и выражаются.

Мэнистей наклонился впередъ. Краска возбужденія еще не исчезла съ его лица, но онъ сдѣлалъ маленькій знакъ Бруклину: колкая шутка доставила ему удовольствіе.

Льюси испустила глубокій вздохъ, и очарованіе было нарушено. Да оно уже и не возобновлялось въ той же формѣ: папа и его кортежъ исчезли позади исповѣдальни и главнаго алтаря, и теперь Льюси, какъ ни вытягивала шею въ правую сторону, едва могла различать въ самомъ отдаленіи, на фонѣ арокъ и подъ каѳедрой Св. Петра, кресло Льва XIII-го,

а въ немъ этотъ бѣлый призракъ, неподвижный и выпрямившійся, среди своихъ кардиналовъ и дипломатовъ. Что же касается службы, которая затѣмъ послѣдовала, то и она минутами поражала дѣвушку своей красотой, минутами же утомляла или приносила разочарованіе. Съ рѣшетчатыхъ хоръ, расположенныхъ въ одномъ изъ большихъ простѣнковъ собора, раздавалось пѣніе, нѣжное, гибкое, выразительное—точно одинъ голосъ свободно лившійся въ этомъ громадномъ пространствѣ; а тамъ, передъ главнымъ престоломъ, кардиналы и епископы сходились, перекрещивались, опускались на колѣни и поднимались снова, окруженные клубами ладана. Длинныя паузы смѣнялись пѣніемъ нѣсколькихъ словъ, которыя немедленно охватывались и поддерживались разроставшейся волною „Gloria“ или „Sanctus“.

И, наконецъ, возношеніе даровъ! При ударѣ колокола вся безконечная двойная линія гвардейцевъ, начиная отъ папскаго кресла и западныхъ дверей и до восточныхъ, съ бряцаніемъ оружія, которое разнеслось съ одного конца храма до другого, опустилась на одно колѣно, салютуя. Затѣмъ,—новое бряцаніе!—и столь же одновременно все поднялось снова, и всѣ эти бѣлые блестящіе рейтузы и увѣнчанные орлами каски „Guardia Nobile“, красные и желтые цвѣта швейцарцевъ, красные и голубые папскихъ гвардейцевъ,—все застыло въ своей прежней неподвижности. То было словно движеніе какой-то гигантской игрушки. Но кто же тутъ обращалъ на это вниманіе? Даже ирландскій патеръ позади Льюси едва наклонялъ голову; никто не опускался на колѣни. Правда, Элиноръ Бургоинъ закрыла лицо длинными нѣжными пальцами. Мэнистей, откинувшись на своемъ стулѣ, взглянулъ впередъ, при звукѣ, изданномъ оружіемъ гвардейцевъ, а затѣмъ, въ какой-то полудремотѣ снова углубился въ свою греческую книгу. Между тѣмъ, Льюси чувствовала, какъ билось ея сердце. Сквозь канделябры главнаго престола ей видны были эти движущіяся фигуры епископовъ, клубы поднимающагося ладана. Снова показалось лицо священнодѣйствующаго кардинала: согласно католическому догмату—великій актъ мессы совершился: тѣло и кровь предстояли тутъ,—Богъ снизошелъ и сталъ осязаемъ въ Св. Дарахъ.

А между тѣмъ,—кому было дѣло до этого? Льюси оглядывается вокругъ себя и видитъ только добродушные, индифферентные, разсѣянные или любопытные взгляды необъятной толпы, наполняющей всю среднюю часть храма, и душа ея возстаетъ въ порывѣ протестующаго изумленія.

Былъ, однако, еще одинъ „моментъ“, отличный отъ великаго момента появленія, но всетаки прекрасный. Служба окончена, и между исповѣдальней и средней частью храма воз-

двигается временная платформа. Папу помѣщаютъ на эту платформу, и онъ готовится преподать апостольское благословеніе.

Старикъ этотъ теперь въ 30-ти футахъ разстоянія отъ Мэнистея, который сидитъ ближе всѣхъ къ барьеру. Красный кардиналъ держитъ богослужебную книгу; группы гвардейцевъ, духовенства и высшихъ чиновъ, каждая подробность роскошнаго папскаго одѣянія, болѣе того—каждая черта этого морщинистаго лица, безплотныя руки,—все теперь такъ явственно различаетъ взоръ Льюси. Дрожащій голосъ ясно раздается среди молчанія, внезапно охватившаго храмъ Св. Петра. Пятьдесятъ тысячъ народу затаиваютъ малѣйшее движеніе, настораживаютъ ухо, чтобы слышать.

Ахъ, какъ слабъ этотъ голосъ! Очевидно, усиліе это слишкомъ велико для столь ослабѣвшаго и престарѣлаго организма. Не слѣдовало бы допускать это... Слухъ Льюси мучительно ждетъ неизбѣжнаго перерыва. Но нѣтъ: папа испускаетъ глубокій вздохъ утомленія („Ah, poveretto!"—говоритъ какая-то женщина рядомъ съ Льюси въ порывѣ участія),—затѣмъ, снова продолжаетъ пѣніе, снова вздыхаетъ и снова поетъ. Лицо Льюси смягчается и покрывается румянцемъ; глаза наполняются слезами. Ничего не можетъ быть трогательнѣе и торжественнѣе этой слабости и этой настойчивости. Утомленное, но непреклонное лицо, увѣнчанное папской короной... Подъ взорами пятидесяти тысячъ людей папа вздыхаетъ, какъ ребенокъ, потому что онъ слабъ и старъ, а бремя его служенія велико; но въ этомъ вздохѣ онъ сохраняетъ неподражаемую простоту, достоинство и мужество. Онъ ни минуты не пытается скрыть эту слабость, но также ни минуты не желаетъ уклониться... Онъ поетъ до конца, и весь храма Св. Петра внимаетъ ему съ нѣжнымъ замираніемъ.

Затѣмъ, повидимому, слѣдуетъ минутный упадокъ силъ. Длинныя тонкія губы сжимаются еще плотнѣе. Вѣки закрываются. Изнуренная фигура какъ-то вся опускается, но гвардейцы поднимаются—и папа выведенъ изъ своей летаргіи. Онъ раскрываетъ глаза и пріободряется для послѣдняго усилія. Бѣлѣе, нежели та пышная мантія, которая падаетъ вокругъ него, поднимается онъ, придерживаясь за кресло, поднимаетъ высохшіе, какъ у скелета, пальцы своей прозрачной руки и пронизываетъ взглядомъ толпу. Льюси падаетъ на колѣни, въ горлѣ у нея стоитъ рыданіе...

Когда папа прослѣдовалъ дальше, какая-то сила заставила ее оглянуться, и она встрѣтилась съ глазами Мэнистея. Онъ отвелъ ихъ немедленно,—но не прежде, чѣмъ сквозившая въ нихъ смѣсь насмѣшки и торжества вызвала яркую краску на щекахъ дѣвушки.

Затѣмъ на „Піацца“, среди высыпавшей изъ храма многотысячной толпы, Мэнистей нагналъ ее своимъ крупнымъ шагомъ.

— Ну, что-же, произвело это на васъ впечатлѣніе?—сказалъ онъ, пристально смотря на нее.

Тонъ его нѣсколько уязвилъ гордость дѣвушки.

— Да, только на меня произвелъ болѣе впечатлѣнія старый человѣкъ, нежели папа,—быстро проговорила она.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ онъ съ удареніемъ:—иначе, вы не уловили-бы главнаго.

— Почему? Развѣ нельзя сознавать, что это было патетично, трогательно?..

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ,—сказалъ онъ нетерпѣливо.—Что значитъ человѣкъ самъ по себѣ и его возрастъ?—Это только внѣшность! Что дѣлаетъ эти церемоніи такими потрясающими, это отожествленіе этого человѣка съ Петромъ; это то, что кости и прахъ если не самого Петра, то во всякомъ случаѣ людей, которые могли знавать Петра, находятся тутъ—смѣшаны съ землей подъ его ногами; что онъ признанъ цѣлой половиной цивилизованнаго міра за намѣстника Петра, и есть много вѣроятностей, что еще пятьсотъ, тысячу лѣтъ спустя, въ храмѣ святого Петра будетъ все также служить папа, на основаніи тѣхъ же традицій и съ тѣми-же правами.

— Но если не признавать ни традицій, ни правъ, — почему всетаки нельзя испытывать просто интересъ къ человѣку?

— А! разумѣется, если вы желаете держаться самаго вульгарнаго, приходскаго взгляда,—взгляда какого-нибудь грошеваго интервьюера!.. Ну, что-же, какъ вамъ угодно!—сказалъ онъ почти съ гнѣвомъ, пожимая плечами.

Глаза Льюси засверкали. Въ немъ всегда было что-то, напоминавшее большого разсерженнаго ребенка, когда онъ хотѣлъ опровергнуть какое-нибудь мнѣніе или чувство, ему не нравившееся. Ей-бы хотѣлось пройтись съ нимъ еще дальше и продолжать этотъ споръ, такъ какъ великая церемонія привела ее въ возбужденное состояніе, которое сдѣлало ея рѣчь свободнѣе; но въ эту минуту впереди послышался голосъ м-съ Бургоинъ:

— Какое счастье! Вотъ экипажъ, а Реджи добылъ еще другой. Эдвардъ, проводите тетю Патти, а мы уже позаботимся о себѣ сами.

Скоро все общество покатило въ двухъ маленькихъ викторіяхъ черезъ улицу позади Капитолія и, обогнувъ основаніе Палатинскаго холма, направилось къ Авентину. Оказалось, что они должны были завтракать тутъ, въ устроенной на от-

крытомъ воздухѣ „тратори“, которую рекомендовалъ м-ръ Бруклинъ.

М-съ Бургоинъ, Льюси и мистеръ Ванбругъ очутились вмѣстѣ. М-съ Бургоинъ и м-ръ Ниль бесѣдовали дорогой о церемоніи, а Льюси, послѣ нѣсколькихъ робкихъ выраженій признательности и удовольствія, примолкла и стала слушать, Но она скоро замѣтила, что м-съ Бургоинъ говорила разсѣянно. Въ этомъ черномъ одѣяніи, ниспадавшемъ вокругъ ея высокой тонкой фигуры, она выглядѣла еще болѣе хрупкой и блѣдной, чѣмъ когда-либо, и Льюси казалось, что глаза ея потемнѣли отъ усталости, не имѣвшей, впрочемъ, ничего общаго съ утренней церемоніей. Внезапно она, дѣйствительно, наклонилась впередъ и, понижая голосъ, сказала м-ру Нилю:

— Вы читали ее?

Онъ тоже наклонился съ улыбкой, въ которой сказывалось нѣкоторое замѣшательство.

— Да, я читалъ, и мнѣ придется сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній. Вы ничего противъ этого не имѣете?

Она всплеснула руками.

— Развѣ это необходимо?

— Мнѣ кажется, что да... для пользы самой книги,—сказалъ онъ неохотно.—Очень возможно, что я совершенно ошибаюсь. Я могу разсматривать ее только, какъ одинъ изъ публики. Но это именно то, чего онъ и желаетъ,—чего желаете вы оба,—не правда-ли?

Она сдѣлала утвердительный знакъ. Затѣмъ, повернувъ голову въ другую сторону, стала смотрѣть изъ окна кареты и не сказала больше ни слова. Но лицо ея въ одно мгновеніе какъ-то омрачилось, осунулось; линіи, проведенныя на немъ горемъ и недугомъ уже много лѣтъ назадъ, проступили съ особой внезапной ясностью.

Человѣкъ, сидѣвшій противъ нея, носилъ въ себѣ почти столько-же изящества, какъ она. У него было продолговатое лицо съ высокимъ лбомъ, обрамленное сѣдѣющими волосами, а линіи рта и подбородка отличались необыкновенною утонченностью, какъ и вообще все это лицо. Единственное, что Льюси знала объ немъ—это, что онъ былъ важнымъ лицомъ въ Кэмбриджѣ, человѣкомъ крайне свѣдущимъ въ классической археологіи, старымъ другомъ и наставникомъ м-ра Мэнистея. Она слышала, какъ на виллѣ при ней нѣсколько разъ вспоминали его имя и всегда съ особымъ удареніемъ, выдѣлявшимъ его изъ ряда другихъ именъ. И, по различнымъ примѣтамъ, она догадалась, что прежде выпуска въ свѣтъ своей книги, м-ръ Мэнистей пожелалъ воспользоваться пріѣздомъ своего стараго друга въ Римъ для того, чтобы спросить его мнѣнія на этотъ счетъ.

Какъ великолѣпенъ былъ этотъ апрѣльскій день на высокой террасѣ Авентинской „траторіи“!

Когда Льюси и тетя Патти стояли вмѣстѣ у маленькаго парапета и сквозь побѣги банксіи, уже образовавшей бѣлый навѣсъ надъ столиками ресторана, смотрѣли отсюда, то глазамъ ихъ представлялись крутые склоны и величественныя развалины Палатина, несравненная группа храмовъ на Целійскомъ холмѣ, небольшіе, застроенные виллами отроги холмовъ, терявшіеся въ Кампаньи; а тамъ, въ совершенной дали голубыя Сабинскія горы, „залитыя солнечнымъ воздухомъ“— который съ одинаковой лаской лился и на пріютъ Горація, и на ораторію св. Бенедикта. Какъ рѣзко выдѣлялись контуры зданій и деревьевъ на фонѣ перламутроваго неба! Какъ лучезарна была зелень въ сосѣднихъ садахъ! Какое разореніе повсюду... а вмѣстѣ, какая могучая, неукротимая жизнь!

Подъ ними, на нижней террасѣ прохаживались, бесѣдуя, Мэнистей и м-ръ Ванбругъ Ниль.

— Онъ такой умный человѣкъ,—со вздохомъ проговорила тетя Патти, глядя на бесѣдующихъ.—Но я надѣюсь, что онъ не обезкуражитъ Эдварда.

При этомъ, однако, она взглянула не на Мэнистея, а на Элиноръ, которая сидѣла около нихъ и дѣлала видъ, что разговариваетъ съ Реджи Бруклиномъ; въ дѣйствительности же она слѣдила за разговоромъ внизу.

Тутъ прибыли другіе гости, и между ними—высокій священникъ съ прекраснымъ лицомъ, который разговаривалъ съ Мэнистеемъ въ церкви св. Петра. Онъ вошелъ очень застѣнчиво. Элиноръ Бургоинъ пошла къ нему навстрѣчу, усадила его около себя и взяла его на свое попеченіе, пока не появится Мэнистей. Но онъ, повидимому, чувствовалъ себя неловко съ дамами. Онъ запряталъ руки въ рукава своей рясы и почти не давалъ никакихъ отвѣтовъ, кромѣ да или нѣтъ.

— Ему скоро предстоятъ большія хлопоты,—шепнула тетя Патти на ухо Льюси:—я хорошо этого не понимаю, но только онъ написалъ книгу, которая должна подвергнуться осужденію. Эдвардъ говоритъ, что книга совершенно справедливая,— но тѣмъ не менѣе, и они имѣютъ полное право его осудить... Это очень запутанно.

Когда Мэнистей и м-ръ Ниль, позванные къ завтраку, поднимались по ступенькамъ, ведущимъ къ открытому ресторану, то у м-ра Ниля былъ нѣсколько смущенный видъ человѣка, который хотя и исполнилъ свой долгъ, но тѣмъ не менѣе чувствуетъ, что вмѣшался въ чужія дѣла. Самый завтракъ прошелъ не весело. Мэнистей или сердито молчалъ, или же вступалъ со старымъ священникомъ, отцомъ Бенеке, въ обсу-

жденіе извѣстныхъ событій или обстоятельствъ, связанныхъ съ однимъ южно-германскимъ университетомъ, которыя въ послѣднее время вызвали толки среди католиковъ. Онъ почти не говорилъ съ дамами и меньше всѣхъ—съ м-съ Бургоинъ. Она и тетя Патти должны были прилагать величайшія усилія, чтобы завтракъ прошелъ оживленнѣе; тетя Патти нервно болтала, какъ бы боясь допустить минутное молчаніе, между тѣмъ какъ Элиноръ весело шутила съ молодымъ Бруклиномъ и была необыкновенно любезна съ другими гостями, которыхъ пригласилъ Мэнистей. Это былъ, напримѣръ, извѣстный французскій журналистъ, членъ англійскаго парламента съ дочерью и итальянскій сенаторъ съ женою англичанкой. Тѣмъ не менѣе, когда завтракъ, наконецъ, окончился, Реджи, который по временамъ бросалъ на Элиноръ тревожные взгляды, приблизился къ Льюси Фостеръ и сказалъ ей пониженнымъ голосомъ, досадливо покручивая свой усъ:

— М-съ Бургоинъ утомилась. Не можете ли вы позаботиться о ней?

Льюси, нѣсколько испуганная такой отвѣтственностью, сдѣлала все, что могла. Она убѣдила тетю Патти не везти м-съ Бургоинъ съ послѣобѣденными визитами, заручилась раннимъ поѣздомъ для возвращенія въ Маринато и всѣмъ этимъ заслужила одобрительную улыбку со стороны м-ра Реджи, когда онъ собственноручно усадилъ всѣхъ трехъ дамъ въ вагонъ и приподнялъ шляпу, провожая ихъ на платформѣ. Мэнистей и м-ръ Ниль должны были послѣдовать за ними съ позднѣйшимъ поѣздомъ.

Какъ только поѣздъ выѣхалъ въ Кампанью, Элиноръ откинулась въ уголъ съ невольнымъ глубокимъ вздохомъ.

— Дорогая моя, вы очень утомились! — воскликнула м-съ Мэнистей.

— Нѣтъ!

М-съ Бургоинъ сняла съ головы шляпу, которая замѣнила теперь ея утренній черный уборъ, и закрыла глаза. Эта поза ея тронула душу Льюси своей грустной безпомощностью, какъ это уже было однажды. И ее внезапно осѣнила мысль, что это не простая физическая усталось, но глубокій упадокъ духа и сердца. Объ истинныхъ источникахъ этого упадка Льюси могла только догадываться, но она догадывалась во всякомъ случаѣ, что они находились такъ или иначе въ связи съ мистеромъ Мэнистеемъ и его книгой. И она опять негодовала,— сама едва сознавая, на что. Положеніе ей рисовалось такъ: безграничная, плохо вознаграждаемая преданность, глубокая дружба, которою сильный человѣкъ съ тираническимъ характеромъ пользуется самымъ эгоистическимъ образомъ. Почему онъ держитъ себя такъ, какъ будто все, неудавшееся въ его

книгѣ, является виною м-съ Бургоинъ? Почему онъ предъявляетъ права на ея время и силы, мучитъ ее работой, а потомъ дѣлаетъ ее отвѣтственной, если что нибудь оказывается не такъ? Все это вытекаетъ изъ прихотливаго эгоизма его характера! М-съ Мэнистей слѣдовало вступиться въ это дѣло...

Печальные дни послѣдовали на виллѣ.

Оказалось, что м-ръ Ванбругъ Ниль дѣйствительно выставилъ нѣсколько критическихъ возраженій противъ аргументаціи цѣлаго отдѣла книги, и Мэнистей не былъ въ состояніи отразить ихъ. Оба господина цѣлыми часами ходили взадъ и впередъ по дубовой аллеѣ,—м-ръ Ниль тихій, миролюбивый, но непоколебимый, Мэнистей—раздраженный, возбужденный, но подъ конецъ всегда готовый сдаться. Онъ отстаивалъ съ упрямствомъ свою точку зрѣнія, защищалъ ее съ чувствомъ какой-то оскорбленности въ теченіе одного послѣ-обѣда, но затѣмъ сдавался внезапно и безусловно. Льюси съ нѣкоторымъ удивленіемъ открыла, что, наряду съ его наружной самоувѣренностью, онъ въ дѣйствительности подчинялся мнѣнію двухъ-трехъ людей: и однимъ изъ нихъ былъ м-ръ Ниль. Зависимость эта доходила до крайности. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы слѣдовать собственной идеѣ, но въ концѣ концовъ написанное имъ должно непремѣнно нравиться его друзьямъ и извѣстной части публики. Слѣдовательно, въ сущности, онъ былъ только краснобаемъ, писавшимъ для этой публики, рабомъ похвалъ, жаждущимъ только извѣстности?.. И вотъ почему онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что думали люди о его наиболѣе выдающихся поступкахъ. Онъ жилъ для своего удовольствія,—писалъ для того, чтобы его читали, и находилъ основательнымъ довѣрять оцѣнкѣ нѣсколькихъ друзей,—Ванбругу Нилю въ томъ числѣ...

Надо, правда, отдать ему справедливость: наряду съ зависимостью отъ мнѣнія Ванбруга, была еще зависимость болѣе привлекательная, вызываемая симпатіей. Мистеръ Ниль, повидимому, былъ ревностнымъ англиканцемъ и въ высшей степени искренно набожнымъ. Въ общемъ онъ соглашался съ тезисами книги Мэнистея; но между ними обоими была та разница взглядовъ, которая существуетъ между человѣкомъ, для котораго религіозные вопросы имѣютъ глубокое личное значеніе, и человѣкомъ, который пользуется ими просто, какъ марками въ карточной игрѣ. Мэнистей, напримѣръ, желалъ сдѣлать изъ католицизма и англиканизма великія силы, вносящія благоустройство въ міръ. Онѣ должны были пещись о „соціальной солидарности“, — его любимое выраженіе; онѣ должны были гарантировать законъ и порядокъ и поддержи-

вать между націями тотъ этическій идеалъ, къ которому сама цивилизація относилась почти по варварски.

На эту тему онъ могъ ораторствовать до безконечности — съ саркастическимъ краснорѣчіемъ, увлекаемый собственными фразами, между тѣмъ какъ Ванбругъ Ниль, со своими сѣдѣющими кудрями и прелестными блѣдно голубыми глазами, сидѣлъ передъ нимъ, непреклонный, не смотря на свою учтивость, и всегда готовый разбить всякое излишество или неискренность какимъ либо обоюдоострымъ словомъ, которое заставляло Мэнистея краснѣть и запинаться, или же своей непоколебимой сдержанностью и какой нибудь мѣткой шуткой, за которой иногда скрывалось чувство, слишкомъ смѣлое для того, чтобы его высказать. Онъ особенно ясно подчеркивалъ ту великую бездну, которая существуетъ между литературнымъ и практическимъ христіанствомъ.

Однако оба товарища любили другъ друга,—это было очевидно. Ванбругъ тоже имѣлъ свои слабости,—слабости человѣка, который долго жилъ одинъ, въ силу чего у него выработалась свойственная старымъ дѣвамъ постоянная забота о своемъ здоровьи и о своихъ нервахъ. У него были свои причуды, — часто неожиданныя и разстраивавшія всякіе замыслы. Такъ, въ иной день онъ не могъ гулять, въ другой— не могъ ѣсть; о ѣздѣ не могло быть и рѣчи, а солнца слѣдовало избѣгать какъ чумы. Но затѣмъ снова наступалъ чередъ моціона, холодныхъ душей, здороваго питанія. Только все это выходило у него крайне мило, такъ что капризы его были гораздо пріятнѣе, чѣмъ капризы другихъ людей. Можно было бы опасаться, что причуды со стороны друга должны были надоѣсть человѣку такого нрава, какъ Мэнистей. Ничуть не бывало: онъ былъ въ этихъ случаяхъ само терпѣніе и добродушіе.

— Ну, развѣ онъ у насъ не „bon enfant"?—сказалъ однажды мистеръ Ниль миссисъ Бургоинъ въ присутствіи Льюси, съ внезапнымъ выраженіемъ нѣжности и волненія по случаю того, что Мэнистей рѣшилъ отмѣнить какой-то планъ, составленный на данное послѣ обѣда, и сдѣлалъ это съ истиннымъ терпѣніемъ.

— Онъ научился баловать васъ,—сказала Элиноръ съ мимолетной улыбкой и тотчасъ же перемѣнила разговоръ. Льюси взглянула на нее, и сердце ея слегка сжалось.

Ничто не могло быть удивительнѣе той перемѣны, которая произошла въ обращенія Мэнистея въ отношеніи самаго преданнаго изъ товарищей и секретарей.

Онъ отказался отъ всякой дальнѣйшей работы надъ своей книгой, говорилъ объ отсрочкѣ этой работы на неопредѣленное время, и, казалось, что съ измѣненіемъ плана мис-

сисъ Бургоинъ совершенно была отстранена отъ этого дѣла. Онъ дѣйствительно почти перестал съ ней совѣтоваться; теперь онъ за этими совѣтами обращался къ мистеру Нилю. Послѣднiй, движимый внутреннимъ чувствомъ, часто настаивалъ на томъ, чтобы она была привлечена къ этимъ совѣщанiямъ, но Мэнистей тотчасъ-же становился раздраженнымъ, молчаливымъ, выказывалъ какое-то замѣшательство. И какимъ характернымъ и многозначительнымъ выходило у него это замѣшательство! Выходило, какъ будто онъ имѣлъ противъ нея какую-то обиду, которую однако не могъ ни формулировать самъ для себя, ни высказать ей.

Съ другой стороны, быть можетъ въ силу реакцiи, онъ началъ болѣе обращать вниманiя на Льюси Фостеръ и находить спасенiе въ разговорѣ съ нею. Его теперь забавляло вынуждать ее къ разговору, а предметовъ для послѣдняго было болѣе чѣмъ достаточно. Она теперь была менѣе застѣнчива, и то неодобренiе, которое она въ тайнѣ къ нему питала, придавало ей смѣлости въ разговорѣ. Ея вызовы и возраженiя составляли главную тему дня. Миссъ Мэнистей и мистеръ Ниль начинали прислушиваться съ полусдержанной улыбкой; имъ начинали нравиться эта искренность дѣвушки и ея живыя умныя шутки, которыя у нея теперь прорывались свободнѣе, такъ какъ она чувствовала себя болѣе дома.

— А какiе она сдѣлала успѣхи! Это именно въ духѣ всѣхъ американцевъ: они такъ умѣютъ приноравливаться...—думала порою миссъ Мэнистей, наблюдая, какъ по вечерамъ ея племянникъ поддразнивалъ, спорилъ, доказывалъ что-нибудь Льюси Фостеръ,—между тѣмъ какъ она сидѣла тутъ, такая юная, свѣжая, съ этой новой, грацiозной, придуманной Элиноръ прической, которая еще болѣе выдѣляла правильность овала лица и такъ прекрасно обрамляла ея чистый лобъ и большiе глаза. Руки ея были крѣпко сжаты на колѣняхъ, а въ своихъ тонкихъ пальчикахъ она вертѣла какой-нибудь цвѣтокъ, вынутый изъ за корсажа. Черты этого дѣвственнаго лица дышали достоинствомъ и силой. Она казалась олицетворенiемъ самой Америки, которая отстаиваетъ себя, отвергая влiянiе надменной старой Европы.

Между тѣмъ Элиноръ продолжала неуклонно быть любезной съ Льюси и съ другими, хотя, быть можетъ, эта любезность имѣла въ себѣ порою оттѣнокъ отчужденности и того изысканнаго „высокомѣрiя", которое находится всегда въ распоряженiи каждой свѣтской женщины. Она столько же, какъ и прежде,—быть можетъ даже больше—заботилась о фасонахъ для платьевъ Льюси. Дѣвушку постоянно терзала совѣсть и стыдъ по этому поводу. Стоила-ли она того, чтобы миссисъ Бургоинъ, такая изящная, знатная особа отдавала ей столько

времени и заботъ! Но иногда она не могла не сознавать, что миссисъ Бургоинъ была рада этимъ заботамъ. Прежде дни ея были переполнены до краевъ,—теперь они были пусты. Она ничего не говорила; она доставала новыя книги, бесѣдовала о нихъ, давала инструкціи швеямъ; но Льюси угадывала тайное страданіе.

Однажды вечеромъ, около недѣли спустя по пріѣздѣ мистера Ниля на виллу, Мэнистей находился въ болѣе унылομъ настроеніи, чѣмъ обыкновенно. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ передѣлать свою книгу, которыя однако его не удовлетворили. Бесѣдуя объ этомъ съ Ванбругомъ въ гостинной послѣ обѣда, онъ съ нѣкоторымъ отвращеніемъ отозвался о потерѣ времени, посвященнаго извѣстной части работы въ теченіе зимы. Оба друга сидѣли въ концѣ этой громадной комнаты, а Мэнистей говорилъ въ полголоса... Но голосъ его отличался той же пронизывающей силой, какъ и вся его личность вообще, и вотъ Элиноръ Бургоинъ поднялась и тихо подошла къ миссъ Мэнистей. „Милая тетя Патти, вы не вставайте,—сказала она, склоняясь надъ нею: — а я, видите ли, устала, и пойду спать“.

Мэнистей, который обернулся при ея движеніи, вскочилъ и направился къ ней.

— Элиноръ! мы утомили васъ сегодня этой длинной прогулкой?

Она улыбнулась, но ничего не возразила. Онъ засуетился, собирая ея вещи, зажегъ свѣчи на сосѣднемъ столѣ.

Когда она проходила мимо него, направляясь къ дверямъ, онъ бросилъ на нее украдкой мимолетный взглядъ и наклонилъ голову. Потомъ онъ сжалъ ея руку и сказалъ такъ, что только она одна могла его слышать:

— Мнѣ, быть можетъ, слѣдовало оставить при себѣ свои сожалѣнія?

Она покачала головой съ легкой ироніей.

— Во всякомъ случаѣ это было бы еще впервые.

Рука ея выскользнула изъ его руки, и она скрылась въ дверяхъ. Мэнистей, разстроенный, возвратился на свое мѣсто. Онъ не могъ отдѣлаться отъ тайнаго мучительнаго чувства, вызваннаго совѣстью. Онъ испытывалъ сожалѣніе, ему хотѣлось бы ей это сказать. И тѣмъ не менѣе, эта самая нѣжность, эта деликатная безропотность съ ея стороны, казалось, только еще болѣе развивали его собственную строптивость и мелкій эгоизмъ.

Въ этотъ же вечеръ, пока на дворѣ шелъ дождь и бушевалъ сирокко,—Элиноръ записывала въ свой дневникъ:

„Окончитъ ли онъ когда нибудь свою книгу? Очень возможно, что все это была одна ошибка. Между тѣмъ, когда

онъ ее начиналъ, онъ былъ въ своей сферѣ. Что бы ни произошло, во всякомъ случаѣ она была его спасеніемъ.

„Да, я думаю, что онъ ее окончитъ. Онъ не можетъ отказаться отъ того эфекта, который она — въ этомъ онъ почти увѣренъ—должна произвести. Но онъ станетъ кончать ее съ нетерпѣніемъ и отвращеніемъ; онъ разлюбилъ ее и все то, что съ нею связано. Все, о чемъ онъ говорилъ сегодня вечеромъ, было именно та доля книги, въ которой я принимала участіе, тѣ самыя главы, которыя насъ болѣе всего сблизили! Какъ мы были счастливы, когда работали надъ ними! И какъ все измѣнилось теперь!

„Замѣчательно, съ какимъ оживленіемъ онъ начинаетъ теперь говорить съ Льюси Фостеръ. Какъ мало отдаетъ она себѣ отчета, что значитъ разговаривать съ нимъ, пользоваться его вниманіемъ. Сколько женщинъ пожелали бы быть на ея мѣстѣ! Впрочемъ, теперь она уже менѣе застѣнчива: не приходитъ въ смятеніе и относится къ нему, какъ къ равному... Если бы это не было смѣшно, — право, можно было бы разсердиться.

„Онъ ей не нравится, она относится къ нему критически, и онъ никогда съ ней не столкуется, не заслужитъ ея симпатіи. Но она выручаетъ его въ этомъ непріятномъ настроеніи. Какъ онъ гордъ и пренебрежителенъ съ женщинами! Но и какъ золъ и своенравенъ! Часто мнѣ хотѣлось видѣть его болѣе великодушнымъ, болѣе мягкимъ...

„... Черезъ три недѣли годовщина — девятая. Зачѣмъ я еще жива? Какъ часто задавала я себѣ этотъ вопросъ. Гдѣ мое мѣсто? Кому я нужна? Бэби мой — если онъ только существуетъ — онъ тамъ одинъ, а я все еще здѣсь. Ахъ, если бы у меня хватило мужества пойти къ нему. Доктора обманываютъ меня, они заставляютъ меня предполагать, что это долго не продлится. А между тѣмъ, мнѣ теперь лучше, значительно лучше. Если бы я была счастлива, я чувствовала бы себя совсѣмъ хорошо.

„Какая скучная эта итальянская весна! Этотъ вѣчный безпокойный вѣтеръ, эти знойныя облака, которыя постоянно надвигаются съ Кампаньи. „Que vivre est difficile à mon coeur fatigué!“ *).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Какъ трудно жить моему усталому сердцу.

посмотримъ кто сильнѣе, я или ты? И все ходилъ на работу, пока той не надоѣло, и она не сбѣжала.

— Ба!—не у каждаго твоя сила!—замѣтилъ Матвѣй Бибѣля.—Адамъ больше бралъ своей ловкостью, а сила у него была обыкновенная, средняя.

Принесли колбасы, Адамъ закусилъ немного, передохнулъ и уже безъ боязни пилъ пиво.

— Ну, что слышно въ номерѣ?—спросилъ онъ Матвѣя.

— На ваше мѣсто приняли вотъ его, — показалъ онъ на покраснѣвшаго углекопа:—Пакошъ, силезецъ, вашъ квартирантъ.

— Слышалъ я объ этомъ, — сказалъ Адамъ, выпуская дымъ.—Только эти ссоры съ Францемъ мнѣ совсѣмъ не нравятся.

— Чего же вы хотите, дяденька?—воскликнулъ Войцѣхъ.—Не могутъ же они быть пріятелями, если одинъ другому становится поперегъ дороги!

— И объ этомъ я слышалъ... Ну, такъ ужъ и быть, разъ ты углекопъ и мой квартирантъ, давай руку.—Съ этими словами онъ протянулъ ему черезъ столъ свою желтую, исхудалую руку.

Пакошъ бросился къ нему и, крѣпко сжавъ его руку въ своихъ, сказалъ:

— Пане Гротекъ, я честный углекопъ и хотя силезецъ, но хотѣлъ бы навсегда здѣсь остаться!

— Здѣсь, въ кабакѣ?—сострилъ Юзефъ Бэзъ.

Всѣ разсмѣялись, но Бабчикъ, Матвѣй и Гдульскій поднялись, а первый изъ нихъ сказалъ:

— Будетъ уже съ насъ забавы! Завтра „рабунекъ“!.

Всѣ стали выходить. Гротка, у котораго немного закружилась голова отъ пива, Войцѣхъ и Пакошъ отвели домой.

XVIII.

Утромъ, послѣ переклички спускавшихся въ шахту углекоповъ, штейгеръ вышелъ впередъ и сказалъ:

— Я уже заявилъ вамъ вчера, что на сегодня назначенъ „рабунекъ“. Кто согласенъ идти на работу, пусть станетъ на право, а остальные на лѣво!—При этомъ онъ указалъ рукою мѣсто.

Однимъ изъ первыхъ выступилъ Францъ, безъ куртки и бурава; только широкій топоръ сверкнулъ при свѣтѣ лампы. Къ нему присоединились Войцѣхъ, Пакошъ и цѣлая толпа народу, преимущественно шлепровъ. Штейгеръ, довольный, что у него оказалось столько смѣльчаковъ, улыбнулся и сказалъ:

— Слишкомъ много! Нужно сдѣлать сортировку, потому что слабые только мѣшаютъ въ такой работѣ.

Онъ вошелъ въ толпу съ правой стороны, дошелъ до самаго конца и закричалъ:

— Проходите каждый по порядку передо мною, только медленно и съ топоромъ на головѣ!

Онъ забраковалъ около десятка подростковъ и столько же шлепровъ и сказалъ:

— Лѣвая сторона—ступайте сейчасъ же на работу, а правая пойдетъ со мною.

Затѣмъ онъ позвалъ Бабчика и отдалъ приказъ:

— Раздѣлите ихъ на три отряда. Первый поведешь ты, второй Бибѣля, а третій Гдульскій; только распредѣлить силы поровну, чтобы не было путаницы.

Самъ онъ пошелъ за барьеръ къ служащимъ въ конторѣ; одинъ изъ нихъ усмѣхнулся и сказалъ по нѣмецки:

— Не ожидалъ я, чтобы вамъ удалось найти столько охотниковъ идти на смерть!

— О, мои—все молодцы!—хвастливо отозвался штейгеръ.

— Два года тому назадъ,—продолжалъ служащій,—когда объявили рабунекъ, нашлось только два охотника. Пришлось назначать номера по очереди, да и то шли неохотно.

— У меня этого не было и не будетъ!—продолжалъ горячиться штейгеръ.—Если я велю, то они и въ огонь полѣзутъ!

— Ну, ну, не такъ громко!—засмѣялся служащій, — есть уже рапортъ, что пожаръ за стѣной усилился. Если перегорятъ стѣны, посмотримъ, кто пойдетъ!?

— Посмотримъ!—воскликнулъ штейгеръ и обратился къ Бабчику:—Эй! кончилъ уже?

— Кончилъ, господинъ штейгеръ!

— Выведи и построй въ ряды на дворѣ!

— Слушаю, господинъ штейгеръ!

Свѣтало, но солнце еще не показывалось, только бѣловатый свѣтъ прогонялъ мглу и густые клубы дыма. На разстояніи какихъ нибудь ста метровъ гудѣла и грохотала копь, окутанная такимъ густымъ туманомъ, что вдали едва обрисовывались ея контуры. Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ, вправо отъ конторы возвышались зданія цинковаго завода. Его высокія трубы бросали багровый отблескъ на мглу, создавая какъ бы кровавое зарево, которое то усиливалось, то слабѣло, по мѣрѣ усиленія или уменьшенія пламени въ доменныхъ печахъ. Среди свиста и лязга машинъ, отъ времени до времени раздавался какъ бы глубокій вздохъ. Это машина, накачивающая воздухъ, проявляла признаки жизни; она вбирала свѣжій воздухъ, чтобы, при помощи трубъ и поршней, втолкнуть его въ печь и поддержать ослабѣвшій

жаръ. Электрическія лампы въ волнахъ тумана были похожи на мѣсяцы, спрятавшіеся за облаками, а вся копь казалась какимъ-то чудовищнымъ, апокалипсическимъ звѣремъ, который растянулся въ грозной и лѣнивой позѣ и только повременамъ глухо ворчитъ на своего врага — цинковый заводъ, изрыгающій пламя и ядовитые газы.

Штейгеръ остановился передъ шеренгой работниковъ, вытянувшихся въ одну линію, и сталъ ихъ считать. Всего было тридцать шесть человѣкъ, кромѣ трехъ старшихъ и самого штейгера, а именно двѣнадцать углекоповъ и двадцать четыре шлепра. Они стояли, выпрямившись, съ топорами, привѣшенными сбоку; все это былъ народъ молодой, сильный и здоровый. Блѣдный отблескъ разсвѣта освѣщалъ ихъ серьезныя, рѣшительныя лица, стройныя и крѣпкія фигуры, ихъ старыя платья, потертыя отъ работы, запачканныя ламповымъ масломъ и угольной пылью, но еще не дырявыя. Изъ подъ маленькихъ, сѣрыхъ, мягкихъ шляпъ и шапокъ свѣтились глаза, зоркіе, слѣдившіе за движеніями штейгера. Провѣривъ распредѣленіе рабочихъ, онъ похвалилъ Бабчика; затѣмъ всѣ двинулись въ копь, тихо и степенно, шопотомъ переговариваясь между собою.

Поздоровавшись съ надшахтными рабочими, они стали зажигать лампочки и поочередно спускаться внизъ. Здѣсь они построились попарно, и весь отрядъ со штейгеромъ во главѣ двинулся черезъ штольни и спуски по направленію къ штольнѣ „Дороты“. Сорокъ лампочекъ освѣщало это царство вѣчнаго мрака, гдѣ работалъ человѣкъ. Каждая пядь этой земли, каждый мелкій изломъ, каждая впадина и борозда говорили о человѣческомъ трудѣ, упорномъ, настойчивомъ и непрерывномъ. Ни твердый гранитъ, ни крѣпкій песчаникъ, ни коварный сланецъ, ни упрямая глина, ни предательскій песокъ, ни неукротимая вода не остановили дружнаго натиска человѣческаго труда. Ничтожные карлики, вооруженные такими первобытными орудіями, какъ кирка, молотъ и буравъ-долото, потрошили внутренности великана земли безъ устали, безъ передышки, со слабо мерцавшей, какъ лампочка углекопа, надеждой выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы. Повременамъ терявшій терпѣніе великанъ стряхивалъ съ себя несносныхъ гномовъ, дробилъ ихъ кости и, упившись ихъ теплой кровью, глубоко вздыхалъ, мечтая о сладкомъ покоѣ. Но скоро его опять будили удары кирокъ и скрипъ бурава, свистъ машинъ и мерцанье лампочекъ, и подъ землею снова закипала ожесточенная, безпрерывная и непримиримая борьба.

Положительно въ каждой штольнѣ, при каждомъ спускѣ кто нибудь изъ углекоповъ вспоминалъ пережитое, вздыхалъ о погибшихъ товарищахъ; освѣщая на мгновенье изборожденную

стѣну, онъ кивалъ головой въ знакъ того, что узнаетъ это мѣсто, и молча продолжалъ свой путь съ непоколебимой вѣрой, что хотя и придется взглянуть въ глаза смерти, всетаки ему удастся избѣжать ея, бросивъ ей на растерзаніе свой тяжкій трудъ; съ надеждой, что онъ вернется домой къ ожидающей его съ нетерпѣніемъ семьѣ, которую онъ увидитъ при яркомъ свѣтѣ солнца на поверхности земли. Въ серьезномъ и сосредоточенномъ настроеніи, въ полномъ молчаніи, прерываемомъ только обычнымъ обмѣномъ привѣтствій „Богъ въ помощь“ со встрѣчными рабочими, они добрались, наконецъ, до штольни „Дороты“.

Штейгеръ остановился у входа и, поднявъ вверхъ лампочку, спросилъ:

— Всѣ здѣсь?

— Всѣ!

Не говоря больше ни слова, онъ поставилъ лампочку на землю, снялъ шляпу, опустился на колѣни и, выждавъ, пока все смолкло и углекопы послѣдовали его примѣру, началъ громко читать молитву св. Варварѣ, заступницѣ и покровительницѣ углекоповъ.

Сорокъ лампочекъ, горѣвшихъ блѣднымъ, дрожащимъ пламенемъ, освѣтили пасмурныя, желтоватыя лица съ рубцами и шрамами, замигали въ глазахъ, устремленныхъ кверху, явственно обрисовали молитвенно сложенныя грубыя руки. Глухіе и грубые голоса слились въ общей молитвѣ, повторяемой всѣми за штейгеромъ... Въ нихъ звучали ноты горячей мольбы о спасеніи и увѣренности въ немъ, ноты смиренія и искренней вѣры. Штейгеръ самъ проникся общимъ настроеніемъ и съ увлеченіемъ произносилъ слова молитвы. По окончаніи ея, онъ всталъ съ лампочкой въ рукѣ, надѣлъ шапку и крикнулъ повелительнымъ тономъ, представлявшимъ рѣзкій контрастъ съ покорной и смиренной молитвой:

— Эй, Бабчикъ! Начинай съ Богомъ!

А когда мимо него прошелъ двѣнадцатый, онъ крикнулъ имъ вслѣдъ, вмѣстѣ съ оставшимися углекопами:

— Богъ въ помощь!

Они отвѣтили на привѣтствіе, не оборачиваясь, и продолжали идти по штольнѣ. Когда они дошли до ея конца, Бабчикъ назначилъ каждому по столбу и сказалъ:

— Когда я крикну: Богъ въ помощь,—всѣ начнутъ рубить снизу. Затѣмъ накинуть на подрубленый столбъ веревку, а когда я свисну,—всѣ по порядку, начиная съ послѣдняго, потащатъ свои столбы; только не выскакивать впередъ, пока пробѣжитъ мимо сосѣдъ сзади, а кто сунется впередъ, тому голову размозжу, пропадетъ и заработокъ. Слушать и повиноваться, по-

тому что смерть уже оскалила на насъ свои зубы. Эй! Готовься!.. Богъ въ помощь!

Вмѣстѣ съ отвѣтомъ на привѣтствіе блеснули при свѣтѣ лампочекъ топоры и послышались звонкіе удары стали, глубоко вонзавшейся въ дерево. Нѣкоторыя подпорки затрещали, посыпались сверху куски камня, засохшей глины, остатки угля. Нѣкоторые пробовали руками устойчивость столбовъ, скрипѣвшихъ снизу и сверху. Бабчикъ смѣло прохаживался среди „грабившихъ“ штольню, давая распоряженія и совѣты.

Раздался свистъ.

Среди мертвой тишины слышно было напряженіе веревокъ и человѣческихъ мускуловъ. Рушились послѣдніе столбы; вслѣдъ за этимъ раздался трескъ валящихся досокъ, слегка осыпался и сводъ; лампочки углекоповъ быстро замигали, приближаясь къ Бабчику, стоявшему впереди. Шумъ падающихъ столбовъ, глухой трескъ подламывающихся досокъ, звонкое эхо осыпавшагося камня становились все сильнѣе. Углекопы бѣжали поспѣшно, а рядомъ съ ними Бабчикъ, слѣдившій за порядкомъ. Треніе увлекаемыхъ столбовъ, ихъ удары о стоявшія въ штольнѣ подпорки заглушали отголосокъ обвала сводовъ. Они уже издали замѣтили лампочки штейгера и поджидавшихъ ихъ углекоповъ. Бабчикъ поспѣшилъ впередъ.

— Всѣ!?—спросилъ начальникъ.

— Всѣ, господинъ штейгеръ!

Углекопы разступились, чтобы пропустить нагруженныхъ добычей товарищей.

— Эй, Бибѣля, со своими впередъ!.. Богъ въ помощь!

Осторожный Бибѣля, прежде чѣмъ приблизиться къ ограбленному участку, остановилъ свой отрядъ и сталъ прислушиваться. Кромѣ шума сыпавшагося песку, да изрѣдка валившихся камней, все было спокойно. Онъ оставилъ два послѣднихъ столба и затѣмъ выбиралъ лучшія изъ подпорокъ, тщательно осматривая сводъ, не грозитъ ли онъ быстрымъ обваломъ, и соотвѣтственно этому оставлялъ нѣкоторыя подпорки нетронутыми, разставляя при отобранныхъ столбахъ своихъ рабочихъ; наконецъ, онъ сказалъ:

— Если кто хочетъ еще увидѣть Божій свѣтъ и дѣтей, пусть слушаетъ и не выскакиваетъ впередъ, потому что тогда оставшимся грозитъ вѣрная смерть. Пока мимо тебя не пробѣжитъ задній сосѣдъ, не смѣй трогаться съ мѣста. Если видишь, что сводъ рушится, отскакивай въ сторону, не отпуская веревки, но не тяни ее, потому что когда вы собьетесь въ кучу, съ вами ничего не подѣлаешь. Послѣ перваго „Богъ въ помощь!“ рубите; послѣ второго „Богъ въ помощь!“ задніе потащатъ первыми свои веррeки и—бѣгомъ за мною!

Углекопы, привычные къ повиновенію, выполняли всѣ распоряженія Бибѣли тщательно и точно. Матвѣй бѣжалъ первымъ, не дожидаясь послѣднихъ, и только въ безопасномъ мѣстѣ подсчиталъ углекоповъ и брусья.

— Всѣ!?—воскликнулъ штейгеръ.

— Господь и св. Варвара сохранили насъ. Всѣ вернулись благополучно.

— Эй, Гдульскій! впередъ!.. Богъ въ помощь!

Старшій разставилъ рабочихъ возлѣ подпорокъ и крикнулъ грубымъ громкимъ голосомъ:

— Дисциплина у меня должна быть страшная. Кто не послушается, мигомъ сверну шею, да поможетъ мнѣ Господь и св. Варвара! Разрази меня громъ и не будь я Гдульскій, если я этого не сдѣлаю! Слушать, пока я не крикну: тащи, задній!

Ограбленная отрядомъ Бибѣли часть штольни только слегка осыпалась, свидѣтельствуя объ отсутствіи крѣпей; повременамъ только скрипъ выгибавшагося дерева долеталъ, какъ стонъ, до ожидавшихъ второго сигнала рабочихъ.

— Тащи, задній!—заревѣлъ Гдульскій.

Поднялось цѣлое облако пыли, но рабочіе удачно выполнили свою задачу и благополучно добѣжали до штейгера, который, замѣтивъ, что у большинства углекоповъ потухли лампочки, распорядился принести новыя и велѣлъ освѣтить ими часть штольни.

Въ третій разъ на долю Гдульскаго выпала та часть штольни, которую непосредственное начальство копи считало опасной. Штейгеръ, прежде чѣмъ отправить отрядъ Гдульскаго, отвелъ его въ сторону и обратился къ нему съ предостереженіемъ:

— Смотри въ оба въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли угольные столбы. Говорятъ, что сводъ плохо держится!

— И-и-и... Проскочатъ, господинъ штейгеръ, лишь бы только не знали объ этомъ.

— То-то. Я тебѣ новой головы не придѣлаю, такъ смотри самъ за своею.

— Слушаю, господинъ штейгеръ!

До сихъ поръ въ штольнѣ еще не было обваловъ; обсыпался только песокъ, валилась съ грохотомъ глина, срывались камни, ломались оставленныя Бибѣлемъ подпорки, но ожидавшагося съ такою тревогою углекопами подземнаго грома и стремительнаго, валящаго съ ногъ вихря еще не было. Довольные углекопы весело шли за столбами, словно на праздникъ, и подсмѣивались надъ трусами, которые предпочли остаться въ копи, при обыкновенной выборкѣ угля или подкладкѣ поперечныхъ штоленъ.

Послѣдній рабочій изъ отряда Гдульскаго рубилъ подпорку не дальше, какъ въ трехъ метрахъ отъ опаснаго мѣста; остальные работали глубже, въ штольнѣ.

По данному знаку задніе бросились впередъ, но Гдульскій, наблюдая порядокъ, пропустилъ мимо первыхъ шестерыхъ, самъ же остался на мѣстѣ, чтобы вести остальныхъ. Какъ вдругъ въ глубинѣ штольни послышался глухой шумъ обвала. Одновременно съ этимъ земля дрогнула, и вслѣдъ затѣмъ ненадежная часть свода рухнула, засыпая бѣжавшихъ рабочихъ. При первомъ шумѣ обвала, Гдульскій бросился бѣжать, но обрушившаяся надъ его головою глыба земли придавила ему ноги. Онъ заревѣлъ страшнымъ голосомъ и свалился. До слуха штейгера и поблѣднѣвшихъ углекоповъ доносился гулъ, грохотъ, трескъ и страшное сотрясеніе почвы, а среди этого ада звуковъ выдѣлялись пронзительные стоны, нечеловѣческій вой бѣшенства, боли и отчаянія, вмѣстѣ съ послѣднимъ усиліемъ спастись. До штейгера добѣжало шестеро изъ отряда Гдульскаго, блѣдные, безъ лампочекъ, брусьевъ и шапокъ; ихъ волосы были растрепаны, губы побѣлѣли отъ страха, зубы щелкали, а глаза были вытаращены отъ ужаса. Обезумѣвъ отъ страха, они, какъ шальные, бросились прямо на стоявшихъ здѣсь углекоповъ.

— Держите ихъ!—крикнулъ штейгеръ.

Но ни одна рука не поднялась для этого; углекопы съ широко раскрытымъ отъ ужаса ртомъ и глазами, устремленными въ темную пасть штольни, чутко прислушивались къ отголоскамъ далекаго обвала и тихимъ стонамъ раненыхъ, а шестеро спасшихся изъ отряда Гдульскаго побѣжали дальше въ глубь копи, гонимые смертельнымъ ужасомъ передъ какимъ-то неотвратимымъ бѣдствіемъ.

Первымъ пришелъ въ себя Бабчикъ. Онъ опустился на колѣни и началъ громко читать молитву св. Варварѣ. Это подѣйствовало. Его примѣру послѣдовали остальные, и хотя въ глубинѣ штольни еще гудѣло, а токъ воздуха гналъ цѣлое облако густой пыли, углекопы молились съ усердіемъ.

Вставъ на ноги, всѣ начали мало помалу приходить въ себя и переглядывались другъ съ другомъ, устремивъ глаза на молчавшаго штейгера. Первымъ заговорилъ Бабчикъ:

— Господинъ штейгеръ, что дѣлать?

Вмѣсто отвѣта послышались еще болѣе громкіе стоны изъ штольни. Штейгеръ посмотрѣлъ на Бабчика и спросилъ глухимъ голосомъ:

— Слышишь?

Тутъ раздался тихій, но раздирающій душу стонъ.

— Слышу. Спасать ихъ нужно!—И онъ взглянулъ на молчавшихъ углекоповъ.

Вдругъ раздался глухой, ужасающій по своей страшной силѣ гулъ, земля кругомъ заколебалась, и въ штольнѣ „Дороты“, у входа въ которую они стояли, стали падать со страшнымъ грохотомъ глыбы земли. Гдѣ-то въ глубинѣ раздался шумъ и свистъ, мало помалу гулъ и грохотъ усиливался, и, едва налетѣлъ первый порывъ спертаго воздуха, какъ штейгеръ и Бабчикъ бросились на землю съ крикомъ:

— Ложись!

Гдѣ кто стоялъ, такъ и бросился на землю, прижавшись къ стѣнкамъ штольни. Надъ ними промчался съ шумомъ, ревомъ и свистомъ порывъ страшнаго вихря, потушившаго лампочки. Онъ пролетѣлъ, и наступила тишина, прерываемая только изрѣдка паденіемъ камешковъ въ штольнѣ „Дороты“. Штейгеръ зажегъ лампочку, медленно поднялся на колѣни, наконецъ, всталъ и сказалъ:

— Все кончилось. Вставайте!

Понемногу, медленно и неохотно стали подниматься углекопы, посматривая съ сожалѣніемъ назадъ, на безопасную, какъ имъ казалось недавно, копь.

— Я пойду ихъ спасать!—воскликнулъ Бабчикъ.

Штейгеръ посмотрѣлъ на него, затѣмъ на встревоженныхъ углекоповъ, помолчалъ и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Они уже погибли, все равно имъ не поможешь, а въ штольнѣ не ладно, жаль мнѣ тебя!

Этотъ отеческій тонъ еще болѣе подстрекнулъ Бабчика; онъ хотѣлъ показать, что вполнѣ достоинъ расположенія начальника.

— Господинъ штейгеръ, позвольте мнѣ пойти. Если и не спасу ихъ, то хоть увижу.

— Ну, ступай!

— Эй, товарищи, кто за мной?

Углекопы стояли неподвижно, устремивъ взоры на пламя лампочекъ.

— Тамъ вѣдь гибнутъ наши товарищи...—Но всѣ продолжали угрюмо молчать.

— Такъ не найдется брата углекопа?

Вдругъ изъ толпы раздался звучный голосъ:

— Пойду и я! Что мнѣ!

Углекопы разступились, и къ Бабчику, стоявшему рядомъ со штейгеромъ, подошелъ Войцѣхъ, блѣдный, но улыбающійся.

— И я съ тобою, товарищъ!—воскликнулъ Пакошъ.—Коли жить вмѣстѣ, такъ вмѣстѣ и умирать!

Остальные стояли безмолвно. Бабчикъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ, когда раздался голосъ Матвѣя Бибѣли:

— Идутъ на вѣрную смерть двое изъ моего номера. Пойду и я, можетъ быть, и моя помощь пригодится.

Штейгеръ сказалъ имъ вслѣдъ обычное „Богъ въ помощь“, но болѣе мягкимъ и ласковымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно.

Пока лампочки отправившихся на помощь еще мерцали вдали, штейгеръ и углекопы слѣдили за ними съ замираніемъ сердца. Они тревожно прислушивались къ каждому паденію камешка, самому ничтожному стуку и шуму, долетавшему изъ штольни.

Между тѣмъ Бабчикъ, наученный многолѣтнимъ опытомъ, осторожно пробирался вдоль стѣнъ штольни, осматривая крѣпи и кучи щебня и подвигаясь все далѣе. За нимъ гуськомъ шли Войцѣхъ, Пакошъ и Бибѣля. Наконецъ, они достигли того мѣста, гдѣ стояли раньше угольные столбы, убранные по распоряженію директора. По дорогѣ они встрѣтили лежавшіе одинъ за другимъ столбы, брошенные шестью рабочими изъ отряда Гдульскаго. Они подвигались осторожно впередъ между кучами рухнувшей земли и угля. Вдругъ, при свѣтѣ лампочки, передъ нимъ мелькнуло что-то бѣлое на землѣ. Они остановились, тихо шепча побѣлѣвшими губами: „Вѣчная память“. Черезъ минуту Бабчикъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, протянулъ руку съ лампочкой и, освѣтивъ лежавшій на землѣ предметъ, вздохнулъ и шепнулъ тихо товарищамъ:

— Это Гдульскій!

Всѣ приблизились и окружили тѣло. Да, это былъ Гдульскій. Онъ лежалъ на животѣ, съ легко пораненной головой и руками.

Повидимому, онъ ползалъ на животѣ, опираясь на руки, такъ какъ обѣ ноги у него были раздавлены, обнажены и напоминали собою какія-то кровавыя лохмотья. Онъ лежалъ блѣдный, съ закрытыми глазами, безъ движеній и безъ признаковъ жизни. Бабчикъ поднялъ его безжизненно висѣвшую голову и подулъ ему въ лицо, но Гдульскій даже не шелохнулся. У предусмотрительнаго Бибѣли оказалась въ жестяной фляжкѣ вода; поставивъ лампочку на земь, онъ насильно разжалъ стиснутые зубы раненаго, влилъ ему въ ротъ немного воды и спрыснулъ лицо... Гдульскій пришелъ въ себя, обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ и, узнавъ товарищей, хотѣлъ встать, но тотчасъ же упалъ снова, громко застонавъ отъ боли.

— Не ходить ужъ тебѣ больше, бѣдняга, на своихъ ногахъ,—замѣтилъ жалобнымъ тономъ Матвѣй.

— Будешь ползать всю жизнь,—грустно добавилъ Бабчикъ. Гдульскій понялъ, наконецъ, все, громко разрыдался, поглядывая отъ времени до времени на размозженныя, изуродованныя ноги.

— Дѣтки мои!—воскликнулъ онъ среди громкихъ рыданій.

— Живы, братъ, и здоровы; они вѣдь на землѣ съ матерью!

По блѣднымъ щекамъ Войцѣха и Пакоша тихо струились

слезы. Гдульскій опять потерялъ сознаніе послѣ перваго взрыва горя.

— Лучше бы ему умереть на мѣстѣ,—произнесъ Бабчикъ.— Безъ ногъ, милостыней долженъ жить, а былъ такой силачъ!

— Кто его знаетъ, поправится ли онъ въ больницѣ? Одно утѣшеніе, что успѣетъ исповѣдаться, какъ слѣдуетъ христіанину.

— Надо же помочь ему! — воскликнулъ растроганный Войцѣхъ.

— Дѣло ты говоришь,—одобрилъ его Бабчикъ.—Изъ тѣхъ шести, кто знаетъ, остался ли хоть одинъ въ живыхъ... А этого первымъ нашли, перваго его и спасать надо!

— Гм... Лучше всего вотъ какъ сдѣлать,—началъ Матвѣй.—Вы, Бабчикъ, берите его за шею, подъ руки, и держите голову; они оба возьмутъ его за поясъ, потому что вѣдь мужикъ здоровый, а я возьму эти лохмотья и посвѣчу вамъ дорогу.

Штейгеръ, замѣтивъ приближавшійся изъ штольни „Дороты“ кортежъ, вышелъ на встрѣчу. Онъ увидалъ уже издали безсильно повисшее тѣло, окровавленныя ноги, которыя несъ Бибѣля, и узналъ Гдульскаго. Отвернувшись въ сторону, онъ шепнулъ растроганнымъ голосомъ:

— Вѣдь предупреждалъ я его!

Углекопы съ любопытствомъ и соболѣзнованіемъ встрѣтили раненаго. По приказанію штейгера, побѣжали за носилками.

— Живыми вернулись!—воскликнулъ Бабчикъ,—а тамъ еще шестеро осталось. Я иду, кто за мною?

— Мы!—отвѣчали Войцѣхъ, Пакошъ и Бибѣля.

Нашлось еще двое охотниковъ.

— Постойте, я послалъ за кирками,—распорядился штейгеръ.

Всѣ шестеро съ кирками въ рукахъ двинулись опять вглубь штольни „Дороты“. Они миновали покрытое лужей крови мѣсто, гдѣ лежалъ Гдульскій, и медленно двигались впередъ, пока имъ ни преградили дорогу огромныя глыбы камня. Они остановились и стали прислушиваться. Черезъ минуту Бабчикъ воскликнулъ:

— Живъ ли кто,—отзывайся?

Всѣ опять стали прислушиваться. Откуда-то изъ глубины, словно изъ подземелья, раздался тихій голосъ.

— Гдѣ ты?—закричалъ Бабчикъ.

Въ отвѣтъ послышался сначала тихій стонъ, а потомъ крики.

— Идемъ!

Они взбирались на глыбы, поглядывая съ недовѣріемъ на

сводъ, и шли на голосъ, который то обрывался и замиралъ, то опять громко кричалъ. Казалось, что голосъ раздается подъ ногами идущихъ. Бабчикъ приложилъ ухо къ землѣ и слушалъ...

— Онъ на право, подъ щебнемъ!—сказалъ онъ, вставая.

Они начали потихоньку отваливать глыбы. Работали молча, но напряженно. Наконецъ, у стѣны замѣтили маленькое отверстіе. Бабчикъ наклонился и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Это я, Яцекъ Ментусъ!—спасите, кто въ Бога вѣруетъ!

Быстро расширили отверстіе, освѣтили его лампочкой, и Яцекъ крикнулъ:

— Давайте сюда кирку, тащите меня!

Войцѣхъ наклонился, а Пакошъ схватилъ его за поясъ, для большей устойчивости, затѣмъ спустили внизъ остріе кирки, придерживая ее за рукоятку. Черезъ минуту послышалось, какъ осыпается камень, и у ногъ Войцѣха изъ отверстія показалось блѣдное, испуганное лицо углекопа Яцка Ментуса.

Вытащенный присѣлъ,—у него до того дрожали ноги, что онъ не могъ идти. Когда онъ немного оправился, его отвели въ безопасное мѣсто въ штольнѣ „Дороты", гдѣ были еще не тронуты крѣпи, и стали разспрашивать, какъ онъ спасся.

— Я бѣжалъ послѣднимъ со своимъ столбомъ, а пятеро передо мною съ Гдульскимъ. Вдругъ что-то загудѣло, и у меня потемнѣло въ глазахъ. Черезъ минуту я почувствовалъ себя какъ бы въ гробу. Кругомъ меня что-то валилось, гремѣло, трещало, а я только при вашемъ крикѣ пришелъ немного въ себя. Остальное вы знаете.

— Такъ ты былъ послѣднимъ? Говори правду, Ментусъ, потому что тутъ дѣло идетъ о спасеніи человѣческой жизни,— сказалъ серьезно Матвѣй Бибѣля.

— Истинную вамъ правду говорю, я былъ послѣдній. А тѣ съ Гдульскимъ убѣжали.

— Вотъ ихъ могила,—воскликнулъ Войцѣхъ, показывая на высокій валъ каменныхъ глыбъ.

— Если онъ говоритъ правду,—замѣтилъ Бабчикъ,—кровь должна къ намъ просочиться, потому что скатъ идетъ сюда.

Они схватили лампочки и стали осматривать камни, какъ вдругъ Пакошъ крикнулъ:

— Здѣсь!

Всѣ подошли къ нему. По землѣ струился маленькій ручеекъ, тонкій, какъ веревочка. Стали пробовать цвѣтъ жидкости пальцемъ: оказалась настоящая кровь. Возвратились къ сидѣвшему Ментусу.

— Еще одинъ вопросъ,—началъ Бабчикъ:—если ты по-

слѣдній, то передъ тобою завалило дорогу, но и за тобой также завалило? Пойдемъ посмотримъ его убѣжище!

— Эй, Бабчикъ, не накликай бѣды,—предостерегалъ Бибѣля.

— А тѣ пятеро ничего не стоятъ?—воскликнулъ тотъ.

Всѣ пошли. Сдвинули еще нѣсколько глыбъ, расширили отверстіе,—и Бабчикъ сказалъ:

— Да вѣдь это штольня!? Сойду поглядѣть.

Никто не посмѣлъ его отговаривать; онъ спустился внизъ, осмотрѣлъ всѣ углы и, ударивъ киркою въ столбъ, сказалъ, поднявъ глаза на стоявшихъ вверху товарищей:

— Это дерево спасло Ментуса, онъ себѣ сидѣлъ здѣсь въ безопасности, пока не кончился обвалъ. Правду онъ сказалъ, что былъ послѣднимъ, потому что подпорка цѣла.

Онъ благополучно выбрался, и всѣ стали тщательно осматривать огромную, высоко вздымавшуюся груду камней, подъ которыми лежало пятеро убитыхъ.

— Отъ нихъ осталась одна каша,—сказалъ Бибѣля,—тутъ вѣдь мышь, и та не спряталась бы.

— Правда, правда!—поддержали его другіе.

— Гм... А если бы еще попробовать?—пробормоталъ Бабчикъ и сдѣлалъ шагъ къ кучѣ щебня.

Всѣ стояли въ это время въ штольнѣ „Дороты“, подъ столбами.

Не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ со свода надъ самой кучей свалилась огромная глыба, обсыпая пылью стоявшихъ; затѣмъ начали валиться камни, такъ что всѣ поспѣшили ретироваться.

— Ничего отъ нихъ не осталось!—сказалъ Бабчикъ, и всѣ направились къ штейгеру. Онъ, увидѣвши Ментуса невредимымъ, очень обрадовался:

— Ты живъ!?

— Изъ могилы выскочилъ, господинъ штейгеръ!

— А остальные?

Бабчикъ и его товарищи сняли шапки, и Бабчикъ сказалъ:

— Вѣчная имъ память!

Ближе стоявшіе углекопы также сняли шапки и стали молиться. Всѣ остальные присоединились къ нимъ, и штольня „Дороты“ огласилась словами молитвы по усопшимъ.

Штейгеръ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Теперь десять часовъ, четыре часа смѣны уже прошло... Закусите немного, а я скоро вернусь.

Сначала всѣ молча завтракали, только Яцеку пришлось въ третій разъ разсказать всѣ подробности катастрофы. Вдругъ всталъ Бибѣля, позвалъ рукою Бабчика, отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Больно жалко смѣны, нечѣмъ и поживиться, а тамъ лежитъ вѣдь шесть готовыхъ столбовъ; какъ вы думаете, не взять ли ихъ?

— Взять бы можно, да вѣдь тѣ еще живы. Только страхъ ихъ разогналъ, потому и бросили работу, но они еще вернутся.

— Ну, пусть будетъ пополамъ и то ладно!

Бабчикъ кивнулъ Войцѣху и Пакошу и объявилъ имъ, что половина платы за шесть столбовъ слѣдуетъ имъ по правдѣ, такъ какъ никто, кромѣ нихъ, не осмѣлился идти въ штольню „Дороты". Не говоря ни слова, они пошли вчетверомъ и притащили шесть столбовъ. Углекопы смотрѣли на нихъ съ завистью, и особенно Францъ Бутный, который сказалъ громко, обращаясь къ товарищамъ:

— Ты тутъ рискуешь жизнью, а другой, не работая, получаетъ.

— Кто же вамъ мѣшалъ?—отрѣзалъ Бабчикъ.—Почему же только мы пошли на помощь?

Францъ умолкъ и сталъ подсчитывать свой заработокъ; наконецъ, онъ замѣтилъ сердито, скидывая свой хлѣбъ въ мѣшокъ:

— Не заработалъ и полтины. Съ такимъ заработкомъ сдохнешь, какъ собака!

— Заработывай себѣ, развѣ я мѣшаю?—отозвался Бабчикъ, закуривая сигару.

Начали совѣщаться, какъ продолжать работу, каждый предлагалъ свое. Наконецъ, Бибѣля сказалъ:

— Самое страшное позади. Мы видѣли въ „Доротѣ"—штольня совершенно спокойна. Въ боковыхъ ходахъ лѣсу множество и легко брать, потому что, въ случаѣ чего, всегда можно убѣжать въ штольню, подъ крѣпи. Жаль смѣны, да жаль и столькихъ трудовъ Изъ-за чего же мы натерпѣлись столько страху? Я думаю, что, если уже грабить, такъ грабить!

— Идемъ!—закричали углекопы, вставая.

— Тише, тише!—крикнулъ Бабчикъ,—все надо дѣлать не спѣша. Слѣдуетъ хорошенько смекнуть, какъ начинать работу. Что вы объ этомъ думаете, Бибѣля?

— А я вотъ какъ думаю:—оставить нѣсколько столбовъ со стороны обвала, гдѣ лежалъ Гдульскій, пусть себѣ стоятъ, потому что тамъ навѣрное порода порасшаталась...

— Вѣрно, вѣрно!—подхватили товарищи.

Бибѣля, довольный всеобщимъ одобреніемъ, усмѣхнулся и продолжалъ:

— Прежде всего надо брать изъ боковыхъ ходовъ, потому что тутъ дѣло вѣрное, а изъ насъ и безъ того уже пятеро на вѣки погибло.

Всѣ громко вздохнули, а нѣкоторые насупились.

— Такъ идите вы первый, Бибѣля, со своими, а я здѣсь обожду господина штейгера и доложу что слѣдуетъ.

Бибѣля осмотрѣлъ всѣхъ своихъ, велѣлъ поправить фитили въ лампочкахъ, перекрестился и двинулся въ штольню „Дороты“ со словами: „Богъ на помощь“.

Вернулись благополучно и изрядно нагруженные. „Рабунекъ“ продолжался удачно; заработокъ былъ хорошій и легкій, такъ что рабочіе стали даже посмѣиваться и шутить, что „Дорота“ такъ дешево даетъ. Только подъ конецъ одинъ шлеперъ сломилъ себѣ ногу, потому что запутался въ канатѣ и не успѣлъ отскочить.

Штейгеръ пришелъ, когда всѣ уже возвращались въ третій разъ, и былъ очень доволенъ обильнымъ „рабункомъ“, потому что вмѣстѣ съ нимъ росли и его проценты; замѣтивъ, наконецъ, ихъ усталыя, вспотѣвшія лица, безсильно падавшія руки и неувѣренную походку, онъ взглянулъ на часы и крикнулъ:

— Довольно! Черезъ часъ конецъ смѣны, подсчитайте! Нужно вѣдь и ночной смѣнѣ что нибудь оставить!

Нѣкоторые, разлакомившись хорошимъ заработкомъ, стали просить.

— Еще одинъ разокъ, господинъ штейгеръ!

Начальникъ нахмурился, грозно посмотрѣлъ на нихъ и крикнулъ:

— Молчать!

Въ эту минуту что-то загрохотало въ боковой штольнѣ; не успѣло еще утихнуть эхо, какъ вдругъ все начало трещать, гремѣть, гудѣть и трястись; казалось, что все рушится до основанія. Лампочки потухли и поднялся вой; вѣтеръ крутилъ и засыпалъ пескомъ глаза, какъ будто вырвались на свободу всѣ силы ада. Стоны углекоповъ заглушалъ непрерывный грохотъ и гулъ, и, не стой они подъ крѣпями, ихъ навѣрное похоронило бы всѣхъ подъ обваломъ.

Черезъ полчаса немного стихло, и Бабчикъ зажегъ дрожащими руками лампочку. Поблѣднѣвшій штейгеръ поднялся на ноги со словами:

— Вотъ-то была адская пляска! А вы хотѣли идти... Можетъ, и теперь найдутся охотники?

Всѣ молчали, и среди мертвой тишины послышался дрожащій отъ волненія голосъ Матвѣя Бибѣли:

— Чистое свѣтопреставленіе!

XIX.

На слѣдующій день, часовъ въ 9 утра, черезъ поля, прилегавшія къ копямъ, брело по снѣгу семь женщинъ, а за ними цѣлая куча ребятъ, изъ которыхъ самому младшему было не болѣе 5 лѣтъ. Онѣ подвигались медленно впередъ, вздыхая и тихо всхлипывая. Холодный вѣтеръ леденилъ ихъ слезы, оставляя красныя пятна на ихъ заплаканныхъ лицахъ.

— Такъ-то вотъ, милая сосѣдка; умеръ мой совсѣмъ нежданно-негаданно и оставилъ меня сиротой съ четырьмя ребятишками. Кромѣ этихъ, еще двое дома осталось, — что я теперь, несчастная, буду дѣлать?—громко зарыдала одна изъ женщинъ, вытирая глаза грязнымъ платкомъ.

— А мой-то чуялъ вѣрно бѣду: каждый день жаловался на кофе,—все ему не по вкусу, а вчера ничего,—поцѣловалъ только дѣтей и ушелъ. Не зналъ, видно, бѣдняга, что на смерть идетъ...

Слезы, струившіяся по лицу бѣдной женщины, хлынули еще сильнѣе. Она ихъ не вытирала больше, а только обернулась и стала звать отставшую дочурку:

— Маруся, Маруся! иди скорѣе! Не отставай, а не то тебя волкъ съѣстъ!

Вся раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся, малютка ускоряла шаги.

— Ваши еще что!—сказала безнадежнымъ тономъ третья,— вы получите пенсію изъ кассы взаимопомощи, — ваши долго служили; а вотъ мой всего третій годъ въ копи, раньше онъ работалъ въ рудникѣ. Что же мнѣ, горькой сиротѣ, дѣлать съ двумя ребятишками!...

Со слезами, стонами и жалобами онѣ добрались, наконецъ, до цѣли путешествія. Это было обширное поле, окруженное со всѣхъ сторонъ предохранительными знаками въ видѣ столбиковъ, на которыхъ были изображены мертвыя головы. Желтые столбики съ яркимъ чернымъ рисункомъ мертвой головы рѣзко выдѣлялись на бѣлоснѣжномъ фонѣ. Этотъ широкій беззубый ротъ, обозначенный грубыми штрихами, казалось, зловѣще смѣялся, что-то шепталъ, куда-то звалъ и манилъ...

Когда женщины и старшія дѣти опустились на колѣни, младшія указывали другъ другу на странное изображеніе. Сначала они тихо и сдержанно смѣялись, а потомъ не выдержали и стали исподтишка кидать другъ въ друга комками снѣга.

— Мама! — шептала восьмилѣтняя дѣвочка, — нашъ папа здѣсь лежитъ?

— Здѣсь, здѣсь, моя бѣдная сиротка!—простонала мать.

— Да вѣдь здѣсь нѣтъ ни могилы, ни креста!?

Въ отвѣтъ на этотъ наивный вопросъ ребенка вдовы всѣхъ семерыхъ погибшихъ при „рабункѣ", пяти изъ дневной смѣны и двоихъ изъ ночной,—заголосили еще сильнѣе прежняго. Со слезами и причитаньями онѣ падали на землю, рвали на себѣ одежду и съ такимъ отчаяніемъ выкрикивали свои жалобы, что испуганныя дѣти тоже начали громко ревѣть. Ихъ пискливый плачъ, смѣшанный съ воплями и стонами женщинъ, подхватилъ рѣзкій восточный вѣтеръ и понесъ дальше къ дорогѣ, по которой какъ разъ въ это время проѣзжалъ въ щегольскихъ санкахъ директоръ, закутанный въ дорогую шубу

Онъ взглянулъ въ ту сторону, откуда доносились стоны, и. по недавно поставленымъ столбикамъ сразу узналъ мѣсто недавняго „рабунка"; нѣкоторое время онъ прислушивался къ жалобнымъ воплямъ, которые примѣшались къ скрипу саней, но потомъ плотнѣе запахнулся шубой, вздохнулъ и крикнулъ кучеру:

— Ступай скорѣе!

Между тѣмъ одна изъ женщинъ открыла молитвенникъ и стала громко и отчетливо читать молитву по усопшимъ. Остальныя, всхлипывая, повторяли ея слова. Дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, со всѣмъ расшалились; они бросали другъ въ друга снѣжками, бѣгали взапуски и скатывались кубаремъ съ небольшихъ снѣжныхъ сугробовъ.

Наконецъ, матери обратили вниманіе на эту рѣзвость, неумѣстную у могилы отцовъ, особенно во время молитвы; возмущенныя этимъ женщины принялись дѣлать имъ внушенія; только тогда веселая компанія опустилась, по примѣру старшихъ, на колѣни и стала безсмысленно повторять священныя слова молитвы своими посинѣвшими отъ стужи губками.

Изнуренныя, прозябшія, несчастныя женщины рѣшили на обратномъ пути зайти къ управляющему, а если понадобится, то и къ самому директору, чтобы просить о пособіи и немедленной помощи. Вся эта кучка несчастныхъ медленно тащилась обратно, направляясь къ канцеляріи и тяжело ступая своими застывшими ногами по глубокимъ сугробамъ снѣга.

Директоръ, однако, раньше ихъ прибылъ въ канцелярію.

Послѣ обычныхъ вопросовъ о состояніи копи, о добычѣ и количествѣ угля, сложеннаго высокими штабелями близь копи, директоръ развалился въ креслѣ и сказалъ со вздохомъ:

— Послѣдній „рабунекъ" прошелъ не совсѣмъ удачно. Добыто много хорошаго дерева, но губить столько народу не совсѣмъ удобно. Оффиціальный рапортъ готовъ?

— Еще не оконченъ, господинъ директоръ.

— Не забудьте упомянуть о тщательномъ осмотрѣ копи, произведенномъ нами передъ катастрофой.

— Слушаю, господинъ директоръ.

— Счастье еще, что я самъ осмотрѣлъ эту штольню...

— Конечно, господинъ директоръ.

— Да не забудьте подчеркнуть, что рабочіе шли добровольно, знаете вѣдь: volenti non fit injuria. Изъ школьной латыни, кажется, только это одно и осталось у меня въ памяти,— прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Понимаю, господинъ директоръ... Но что же сказать вдовамъ убитыхъ углекоповъ?.. навѣрное онѣ придутъ сюда...— спросилъ нерѣшительнымъ тономъ управляющій.

— Вотъ несчастныя женщины! Я только что видѣлъ, какъ онѣ молились въ полѣ...—при этомъ онъ глубоко вздохнулъ:— Что-же... оставьте ихъ до весны въ старыхъ квартирахъ, прикажите выдавать имъ безплатно уголь, а затѣмъ пусть обратятся въ кассу взаимопомощи...

Въ эту минуту въ передней послышался сильный шумъ, какіе-то крикливые голоса и быстрое хлопанье дверей. Директоръ, нахмуривъ брови, выразительно посмотрѣлъ на управляющаго и сказалъ:

— Онѣ уже здѣсь... Поручаю вамъ уладить съ ними это дѣло. Распорядитесь такъ, какъ я вамъ только что говорилъ. Только все должно быть сдѣлано на бумагѣ и при свидѣтеляхъ! — закончилъ онъ свои инструкціи, прощаясь съ управляющимъ.

Директоръ угадалъ,—это были вдовы. Онѣ стояли передъ канцеляріей, скрываясь за стѣною отъ вѣтра и прижимаясь другъ къ другу, и ожидали разрѣшенія видѣться съ управляющимъ.

Когда директоръ проходилъ мимо, онѣ выступили немного впередъ и смотрѣли съ глубокимъ почтеніемъ и надеждой на важнаго начальника, но онъ быстро прошелъ дальше: у него было еще такъ много дѣла, и онъ боялся опоздать къ обѣду.

Управляющій, прикрываясь формальнымъ договоромъ, статьями горнаго устава, правилами копей и, наконецъ, непосредственными предписаніями директора, уладилъ дѣло, какъ всегда, очень выгодно для компаніи.

XX.

Въ слѣдующее воскресенье Войцѣхъ съ Маней Куракъ возвращались домой съ вечерни. Всю дорогу имъ было очень весело: Войцѣхъ то шепталъ что-то дѣвушкѣ на ухо, то шутилъ съ матерью, а онѣ были такъ довольны, что громкій смѣхъ ихъ слышался еще издали.

— Только бы этотъ постъ переждать,—говорилъ Войцѣхъ,— а тамъ на Новый годъ напляшемся вдоволь. Нужно начать его весело.

— Не знаю, пойду-ли я,—говорила дѣвушка, опуская глаза,— можетъ быть татусь не позволитъ или мама.

— Э, чего тутъ не позволять? Попросимъ хорошенько татуся, уговоримъ маму и дѣло въ шляпѣ. А можетъ быть я еще маменькѣ сыщу кавалера для танцевъ!

— Вотъ еще!—улыбаясь, замѣтила мать.—Да кто же на это согласится?

— Не бойтесь, найдемъ,—со смѣхомъ говорилъ Войцѣхъ,— отчего бы и не рискнуть? Нужно только...

— Чего?—спросила Маня.

— Пива и водки!

Всѣ расхохотались, но мать притворилась обиженной. Въ это время къ Войцѣху быстро подошла немолодая женщина, худая, блѣдная, съ блестящими глазами, но прилично одѣтая и повязанная краснымъ платкомъ. Она схватила Войцѣха за руку и укоризненно заговорила:

— Что-же, забылъ уже про Севастьяна?

— Какъ можно! Я хотѣлъ сегодня зайти къ нему въ больницу, да какъ-то не удалось... — сконфуженно отвѣтилъ тотъ, оставаясь позади съ матерью Севастьяна. — Какъ онъ теперь себя чувствуетъ?

— Очень плохо: рана все продолжаетъ гноиться. Фельдшеръ говорилъ, что, вѣроятно, ножъ былъ отравленъ или что нибудь въ родѣ этого. Страшно онъ скучаетъ, бѣдняга, безъ людей... про тебя сколько разъ спрашивалъ...

— Когда же онъ выпишется изъ больницы?

— Черезъ недѣлю, а можетъ быть и больше. Богъ знаетъ, что будетъ дальше. Видно, въ сочельникъ одна буду встрѣчать праздникъ, а онъ въ больницѣ, мой бѣдный соколикъ, моя единственная отрада и утѣшеніе!...

Войцѣху было очень тяжело; онъ чувствовалъ себя виновнымъ въ томъ, что утащилъ Севастьяна изъ дому, отъ матери, а его тутъ-же ранили. Онъ хотѣлъ утѣшить чѣмъ нибудь бѣдную женщину и сказалъ:

— Рана отъ ножа очень непостоянна: день хорошо, а день скверно, можетъ быть завтра начнетъ уже подживать!

— Если бы такъ!... Я уже ходила къ знахаркѣ, и она говоритъ, что сынъ не поправится, пока не прольется кровь этого разбойника...

— Кабы я зналъ, кто онъ, — я бы отплатилъ кровью за кровь. Узнать-то только трудно.

— Времени у тебя было довольно, только ты объ этомъ мало, кажется, заботишься, потому и забылъ. Ты только покажи его

мнѣ: я хоть и женщина, а не побоюсь его!—гнѣвно сказала она.

— Зачѣмъ вамъ вмѣшиваться въ наши счеты? Я уже обдѣлаю все, какъ слѣдуетъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія мать Севастьяна опять заговорила, шопотомъ:

— Если ты говоришь искренно, какъ добрый другъ и товарищъ, то сегодня какъ разъ воскресенье,—найти его всего легче. Ты мнѣ только покажи его, а смѣлости у меня самой хватитъ, чтобы расправиться съ нимъ, какъ слѣдуетъ.

Войцѣху, наконецъ, надоѣли эти попреки и жалобы и онъ раздражительно замѣтилъ:

— Вы мнѣ о смѣлости не толкуйте! Спросите лучше обо мнѣ у товарищей, они вамъ разскажутъ, что я за человѣкъ!

— А всетаки ты не нашелъ его, хоть и клялся. Помнишь свою клятву?

— Поклялся и сдержу слово.

Они опять прошли немного рядомъ. Войцѣхъ, раздраженный попреками и недовольный, что ему пришлось покинуть Маню, раздумывалъ, какъ бы ему отдѣлаться отъ этой женщины.

— Вижу, что тебя тянетъ къ этой вертушкѣ; такъ лучше я ужъ послѣ приду въ трактиръ „Подъ голубемъ“, можетъ и сговоримся... Ну, иди съ Богомъ!...

Войцѣху не нужно было повторять два раза; онъ быстро пошелъ впередъ и тотчасъ нагналъ Маню. Она стала его разспрашивать:

— Чего это нужно матери Севастьяна?

— Тутъ цѣлая исторія... Когда Севастьяна ранили, я пообѣщалъ матери найти этого негодяя и отомстить ему...

— Ну, и что-же?—полюбопытствовала она.

— Что же, не нашелъ еще...

— Такъ онъ гуляетъ теперь на свободѣ?—гнѣвно сказала она, какъ настоящая дочь углекопа, глубоко ненавидѣвшая заводскихъ рабочихъ. — Товарищъ лежитъ въ больницѣ, а углекопы уже и забыли про это дѣло?!

— Придетъ и его чередъ,—мрачно сказалъ Войцѣхъ.

— Когда же это будетъ?

— А почемъ я знаю!

— Вотъ это прекрасно!—раскраснѣвшись, вскричала Маня,—скоро и по улицѣ нельзя будетъ пройти, до того доходитъ дерзость этихъ литейщиковъ! Избили такого славнаго парня, и это сошло имъ даромъ... конечно, они теперь еще больше хвастаются и насмѣхаются надъ углекопами... Слышите, мама?—обратилась она къ матери.

— Слышу, слышу, — ты права, моя милая. Мельчаютъ, видно, углекопы, мельчаютъ!—со вздохомъ замѣтила она.

— Такъ вотъ, видно, почему,—продолжала Маня,—эти расфуфыренныя литейщицы сегодня такъ издѣвались надо мной... Что-же, онѣ правы,—теперь, знать, литейщики взяли верхъ!

Эти слова подѣйствовали на Войцѣха, какъ удары плети. Онъ и безъ того уже былъ раздраженъ жалобами матери Севастьяна; слушать-же подобные упреки отъ Мани для него было въ сто разъ тяжелѣе. Онъ нахмурился и пробормоталъ:

— Это ужъ наше дѣло. Еще увидимъ, кто возьметъ верхъ!

— Если дѣло пойдетъ такъ и дальше, то, конечно, литейщики!—съ горечью замѣтила Маня.

Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу горечи,— Войцѣхъ не могъ больше выдержать и гнѣвно крикнулъ:

— Нечего тутъ бабамъ мѣшаться, это не ихъ дѣло, а наше?! Вы бы лучше смотрѣли за хозяйствомъ, да за дѣтьми!

— Нечего сказать, вѣжливый кавалеръ! Ищите-же себѣ другую, а съ меня довольно насмѣшекъ этихъ литейщицъ...

И разобиженная Маня вошла въ первыя попавшіяся ворота, обращаясь къ матери со словами:

— Я зайду на минутку къ Марцысѣ; скоро вернусь.

— Да и мнѣ тоже нужно зайти,—есть тутъ небольшое дѣльце.

Войцѣхъ поклонился и, злой, какъ чортъ, пошелъ прямо въ трактиръ „Подъ голубемъ“.

Чтобы отвести немного душу, онъ такъ громко бранился, что всѣ прохожіе съ недоумѣніемъ оглядывались и сторонились отъ него, какъ отъ помѣшаннаго.

Въ трактирѣ по обыкновенію было много знакомыхъ, но Войцѣху было не до разговоровъ. Онъ сѣлъ въ сторонѣ, за отдѣльнымъ столикомъ, и началъ такъ быстро пить пиво, какъ будто у него горѣли всѣ внутренности.

Замѣтивъ его, Пакошъ велѣлъ подать себѣ кружку пива, присѣлъ къ Войцѣху и сталъ разспрашивать, что съ нимъ.

— Что тебѣ говорить,—все равно не поможешь!

— Почемъ знать? Я всегда готовъ тебѣ помочь, а здѣсь дѣло, повидимому, касается дѣвушки...

— Ты, Пакошъ, не лѣзь мнѣ въ душу. Захочу—разскажу, а не захочу... лучше и не спрашивай!

— Мнѣ страшно жаль тебя, Войцѣхъ, должно быть у тебя большая бѣда, коли ты такъ носъ повѣсилъ!—Облокотившись на столъ, онъ наклонился къ своему собесѣднику и продолжалъ,

— Довѣрься другу, легче будетъ... можетъ быть, долги?

— Долги? Если и есть, то я самъ съумѣю расплатиться: это ужъ мое дѣло!—быстро отвѣтилъ тотъ.—Ну, ладно... скажу тебѣ, что у меня на душѣ,—ты парень славный, хоть и силезецъ.

Онъ кончилъ кружку и велѣлъ подать себѣ новую, а Па-

кошъ съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ ему въ глаза, желая поскорѣе помочь другу.

— Ты помнишь моего пріятеля Севастьяна, котораго здѣсь литейщики ранили?

— Отлично помню его, да и литейщика помню! И теперь они, какъ живые, стоятъ у меня предъ глазами.

— Ты встрѣчалъ этого литейщика?—спросилъ Войцѣхъ, пристально всматриваясь въ лицо Пакоша, чтобы тотъ не обманулъ его.

— Разъ только издали мнѣ показалось, будто онъ,—неувѣреннымъ голосомъ отвѣтилъ тотъ.

— Смотри, Пакошъ, ты мнѣ не ври, я этого не люблю!—обозлился вдругъ Войцѣхъ и прямо посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Да право-же, я только разъ видѣлъ издали, какъ онъ свернулъ къ заводскимъ постройкамъ.

— Какъ же это я его ни разу не встрѣтилъ?

— Вотъ еще чего захотѣлъ!—улыбнулся Пакошъ:—развѣ овца полѣзетъ въ волчью пасть!

— Слушай-же, если хочешь слушать! Ты постоянно меня перебиваешь!

Пакошъ видѣлъ, что этотъ упрекъ не заслуженъ, но смолчалъ, взялся за пиво и приготовился слушать.

— Я долженъ его найти гдѣ бы то ни было... хоть бы въ самой ихъ бѣсовской печи, но отомстить ему, какъ слѣдуетъ

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?—пренебрежительно спросилъ Пакошъ.—Штука не велика, и я тебѣ помогу. Ужъ мы его поймаемъ какъ нибудь съ глазу на глазъ!

Войцѣхъ хлебнулъ пива, закурилъ папироску и насмѣшливо обратился къ Пакошу:

— Ишь, вѣдь, какъ ты онѣмѣчился въ этой Силезіи!

— А что?—вспыхнулъ Пакошъ.

— А болтаешь вотъ зря,—и, передразнивая Пакоша, онъ продолжалъ:—„я тебѣ помогу. Ужъ мы его поймаемъ какъ-нибудь“,—помаленьку да полегоньку... Тьфу! этакая размазня. А у насъ, братъ, такъ: либо панъ, либо пропалъ! Идти, такъ идти, хоть въ огонь, а не идти, такъ и болтать нечего!

— Да чего-же ты хочешь? — спросилъ съ досадою Пакошъ,—скажи только, я пойду за тобой и въ огонь, и въ воду!

Эти слова тронули Войцѣха, и онъ началъ уже болѣе мягкимъ тономъ:

— Разсердилъ я тебя, но мнѣ и самому страшно досадно, что я не знаю этого литейщика... Ну, выпьемъ-ка лучше еще!

Онъ велѣлъ подать пива, чокнулся съ пріятелемъ и продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Встрѣтился я сегодня съ матерью Севастьяна,—такая она неотвязная..

— Что-же удивительнаго, мать!—вставилъ Пакошъ.

— Я и самъ знаю, да ты меня не перебивай... Потомъ зашелъ я къ одной дѣвушкѣ...

— Къ Манѣ?—спросилъ Пакошъ.

— А ты губъ ею не мозоль!—сердито крикнулъ Войцѣхъ, который былъ страшно ревнивъ,—Маня или не Маня, это не твое дѣло!

Оба замолчали. Войцѣхъ, успокоившись немного, началъ опять:

— И она тоже колетъ мнѣ глаза этимъ проклятымъ литейщикомъ. Я рѣшилъ сегодня съ нимъ покончить, нечего тутъ раздумывать!

— Я пойду, братъ, съ тобой,—смѣло отозвался Пакошъ.

— Славный ты парень! Давай поцѣлуемся!

Они дружески расцѣловались, и Пакошъ потребовалъ пива.

— Нужно такъ устроить, — продолжалъ Войцѣхъ, — чтобы этого литейщика застукать гдѣ-нибудь одного, безъ товарищей. Не правда-ли?

— Гм... нужно еще подумать объ этомъ...

— Думай, думай! интересно только знать, что ты выдумаешь?—усмѣхнулся Войцѣхъ.—Ты вѣдь новичекъ, не знаешь здѣсь ни людей, ни порядковъ, ни мѣстности. Что жъ ты можешь придумать?

— Хоть и не знаю, а уже придумалъ,—отрѣзалъ Пакошъ.

— А ну-ка, что?—поддразнилъ его Воцѣхъ.

— Пойду въ заводскій трактиръ и, если онъ тамъ, тогда позову тебя...

— Вотъ такъ придумалъ! Убьютъ тебя тамъ и больше ничего,—придется мнѣ мстить не только за Севастьяна, а и за тебя. Нѣтъ, будетъ съ меня и одного!

— Не очень-то я нуждаюсь въ твоемъ мщеніи!

— Ты, можетъ, и не нуждаешься, а я долженъ отомстить, такая ужъ у меня натура!

— Ну, такъ что же дѣлать?—спросилъ Пакошъ въ недоумѣніи, почесывая затылокъ.

Въ эту минуту къ нимъ подошла мать Севастьяна. При свѣтѣ лампы ея исхудалое, съ впалыми щеками, лицо казалось совсѣмъ желтымъ, а глубоко ввалившіеся глаза лихорадочно горѣли. Она сѣла за столикъ и пристально посмотрѣла на Войцѣха.

— Выпейте чего-нибудь,—предложилъ тотъ.

— Я пришла сюда не для того, чтобы пить и веселиться,— ты знаешь, что меня гнететъ.

— Знаю, знаю,—ужъ мы тутъ придумаемъ что-нибудь, но пока выпейте немного, это подкрѣпитъ ваши силы.

— Вся моя сила въ сынѣ,—моей единственной опорѣ. Онъ

лежитъ въ больницѣ, а его обидчикъ гуляетъ и веселится на волѣ!

— Скоро будетъ конецъ его веселью! — мрачно замѣтилъ Войцѣхъ.

— Словами и угрозами ничего ему не сдѣлаешь. Умрешь ты видно, Севастьянъ, моя единственная радость и утѣшеніе!— и она тихо начала плакать.

— Насъ теперь двое,—сказалъ Пакошъ,—справимся какъ-нибудь съ этимъ литейщикомъ.

— И ты съ нами?—обрадовалась она.

— Я всегда съ Войцѣхомъ, — важно и съ достоинствомъ отвѣтилъ тотъ.

— Такъ за чѣмъ же дѣло?—спросила она.

Войцѣхъ все это время сидѣлъ молча, со сдвинутыми бровями и, повидимому, напряженно обдумывалъ планъ дѣйствій Наконецъ, онъ ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ:

— Эй, хозяинъ! Сколько съ меня слѣдуетъ?

Войцѣхъ и Пакошъ расплатились, а когда хозяинъ отошелъ, Войцѣхъ сказалъ:

— Пойдемъ въ трактиръ къ литейщикамъ... А вы,—обратился онъ къ матери Севастьяна,—обождите насъ здѣсь. Вернемся мы или нѣтъ, а Севастьянъ навѣрное будетъ отомщенъ.

Она вскочила со стула и почти со слезами обратилась къ Войцѣху:

— Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя одного, соколъ мой ясный! Ты идешь мстить за моего сына, а я не буду помогать тебѣ?

— Не ходите лучше. Надѣлаете шуму, и онъ опять удеретъ,—сказалъ Войцѣхъ серьезно.

— Клянусь муками Спасителя, — не пророню ни единаго слова, но видѣть его я должна непремѣнно.—Она сложила руки и покорно молила взять ее съ собой, только глаза ея какъ то лихорадочно горѣли.

— Если ужъ вамъ такъ хочется, такъ идемъ, только смотрите,—ни слова!

— Гм... Войцѣхъ!—тихо сказалъ Пакошъ.—Хорошо-ли ты разсчиталъ? вѣдь тамъ ихъ можетъ окажется цѣлая куча, справимся-ли мы?

— А что, струсилъ?

— Струсить не струсилъ, а боюсь, не вышло бы неудачи.

— Вздоръ, братъ. У меня хватитъ силы въ рукахъ.— И они втроемъ вышли на улицу. На дворѣ была страшная темень, только бѣловатый отблескъ снѣга освѣщалъ немного дорогу. Дулъ сильный, порывистый вѣтеръ и, бѣшено завывая, ударялся въ стѣны домовъ, налетая на молодыя деревья, пригибая ихъ къ самой землѣ и ломая вѣтви. Онъ съ дикимъ

воемъ накидывался на каждаго прохожаго, трепалъ и рвалъ его одежду и чуть не валилъ съ ногъ.

— Вотъ такъ вѣтрище, вѣрно кто-нибудь повѣсился,—замѣтилъ Пакошъ, застегивая пальто.

— Тебѣ холодно?—спросилъ Войцѣхъ.

— Пробираетъ немного.

— Ничего. Выпьемъ тамъ у литейщиковъ, согрѣешься,—усмѣхнулся Войцѣхъ.

Они уже миновали дома углекоповъ, съ ярко освѣщенными окнами, бросавшими длинныя полосы свѣта на бѣлую пелену снѣга, и повернули налѣво, въ пустую и темную улицу, на краю которой виднѣлись мрачныя казармы заводскихъ рабочихъ. Только изъ стеклянной двери и оконъ трактира лился на улицу яркій свѣтъ. Они уже подходили къ дверямъ, какъ вдругъ мать Севастьяна спросила:

— Войцѣхъ, у тебя есть ножъ?

Онъ гнѣвно посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ:

— Есть, только для хлѣба!..

— А большой, острый?—допытывалась она,

— Я, матушка, углекопъ,—возмутился Войцѣхъ,—спросите меня про кирку, буравъ, лампочку,—я вамъ отвѣчу. А ножъ—это оружіе литейщиковъ, а не углекоповъ!..

— И у тебя нѣтъ?—обратилась она къ Пакошу.

— Я тоже углекопъ!—отрѣзалъ Пакошъ.

Она засунула руки глубоко подъ платокъ, повязанный на груди, дѣлая видъ, что грѣетъ ихъ. Всѣ тронулись дальше. Пройдя нѣсколько шаговъ, они остановились. Войцѣхъ сталъ заглядывать въ стеклянную дверь, а. Пакошъ въ окно.

— Шестеро!—сказалъ Войцѣхъ и смѣло вошелъ въ трактиръ, широко распахнувъ двери.

Висѣвшая надъ прилавкомъ лампа ярко освѣщала всю небольшую комнату.

Налѣво отъ входной двери, у стѣны сидѣло шестеро литейщиковъ и пили пиво. Лица у нихъ были блѣдныя, зрачки большіе, расширенные отъ ослѣпительнаго блеска въ доменныхъ печахъ, бороды и усы жиденькіе, большей частью рыжеватые и курчавые, какъ овечье руно. Они съ недоумѣніемъ смотрѣли на вошедшихъ углекоповъ и женщину, ожидая, что будетъ дальше.

Раззадоренный Войцѣхъ подбоченился и, обращаясь къ хозяйкѣ, крикнулъ:

— Пива, хозяюшка, пива!

— Нѣтъ у меня для васъ пива! — сердито буркнула хозяйка, не двигаясь съ мѣста.

— А вѣдь они-то пьютъ!—замѣтилъ Пакошъ, указывая на заводскихъ.

— Пьютъ, потому что это ихъ пиво!—рѣзко отвѣтила та.

— Такъ дайте намъ, хозяюшка, водки! Говорятъ, что заводская холодитъ, а наша грѣетъ!—сказалъ Войцѣхъ, улыбаясь и не глядя въ сторону сидѣвшихъ у стѣны литейщиковъ.

— Дайте ужъ имъ!—сказалъ кто-то изъ нихъ.

Войцѣхъ снялъ шляпу, отвѣсилъ поклонъ въ сторону литейщиковъ и вдругъ страшно поблѣднѣлъ: онъ узналъ противника Севастьяна. Это былъ сильный, рослый парень, съ короткой, курчавой бородой. Повидимому, онъ тоже узналъ Войцѣха и безпокойно заерзалъ на стулѣ.

— Сколько же вамъ?—злобно спросила хозяйка.

— Полъ-штофа, только покрѣпче!—отвѣтилъ Пакошъ.

— Деньги впередъ, — рѣзко заявила та, снимая бутылку съ полки.

— Вотъ вамъ полтинникъ, — отвѣтилъ Пакошъ, бросая деньги на прилавокъ,—а что будетъ слѣдовать еще, уплатимъ послѣ.

Они усѣлись съ правой стороны отъ двери. Войцѣхъ у стѣны, противъ литейщиковъ; по лѣвую руку отъ него, ближе къ двери, мать Севастьяна, а напротивъ Войцѣха помѣстился Пакошъ. Не смотря на то, что въ стульяхъ недостатка не было, онъ вытащилъ изъ угла скамейку, подставилъ ее къ столу и сталъ чокаться съ Войцѣхомъ:

— Пью за счастливый конецъ!

— А я за счастливое начало! — подхватилъ Войцѣхъ, опрокинувъ въ ротъ цѣлый стаканъ водки, и началъ говорить:

— Дѣло было вотъ какъ: у одного отца было шестеро сыновей, вотъ какъ и ихъ тамъ,—онъ кивнулъ головой въ сторону литейщиковъ.—Пять умныхъ, а шестой дуракъ, какъ вонъ тотъ. Пошли они по міру пробовать свою силу, а дуракъ все лѣзетъ впередъ. Видитъ, что не справиться ему съ человѣкомъ, такъ онъ скорѣе за ножъ, опять-таки такъ, какъ этотъ!

Это было уже слишкомъ; одинъ изъ литейщиковъ всталъ и сказалъ, обращаясь къ Войцѣху:

— Вы, господинъ углекопъ, пришли сюда, мы приняли васъ, какъ гостя, — позволили вамъ пить. Такъ ужъ вы не задирайте насъ—мы здѣсь хозяева!

— Развѣ я васъ оскорбляю?—удивленно спросилъ Войцѣхъ.—Вѣдь васъ пятеро умныхъ, а у меня большая охота помѣряться силою съ глупымъ, вонъ съ тѣмъ, что прячется подъ столъ.

Указанный Войцѣхомъ литейщикъ вскочилъ со стула,— онъ былъ выше и сильнѣе Войцѣха, — вышелъ на середину комнаты и грозно крикнулъ:

— Съ такой мелюзгой и мараться не стоитъ, а вотъ попробуемъ-ка лучше, кто больше выпьетъ спирту: тотъ пусть останется здѣсь, а другого вышвырнемъ за шиворотъ.

— Хочешь потягаться спиртомъ?—вѣжливо спросилъ Войцѣхъ и, вставъ, вышелъ также на середину комнаты. — Отлично, только со всѣми шестью я не справлюсь.

— Мы не вмѣшиваемся, это дѣло ваше!—сказали литейщики, увѣренные въ побѣдѣ товарища.

— Смотрите только, сдержите слово! — серьезно сказалъ Войцѣхъ.—Эй, хозяюшка! по стаканчику спирту,—спиртъ проясняетъ глаза.

Они залпомъ выпили по стакану. Войцѣхъ дѣлалъ видъ, какъ будто бы слезы застилаютъ ему глаза; онъ протеръ ихъ и посмотрѣлъ на своего противника, потомъ опять протеръ и опять посмотрѣлъ и, наконецъ, сказалъ:

— Эй, молодецъ! да мы, кажись, знакомы?!

— Не помню что-то,—отвѣтилъ тотъ.

— Коротка-же у тебя намять, припомни-ка хорошенько!

Литейщики слушали. Пакошъ тоже всталъ, придвинулъ скамейку, чтобы она была подъ рукой, а мать Севастьяна быстро вытащила изъ подъ платка длинный и острый ножъ.

— Разъ тебѣ говорю, что не помню, значитъ не помню. Будемъ пить дальше!—крикнулъ литейщикъ.

— Такъ я тебѣ скажу, собачій сынъ! Ты ранилъ моего товарища!—И съ этими словами онъ схватилъ его за поясъ; съ минуту они возились, но литейщикъ былъ сильнѣе; онъ почти вырвался изъ объятій противника, но гнѣвъ и возбужденіе удвоили силы Войцѣха,—онъ опять охватилъ литейщика и такъ плотно прижалъ его руки къ туловищу, что тотъ оказался почти безоружнымъ. Въ эту минуту подскочила мать Севастьяна и пырнула ножомъ въ самый животъ литейщика; онъ употребилъ всѣ свои силы, чтобы вырваться, но она еще разъ вонзила ножъ въ его ногу и полоснула имъ до самаго колѣна: кровь брызнула фонтаномъ,—повидимому, ножъ перерѣзалъ жилу.

Литейщикъ вскрикнулъ отъ боли и такъ ударилъ ногой женщину, что она очутилась у самыхъ дверей, ударившись о косякъ двери.

Между тѣмъ литейщики, увидѣвъ ножъ, схватились за свое оружіе и уже готовились напасть на Войцѣха, когда между ними и Войцѣхомъ появился Пакошъ со скамейкой въ рукахъ.

— Тронься только кто,—размозжу голову! Судъ такъ судъ! Посмотримъ, кто кого сильнѣе!

Хозяйка подняла крикъ, стали кричать и литейщики, наступая на Пакоша, отбивавшагося скамейкой.

Вдругъ Войцѣхъ съ такой силой бросилъ своего противника о земь, что въ немъ что-то какъ будто екнуло, и отскочилъ къ двери съ крикомъ:

— Пакошъ, за мной!

Пакошъ взмахнулъ скамейкой и ранилъ двухъ литейщиковъ, но въ эту минуту самъ получилъ легкій ударъ ножомъ и выскочилъ на улицу.

Всѣ трое быстро бѣжали, такъ какъ за ними съ яростнымъ крикомъ гнались литейщики. Наконецъ, они достигли своего трактира „Подъ голубемъ".

— Что случилось?—вскрикнули въ одинъ голосъ всѣ посѣтители, видя мать Севастьяна, забрызганную кровью, изорванное платье Войцѣха и прорѣзанное пальто Пакоша.

— Это все литейщики надѣлали!—крикнулъ кто-то.

— Нѣтъ никакого житья съ этими смолимордами.

— Ну, разсказывайте!

Войцѣхъ началъ разсказывать все подробно, а мать Севастьяна слушала съ удовольствіемъ, изрѣдка улыбаясь; вдругъ она взглянула на свои руки, красныя и липкія отъ человѣческой крови... Лицо ея поблѣднѣло, и она поспѣшно начала вытирать руки объ юбку, но кровь не вытиралась. Она поблѣднѣла еще больше и съ трудомъ держалась на ногахъ.

— Что съ вами?—спросилъ Пакошъ.

Она протянула руки и закричала въ ужасѣ:

— Кровь! кровь!

Ее увели за перегородку и умыли.

Вскорѣ она вернулась въ залъ блѣдная, грустная и, обращаясь къ Войцѣху, сказала:

— Спасибо, Войцѣхъ, — ты спасъ мнѣ сына. Прощайте пока,—эта кровь не даетъ мнѣ покоя!

XXI.

Въ рождественскій сочельникъ, когда всѣ работы углекоповъ были закончены, явился штейгеръ и послѣ переклички сказалъ, обращаясь къ Бибѣлѣ:

— Матвѣй Бибѣля, старшій углекопъ, пусть останется въ конторѣ!

Всѣ углекопы удивились и съ недоумѣніемъ смотрѣли то на штейгера, то на Матвѣя; но долго раздумывать было некогда, такъ какъ теперь каждый спѣшилъ домой, чтобы приготовиться къ великому празднику.

Когда въ конторѣ остался только штейгеръ и служащіе, заканчивавшіе свою конторскую работу, штейгеръ подозвалъ Матвѣя и сказалъ:

— Ты пойдешь сегодня около полночи въ копи и все осмотришь: основаніе шахты, конюшни, пороховые склады, водокачку и провѣришь, всѣ-ли сторожа на мѣстѣ: смотри, не пропускай ни одной штольни, ни одного забоя, ни одного уголка... Слышишь? Замѣтишь какія нибудь упущенія—расправься самъ, запиши фамилію и мѣсто, а завтра утромъ у меня на дому дашь мнѣ во всемъ отчетъ. Понимаешь?

— Понимаю, господинъ штейгеръ!

— Ну, а теперь иди домой. Желаю тебѣ весело провести праздники!

— И вамъ также, господинъ штейгеръ!

Онъ быстро вышелъ изъ залы и поспѣшными шагами направился домой; ему нужно было еще умыться, одѣться передъ ужиномъ и кое въ чемъ помочь домашнимъ. Онъ тревожно взглянулъ на заходившее солнце, которое бросало послѣдніе багряные лучи на синеватую пелену снѣга, на голубой дымокъ, стлавшійся въ тихомъ воздухѣ, и ярко блестѣло на красныхъ кирпичахъ высокихъ фабричныхъ трубъ и казармъ. Снѣгъ скрипѣлъ по дорогѣ подъ тяжелыми шагами Матвѣя, а морозъ усиливался къ ночи.

Когда Матвѣй вспомнилъ, что ему еще разъ придется сегодня спускаться подъ землю, онъ злобно проворчалъ:

— Вотъ собачья жизнь! Ни отдохнуть нельзя, ни въ костелъ пойти!...

Раздумывая о предстоящемъ ему спускѣ, онъ припомнилъ слова Курака, сторожа при складѣ взрывчатыхъ веществъ, что „самая страшная ночь,—это въ рождественскій сочельникъ". Дрожь пробѣжала по его тѣлу... Въ это время онъ какъ разъ входилъ въ улицу, гдѣ жили углекопы. Онъ зналъ почти всѣхъ, кто гдѣ живетъ, и, глядя на освѣщенныя уже окна, съ горечью опять задумался о предстоящей ему обязанности.

— Хоть бы товарища себѣ найти!—прошепталъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Онъ проходилъ въ эту минуту мимо квартиры Гротка и рѣшилъ послѣ ужина зайти къ нему.

— Почему бы Адаму и не пойти? Онъ столько времени безъ работы, навѣрное пойдетъ!—И, утѣшая себя этой надеждой, онъ пошелъ домой.

Когда около 10 часовъ вечера Матвѣй вошелъ въ квартиру Гротка, то уже въ корридорѣ онъ почувствовалъ сильный ароматъ супа, рѣзкій запахъ рыбы, капусты, сушеныхъ сливъ и грушъ. На полу валялась орѣховая шелуха, разбросанная дѣтьми, которыя, не раздѣваясь, легли въ постель, чтобы вмѣстѣ со старшими отправиться въ костелъ на всенощную. Въ другой комнатѣ, за столомъ, стоявшимъ по сере-

динѣ и покрытымъ бѣлой скатертью, изъ подъ которой торчало сѣно, сидѣли за стаканами пива супруги Гротки, Павлися, Юльця, Пакошъ и Францъ.

При входѣ Матвѣя, Адамъ поспѣшно всталъ съ мѣста, взялъ въ руки облатку, намазанную медомъ, и, подойдя къ нему, дружески сказалъ:

— Кумъ Матвѣй! Какъ я радъ, что вы зашли къ намъ: подѣлимся-же облаткой въ такой великій праздникъ и пожелаемъ другъ другу, чтобы дожить до слѣдующаго года въ полномъ благополучіи!

— Отъ души желаю этого и вамъ, и себѣ!— съ достоинствомъ отвѣтилъ Матвѣй, отломивъ кусочекъ облатки.

Онъ началъ обходить всѣхъ по очереди, дѣлясь облаткой, а такъ какъ Павлися ходила въ это время въ кухню за рыбой, то къ ней онъ подошелъ позже всѣхъ:

— Чего пожелать дѣвушкѣ, кромѣ хорошаго мужа? Такъ вотъ, желаю тебѣ хорошаго мужа, чтобы черезъ годъ ты принимала уже насъ въ своемъ домѣ.

Павлися сдѣлала видъ, будто она очень сконфужена, и искоса взглянула на своихъ кавалеровъ, которые съ удовольствіемъ слушали рѣчь Матвѣя.

— Садитесь, Матвѣй, вы пришли очень кстати и хорошее пожеланіе дѣлаете дѣвушкѣ. Мы только что говорили объ этомъ именно дѣлѣ, дайте-же и вы намъ свой совѣтъ.

Матвѣй усѣлся за столомъ, взялъ кусокъ рыбы съ хлѣбомъ и медленно началъ ѣсть, слушая слова Адама:

— Вы, разумѣется, знаете, что у Павлиси два кавалера: Бутный и Пакошъ. Они помирились послѣ св. Варвары и обязались не питать въ сердцѣ злобы другъ къ другу до тѣхъ поръ, пока я не начну работать и не куплю все, что необходимо для моей первородной дочери. Обѣднѣли мы совсѣмъ, пока я былъ въ больницѣ. Все было ладно, а вотъ теперь за ужиномъ они опять начали приставать ко мнѣ и къ матери, чтобы мы положили этому конецъ... Что-же вы ничего не пьете, кумъ Матвѣй? Пожалуйста, не побрезгайте нашимъ пивомъ!

Матвѣй выпилъ пива и сталъ пристально смотрѣть то на Павлисю, то на обоихъ углекоповъ. Вдругъ Пакошъ всталъ, облокотился руками на столъ и заговорилъ:

— Я здѣсь чужой, и вполнѣ понятно, что надо раньше узнать, что я за человѣкъ. Ужъ больно мнѣ по сердцу дочь господина Гротка! Не смотря на это, я ждалъ-бы и дольше, если бы никто не становился мнѣ поперекъ дороги.—При этомъ онъ посмотрѣлъ на Франца, который торжествующе улыбался своими тонкими губами.—Но такъ какъ другіе зарятся на мое добро, то я принужденъ просить и настаивать, чтобы родители сказали мнѣ свое рѣшительное слово...

Сказавъ это, онъ сѣлъ; казалось, онъ сильно усталъ и взволновался, потому что на лбу у него выступили крупныя капли пота. Онъ вынулъ красный платокъ и вытиралъ имъ лицо.

Тогда всталъ Францъ и смѣло сказалъ:

— Тутъ еще не было этого чужеземца, когда и мать, и отецъ обѣщали мнѣ отдать дочь, какъ только я сдѣлаюсь углекопомъ. Я добился этого, хотя чего это мнѣ стоило,— при этомъ онъ глубоко вздохнулъ,—знаетъ одинъ Богъ да я. Кто былъ этому виною, мнѣ тоже извѣстно!—при этомъ онъ съ ненавистью взглянулъ на Пакоша.—Придетъ время, сочтемся! Когда несчастіе посѣтило семью Гротка, кто помогалъ его женѣ? кто давалъ ей деньги взаймы? кто дѣлалъ подарки?... Мнѣ по праву принадлежитъ ихъ слово, и я хочу разъ навсегда съ этимъ покончить.

— Много-же надарилъ!—пренебрежительно бросила Павлися.

— Да еще сколько приходилось упрашивать!—прибавила мать.

— Не въ деньгахъ тутъ дѣло!—сказалъ Матвѣй, обращаясь къ стоявшему Францу.—Ты помогъ всѣми оставленной, осиротѣлой женщинѣ, далъ ей въ займы денегъ, ну, и получишь ихъ обратно. Кто не знаетъ, что за деньги можно купить только любовницу, а жену нужно брать по любви, да по согласію.

Сконфуженный Францъ опустилъ глаза и пробормоталъ сквозь зубы въ свое оправданіе:

— Я это знаю, это я только такъ упомянулъ о деньгахъ.

— Скряга!—громко прошептала изъ угла Юльця.

— Ну, что вы на это скажете, кумъ Матвѣй?—спросилъ Адамъ.

— Гм.... сказано имъ ждать, пока не начнете работы, ну и должны ждать! Вѣдь вы отецъ, и они должны вамъ повиноваться. Что-же это за отецъ, если его дѣти не слушаютъ?

Это польстило Адаму: онъ нахмурился, чтобы придать себѣ еще больше важности, и сказалъ:

— Слышали? Также и я думаю: на то и отецъ, чтобы его слушали. Такъ вотъ вамъ мой сказъ: пока не начну работать, ни слова о свадьбѣ! Сказалъ и баста! Слышали?—обратился онъ къ женѣ, которая въ знакъ согласія кивнула головой.

— И ты, Павлися, запомни это. А вамъ обоимъ говорю при Матвѣѣ: хотите ждать этого времени—хорошо, но чтобы никакихъ скандаловъ здѣсь не было!

Нѣкоторое время длилось непріятное молчаніе. Наконецъ, Матвѣй прервалъ его, обратившись къ Адаму:

— А знаете вѣдь, я зашелъ за вами. Штейгеръ велѣлъ мнѣ сегодня ночью осмотрѣть все въ копи. Одному не больно-то весело шататься по пустымъ угламъ, не пойдете-ли вы со мною?

— Я бы съ радостью пошелъ, соскучился я уже по копи, только разломило мнѣ сегодня голову такъ, словно уголь буравомъ сверлитъ. Не гожусь я вамъ въ товарищи.

— Ну, дѣлать нечего, пойду одинъ!—съ досадою сказалъ Матвѣй.

Пакошъ, чувствуя благодарность къ Бибѣлѣ за выговоръ, сдѣланный имъ Францу, поднялся и сказалъ нерѣшительно:

— Я могу съ вами пойти!

— Ты? Но вѣдь ты совсѣмъ не знаешь копи и не можешь оказать мнѣ никакой помощи. Иди лучше въ костелъ, да послушай нашу всенощную службу,—это для тебя будетъ полезнѣе.

Пакоша очень обрадовалъ этотъ отказъ, такъ какъ ему было уже жаль пропустить службу или, вѣрнѣе, разстаться съ Павлисей.

Матвѣй всталъ, попрощался и вышелъ. На дворѣ былъ трескучій морозъ, и все небо горѣло звѣздами, а кругомъ бѣлѣли поля, покрытыя искрящеюся пеленою снѣга. Окна домовъ были ярко освѣщены; въ нихъ виднѣлись быстро мелькавшія тѣни, по временамъ слышалось пѣніе „коляды“ или веселый крикъ разгулявшихся дѣтей.

Матвѣй угрюмо шелъ къ копи, которая мрачной громадой выдѣлялась на бѣломъ фонѣ снѣга. Изъ высокихъ трубъ подымались тонкія струйки дыма, медленно расплывавшіяся въ тихомъ воздухѣ.

Только изрѣдка рѣзкій свистъ машины нарушитъ ночную тишину, послышится какое-то глухое ворчанье изъ глубины мрачныхъ зданій, гдѣ-то далеко застучитъ ночной сторожъ, и опять все смолкнетъ. Угрюмыя, темныя, громадныя строенія копи казались какимъ-то болѣзненнымъ наростомъ на этомъ чистомъ и бѣлоснѣжномъ покровѣ земли. Хотѣлось ихъ срѣзать, бросить, уничтожить, чтобы они не пятнали собою этой дѣвственной бѣлизны. Досадно было видѣть, какъ этотъ грязный нарывъ съ краснымъ пятномъ кирпичныхъ заводскихъ трубъ уродуетъ это чудное, бѣлое, мощное тѣло земли, купающееся въ искристомъ серебрѣ снѣга. Этотъ яркій контрастъ копей съ широкимъ и яснымъ просторомъ снѣжныхъ полей бросился въ глаза и Матвѣю, который медленно и неохотно направлялся къ чернымъ постройкамъ копи. У спуска въ шахту онъ засталъ двухъ работниковъ, смотрѣвшихъ за подъемными ящиками, поздравилъ ихъ съ праздникомъ, зажегъ лампочку и, перекрестившись, вошелъ на площадку подъемной машины, чтобы

спуститься внизъ. Онъ такъ привыкъ къ шуму и говору товарищей, что одиночество и тишина подѣйствовали на него непріятно уже при спускѣ; онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, когда очутился внизу и увидѣлъ двухъ рабочихъ, которые слѣдили за сигналами спуска и подъема. Въ основаніи шахты, освѣщенномъ двумя электрическими лампами, было теперь пусто: не доставало обычной суеты, шума и жизни. Бѣлый электрическій свѣтъ, напоминавшій собою лунное сіяніе, проникалъ во всѣ закоулки, кривизны и извилины, блестѣлъ на гладкихъ рельсахъ подземной желѣзной дороги, заглядывалъ и въ мрачное отверстіе штольни, которое при этомъ фантастическомъ освѣщеніи, слабо отражавшемся на гладкомъ желѣзѣ и бѣлыхъ столбахъ подпорокъ, походило на пасть какого-то чудовищнаго звѣря, готоваго поглотить всѣхъ и все.

Матвѣй съ тревогой въ сердцѣ вошелъ въ глубину мрачной штольни и, чтобы придать себѣ немного бодрости и услышать хоть какой-нибудь живой звукъ, сталъ ударять палкой по твердому камню. Прежде всего онъ направился къ паровой машинѣ, которая выкачивала воду изъ копи. По дорогѣ ему стали вспоминаться всѣ слышанные имъ разсказы о привидѣніяхъ, мертвецахъ и всякаго рода нечистой силѣ. Онъ перекрестился, и въ ту же минуту за его спиной послышался шорохъ; онъ обернулся, сталъ прислушиваться, но кругомъ царила такая тишина, что слышно было даже его собственное дыханье. Матвѣй пошелъ дальше, но тотчасъ-же опять услыхалъ шорохъ. Онъ остановился снова и убѣдился, что это гдѣ-то журчитъ вода; тутъ ему сразу вспомнились разсказы объ утопленникахъ и утопленницахъ, и дрожь пробѣжала у него по всему тѣлу; онъ началъ шептать молитву и пошелъ дальше. Слова молитвы ободрили его и, когда, приближаясь къ водокачкѣ, онъ услыхалъ уже явственный шумъ воды, то продолжалъ читать молитву уже громкимъ голосомъ; съ послѣдними ея словами онъ открылъ двери, ведущія къ паровой машинѣ,—сегодня здѣсь былъ только помощникъ машиниста да одинъ кочегаръ. Послѣ обычныхъ привѣтствій помощникъ машиниста, толстый и коренастый мужчина съ заросшимъ волосами лицомъ и добрыми глазами, спросилъ, надвигая козырекъ шапки на глаза, чтобы лучше разглядѣть собесѣдника:

— Что это васъ сюда загнало въ сочельникъ, Бибѣля?

— Приказаніе, господинъ машинистъ, приказаніе штейгера,—отвѣтилъ Матвѣй, величая помощника машинистомъ.

— Зачѣмъ-же это?

— Велѣлъ осмотрѣть все; если что-нибудь случится, тотчасъ его увѣдомить.

Въ борьбѣ со смертью.

---

21 сентября 1881 года, на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Зальцбургѣ, Вейсманъ произнесъ свою знаменитую рѣчь „О продолжительности жизни“ (Ueber die Dauer des Lebens), послужившую причиною оживленныхъ споровъ о томъ, является-ли смерть неизбѣжнымъ удѣломъ всего живущаго, и въ чемъ слѣдуетъ искать причину смерти.

Первымъ отвѣтомъ на вопросъ о продолжительности жизни животныхъ естественно является утвержденіе, что животныя живутъ тѣмъ дольше, чѣмъ ихъ организмы крупнѣе. Однако, стоитъ сравнить продолжительность жизни у млекопитающихъ и у птицъ, чтобы увидѣть, что, если величина животнаго, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и можетъ служить, пожалуй, показателемъ продолжительности жизни, то всетаки въ общемъ она имѣетъ лишь третьестепенное значеніе для опредѣленія долговѣчности даннаго вида. Въ самомъ дѣлѣ, млекопитающія въ общемъ значительно крупнѣе птицъ и, однако, даже крупные представители этого класса животныхъ живутъ менѣе, чѣмъ нѣкоторыя, не особенно большія птицы. Такъ, напр., лошадь можетъ жить 40, самое большее 50 лѣтъ, тогда какъ попугаи „иногда переживали тѣ семьи, въ средѣ которыхъ прошла ихъ юность; нѣкоторые видѣли и пережили, какъ гласитъ одна американская сага, гибель цѣлаго народа“ (Брэмъ, „Жизнь животныхъ“, томъ V, стр. 291. Русск. изд. 1894 г.). Въ самомъ дѣлѣ, извѣстенъ разсказъ Гумбольдта о попугаѣ, говорившемъ на языкѣ вымершаго племени Атуровъ. Млекопитающія уступаютъ въ долговѣчности не однѣмъ лишь птицамъ: щука и карпъ могутъ жить 200 лѣтъ, т. е. столько-же, сколько и слонъ, и болѣе огромнаго числа даже крупныхъ млекопитающихъ.

Если величина не является факторомъ, опредѣляющимъ долговѣчность даннаго вида, то не является-ли подобнымъ факторомъ быстрота жизненнаго процесса? Естественно думать, что организмы, живущіе ускореннымъ темпомъ, быстрѣе исчерпываютъ запасъ своихъ силъ, чѣмъ организмы вялые и медлительные. Однако, птицы, живущія очень ускореннымъ темпомъ, живутъ во

всякомъ случаѣ не меньше, а, пожалуй, дольше, чѣмъ вялыя земноводныя одинаковой съ ними величины.

Можно еще предположить, что продолжительность жизни обусловливается сложностью организаціи. Но какъ тогда объяснить различіе въ продолжительности жизни у индивидовъ одного и того-же вида, но разныхъ половъ? Такъ, наприм., муравьи-самки и работницы живутъ по нѣсколько лѣтъ, а муравьи-самцы живутъ всего нѣсколько недѣль. Этотъ послѣдній примѣръ особенно поучителенъ, ибо между долговѣчными и недолговѣчными особями, въ данномъ случаѣ, нѣтъ ни чувствительнаго различія въ величинѣ, ни различія въ сложности организаціи или въ темпѣ жизни.

Эта невозможность имѣть въ свойствахъ самаго организма указанія на причины продолжительности его жизни оправдываетъ попытку найти опредѣляющій факторъ внѣ организма. Вейсманъ высказываетъ предположеніе, что „продолжительность жизни обусловливается приспособленіемъ къ внѣшнимъ условіямъ жизни, что она нормируется, т. е., удлиняется или укорачивается, сообразно съ потребностями даннаго вида" *). При регулированіи продолжительности жизни принимаются во вниманіе только интересы вида, но отнюдь не интересы индивида. А для даннаго вида совершенно безразлично, будетъ ли индивидъ жить больше или меньше; для него важно только, чтобы индивидъ могъ выполнить свою роль поддерживателя вида. Такимъ образомъ, мы можемъ ожидать, что жизнь индивида не особенно продлится за періодъ его воспроизводительной способности, если, при этомъ, включить въ этотъ періодъ и время, потребное для воспитанія потомства.

Чѣмъ дольше живетъ индивидъ, тѣмъ больше у него шансовъ погибнуть отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ, слѣдовательно, чѣмъ длиннѣе періодъ воспроизведенія у даннаго вида, тѣмъ большее число его индивидовъ погибнутъ, не исполнивши своей обязанности относительно вида. Изъ этого можно сдѣлать тотъ на первый взглядъ парадоксальный выводъ, что интересы вида не только не требуютъ продолжительности жизни зрѣлыхъ индивидовъ, но даже, наоборотъ, требуютъ, чтобы „продолжительность періода воспроизведенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продолжительность жизни индивида, были столь коротки, сколь это возможно" (S. 11).

Чтобы правильно оцѣнить какъ вышеприведенное утвержденіе, такъ и весь дальнѣйшій ходъ разсужденій, нужно помнить, что Вейсманъ исходитъ изъ положенія Дарвина и Уоллеса, что большинство видовъ количественно неизмѣнны, т. е., что въ извѣстномъ мѣстѣ въ теченіе весьма продолжительнаго времени живетъ обыкновенно, приблизительно, неизмѣнное количество индивидовъ даннаго вида.

Теперь, если мы предположимъ, что какія нибудь изъ болѣе

*) Ueber d. Dauer d. Lebens, S. 8.

высокихъ животныхъ (почему именно говорится здѣсь о *болѣе высокихъ* животныхъ, читатель увидитъ далѣе) обладали-бы способностью вѣчно жить, то эта ихъ способность вовсе не была-бы полезна виду. Ибо, если даже предположить, что эти животныя избѣгнутъ смерти отъ несчастныхъ случаевъ, то всетаки нельзя предположить, чтобы они избѣжали всевозможныхъ поврежденій. Индивиды изнашиваются въ столкновеніи съ окружающею средою, и вотъ почему необходимо появленіе новыхъ, болѣе совершенныхъ индивидовъ, хотя-бы старые индивиды по внутреннимъ своимъ свойствамъ и обладали способностью къ вѣчной жизни. Такимъ образомъ, выясняется, съ одной стороны, необходимость размноженія, а съ другой—цѣлесообразность смерти, ибо истрепанные жизнію индивиды не только безполезны, но даже вредны для своего вида, такъ какъ они занимаютъ мѣсто болѣе совершенныхъ индивидовъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы поймемъ принципъ, который нормируетъ продолжительность жизни индивидовъ каждаго вида: большая или меньшая продолжительность ихъ жизни зависитъ отъ условій ихъ воспроизведенія.

Тѣ животныя, которыя или сами, или ихъ потомство подвержены сильному истребленію, могутъ поддерживать численное равновѣсіе своего вида или путемъ продолжительной жизни, или путемъ большой плодовитости. Птицы, какъ сами животныя, такъ и ихъ яйца, подвержены сильному истребленію; вмѣстѣ съ тѣмъ, трата ихъ организмовъ на передвиженіе такъ велика, что онѣ не могутъ быть особенно плодовитыми; отсюда вытекаетъ необходимость продолжительной жизни птицъ.

До сихъ поръ мы разсматривали внѣшнія условія наступленія конца жизни и мы нашли, что время умиранія обусловливается естественнымъ отборомъ, но въ чемъ условія самаго умиранія, въ чемъ причина смерти?

Прежде всего зададимъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ изнашиваются организмы, такимъ-ли образомъ, какъ изнашивается какая нибудь вещь, матеріалъ которой не возобновляется, или какимъ-нибудь инымъ способомъ? Новѣйшія изслѣдованія несомнѣнно показали, что ткани организма обновляются. Такимъ образомъ, причину смерти слѣдуетъ искать не въ израсходованіи отдѣльныхъ клѣточекъ, а въ ограниченіи способности этихъ клѣточекъ къ воспроизведенію. Изнашиваніе организма считается обыкновенно вполнѣ естественнымъ, ибо, какъ думаютъ, смерть есть неизбѣжный удѣлъ всего живущаго. Вейсманъ рѣшительно отвергаетъ эту точку зрѣнія. „Я считаю, говоритъ онъ (S. 32), что смерть въ послѣдней инстанціи есть явленіе приспособленія. Я думаю, что жизнь имѣетъ ограниченную продолжительность не въ силу своей внутренней неспособности быть безграничною, а лишь потому, что безграничная продолжительность существованія

1*

индивидовъ была бы совершенно нецѣлесообразною роскошью... Организмъ перестаетъ пополнять убыль своихъ клѣточекъ не потому, что клѣточки сами по себѣ, т. е., по своей внутренней природѣ не обладали способностью къ безграничному воспроизведенію, но потому, что эта способность была утеряна, какъ безполезная".

Смерть не есть неизбѣжный удѣлъ всего живущаго. Она не вытекаетъ съ логическою необходимостью изъ самой сущности жизни. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ какое нибудь одноклѣточное животное, напр., амебу. Она живетъ, увеличивается, но послѣ извѣстнаго промежутка времени раздѣляется на два новые индивида. Это явленіе обыкновенно объясняли такъ, что у амебы смерть и воспроизведеніе совпадаютъ. Но Вейсманъ спрашиваетъ: если амеба умерла, то гдѣ-же трупъ? А если трупа нѣтъ, то что-же умерло? „Ничто не умерло, отвѣчаетъ онъ (S. 34), а просто тѣло животнаго раздѣлилось на двѣ приблизительно равныя половины, обладающія приблизительно равными свойствами, причемъ также каждая половина вполнѣ подобна материнскому организму, каждая живетъ, какъ жила клѣточка-мать, и каждая, опять-таки какъ клѣточка-мать, дѣлится въ свою очередь на двѣ половинки".

Очевидно, здѣсь можно говорить о смерти лишь въ переносномъ смыслѣ. Но если существуетъ безсчетное число организмовъ, обладающихъ способностью къ вѣчному существованію, то какъ объяснить это съ точки зрѣнія принципа цѣлесообразности? Если смерть является необходимымъ процессомъ приспособленія у высшихъ организмовъ, то почему она не нужна для низшихъ? Развѣ они не испытываютъ поврежденій? Развѣ они не изнашиваются при сношеніи съ внѣшнимъ міромъ? Конечно, ихъ организмы испытываютъ поврежденія, но это для нихъ не такъ вредно, какъ для высшихъ животныхъ: они слишкомъ просто организованы. Если ихъ организмъ подвергнется какому-либо поврежденію, то происходятъ одно изъ двухъ: или они возстановляютъ свой организмъ въ полной цѣлости, или, если поврежденіе очень велико, они умираютъ. Но у нихъ нѣтъ середины между полнымъ возстановленіемъ и полною гибелью, нѣтъ, слѣдовательно, слабыхъ, искалѣченныхъ организмовъ.

Итакъ, слѣдовательно, одноклѣточные организмы не носятъ въ себѣ зародыша смерти: они обладаютъ способностью къ вѣчному существованію. Однако, многоклѣточныя животныя и растенія произошли отъ одноклѣточныхъ организмовъ, мало того, они и въ данный моментъ являются не болѣе, какъ скопленіемъ великаго множества клѣточекъ; какимъ-же образомъ клѣточки высшихъ организмовъ утратили способность къ безконечной продолжительности существованія? Эта потеря „связана съ раздѣленіемъ труда, возникшимъ среди клѣточекъ многоклѣточнаго организма" (S. 36). При этомъ особенно важно раздѣленіе между двумя

родами клѣточекъ: клѣточками тѣлесными и клѣточками воспроизводительными. Чѣмъ дольше шло раздѣленіе труда у организмовъ, тѣмъ больше и больше тѣлесныя (или соматическія) клѣточки утрачивали способность къ воспроизведенію, тѣмъ больше эта способность сосредоточивалась лишь на клѣточкахъ воспроизводительныхъ.

Та имъ образомъ, у высшихъ организмовъ только воспроизводительныя клѣточки сохранили свою способность къ безграничному дѣленію и, слѣдовательно, къ вѣчному существованію; что-же касается клѣточекъ соматическихъ (тѣлесныхъ), то ихъ способность къ дѣленію все болѣе и болѣе уменьшалась пропорціонально развитію раздѣленія труда между клѣточками и сообразно съ потребностями вида.

Такимъ образомъ, ученіе Вейсмана можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ. Смерть не есть неизбѣжный удѣлъ всего живущаго. Первичные, простѣйшіе одноклѣточные организмы безсмертны, т. е. не умираютъ „естественною смертью“. Смерть возникла вслѣдствіе раздѣленія труда между клѣточками высшихъ многоклѣточныхъ организмовъ и вслѣдствіе своей полезности для вида. Очевидно, это ученіе Вейсмана слагается изъ двухъ элементовъ: изъ утвержденія потенціальнаго безсмертія одноклѣточныхъ организмовъ и изъ указанія на способъ возникновенія смерти.

Начнемъ со второго элемента. Прежде всего нельзя не замѣтить, что Вейсманъ, этотъ крайній сторонникъ принципа естественнаго отбора, ссылаясь постоянно на всемогущее вмѣшательство отбора, не всегда даетъ себѣ ясный отчетъ о самомъ способѣ дѣйствія естественнаго отбора. Эта слабая сторона ученія Вейсмана (подавшая, между прочимъ, поводъ къ извѣстной полемикѣ между Вейсманомъ и Спенсеромъ) дала уже право Роменсу упрекнуть Вейсмана (хотя и по другому поводу) „въ крайней неопредѣленности, съ которою ультра-дарвинисты употребляютъ терминъ: „естественный отборъ“ (Romanes, „An examination of weismannism, P. 15). Въ самомъ дѣлѣ, конечно, виду не выгодно состоять изъ слабыхъ и искалѣченныхъ индивидовъ, но, посколько эти индивиды слабы и искалѣчены, постолько они и погибнутъ въ борьбѣ за существованіе со своими здоровыми и сильными собратьями. Здѣсь, по нашему мнѣнію, мы можемъ наблюдать случай, когда дѣйствія борьбы за существованіе и естественнаго отбора разъединяются. Естественный отборъ можетъ увеличить плодовитость, ускорить размноженіе, удлинить жизнь, но трудно себѣ представить, какимъ образомъ онъ можетъ *укоротить* жизнь. Какая можетъ быть выгода для вида въ томъ, чтобы его индивиды поскорѣе умирали? Если искалѣченный индивидъ всетаки еще существуетъ, то значитъ, онъ настолько силенъ, что даже въ искалѣченномъ видѣ способенъ бороться за

существованіе со вполнѣ цѣлыми индивидами. Если мы при этомъ еще вспомнимъ, что, по ученію того же Вейсмана, пріобрѣтенныя измѣненія не передаются потомству, то для насъ станетъ вполнѣ ясно, что для вида даже выгодно, чтобы подобный индивидъ существовалъ подольше, т. е., чтобы онъ оставилъ какъ можно болѣе потомства, которое унаслѣдуетъ его прирожденную силу, но не его поврежденія. Пока индивидъ существуетъ, значитъ, онъ достаточно силенъ, а какъ только онъ сдѣлается слабымъ—онъ погибнетъ въ борьбѣ за существованіе, и я не вижу повода для вмѣшательства въ данномъ случаѣ естественнаго отбора. Но, все-таки, даже и по ученію Вейсмана, естественный отборъ только закрѣпляетъ явленіе смерти среди организмовъ, но не создаетъ ее. Какъ-же возникла смерть? Какимъ образомъ безсмертное (одноклѣточное существо) могло породить смертное (многоклѣточное существо)? Отвѣтъ Вейсмана: вслѣдствіе раздѣленія труда между клѣтками,—не вполнѣ ясенъ. Въ другомъ своемъ сочиненіи, въ брошюрѣ „О жизни и смерти" (Ueber Leben und Tod, 1884), Вейсманъ нѣсколько больше выясняетъ этотъ вопросъ. Смерть возникла вслѣдствіе неравномѣрнаго дѣленія клѣточки: организмъ животнаго дѣлится на двѣ неравныя половины: одна завѣдуетъ только воспроизведеніемъ, другая—всѣми остальными тѣлесными отправленіями. Эти тѣлесныя клѣточки являются вторичнымъ произведеніемъ, возникаютъ подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ. Всѣ прежнія свойства одноклѣточнаго организма, а слѣдовательно и безсмертіе сосредоточиваются у воспроизводительной клѣточки. „Съ этой точки зрѣнія, говоритъ Вейсманъ (U. Leben u. Tod. S. 52), тѣло является до извѣстной степени побочною прибавкою къ истинному носителю жизни: къ воспроизводительнымъ клѣточкамъ".

Это объясненіе нельзя считать вполнѣ удовлетворительнымъ, и мы не можемъ не согласиться съ проф. Вайнсомъ, который говоритъ: „Идея превращенія зародышевой плазмы въ тѣлесную плазму такъ-же невозможна, какъ и идея о превращеніи тѣлесной плазмы въ плазму зародышевую. Нелѣпо предположить, что безсмертное вещество можетъ превратиться въ вещество смертное. И если подобное превращеніе повидимому происходитъ, тогда единственный возможный отвѣтъ будетъ тотъ, что такъ-называемое безсмертное существо никогда не было дѣйствительно безсмертнымъ, такъ какъ оно должно было обладать хотя бы потенціальною смертностью". (Sydney H. Vines. „An examination of some points in prof. Weismann's theory of Heredity". Nature, Vol. 40, p. 623).

Это замѣчаніе проф. Вайнса естественно приводитъ насъ къ разсмотрѣнію другого элемента ученія Вейсмана. Посмотримъ, дѣйствительно-ли одноклѣточные организмы безсмертны.

Гетте въ своемъ трудѣ „О происхожденіи смерти" („Ueber den Ursprung des Todes", 1883) высказалъ мысль, что смерти

многоклѣточныхъ организмовъ соотвѣтствуетъ инцистированіе одноклѣточныхъ. Послѣ извѣстнаго періода размноженія путемъ дѣленія, одноклѣточные организмы впадаютъ въ состояніе покоя и бездѣятельности, во время котораго они окружаютъ свое тѣло предохранительной оболочкой или цистой. Это инцистированіе одноклѣточныхъ организмовъ Гетте и считаетъ эквивалентомъ смерти многоклѣточныхъ организмовъ. Во время инцистированія часто происходитъ и дѣленіе клѣточки, такъ что по минованіи этого періода старая клѣточка не существуетъ, и во вся 'омъ случаѣ ея индивидуальность совершенно измѣнена. Вейсманъ не согласенъ съ мнѣніемъ Гетте, что прекращеніе жизненной дѣятельности инцистированной клѣточки равнозначно смерти. Онъ возражаетъ (U. Leben. u. Tod, S. 6), что понятіе смерти включаетъ въ себѣ не только прекращеніе жизненныхъ проявленій организма какъ цѣлаго, но еще и такое прекращеніе жизни во всѣхъ его частяхъ, при которомъ никакое оживаніе уже не возможно. Инцистированіе одноклѣточныхъ организмовъ соотвѣтствуетъ не смерти, а зимней спячкѣ высшихъ организмовъ [(S. 9). Вейсманъ снова повторяетъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ трупа, тамъ нѣтъ и смерти.

Мопа въ своихъ статьяхъ: „Recherches expérimentales sur la multiplication des infusiores ciliés“ 1888 г. и „Le rajeunissement karyogamique chez les ciliés“ 1889 г.—взглянулъ на вопросъ съ другой точки. Онъ задалъ себѣ вопросъ, дѣйствительно-ли одноклѣточные организмы могутъ безконечно размножаться путемъ дѣленія. Мопа наблюдалъ размноженіе путемъ дѣленія у инфузоріи Stylonichia pustulata до 316-го поколѣнія. До сотаго поколѣнія не наблюдалось ничего особеннаго. Послѣ сотаго поколѣнія начали попадаться отдѣльные случаи вырожденія; послѣ 200-го поколѣнія эти явленія вырожденія начали появляться все чаще и чаще, послѣ 240-го поколѣнія всѣ индивиды носили печать вырожденія; наконецъ, индивидъ 316-го поколѣнія далъ только продукты, не способные къ жизни и размноженію. Это вырожденіе и смерть одноклѣточныхъ организмовъ могутъ быть предупреждены и, дѣйствительно, предупреждаются путемъ конъюгаціи. Два организма, уже затронутые старческимъ вырожденіемъ, приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, обмѣниваются частью своего вещества, послѣ чего снова расходятся уже помолодѣвшими, способными къ энергической жизни и возрастанію. Мопа началъ свои наблюденія надъ стилонихіей, появившейся, какъ продуктъ конъюгаціи, слѣдовательно, надъ такою инфузоріей, которою начался циклъ организмовъ, способныхъ къ жизни и размноженію безъ конъюгаціи. И мы знаемъ, что этой способности хватило только на 316 поколѣній, но не болѣе.

Замѣчательно, что позиціи, аналогичныя тѣмъ, которыя занимаютъ въ настоящее время Вейсманъ и Мопа, занимали уже

много лѣтъ тому назадъ Эренбергъ и Дюжарденъ. Эренбергъ въ своемъ сочиненіи „Die Infusionsthierchen“, появившемся въ 1838 году, говоритъ уже о вѣчномъ существованіи организмовъ, размножающихся путемъ дѣленія. А Дюжарденъ въ сочиненіи „Infusoires“, появившемся въ 1841 г., спрашиваетъ, дѣйствительно-ли это размноженіе путемъ дѣленія можетъ продолжаться до безконечности.

Вейсманъ не соглашается съ выводами Мопа. Въ своемъ сочиненіи „Амфимиксисъ“ („Amphimixis oder die Vermischung der Individuen“, 1891 г.) онъ говоритъ, что люди, признающіе наблюденія Мопа убійственными для его теоріи, „забываютъ, что конъюгація есть нормальное явленіе для инфузорій, т. е., событіе, періодическое повтореніе котораго предусмотрѣно природою, и къ которому приспособлена вся механика жизни инфузорій“ (S. 147). Смерть инфузорій, лишенныхъ возможности конъюгаціею возстановить свои силы, не есть естественная смерть, а смерть искусственная, случайная. Организмъ поставленъ въ искусственныя условія существованія, которыя противорѣчатъ всей его жизненной механикѣ, и онъ, понятное дѣло, погибаетъ, но называть подобную гибель „естественною смертью“ могутъ только тѣ, которые находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы вносить путаницу въ наши едва установившіяся понятія (S. 148).

Дельбефъ дѣлаетъ любопытную попытку объяснить, почему послѣ извѣстнаго числа дѣленій организмы нуждаются въ возстановленіи своихъ силъ путемъ конъюгаціи. Эта попытка Дельбефа одновременно бросаетъ свѣтъ и на вопросъ о возникновеніи половъ (I. Delboeuf.—Pourquoi mourons-nous? Revue Philos. 1891, №№ 3 и 4). Представимъ себѣ, говоритъ Дельбефъ, что молодая и здоровая стилонихія состоитъ изъ опредѣленнаго числа органическихъ молекулъ и что эти молекулы бываютъ двухъ родовъ *a* и *b*, причемъ тѣ и другія имѣются въ равныхъ количествахъ. Вообразимъ затѣмъ, что молекулы *a* могутъ производить только молекулы *a*, молекулы же *b*—только *b*; но что при этомъ каждая молекула можетъ питаться и воспроизводить, только находясь въ парѣ съ молекулою другого рода. Спрашивается, что произойдетъ, если инфузорія начнетъ дѣлиться пополамъ, затѣмъ каждая половинка, удвоивши предварительно свою величину путемъ питанія, въ свою очередь раздѣлится на двѣ половины и т. д. до безконечности? А произойдетъ то, что послѣ извѣстнаго числа дѣленій инфузоріи сдѣлаются все болѣе и болѣе несходными между собой и при каждомъ дѣленіи новыя животныя будутъ все болѣе и болѣе заключать въ себѣ или преимущественно молекулы *a* или преимущественно молекулы *b*, а общее количество молекулъ въ организмѣ будетъ все болѣе и болѣе падать. Этотъ на первый взглядъ странный выводъ можетъ, однако, быть доказанъ съ математическою точностью.

Представимъ себѣ мѣшокъ съ 2,000 шаровъ, изъ которыхъ 1,000 бѣлыхъ и 1,000 черныхъ, и начнемъ дѣлить эти шары, руководствуясь тѣми-же предположеніями, которыя мы сдѣлали относительно дѣленій инфузорій. Попытаемся прежде всего отдѣлить изъ этого мѣшка 1,000 шаровъ въ другой мѣшокъ. Каково будетъ распредѣленіе шаровъ послѣ этого перваго дѣленія? Возможны двѣ крайнія гипотезы: во первыхъ, въ каждомъ мѣшкѣ будетъ по 500 бѣлыхъ и по 500 черныхъ шаровъ, во вторыхъ — въ одномъ мѣшкѣ будутъ только 1,000 черныхъ шаровъ, а въ другомъ—только 1,000 бѣлыхъ. Обѣ эти крайнія гипотезы въ высшей степени маловѣроятны. Далеко болѣе вѣроятны другіе случаи, когда не будетъ ни полнаго равенства между числомъ шаровъ разнаго цвѣта, ни исключительнаго господства шаровъ одного цвѣта. Уклоненіе отъ равенства можетъ колебаться между 2 и 998 (т. е. между случаемъ, когда шары распредѣлятся такъ: 991 и 1 и такъ: 501—499). Среднее, наиболѣе вѣроятное уклоненіе будетъ нѣсколько болѣе 25. Это послѣднее обстоятельство можно доказать лишь путемъ такихъ сложныхъ математическихъ вычисленій, которыя совершенно неумѣстны на страницахъ нашего журнала, и поэтому читатели должны принять его на вѣру. Итакъ, послѣ перваго дѣленія въ одномъ мѣшкѣ окажется 487 бѣлыхъ шаровъ и 513 черныхъ, а въ другомъ мѣшкѣ, наоборотъ, 513 бѣлыхъ и 487 черныхъ. Займемся первымъ мѣшкомъ. Такъ какъ, согласно нашему предположенію, воспроизведеніе возможно только у парныхъ шаровъ, а въ нашемъ мѣшкѣ будетъ 487 паръ и 26 одиночныхъ черныхъ шаровъ, то мы, слѣдовательно, можемъ прибавить къ нашему мѣшку новыхъ только 487 бѣлыхъ и 487 черныхъ шаровъ; такъ что нашъ новый мѣшокъ будетъ заключать въ себѣ только 1,974 шара, изъ которыхъ 1,000 будетъ черныхъ и 974 бѣлыхъ. Сдѣлаемъ новое дѣленіе. Среднее уклоненіе пусть будетъ теперь 24. И мы получимъ два новыхъ мѣшка, причемъ въ одномъ будетъ 499 бѣлыхъ и 488 черныхъ шара, а въ другомъ 475 бѣлыхъ и 512 черныхъ. Неравенство между шарами будетъ, конечно, колебаться; послѣ каждаго дѣленія оно будетъ то увеличиваться, то уменьшаться, но въ общемъ несомнѣнны двѣ тенденціи: во первыхъ, это неравенство (не смотря на частичныя колебанія) будетъ все болѣе возрастать; во вторыхъ, общее количество шаровъ будетъ неуклонно падать. Это послѣднее обстоятельство, очевидно, есть неизбѣжное логическое слѣдствіе перваго явленія, ибо, согласно нашему предположенію, воспроизводиться могутъ только парные шары. Когда дѣло дойдетъ до того, что въ мѣшкѣ останется только 500 шаровъ, напримѣръ, такъ: въ одномъ 200 бѣлыхъ и 300 черныхъ, а въ другомъ, наоборотъ, 300 бѣлыхъ и 200 черныхъ, тогда уменьшеніе числа шаровъ при каждомъ дѣленіи („вырожденіе“) пойдетъ быстрыми шагами.

Возвратимся къ нашей стилонихіи. Вотъ она уже уменьши-

лась до половины, положимъ, до 500 молекулъ, она претерпѣла „старческое вырожденіе"; но если она теперь соединится съ другою стилонихіей, которая претерпѣла такое-же вырожденіе, но лишь въ обратномъ направленіи, если стилонихія, имѣющая 300 молекулъ вида *a* и 200 вида *b*, соединится съ другою стилонихіей, имѣющею, наоборотъ, 200 молекулъ вида *a* и 300 вида *b*, и если онѣ при этомъ обмѣняются своими излишками и затѣмъ разойдутся, то каждая послѣ этого будетъ имѣть по 250 молекулъ какъ вида *a*, такъ и вида *b*, а удвоивши, затѣмъ, путемъ питанія свои элементы, каждая возстановитъ первичную стилонихію съ ея 1,000 молекулами: онѣ помолодѣютъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что вырожденіе и смерть инфузорій, лишенныхъ возможности возстановить свои силы путемъ конъюгаціи, являются не вслѣдствіе *старческаго измѣненія* ихъ составныхъ элементовъ, вызваннаго внутренними причинами, а вслѣдствіе нарушенія равновѣсія, вызваннаго чисто внѣшними физическими условіями.

Гербертъ Спенсеръ напалъ на Вейсмана еще съ иной точки зрѣнія (H. Spencer — The Inadequacy af Natural Selection). Онъ отрицаетъ основное различіе между зародышевой плазмой (клѣточками) и плазмой соматической (тѣлесной). Онъ утверждаетъ, что и тѣлесныя клѣточки способны къ безграничному размноженію и, слѣдовательно, къ безграничной жизни, если будутъ поставлены въ подходящія условія. Онъ указываетъ на примѣры тли и болотницы (Elodea), такъ успѣшно размножающихся безполымъ способомъ. Къ этимъ примѣрамъ можно было-бы присоединить еще примѣръ картофеля, который всегда размножается безполымъ способомъ. Доводы Спенсера могли-бы быть усилены еще однимъ соображеніемъ. Согласно ученію Вейсмана, у высшихъ организмовъ только воспроизводительныя клѣточки сохранили способность къ безграничному размноженію, тогда какъ способность тѣлесныхъ клѣточекъ къ воспроизведенію ограничена, а когда эта способность исчерпывается, организмъ приходитъ въ упадокъ, старѣетъ и, наконецъ, разрушается. Но, если это такъ, то какъ объяснить то обстоятельство, что всяческія новообразованія встрѣчаются преимущественно именно въ преклонномъ возрастѣ. Напримѣръ, относительно рака Билльротъ говоритъ: „Всего чаще онъ является между 50 и 60 годами". (Билльротъ.—„Общая хирургическая патологія и терапія", стр. 715). Если намъ замѣтятъ, что новообразованія суть въ сущности не что иное, какъ своего рода воспалительная реакція организма, то, помимо другихъ соображеній, приводить которыя здѣсь было-бы неумѣстно, мы укажемъ лишь на то обстоятельство, что эпителіальная ткань въ старости воспроизводится вообще весьма успѣшно.

Такимъ образомъ, мы пришли къ необходимости разсмотрѣть

поближе вопросъ о томъ, почему высшіе многоклѣточные организмы старѣютъ.

„Съ самой общей точки зрѣнія,—говоритъ Колинъ А. Скоттъ, слѣдуетъ допустить, что старость есть неизмѣнный спутникъ развитія. Эволюція, какъ расы, такъ и индивида въ такой же мѣрѣ связаны съ устраненіемъ старыхъ, преждевозникшихъ органовъ, какъ и съ производствомъ новыхъ“, (Colin A. Scott.—Old Age and Death. Въ American Journal of Psychology, Vol. VIII, p. 67). Таково, такъ сказать, телеологическое значеніе старости. Но чтобы понять и объяснить извѣстное явленіе, мы должны вскрыть не только его телеологію, но, что гораздо важнѣе, и его механику. Мы видѣли, что у Вейсмана телеологическое объясненіе старости и смерти сводится къ интересамъ вида, а объясненіе механическое дается указаніемъ на раздѣленіе труда. Однако, это указаніе на раздѣленіе труда является, въ сущности, весьма общимъ указаніемъ; постараемся вникнуть въ дѣло ближе и выяснить механику старѣнія болѣе подробно. Вейсманъ въ своемъ отвѣтѣ на вышеприведенныя замѣчанія проф. Вайнса говоритъ: „протоплазма одноклѣточныхъ животныхъ имѣетъ такое химическое и молекулярное строеніе, что циклъ матеріаловъ, образующихъ жизнь, возвращается постоянно къ одному и тому же пункту и можетъ постоянно начинаться снова, пока имѣются на лицо необходимыя внѣшнія условія“ (Nature, vol. 41, p. 318). Протоплазма же высшихъ организмовъ лишена, по Вейсману, этихъ свойствъ. Бючли разсматриваетъ жизнь, какъ результатъ дѣятельности нѣкотораго фермента. Когда этотъ ферментъ израсходывается, жизнь прекращается. Одноклѣточныя животныя имѣютъ способность вырабатывать этотъ ферментъ, и поэтому они способны къ вѣчному существованію. У многоклѣточныхъ же организмовъ такою способностью вырабатывать ферментъ жизни обладаютъ только воспроизводительныя клѣточки (Bütschli — Gedanken über Leben und Tod.—въ Zoolog. Anz. V., 64—67). Лендль (A. Lendl—Hypothese über die Entstehnng von Soma-und Propagationszellen) предложилъ слѣдующее измѣненіе ученія Вейсмана. Каждая клѣточка, вслѣдствіе уже того, что она живетъ, накопляетъ внутри себя различныя чуждыя ей вещества: продукты распада и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ веществъ полезны, нѣкоторыя не полезны, но, во всякомъ случаѣ, всѣ они чужды первичному строенію плазмы. Лендль называетъ эти посторонніе матеріалы *балластомъ*. При своемъ дѣленіи, клѣточка передаетъ весь свой балластъ одной половинѣ, а другая остается свободною отъ балласта. Эта послѣдняя и играетъ роль зародышевой плазмы, способной къ вѣчному воспроизведенію; но, конечно, не всѣ ея потомки будутъ обладать тою же способностью: при своемъ дѣленіи она опять даетъ начало одной клѣткѣ свободной отъ балласта и другой—обремененной этимъ балластомъ. Клѣточки, обремененныя балла-

стомъ, и образуютъ изъ себя тѣло: они неспособны въ вѣчному существованію, но и не обречены на немедленную гибель; мало того, тѣлесная клѣточка можетъ дать начало клѣточкѣ воспроизводительной, такъ какъ и она при своемъ дѣленіи можетъ передать весь свой балластъ одной половинѣ, а другую вполнѣ освободить отъ этого балласта. Но, въ концѣ концовъ, всетаки тѣлесныя клѣточки характеризуются все большимъ и большимъ накопленіемъ балласта, и это накопленіе обусловливаетъ собою смерть индивида. Въ сущности, къ той-же теоріи балласта приходитъ и Ле-Дантекъ (Felix Le-Dantec, — Theorie nouvelle de la vie), что очевидно хотя-бы изъ слѣдующихъ его словъ: „Накопленіе веществъ, неспособныхъ быть удаленными, даетъ достаточное объясненіе старости“ (P. 284), или-же дальше: „*естественною смертью* слѣдовало-бы считать такую, когда вслѣдствіе нормальнаго накопленія неудалимыхъ постороннихъ веществъ, какой либо необходимый для жизни органъ перестаетъ функціонировать“ (P. 285).

Дельбефъ (I. Delboeuf. — La matière brute et la matière vivante) утверждаетъ, что организмы израсходываются самою жизненною дѣятельностью. Онъ проводитъ аналогію между машиною и организмомъ: и машина, и организмъ „изнашиваются и, въ концѣ концовъ, оказываются неспособными ни къ какому употребленію“ (P. 115). И „вотъ почему, — говоритъ онъ дальше (P. 116), все живущее старѣетъ и умираетъ; смерть не имѣетъ иной причины“. Однако, такъ какъ на вопросъ, почему-же многоклѣточный организмъ не способенъ возстанавливать свои потери вполнѣ, а „изнашивается“, такъ какъ для отвѣта на этотъ вопросъ Дельбефъ долженъ указать на сложность организаціи, то, въ концѣ концовъ, и отвѣтъ Дельбефа сводится къ ученію о раздѣленіи труда.

Деляжъ, авторъ огромнаго труда: „Строеніе протоплазмы, теорія наслѣдственности и великія проблемы общей біологіи“ (Yves Delage,—La structure du protoplasma et les Theories sur l'hérédité et les grands problémes de la Biologie Générale, 1895) также является сторонникомъ взгляда на дифференціацію, какъ на причину смерти. „Мы должны,—говоритъ онъ (PP. 769—770),—признать въ принципѣ, что всякая недифференцированная клѣточка обладаетъ способностью неопредѣленно долго дѣлиться и размножаться, пока она имѣетъ достаточно средствъ для питанія, и что всякая клѣточка, дифференцируясь, тѣмъ самымъ кладетъ предѣлъ своей способности къ дѣленію“.

„Первый пунктъ очевиденъ *a priori*. Если клѣточка, дѣлясь, даетъ начало двумъ дочернимъ клѣточкамъ, абсолютно-тожественнымъ ей самой, то обѣ эти дочери будутъ также способны дѣлиться, какъ и ихъ мать; и такъ будетъ продолжаться неопредѣленно долго. Это можно выразить слѣдующею формулою: *го-*

могенное (однородное) дѣленіе никогда не уменьшаетъ жизнеспособности клѣточекъ".

„Что касается второго пункта, то онъ не очевиденъ *a priori*. Клѣточка можетъ и при гетерогенномъ (разнородномъ) дѣленіи дать начало двумъ клѣточкамъ, способность которыхъ къ дѣленію ничѣмъ не будетъ ниже ея собственной способности. Такъ и бываетъ во многихъ случаяхъ. Небольшая дифференціація спермaтозоидовъ, клѣточекъ камбіальнаго слоя и клѣточекъ почки не лишаетъ ихъ способности къ неопредѣленной продолжительности жизни. Но очевидно, что каждое гетерогенное дѣленіе можетъ имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе способности къ дѣленію. Поэтому прогрессивная дифференціація, основанная на длинномъ рядѣ гетерогенныхъ дѣленій, должна, почти неизбѣжно, вести къ подавленію способности къ неопредѣленной продолжительному дѣленію.

„Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что нѣтъ рѣзкаго различія между безсмертными элементами и тѣми элементами, которые не обладаютъ безсмертіемъ. Первое гетерогенное дѣленіе, конечно, лишь весьма слабо уменьшаетъ способность къ дѣленію; слѣдующее гетерогенное дѣленіе уменьшаетъ эту способность нѣсколько болѣе и т. д.; а послѣ извѣстнаго промежутка времени эта способность дѣлается такою слабою, что условія питанія становятся недостаточными, чтобы побудить ее къ дѣятельности, и дѣленія прекращаются. А прекращеніе дѣленія ведетъ неизбѣжно къ смерти". „Смерть, говоритъ нѣсколько далѣе Деляжъ, есть необходимое послѣдствіе прекращенія возрастанія и дѣленія клѣточекъ, и это по той простой причинѣ, что сама жизнь есть не что иное, какъ именно это возрастаніе и это дѣленіе (P. 771).

Однако, самъ Деляжъ признаетъ, что всѣ эти разъясненія не даютъ еще окончательнаго отвѣта на поставленный вопросъ о происхожденіи смерти. Въ самомъ дѣлѣ, онъ заканчиваетъ изложеніе своихъ взглядовъ слѣдующими словами: „Однако, въ концѣ концовъ, всетаки остается нѣчто необъясненное. Почему клѣточка, дифференцированная или не дифференцированная, не можетъ продолжать жить неопредѣленно долго безъ возрастанія и дѣленія, почему она не можетъ воспринимать силу и совершать работу, не измѣняя своего вещества, или почему-бы ей не пробѣгать въ своихъ измѣненіяхъ извѣстнаго замкнутаго цикла, который въ концѣ приводилъ-бы ее какъ разъ къ точкѣ отправленія. Задавать эти вопросы, значитъ спрашивать, чѣмъ живой организмъ отличается отъ мертваго аппарата. Мы не можемъ вполнѣ объяснить смерть потому, что мы не можемъ вполнѣ объяснить жизнь" (P. 771).

Ру въ своемъ весьма извѣстномъ сочиненіи „Борьба частей въ организмѣ" (Wilhelm Roux,—„Der Kampf der Theile im Organismus", 1881) выдвинулъ еще новую точку зрѣнія на вопросъ

о жизни организмовъ. Въ организмѣ происходитъ безпрерывная борьба между его составными частями. Молекулы внутри клѣточки, клѣточки внутри ткани, ткани внутри органовъ, органы внутри организма,—всѣ эти составные элементы организма борются между собою. Въ виду разнообразія и сложности организаціи, условія, благопріятныя для однихъ элементовъ, будутъ не благопріятны для другихъ. А такъ какъ „саморегулированіе и сверхвосполненіе (Uebercompensation) суть основныя свойства и необходимыя условія жизни“ (S. 226), то элементы, поставленные въ менѣе благопріятныя условія, начавши ассимилировать менѣе, чѣмъ потреблять, будутъ быстро побѣждены своими конкуррентами.

Ученіе Ру о борьбѣ между составными частями организма приводитъ насъ естественно къ работѣ Мечникова. Мы начали свой обзоръ изложеніемъ попытки Вейсмана отвѣтить на вопросы о происхожденіи смерти и о томъ, является-ли смерть неизбѣжнымъ удѣломъ всего живущаго. Мы видѣли, что Вейсманъ пришелъ къ выводу, что смерть есть удѣлъ только многоклѣточныхъ организмовъ, и что организмы одноклѣточные обладаютъ способностью къ безграничному существованію. Но если смерть не есть неизбѣжный удѣлъ всего живущаго, если она явилась только, какъ слѣдствіе особыхъ условій существованія многоклѣточныхъ организмовъ, то естественоо возникаетъ вопросъ, нельзя ли попытаться нейтрализовать вліяніе этихъ пагубныхъ „особыхъ условій“? Подобную попытку сдѣлалъ недавно г. Мечниковъ. Конечно, попытка г. Мечникова не является дополненіемъ или продолженіемъ ученія Вейсмана. Мечниковъ шелъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, путемъ отчасти даже враждебнымъ Вейсману, но для нашихъ цѣлей это обстоятельство не имѣетъ значенія; напротивъ, мы не можемъ не указать на то, что попытка Мечникова бороться со смертью получаетъ особое значеніе, если признать справедливость утвержденія, что смерть не есть неизбѣжный удѣлъ всего живущаго. При этомъ мы и закончимъ нашъ обзоръ изложеніемъ попытки Мечникова указать путь для борьбы со смертью даже и у высшихъ многоклѣточныхъ организмовъ. Свои идеи Мечниковъ изложилъ въ статьѣ, напечатанной по-русски въ „Русскомъ Архивѣ Патологіи, Клинической Медицины и Бактеріологіи“, томъ VII, выпускъ 2, а по-французски въ „L'Année biologique“, Troisième Année.

Пока Дарвинъ и Уоллесъ не открыли естественнаго отбора, мысли біологовъ были заняты вопросомъ о томъ, какъ объяснить гармонію въ природѣ. Цѣлесообразное устройство организмовъ казалось непонятнымъ и необъяснимымъ безъ вмѣшательства таинственныхъ силъ. Теперь, когда мы знаемъ, на чемъ основана эта цѣлесообразность, намъ приходится, наоборотъ, обращать вниманіе на явленія дисгармоніи. Существуетъ одинъ особенно по-

разительный примѣръ дисгармоніи въ человѣческой жизни, это—„отсутствіе инстинкта старости и естественной смерти. Выполненіе многихъ физіологическихъ отправленій влечетъ за собою ощущеніе пресыщенія и нѣкоторой усталости. Послѣ дневного труда инстинктивно ощущается потребность отдыха и сна. Было-бы столь же естественно, если-бы, послѣ взрослаго возраста, мы испытывали инстинктивное желаніе состариться, а послѣ болѣе или менѣе продолжительной старости, мы-бы спокойно ждали естественной смерти. Въ дѣйствительности же мы видимъ прямо противоположное этому“ (Русск. Арх., стр. 211).

Эта дисгармонія не замѣчается лишь потому, что мы привыкли считать старость и смерть неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіемъ жизни. Посмотримъ, однако, дѣйствительно-ли старость (а слѣдовательно и смерть) съ логическою необходимостью вытекаютъ изъ жизни.

Если мы захотимъ, не руководствуясь никакими теоріями, составить просто описаніе явленій старости, если мы будемъ наблюдать, какъ старѣетъ человѣкъ, или если мы обратимся къ описанію старости въ учебникахъ общей патологіи, то самымъ очевиднымъ явленіемъ, которое намъ бросится въ глаза, будетъ увяданіе старческаго организма. Старики уменьшаются въ ростѣ, въ вѣсѣ, ихъ ткани становятся вялыми, дряблыми; однимъ словомъ, ихъ организмы претерпѣваютъ то, что на языкѣ патологовъ называется *атрофіей*.

Слѣдовательно, намъ нужно познакомиться съ явленіемъ атрофіи въ организованномъ мірѣ вообще. Но предварительно нужно сказать два слова о фагоцитарной теоріи Мечникова. Эта теорія была уже вполнѣ выработана Мечниковымъ еще въ 1892 г. въ сочиненіи „Лекціи по сравнительной патологіи воспаленія“ (Leçons sur la pathologie comparée de l'imflammation), и съ тѣхъ поръ заняла весьма почетное и твердое мѣсто въ наукѣ. Для нашихъ цѣлей достаточно будетъ напомнить читателямъ, что, по ученію Мечникова, большинство бѣлыхъ шариковъ крови и лимфы, или такъ называемыхъ лейкоцитовъ, обладаютъ способностью поглощать и переваривать, какъ клѣточки постороннія нашему организму (напр., бактеріи), такъ и клѣточки самого нашего организма. За эту ихъ способность пожирать клѣточки они и названы Мечниковымъ фагоцитами. Фагоцитарною способностью, кромѣ лейкоцитовъ, обладаютъ еще и нѣкоторыя другія клѣточки организма. Отмѣтимъ еще существованіе двухъ видовъ фагоцитовъ: мелкихъ многоядерныхъ фагоцитовъ и макрофаговъ.

Обратимся теперь къ явленію атрофіи. При атрофіи тканей фагоциты играютъ большую роль. Во время метаморфозъ, какъ безпозвоночныхъ, такъ и амфибій, уничтоженіемъ старыхъ органовъ занимаются именно фагоциты. Дѣятельность фагоцитовъ проявляется и при атрофіи рудиментарныхъ органовъ Примѣромъ

дѣятельности фагоцитовъ при чисто физіологической атрофіи можно считать участіе ихъ въ процессѣ послѣродовой атрофіи матки. Патологическая атрофія также изобилуетъ примѣрами дѣятельности фагоцитовъ. Фагоциты играютъ видную роль при атрофіи, какъ мускульной, такъ и нервной ткани.

Намъ остается еще отмѣтить два обстоятельства. Во первыхъ, нужно указать на различіе въ дѣятельности многоядерныхъ фагоцитовъ и макрофаговъ: первые играютъ главную роль при острыхъ заразныхъ болѣзняхъ, а вторые—при атрофіи тканей. Во вторыхъ, не слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, будто фагоциты поглощаютъ клѣточки, какъ только эти клѣточки ослабѣютъ или сдѣлаются безполезными для организма. Существуютъ и ослабѣвшія, и безполезныя клѣточки, которыя, однако, не поглощаются фагоцитами; съ другой стороны, фагоциты поглощаютъ иногда элементы очень важные для организма. Напримѣръ, настоящіе рудиментарные органы совершенно безполезны для организма, и однако, они противостоятъ фагоцитозу. Затѣмъ, при голоданіи и при болѣзняхъ часто наблюдается несомнѣнное ослабленіе нѣкоторыхъ клѣточныхъ элементовъ, которые, однако, всетаки не поѣдаются фагоцитами.

Изъ всего этого можно сдѣлать выводъ, что „клѣтки, съ цѣлью противодѣйствія макрофагамъ, должны обладать какимъ-то веществомъ, отталкивающимъ этихъ фагоцитовъ. Въ то время, какъ элементамъ тканей такъ легко обезпечить себя противъ многоядерныхъ лейкоцитовъ, имъ нужны совершенно особыя средства для того, чтобы избѣгнуть прожорливости макрофаговъ. Такъ какъ эти клѣтки поглощаютъ нерастворимыя неорганическія вещества, какъ, напр., угольный порошокъ, то ясно, что онѣ не нуждаются въ привлеченіи химіотактическими веществами. Поэтому, въ томъ, что онѣ избѣгаютъ здоровыхъ элементовъ тканей, нужно видѣть результатъ выдѣленія этими элементами вещества, дѣйствующаго отрицательно химіотактически (т. е. отгоняющаго химическимъ противодѣйствіемъ). Если мы встрѣчаемъ рядомъ со многими личиночными органами, поглощаемыми фагоцитами, другіе находящіеся тутъ-же, но избѣгающіе фагоцитоза, то какъ причину, почему эти органы противостоятъ фагоцитамъ, слѣдуетъ признать существованіе предохранительнаго выдѣленія. А такъ какъ, съ другой стороны, мы такъ часто встрѣчаемъ въ тѣсной близи другъ съ другомъ клѣтки, поѣдаемыя макрофагами, и другія, избѣгающія ихъ, то отсюда слѣдуетъ, что предохранительное вещество непосредственно облегаетъ выдѣлившую его клѣтку, не распространяясь на разстояніе. Въ этомъ отношеніи существуетъ большое сходство съ тѣмъ, что замѣчается у микробовъ, слизистая оболочка которыхъ заключаетъ вещество, отгоняющее фагоцитовъ“.

„На основаніи сказаннаго, нужно думать, что было-бы доста-

точно, чтобы, не смотря на ея полнѣйшую необходимость для организма, клѣтка потеряла способность выдѣлять предохранительное вещество, чтобы она тотчасъ-же была съѣдена фагоцитомъ. И это, по всей вѣроятности, случается во многихъ атрофическихъ болѣзняхъ нервной системы и другихъ важнѣйшихъ органовъ" (Русс. Арх., стр. 215).

Такимъ образомъ, атрофію можно разсматривать, какъ проявленіе борьбы между составнными элементами организма. „При атрофіи физіологической, равно какъ и при патологической, между клѣтками происходитъ непрерывная борьба, состоящая изъ нападенія макрофаговъ, съ одной стороны, и изъ самозащиты клѣтокъ, при помощи выдѣленія, съ другой" (стр. 216).

Посмотримъ теперь, какъ общая патологія описываетъ явленія старческой атрофіи. Самымъ характернымъ процессомъ старческой атрофія является исчезновеніе благородныхъ специфическихъ элементовъ тканей и замѣна ихъ соединительною тканью. Мускульная и нервная ткани прогрессивно уменьшаются въ объемѣ, ихъ элементы дѣлаются малыми и слабыми, а соединительная ткань разростается и мало по малу занимаетъ мѣсто исчезающихъ тканей, такъ что, напримѣръ, органы, которые въ молодости обладаютъ богатою мускулатурою, подъ старость оказываются состоящими главнымъ образомъ изъ соединительной ткани.

Какова причина этой метаморфозы? Наиболѣе распространенное мнѣніе считаетъ истинною причиною старческаго увяданія измѣненія въ сосудахъ. Извѣстно изрѣченіе Казалиса, что каждому человѣку столько лѣтъ, сколько лѣтъ его артеріямъ, т. е., на сколько сохранились его артеріи. Претерпѣвая склерозъ, артеріи утрачиваютъ способность достаточно питать организмъ, отсюда неизбѣжность атрофіи.

Однако, явленія атрофіи шире и распространеннѣе, чѣмъ явленіе склероза артерій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ атрофія начинается задолго до склерозированія сосудовъ. Хотя процессъ склерозированія артерій еще мало выясненъ, однако, несомнѣнно, что самый этотъ процессъ есть явленіе атрофіи.

Такимъ образомъ, теорія артеріосклероза, какъ главной причины старческой атрофіи, не можетъ быть признана. Характерное для старости разрастаніе соединительной ткани служитъ также опроверженіемъ теоріи Вейсмана о прогрессивной утратѣ клѣточками тѣла способности къ воспроизведенію.

„Болѣе правдоподобно предположеніе, говоритъ Мечниковъ (стр. 222), что *старческая атрофія является слѣдствіемъ внутреннихъ клѣточныхъ процессовъ, своего рода борьбой между элементами тканей, все болѣе и болѣе усиливающейся съ возрастомъ*... Здѣсь происходитъ атрофія всевозможнаго рода клѣтокъ, замѣщаемыхъ гипертрофированной соединительной тканью. Въ этой борьбѣ макрофаги, т. е. грануляціонныя клѣтки, превращающіяся

въ соединительную ткань, одерживаютъ побѣду надъ болѣе благородными элементами нашего организма. Глубоко заложенная сторона этой побѣды еще далеко не достаточно выяснена, но нѣкоторые примѣры указываютъ на то, что тутъ дѣло заключается въ фагоцитозѣ".

Факторомъ, опредѣляющимъ результатъ борьбы между клѣточками, является неравная чувствительность этихъ клѣточекъ къ внѣшнему раздраженію. Всѣ вредныя вліянія, дѣйствующія на организмъ, весьма не одинаково отражаются на различныхъ тканяхъ. Изъ всѣхъ клѣтокъ наибольшею чувствительностью отличаются женскіе половые продукты: яичниковыя яйца. Прежде всего они наиболѣе неразборчивы при поглощеніи постороннихъ элементовъ. Такъ, напр., если впрыснуть въ тѣло курицы такой опасный ядъ, какъ тетаническій токсинъ, то яичниковыя яйца сейчасъ-же поглотятъ его въ значительномъ количествѣ, тогда какъ большинство другихъ клѣтокъ не поглотятъ этого вещества. Благодаря этому своему свойству, яичниковыя яйца очень легко атрофируются. По Генле, въ яичникѣ восемнадцатилѣтней женщины заключается 36,000 яичекъ, изъ которыхъ лишь $^1/_{200}$ уходятъ за предѣлы этого органа, а $^{199}/_{200}$ погибаютъ, т. е., поѣдаются фагоцитами. Такая огромная гибель, такая обширная атрофія въ возрастѣ, когда не можетъ быть и рѣчи объ артеріосклерозѣ, служитъ, между прочимъ, лучшимъ опроверженіемъ теоріи артеріосклеротическаго происхожденія старости. Особенная чувствительность женскихъ половыхъ продуктовъ обнаруживается, между прочимъ, и тѣмъ, что малѣйшія измѣненія внѣшнихъ условій жизни часто ведутъ къ безплодію. Послѣ яичекъ наибольшею чувствительностью къ ядамъ отличаются нервныя клѣтки. Что-же касается фагоцитовъ, то они, наоборотъ, отличаются большою выносливостью.

Если теперь мы вспомнимъ о томъ, какое огромное количество различныхъ вредныхъ веществъ проходитъ черезъ организмъ въ теченіе его жизни, то легко увидимъ, что послѣ извѣстнаго промежутка времени болѣе чувствительные элементы окажутся сильно задѣтыми этими ядовитыми веществами, тогда какъ безразличные фагоциты сохраняютъ себя гораздо лучше. Равновѣсіе между фагоцитами и другими элементами организма будетъ нарушено. Въ результатѣ получится побѣда фагоцитовъ, которые и поглотятъ своихъ антагонистовъ.

„Старческое вырожденіе сведется, такимъ образомъ, прежде всего къ нѣкотораго рода макрофагиту, обусловливающему исчезновеніе благородныхъ элементовъ, неспособныхъ къ достаточной самозащитѣ" (Русс. Арх. стр. 223).

Возникаетъ еще вопросъ, должны-ли клѣтки, прежде чѣмъ быть захваченными фагоцитами, претерпѣть значительмое измѣненіе. „Очень вѣроятно, говоритъ Мечниковъ (стр. 223), что различныя клѣтки становятся добычею фагоцитовъ, лишь только онѣ

лишаются предохранительнаго вещества. Можетъ также случиться, что иногда фагоциты, усиленные или возбужденные какою-либо причиною, нападаютъ на клѣтки, совершенно нормальныя. Но, по отношенію къ старческой атрофіи, главнымъ образомъ интересующей здѣсь насъ, слѣдуетъ признать, что прежде всего наступаетъ ослабленіе клѣтокъ, а затѣмъ уже происходитъ ихъ поглощеніе и задушеніе фагоцитами".

Если таково происхожденіе старости, то нельзя-ли воспользоваться добытыми нами свѣдѣніями для практическихъ цѣлей? Нельзя-ли вмѣшаться въ борьбу между фагоцитами и клѣточками, чтобы усилить клѣточки или ослабить фагоцитовъ? Вѣдь, мы уже до извѣстной степени умѣемъ вмѣшиваться въ борьбу организма съ бактеріями и ядами.

Здѣсь прежде всего приходитъ въ голову, конечно, органотерапія, это столь многообѣщающее теперь направленіе въ медицинѣ. Наше вмѣшательство въ борьбу клѣточекъ съ фагоцитами можетъ идти по двумъ направленіямъ. Во первыхъ, можно стремиться усилить клѣточки; во вторыхъ, можно искать средства ослабить фагоциты. Такъ какъ лучше всего защищаются очень молодыя клѣточки, то веществъ, усиливающихъ самозащиту клѣточекъ, слѣдуетъ искать въ эмбріональныхъ органахъ. Но, съ другой стороны, мы имѣемъ уже нѣкоторыя указанія на то, какъ можно ослабить макрофаговъ. Теперь уже извѣстенъ способъ разрушить красные кровяные шарики при помощи кровяной сыворотки животныхъ, которымъ въ свою очередь нѣсколько разъ передъ тѣмъ впрыснули кровь животныхъ другихъ видовъ. Можно, конечно, надѣяться, что будетъ найденъ способъ, при содѣйствіи котораго будутъ разрушать и другіе клѣточные элементы. „Легко поэтому предсказать возможность приготовленія кровяныхъ сыворотокъ противъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и, между прочимъ, противъ макрофаговъ, этихъ разрушителей благородныхъ клѣтокъ въ старости. Подобно тому, какъ уже теперь можно бороться съ успѣхомъ противъ нѣсколькихъ болѣзней, обусловливаемыхъ микробами, посредствомъ кровяной сыворотки, приготовленной при помощи этихъ паразитовъ, такъ со временемъ, нужно надѣяться, будутъ бороться и противъ атрофическихъ и гипертрофическихъ болѣзней, посредствомъ сыворотокъ, приготовленныхъ при помощи соотвѣтствующихъ клѣтокъ. Здѣсь не мѣшаетъ припомнить, что макрофаги лишь въ рѣдкихъ случаяхъ играютъ важную роль въ защитѣ организма противъ микробовъ. Эта задача почти всегда выполняется такъ называемыми многоядерными лейкоцитами, т. е. фагоцитами, обнаруживающими естественное отвращеніе къ клѣткамъ организма".

„Если-бы можно было возстановить равновѣсіе между клѣтками, то въ такомъ случаѣ удалось-бы остановить или по крайней мѣрѣ, ослабить старческую атрофію. Старость сдѣлалась-бы

2*

тогда болѣе сносной, и инстинктъ естественной смерти, почти всегда отсутствующій при нынѣшнихъ условіяхъ, могъ-бы свободно развиться“ (стр. 224).

Такова теорія Мечникова. Въ ней слѣдуетъ различать два элемента: во первыхъ, взглядъ на старость, какъ на атрофическій фагоцитозъ; во вторыхъ, попытку вмѣшаться въ борьбу между клѣточками тѣла и макрофагами.

Займемся сначала первымъ элементомъ. Самъ Мечниковъ, со свойственной ему широтою взгляда, отмѣчаетъ явленія, трудно согласимыя съ теоріею атрофическаго фагоцитоза, какъ причины старости. Онъ совершенно справдливо замѣчаетъ, что, согласно его теоріи, органы, производящіе фагоцитарные элементы, не должны-бы подвергаться перерожденію. Однако, эти органы, т. е. и селезенка, и лимфатическія железы, претерпѣваютъ перерожденіе. Затѣмъ перерожденіе кожи начинается именно съ *уничтоженія* нѣкоторыхъ соединительно-тканныхъ элементовъ, тогда какъ, согласно теоріи Мечникова, старость равнозначна *увеличенію* соединительной ткани во всемъ организмѣ. Отложеніе извести при артеріо-склерозѣ, какъ и вообще вся та сторона перерожденія, въ силу которой въ организмѣ образуются отложенія извести и жира, трудно объяснимо теоріею фагоцитоза. Тогда какъ весь этотъ процессъ сдѣлается болѣе яснымъ, если мы предположимъ, что увяданіе клѣточекъ связано съ какимъ-нибудь внутреннимъ молекулярнымъ измѣненіемъ, а макрофаги играютъ роль простыхъ санитаровъ, удаляющихъ больныхъ и слабыхъ изъ среды здоровыхъ и сильныхъ.

Это послѣднее замѣчаніе слѣдуетъ имѣть въ виду и при обсужденіи второго элемента ученія Мечникова. Но прежде всего замѣтимъ, что, въ сущности, самъ Мечниковъ признаетъ, что молекулярное измѣненіе клѣточекъ есть первичное явленіе старости. Пока клѣточки вырабатываютъ „предохранительное вещество“, макрофаги не рѣшаются нападать на нихъ; гибель клѣточекъ дѣлается неизбѣжною лишь тогда, когда онѣ перестаютъ вырабатывать это свое „предохранительное вещество“. А такое прекращеніе выработокъ самонужнѣйшаго продукта указываетъ на глубокое молекулярное измѣненіе клѣточки. Однако, какъ намъ кажется, Мечниковъ недостаточно имѣетъ въ виду это обстоятельство, когда обсуждаетъ мѣры вмѣшательства въ борьбу между фагоцитами и клѣточками. Изъ двухъ мѣръ: усиленія клѣточекъ и ослабленія фагоцитовъ, онъ, очевидно, болѣе всего полагаетъ надежду на вторую мѣру, тогда какъ изъ всего вышесказаннаго, конечно, слѣдуетъ, что эта вторая мѣра, вѣроятно, совершенно не дѣйствительна. Извѣстно, что продукты регрессивнаго метаморфоза суть главнѣйшіе яды, проходящіе черезъ человѣческій организмъ. Въ настоящее время въ медицинѣ вполнѣ твердо установилось ученіе о самоотравленіи организма вслѣдствіе не-

достаточно быстраго удаленія изъ тѣла этихъ продуктовъ регрессивнаго метаморфоза. Не имѣемъ-ли мы права послѣ этого предположить, что и пожираемыя макрофагами начинающія перерождаться клѣточки вредны для организма? Мечииковъ говоритъ, что нѣтъ надобности щадить макрофаговъ, потому что защита отъ внѣшнихъ враговъ нашего организма — бактерій лежитъ не на нихъ, а на многоядерныхъ фагоцитахъ, которые въ то-же время обнаруживаютъ отвращеніе отъ поѣданія клѣточекъ самого организма. Но нѣтъ ли здѣсь простого раздѣленія труда, въ силу котораго многоядерные фагоциты защищаютъ насъ отъ враговъ внѣшнихъ, а макрофаги—отъ враговъ внутреннихъ? Какъ-бы то ни было, но если первичная причина атрофическихъ явленій лежитъ въ молекулярномъ измѣненіи самихъ клѣточекъ, то мы не видимъ, какую пользу можетъ принести истребленіе хотя-бы всѣхъ макрофаговъ.

За то, нельзя не признать, что путь, указанный Мечниковымъ его первою мѣрою вмѣшательства въ борьбу элементовъ, т. е. усиленіе клѣточекъ, конечно, могъ-бы дать самые блестящіе результаты. Хотя, какъ намъ кажется, даже и здѣсь мысль Мечникова не совсѣмъ вѣрна. Ибо онъ и здѣсь старается найти въ сущности только пріемъ *защиты* клѣточекъ отъ макрофаговъ. А дѣйствительно важный путь былъ-бы тотъ, если-бы мы постарались найти способъ *усилить жизнедѣятельность клѣточекъ*.

Мы закончимъ нашъ обзоръ тѣми прекрасными словами, которыми самъ Мечниковъ оканчиваетъ свою статью. Указавши на то, что животныя, страдающія отъ дисгармоніи въ природѣ, могутъ надѣяться только на естественный отборъ, Мечниковъ говоритъ: „Но у человѣка есть и другія средства, кромѣ естественнаго отбора и, поощряемый тѣмъ, что человѣческое искусство уже значительно превзошло природу въ гармоніи звуковъ, онъ можетъ попытаться примѣнить знаніе для установленія гармоніи отправленій, которой его не сумѣла одарить природа“.

П. Мокіевскій.

Церковная школа въ Сибири.

(По поводу проектируемаго преобразованія).

I.

Школьное дѣло въ Сибири, какъ извѣстно, поставлено очень неудовлетворительно. По даннымъ 1896 года во всей Сибири насчитывалось 2,501 низшее учебное заведеніе съ 80,002 учащимися (въ томъ числѣ 60.468 мальчиковъ и 19,534 дѣвочки) при населеніи въ 6,500,000. По этимъ даннымъ одна низшая школа приходилась на 2,600 жителей и на 4,938 кв. верстъ. Показатель образованія для всей Сибири былъ 1,23 *), т. е. въ $2^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ для земскихъ губерній Европейской Россіи **). Изъ общаго числа школъ Сибири на долю церковныхъ школъ приходилось 1,063.

Въ смыслѣ административной подвѣдомственности начальныя школы Сибири представляютъ еще большее разнообразіе, чѣмъ въ Европейской Россіи: кромѣ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія образцовыхъ и приходскихъ училищъ, здѣсь являются довольно распространеннымъ типомъ сельскихъ школъ такъ называемыя школы министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія и министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ учебномъ отношеніи школы послѣдней категоріи подчинены директорамъ народныхъ училищъ, съ административной же и хозяйственной стороны онѣ вѣдаются губернаторами, а также исправниками и крестьянскими начальниками, гдѣ послѣдніе введены. Такой же порядокъ управленія заразъ нѣсколькими вѣдомствами существуетъ и относительно другого типа начальныхъ школъ: станичныхъ и поселковыхъ школъ сибирскаго казачьяго войска. Рядомъ съ тѣмъ, въ Сибири есть школы, вовсе не подчиненныя учебному начальству,—это горныя школы. Будучи общеобразовательными, школы эти носятъ также профессіональный характеръ, такъ какъ въ нихъ преподается практическое распознаваніе рудъ. Что касается церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, то онѣ въ учебномъ отношеніи вѣдаются всецѣло духовенствомъ, какъ то имѣетъ мѣсто и въ Европейской Россіи. Къ церковнымъ-же школамъ относятся здѣсь миссіонерскія учи-

---

*) «Производительныя силы Россіи», выставочное изданіе м-ва финансовъ, Спб., 1896 г., отд. XIX, стр. 78 и слѣд.

**) Къ 1894 г. процентъ учащихся въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями опредѣлялся въ 3,12 (см. статью «Начальное народное образованіе» въ «Энциклопед. Словарѣ» Брокгауза).

лища, открываемыя въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Для распространенія образованія среди этого населенія мѣстами существуютъ кромѣ того инородческія училища, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ преподаваніе ведется на инородческихъ языкахъ. Къ инородческимъ-же школамъ надо отнести мусульманскія школы—мектебе и медрессе — и еврейскіе „хедеры", т. е. школы грамоты, открытіе которыхъ сопряжено здѣсь съ немалыми затрудненіями. Въ учебно-административномъ отношеніи Сибирь дѣлится на три района. Всѣ учебныя заведенія Тобольской и Томской губерніи, а также Степного генералъ-губернаторства находятся въ вѣдѣніи попечителя западно-сибирскаго учебнаго округа. Учебныя заведенія Восточной Сибири и Приамурскаго края находятся въ вѣдѣніи мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, на которыхъ возложены обязанности попечителей учебныхъ округовъ; ближайшій надзоръ ввѣренъ въ Восточной Сибири главному инспектору училищъ, а въ Приамурскомъ краѣ—окружному инспектору училищъ Приамурскаго края.

Что касается матеріальной стороны, то расходы по содержанію почти всѣхъ народныхъ школъ Сибири лежатъ чуть не всецѣло на мѣстныхъ сельскихъ обществахъ. Министерство народнаго просвѣщенія ограничивается содержаніемъ на свой счетъ инспекціи народныхъ училищъ Сибири и пособіемъ на содержаніе учительскихъ семинарій, нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и университета, между тѣмъ какъ устройство помѣщеній для начальныхъ школъ и текущіе расходы на эти школы: плата учителю, отопленіе и освѣщеніе, содержаніе сторожа и проч. раскладываются, вмѣстѣ съ другими волостными расходами, по числу душъ волости. Сверхъ того значительная часть расходовъ на начальную школу покрывается изъ суммъ губернскаго земскаго сбора. Въ расходахъ на содержаніе церковныхъ школъ Сибири церковныя суммы тоже играютъ очень ничтожную роль. Сибирскія школы грамоты въ большинствѣ случаевъ содержатся всецѣло на средства самого населенія и лишь въ лучшемъ случаѣ пользуются отъ духовнаго вѣдомства даровымъ помѣщеніемъ, въ видѣ церковной сторожки, или грошовымъ пособіемъ. Въ расходахъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ главную роль играютъ опять-таки средства губернскаго земскаго сбора и сборы съ мѣстныхъ сельскихъ обществъ, собственно-же церковныя суммы микроскопически малы. Напр., въ томской епархіи, по епархіальнымъ свѣдѣніямъ за 1897 г., суммы церковнаго сбора составляли лишь 1,2% въ общей суммѣ расходовъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ епархіи *). Въ енисейской епархіи за 1895 — 96 гг. процентъ этотъ едва достигалъ до 2% **). Приблизительно таково-же

*) «Сибирская Жизнь», 1898 г., іюль.
**) «Сибирь», 1897 г., № 65.

участіе епархіальнаго вѣдомства въ расходахъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ и по другимъ епархіямъ Сибири.

Ненормальная постановка школьнаго дѣла въ Сибири давно уже вызываетъ разнообразные проекты всевозможныхъ преобразованій въ этой области. Одни изъ этихъ проектовъ справедливо замѣчали, что безъ предварительнаго введенія въ Сибири земства, которое вѣдало-бы, между прочимъ, и школьное дѣло, сколько-нибудь удовлетворительная постановка послѣдняго здѣсь немыслима. Сверхъ того они намѣчали рядъ другихъ преобразованій, необходимыхъ для того, чтобы народное просвѣщеніе стояло здѣсь на надлежащей высотѣ. Другіе, напротивъ, единственное спасеніе сибирской народной школы видѣли въ передачѣ школьнаго дѣла въ исключительное вѣдѣніе духовенства. За такой шагъ до самаго послѣдняго времени усиленно ратовали, между прочимъ, и оффиціальныя „Церковныя Вѣдомости“ *). Въ духовномъ вѣдомствѣ выработаны уже, какъ сообщали столичныя и извѣстныя провинціальныя газеты, предположенія въ этомъ направленіи. Въ главныхъ чертахъ предположенія эти сводятся къ слѣдующему: всѣ начальныя народныя училища въ Сибири, содержимыя на средства сельскаго населенія, т. е. въ томъ числѣ и школы мин-ва народнаго просвѣщенія, предполагается сосредоточить въ духовномъ вѣдомствѣ и преобразовать въ церковныя; затѣмъ, въ виду постройки новыхъ церквей въ Сибири, одновременно съ открытіемъ всякаго новаго прихода, открывать въ немъ при приходской церкви и церковно-приходскую школу. Далѣе проектируется открыть правильно организованныя школы грамотности во всѣхъ селеніяхъ Сибири, имѣющихъ болѣе 200 душъ жителей. Расходъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ предполагается увеличить отъ 400 до 700 руб. въ годъ. Для удовлетворенія потребностей въ учительскомъ персоналѣ проектируется существующія и содержимыя на земскія и губернскія средства учительскія семинаріи въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Омскѣ передать въ духовное вѣдомство съ преобразованіемъ ихъ въ церковно-учительскія семинаріи и, кромѣ того, учредить новыя учительскія семинаріи въ Тобольскѣ, Благовѣщенскѣ и Якутскѣ. Намѣченныя преобразованія, добавляли газеты, въ непродолжительномъ времени будутъ обсуждаться въ училищномъ совѣтѣ при святѣйшемъ синодѣ.

Вопросъ о передачѣ сибирскихъ школъ въ духовное вѣдомство возбуждается уже не въ первый разъ и имѣетъ свою любопытную исторію. Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда ходатайствъ со стороны мѣстной администраціи, констатировавшей неудовлетворительность постановки въ Сибири школьнаго дѣла, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія неоднократно поднимался вопросъ о

*) См., напр., статью Д. П. Р—скаго въ № 27 «Церк. Вѣдом.» за 1898 г.

необходимыхъ реформахъ въ этой области. Такъ, въ 1895 г. въ комитетѣ министровъ былъ возбужденъ вопросъ о передачѣ начальныхъ школъ Сибири, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія или, согласно отзыва оберъ-прокурора святѣйшаго синода, въ вѣдѣніе мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ. Для разрѣшенія этого вопроса отъ сибирской администраціи были потребованы свѣдѣнія о числѣ и положеніи школъ упомянутыхъ вѣдомствъ и о томъ, какія начальныя школы по мѣстнымъ условіямъ являются наиболѣе подходящими.

Отзывы, полученные на этотъ запросъ отъ мѣстныхъ вѣдомствъ, единогласно отдаютъ предпочтеніе свѣтской школѣ *). Изъ губерній Тобольской и Томской сообщалось, что „школы гражданскаго вѣдомства предпочтительнѣе церковно-приходской школы“. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири тоже заявилъ, что необходимо увеличить число начальныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, которыя будутъ въ состояніи удовлетворить какъ нужды подрастающаго поколѣнія, такъ земледѣльческаго и промысловаго населенія. Школы же духовнаго вѣдомства, сообщаетъ онъ, не соотвѣтствуютъ потребностямъ края по той причинѣ, что на громадныхъ пространствахъ генералъ-губернаторства слишкомъ мало приходовъ, а также и потому, что школы духовнаго вѣдомства въ меньшей степени могутъ способствовать развитію промысловаго и сельско-хозяйственнаго образованія. Однородные же отвѣты были получены и изъ остальныхъ областей Сибири. Напримѣръ, степной генералъ-губернаторъ, отдавая предпочтеніе свѣтской школѣ, мотивировалъ свой отвѣтъ тѣмъ, что, во-первыхъ, чинамъ министерства народнаго просвѣщенія не приходится раздваиваться въ своей дѣятельности, что неизбѣжно для священниковъ; во-вторыхъ, большинство причтовъ, занятыхъ прямыми обязанностями, не въ состояніи въ достаточной мѣрѣ слѣдить за школами; въ-третьихъ, министерство. народнаго просвѣщенія сосредоточиваетъ въ себѣ заботу о народномъ образованіи и располагаетъ опытнымъ персоналомъ какъ учителей, такъ и инспекціи, а равно и спеціальными учебными заведеніями для приготовленія первыхъ; въ-четвертыхъ, въ священнослужителяхъ чувствуется большой недостатокъ, такъ что нерѣдко священники бываютъ изъ лицъ, не окончившихъ курса духовныхъ семинарій. Къ такому-же заключенію приходитъ и приамурскій генералъ-губернаторъ. „Подчиненіе учебной части всѣхъ начальныхъ школъ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, говоритъ онъ въ своемъ отзывѣ, является болѣе надежнымъ и цѣлесообразнымъ, нежели передача ихъ въ вѣдѣніе духовнаго вѣдомства, такъ какъ

*) Болѣе подробное изложеніе этихъ отзывовъ смотри въ «Образованіи» за 1897 г. и въ «Вост. Обозр.», 1899 г., № 5.

контингентъ сихъ послѣднихъ въ краѣ далеко еще не стоитъ на необходимой для просвѣщенія народа высотѣ, въ смыслѣ ихъ научной подготовки". Наконецъ, администрація Сахалина, по сообщенію „Владивостока", тоже пришла къ тому убѣжденію, что лучшимъ типомъ начальной школы являются школы министерскія.

Такое единогласіе въ отзывахъ высшей сибирской администраціи заставило министерство народнаго просвѣщенія сдѣлать тотъ выводъ, что школы Сибири едва ли выиграютъ отъ перехода ихъ въ руки духовенства. Проектъ передачи былъ оставленъ, и тѣмъ страннѣе, что онъ вновь возродился и съ упорствомъ поддерживается сторонниками церковной школы. Чтобы убѣдиться въ его нецѣлесообразности, достаточно бросить бѣглый взглядъ на современное состояніе сибирскихъ церковныхъ школъ.

По даннымъ св. синода, въ 1895—6 учебномъ году въ девяти епархіяхъ Сибири было 2,263 церковныхъ школы. По отношенію къ общему числу сибирскихъ школъ епархіальнаго вѣдомства, школы церковно-приходскія составляли 32°/о (724 школы), школы грамоты—68°/о (1,539 школъ). Учащихся въ этомъ году въ церковныхъ школахъ было 43,473 дѣт. обоего пола. Изъ нихъ 20,794 челов. или 42°/о падали на церковно-приходскую школу и 27,679 челов. или 57°/о—на школу грамоты. Въ среднемъ на одну сибирскую церковную школу приходится 21 учащійся: 28—для школы церковно-приходской и 18—для школы грамоты *). По числу учениковъ, приходящихся на одну школу, сибирскія церковныя школы далеко уступаютъ не только мѣстнымъ школамъ другихъ вѣдомствъ, но даже и церковнымъ школамъ Европ. Россіи. Изъ всѣхъ мальчиковъ, обучающихся въ церковныхъ школахъ Сибири, на церковно-приходскія школы приходится 40°/о, на школы грамоты—60°/о; изъ дѣвочекъ на первыя приходится 47°/о, на вторыя—53°/о. Вообще дѣвочки составляютъ 20°/о всѣхъ учащихся въ церковныхъ школахъ Сибири, причемъ на одну церковно-приходскую школу въ среднемъ приходится 7 дѣвочекъ, на одну школу грамоты—3. Изъ всѣхъ церковныхъ школъ Сибири,—исключая школы Иркутской губ. и Якутской обл., по которымъ нѣтъ соотвѣтственныхъ данныхъ,—95°/о были школы смѣшанныя, 3°/о—спеціально женскія и 2°/о—мужскія **).

Переходя далѣе къ исторіи церковной школы въ Сибири, мы убѣждаемся, что ростъ ея за послѣдніе годы былъ крайне не-

*) Въ оффиціальныхъ данныхъ свѣтскихъ вѣдомствъ, относящихся приблизительно къ тому же періоду, какъ общее число церковныхъ школъ въ Сибири и учащихся въ нихъ, такъ и количество учащихся на каждую школу церковнаго вѣдомства указаны значительно ниже. См., напр., таблицы, помѣщенныя въ «Производительныхъ силахъ Россіи» (Изд. м-ва финансовъ, 1896 г.).

**) П. Н. Лупповъ. «Церковныя школы Россійской имперіи въ 1895—96 учебномъ году» («Народн. Образ.», 1898 г., IV).

значителенъ. Создавшись путемъ предписаній свыше, сибирская церковная школа первыя десятилѣтія своего существованія представляла изъ себя очень жалкій видъ. Извѣстно, напр., что въ нынѣшней томской епархіи, при воцареніи Анны Ивановны, только половина священниковъ оказалась настолько грамотною, что могла подписаться подъ присяжными листами, разосланными съ этою цѣлью, а между тѣмъ эти-же священники получали постоянно приказы объ открытіи церковныхъ школъ *). Въ большинствѣ случаевъ приходилось, впрочемъ, пользоваться учителями еще менѣе пригодными. Такъ, въ 1803 году для снабженія приходскихъ училищъ учителями, синодъ постановилъ подготовлять въ семинаріяхъ на эту должность „слабыхъ учениковъ, непригодныхъ для занятія священническихъ мѣстъ" **). Вообще духовенство того времени относилось очень враждебно къ церковнымъ школамъ и эта враждебность усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, по регламенту Петра Великаго, онѣ должны были содержаться на счетъ церквей. Если церковныя школы до очень недавняго времени едва влачили свое существованіе и въ Европ. Россіи, то въ Сибири положеніе ихъ было еще болѣе плачевно. Въ 1864 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири хлопоталъ о замѣнѣ учителей священниковъ свѣтскими лицами, такъ какъ первые, по его словамъ, были непригодны. Мѣстный директоръ въ 1872 году заявилъ, что „сельскія училища составляютъ только доходную статью священниковъ и поддерживаются ими настолько, чтобы не лишиться дохода". Наконецъ, уже въ новѣйшее время бывшій тобольскій преосвященный Агаѳангелъ (нынѣ епископъ рижскій), прославившійся своими постоянными заботами о школахъ, находилъ участіе духовенства въ веденіи школьнаго дѣла нежелательнымъ и отдавалъ явное предпочтеніе свѣтской школѣ. Педагогическую часть, по сообщенію „Спб. Листка", онъ отдавалъ въ церковныхъ школахъ своей епархіи не представителямъ духовенства, занятымъ исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, а лицамъ, получившимъ спеціальную педагогическую подготовку. Даже общее руководство учебнымъ дѣломъ въ церковныхъ школахъ епархіи было поручено свѣтскому лицу. „Мѣры эти, замѣчаетъ газета, не замедлили отозваться на положеніи въ губерніи школьнаго дѣла благотворнымъ образомъ" ***). До изданія закона 13 іюля 1884 г. сибирскія церковныя школы существовали почти только номинально, да и то въ ничтожномъ количествѣ. Послѣ новѣйшихъ циркуляровъ епархіальныхъ начальствъ къ сельскимъ причтамъ, предписывающихъ „пріумножать" церковныя школы, число послѣднихъ начало нѣсколько увеличиваться, но увеличеніе это было незначительно и въ боль-

*) П. Головачевъ. Къ исторіи церкви въ Сибири, «Сибирь», 1897 г., № 65.
**) Церковныя Вѣдомости», 1898 г., № 27.
***) «Сибирскій Листокъ», 1897 г.

шинствѣ случаевъ происходило только на бумагѣ. Для иллюстраціи достаточно обратиться къ епархіальнымъ отчетамъ за послѣдніе годы. Напр., въ тобольской епархіи въ 1886 г. было 279 церковныхъ школъ, въ 1893 г.—288, въ 1894 г.—243, въ 1895 г.—152 *). Въ енисейской епархіи въ 1879 г. было 102 церковныхъ школы, въ 1895 г.—128, въ 1897 г.—143. Въ якутской епархіи въ 1867 г. церковныхъ школъ было 38, въ 1891 г.—36, въ 1892 г.—44, въ 1893 г.—54, въ 1895 г.—57, въ 1896 г.—52, Въ иркутской епархіи въ 1887 г. школъ этой категоріи было 330, въ 1890 г.—140, въ 1894 г.—285, въ 1895 г.—305, въ 1896 г.—270. Приблизительно такія-же данныя содержатся въ отчетахъ и относительно другихъ сибирскихъ епархій.

Та-же неподвижность замѣчается и по отношенію къ числу учащихся. Въ то время, какъ въ школахъ другихъ вѣдомствъ число учащихся въ каждой школѣ прогрессивно увеличивается, въ сибирской церковной школѣ оно десятки лѣтъ остается неизмѣннымъ **). Въ томской, напр., епархіи за 188³/₄ г. на одну церковную школу приходилось 26 учащихся, въ 189³/₄ г. уже только 23 учащихся, въ 189⁶/₇ г. тоже 23, тогда какъ въ томъ же 189⁶/₇ г. на одну министерскую школу этой губерніи приходилось 49 учащихся ***). Въ якутской епархіи на одну церковную школу приходилось въ 1891 г. около 7,5 учащихся; въ 1892 г. около 8,5; въ 1893 г. — около 8,1; въ 1894 г. — около 8,8, въ 1895 г. — около 9,0; въ 1896 г. — 9,2****). Въ такомъ-же положеніи по отношенію къ данному вопросу находятся церковныя школы и другихъ сибирскихъ епархій. Для большей наглядности я приведу здѣсь таблицу, показывающую среднее количество учащихся въ сибирскихъ школахъ различныхъ вѣдомствъ *****). На одну школу приходится учащихся:

Губерніи и области:	Школы церковныя.	Школы мин. нар. просв.	Школы друг. вѣдомствъ.
Тобольская	22,2	75,1	38,7
Томская	23,1	45,5	—
Енисейская	24.4	52,2	45,0
Иркутская	13,1	48,4	102,2
Якутская	9,0	21,4	36,0
Акмолинская	29,3	69,6	34,2

*) Эта цифра, равно какъ и слѣдующія данныя цифры за 1895 г., взяты изъ «Производительныхъ силъ Россіи»; остальныя изъ ежегодныхъ отчетовъ по епархіямъ.

**) См. статью И. К. «Цифры и факты въ вопросѣ о церковно-приходскихъ школахъ», «Вост. Об.», 1899 г., № 5.

***) М. Тумановъ. «Сибирская народная школа», («Сиб. Жизнь», 1898 г., № 274). См. также «Томскія Епархіальныя Вѣдом.», 1897 г., № 23 и 1898 г., № 19.

****) «Отчеты» Епархіальнаго Училищнаго Совѣта Якутской обл. за эти годы.

*****) Вычисленія произведены по даннымъ «Производительныхъ силъ Россіи» (изд. м-ва финансовъ), которыя относятся къ 1894—95 г.

Семипалатинская.	60,3	69,6	27,0
Семирѣченская	40,3	54,9	20,0
Во всей Сибири	20,3	51,1	36,6

Такимъ образомъ, мы видимъ, что какъ по всей Сибири, такъ и отдѣльно по каждой изъ сибирскихъ областей и губерній, церковная школа занимаетъ послѣднее мѣсто по числу учащихся среди школъ другихъ вѣдомствъ. Наибольшей многолюдностью она отличается въ Степномъ краѣ, гдѣ число церковныхъ школъ ничтожно (въ Акмолинской обл. 10 школъ, въ Семипалатинской—6, въ Семирѣченской—22).

Всѣ эти цифры, касающіяся церковной школы, нужно, однако, принимать съ большою осторожностью, такъ какъ епархіальные отчеты не отличаются особенной точностью, и значительная часть школъ, значащихся въ нихъ, существуютъ только на бумагѣ. Справедливость этого замѣчанія подтверждается на каждомъ шагу и въ значительной мѣрѣ признается самимъ духовнымъ вѣдомствомъ. Напр., въ 1894 г. тобольскій епархіальный училищный совѣтъ въ одномъ засѣданіи сразу вычеркнулъ 76 школъ, существовавшихъ не одинъ годъ въ епархіальныхъ отчетахъ, но не въ дѣйствительности *). Священникъ Кр-скаго прихода, томской епархіи, печатно заявлялъ, что при поступленіи въ свой приходъ онъ нашелъ церковныя школы этого прихода существующими только на бумагѣ, хотя на ихъ содержаніе и на книги изъ года въ годъ выводились расходы **). Пишущему эти строки по личнымъ наблюденіямъ извѣстенъ цѣлый рядъ церковныхъ школъ въ Сибири, которыя числятся въ епархіальныхъ отчетахъ, на самомъ-же дѣлѣ не функціонируютъ или вовсе не существуютъ. Въ сибирскихъ газетахъ также то и дѣло встрѣчаются сообщенія о такихъ фиктивныхъ школахъ. Прекрасной иллюстраціей къ вопросу о точности епархіальныхъ отчетовъ можетъ служить слѣдующій случай изъ нашего недалекаго прошлаго. Въ 1897 г. была издана, по распоряженію департамента народнаго просвѣщенія, книга „Народное образованіе на всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ“, въ которой разсказывается (стр. 122—124), между прочимъ, слѣдующее: въ числѣ экспонатовъ выставки были обширныя статистическія работы по церковно-школьному дѣлу, діаграммы, картограммы и пр., составленныя, повидимому, по отчетамъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ. На одной изъ діаграммъ, представляющей ростъ числа церковныхъ школъ за время 1884—1894 г., значилось, что въ 1884 г. въ Россіи было 500—1000 школъ грамоты, а въ 1893 г. 18000, такъ что число школъ за эти годы возрасло по меньшей мѣрѣ въ восемнадцать разъ. Между тѣмъ оберъ-прокуроръ Св. синода въ представленіи

*) «Сиб. Вѣстн.», 1895 г., № 170.
**) «Уралъ», 1897 г., № 138.

своемъ въ государственный совѣтъ о правилахъ для церковно-приходскихъ школъ говоритъ, что въ двухъ только губерніяхъ въ томъ-же, 1884 г., школъ грамоты было болѣе 500. По открытіи выставки изъ разныхъ губерній отъ училищныхъ совѣтовъ и лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ школьнаго дѣла на мѣстахъ, стали поступать заявленія, указывавшія ошибочность діаграммы. Эти поправки были настолько велики, что цифры 1884 года—500—1000—пришлось увеличить до 10.000; такимъ образомъ, ростъ числа церковныхъ школъ за десятилѣтіе оказалось отъ 10 до 18 тысячъ, т. е. менѣе, чѣмъ въ два раза. Очень любопытнымъ въ этомъ отношеніи является также то обстоятельство, что, по даннымъ свода статистическихъ свѣдѣній за 1896 г., изданнаго департаментомъ народнаго просвѣщенія, въ училищахъ, находящихся въ вѣдѣніи св. синода, не приходится даже по одному учителю на школу *). Ясно отсюда, что нѣкоторыя церковныя школы существуютъ только на бумагѣ, потому что иначе трудно объяснить себѣ фактъ существованія школъ безъ учителей.

Вообще свѣдѣнія о школахъ епархіальнаго вѣдомства страдаютъ неполнотой, неточностью и неопредѣленностью. Детальныхъ данныхъ по этимъ школамъ нѣтъ совершенно. Какая жалкая дѣйствительность скрывается иногда за цифрами епархіальныхъ отчетовъ, можно судить по слѣдующему примѣру.

„Народное Образованіе“—журналъ, какъ извѣстно, издающійся при св. синодѣ, констатируетъ удивительное увеличеніе числа церковныхъ школъ въ Сибири въ 1895—6 г. Сравнительно съ предыдущимъ 1894—5 г.,—говоритъ журналъ,—число церковныхъ школъ въ сибирскихъ епархіяхъ увеличилось на 898 или 65%. Подраздѣляя церковныя школы, мы изъ тѣхъ же данныхъ убѣждаемся, что число церковно-приходскихъ школъ въ сибирскихъ епархіяхъ за этотъ годъ возрасло на 46 или 6%, число школъ грамоты—на 852 или 120%. Число учащихся за тотъ-же періодъ въ школахъ первой категоріи увеличилось на 1024 или 10%, въ въ школахъ второй категоріи уменьшилось на 637 человѣкъ или 1,4%. Такой странный фактъ, какъ увеличеніе числа школъ грамоты на 120% и параллельное уменьшеніе учащихся въ нихъ на 1,4%, журналъ объясняетъ неполнотою свѣдѣній о числѣ учащихся. Посредствомъ какихъ-то операцій надъ средними величинами, совершенныхъ за глазами читателей, журналъ дѣлаетъ заключеніе, что общее число учащихся въ церковныхъ школахъ за отчетный годъ увеличилось на 17,606 челов. или 52% **).

Не будемъ касаться „статистическихъ“ пріемовъ, результатомъ которыхъ явилось столь блестящее „цифровое“ доказательство необычайно быстраго увеличенія въ Сибири числа церковныхъ

*) См. «Жизнь», 1899 г., I, стр. 176.
**) Народн. Образ., 1898 г., апрѣль.

школъ. Попытаемся объяснить причину этого роста и его реальное содержаніе.

Указываемое „Народн. Образов.“ увеличеніе числа церковныхъ школъ произошло всецѣло на счетъ томской епархіи, гдѣ, по его же свѣдѣніямъ, число школъ этой категоріи возрасло на 1000. Такъ какъ по всей Сибири число церковныхъ школъ увеличилось за тотъ же періодъ лишь на 898, то по остальнымъ сибирскимъ епархіямъ число школъ, слѣдовательно, не только не увеличилось, но значительно уменьшилось. Увеличеніе-же числа церковныхъ школъ въ томской епархіи произошло очень своеобразнымъ порядкомъ.

Читатели, быть можетъ, помнятъ циркуляръ томскаго губернатора, изданный въ концѣ 1895 г. и въ то время облетѣвшій чуть не всѣ русскія газеты. Циркуляромъ этимъ сельскіе писаря томской губерніи обязывались обучать деревенскихъ дѣтей молитвамъ и грамотѣ ежедневно, не менѣе четырехъ часовъ, въ будни. При преподаваніи сельскимъ писарямъ воспрещалось употребленіе какихъ-либо иностранныхъ словъ, такъ какъ „родной языкъ, языкъ *бѣднаго*, но добраго народа, составляетъ наше богатство; въ немъ заключается накопленная вѣками мудрость русскаго народа“, и нѣтъ такого сложнаго понятія, какое было-бы невозможно выразить на немъ. Циркуляръ предупреждалъ, что неисполненіе этихъ требованій „повлечетъ за собою оставленіе должности сельскаго писаря“, и напоминалъ „грозную евангельскую заповѣдь о соблазнившемъ единаго изъ малыхъ сихъ... порученныхъ имъ для обученія молитвѣ и грамотѣ“. Не обмолвившись ни однимъ словомъ о томъ, въ какихъ помѣщеніяхъ школы эти должны устраиваться и на какія средства должно пріобрѣтать для нихъ пособія, циркуляръ предписывалъ писарямъ „учить съ любовію“ и въ заключеніе высказывалъ свою увѣренность, что, благодаря сельскимъ писарямъ, грамотность „единовременно, быстро и скромно затеплится, чтобы никогда не угаснуть“ въ предѣлахъ Томской губерніи.

Въ результатѣ такого приказа отставные солдаты, полуграмотные подростки, ссыльно-поселенцы, пропойцы и подпольные „аблакаты“, словомъ, всевозможный сбродъ, — сплошь и рядомъ съ сомнительною нравственностью и преступнымъ прошлымъ,—изъ котораго въ Сибири вербуется писарской персоналъ, взялись за учительскую указку, и въ губерніи въ теченіе года, какъ грибы послѣ дождя, выросли сотни школъ. Эти-то школы, номинально числящіяся церковными, и украсили епархіальные отчеты на слѣдующій годъ, послуживши доказательствомъ того, что „вообще“ увеличеніе числа церковныхъ школъ въ Сибири идетъ гигантскими шагами.

Оправдались-ли, однако, надежды просвѣщеннаго администратора на такую радикальную мѣру? Не смотря на крайнюю осто-

рожность, съ которой мѣстной прессѣ приходилось указывать недостатки этого мѣропріятія и отмѣчать факты, являющіеся результатомъ этихъ послѣднихъ, въ нее проникло не мало фактовъ этого рода. Писарямъ, даже при наличности самаго горячаго усердія, конечно, немыслимо было учительствовать, какъ по недостатку времени, такъ и по своему полному незнакомству съ педагогическими пріемами; сельскія общества, справедливо не предвидя добра отъ писарскихъ школъ, отказывали въ средствахъ на наемъ школьныхъ помѣщеній и на покупку учебныхъ пособій, наконецъ, крестьяне отказывались отпускать въ такія школы своихъ дѣтей. Кончилось тѣмъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ школы эти открылись только на бумагѣ, если же мѣстами онѣ открывались и въ дѣйствительности, то это были только жалкія пародіи на школу, глубоко оскорбительныя для самой идеи народнаго просвѣщенія*).

„Какъ и слѣдовало ожидать,—замѣчаетъ „Сибирь", обсуждая послѣдствія этого циркуляра,—всеобщее обученіе въ Томской губерніи оказывается фикціей" **). Подтверждая это, кузнецкій корреспондентъ „Вост. Об." добавляетъ, что „къ циркуляру объ открытіи школъ населеніе отнеслось не особенно сочувственно, такъ какъ сельскіе писаря—люди сомнительнаго поведенія" ***). Въ „Степной Край" изъ Томскаго округа тоже пишутъ, что „въ дѣйствительности школы этого рода остаются только на бумагѣ, такъ какъ писаря еще менѣе подготовлены, чѣмъ странствующіе учителя, и, кромѣ того, очень заняты". „Уралъ" въ обстоятельной статьѣ по этому вопросу тоже сообщаетъ, что „осенью 1896 г. сельскія школы въ Томской губерніи создавались на бумагѣ". Въ доказательство этого газета приводитъ разсказы двухъ священниковъ томской епархіи. Одинъ изъ нихъ—священникъ с. Чингинскаго — говоритъ, что въ его приходѣ десять такихъ школъ. Въ нихъ „дѣти обучаются молитвамъ, ихъ точному пониманію, почитанію родителей, уваженію церкви и священниковъ; если-же останется свободное время отъ этихъ уроковъ, то приступаютъ къ обученію грамотѣ". Въ двухъ изъ этихъ школъ учителями состоятъ лица, окончившія курсъ въ низшей церковно-приходской школѣ, въ остальныхъ восьми — отставные солдаты и „захожій народъ". Другой священникъ той-же епархіи сообщаетъ, что въ его приходѣ школъ совсѣмъ не было, хотя по отчетамъ ихъ считалось нѣсколько и на ихъ содержаніе и на книги выводились

*) См. П. Головачевъ. «Сомнительный опытъ въ Томской губерніи» («Сибирь», 1897 г., №№ 54 и 55). Съ юридической стороны законность этого циркуляра очень сомнительна, такъ какъ онъ грозитъ писарямъ удаленіемъ со службы за невыполненіе требованій, не входящихъ въ кругъ служебныхъ обязанностей сельскаго писаря, точно опредѣленныхъ закономъ.

**) «Сибирь», 1897 г., № 69.

***) «Восточн. Обозр.», 1897 г., № 32.

даже расходы. „Изъ боязни быть обвиненнымъ въ бездѣятельности,— говоритъ священникъ,—пришлось создавать школы, брать учителями пьяницъ, еле грамотныхъ, съ преступнымъ прошлымъ. Жаль ребятишекъ, передъ которыми отставной солдатъ выкрикиваетъ: „азъ, буки“ и надѣляетъ ихъ подзатыльниками. Эти школы, заключаетъ онъ, коверкаютъ и забиваютъ ребятишекъ, и благое дѣло, если-бы ихъ уничтожили“ *). Мѣстная газета—„Томскій Листокъ“ дала цѣлый рядъ сообщеній этого рода. „Школы грамоты, говоритъ она, влачатъ жалкое существованіе: созданныя лишь бумажнымъ предписаніемъ, онѣ сразу вооружили противъ себя населеніе“. Открытіе ихъ, по словамъ газеты, совершилось при прямомъ давленіи начальства: послѣ рѣчи о пользѣ грамоты составлялся приговоръ объ открытіи школы. Въ учителяхъ большой недостатокъ, хотя они и вербуются изъ унтеровъ, малограмотныхъ солдатъ и пр. Жалованья имъ полагается 5 рублей въ мѣсяцъ. О помѣщеніяхъ и мебели нечего и говорить **). „Степн. Краю“ изъ Томскаго округа писали то же самое. „И кого только нѣтъ среди подобнаго рода людей,—восклицаетъ корреспондентъ, характеризуя учительскій персоналъ вновь открытыхъ школъ.— И инвалидъ, и грамотникъ-крестьянинъ, и дьячекъ разстрига, и чиновникъ, и семинаристъ, и студентъ, и вообще разночинный, такъ или иначе прогорѣвшій людъ“. Плата имъ колеблется между 30 и 50 коп. съ ученика въ мѣсяцъ. Учитель переходитъ поочередно изъ дома въ домъ, а иногда преподаетъ въ особой избѣ, отведенной родителями учащихся. Ежедневное чтеніе длится 6—7 часовъ, въ теченіе которыхъ дѣти зубрятъ склады или выводятъ по прописи, иногда подъ храпъ своего наставника, „палки“. Перерывовъ для отдыха, кромѣ обѣда, не полагается. Авторъ увѣряетъ, что ни одинъ изъ „кончившихъ курсъ“ такой школы не умѣетъ хотя мало-мальски писать.—Изъ Анисимовской волости, Барнаульскаго округа, той-же газетѣ сообщаютъ, что тамъ открыты девять школъ грамоты, но у большинства изъ нихъ нѣтъ ни учебниковъ, ни учебныхъ пособій. Въ нѣкоторыхъ школахъ нѣтъ аспидныхъ досокъ. Гдѣ есть учебники, то это устарѣлый сбродъ книженокъ. Учителя по большей части окончили въ мѣстныхъ волостныхъ школахъ. Въ двухъ школахъ учительствуютъ 14-лѣтніе мальчики. Изъ с. Проскоковскаго „Томскому Листку“ писали, что въ школѣ грамоты этого села сначала „училъ“ сапожникъ—человѣкъ малограмотный и пьяница. Во время „занятій“ онъ обыкновенно уходилъ въ смежную комнату къ сосѣду, тоже сапожнику, и пьянствовалъ. Послѣ сапожника сталъ „учить“ одинъ мальчикъ, окончившій курсъ сельской школы, съ вознагражденіемъ по 6 руб. въ мѣсяцъ за учебное время, т. е. за 5—6 мѣсяцевъ. Въ селѣ Бердскомъ

*) «Уралъ», 1897 г., № 138.

**) «Томскій Листокъ», 1896 г., № 271—«Письмо изъ деревни».

учительница школы грамоты окончила курсъ мѣстной волостной школы и получаетъ 9 руб. въ мѣсяцъ. Въ Алейской волости, по сообщенію „Томскаго Листка“, учащихся сотни, но нѣтъ книгъ, азбукъ, прописей и т. д. Изъ Зырянской волости пишутъ, что здѣсь „грамотность плохо прививается“: школы грамоты открыты лишь въ 5 изъ 16 селеній, что объясняется неимѣніемъ средствъ и еще болѣе несочувствіемъ населенія къ школамъ этого типа. „Крестьяне естественно желаютъ, чтобы ихъ расходы оказались производительными,—замѣчаетъ по этому поводу „Сибирь“, между тѣмъ они видятъ ясно, что эти неблагоустроенныя дешевыя школы съ ихъ дешевыми учителями обойдутся имъ дороже „настоящихъ“: кромѣ ежегодныхъ расходовъ, дѣти и послѣ трехлѣтняго ученья въ такихъ школахъ выйдутъ изъ нихъ почти такими-же незнающими, какими и вошли“ *). Вообще, по словамъ этой газеты, „въ деревняхъ предпочитаютъ своихъ „хожалыхъ“ учителей, которые, кромѣ того, стоятъ дешево, а крестьяне очень боятся новыхъ расходовъ, связанныхъ съ этими школами“. Изъ Гавриловскаго завода въ ту-же газету сообщаютъ, что здѣсь открыта школа грамоты и учителемъ въ нее назначенъ кончившій курсъ въ начальной школѣ, съ жалованьемъ 96 руб. въ годъ. Занятія идутъ въ „сборной избѣ“, т. е. въ сельской управѣ. Въ той-же комнатѣ, гдѣ учатъ, устроена „рѣшетка“, т. е. отгорожено въ углу рѣшеткой мѣсто въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, куда садятъ буйныхъ арестантовъ и общественныхъ недоимщиковъ. Здѣсь же находится столъ для сельскаго писаря и старосты. „Тутъ происходятъ подчасъ возмутительныя сцены,—говоритъ корреспондентъ,—и все это на глазахъ у дѣтей. *Школа въ кутузкѣ!*—восклицаетъ онъ. Трудно этому повѣрить, но это фактъ. Раньше у насъ совсѣмъ не было школы (хотя въ Гавриловскомъ заводѣ до 1000 жителей) и ребятишки ходили за четыре версты въ сосѣднюю школу, ходили въ дождь и слякоть, въ лютые морозы и въ снѣжныя мятели. Теперь у насъ своя школа, хотя только школа грамоты, но мнѣ кажется, что гавриловскіе ребятишки попали изъ огня да въ полымя“ **). Корреспондентъ той-же газеты изъ Барнаульскаго округа сообщаетъ о невозможномъ положеніи школъ грамоты въ этомъ округѣ, не имѣющихъ почти никакихъ учебныхъ пособій. „Учительствуютъ въ школахъ не сельскіе писаря, какъ предполагалось ранѣе, замѣчаетъ онъ,—а разные „захожіе люди“ за 4—6 руб. въ мѣсяцъ... Въ дер. Луковкѣ учителемъ состоитъ старичекъ-старовѣръ, котораго хвалятъ“ ***).

Читатель, надѣюсь, проститъ мнѣ этотъ длинный и однообразный рядъ выдержекъ, доказывающихъ то, что въ сущности и не

---

*) «Сибирь», 1897 г., № 55.

**) «Сибирь», 1897 г., № 126.

***) «Сибирь», 1897 г., № 105.

нуждается въ доказательствахъ. Мнѣ эта экскурсія въ область дѣйствительности казалась совершенно необходимою, потому что сторонники церковной школы слишкомъ уже побѣдоносно носятся съ этими пародіями на школу.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что современное положеніе церковной школы въ Сибири не располагаетъ къ особенно радужнымъ надеждамъ на ея будущность. Количественный ростъ ея довольно проблематиченъ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть опредѣленъ съ достаточной достовѣрностью, такъ какъ отчеты епархіальныхъ совѣтовъ страдаютъ большою неточностью, заключая въ себѣ сплошь и рядомъ школы недѣйствующія или вовсе несуществующія. Если даже принимать цифры этихъ отчетовъ за чистую монету, то окажется, какъ мы видѣли выше, что въ однѣхъ сибирскихъ епархіяхъ число церковныхъ школъ за послѣдніе годы увеличилось очень мало, въ другихъ вовсе не увеличилось или даже уменьшилось. Если число церковныхъ школъ и увеличивается, то это увеличеніе совершается почти исключительно путемъ возникновенія новыхъ школъ грамоты, т. е. школъ, крайне неудовлетворительныхъ и необезпеченныхъ, просвѣтительное значеніе которыхъ очень сомнительно. При томъ же школы эти возникаютъ въ большинствѣ случаевъ по иниціативѣ самихъ крестьянъ и содержатся всецѣло на ихъ средства, являясь церковными лишь de jure, такъ что ростъ ихъ не характеренъ для роли духовенства въ дѣлѣ просвѣщенія народа. Во всякомъ случаѣ болѣе половины тѣхъ десятковъ тысячъ учащихся, которыми украшаются ежегодные отчеты о церковныхъ школахъ Сибири, учатся въ школахъ грамоты, т. е. фактически нисколько не обязаны своимъ образованіемъ духовному вѣдомству, да, строго говоря, и не получаютъ никакого образованія. Въ частности сотни школъ—дѣйствительныхъ и фиктивныхъ,—основанныхъ въ 1896 г. въ Томской губерніи, обязаны своимъ возникновеніемъ всецѣло распоряженію мѣстнаго губернатора и лишь случайно послужили сильнымъ козыремъ въ рукахъ сторонниковъ церковной школы, попавши на страницы епархіальныхъ отчетовъ.

II.

Кто же преподаетъ въ сибирской церковной школѣ и кто наблюдаетъ за нею?

По даннымъ послѣдняго всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева, по вѣдомству православнаго исповѣданія въ 1895 г. на каждый причтъ въ Россійской имперіи приходилось въ среднемъ болѣе 3,843 человѣкъ. Будетъ ли эта цифра среднею и въ частности для Сибири, мы не знаемъ, но сибирскіе приходы во всякомъ случаѣ непомѣрно велики. Если

по числу жителей сибирскіе приходы и уступаютъ, быть можетъ, приходамъ Европ. Россіи, то по своей территоріи они гораздо больше послѣднихъ. Деревни, расположенныя на нѣсколько десятковъ верстъ отъ церкви, здѣсь вещь самая заурядная, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются и селенія, отстоящія на сотни верстъ отъ приходской церкви. Достаточно указать на тотъ фактъ, что, по вычисленію управляющаго дѣлами комитета сибирской желѣзной дороги, для поддержанія уровня духовно-нравственнаго развитія однихъ только переселенцевъ необходимо, по мѣстнымъ условіямъ, выстроить до 700 новыхъ церквей. Разбросанность сибирскихъ приходовъ вынуждаетъ мѣстное духовенство дѣлать для исполненія требъ массу разъѣздовъ на громадныя разстоянія; сосѣдство съ инородцами и иновѣрцами налагаетъ на него миссіонерскія обязанности, а то обстоятельство, что значительную часть сибирскаго населенія составляетъ деморализованный ссыльный элементъ, открываетъ для него широкое поприще содѣйствовать нравственному возрожденію людей. Вотъ почему сибирскому священнику,—если только онъ не относится къ своему дѣлу чисто формальнымъ образомъ,—нечего и думать не только вообще стоять близко къ школѣ, но даже только преподавать въ ней хоть съ нѣкоторой аккуратностью свой предметъ. Обыкновенно священникъ бываетъ въ школѣ лишь наскокомъ, нѣсколько разъ въ теченіе учебнаго сезона, всѣ же заботы о школѣ, въ томъ числѣ и преподаваніе Закона Божія, лежатъ цѣликомъ на учителѣ. Если таково положеніе школъ, находящихся при церквахъ, то школы деревень, отдаленныхъ отъ резиденціи священника, обыкновенно не видятъ его вовсе. Общее руководство школьнымъ дѣломъ въ своемъ приходѣ для сибирскаго священника—вещь совершенно непосильная даже при теперешнемъ незначительномъ числѣ церковныхъ школъ. Это высказываетъ и само духовенство. „Я очень радъ, говорилъ одинъ изъ священниковъ сотруднику „Сиб. Вѣст.“, что въ новомъ моемъ приходѣ нѣтъ церковной школы, а только училище министерское. Веду въ немъ свое дѣло исправно, и больше съ меня ничего не спрашиваютъ. А тамъ на тебѣ вся школа“... На непосильность такой задачи указываютъ нерѣдко и епархіальные отчеты. Напр. епархіальный отчетъ по Якутской обл. говоритъ: „По смыслу §§ 13, 15 и 19 инструкціи благочиннымъ приходскихъ церквей, діаконы и церковно-служители обязываются „непремѣнно присутствовать при всѣхъ требоисправленіяхъ“, которыя въ якутской епархіи, по мѣстнымъ условіямъ, совершаются по большей части не въ церкви, а въ домахъ прихожанъ, проживающихъ отъ церквей на разстояніи 100 и болѣе верстъ. Между тѣмъ причты (состоящіе изъ одного священника и одного псаломщика), имѣющіе у себя школу, состоятъ: священникъ законоучителемъ, а псаломщикъ учителемъ. Нѣтъ сомнѣнія—вполнѣ резонно заключаетъ отчетъ,—что ничего добраго

нельзя ожидать отъ той школы, гдѣ законоучитель и учитель часто отлучаются вмѣстѣ въ приходъ" *). Отчетъ училищнаго совѣта по Семирѣченской обл. (туркестанской епархіи) за 1895 г. тоже сознается, что преподаваніе въ церковныхъ школахъ Семирѣчья шло плохо. Причину этого онъ видитъ въ томъ, что въ числѣ учителей очень большой процентъ составляли дьякона и псаломщики, между тѣмъ какъ имъ часто приходится отлучаться. При выѣздѣ священника-законоучителя по приходу ему всегда сопутствуетъ псаломщикъ-учитель, и во время поѣздки причта по приходу, обыкновенно продолжающейся нѣсколько дней, а иногда даже недѣль, школа остается безъ учителя и законоучителя.

Всѣ указанныя причины несомнѣнно очень существенны и играютъ немаловажную роль въ неудовлетворительномъ положеніи церковно-школьнаго дѣла. Недаромъ, съ одной стороны, священники жалуются на то, что школьныя обязанности являются для нихъ игомъ, „почти равнымъ тому игу, которое несли евреи „въ Египтѣ" **), съ другой—населеніе, печать и сами епархіальные отчеты жалуются на нихъ за небрежное отношеніе къ школѣ, за равнодушіе къ своимъ педагогическимъ обязанностямъ. Такъ, томскій отчетъ за $189^2|_3$ г. говоритъ: „Не можемъ не отмѣтить, что духовенство епархіи не вездѣ съ равнымъ и достаточнымъ усердіемъ относилось къ развитію церковно-приходскаго школьнаго дѣла. А школа, открытая безъ сознанія ея важности и значенія, годъ отъ году становится въ тягость причту и мѣстному обществу, священникъ слагаетъ съ себя преподаваніе Закона Божія на учителя-псаломщика, а за собою оставляетъ лишь высшее наблюденіе за школою, что въ сущности сводится къ равнодушному къ ней отношенію". Енисейскій епархіальный отчетъ за $189^3|_4$ годъ тоже констатируетъ, что „по разнымъ уважительнымъ и неуважительнымъ причинамъ нѣкоторые священники относились къ обязанностямъ законоучительства не особенно усердно". Если-бы мы вздумали приводить здѣсь и однородныя жалобы сибирской періодической печати, то число выдержекъ могло-бы возрасти до безконечности..

Въ неменѣе ненормальныя условія поставленъ и ближайшій надзоръ за церковными школами Сибири, возложенный на такъ называемыхъ наблюдателей. Отчетъ епархіальнаго училищнаго совѣта Якутской области за $189^1/_2$ г. говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Наблюдателями церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты якутской епархіи состояли священники-благочинные, обремененные, во-первыхъ, нелегкими обязанностями по обширному приходу и, во-вторыхъ, многочисленными дѣлами по благо-

---

*) Отчетъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта по Якутской области за 1891—92 г., стр. 15.

**) Вахтеровъ, «Рус. Мысль», 1897 г. I.

чинію. Канцеляріи ихъ завалены указами и циркулярами консисторіи о разборѣ жалобъ, производствѣ слѣдствія по разнымъ родамъ жалобъ, объ объявленіяхъ по благочинію тѣхъ или другихъ распоряженій начальства къ руководству всѣмъ причтамъ и т. д. Кромѣ всего, на нихъ лежитъ: провѣрка церковныхъ документовъ, разныхъ статистикъ, денежные разсчеты, веденіе срочныхъ вѣдомостей и прочія заботы по благочинію и приходу, да къ тому же исполненіе разныхъ распоряженій попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и другихъ учрежденій. Все это нелегкое бремя обязанностей оо. благочинныхъ требуетъ отъ нихъ большой энергіи, труда и времени. Между тѣмъ наблюдательская обязанность ничѣмъ не легче благочиннической. На ея долю приходится столько-же заботъ и столько-же дѣлъ и переписки, возбуждаемой нуждами школъ и распоряженіями епархіальнаго училищнаго совѣта, къ чему присоединяется еще составленіе ежегоднаго отчета, требующаго и достаточнаго времени и нелегкаго труда. Та и другая обязанности исполняются безвозмездно" (стр. 40).

На то же обстоятельство неоднократно указывали и сибирскія газеты. Напр., корреспондентъ „Сибири" изъ Семирѣченской обл., сообщая о введеніи въ ихъ епархіи епархіальныхъ и мѣстныхъ наблюдателей за церковно-приходскими школами, говорилъ, что все это сдѣлано какъ-то ужъ слишкомъ несообразно съ мѣстными условіями. „Въ нашей епархіи,—пишетъ онъ,—всего 17 церковно-приходскихъ школъ и 13 школъ грамоты; наблюдателей же назначено четыре—одинъ епархіальный и трое мѣстныхъ; изъ послѣднихъ двое въ Семирѣченской области и одинъ въ Сыръ-Дарьинской. Получаютъ всѣ эти наблюдатели болѣе пяти тысячъ рублей въ годъ. Между тѣмъ школы влачатъ жалкое существованіе, довольствуясь одними только мѣстными сборами и не получая никакихъ пособій изъ какихъ-либо другихъ учрежденій. Назначеніе такихъ громадныхъ окладовъ наблюдателямъ почти не соотвѣтствуетъ развитію у насъ школьнаго дѣла, которое, по малочисленности населенія, идетъ весьма и весьма туго. Оклады эти могутъ, конечно, служить только подспорьемъ священникамъ. Напримѣръ, возьмемъ наблюдателя школъ, живущаго въ гор. Лежинскѣ, священника Федорова. Районъ его надзора за школами слишкомъ великъ: отъ Лежинска до Вѣрнаго 400 верстъ—въ одну сторону и въ другую до Бахтовъ свыше 400 верстъ. Можетъ-ли онъ производить тщательныя наблюденія на такомъ огромномъ пространствѣ, если еще принять во вниманіе, что онъ въ то же время состоитъ единственнымъ священникомъ въ уѣздномъ городѣ и станицѣ, кромѣ того — благочиннымъ округа, законоучителемъ въ двухъ училищахъ и проч., и проч. Очевидно, что священникъ Федоровъ ничего подобнаго сдѣлать не можетъ, такъ какъ онъ связанъ своими болѣе существенными обязанностями по должности приходскаго священника и едва-едва можетъ вырваться только

изрѣдка въ свой учебный районъ. Въ Ташкентѣ тоже поручено завѣдыванiе школами благочинному, настоятелю кафедральнаго собора. Все это, заключаетъ корреспондентъ, отзывается, конечно, на дѣлѣ просвѣщенiя".

Конечно, пренебрежительное отношенiе сибирскаго духовенства къ школѣ является результатомъ далеко не однѣхъ только его профессiональныхъ обязанностей. Возможность легкой наживы, общiй промышленно-хищническiй характеръ сибирской жизни нерѣдко захватываютъ и пастыря, тѣмъ болѣе, что существующая система оплаты труда духовенства населенiемъ не способствуютъ развитiю въ носителяхъ этого сана побужденiй высшаго порядка.

Помимо недостатка времени, обусловливаемаго массою служебныхъ и другихъ побочныхъ занятiй, успѣшности преподаванiя въ церковной школѣ много вредитъ низкiй образовательный уровень сибирскаго духовенства. Сибирскiя семинарiи и духовныя училища, поставляющiя кандидатовъ на духовныя мѣста, до сихъ поръ сохранили характеръ старинной бурсы. Въ нихъ наука отходитъ на заднiй планъ, а главное вниманiе сосредочивается на заботахъ объ охраненiи благонравiя и благонадежности учащихся. Въ этихъ видахъ, напр., всѣ письма, получаемыя семинаристами отъ родныхъ и знакомыхъ, предварительно прочитываются учебнымъ начальствомъ и затѣмъ уже въ распечатанномъ видѣ выдаются адресатамъ, если, конечно, начальство не найдетъ въ нихъ ничего предосудительнаго. Корреспондентъ „Сибири" изъ Якутска сообщаетъ, что, проходя по двору семинарiи,—въ особенности въ праздничный день, — вы можете случайно сдѣлаться свидѣтелемъ довольно умилительной картины. Передъ вами стоитъ смущенный воспитанникъ семинарiи и, раскрывая ротъ, порывисто дышетъ въ носъ своему начальнику, которому желательно удостовѣриться въ трезвости своего питомца.—Чтенiе книгъ здѣсь считается дѣломъ весьма подозрительнымъ и потому пользованiе книгами даже изъ семинарской библiотеки очень затруднительно. Напр., одного изъ кончающихъ семинарiю застали за чтенiемъ „Исторiи новѣйшей русской литературы" Скабичевскаго. Начальство приходитъ въ ужасъ отъ того, что подобная книга попала въ стѣны семинарiи и начинается настоящее дознанiе. Дѣло восходитъ до высшей инстанцiи — педагогическаго совѣта—и, во избѣжанiе огласки, заканчивается внушенiемъ приблизительно слѣдующаго содержанiя: „вы—семинаристы—должны быть консерваторами, а не либералами, ибо чтенiе подобныхъ книгъ есть либерализмъ" *). Не только семинаристы, но ихъ учители и инспекторъ чувствуютъ себя несвободными отъ благодѣтельной опеки высшаго начальства. Недавно, напр., ректоръ находитъ на квартирѣ уѣхавшаго инспектора семинарiи книжку „Русской

*) «Сибирь», 1897 г., № 68.

Мысли“ и патетически восклицаетъ: „охъ, не зналъ я, что онъ такой либералъ и читаетъ запрещенныя книги!..“ *).

Если сибирскія семинаріи таковы въ настоящее время, то легко себѣ представить, что онѣ представляли изъ себя въ недалекомъ прошломъ, когда была полная возможность числиться ученикомъ семинаріи и оканчивать курсъ ея, „пребывая въ лонѣ отчемъ“ **). А между тѣмъ современное сибирское духовенство представляетъ изъ себя въ общемъ питомцевъ именно этой бурсы „добраго стараго времени“. Къ тому же значительное большинство сибирскихъ священниковъ не обладаетъ законченнымъ семинарскимъ образованіемъ; сплошь и рядомъ приходится встрѣчать священниковъ, не окончившихъ даже духовнаго училища, исключенныхъ изъ II и III класса послѣдняго. Напримѣръ, въ томской епархіи въ концѣ 80-хъ годовъ изъ 363 священниковъ съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ было лишь 141; изъ 31 дьякона—1, изъ 431 псаломщиковъ—тоже 1. Больше половины духовенства (56%), въ томъ числѣ 126 священниковъ, было съ „домашнимъ“ образованіемъ, т. е. малограмотны ***). При

*) «Сибирь», 1897 г. № 138. См. также корреспонденцію о порядкахъ въ этой семинаріи въ «Сиб. Л.» (1897 г. № 48).

**) Передо мною въ настоящее время лежитъ копія съ одной бумаги, извлеченной изъ минусинскаго церковнаго архива. Это «отношеніе» смотрителя красноярскихъ духовныхъ училищъ А. П. отъ 29 Окт. 1857 г. за № 355. Привожу копію, какъ образчикъ грамотности педагогическаго персонала сибирскихъ семинарій недавняго прошлаго и какъ характеристику тогдашнихъ семинарскихъ порядковъ.

«Его Высокоблагословенію Высокоблагословѣннѣйшему Г. Абаканскому О. Благочинному Алексѣю Угрюмову.

«Вѣдѣнія моего, прихода вашего Абаканской Вознесенской церкви пономарь Иванъ Покровскій, вошелъ комнѣ прошеніемъ, въ которомъ изъяснилъ, что онъ Господу Богу изволившу, имѣетъ троихъ дѣтокъ: Сергія, Михаила и Александра Ивановичей:—это первое; Второе, что старшій сынъ его Сергій обучается въ Томскомъ Духовномъ Училищѣ *въ нишемъ отдѣленіи* еще съ 1856 года, а потому онъ пономарь, Иванъ Сергѣевичъ Покровскій, считаетъ себя обязаннымъ представить въ Красноярское Училище и второго сына своего Михаила, но по неовозможно сти представить, а потому и о сомнѣливается утруждать мое Высокоблагородіе просьбою, о включеніи сына его Михаила въ училище и выдачѣ ему билета на проживаніе въ лонѣ отчемъ.

«Выдать билетъ—конечно вещь не хитрая; но дѣло въ томъ, что въ представленномъ мнѣ вашимъ Высокоблагословѣніемъ вѣдомости значится долженствующимъ поступить въ училище Сергій Покровскій, о Михаилѣ же нѣтъ и по мину. А потому осмѣливаюсь утруждать Ваше Высокоблагословѣніе покорнѣйшею просьбою—раскусить этотъ орѣхъ, и представить мнѣ зерно истины въ обнаженномъ отъ щелухи ошибокъ—видѣ.

«На что и ожидаю милостивѣйшей резолюціи Вашего Высокоблагословѣнія съ таковымъ присовокупленіемъ, что возлюбленное Ваше чадо учится изрядно, хоть и пошаливаетъ, а баранъ Вашъ все еще не заколотъ.

«Смотритель Духовныхъ Училищъ А. П.»

***) Протоіерей А. А. Мисюревъ. «Краткій историко-статистическій очеркъ Томской епархіи», Томскъ, 1897 г., стр. 31.

этомъ нужно имѣть въ виду, что томская семинарія, открытая въ 1848 г., до 1876 г. имѣла только три класса и лишь въ этомъ году преобразована въ шестиклассную, такъ что и „законченное семинарское образованіе“ не могло служить доказательствомъ сколько-нибудь основательной научной подготовки. Нѣтъ сомнѣнія, что томская епархія въ данномъ случаѣ не составляетъ никакого исключенія и что съ тѣхъ поръ составъ сибирскаго духовенства измѣнился очень мало. Существующихъ въ Сибири нѣсколькихъ духовныхъ семинарій, нужно добавить очень малолюдныхъ, далеко недостаточно для подготовленія въ нужномъ количествѣ кандидатовъ на духовныя должности, тѣмъ болѣе, что лучшіе ученики ихъ идутъ въ томскій университетъ *). Вотъ почему даже въ настоящее время при замѣщеніи священническихъ должностей не приходится быть особенно разборчивымъ, и, не смотря на это, въ сибирскихъ епархіяхъ постоянно остается свободными нѣсколько священническихъ вакансій. До чего мало требовательнымъ приходится быть при ихъ замѣщеніи, показываетъ слѣдующій случай. Не такъ давно къ красноярскому преосвященному явился какой-то субъектъ и, отрекомендовавшись окончившимъ тамбовскую духовную семинарію Балаклейскимъ, просилъ дать ему мѣсто священника въ енисейской епархіи. При этомъ онъ предъявилъ семинарское свидѣтельство. Хотя этого свидѣтельства было и мало для посвященія незнакомца въ священники, но преосвященный, обрадовавшись возможности имѣть священника съ законченнымъ семинарскимъ образованіемъ, счелъ за благо не упускать счастья изъ рукъ и согласился удовольствоваться этою бумажкою. Чтобы ускорить поступленіе Балаклейскаго на мѣсто, преосвященный самъ пріискалъ ему невѣсту,—дочь умершаго священника У—ва, чуть-ли не самъ лично и высваталъ ее Балаклейскому. Послѣ свадьбы преосвященный посвятилъ Балаклейскаго во священники и назначилъ ему приходъ въ селѣ. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ: Балаклейскій священствуетъ, епархіальное начальство имъ не нахвалится. Вдругъ случайно обнаруживается, что мнимый Балаклейскій—бродяга съ подозрительнымъ прошлымъ, что семинарское свидѣтельство было имъ гдѣ-то украдено и что онъ совершенно незнакомъ не только съ богословіемъ и церковнымъ уставомъ, но даже и съ церковно-славянскою грамотою. Въ настоящее время мнимый Балаклейскій находится въ красноярской тюрьмѣ **).

*) Въ Сибири въ настоящее время функціонируетъ пять духовныхъ семинарій. Изъ нихъ въ 1896 году считалось учениковъ: въ тобольской—187, въ иркутской—145, въ благовѣщенской—48, въ якутской — 35. Изъ двухъ остальныхъ относительно томской у меня нѣтъ свѣдѣній, а красноярская только въ 1896 г. была открыта.

**) Разсказываю фактъ со словъ очевидцевъ. Сверхъ того онъ былъ разсказанъ въ 1898 г. въ «Енисеѣ», «Сибирской Жизни», «Рус. Вѣд.», «Сынѣ Отеч.» и другихъ газетахъ.

Недостатокъ образованія, въ связи съ разными мѣстными условіями, очень замѣтно сказывается въ дѣятельности сибирскаго духовенства. Отсутствіе культурнаго общества рядомъ съ незначительностью умственныхъ запросовъ и интересовъ въ самомъ себѣ, масса разъѣздовъ и другихъ занятій по должности, постоянныя препирательства съ прихожанами изъ-за руги и денежной платы за требы—страшно понижаютъ его умственный и нравственный уровень. Теряется живое исканіе истины и потребность добраго дѣла, не чуждыя иногда молодымъ представителямъ этого званія, порывается всякая связь съ культурною жизнью, притупляется отзывчивость и чувствительность, даже культурныя привычки мало-по-малу утрачиваются. Одни изъ его представителей примиряются съ пошлостью сытаго существованія и начинаютъ жить тихо и мирно, по-чиновничьи выполняя свои обязанности; другіе увлекаются наживою и пускаются въ разнаго рода торгово-эксплуататорскія предпріятія, несвойственныя ихъ сану; третьи задыхаются въ этой атмосферѣ и смутный протестъ противъ пошлости подобнаго существованія выражается у нихъ въ томъ, что они начинаютъ пить горькую. Что касается умственной жизни, то здѣсь это паденіе еще сильнѣе, еще очевиднѣе. Не обладая большими познаніями и при поступленіи на должность, мѣстные священники окончательно „дичаютъ" (спеціально сибирскій терминъ) послѣ нѣсколькихъ лѣтъ служенія. Въ большинствѣ случаевъ они ничего не выписываютъ и не читаютъ, совершенно опускаются, чуть не разучиваются читать и писать. Мнѣ приходилось видѣть не мало переписки духовенства енисейской епархіи и меня всегда поражала невѣроятная безграмотность всѣхъ этихъ „репортовъ", „отношеній" и т. д.

Но священники, какъ мы уже видѣли, являются въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь номинальными руководителями преподаванія въ церковныхъ школахъ и столь-же номинальными преподавателями въ нихъ Закона Божія. Посмотримъ, что представляютъ изъ себя дѣйствительные учителя, — фактическіе вершители дѣлъ въ церковной школѣ. Къ сожалѣнію, данныя объ образовательномъ цензѣ учителей церковныхъ школъ Сибири содержатся далеко не во всѣхъ епархіальныхъ отчетахъ, причемъ въ однихъ отчетахъ сообщаются общія свѣдѣнія объ учителяхъ всѣхъ церковныхъ школъ, въ другихъ же отдѣльно о каждой изъ двухъ категорій церковныхъ школъ. Сгруппируемъ-же тѣ данныя, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи.

Губ. и обл., къ которой данныя относятся.	Категорія школъ.	Годъ отчета.	Учителя съ средн. образ.	Учителя съ низш. образ.	Учит. съ незаконч. низш. и дом. образ.	% учител. съ низш. и дом. образов., т. е. малограмотн.
Томская губ.	Церк.-прих.	$189^{2}/_{3}$	51	146	67	80,7
» »	Шк. грам.	—	12 *)	54	186	95,2
Семирѣченск. обл. .	Церк.-прих.	$189^{5}/_{6}$	7	22	5	79,4
Якутская обл. . . .	Церк.-прих.	$189^{1}/_{2}$	4	21	5	86,7
Итого	—	—	74	243	263	
%	—	—	12,8	41,9	45,3	87,2
Енисейская губ. . .	Всѣ церк.	$189^{2}/_{3}$	90	134**)		59,8
Тобольская губ. . .	Церк.-прих.	$189^{2}/_{3}$	60	134		69,1
Киренск. окр. Иркутск. губ.	Церк.-прих.	1895	1	15		93,8
Общій итогъ	—	—	225	789		
Общій %	—	—	22,2	77,8		77,8

Такимъ образомъ, оказывается, что образовательный цензъ учителей церковныхъ школъ очень низокъ,—во всякомъ случаѣ гораздо ниже образовательнаго ценза учительскаго персонала въ сибирскихъ народныхъ школахъ остальныхъ вѣдомствъ. Сами отчеты признаютъ, что неудовлетворительный составъ учителей является „очень значительною причиною плохого состоянія церковныхъ школъ“ ***). При этомъ нужно замѣтить, что многіе изъ учителей съ среднимъ образованіемъ находятся въ городскихъ церковно-приходскихъ школахъ; на долю же деревни остаются преподаватели почти исключительно съ низшимъ и домашнимъ образованіемъ.

По общественному положенію значительную часть учителей сибирскихъ церковныхъ школъ составляютъ лишенные всѣхъ правъ ссыльно-поселенцы. Нечего и говорить, какъ нежелателенъ ссыльный элементъ въ роли просвѣтителей и воспитателей сибирской деревни. Тѣмъ не менѣе поселенцы учительствуютъ до сихъ поръ не только въ школахъ грамоты, гдѣ они составляютъ нерѣдко большинство,— но и въ церковно-приходскихъ школахъ. Чтобы не уклоняться далеко въ сторону, я ограничусь здѣсь данными по этому вопросу относительно одной енисейской епархіи.

По отчету о церковныхъ школахъ енисейской епархіи за

---

*) Сюда-же вошелъ и одинъ учитель съ высшимъ духовнымъ образованіемъ. Образовательный цензъ 11 учителей церковно-приходскихъ школъ этой губерніи неизвѣстенъ.

**) Эти данныя отчета повидимому неточны. По болѣе новымъ и болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ XXIII-мъ епархіальнымъ съѣздомъ, оказывается, что изъ числа учителей *церковно-приходскихъ* школъ енисейской епархіи только одна четвертая часть окончила курсъ семинаріи и духовнаго училища, остальные-же не получили почти никакого образованія. Если сюда прибавить и учителей школы грамоты, то процентное отношеніе учителей недоучекъ, разумѣется, значительно увеличится. («Обзоръ сибирской жизни за 1897 г.»—приложеніе къ газетѣ «Сибирь» на 1898 г.

***) Отчетъ Училищнаго Совѣта Туркестанской епархіи за 1895—6 г.

$188^7/_9$ г. среди учителей ихъ числится 11 ссыльно-поселенцевъ, за $188^8/_9$ г.—12, за $18^{89}/_{90}$ г.—25, за $189^0/_1$ г.—20, за $189^1/_2$ г.—9. Всѣ эти цифры несомнѣнно гораздо ниже дѣйствительности, такъ какъ объ общественномъ положеніи многихъ учителей въ отчетахъ свѣдѣній нѣтъ. „Матеріалы по изслѣдованію землевладѣнія и хозяйственнаго быта Иркутской и Енисейской губерніи", — заключающіе въ себѣ данныя, несравненно болѣе близкія къ истинѣ, сообщаютъ, что въ моментъ изслѣдованія (половина 80-хъ гг.) въ школахъ грамоты Енисейской губерніи учительствовало 69 поселенцевъ изъ 84—общаго числа учителей.—Въ $189^2/_3$ г. допущеніе поселенцевъ къ педагогической дѣятельности было запрещено и въ отчетахъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ Енисейской губерніи они больше не упоминаются, но во многихъ церковныхъ школахъ этой губерніи они учительствуютъ до сихъ поръ. Въ виду ничтожности учительскихъ окладовъ жалованья въ церковныхъ школахъ *), духовному вѣдомству долго еще придется пробавляться педагогами этого рода.

Педагоги изъ поселенцевъ и бродягъ, видавшихъ всякіе виды, нерѣдко пускались въ разнаго рода аферы и, случалось, съ учительской кафедры попадали на скамью подсудимыхъ. Напр., изъ с. Тогульскаго, Кузнецкаго окр., писали въ 1897 г. въ „Томскій Листокъ", что тамошній учитель школы грамоты за сбытъ нѣсколькихъ пятирублевокъ, грубо поддѣланныхъ, былъ арестованъ при каталажкѣ и дѣло о немъ поступило къ мировому судьѣ.—Чечуйскій учитель (Киренскаго округа) прославился тѣмъ, что пропилъ стекла изъ оконъ училища; учителя витимскій и петропавловскій—истязаніемъ учениковъ **). Встрѣчались учителя, напр. въ с. Марковѣ, Иркутской губ., которые поручали классныя занятія училищному сторожу ***).

Неудивительно послѣ этого, что сибирскія газеты полны жалобъ на неудовлетворительность постановки мѣстныхъ церковныхъ школъ, на плохой подборъ учителей и на жалкіе результаты преподаванія въ этихъ школахъ. Отсутствіе всякой тенденціозности въ этихъ жалобахъ доказывается уже тѣмъ однимъ, что онѣ слышатся и со

*) Въ тобольской епархіи, по отчету $189^5/_6$ г., въ школахъ грамоты правоспособные учителя получали жалованья до 100 руб. въ годъ, неправоспособные — 86 руб.; въ енисейской епархіи, по отчету за $189^4/_5$ г. неполноправные учителя церковно-приходскихъ школъ получали въ среднемъ 73 руб. 5 коп., причемъ минимальнымъ жалованьемъ было 17 — 22 руб. въ годъ. Въ Семирѣченской обл. учителя школъ грамоты получали отъ 25 до 120 рублей въ годъ («Сибирь», 1897 г., № 77). Въ Иркутской губ. учителя церковно-приходской школы получаютъ отъ 25 до 360 руб. въ годъ, учителя-же школъ грамоты довольствуются платою съ учениковъ («Образованіе», 1898 г., I). Таковы-же оклады и въ другихъ епархіяхъ Сибири. Учителя министерскихъ школъ получаютъ здѣсь обыкновенно 20—30 руб. въ мѣсяцъ.

**) «Письмо изъ Иркутска», И. К. («Образованіе», 1898 г., I).

***) «Сибирь», 1897 г., № 37.

стороны друзей церковной школы. Выше мы видѣли уже отзывы о сибирской церковной школѣ высшей мѣстной администраціи и епархіальныхъ отчетовъ, т. е. отзывы, которые отнюдь нельзя заподозрить въ желаніи подорвать престижъ церковной школы. Сторонникъ этой школы, трактующій на страницахъ „Енисея",— газеты, въ общемъ тоже сочувствующей церковной школѣ—о нуждахъ и будущности сибирской церковно-приходской школы, и, видимо, близко знакомый съ положеніемъ церковной школы въ Енисейской губерніи, рисуетъ не менѣе печальную картину ея настоящаго. Изъ года въ годъ, говоритъ онъ, въ церковно-приходскихъ школахъ енисейской епархіи остается свободными 35—40 учительскихъ вакансій. „И денегъ много, дѣвать куда не знаемъ, и почти $^1/_3$ недѣйствующихъ школъ *). Да каковы и тѣ, дѣйствующія, особенно если въ нихъ на половину *дѣйствуютъ* въ качествѣ учителей псаломщики и ученики начальныхъ школъ? Многихъ изъ этихъ добровольныхъ мучениковъ можно искренно отъ души пожалѣть. Нѣкоторые изъ нихъ никогда не видали даже благоустроенной начальной школы и совершенно ни практически, ни теоретически не знакомы съ пріемами начальнаго обученія и тѣмъ не менѣе учатъ въ чаяніи лучшаго (въ отношеніи доходности) мѣста; безъ должнаго умѣнія, усердствуя не въ мѣру, они, можно сказать, гнутъ дуги. И такъ какъ при измѣнившихся къ лучшему матеріальныхъ-финансовыхъ условіяхъ школы учительскія мѣста, занимаемыя псаломщиками, могутъ быть объявлены вакантными, то этихъ тружениковъ ожидаетъ полное разочарованіе, тяжелое сожалѣніе о безплодно-потраченныхъ трудахъ и времени. Вотъ та, не всѣми предусматриваемая перспектива этихъ неподготовленныхъ школьныхъ тружениковъ!" **).

Быть можетъ, епархіальное начальство, имѣя въ своемъ распоряженіи учителей, или вовсе неподготовленныхъ къ школьной дѣятельности, или недостаточно подготовленныхъ, принимаетъ другія мѣры къ развитію и улучшенію школьнаго дѣла? Быть можетъ, оно постаралось создать хотя внѣшнія условія для успѣшнаго выполненія школами ихъ высокаго назначенія? Увы, и въ этомъ отношеніи сдѣлано очень и очень мало. И епархіальные отчеты, и рядъ сообщеній мѣстной печати, и, наконецъ, личныя наблюденія показываютъ намъ, что сибирскія церковныя школы почти вовсе не имѣютъ библіотекъ и страдаютъ страшнымъ недостаткомъ въ учебныхъ пособіяхъ, что помѣщаются онѣ въ квартирахъ, не отвѣчающихъ самымъ минимальнымъ требованіямъ гигіены, что преподаваніе въ нихъ ведетъ всякъ молодецъ на свой образецъ и т. д. Только что цитированный авторъ утверж-

*) Замѣтимъ отъ себя, что всѣ эти недѣйствующія школы въ епархіальныхъ отчетахъ фигурируютъ какъ функціонирующія.

**) «Голосъ неравнодушнаго къ нуждамъ церковно-приходской школы». «Енисей», 1898 г., №№ 35, 36, 37 и 38.

даетъ то же самое. „Школы церковныя,—говоритъ онъ,—лишенныя ближайшаго живого руководства, въ значительномъ большинствѣ не имѣютъ даже самыхъ необходимыхъ для неопытныхъ и начинающихъ учителей методическихъ руководствъ и пособій; до сихъ поръ школы церковныя не имѣютъ въ своихъ библіотекахъ, за рѣдкими исключеніями, какихъ-либо пригодныхъ для ихъ учителей педагогическихъ періодическихъ изданій. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ большинство церковныхъ школъ съ ихъ учителями, оторванными отъ всякихъ центровъ живой жизни, въ буквальномъ смыслѣ прозябаютъ. Понятное дѣло, заключаетъ авторъ, что отъ такихъ разсадниковъ было-бы даже несправедливо требовать ежегодныхъ обильныхъ плодовъ“.

Достаточно небольшой экскурсіи въ область оффиціальныхъ отчетовъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомствъ, чтобы убѣдиться, что картина эта нисколько не прикрашена. Такъ, отчетъ по енисейской епархіи за 1895 г. сообщаетъ, что изъ 107 церковно-приходскихъ школъ 29—помѣщалось въ церковныхъ сторожкахъ, 47—въ наемныхъ помѣщеніяхъ, 31—въ спеціальныхъ. Половина этихъ помѣщеній была совсѣмъ неприспособлена для занятій: тѣсны, низки, холодны. Изъ нихъ 20 не имѣютъ никакихъ приспособленій для вентиляціи; холодъ въ нихъ зимою бываетъ такой страшный, что зачастую приходится заниматься въ шубахъ. Отчеты по этой епархіи за 1896 и 1897 гг. рисуютъ въ общемъ такую-же картину. Вмѣстѣ съ тѣмъ отчетъ 1895 г. не скрываетъ неимѣнія въ значительномъ большинствѣ церковно-приходскихъ школъ наглядныхъ пособій и констатируетъ „совершенное отсутствіе пособій по наглядному обученію, а также необходимыхъ методическихъ руководствъ“. Библіотечки были только при 12 школахъ и заключали въ себѣ всего 1574 экз. книгъ, при чемъ книгъ свѣтскаго содержанія въ нихъ не было почти совсѣмъ. Состояніе школъ грамоты въ епархіи было, разумѣется, еще хуже. Отчеты по якутской епархіи рисуютъ не менѣе жалкую картину. Въ 1891 году изъ 38 церковныхъ школъ 27 помѣщались въ зданіяхъ, по признанію отчета, неудобныхъ, при чемъ 29 школъ (изъ 38) помѣщались въ „даровыхъ“ квартирахъ, изъ нихъ 20 квартиръ принадлежали членамъ причта. Учебники и учебныя пособія разсылались въ школы безплатно библіотекою епархіальнаго училищнаго совѣта, но разсылались гомеопатическими дозами. Если всѣ расходы на этотъ предметъ раздѣлить на число учащихся въ однѣхъ только церковно-приходскихъ школахъ—свѣдѣнія о числѣ учащихся въ школахъ грамоты неполны,—то окажется, что „учебниковъ и учебныхъ пособій“ приходилось на каждаго ученика въ 1893 г. по 73 коп., а въ 1894 г. даже по 31 коп. *). Если принимать въ расчетъ и учениковъ школы грамоты, то суммы эти

*) Отчеты за 1893 г. стр. 10—и за 1894 г.—стр. 3.

придется уменьшить по меньшей мѣрѣ на половину. Въ Семирѣченской обл., по свѣдѣніямъ „Отчета Епархіальнаго Училищнаго Совѣта Туркестанской епархіи за 1895—96 учебный годъ“, 18 церковныхъ школъ помѣщаются въ удобныхъ квартирахъ, а 11 (считая въ томъ числѣ и 3 туркестанскихъ) — въ неудобныхъ. О критеріи удобности, которымъ пользовался отчетъ, можно судить уже по одному тому, что онъ сплошь и рядомъ признаетъ удовлетворительными для школы помѣщенія церковныхъ сторожекъ. При всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ этой эпархіи есть библіотеки, содержащія отъ 10 до 23 книжекъ каждая. Только въ трехъ школахъ есть библіотеки съ числомъ названій болѣе 25. Есть основанія предполагать, что въ число книгъ, составляющихъ „библіотеки“, отчетъ включаетъ и „троицкіе листки“. Что касаетя школъ грамоты этой епархіи, то изъ 12 школъ только въ 5 есть библіотеки: въ двухъ школахъ около 150 книгъ, въ одной—6 книгъ и въ двухъ просто „небольшія библіотеки“. О Приамурскомъ краѣ сообщаютъ, что „до сихъ поръ въ любой деревенькѣ этого обширнаго края,—не говоря уже объ инородческихъ улусахъ, — вы не встрѣтите маломальски обставленной школы“ *). О школахъ грамоты Барнаульскаго округа сообщаютъ, что въ нихъ „почти нѣтъ никакихъ учебныхъ пособій; развѣ нѣкоторые изъ учениковъ, по своей инициативѣ, пріобрѣтутъ какую-нибудь книжку, бумагу и пр.“ **). О школахъ грамоты якутской епархіи мѣстный отчетъ говоритъ, что онѣ „не имѣютъ ни средствъ содержанія, ни школьныхъ зданій и почти никакой школьной обстановки; обучающіе въ нихъ учителя изъ членовъ причта, большею частію псаломщики (почти всѣ исключенные изъ духовнаго училища), не руководятся какими-либо правилами и программами, а учатъ, кто какъ умѣетъ, каждый по силамъ своимъ и возможности“ ***). Въ Забайкальской области существующія здѣсь по отчетамъ 98 школъ грамоты и 84 церковно-приходскихъ школы „частію влачатъ почти фиктивное существованіе, частію-же находятся въ совершенно неудовлетворительномъ положеніи“ ****).

Едва-ли нужно говорить, что просвѣтительное значеніе всѣхъ этихъ „школъ“ ничтожно. Судя по епархіальнымъ отчетамъ, въ томской епархіи въ 1893 г. окончило 143 человѣка на 371 училище съ 8158 учащихся; въ 1894 г. 182 человѣка на 412 училищъ съ 8851 учащимся. Въ енисейской епархіи въ 1893 году окончило 206 человѣкъ на 132 школы съ 2198 учащимися; въ

---

*) П. Окунцовъ. «Школьное дѣло въ Приамурскомъ краѣ», «Сибирь», 1897 г., №№ 100 и 101.

**) «Сибирь», 1897 г., № 105.

***) Отчетъ по якутской епархіи за 1890—91 г., стр. 38.

****) «Памятная книжка Забайкальской области на 1896 г.», изд. мѣстнаго Статистическаго Комитета. См. также «Культурныя работы въ Забайкальѣ», «Сибирь», 1897 г. № 57.

1894 г. 270 человѣкъ на 135 училищъ съ 3441 учащимся. Не лучше обстоитъ дѣло и въ другихъ епархіяхъ, тогда какъ процентъ оканчивающихъ въ существующихъ рядомъ школахъ другихъ вѣдомствъ гораздо выше. Если мы примемъ во вниманіе это обстоятельство, то увидимъ, что обычныя ссылки на дешевизну церковной школы лишены всякаго основанія. Напр., въ томской епархіи, по оффиціальнымъ даннымъ 1897 г., каждый ученикъ церковной школы обходится въ годъ 3 руб. 55 коп. Вся соблазнительность этой цифры пропадаетъ, однако, когда мы начинаемъ высчитывать, во сколько обходился церковной школѣ каждый окончившій ее. Оказывается для данной епархіи, что въ каинскомъ округѣ каждый кончившій стоилъ 118 руб., въ маріинскомъ округѣ—242 р., въ бійскомъ—132 р., въ томскомъ—110 р. Для тобольской епархіи стоимость окончившаго церковную школу равнялась 190 р. *). Въ Семирѣченской области каждый окончившій церковную школу стоилъ въ 1895—96 гг. 252 р. 31 к., тогда какъ содержаніе одного ученика въ теченіе года стоило всего 1 р. 60 к., а одной школы, — считая въ томъ числѣ жалованье секретарю совѣта, сторожу и разсыльному, канцелярскіе расходы и т. п.,—только 191 р. 40 **). Содержаніе каждаго ученика церковно-приходской школы въ якутской епархіи стоило въ 1893 г. 33 р., въ 1894 г.—30 р. ***), сравнительно немного дешевле стоимости содержанія одного ученика министерской школы въ той-же области. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ сумму „отчетныхъ" расходовъ на церковныя школы не входятъ расходы на нихъ мѣстнаго населенія, а между тѣмъ расходы эти обыкновенно бываютъ очень значительны, въ особенности по отношенію къ школамъ грамоты.

В. Арефьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) «Восточное Обозрѣніе», 1899 г., январь.

**) «Церковныя школы въ Семирѣченской области», «Сибирь», 1897 годъ, №№ 76 и 77.

***) «Церковныя школы Якутской епархіи», «Сибирь», 1897 г., № 5.

Новыя книги.

А. Р. Крандіевская. „То было раннею весною“ и другіе разсказы. Москва 1900.

„Ищите и обрящете“... Чѣмъ дольше ищешь, тѣмъ чаще вспоминаются эти слова, и чѣмъ безплоднѣе бываютъ поиски, тѣмъ большее удовольствіе доставляетъ находка. Когда приходится часто читать книги, которыя трудно дочитать до конца, или такія, о которыхъ трудно что либо сказать,—тогда какъ-то сильнѣе чувствуешь всякое отклоненіе отъ постылой „нормы“ и съ радостью встрѣчаешь книжку, хоть сколько нибудь утоляющую это хроническое „духовное голоданіе“. Правда, въ такихъ случаяхъ скорѣе бываетъ возможна переоцѣнка хорошей книжки, и чаще случается, что ея недостатки или слабыя стороны остаются въ тѣни. Но относительная цѣнность такой книжки-находки остается, во всякомъ случаѣ, большою, и мы не очень опасаемся прикинуть лишнее къ тому, что само по себѣ цѣнно. Да и едва ли нужно бываетъ всегда подходить къ книгѣ со строгой критической мѣркой и прибѣгать къ помощи чувствительныхъ вѣсовъ количественнаго анализа: иногда—читателю такъ же, какъ и критику—просто хочется хоть немного „отдохнуть душой“. А отдохнуть есть на чемъ въ книжкѣ г-жи Крандіевской.

Одинъ изъ разсказовъ г-жи Крандіевской, самый большой и самый лучшій, называется „То было раннею весной“. Воспользуемся удачнымъ заглавіемъ этого разсказа для общей характеристики интересующей насъ писательницы,—для опредѣленія тѣхъ чертъ ея литературной физіономіи, наличность которыхъ снимаетъ съ насъ до извѣстной степени отвѣтственность за возможную одностороннюю оцѣнку ея произведеній. Главное достоинство этихъ послѣднихъ заключается именно въ томъ, что въ нихъ вообще—а не только въ упомянутомъ выше разсказѣ—живетъ, продолжаетъ жить „то, что было раннею весной“. Дѣйствительно, что-то весеннее, бодрое вноситъ въ душу читателя книжка г-жи Крандіевской,—и когда читаешь ее, то кажется порою, будто повѣяло весеннимъ воздухомъ, чистымъ, теплымъ и пахучимъ. И происходитъ это не потому, чтобы авторъ рисовалъ исключительно весеннія картины, изображалъ бы ликующія, радостныя настроенія и подъемъ силъ, рвущихся „на работу“ (такъ называется одинъ разсказъ нашей писательницы). Нѣтъ. Печаль, тоска, страданіе и неудачи занимаютъ видное мѣсто въ книжкѣ г-жи Крандіевской, и весеннее красное солнышко не очень ужъ щедро изливаетъ свои живительные лучи на дѣйствующихъ лицъ ея разсказовъ.

Но дѣло не въ герояхъ, а въ самомъ авторѣ. Дѣло въ томъ, что самъ авторъ не перестаетъ смотрѣть на это весеннее солнце, что онъ не устаетъ молиться богу юности—идеалу и любовно носитъ въ душѣ своей то, что расцвѣтаетъ „раннею весной“: бодрую вѣру въ будущее и въ полезность работы для его достиженія и большія, не опошленныя компромиссомъ требованія по отношенію къ этой работѣ и къ самимъ работникамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, чувствуетъ читатель и, конечно, цѣнитъ это. Наконецъ, чтобы пополнить проводимую здѣсь аналогію съ формальной стороны, замѣтимъ еще, что въ нѣсколькихъ разсказахъ главными дѣйствующими лицами являются дѣти, подростки, т. е. опять таки „весна“—весна человѣческой жизни.

Идейное начало, проникающее книжку г-жи Крандіевской, яснѣе всего выражено въ разсказѣ „Мѣдь звенящая“. Старичокъ юбиляръ, отвѣчая на напыщенныя рѣчи ораторовъ и переходя къ „той идеѣ, которой онъ много лѣтъ служилъ“, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „...Любовь къ ближнему, такъ сказать, общественная любовь, это — святая святыхъ каждаго изъ насъ... И о ней надо говорить осторожно, трепетно, благоговѣйно, какъ о религіи. Да это и есть религія, великая религія, общая для всѣхъ людей и для всѣхъ временъ... И нельзя этимъ играть, шутить... Нельзя это трепать такъ, зря, для краснаго слова“... Вотъ эта-то „общественная любовь“ и придаетъ идеальный характеръ разсказамъ г-жи Крандіевской. Именно она интересуетъ ее въ людяхъ, она такъ или иначе фигурируетъ во всѣхъ почти ея произведеніяхъ.

Прежде всего не нужно осквернять „религію“, о которой говоритъ старичокъ-юбиляръ. То, что составляетъ „источникъ жизни“, должно быть всегда окружено въ глазахъ вѣрующихъ ореоломъ чистоты и святости и не терпитъ не только кощунственнаго прикосновенія грязныхъ рукъ, но и просто легкомысленнаго къ себѣ отношенія. Авторъ, въ разсказѣ „Мѣдь звенящая“, энергически протестуетъ противъ легкомысленнаго отношенія къ дѣлу „общественной любви“. Его возмущаетъ „вся эта фальшь, эти фразы, актерскія позы, всѣ эти рѣчи, эта мѣдь звенящая“; его коробитъ и самая обстановка, въ которой происходитъ чествованіе почтеннаго юбиляра, всецѣло отдавшаго себя на служеніе своему „Богу“. „Блескъ, трескъ, живые цвѣты, шампанское, обжорство, пьянство и—„нашъ бѣдный народъ“, „нашъ темный, голодный мужикъ“... Какое издѣвательство надъ той самой „религіей“, о которой говорилъ старичокъ!..“ Такую же горячую защиту своего „святая святыхъ“ авторъ даетъ намъ и въ разсказѣ „Необыкновенная женщина“. Героиня разсказа женщина обыкновенная, пустая и суетная, и „необыкновенной“ она кажется лицемѣрному и косному „обществу“. И когда эта женщина говоритъ „о томъ, что нельзя быть счастливой среди несчастныхъ... Что нужно рабо-

тать, работать на пользу родины, не покладаючи рукъ... И всѣ мы неоплатные должники передъ народомъ... И что тотъ только достоинъ наименованія человѣка, кто вѣчно въ пути, кто идетъ, идетъ и никогда не останавливается"; когда она говоритъ все это „словами хорошихъ газетъ и журналовъ, говоритъ гладко, безъ запиночки, горячо, убѣдительно и слегка учительно",—она получаетъ такую отповѣдь отъ идейнаго человѣка—своего мужа. Ляховъ „поднялся—повѣствуетъ авторъ—бѣлый, какъ мертвецъ, и, не помня, закричалъ пронзительно и громко, обращаясь къ женѣ:—Все это ложь!.. Не само по себѣ ложь, а въ твоихъ устахъ ложь, поза, гнусное притворство!.. Вѣдь ты же совершенно не понимаешь и ни на одно мгновеніе не чувствуешь тѣхъ словъ, которыя произносишь. Ты треплешь, сквернишь честныя мысли честныхъ людей..." И „вы всѣ (по адресу гостей жены) своимъ душевнымъ распутствомъ тормазите, задерживаете все доброе и разумное гораздо больше, чѣмъ тѣ, кто оффиціально призванъ тормазить и задерживать... Вы обезьяны, копирующія людей, и какъ обезьяны же—суетливы..."

Вернемся еще разъ къ старичку-юбиляру. По его словамъ, „всякая идея, всякое дѣло прежде всего требуетъ любви" и „всякая любовь тогда только любовь, когда она проникновенная... Мало полюбить, надо забыться въ этой любви, предаться ей всецѣло. И только въ этомъ проникновеніи самозабвеніи и преданности—единственное и безусловное счастье человѣка". Иллюстраціи на эту тему мы находимъ и въ „Мѣди звенящей", и въ другихъ разсказахъ. Въ лицѣ доктора Качева, напр., авторъ рисуетъ человѣка, опустившагося, утратившаго въ себѣ „источникъ жизни" и становящагося жертвой „настроенія тихой спокойной тоски и такой же спокойной ровной скуки, прочной скуки, тягучей, которой не видѣлось конца въ будущемъ" („Мѣдь звенящая"). Подобное же настроеніе и по тѣмъ же основаніямъ испытываетъ въ концѣ концовъ и увлекшаяся символизмомъ и спиритизмомъ героиня разсказа „Въ туманѣ". А въ „Счастливой" описываются страданія, причиняемыя отсутствіемъ „проникновенной" любви къ дѣлу. Хотя этотъ мотивъ и осложняется здѣсь еще личной драмой, все же „счастливая" женщина несчастна и страдаетъ не только отъ нераздѣленной любви къ мужчинѣ, но и отъ того, что не можетъ полюбить свое дѣло. Наконецъ, въ разсказѣ „На работу" изображается та „проникновенная любовь", которая вселяетъ въ человѣка вѣру въ себя и въ свои силы, которая „умиротворяетъ, очищаетъ и подымаетъ его въ собственныхъ глазахъ". Правда, „работа", на которую отправляется Людмила Ивановна, не всякаго способна увлечь и влить въ душу „столько живительной, бодрящей силы". Но рѣчь идетъ пока о настроеніи, о „проникновеніи" дѣломъ. Что же касается формъ проявленія „общественной любви", то нужно замѣтить, что такія натуры, какъ Людмила Ива-

новна, „горячія и трепетныя“, съ неменьшимъ увлеченіемъ отдадутся и большому дѣлу, если таковое представится, и что на палліативную помощь голодающимъ ихъ влечетъ органическая потребность дать хоть какое-нибудь удовлетвореніе запросамъ своей чуткой совѣсти. И самъ авторъ не отпускаетъ свою героиню безъ соотвѣтствующихъ оговорокъ. Лица, сочувствующія Людмилѣ Ивановнѣ и провожающія ее „на работу“, не только говорятъ о любви къ дѣлу, но разбираютъ также и самое дѣло съ точки зрѣнія общественной его полезности. Они указываютъ на то, что „тамъ не копѣйки нужны, не „пайки“, а коренныя реформы“; они много говорятъ о томъ, что тамъ „нищета вѣковая, застарѣлая, окостенѣлая и неподвижная... Темень безпросвѣтная“ и „отъ всего вѣетъ—кажется имъ—такой глубокой безнадежностью, что руки опускаются...“ Такія же оговорки по существу мы встрѣчаемъ и въ другомъ разсказѣ („Счастливая“), гдѣ авторъ описываетъ настроеніе, противоположное настроенію Людмилы Ивановны. Быть можетъ, Санина, главное дѣйствующее лицо разсказа, и нашла бы удовлетвореніе въ чемъ нибудь другомъ, въ большомъ; но своимъ „маленькимъ дѣломъ“ она проникнуться не можетъ и не видитъ своей „полезности“. Она сознаетъ, что „всѣ эти богачихи и субсидіи ничего не разрѣшаютъ, ни на іоту не подвигаютъ къ счастію ни ее, ни тѣхъ „бѣдныхъ“, для кого все это дѣлается... Тутъ нужны не богачихи, не субсидіи, а широкія общественныя реформы“...

Мы уже говорили, что въ нѣсколькихъ разсказахъ г-жи Крандіевской фигурируетъ подрастающее поколѣніе. Въ пору „ранней весны“ западаютъ въ душу и находятъ для себя тамъ самую подходящую, дѣвственную почву сѣмена той „общественной любви“, которая впослѣдствіи согрѣваетъ и освѣщаетъ дорогу интеллигентному человѣку или, даже потухнувъ въ сердцѣ, оставляетъ на всю жизнь отрадное воспоминаніе о своемъ первомъ расцвѣтѣ, пышномъ и яркомъ. И понятно, какую важность представляютъ съ этой точки зрѣнія условія жизни и роста молодого поколѣнія, будущихъ носителей или гасителей „искры Божьей“. Этихъ условій въ связи съ психологіей юной души г-жа Крандіевская касается, слегка и мимоходомъ, въ маленькомъ и незначительномъ разсказѣ „Дѣтскій балъ“; о нихъ же подробнѣе говорится въ разсказѣ изъ школьной жизни „Золотая медаль“. Жалкое впечатлѣніе производитъ медалистка-Любочка, искалѣченная условіями своего воспитанія. Она „всѣ семь лѣтъ только и думала о медали“ и говорила, что „умретъ съ горя... застрѣлится“, если не получитъ этого знака отличія. И Любочка достигла своей цѣли, хотя и цѣною крайняго напряженія своихъ неокрѣпшихъ силъ. Изъ гимназіи она вышла съ медалью въ карманѣ, съ разстроенными нервами и пустой душою. „Читать она не могла потому, что въ гимназіи ее этому не учили“, да и „не понимала, какъ можно

еще учиться послѣ столькихъ лѣтъ гимназической каторги?.. Любочка ни за что, ни за какіе милліоны не согласна больше учиться"! Но „что же ей дѣлать?.. чего она хочетъ? чѣмъ недовольна"? Она и сама не знаетъ, и только чувствуетъ, что достиженіе цѣли не дало ей ничего, кромѣ „глубокой гнетущей хандры".

Любочка—это пустоцвѣтъ. Школа выѣла изъ нея дѣтскую любознательность, и ни семья, ни школа не вложили въ нее живого содержанія; и отъ этого она страдаетъ. Совсѣмъ иначе чувствуютъ себя героини разсказа „То было раннею весной". Онѣ любочкины ровесницы, такія же, какъ и она, гимназистки и находятся въ такой же приблизительно семейной обстановкѣ. Но онѣ неизмѣримо счастливѣе ея, и въ то время, какъ Любочка, не начавши жить, замираетъ,—эти двѣ дѣвушки, напротивъ, вступаютъ въ жизнь радостно и бодро, съ вѣрою въ себя и съ пламеннымъ стремленіемъ къ знанію. Ихъ согрѣваетъ именно тотъ общественный интересъ, та „общественная любовь", которой не достаетъ Любочкѣ. И не школа надѣлила ею своихъ молодыхъ питомицъ,—нѣтъ. Своей интеллигентностью онѣ обязаны случайному знакомству съ интеллигентнымъ человѣкомъ; семья же и школа такъ неодобрительно отнеслись къ этому знакомству и столько ставили ему преградъ, что дѣвушкамъ приходилось тайно срывать плоды съ „древа жизни". Разсказъ „То было раннею весной" написанъ тепло, любовно и прочувствованно. Въ немъ постепенно развертывается передъ читателемъ психическая жизнь двухъ дѣвушекъ—подростковъ, и описывается процессъ превращенія беззаботныхъ и рѣзвыхъ дѣтей въ сознательныхъ и мыслящихъ женщинъ.

Мы разсмотрѣли книгу г-жи Крандіевской со стороны, такъ сказать, ея настроенія и попытались объединить отдѣльные разсказы однимъ общимъ идейнымъ началомъ. Мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, качественную сторону таланта г-жи Крандіевской. Но пусть не ждетъ читатель отъ этой хорошей книжки бо́льшаго, чѣмъ она можетъ дать. Дарованіе г-жи Крандіевской не велико по размѣрамъ,—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще недостаточно опредѣлилось. Большинство ея разсказовъ не оригинальны и не ярки, нѣкоторые слишкомъ бѣглы, отрывочны, имѣютъ характеръ недодѣланныхъ эскизовъ, иногда малосодержательныхъ. Но мы, не смотря на недостатки въ художественномъ отношеніи, смѣло рекомендуемъ книжку г-жи Крандіевской вниманію нашихъ читателей,—въ особенности рекомендуемъ ее тѣмъ изъ читателей, которымъ еще рано говорить въ прошедшемъ времени „то *было* раннею весной".

Л. Бѣлавскій. Смута. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Одесса. 1900.

Г. Бѣлавскій, написавшій (стихами!) эту драму въ 5-ти дѣйствіяхъ, вдохновлялся, очевидно, высокими образцами: Шекспиръ,

Гёте и Байронъ наложили на автора печать своего генія, и въ результатѣ получилась „Смута". Передать ея содержаніе нѣтъ никакой возможности. Достаточно сказать, что въ этой драмѣ есть Мефистофель, нѣкій кн. Долгодумовъ, который самъ говоритъ о себѣ:

Жилъ былъ когда-то гдѣ-то Мефистофель,
Но онъ передо мной ей-ей дитя!

Есть Фальстафъ—Песковъ, который прибѣгаетъ къ слѣдующимъ, чисто шекспировскимъ оборотамъ:

Ты, князь, старайся въ нюхало его,
Покуда тронется оттоль сметана.
Пускай облизывается, какъ котъ!

Есть своего рода Фаустъ, Чернопольскій, который во II сценѣ I дѣйствія такъ прямо и обращается къ Мефистофелю-князю:

Мнѣ скучно, бѣсъ...

Впрочемъ, онъ отчасти похожъ и на Гамлета, такъ какъ въ V дѣйствіи произноситъ гамлетовское „быть или не быть".

Не знай (sic), огромная-ли тѣнь падетъ
На мысль, угаснувшую съ сознаньемъ, или
Другое, неожиданное нѣчто
Со всѣхъ сторонъ заволочетъ мой духъ.

И при семъ, „кивая (въ ремаркѣ) на револьверъ", прибавляетъ:

Изсякновеніе! Нѣтъ больше лужи!..

Положительно шекспировская сила выраженія! Есть, наконецъ, своеобразный Манфредъ—Рѣжинъ. Этотъ возвышенный персонажъ поднятъ авторомъ на такія крайнія высоты жизни, что, по собственнымъ словамъ,—пересталъ быть даже организмомъ. „Нѣтъ, говоритъ онъ:

...Я не организмъ, я человѣкъ!..
Я выше организма, выше жизни,
Которою пропитана природа...

Этихъ высотъ Рѣжинъ достигъ, повидимому, путемъ борьбы и страданія, такъ какъ, вступивъ въ споръ съ какой-то г-жей Дубинской, далъ ей публично, на благотворительномъ базарѣ, пощечину (борьба) и за это былъ посаженъ въ кутузку (страданіе). Отсидѣвъ срокъ, Рѣжинъ отправляется „въ народъ" и здѣсь-то становится „выше организма". Все-бы хорошо, но вотъ однажды крестьянскій мальчикъ Ваня разсказалъ Рѣжину, какъ на его глазахъ рѣзали пѣтуха.

«Не надо, Ваня, убивать животныхъ»—

говоритъ Рѣжинъ, но закоренѣлый мальчишка отвѣчаетъ:

А щи-то изъ чего варить?

Рѣжинъ произноситъ длинную проповѣдь на тему о томъ, что вегетаріанство и мѣры кротости могутъ побѣдить всю природу,— не исключая и волковъ (исключеніе, повидимому, составляетъ лишь извѣстная уже намъ г-жа Дубинская). Мальчишка убѣждается и проявляетъ признаки просвѣтленія. Рѣжинъ снимаетъ съ себя сапоги, чтобы стать еще ближе къ природѣ (стр. 167), и начинаетъ надѣяться на лучшее будущее человѣчества. Къ сожалѣнію, въ это время на сцену врывается пьяный староста и стаскиваетъ его за босыя ноги съ крыльца. Ремарка: „*Рѣжинъ остается лежать*". Въ этой интересной позѣ онъ „прикладываетъ руку къ сердцу" и говоритъ, отчасти подобно королю Лиру:

Проклятіе! Всему проклятіе!..
Обманъ вся жизнь, загадка и обманъ!..
Иванъ, забудь мои слова:
Рѣжь пѣтуховъ и потроши телятъ!

И затѣмъ, „смотря на пальцы":

О, жалкіе крючки, зачѣмъ на васъ
Когтей вершковыхъ нѣтъ ни на одномъ!
Тогда бы я вцѣпился ими въ мясо (*деретъ землю*)
И разодралъ-бы шкуру человѣка...

Послѣ чего, разумѣется, умираетъ... Положительно жалко думать, что ни у одного изъ режиссеровъ не хватитъ мужества поставить эту пьесу на сценѣ. Между тѣмъ, при надлежащей постановкѣ, послѣдняя сцена, напримѣръ, могла-бы внести довольно веселое оживленіе въ нашъ унывающій репертуаръ.

I. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій). Ежемѣсячныя сочиненія. Литературный (?) журналъ. № 1, мартъ 1900.

„Хотя я и знаю, что похвалы самому себѣ часто говорятъ не въ нашу пользу, тѣмъ не менѣе не отказываюсь отъ нихъ, когда не нахожу вокругъ себя никого, кто-бы могъ похвалить меня". Такъ говорилъ нѣкогда почтенный Ламанчскій рыцарь дону Діэго де-Мирандо. Мы не хотимъ сказать, что г. I. Ясинскій похожъ на Донъ-Кихота. О, нѣтъ! Въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего донкихотскаго. Но приведенное выше правило Донъ-Кихота онъ исполняетъ довольно усердно. Прежде, пока I. Ясинскій и г. Максимъ Бѣлинскій еще не слились во-едино и ходили по литературнымъ дорогамъ порознь,—г. I. Ясинскій (критикъ) порой принималъ на себя пріятную обязанность хвалить (напр., въ кіевской газетѣ „Заря") г. Максима Бѣлинскаго (беллетриста). Но съ тѣхъ поръ, какъ стало оффиціально извѣстно тожество этихъ двухъ литературныхъ персонажей, дѣло значительно упростилось. А такъ какъ уже давно г. М. Бѣлинскій (I. Ясинскій) не находитъ собственно въ литературѣ никого, кто-бы его похва-

лилъ, — то понятно, что ему приходится исполнять это самому. Вотъ почему въ прошломъ году мы имѣли случай любоваться г. Ясинскимъ въ качествѣ крупнѣйшей звѣзды созвѣздія, въ которомъ скромнымъ его саттелитомъ являлся Левъ Толстой, повинный, впрочемъ, лишь въ томъ, что г. Ясинскій перепечатывалъ въ „Биржевыхъ Вѣд.“ его сочиненія. Теперь г. Ясинскій выпускаетъ свой собственный „литературный журналъ“. Такъ и называется: „Сочиненія, литерат. журналъ І. Ясинскаго“. Достоевскій издавалъ свой „Дневникъ“, издавалъ свой журналъ и Диккенсъ,—почему не издавать и г. Ясинскому? А такъ какъ деликатное положеніе, о которомъ говорилъ Донъ-Кихотъ, продолжается, и никто не желаетъ исполнять по отношенію къ г. Ясинскому то, что почему-то исполняли многіе по отношенію къ Диккенсу и Достоевскому, предпріятія которыхъ расхватывались уже заранѣе, то г. Ясинскій счелъ нужнымъ разослать слѣдующее скромное предупрежденіе, которое получили многіе въ столицахъ и провинціи и которое появилось въ газетахъ: „М. Г. Независимый (Независимый это тоже г-нъ І. Ясинскій) проситъ Васъ распространить свѣдѣнія о новомъ журналѣ среди Вашихъ знакомыхъ... Журналъ имѣетъ въ виду серьезнаго читателя съ жаждой широкаго міросозерцанія и ищущаго основъ для него.— Журналъ отвѣтитъ, въ рядѣ художественныхъ очерковъ и статей, на *всѣ* злобы, волнующіе духъ, и по возможности явится маякомъ для читателя, окруженнаго туманами некрасиво сложившейся жизни... Сжатый и отбросившій ненужный балластъ, журналъ каждою книжкою своею будетъ являть образецъ (какъ скромно!) оригинальной мысли, облеченной въ красивую форму... Будучи строгимъ и серьезнымъ, журналъ тѣмъ не менѣе будетъ *общедоступнымъ* по изложенію и языку; идеалъ его подобенъ солнцу (!), объединяющему и примиряющему людей самыхъ противоположныхъ взглядовъ и направленій... Наконецъ, съ первой книжки въ журналѣ начнется романъ І. Ясинскаго: „Первое марта 1881 года“.

Подобіе съ солнцемъ, объединяющимъ всѣ взгляды, было иллюстрировано еще до выхода журнала: на объявленіе о томъ, что въ „журналѣ“ появится статья г. В. С. Соловьева, послѣдній отвѣтилъ письмомъ въ газеты, въ которомъ рѣзко отрицалъ какое-бы то ни было участіе свое въ солнечномъ журналѣ... И однако, въ первой книжкѣ всетаки появилось нѣчто если не Соловьева, то „по Соловьеву“, какое-то извлеченіе, подписанное, правда, тремя звѣдочками. Но за то въ примѣчаніи къ этой статьѣ говорится прямо, что „въ діалогѣ въ уста учителя вложены подлинныя мнѣнія Вл. Соловьева — мѣстами съ сохраненіемъ благородной неуклюжести его стиля, мѣстами въ формѣ, *которая автору казалась болѣе удобной*“. Разберите теперь — чья эта ра-

бота и принималъ или не принималъ прямое участіе г. Соловьевъ въ составленіи этихъ діалоговъ для „Сочиненій“.

Изящество и сжатая оригинальность тоже на лицо въ первомъ-же разсказѣ, принадлежащемъ перу г. Ясинскаго („Бесѣда“):

„Ахъ, Шаша, какой шкандалъ!—Неузли-зе я брашлетку потеряла?

— Дусенька, брашлетка при вашъ.

— Но ближко не потеряла: жа крузево жачепилась! Шкандалъ!“

Читая этотъ діалогъ, можно подумать, что имѣешь дѣло съ одной изъ тѣхъ „глубокихъ“ сатиръ г-на Буренина, въ которыхъ послѣдній на цѣлыхъ столбцахъ передразниваетъ, къ великой досадѣ наборщиковъ,—г-на Волынскаго или г-на Нотовича. Но это будетъ ошибка. Это у г. Ясинскаго разговариваютъ двѣ дѣвушки на вечоркѣ. Кавалеры при этомъ выкрикиваютъ въ танцахъ: Сѣно дамамъ (chêne des dames) и „Ерунда съ переплетомъ...“ А какой-то „агитаторъ“, вызвавшій стачку на фабрикѣ, восхищается и говоритъ: „Теперь, напримѣръ, дѣвушки курятъ. Глядите, носомъ такъ и пущаютъ“... „Свѣтъ такъ и льется... изъ окна въ Европу“. Очевидно, г. Ясинскій не даетъ спуску ни „свѣту изъ окна“, ни агитаторамъ. Удѣливъ страницу довольно кроткому вздоху г. Бальмонта на луну („красавицу тоски безперемѣнной“), онъ тотчасъ-же помѣщаетъ статью „Кошмарное время“ какого-то г-на Чуносова: „Въ журналахъ, — скорбитъ г-нъ Чуносовъ, — уже копошатся послѣдователи Горькаго и уже обратили ихъ въ параши. Это все — сознательные носители идеи четвертаго класса. И прежде, конечно, случалось посидѣть иному въ тюрьмѣ, но былъ стыдъ или, выражаясь современнѣе — ложный стыдъ, и бѣднякъ разсказывалъ въ случаѣ крайней необходимости, что онъ сидѣлъ... по политическому дѣлу. Теперь объявляютъ о своемъ прошломъ открыто, съ поднятымъ челомъ и говорятъ: „Я стащилъ бѣлье, стрѣльнулъ кошелекъ и жиганулъ часы“... Гдѣ, кто, когда, въ какомъ журналѣ заявлялъ что-либо подобное,—г-нъ Чуносовъ не объясняетъ. Что, собственно, общаго между „четвертымъ сословіемъ“ и тюрьмами, учрежденіемъ, какъ извѣстно, всесословнымъ, — мы тоже отъ него не узнаемъ, — очевидно, однако, что г. Чуносовъ съ г. Ясинскимъ стоятъ на стражѣ какого-то своеобразнаго аристократизма... За „критикой“ слѣдуетъ „Любовь, томленье, упованья“ какого-то К. М. Потомъ (въ три странички) „Она“ г. Ясинскаго, затѣмъ „Духъ и плоть“ (уже упомянутые діалоги „по Соловьеву“), стишки Всев. Соловьева, 5 жиденькихъ страничекъ о Рескинѣ и, наконецъ,—„1-е марта 1881 года“—очевидно, главный китъ „журнала“, для котораго и создана вся эта „обстановка“. Кита мы, впрочемъ, трогать не будемъ: это просто „бульварный“ романъ, разсчитанный на заглавіе и на рекламу. А вѣдь г. Ясинскій когда-то былъ литераторомъ, печатался въ лучшихъ журналахъ... Но это было давно. Теперь онъ давно уже

величаво помѣщается „по ту сторону стыда", а его произведенія— „по ту сторону литературы"... И намъ кажется, что г-ну Ясинскому слѣдовало хорошо подумать, прежде чѣмъ помѣщать термины г-на Куносова: стрѣльнуть, жигануть и т. д. Иному читателю легко можетъ придти въ голову, что „стрѣльнуть" и „жигануть"— означаетъ покушеніе на простодушнаго читателя при помощи беззастѣнчивой рекламы...

Владиміръ Каренинъ. Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія. Т. I. 1804—1838. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и неизданныхъ отрывковъ и писемъ Жоржъ Сандъ. Спб. 1899.

Отдѣльныя главы обширнаго и цѣннаго труда г. Каренина, напечатанныя своевременно въ журналахъ, обратили на себя вниманіе нашей читающей публики. Читателямъ „Русскаго Богатства" извѣстна глава, посвященная первому браку знаменитой французской писательницы и напечатанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ журналѣ. За это время книга г. Каренина успѣла появиться на французскомъ языкѣ и вызвать оживленное и лестное обсужденіе во французскихъ литературныхъ кругахъ.

Это, несомнѣнно, одна изъ наиболѣе основательныхъ историко-литературныхъ работъ, сдѣланныхъ у насъ за послѣдніе годы. Съ удивительнымъ трудолюбіемъ, пытливой настойчивостью и любовнымъ преклоненіемъ предъ великой писательницей, въ извѣстной степени оправдывающими его неоднократныя заявленія о пріоритетѣ въ обнародованіи тѣхъ или иныхъ данныхъ или въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся Жоржъ Сандъ, русскій авторъ сдѣлалъ, можно сказать, все возможное для того, чтобы стать на высотѣ своей серьезной задачи. Великая „ясновидящая *предчувственница* болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество", вслѣдъ за восторженными почитателями нашла на далекомъ сѣверѣ и хорошаго біографа, какого не дождались еще наши первоклассные писатели. Послѣ превосходныхъ нѣмецкихъ изученій Шекспира, послѣ книги Льюиса, составившей эпоху въ гетевской литературѣ, и книги г. Каренина о Жоржъ Сандъ остается думать, что иностранцу легче приступить къ этому дѣлу, отвѣтственность котораго пугаетъ соотечественника. Что-жъ, будемъ ждать, чтобъ нѣмецъ написалъ намъ біографію Пушкина.

Русскіе читатели, не оцѣнившіе — какъ жалуется иногда авторъ — новизны его матеріаловъ и оригинальности его воззрѣній, нѣсколько позже развитыхъ и во французской критикѣ, въ свое время, однако, заинтересовались той вступительной частью труда г. Каренина, гдѣ онъ указываетъ на значеніе Жоржъ Сандъ въ Россіи. Авторъ собралъ рядъ признаній великихъ русскихъ писателей о томъ благотворномъ вліяніи идей Жоржъ Сандъ, подъ которымъ они воспитались, — и эти признанія въ совокупности

производятъ внушительное впечатлѣніе. Сводя ихъ и нѣсколько частныхъ сообщеній — и этимъ почти ограничивая свои соображенія о роли Жоржъ Сандъ въ Россіи,—авторъ желаетъ, такъ сказать, оправдать свой выборъ, старается выяснить, что задача заполнить этотъ пробѣлъ въ европейской наукѣ — написать недостающую ей полную біографію Жоржъ Сандъ—естественно лежитъ на русскомъ писателѣ. Намъ казалось-бы, что столь серьезный выборъ вообще не нуждается въ спеціальныхъ оправданіяхъ, но доводы автора приводятъ къ нѣсколько иному выводу. Если значительная роль Жоржъ Сандъ въ общественномъ и литературномъ развитіи Россіи къ чему нибудь обязываетъ русскаго изслѣдователя, то, конечно, не къ составленію подробной и полной ея біографіи,—это сдѣлаютъ и безъ него и не хуже его,—но скорѣе къ детальному и столь-же пытливому изученію этого значенія великой французской писательницы въ исторіи русской общественности и литературы. Этотъ вопросъ — частный, но немаловажный — ждетъ изученія, и литературныя признанія Салтыкова, Тургенева, Достоевскаго, собранныя г. Каренинымъ, могутъ служить лишь исходной точкой, но не заключительнымъ словомъ этого изученія. Вліяніе Жоржъ Сандъ было у насъ очень велико— это внѣ спора, но, кромѣ этого общаго и мало опредѣленнаго положенія, у насъ пока нѣтъ ничего; между тѣмъ уже одно то, что изъ этого вліянія вышли такія разнохарактерныя величины, какъ Щедринъ и Достоевскій, показываетъ, что здѣсь еще далеко не все ясно и понятно. Опредѣлить не только степень, но характеръ значенія Жоржъ Сандъ, и не въ однихъ его общихъ очертаніяхъ, изучить постепенное наростаніе ея вліянія, его исчезновеніе и его отдаленные отзвуки, доходящіе до нашего времени, намѣтить точки приложенія воздѣйствія французской писательницы — вотъ задача, несомнѣнно, лежащая на русскомъ изслѣдователѣ и поклонникѣ Жоржъ Сандъ. Указанія г. Каренина на размѣры вліянія Жоржъ Сандъ, при всей ихъ вѣрности, могутъ на Западѣ подкрѣпить предразсудки, не разъ находившіе себѣ выраженіе во французской критикѣ. Проницательный и освѣдомленный Леметръ съ рвеніемъ, приличествующимъ ревнителю „французскаго отечества“, пробовалъ уже увѣрять своихъ соотечественниковъ, что въ русскомъ романѣ по существу нѣтъ ничего, что бы не было отголоскомъ вліянія французской литературы, въ частности— Жоржъ Сандъ. Намъ, знающимъ, что корни русскаго романа безконечно глубже этихъ сравнительно поверхностныхъ воздѣйствій, что произведенія Жоржъ Сандъ, при всѣхъ ихъ достоинствахъ и историческомъ значеніи—не болѣе какъ дѣтскій лепетъ въ сравненіи съ Толстымъ и Достоевскимъ, намъ эти увѣренія могутъ быть просто смѣшны, но не одной усмѣшкой должны мы отвѣтить на нихъ. Изслѣдованіе значенія Жоржъ Сандъ въ Россіи—вотъ нелегкая и почетная задача, которую едва-ли сумѣетъ

теперь выполнить кто либо лучше ея превосходнаго русскаго біографа. Его обширныя спеціальныя познанія, его критическій тактъ, его благоговѣйное отношеніе къ великой „предчувственницѣ“ налагаютъ на него обязанности, отъ которыхъ онъ не вправѣ и, мы надѣемся, не захочетъ отказаться.

А. М. Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста. Изд. Т-ва «Знаніе», Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Г. Никольскій—докторъ зоологіи; настоящая книга его носитъ отвѣчающее этому званію наименованіе; такія мѣстности, какъ Туркестанъ, Ледовитый океанъ, Сѣв. Персія и Сахалинъ, описанію путешествій по которымъ посвящена данная работа, представляютъ громадный интересъ для натуралиста вообще, а русскаго и тѣмъ болѣе. На основаніи этого мы въ правѣ были ожидать встрѣтить здѣсь сухіе и, слѣдовательно, не представлящіе особеннаго интереса для широкаго круга читателей очерки. Но мы ошиблись. Съ большимъ интересомъ просмотрѣвъ всю книгу, мы не нашли въ ней ни одного мѣста, сколько нибудь ослабляющаго вниманія читателя въ вышеуказанномъ смыслѣ. Напротивъ, все живо, просто, безъ всякихъ претензій. Намъ кажется даже, что авторъ нѣсколько злоупотребилъ этой простотой, и книга, хотя и популярная, не вполнѣ оправдываетъ свое названіе, представляя скорѣе записки простого туриста, нежели описанія путешествій, предпринятыхъ съ научною цѣлью. Врядъ ли, конечно, можно ожидать въ нашей русской литературѣ появленія такихъ работъ, какъ Бэтса—Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ, или Хэдсона—Натуралистъ въ Ла-Платѣ, однако того, чѣмъ прежде всего драгоцѣнны онѣ — пониманія громаднаго значенія и интереса именно *біологіи* животныхъ, притомъ далеко не для однихъ только спеціалистовъ, мы въ правѣ требовать, какъ намъ кажется, и отъ книгъ, подобныхъ разбираемой. Скажемъ болѣе — въ этомъ вся ихъ задача, все ихъ значеніе. Г. же Никольскій точно боится именно этой стороны вопроса и вмѣсто того, чтобы воспользоваться подходящимъ случаемъ и подольше остановить вниманіе читателя на какомъ либо интересномъ, чисто біологическомъ явленіи, въ большинствѣ случаевъ только вскользь упоминаетъ объ немъ или даже просто машетъ рукой, не безъ кокетства предаваясь при этомъ нѣсколько странной подчасъ здѣсь лирикѣ. Одно мѣсто вызвало въ насъ даже недоумѣніе, если принять во вниманіе, что авторъ спеціалистъ. На стр. 53, говоря о чрезвычайно интересной во многихъ отношеніяхъ туркестанской рыбѣ, лопатоносѣ, г. Никольскій заявляетъ, что носъ этой рыбы „вооруженъ сверху нѣсколькими крючками, назначеніе которыхъ никому не извѣстно“. Не станемъ утверждать, что это вполнѣ не такъ, но прибавимъ, что по данному вопросу еще въ 1896 г. появилась

статья C. Greve—Ueber die Lebensweise der centralasiatischen Arten der Gattung Scaphirhynchus, о которой во всякомъ случаѣ слѣдовало бы упомянуть, въ виду ея несомнѣннаго интереса. Кстати сказать, изъ этой же статьи г. Никольскій могъ бы усмотрѣть и то, что географическое распространеніе нашихъ средне-азіатскихъ видовъ лопатоносовъ не совсѣмъ совпадаетъ съ приводимымъ имъ самимъ по устарѣвшимъ, очевидно, теперь уже даннымъ. Впрочемъ, это уже мелочь, не вліяющая на общее впечатлѣніе, получаемое отъ всей книги. Впечатлѣніе же это, повторяемъ, таково, что книга г. Никольскаго, не смотря на всѣ свои безусловныя достоинства, ясность, полноту и цѣльность, не вполнѣ отвѣчаетъ своимъ задачамъ, какъ понимаемъ ихъ мы, и, смѣемъ думать по нѣкоторымъ признакамъ, своимъ цѣлямъ, какъ понимаетъ ихъ самъ авторъ.

Людвигъ Гейгеръ. Нѣмецкій гуманизмъ. Перев. съ нѣмецк. Е. Н. Вилларской подъ редакціей и съ предисловіемъ профес. Г. В. Форстена. Изд. О. Н. Поповой Спб., 1899 г.

Въ исторіи духовной культуры народовъ, какъ въ процессѣ развитія отдѣльной личности, помимо періодовъ постепеннаго роста, выпадаютъ иногда моменты внезапнаго пробужденія духа, точно сбрасывающаго какую-то покрывавшую его пелену и со свѣжестью новорожденнаго раскрывающагося для новыхъ впечатлѣній, новыхъ образовъ, новаго міра. Лихорадочная умственная работа подобныхъ моментовъ часто такъ же быстро обрывается напоромъ противныхъ теченій, не принося ожидаемыхъ плодовъ; но все же эти рѣдкіе моменты являются украшеніемъ исторіи.

Въ жизни нѣмецкаго народа такимъ жизнерадостнымъ моментомъ является эпоха гуманизма. Это эпоха единственная въ своемъ родѣ, единственная по своему характеру, единственная по своему положенію на перепутьи между мракобѣсіемъ разлагавшагося католицизма и искреннимъ фанатизмомъ новорожденной реформаціи. Замкнутый между этими, ему равно враждебными эпохами, нѣмецкій гуманизмъ блеснулъ, какъ полоса яснаго неба между двумя черными тучами, и угасъ во цвѣтѣ силъ, задушенный реформаціей, при его же помощи отвоевавшей у Рима право самостоятельно душить мысль. Но отмѣренные ему исторіей полвѣка гуманизмъ прожилъ интенсивно, оставивъ послѣ себя свѣтлую страницу въ исторіи нѣмецкой культуры.

Л. Гейгеръ является однимъ изъ лучшихъ толкователей этой эпохи. Появленіе русскаго перевода его книги „Нѣмецкій гуманизмъ“ можно привѣтствовать отъ души. Тѣмъ не менѣе приходится признать, что значительный кругъ читателей книга Гейгера едва-ли въ состояніи удовлетворить. Авторъ отнесся съ большой любовью къ предмету, разыскалъ по всѣмъ закоулкамъ нѣмецкой земли и

нѣмецкой литературы всѣ замѣтные слѣды гуманизма и проводитъ передъ читателемъ длинную фалангу лицъ и ихъ произведеній, стараясь точно отмѣрить каплю, внесенную каждымъ изъ нихъ въ общую сокровищницу науки и мысли, любовно характеризуя не только дѣятельность, но и личность отдѣльныхъ гуманистовъ. Все это, можетъ быть, очень дорого нѣмецкому сердцу,—и вполнѣ законно дорого,—но русскому читателю это обиліе грозитъ закрыть деревьями лѣсъ и исторію гуманизма потопить въ перечнѣ гуманистовъ и ихъ произведеній. Нѣтъ постепенно развертывающейся картины, отдѣльныя фигуры не являются деталями общей комбинаціи, и читатель вынужденъ покорно слѣдовать за авторомъ по дебрямъ гуманистической литературы, вѣруя, но не чувствуя, что все это ему знать нужно. Вѣрно отмѣченная въ русскомъ предисловіи способность автора къ характеристикѣ лицъ скорѣе препятствуетъ, чѣмъ содѣйствуетъ усвоенію характеристики эпохи. Правда, въ началѣ онъ даетъ краткій очеркъ развитія гуманизма, раздѣляетъ его на періоды, отмѣчая характерныя черты каждаго, но въ дальнѣйшемъ изложеніи не слѣдуетъ этому плану, располагаетъ матеріалъ по инымъ рубрикамъ и не заботится объ освѣщеніи его съ точки зрѣнія намѣченнаго плана.

Исторія гуманизма есть, по мнѣнію Гейгера, исторія борьбы двухъ міросозерцаній: теологическаго и научнаго. Въ этой борьбѣ онъ отмѣчаетъ 3 періода. Въ первомъ, который онъ называетъ *теологическимъ*, борьба не выступаетъ наружу, но ареной ея является душа каждаго гуманиста, старающагося примирить еще не поколебленную вѣру въ святость всего, исходящаго изъ Рима, съ симпатіей къ наукѣ и поэзіи веселыхъ язычниковъ. Сначала побѣда остается за теологіей, и гуманистъ бѣжитъ отъ языческихъ соблазновъ—тѣломъ въ монастырь, а душой въ схоластическую мудрость. Но постепенно новая наука завоевываетъ себѣ право на существованіе; тогда борьба выходитъ наружу. Гуманистъ является представителемъ уже одной науки, усердно занимается пропагандой древнихъ языковъ, древней литературы и ея содержимаго, на сколько онъ успѣлъ разобраться въ немъ. Этотъ періодъ авторъ называетъ *научнымъ*. Но скоро гуманизмъ перестаетъ довольствоваться равноправіемъ и переходитъ въ наступленіе, со всей энергіей нападая на представителей старой церкви, разоблачая ихъ мнимую ученость и мнимое благочестіе и помогая молодой реформаціи противъ Рима, не подозрѣвая, что она скоро сдѣлаетъ своимъ девизомъ слова Лютера: „разумъ—блудница дьявола“.

Гуманизмъ всегда находился на военномъ положеніи—такова основная мысль автора, которую онъ не всегда подчеркиваетъ, но которую необходимо имѣть въ виду для объединенія груды предлагаемаго имъ матеріала. Реставрированіе классиковъ и погруженіе въ пучины кабалы, плохое риѳмоплетство на плохомъ латинскомъ языкѣ и истинная поэзія на латинскомъ и нѣмец-

комъ языкахъ,—все объединяется болѣе или менѣе рѣзкимъ отрицаніемъ средневѣковаго міросозерцанія. Позволяя себѣ шагъ дальше автора, скажемъ, что гуманизмъ, какъ и всякій моментъ крупнаго умственнаго перелома, представляетъ собою скорѣе отрицательную, чѣмъ созидательную эпоху. Главная задача его заключалась не въ примѣненіи, а *въ освобожденіи* ума, не въ творчествѣ, а *въ критикѣ.* Въ этомъ весь драматизмъ положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ вся заслуга тѣхъ представителей передовой мысли, которымъ приходится главныя свои силы отдать на борьбу съ готовымъ писаннымъ или неписаннымъ текстомъ, полновластно царящимъ надъ умами инертныхъ массъ.—Вспоминая, что гуманизмъ имѣлъ дѣло съ такимъ противникомъ, какъ римская курія, престижъ которой онъ расшаталъ, мы должны признать, что онъ сдѣлалъ сравнительно много. Что же касается положительнаго творчества эпохи, то оно не обильно и, на сколько оно является дѣломъ гуманизма, отражаетъ на себѣ чисто „гуманистическія“ черты, т. е., нелюбовь къ духовенству того времени, восхваленіе науки передъ теологіей и пр.

Если читатель, руководясь указанной точкой зрѣнія, осилитъ трудъ Гейгера, то онъ останется благодарнымъ автору, хотя скупому на обобщенія, но щедрому на отдѣльныя характеристики, проницательному критику, ревностному искателю истины и особенно симпатичному одной отрицательной чертой, именно: полнымъ отсутствіемъ національнаго самохвальства, отъ котораго такъ рѣдко бываютъ свободны нѣмецкіе историки. Онъ точно даетъ чувствовать, что ему незачѣмъ прикрашивать достоинства и замалчивать недостатки, такъ какъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ великіе гуманисты останутся гордостью Германіи.

Адольфъ Гаусратъ. Средневѣковые реформаторы. Абеляръ.—Арнольдъ Брешіанскій. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Э. Л. Радлова. Т. I. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900.

Гаусрата знаютъ у насъ мало какъ разъ съ той стороны, съ которой онъ представляетъ наибольшій интересъ для средней читательской среды: онъ, вѣдь, одинъ изъ тѣхъ современныхъ нѣмецкихъ профессоровъ исторіи, которые, не довольствуясь методическимъ изслѣдованіемъ, университетскимъ преподаваніемъ и многотомными вкладами въ науку, пожелали выступить предъ болѣе обширной аудиторіей съ произведеніями менѣе серьезнаго, но болѣе доступнаго характера и создали новый литературный жанръ — „научный“ историческій романъ, гдѣ вольную фантазію замѣнила эрудиція. Таковъ прежде всего покойный Густавъ Фрейтагъ, беллетристическая слава котораго закрыла его научныя занятія германистикой; таковы особенно Эберсъ, Феликсъ Данъ, Дове и, наконецъ, Адольфъ Гаусратъ, извѣстный въ изящной ли-

тературѣ подъ англійскимъ псевдонимомъ Джорджъ Тайлоръ (его „Клитія“ была переведена по русски въ одномъ журналѣ).

Художественные интересы наложили отпечатокъ и на историческое изслѣдованіе Гаусрата, лежащее предъ нами.

За всей строгостью, съ которою Гаусратъ отбрасываетъ не вполнѣ достовѣрныя предположенія, въ его книгѣ видѣнъ живой умъ, склонный къ смѣлому обобщенію, къ широкому письму, и безконечно далекій отъ того, чтобы сдѣлать эрудицію своей цѣлью. Менѣе замѣтенъ, но болѣе глубокъ въ его работѣ проповѣдникъ, свободомыслящій публицистъ. Онъ занимается исторіей идеи, но въ ней онъ больше всего интересуется мучениками за идею; онъ желаетъ создать „свѣтскій мартирологъ“,—потому что видитъ въ немъ орудіе водворенія въ жизнь своей идеи — идеи свободы мысли.

На первый взглядъ выборъ автора можетъ показаться случайнымъ. Правда, Абеляръ жестоко пострадалъ за свои робкія попытки преобразованія, и это даетъ ему право считаться мученикомъ. Но почему отведено мѣсто въ „свѣтскомъ мартирологѣ“ этому католическому патеру, не выходившему за предѣлы католической догмы? Сначала — даже въ характеристикѣ самого Гаусрата — онъ является весьма умѣреннымъ новаторомъ. Онъ никогда не имѣлъ въ виду спорить съ ученіемъ церкви: онъ старался подтвердить его; и противъ него возстали не потому, чтобы проникали въ ту суть его новаторства, которой онъ самъ не сознавалъ. Онъ былъ непріятенъ не потому, что додумался до чего-нибудь опаснаго, а просто потому, что думалъ. „Гордый своимъ искусствомъ діалектикъ, который пробуждаетъ своихъ учениковъ отъ туманнаго оцѣпенѣнія преданій, который анализируетъ, комбинируетъ, выводитъ заключенія, въ своемъ живомъ движеніи мысли всегда кажется вѣрующимъ дерзкимъ соблазнителемъ; онъ возбуждаетъ ихъ ненависть, когда указываетъ на противорѣчіе въ догматахъ, если даже и дѣлаетъ это съ добрымъ намѣреніемъ примирить эти противорѣчія“. Но чѣмъ дальше, тѣмъ опредѣленнѣе становится методъ Абеляра, тѣмъ рѣзче онъ ставитъ свои положенія, — не доведя ихъ, однако, до должной степени ясности. Въ этомъ его трагедія. „Мученикъ безъ ореола“, онъ всю жизнь былъ страдальцемъ своей двойственности: — онъ зналъ, гдѣ правда, но пытался примирить ее съ католицизмомъ. „Онъ стремился вручить католицизму оружіе, въ которомъ тотъ не нуждался и котораго не любилъ, — науку; ибо онъ лучше Абеляра предвидѣлъ, что наука сдѣлается не поддержкой его, а гибелью“. Но исторія не откажетъ Абеляру въ почетномъ мѣстѣ. При всѣхъ его личныхъ недостаткахъ онъ былъ человѣкомъ великаго принципа. „Онъ призналъ право человѣческаго разума на пониманіе догмата, и такимъ образомъ его борьба съ представителями мистики была борьбой за право человѣческаго духа,

за свободу и истину. Поэтому мы съ полнымъ основаніемъ считаемъ его среди патріарховъ просвѣщенія".

Наряду съ половинчатымъ по неволѣ, пламеннымъ въ неуклонной мысли и холоднымъ въ дѣйствіи Абеляромъ фигура его ученика, Арнольда, пророка изъ Брешіи, кажется гораздо интереснѣе, хотя съ его именемъ не связана никакая поэтичная исторія любви въ родѣ той, которая обезсмертила Абеляра и его злополучную спутницу. Арнольдъ, менѣе сильный мыслитель, но болѣе радикальный дѣятель, не ограничился теоретическими возраженіями. Не разрывая съ церковью, которую онъ хотѣлъ обновить, и сохраняя роль набожнаго проповѣдника покаянія, онъ сдѣлался практическимъ политикомъ. Удивительную картину представляетъ собой эта попытка *политическаго* возрожденія античнаго Рима, на два вѣка предшествующая культурному Возрожденію. „На Капитоліи и форумѣ, лежавшихъ въ развалинахъ и поросшихъ травою, но тѣмъ болѣе удобныхъ для обороны, засѣдалъ сенатъ и квириты, и ихъ признаннымъ вождемъ былъ теперь могучій ораторъ изъ Брешіи... Воодушевленныя и опьяненныя свободою массы, ликуя, ловили слова освобожденія... Сценарій уносилъ фантазію въ плошлое".

„Пророкъ изъ Брешіи" кончилъ жизнь на висѣлицѣ, какъ и иные провозвѣстники реформы до реформаціи. Въ исторіи мало быть правымъ — надо еще быть своевременнымъ. „Въ сознаніи массъ незыблемо господствуетъ унаслѣдованное міровоззрѣніе, и всякая новая идея можетъ завоевать себѣ положеніе только борьбой съ далеко болѣе сильнымъ противникомъ; поэтому судьба представителя такого рода идеи предрѣшена уже заранѣе. Новатора ожидаютъ въ жизни отреченія, всякаго рода непріятности, преслѣдованія и злословія; когда съ юношеской неопытностью онъ какъ бы играетъ съ своей идеей реформы, онъ напоминаетъ младенца Мессію преданія, мило забавлявшагося терновымъ вѣнцомъ и крестомъ, которымъ, однако, впослѣдствіи суждено было сыграть съ нимъ серьезную кровавую игру".

Практикъ на дѣлѣ, Арнольдъ былъ безконечно далекъ отъ всякой практичности; съ наивностью неофита, онъ слишкомъ вѣрилъ въ силу истины—и ошибся: онъ боролся съ той силой, которая и до сихъ поръ держится и иногда побѣждаетъ, не смотря на многовѣковое побѣдоносное шествіе истины: съ силой католической церкви. Овладѣвъ Арнольдомъ посредствомъ церковнаго отлученія, наложеннаго на весь Римъ, папа не предалъ его даже суду свѣтской власти. Палачи плакали, исполняя свою печальную обязанность, а когда петля сдѣлала свое дѣло, тѣло его было сожжено, и пепелъ брошенъ въ Тибръ, чтобы останки пророка не почитались, какъ реликвія.

Но вотъ, черезъ семь вѣковъ памятливый и чуткій потомокъ собираетъ иныя реликвіи—отрывочныя свѣдѣнія о жизни и лич-

ности святого, сохранившіяся главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ его недруговъ, и, возсоздавъ изъ нихъ свѣтлый образъ мученика за идею, дѣлаетъ изъ него новый предметъ почитанія для его далекихъ единомышленниковъ, столь чуждыхъ ему въ подробностяхъ и столь близкихъ въ основѣ его стремленій. Такова сила той истины, за которую погибъ Арнольдъ изъ Брешіи: ея враги часто торжествуютъ, но никогда не побѣждаютъ; ея подвижники гибнутъ на кострахъ, но никогда не умираютъ.

Ф. Грегоровіусъ. Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900.

Если судить по размѣрамъ дарованія и труда, вложеннаго въ лежащій передъ нами послѣдній трудъ знаменитаго автора „Исторіи города Рима“, то „Исторія Аѳинъ“ окажется въ этомъ отношеніи не ниже классическаго и прославленнаго сочиненія Грегоровіуса. Здѣсь въ изученіи вялаго и пассивнаго прозябанія въ средніе вѣка великаго города древности авторъ почти не имѣлъ предшественниковъ, имѣлъ очень мало матеріаловъ и, главное, имѣлъ очень мало внѣшнихъ основаній заняться этимъ неблагодарнымъ предметомъ. Конечно, нѣтъ предмета не интереснаго для научнаго изученія: есть только неинтересные люди и неинтересныя книги. Но одно дѣло слѣдить за культурной жизнью великаго центра средневѣковья, вѣчнаго города, всегда возрождавшагося въ новомъ блескѣ политическаго главенства и художественнаго творчества,—и другое дѣло собирать жалкія свѣдѣнія о самомъ жалкомъ періодѣ существованія былой духовной столицы міра, паденіе которой дошло до того, что было даже выставлено чудовищное мнѣніе (Фальшфайера), которому, по словамъ Грегоровіуса „можно бы и повѣрить“,—а именно, будто Аѳины съ VI по X вѣкъ превратились въ необитаемую лѣсную поросль, а подъ конецъ и совсѣмъ были выжжены варварами. Трудно писать культурную исторію города, гдѣ не было не только культуры, но и людей; результатомъ этого печальнаго обстоятельства и оказалось то, что книга Грегоровіуса есть не столько исторія Аѳинъ, сколько исторія ихъ случайныхъ и временныхъ хозяевъ, — тѣхъ отважныхъ конквистадоровъ, полу-героевъ, полу-разбойниковъ, подвигами и приключеніями которыхъ полна жизнь средневѣковой Европы.

Буйной и блестящей толпой проходятъ предъ читателемъ всѣ эти норманны, каталанцы, флорентинцы, Виллардуэны, ла Роши, Морозини, Перальты, Аччьяйоли, закрывая народную массу, которая, вѣчно на волосокъ отъ смерти, — быть можетъ, именно благодаря этому гнету, сохранила и вынесла на своихъ плечахъ свою самобытность и способность къ самостоятельному государственному существованію. Историкъ жадно ищетъ какихъ нибудь

проявленій народной жизни; и, не найдя ихъ, удачно сравниваетъ франкскія Аѳины съ тѣми chansons de geste, которыя принесли съ собой въ Грецію ея завоеватели: какъ тамъ есть лишь короли, герои и рыцари, но нѣтъ ни гражданъ, ни народа, такъ нѣтъ послѣднихъ въ исторіи Аѳинъ при франкахъ; вынужденное сходство съ такой рыцарской эпопеей носитъ и вся книга Грегоровіуса. Но если предметъ ея — западно-европейскіе короли, герои и рыцари — мало характерны для исторіи Греціи, то они весьма любопытны для общей исторіи, особенно для ея героической, показной, декоративной стороны. Сколько здѣсь матеріала для картины, для трагедіи, для историософскихъ размышленій. Послѣднія будутъ, вѣрно, не весьма отрадны — и въ этомъ читателю подчасъ придется не согласиться съ талантливымъ авторомъ „Исторіи Аѳинъ“—такъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ авторъ слишкомъ преждевременно хоронитъ политическое начало terra di conquista—принципъ, гласившій, что міръ по праву принадлежитъ тѣмъ, кто можетъ его завоевать мечомъ. „Люди той эпохи руководились инымъ нравственнымъ закономъ и иными правовыми воззрѣніями на международныя отношенія, нежели мы... Даже разбойничьи набѣги пиратовъ, вторгавшихся въ чужеземные предѣлы, казались въ ту пору столь-же мало зазорными, какъ во времена гомеровскаго Одиссея, а насильственное завладѣніе, учиняемое законными государями или рыцарями, въ глазахъ общества возводилось на степень героическаго дѣянія, если при этомъ проявлялись доблести“. Предоставляемъ читателю судить, такъ-ли мы далеко ушли отъ этого міровоззрѣнія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются.* Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. VII. Изданіе Б. П. Вейнберга. Спб. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

Г. Гауптманъ. Драматическія сочиненія. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ К. Бальмонта. Изданіе кн. магазина «Трудъ» М. 1900. Ц. 1 р. 80 к.

Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія. Томъ IV. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. А. Навроцкій. (Н. А. Вроцкій). Драматическія произведенія. Томъ третій. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. И. Фаресовъ. Мои мужики. Очерки и разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Old. Gentleman. (А. В. Амфитеатровъ). Столичная бездна. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ. На границѣ. Повѣсти и разсказы. М. 1900. Ц. 1 р.

Н. Н. Златовратскій. Надо торопиться. Разсказъ. М. 1899. Ц. 15 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. По Уралу. Разсказы и очерки. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». М. 1900. Ц. 50 к.

В. И. Немировичъ-Данченко. Мысейкина хурда-мурда. Повѣсть. Съ рис. Изд. журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1900. Ц. 45 к.

Его-же. Ѳедька рудокопъ. Повѣсть. Съ рис. Изд. второе, журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1900. Ц. 50 к.

К. Д. Носиловъ. На охотѣ. Очерки и разсказы. Съ рис. Изд. журнала «Дѣтское чтеніе» М. 1900. Ц. 30 к.

Его-же. Въ снѣгахъ. Разсказы и очерки изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ. Съ рис. Изд. журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1900. Ц. 50 к.

А. К. Сизова. Дочь солнца. Историческая повѣсть. Съ рис. Изд. журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1900. Ц. 25 коп.

С. Ф. Годлевскій. Смерть Неволина и его скитанія по Сибири. Изд. Т. Беккеръ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

В. Вересаевъ. Конецъ Андрея Ивановича. Повѣсть. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Ренэ Базенъ. Умирающая земля. Романъ. Переводъ съ франц. подъ ред. Е. Смирнова. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Н. Г. Бунинъ. Разсказы охотника. Изданные его дочерью М. Н. Буниной. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Н. А. Лейкинъ. Липочка. Пустой домъ. Разсказы доктора. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Его-же. На дачномъ прозябаніи. 10 юмористическихъ разсказовъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Его-же. На побывкѣ. Романъ изъ жизни питерщиковъ въ деревнѣ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Оводъ. Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. ***Е. Войничъ.*** Переводъ съ англійскаго З. А. Венгеровой. Изданіе М. В. Терентьева. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Встрѣчи. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Зеленый охотникъ Робинъ Гудъ. (Англійскія народныя пѣсни). Перев. съ англійскаго Л. Спицыной. Съ рис. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». М. 1900. Ц. 20 к.

Маленькіе герои. Очерки и разсказы въ переводѣ А. Н. Рождественской. Съ рис. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». М. 1900. Ц. 35 к.

Кл. Лукашевичъ. На жизненномъ пути. Повѣсти и разсказы. Съ рис. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». М. 1900. Ц. 1 р.

М. Н. Ремезовъ. Разсказы изъ русской исторіи. Херсонесъ. Съ рис. Ц. 10 к.—Язычники и христіане на Руси. Съ рис. Ц. 10 к. Изд. журнала «Дѣтское чтеніе» М. 1900.

Народныя сказки, пѣсни и былины. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». Самая большая ложка. Сказка въ пересказѣ А. А. Ѳедорова-Давыдова. Съ рис. Ц. 3 к.— Правда и кривда. Царевна отгадчица. Двѣ сказки въ пересказѣ Е. Н. Тихомировой. Съ рис. Ц. 3 к.—Сказка о горѣ-злосчастіи. Загадка. Сказка. Въ пересказѣ Е. Н. Тихомировой. Ц. 3 к.—Авдотья Рязаночка (былина). Крошечка-Хаврошечка (Сказка). Въ пересказѣ А. Ѳедорова-Давыдова. Съ рис. Ц. 3 к.—Про паука-мизгиря. Сказка въ пересказѣ А. Ѳедорова-Давыдова. Съ рис. Ц. 3 к.— Княжна Крупеничка. Сухманьша-богатырь. Непаханная полоса. Былины въ пересказѣ. А. Ѳедорова-Давыдова. Съ рис. Ц. 3 к. М.

Р. Р. Янобовскій. Этюды, эскизы и наброски. Кіевъ. 1900. Ц. 50 к.

На паровозѣ жизни. Разсказы и очерки ***Г. Т. Сѣверцева.*** Спб. 1900.

Стихотворенія ***Данііла Коломійцева.*** Изд. шестое измѣненное и значительно дополненное. Съ портретомъ автора, факсимиле и автобіографическимъ очеркомъ. Симферополь. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

А. В. Жиркевичъ. (А. Нивинъ). Картинки дѣтства. Поэма. Изд. 2-ое значительно передѣланное и исправленное. Вильна. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Л. Бѣлавскій. Смута. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Одесса. 1900. Ц. 75 к.

І. М. Левитъ. Деньги, деньги—въ нихъ вся суть. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Бендеры. 1900. Ц. 40 к.

Генрихъ Ибсенъ. Когда мы мертвые проснемся. Драматическій эпилогъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ норвежскаго Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. Книгоиздательство «Скорпіонъ». М. 1900. Ц. 50 к.

Танъ. Стихотворенія. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 80 к.

Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. ***Арс. И. Введенскаго.*** Изданіе М. П. Мельникова. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. ***М. Кохъ.*** Исторія нѣмецкой литературы. Переводъ съ нѣм. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія нѣмецкой литетературы отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Проф. ***Фр. Фогта*** и проф. ***Макса Кохъ.*** Переводъ прив.-доц. А. Л. Погодина. Съ рис. Вып. 1. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1899. Ц. 50 к. (по подпискѣ, 15 вып. 7 р. 50 к.).

Вл. Каренинъ. Жоржъ Сандъ. Ея жизнь и произведенія. 1804—1838. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и неизданныхъ отрывковъ и писемъ Жоржъ Сандъ. Спб. 1898. Ц. 3 р. 50 к.

А. И. Степовичъ. Изъ Пушкинской юбилейной литературы у славянъ. (Литературные отголоски Пушкинскаго столѣтняго юбилея). Кіевъ. 1900.

А. Алферовъ и ***А. Грузинскій.*** Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы. (Курсъ средней школы). Изд. книжнаго магазина В. В. Думнова. М. 1900. Ц. 25 к.

Кр-скій. Беззаботное неряшество. Наше отношеніе къ искусству. Теорія Л. Н. Толстого. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Пр. Дилакторскій. Вологжане писатели (Матеріалъ для словаря писателей уроженцевъ Вологодской губерніи). Вологда. 1900.

Свобода и необходимость. ***Альфреда Фулье.*** Переводъ съ четвертаго изд. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1900. Ц. 2 р.

Что же такое экономическій матеріализмъ? Критико-методологическій очеркъ ***І. Давыдова.*** Изд. В. Н. Головкина. Харьковъ. 1900. Ц. 80 к.

І. Колышко. Маленькія мысли. 1898—1899 гг. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Міозданіе. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Соч. д-ра ***В. Мейера.*** Переводъ съ дополненіями и библіографич. указателемъ по русской литературѣ, подъ ред. проф. С. П. Глазенапа. Съ рис. Вып. 2. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1899. Ц. 60 к. (по подпискѣ, 15 вып. 7 р. 50 к.).

Исторія земли. Проф. ***М. Неймайра.*** Переводъ со 2-го, вновь переработаннаго и дополненнаго проф. Улигомъ, изд. съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографич. указателемъ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общею ред. проф. А. А. Иностранцева. Съ рис. Вып. 1. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1899. Ц. 50 к. (по подпискѣ, 30 вып. 12 р. 80 к.).

Происхожденіе животнаго міра. Соч. д-ра ***В. Гааке.*** Переводъ съ нѣм.

д-ра М. Е. Ліона, подъ ред. проф. Ю. Н. Вагнера. Съ рис. Вып. 2. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1898. Ц. 50 к. (по подпискѣ, 15 вып. 6 р.).

Жизнь животныхъ. ***Брэма.*** Полный переводъ со 2-го нѣм. изд., вновь обработаннаго Р. Шмидтлейномъ, для школы и домашняго чтенія, подъ ред. проф. П. Ф. Лесгафта. Съ рис. Вып. 1. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. Ц. 35 к. (по подпискѣ, 60 вып. 21 р.).

С. Ростовцевъ. Какъ составлять гербарій? Съ рис. Второе исправлен. изд. Московскаго Сельскохозяйственнаго Института. М. 1900. Ц. 30 к.

Жизнь растеній. Соч. проф. ***А. Кернера ф.-Мерилаунъ.*** Переводъ со 2-го вновь переработан. и дополнен. нѣм. изд. съ библіографич. указателемъ и оригинальными дополненіями А. Генкеля и В. Траншеля, подъ ред. проф. И. П. Бородина. Съ рис. Вып. 1. Спб. 1899. Ц. 50 к. (по подпискѣ, 30 вып. 12 р. 80 к.).

Ивъ Делажъ. Наслѣдственность. Извлеченіе подъ ред. проф. К. Тимирязева. Изд. ред. журнала «Русская Мысль». М. 1900. Ц. 50 к.

Д-ръ мед. ***Б. И. Воротынскій.*** Психо-физическія особенности преступника-дегенеранта. Вступительная лекція въ курсъ судебной психопатологіи. Казань. 1900.

Наши тайные друзья и враги. Бактеріологическіе очерки ***Перси Фарадэя Франклэнда.*** Переводъ съ англійскаго подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ рис. Изд. редакціи журналовъ «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». М. 1900. Ц. 30 к.

Н. И. Кичуновъ. Охрана садовъ и огородовъ отъ насѣкомыхъ и болѣзней. Изд. Н. В. Петрова. Харьковъ. 1900. Ц. 30 к.

Д. И. Карамзинъ. Почвознаніе для крестьянъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1900. Ц. 15 к.

С. Н. Архиповъ. Общедоступныя бесѣды по лѣсоводству. Бесѣды II и III. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1900. Ц. 12 к. за бесѣду.

Дм. Ивановъ. О посѣвахъ льна въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1900. Ц. 10 к.

Н. А. Крюковъ. Норвегія. Сельское хозяйство Норвегіи въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Съ 2 картами и 19 рисунками. Изд. Департамента Земледѣлія. Спб. 1899.

Проф. ***И. Поповъ.*** Краткій курсъ сельскаго хозяйства. Популярныя свѣдѣнія по главнѣйшимъ вопросамъ полеводства, травосѣянія и луговодства. Съ рис. Изд. К. Тихомирова. М. 1900. Ц. 50 к.

А. Д. Педашенко. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1897 годъ. Изд. Отдѣла Сельской Экономіи Сельскохозяйственной статистики Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Спб. 1900.

Санитарныя условія коечно-каморочныхъ квартиръ въ рабочихъ районахъ Москвы. Докладъ Коммиссіи по обслѣдованіи коечно-каморочныхъ и ночлежныхъ квартиръ въ Москвѣ, читанный въ засѣданіи санитарной группы Имп. Рус. Технич. О-ва, 31 мая 1899 года. М. 1899. Ц. 30 к.

Русское Общество охраненія народнаго здравія. Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Подъ ред. М. Н. Нижегородцева. Журналы засѣданій и доклады. Вып. IV. Изд. Общества. Спб. 1900. 1 р.

Прививайте оспу! Врача ***Е. Сперанской—Берлинерблау.*** М. 1899. Ц. 2 к.

Бугорчатка, какъ народная болѣзнь, и общественная борьба съ ней. ***А. О. Гурвича.*** Изд. Медицинскаго Департамента Мин. Внутр. Дѣлъ. Спб. 1900.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Переводъ съ франц. подъ ред. Э. Л. Радлова. Томъ второй. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. Ц. 2 р. 75 к.

А. Шателье. Исламъ въ XIX вѣкѣ. Пер. А. А. Калмыковой. Изд. А. Л. Кирснера. Ташкентъ. 1900. Ц. 75 к.

Исторія внѣшней культуры: Одежда, домашняя утварь, полевыя и военныя орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. ***Ф. Готтенрота.*** Переводъ съ нѣм. С. Л. Клячко. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Вып. I. Ц. по подпискѣ 20 р. (безъ пересылки).

Г. Дюкудрэ. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. Т. второй. Переводъ съ франц. А. А. Позенъ, подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ рис. Изд. редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. ***М. Н. Петровъ.*** Евангеліе въ исторіи. М. 1900. Ц. 15 к.

Народовѣдѣніе. Проф. ***Фридр. Ратцеля.*** Переводъ съ нѣм. съ оригинальными дополненіями и библіографич. указателемъ Д. А. Коропчевскаго. Съ рис. Вып. 1. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900. Ц. 35 к. (по подпискѣ, 36 вып. 12 р. 60 к.).

Человѣкъ. Соч. проф. ***І. Ранке.*** Переводъ со 2-го, вновь переработаннаго и дополненнаго нѣм. изд. д-ра М. Е. Ліона, подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ рис. Вып. 1. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1899. Ц. 50 к. (по подпискѣ, 30 вып. 12 р.).

Н. А. Гредескулъ. Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права. Соціально-юридическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1900. Ц. 2 р.

Популярно-юридическая библіотека. (Издаваемая Ф. Павленковымъ), № 6. Личный наемъ и служба. Составилъ ***Я. В. Абрамовъ.*** Спб. 1899. Ц. 25 к.— № 8. Бракъ и семья. Составилъ ***Я. В. Абрамовъ.*** Спб. 1900. Ц. 25.

Исаакъ Бееръ Левинзонъ (Къ сороковой годовщинѣ его смерти). Очеркъ ***С. Л. Цинберга*** (съ портретомъ И. Б. Левинзона). Изд. Ю. И. Гессена. (Галлерея еврейскихъ дѣятелей, вып. третій). Спб. 1900. Ц. 30 к.

А. И. Фаресовъ. Тертій Ивановичъ Филипповъ. Спб. 1900. Ц. 30 к.

Проф. ***Н. И. Стороженко.*** Апостолъ гуманности и свободы Теодоръ Паркеръ. Изд. «Посредника». М. 1900. Ц. 20 к.

Скугаревскій. Очерки и замѣтки. Вып. I-ый. Вильна. 1900. Ц. 75 к.

А. М. Алексѣевъ. Россія въ вопросѣ о разоруженіи. Военно-политико-экономическій этюдъ. Изд. книжнаго магазина А. А. Лапина. Смоленскъ. 1899.

Жанъ де ла Пулэнъ. Колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Къ вопросу о военномъ могуществѣ Англіи. Съ французскаго перевелъ В. Кустерскій. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Р. О. Фюсслейнъ. Англія и Трансвааль. Переводъ съ нѣм. С. Піотровскаго. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1900. Ц. 50 к.

И. И. Янжулъ. Милліоны и что съ ними надо дѣлать. Филантропическій планъ американскаго милліонера. М. 1899. Ц. 20 к.

Экономическая программа Тульскаго Губернскаго Земства. Докладъ губернскаго земскаго агронома ***С. Ю. Соттири.*** Изд. Тульской губ. земской управы. Тула. 1900.

Задачи Россіи въ Средней Азіи въ связи съ вопросомъ о проведеніи Средне-азіатской желѣзной дороги. Спб. 1900. Ц. 40 к.

Л. Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ. Съ предисловіемъ Поля-де-Рузье. Переводъ А. Серебряковой. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. Спб. 1900. Ц. 3 р.

Его-же. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Изд. второе, дополненное и исправленное. Спб. 1900. Ц. 3 р.

Положеніе рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ санитарномъ отношеніи. Докладъ губернскому совѣщанію (XIV съѣзду) врачей Херсонской губерніи. земскаго санитарнаго врача ***В. В. Хижнякова.*** Изд. Херсонской Губернской Земской Управы. Херсонъ. 1899.

Л. Василевскій. Современная Галиція. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 80 к.

Л. М. Шахрай. Русское слово еврейскимъ дѣтямъ. Первая школьная книга для чтенія, бесѣдъ, письменныхъ и грамматическихъ упражненій. 2 части. Одесса. 1900. Ц. за 2 части 90 к.

С. И. Шохоръ-Троцкій. Методика ариѳметики. 2 части. Спб. 1900. Ц. за 2 части 2 р. 80 к.

Эдмондъ Демоленъ. Новое воспитаніе. Школа де-Рошъ. Изд. В. Н. Маракуева. М. 1900. Ц. 65 к.

Д. Тихомировъ. Объ основахъ и организаціи средней школы. Изд. С.-Петербургскаго книжнаго склада М. Залшупина. Спб. 1900. Ц. 85 к.

Въ чемъ должна заключаться задача образованія? Каковыми должны быть въ учебныхъ заведеніяхъ способъ преподаванія и преподаватели? Нуженъ-ли латинскій языкъ для изучающихъ врачебныя науки? Д-ра мед. ***Ф. Фейгина*** Спб. 1900. Ц. 40 к.

С. Стахановъ. Народная библіотека-читальня и ея посѣтители. М. 1900. Ц. 25 к.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Вологодской безплатной библіотеки за 7-й годъ ея существованія. Вологда. 1900.

Отчетъ Якутской безплатной народной библіотеки-читальни за первый годъ ея существованія (со 2 февраля 1898 года по 2 февраля 1890 года). Якутскъ.

Отчетъ библіотеки Общества взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы имени учредителя ея С. Л. Бернфельда за 24-й годъ ея существованія. Одесса. 1900.

Отчетъ о дѣятельности библіотекъ служащихъ въ управленіи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, на станціяхъ и библіотеки—вагона за 1897 и 1898 гг. Кіевъ. 1900.

Отчетъ Общества попеченія о народномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1898 годъ. Составленъ секретаремъ совѣта ***Р. Л. Вейсманъ.*** Томскъ. 1899.

Отчетъ Пензенской Общественной Библіотеки имени М. Ю. Лермонтова съ 1-го окт. 1898 г. по 1-ое окт. 1899. Пенза. 1900.

Отчетъ по Красноярской общественной библіотекѣ за 1899 годъ. Красноярскъ. 1900.

Отчетъ по устройству народныхъ чтеній и литературныхъ утръ въ гор. Самарѣ за 1899 годъ. Самара. 1900.

Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Воронежской губерніи лѣтомъ 1899 г. Изд. Воронежскаго Губернскаго Земства. Воронежъ. 1900.

Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Өедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. Ц. 3 р.

Первый женскій календарь на 1900 годъ. Составила П. Н. Аріянъ. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Histoires des littératures. Littérature russe. Par *K. Waliszewski*. Paris. 1900.

Le gouvernement parlementaire en Angleterre. Par *A. Todd*. Traduit sur l'édition anglaise de m. Spenceri Walpole. Avec une préface de Casimir Périer. Paris. 1900. Prix. 6 fr.

Das Stiefkind der Menschheit. Von Dr. *M. Tscherniсhoff*. Leipzig. 1900.

Законопроектъ Гейнце (lex Heinze) и нѣмецкое общество.

Общественная жизнь Германіи за послѣдніе годы отмѣчена печатью все усиливающейся реакціи. То, что еще такъ недавно считалось маловѣроятнымъ, становится реальнымъ фактомъ. Достаточно напомнить хотя бы о недавнемъ процессѣ противъ приватъ-доцента (берлинскаго университета) Аронса, закончившемся удаленіемъ его изъ университета за принадлежность къ соціалъ-демократической партіи. Какъ извѣстно, д-ръ Аронсъ преподавалъ физику. Казалось бы—уже совсѣмъ безобидная и стоящая внѣ всякихъ партій дисциплина; но тѣмъ не менѣе, новый прусскій министръ народнаго просвѣщенія, Штутъ, до тѣхъ поръ не могъ успокоиться, пока не добился „изгнанія“ Аронса изъ университета, и это случилось, не смотря на единодушный протестъ всего философскаго факультета. Не успѣло еще заглохнуть это дѣло, какъ на сцену появился новый ультрареакціонный проектъ: Lex Heinze. Но нужно отдать справедливость нѣмецкому обществу: лишь только его духовные вожди разъяснили ему всю опасность и нелѣпости новаго законопроекта, имѣющаго цѣлью одновременно (сколь это ни странно) упорядочить надзоръ за проституціей и „наложить узду“ на литературу и искусство,—лишь только оно поняло, что подъ предлогомъ „оздоровленія“ и „очищенія“ соціальной жизни хотятъ опекать полноправныхъ и совершеннолѣтнихъ гражданъ, оно немедленно и единодушно отозвалось на призывъ своихъ вождей и, какъ одинъ человѣкъ, возстало противъ новаго законопроекта.

Настроеніе, господствующее теперь въ культурныхъ слояхъ нѣмецкаго общества, можно сравнить только съ настроеніемъ, охватившимъ всю Германію во время обсужденія въ рейхстагѣ

школьнаго законопроекта Цедлица. Какъ и въ тѣ дни, такъ и теперь взрывъ негодованія пронесся по всей Германіи, повсюду стали возникать „комитеты протеста", организовавшіе въ свою очередь цѣлый рядъ „митинговъ", на которыхъ всюду была принята резолюція, осуждавшая въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ такъ называемый Lex Heinze.

Итакъ, что же это за законопроектъ и почему онъ такъ волнуетъ теперь нѣмецкое общество?

Вотъ вкратцѣ „исторія" Lex Heinze.

Въ октябрѣ 1891 года передъ берлинскимъ судомъ присяжныхъ предстала „интересная" чета Гейнце, обвинявшаяся въ убійствѣ ночного сторожа Брауна. Г-жа Гейнце была проститутка самаго низшаго разбора; ея мужъ—сутенеръ (по нѣмецки: „Lui"). На судѣ, при разборѣ дѣла раскрылись ужаснѣйшія вещи, ярко обрисовавшія жизнь такъ называемаго „ночного Берлина" и его героевъ. Гейнце былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ сторожа и присужденъ къ тюремному заключенію срокомъ на пятнадцать лѣтъ. Этимъ закончился судебный процессъ; но возбужденіе, вызванное имъ въ обществѣ, далеко не улеглось; въ печати и въ обществѣ стали раздаваться голоса, что необходимо какъ-нибудь упорядочить надзоръ за проституціей. Правительсгво не замедлило пойти на встрѣчу этимъ вполнѣ законнымъ желаніямъ общества. 22-го октября 91-го года въ Reichsanzeiger'ѣ (оффиціальномъ органѣ правительства) было опубликовано посланіе Вильгельма къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ ему предписывалось въ самомъ непродолжительномъ времени выработать соотвѣтствующій законопроектъ и внести его въ рейхстагъ для обсужденія. Прямымъ слѣдствіемъ этого посланія и было внесеніе въ рейхстагъ въ февралѣ 92 года такъ называемаго „законопроекта Гейнце", получившаго свое названіе по имени героевъ уже упомянутаго нами выше судебнаго процесса.

Рейхстагъ, однако, не принялъ этого законопроекта, по причинамъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого онъ уже неоднократно обсуждался въ рейхстагѣ по иниціативѣ партіи центра, внесшаго его въ свою программу. И вотъ въ теперешнюю сессію Lex Heinze снова выплылъ на свѣтъ Божій, опять-таки по иниціативѣ центра, но уже съ значительными добавленіями и поправками къ прежнимъ параграфамъ законопроекта, слегка измѣненнымъ и имѣющимъ цѣлью упорядоченіе проституціи и усиленіе за ней надзора. Прибавлены еще 2 новыхъ параграфа (184*a* и 184*b*), касающіеся литературы, театра и искусства. Сущность-же и цѣль послѣднихъ, по мысли иниціаторовъ законопроекта, заключается въ „оздоровленіи" и „очищеніи", какъ литературы, такъ и искусства отъ проявленій безнравственности, вредно дѣйствующихъ теперь на подрастающее поколѣніе и вообще на „народную душу". Не говоря уже о не-

лѣпости сваливанія въ одну кучу законовъ о проституціи и о литературѣ и искусствѣ, нельзя не отмѣтить, что этимъ новымъ параграфамъ, „посвященнымъ" литературѣ и искусству, придана такая неопредѣленная форма, что во всякомъ конкретномъ случаѣ возможны какія угодно толкованія. И надо думать, что въ мелочныхъ придиркахъ и въ „превратныхъ толкованіяхъ" недостатка не будетъ. Нѣмцы очень удачно назвали эти новые параграфы Kautschuk-paragrafen... Но пусть читатель самъ судитъ о нихъ. Вотъ точная передача ихъ содержанія. Отнынѣ (гласитъ § 184*a*) „всякій, кто продастъ или предложитъ лицамъ моложе 18-ти лѣтъ произведенія литературы или искусства, которыя, сами по себѣ не будучи безнравственными, тѣмъ не менѣе оскорбляютъ чувство стыдливости (ohne unzüchtih zu sein das Schamgefühl gröblich verletzen), подлежатъ наказанію тюремнымъ заключеніемъ до 6-ти мѣсяцевъ или штрафу до 600 марокъ". Тому-же наказанію подлежитъ выставленіе такихъ-же произведеній искусства на показъ въ окнахъ и во всѣхъ мѣстахъ, доступныхъ публикѣ. 2-ой параграфъ (184*b*) еще болѣе жестокъ. Уровень наказанія повышается до цѣлаго года тюремнаго заключенія за тѣ-же „преступленія", учиненныя на театральныхъ подмосткахъ; причемъ карѣ закона будетъ подлежать не только авторъ и директоръ театра, но и всѣ актеры, которые станутъ вести себя на сценѣ такъ, что нравственное чувство зрителя будетъ оскорблено. Таково содержаніе добавленныхъ къ Lex Heinze новыхъ параграфовъ, поражающихъ своей неопредѣленностью и дающихъ широкій просторъ грубѣйшему произволу. И въ этомъ слегка подновленномъ видѣ Lex Heinze снова предсталъ предъ рейхстагомъ, но уже теперь шансы на его принятіе сильно повысились. Центръ и почти вся правая, какъ одинъ человѣкъ, отстаивали его. И, благодаря ихъ дружнымъ усиліямъ, законопроектъ Heinze прошелъ уже въ 2-хъ „чтеніяхъ". Оставалось еще только 3-е, когда принятый законопроектъ становится закономъ. Но въ „благополучномъ" исходѣ уже никто и не сомнѣвался. Оппозиція была слишкомъ слаба по численности сравнительно съ такъ называемой „schwarze Masse", составившейся изъ центра и правой. И вотъ въ эту критическую минуту въ борьбу вмѣшалось нѣмецкое общество. Оно пришло на помощь изнемогавшей уже парламентской оппозиціи, и по той энергіи, съ какой оно повело агитацію противъ клерикальной клики, можно судить о ростѣ общественнаго самосознанія въ Германіи. Въ виду близкой опасности, нѣмецкое культурное общество, нѣсколько неповоротливое и мало экспансивное, словно пробудилось отъ своей апатіи. И еще не было слишкомъ поздно. Повсюду, въ Берлинѣ и въ провинціи, организовались „комитеты протеста", и происходили народныя собранія. Лучшіе представители науки и литературы, искусства и театральнаго міра выступили первыми застрѣльщиками.

Первымъ началъ борьбу съ реакціей берлинскій „комитетъ протеста“, въ составъ котораго вошли почти всѣ выдающіеся представители научнаго, литературнаго и художественнаго Берлина. Мы не можемъ здѣсь, конечно, перечислять эти имена, мы отмѣтимъ только, что престарѣлый проф. Момсенъ, Зудерманъ, проф. Эберлейнъ (скульпторъ) и Ниссенъ (президентъ общества драматическихъ артистовъ) стали во главѣ „комитета протеста“. И вотъ 4-го марта состоялся первый „митингъ протеста“ въ Sophienstrasse въ залѣ Handwerkerverein'a. Уже задолго до начала огромная зала была переполнена. Никогда еще не приходилось намъ на народныхъ собраніяхъ видѣть такого пестраго состава публики. Кого только здѣсь не было. Журналисты и ученые, художники и актеры, студенты и простые рабочіе, дамы „изъ общества“ и жены пролетаріевъ, скромно одѣтыя; всѣ эти представители самыхъ различныхъ слоевъ явились сюда, объединенные общимъ настроеніемъ. Въ первыхъ рядахъ публики сидѣли члены „комитета“, представители „ферейна прессы“, „литературнаго общества“ и „общества содѣйствія искусству“. Таковъ былъ составъ этого столь своеобразнаго „партера“. На трибунѣ для ораторовъ помѣстились проф. Момсенъ, не отказавшійся, не смотря на свои 83 года, принять участіе въ борьбѣ съ реакціей, Зудерманъ, Вихертъ, проф. Эберлейнъ и Ниссенъ. Возлѣ трибуны у длиннаго стола сидѣли депутаты рейхстага Теодоръ Бартъ, Шрадеръ, Риккертъ и писатели Фридрихъ Дернбургъ и фонъ - Вильденбрухъ. Ровно въ 12 часовъ дня собраніе открылось рѣчью депутата Шрадера. Послѣдній разсказалъ вкратцѣ своимъ слушателямъ „исторію“ Lex Heinze до нынѣшней сессіи включительно, когда къ послѣднему прибавили два новыхъ параграфа, касающихся литературы и искусства. Онъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что даже само правительство было въ началѣ не очень склонно принять эти дополненія къ законопроекту, и что только впослѣдствіи оно пошло на уступки. И вотъ теперь, когда новый законопроектъ прошелъ уже въ 2-хъ чтеніяхъ и все говоритъ за то, что онъ пройдетъ и въ 3-емъ,—нужно всѣми силами бороться противъ этого. По мнѣнію Шрадера, существующихъ уже законовъ вполнѣ достаточно, чтобы оградить литературу и искусство отъ всего безнравственнаго. Такимъ образомъ, такъ называемые „Kunst-paragrafen“, являясь въ сущности излишними, внесутъ только смуту и неувѣренность въ заинтересованные круги, благодаря неопредѣленности своей формы, допускающей самыя произвольныя толкованія. Что-же касается театра, продолжаетъ Шрадеръ, то вѣдь и теперь постановка всякой пьесы зависитъ отъ цензуры. При новыхъ-же условіяхъ можетъ случиться, что пьеса, разрѣшенная цензурой, можетъ быть всетаки снята съ репертуара, если кто-нибудь заявитъ, что сама пьеса или дѣйствующія въ ней лица оскорбляютъ его нравственное чувство.

Вторымъ говорилъ извѣстный скульпторъ проф. Эберлейнъ. Послѣдній далеко не ораторъ, но все, что онъ говоритъ, видимо, глубоко прочувствовано и идетъ отъ души. „Искусство, началъ Эберлейнъ, возвышаетъ человѣка, имѣетъ свою священную и культурную миссію“, но нельзя отнимать у него свободы, безъ нея оно мертво. Нельзя сковать фантазію художника полицейскими предписаніями во имя ложно понятой морали, не рискуя въ конецъ уничтожить, задушить его творчество. И вотъ, насъ, художниковъ, отразившихъ въ своихъ произведеніяхъ культурный подъемъ Германіи и посильно служащихъ своему отечеству, насъ хотятъ выдать полицейскимъ, отнынѣ ихъ критикѣ будутъ подлежать наши произведенія! (громъ рукоплесканій въ теченіе нѣсколькихъ минутъ). Господа,—продолжаетъ Эберлейнъ при вновь наступившей тишинѣ, — представители центра давали понять въ рейхстагѣ, что современное искусство и литература никому будто-бы не нужны. Такъ, напримѣръ, Рёренъ—одинъ изъ вождей центра—прямо-таки заявилъ въ рейхстагѣ, что нѣмецкій народъ можетъ смѣло обойтись и безъ произведеній Германа Зудермана. (Снова громъ рукоплесканій прерываетъ оратора. Раздаются крики: „да здравствуетъ Зудерманъ, долой клерикаловъ!“) Но вѣдь безъ искусства невозможна культура. Итакъ, сплотимся-же противъ угрожающей намъ всѣмъ опасности, чтобы дружнымъ отпоромъ отразить ее. Этимъ воззваніемъ къ народу, приглашающимъ его защищать свои права, закончилъ свою рѣчь проф. Эберлейнъ, при долго несмолкавшихъ рукоплесканіяхъ. Послѣ него говорили Ниссенъ и Зудерманъ. За недостаткомъ мѣста мы перейдемъ прямо къ рѣчи Зудермана, являющимся самымъ энергичнымъ и дѣятельнымъ членомъ „комитета протеста“. Когда Зудерманъ всходитъ на трибуну, его привѣтствуютъ долго несмолкающими рукоплесканіями. У Зудермана фигура и осанка бойца, словно созданнаго для борьбы. Его лицо положительно дышетъ энергіей, и въ каждомъ его движеніи и въ манерѣ говорить сказывается страстная и сильная натура. Да развѣ можно иначе себѣ представить автора „Родины“ — пьесы, полной борьбы и яростнаго протеста противъ душной среды и филистерства. Но мы, однако, нѣсколько увлеклись и уклонились въ сторону, и совершенно забыли, что оставили Зудермана стоящимъ на трибунѣ, блѣднаго и взволнованнаго при видѣ такихъ неожиданныхъ для него проявленій симпатіи. Und nun zum Sudermann!—какъ любятъ выражаться нѣмцы... При наступившей тишинѣ, Зудерманъ слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ заявляетъ, что отъ признанія Lex Heinze болѣе всего пострадаетъ драматическій писатель. Послѣдній превратится въ своего рода „мальчика для сѣченія“ (Prügelknabe). Партія центра,—продолжаетъ Зудерманъ,—какъ уже достаточно выяснилось, вообще недовольна ни современной литературой, ни современнымъ искусствомъ, и то, и другое кажутся ей подозри-

тельными. Вообще наши клерикалы хотятъ морализировать жизнь и искусство. Вотъ почему современные драматурги, изображающіе людей такъ, какъ они есть, т. е. со всѣми ихъ хорошими и дурными сторонами, ненавистны имъ. Вотъ почему наши лучшія современныя драмы въ родѣ „Ткачей" Гауптмана, „Молодости" Бальбе, и „Haubenlerche" — кажутся центру безнравственными. Вотъ эти-то произведенія и снимутъ съ репертуара, если пройдетъ новый законопроектъ. Наши клерикалы купно съ реакціонерами заботятся объ „оздоровленіи" и „очищеніи" соціальной жизни; повѣрить имъ, то придется подумать, что Германія переживаетъ періодъ нравственнаго одичанія. Но кто-же повѣритъ имъ? Можно-ли имъ повѣрить? Господа, — продолжаетъ Зудерманъ, — народъ, который столько работаетъ, какъ нашъ, развѣ можетъ онъ переживать періодъ нравственнаго упадка? Одинъ нѣмецкій поэтъ сказалъ: „поэтъ долженъ наблюдать народъ за работой", и вотъ въ наше время нѣмецкій народъ можно застать только за работой... Была пора, когда Шиллеръ признавалъ за поэтомъ право на мѣсто даже на Олимпѣ, въ наше-же время поэта и художника помѣщаютъ рядомъ съ проститутками и сутенёрами. Господа,— заканчиваетъ Зудерманъ,—до сихъ поръ мы, писатели, художники, сидѣли спокойно въ своихъ кабинетахъ и мастерскихъ, занятые своей работой, теперь-же насъ хотятъ отвлечь отъ нашихъ мирныхъ занятій. Насъ заставляютъ сдѣлаться агитаторами! Такъ хорошо-же, мы сдѣлаемся ими и мы не удалимся раньше съ поля битвы, пока не отстоимъ правъ нѣмецкаго искусства. (Долго несмолкающія рукоплесканія). Такъ кончился первый „митингъ протеста".

Возбужденіе, вызванное имъ въ обществѣ, было огромно. Съ этого дня Lex Heinze сдѣлался положительно злобой дня. И въ прессѣ, и въ обществѣ происходили страстные дебаты по поводу новаго законопроекта. Берлинскій „митингъ протеста" немедленно нашелъ себѣ подражателей въ провинціи. Каждый день телеграфъ приносилъ извѣстія о такихъ же „собраніяхъ протеста" въ Карльсруэ, Дрезденѣ, Штутгардтѣ, Кенигсбергѣ, въ Мюнхенѣ и во многихъ другихъ городахъ. И всюду собранія были очень многолюдны и всюду принималась резолюція, осуждавшая законопроектъ Гейнца. Особенно рѣзкая резолюція была принята въ Мюнхенѣ.

Второй „митингъ", назначенный въ Берлинѣ на 10-е марта, не могъ состояться по очень оригинальной причинѣ. Засѣданіе назначено было въ большой залѣ „Филармоніи", но уже за 2 часа до начала собралась такая огромная толпа, что члены комитета, опасаясь, что даже огромная зала Филармоніи несможетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, рѣшили отложить засѣданіе. Долго шли переговоры на эту тему между представителями комитета и собравшейся публикой, послѣдняя ни за что не хотѣла уходить и только, когда стало извѣстно, что члены комитета in

corpore уже ушли изъ „Филармоніи“, только тогда огромная толпа протестантовъ, недовольная и озлобленная, начала медленно расходиться.

Кромѣ народныхъ собраній, къ агитаціи противъ Lex Heinze примкнулъ и рядъ учрежденій; мы отмѣтимъ на первомъ планѣ берлинскую академію искусствъ, подписавшую съ Антономъ Вернеромъ во главѣ коллективный протестъ противъ новаго законопроекта. Но этимъ еще не ограничилась начатая агитація. Берлинскій „комитетъ протеста“, чтобы повліять на правительство, какъ извѣстно, вообще не очень склонное къ принятію „Kunstparagrafen“, рѣшился на слѣдующую мѣру. Отъ его имени проф. Момсенъ, фонъ-Менцель и проф. Эберлейнъ добились аудіенціи у статсъ-секретаря Нибердинга и канцлера Гогенлоэ, съ цѣлью убѣдить ихъ снять съ очереди Lex Heinze, какъ несимпатичный большинству нѣмецкаго народа. Профессоръ Момсенъ, въ качествѣ юриста, старался показать, „что новые параграфы, добавленные къ законопроекту, очень растяжимы и не даютъ объективнаго критерія для опредѣленія того, что, само по себѣ не будучи безнравственнымъ, все же можетъ оскорбить чувство стыдливости въ зрителѣ или слушателѣ“. Но старанія депутатовъ оказались напрасными. Нибердингъ и Гогенлоэ отвѣтили Момсену, что всякій „нормальный“, здоровый человѣкъ не затруднится въ таковомъ опредѣленіи. Это крылатое слово, сорвавшееся съ „высокихъ устъ“, немедленно было подхвачено юмористическими листками и не было конца остротамъ и каламбурамъ, по поводу особенной и вновь открытой способности „нормальнаго человѣка“, чующаго уже неизвѣстно какимъ чутьемъ—верхнимъ или нижнимъ,—все само по себѣ не безнравственное, но все же чувство стыдливости оскорбляющее. Такъ безплодно кончилась эта аудіенція. Тогда борьба была перенесена снова въ рейхстагъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной аудіенціи въ рейхстагѣ началось 3-ье чтеніе законопроекта Гейнца. Вначалѣ оппозиція (состоящая изъ всей „лѣвой“) пробовала было повліять на сторонниковъ законопроекта, выясняя имъ всю опасность послѣдняго не только для заинтересованныхъ круговъ, но и для всей нѣмецкой культуры. Любопытно, что самыми страстными и убѣжденными противниками Lex Heinze въ рейхстагѣ явились соціалъ-демократы, внѣ его—въ народныхъ собраніяхъ и въ печати—главными застрѣльщиками были преимущественно такъ называемые „intellectuels“. И въ Германіи снова повторилось то же любопытное явленіе, которое замѣчено во Франціи во время процесса Дрейфуса: въ борьбѣ съ клерикализмомъ, подкапывавшимся подъ ненавистныя ему основы демократической культуры, болѣе всего принимали участіе французскіе „intellectuels“ и соціалъ-демократы, въ то время какъ буржуазія относилась къ этой борьбѣ довольно таки апатично. И въ рейхстагѣ самая выдающаяся рѣчь противъ Lex Hienze была про-

изнесена вождемъ баварскихъ соціалъ-демократовъ, фонъ-Фольмаромъ. Именно онъ заставилъ высказаться яснѣе Гребера, и Ререна—теперешнихъ главарей центра—за болѣзнью Либера—и, такимъ образомъ, нѣмецкое общество ясно увидѣло, въ чемъ собственно заключаются планы центра насчетъ „нравственнаго оздоровленія", и этимъ Фольмаръ несомнѣнно оказалъ большую услугу своей странѣ. Кромѣ Фольмара говорили и представители буржуазнаго либерализма противъ законопроекта, но вскорѣ оппозиція увидѣла полную безплодность преній. Центръ желалъ возможно скорѣе перейти къ голосованію, надѣясь на свою численность. Тогда соединенная лѣвая рѣшила приступить къ обструкціи. И вотъ начались страстные дебаты и личныя замѣчанія, какихъ еще не слыхали въ стычкахъ нѣмецкаго рейхстага. И опять застрѣльщиками явились соціалъ-демократы. Они вели всю аттаку. Гейне, Штатгагенъ, Бебель и Зингеръ одинъ за другимъ выступали на трибуну и вносили поправки и дополнительные параграфы, имѣвшіе цѣлью парализовать уже принятые рейхстагомъ параграфы, касающіеся литературы и искусства. И для каждой изъ этихъ поправокъ они требовали поименнаго голосованія; и мало того, при голосованіи внесенныхъ соціалъ-демократами поправокъ вся лѣвая, кромѣ Зингера и Рихтера, уходила нарочно изъ залы, надѣясь, что въ концѣ концовъ тѣ изъ членовъ большинства, которые появляются только въ экстренныхъ случаяхъ, утомившись затянувшейся борьбой, не замедлятъ возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ, и тогда можетъ наступить такой моментъ, когда число оставшихся въ залѣ депутатовъ и принявшихъ участіе въ голосованіи окажется ниже указаннаго закономъ минимума, необходимаго для полносильнаго рѣшенія. Эти разсчеты оппозиціи не замедлили вскорѣ оправдаться. При одномъ изъ голосованій внесенныхъ поправокъ къ Lex Heinze оказалось, что число голосовавшихъ, вслѣдствіе удаленія всей лѣвой, ниже необходимаго минимума. Тогда стало ясно, что голосованія ни къ чему не приведутъ. Ввиду такого исхода обструкціи, президентъ рейхстага—Баллестремъ — собственной властью снялъ съ очереди обсужденіе законопроекта Гейнце и отсрочилъ дебаты о немъ до слѣдующей сессіи. И въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, по предложенію Баллестрема, рейхстагъ приступилъ уже къ обсужденію бюджета, который долженъ быть принятъ до 1-го апрѣля, т. е. до конца сессіи. Такова была „судьба" Lex Heinze, снятаго пока съ очереди, но надолго-ли?

Михаилъ Черный.

Изъ Болгаріи.

Для болгарской политической жизни, повидимому, насталъ какой-то переходный моментъ, но уловить его точный смыслъ и опредѣлить его вѣроятное направленіе было бы чрезвычайно трудно для самаго опытнаго и свѣдущаго наблюдателя. Традиціи отжившаго или отживающаго прошлаго переплетаются въ ней съ смутными и неопредѣленными очертаніями нарождающагося новаго, и въ результатѣ получается какой-то хаосъ, въ которомъ нѣтъ мѣста не то что далекимъ предвидѣніямъ, но и простой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Былыя партійныя подраздѣленія и отношенія между боровшимися политическими теченіями, прежде столь опредѣленныя и категоричныя, обратились теперь въ странную путаницу, въ которой прозвища, программы и иныя партійныя отличія потеряли всякое значеніе указателей, какъ въ принципіальномъ, такъ и въ чисто практическомъ отношеніи. Различные элементы, взаимодѣйствіемъ которыхъ опредѣляется данная форма конституціоннаго строя, перемѣстились, измѣнились въ своемъ относительномъ значеніи и во многихъ отношеніяхъ оказались въ вопіющемъ противорѣчіи съ основною конституціею, которая одна,—говоря формально,—должна была бы регулировать политическую жизнь страны. Но, уйдя такъ далеко отъ нея, они не успѣли еще создать новаго—господствующаго и общепризнаннаго-политическаго теченія, не успѣли вылиться въ новую—сколько-нибудь цѣльную и опредѣленную—политическую систему. При бѣгломъ взглядѣ вы найдете здѣсь всѣ учрежденія и формы, наличностью которыхъ характеризуется демократическій конституціонный режимъ, но приглядитесь ближе и вы увидите, что это лишь внѣшняя, довольно поверхностная позолота, скрывающая подъ собою хаотическій режимъ, чрезвычайно мало похожій на тотъ, который имѣла дать странѣ тырновская конституція.

Правда, въ короткой, но бурной исторіи болгарскаго княжества бывали моменты много похуже—моменты, растягивавшіеся иногда на долгіе годы,—когда и отъ тырновской конституціи, и отъ созданнаго ею режима оставались лишь смутныя воспоминанія. Такъ было, напримѣръ, въ годы „чрезвычайныхъ полномочій“ князя Александра Баттенберга—этого первороднаго грѣха, отвѣтственнаго за всѣ послѣдующія смуты и бѣды Болгаріи; такъ было въ періодъ смутъ, вызванныхъ детронированіемъ князя Александра и, затѣмъ, его отреченіемъ; такъ было въ тяжелый 8-лѣтній періодъ диктатуры Стамбулова, тиранизировавшаго страну во имя „охраненія ея независимости отъ иноземныхъ посягательствъ“.

Но тогда дѣло было ясно и просто. Конституція или формально отмѣнялась, съ согласія нарочито для этого „избраннаго“ парламента, или просто клалась подъ сукно, какъ „не соотвѣтствующая критическимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится отечество“. Но со времени паденія Стамбулова этотъ нарушенный строй нормальной конституціонной жизни былъ—такъ, по крайней, мѣрѣ одно время казалось — приведенъ въ устойчивое равновѣсіе, и была торжественно провозглашена „эра законности и свободы“. У насъ появился, наконецъ, *неотвѣтственный* князь, который повидимому „княжилъ“, но „не управлялъ“, и въ то же время не былъ болѣе тою безмолвною, послушною куклою, именемъ которой Стамбуловъ прикрывалъ свои насилія и беззаконія. Нами управлялъ „отвѣтственный“ кабинетъ, опиравшійся на большинство въ народномъ собраніи, члены котораго, въ свою очередь, „свободно“ избирались народомъ, вѣнцомъ и опорою этого стройнаго государственнаго зданія.

И тѣмъ не менѣе, не смотря на то, что „законность“ снова очутилась въ красномъ углу, и основные принципы конституціоннаго режима оказались какъ будто на лицо, во всемъ этомъ чувствуется—какъ чувствовалось уже и тогда—что-то неладное; отъ всего этого несетъ какою-то суздальскою поддѣлкою. Наши „отвѣтственныя передъ страною“ министерства падаютъ и рождаются внѣ всякой зависимости отъ перемѣнъ въ народномъ настроеніи, и при ближайшемъ разсмотрѣніи почти всегда оказывается, что эти катастрофы опредѣляются главнымъ образомъ—если не исключительно—волею „неотвѣтственнаго“ и „княжущаго“, но не „управляющаго“ князя. Не менѣе замѣчательно, что эта воля князя всегда и неизмѣнно находитъ себѣ санкцію въ выборахъ новаго Народнаго Собранія, причемъ эти выборы—опять таки всегда и неизмѣнно—сторонниками правительства называются „свободными“, а оппозиціею и такъ называемыми „независимыми“—„кровавыми“—или „полицейскими“. Избираемое такимъ образомъ народное собраніе всегда обладаетъ громаднымъ правительственнымъ большинствомъ, и это большинство—въ противность всей конституціонной практикѣ другихъ государствъ—никогда не уменьшается благодаря побѣдамъ оппозиціи на частичныхъ выборахъ—до того фатальнаго момента, когда новые выборы, произведенные подъ контролемъ новаго министерства, не разсѣятъ его сразу по вѣтру, или, вѣрнѣе, не разгонятъ его изъ народнаго собранія по оппозиціоннымъ и независимымъ газетамъ и ресторанамъ. Наконецъ, всякое новое министерство, какую бы партію оно ни представляло, уже самымъ фактомъ своего существованія становится въ глазахъ всѣхъ другихъ партій и теченій врагомъ народа и нарушителемъ конституціи, которое надо преслѣдовать вездѣ и всюду, за которымъ недопустимо признавать какую-бы то ни было заслугу, въ борьбѣ съ которымъ позволительно всякое оружіе...

Такимъ въ значительной степени фиктивно конституціоннымъ характеромъ отличается политическая жизнь Болгаріи, освобожденной отъ Стамбулова. Несомнѣнно, что, въ сравненіи съ совсѣмъ уже не конституціонными порядками временъ стамбуловской опричины, и онъ является не малымъ прогрессомъ. Но столь же несомнѣнно, что и онъ не гарантируетъ спокойнаго и правильнаго функціонированія государственной машины, не устраняетъ возможности потрясеній и катастрофъ, какими полна прошлая исторія молодого княжества. Какъ бы ни была мало развита политически болгарская народная масса, какъ-бы успѣшно ни воспитало ее въ пассивной покорности пятивѣковое турецкое рабство, она недаромъ прожила послѣднюю четверть вѣка въ болѣе или менѣе свободномъ и конституціонномъ—хотя бы больше на словахъ—режимѣ. Недаромъ ея дѣти учили въ теченіе этого времени въ своихъ школахъ „гражданскій катихизисъ", а ея молодежь, теперь вступающая въ жизнь, родилась подъ знаменемъ свободной и независимой Болгаріи. За эти 25—30 лѣтъ болгарскій народъ успѣлъ насмотрѣться на многое, и не мало традицій и привычекъ турецкаго времени успѣли исчезнуть изъ его житейскаго и психическаго обихода. Онъ—или по крайней мѣрѣ передовая, наиболѣе сознательная часть его—знаетъ кое-что о своихъ политическихъ правахъ, слыхалъ о „народномъ суверенитетѣ" и, само собою разумѣется, не можетъ мириться безъ всякаго протеста съ тѣмъ фактическимъ безправіемъ, которое является—какъ мы видѣли выше—его естественнымъ удѣломъ при настоящемъ положеніи вещей. Его передовые элементы не могутъ не пытаться осуществить свои права и, не имѣя возможности, благодаря бдительному оку своихъ „естественныхъ руководителей", администраціи и полиціи—сдѣлать это въ нормальныхъ конституціонныхъ формахъ, они невольно прибѣгаютъ къ силѣ, къ бурнымъ митингамъ, къ уличнымъ демонстраціямъ, и т. п. Конечно, эти своеобразные—отзывающіеся революціоннымъ духомъ—коррективы къ недостаткамъ установившагося въ современной болгарской практикѣ конституціоннаго режима заключаютъ въ себѣ не мало опасностей для спокойствія и будущности страны, но боюсь, что при настоящемъ положеніи вещей они должны быть признаны почти неизбѣжными. Къ тому же нельзя не признать, что не рѣдко они оказываются весьма дѣйствительными для возстановленія нарушаемыхъ на практикѣ, но освящаемыхъ существующею конституціею принциповъ народнаго суверенитета, причемъ—по курьезной діалектикѣ исторіи—эти нарушенія совершаются обыкновенно послушнымъ большинствомъ, вынуждаемымъ на это правительственнымъ давленіемъ, а возстановленія—смѣлымъ меньшинствомъ, не боящимся открытаго столкновенія съ полиціею и ея уставами благочинія.

Само собою разумѣется, что такія попытки меньшинства осуществить свое право въ стамбуловскія времена почти всегда окан-

чивались очень печально для него и его вождей. Но съ замѣною жестокаго и не знавшаго сомнѣній деспота осторожнымъ и умнымъ княземъ Фердинандомъ, въ этомъ отношеніи замѣчается большая перемѣна. Достигнувъ преобладающаго вліянія въ политической жизни страны, онъ усиленно работаетъ теперь надъ укрѣпленіемъ корней, пущенныхъ имъ въ болгарскую почву, иными словами—надъ созданіемъ „національной династіи". Поэтому онъ очень не любитъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, даже по отношенію къ „нелойальнымъ" элементамъ народа, и всякое дѣйствительно серьезное движеніе среди него, выражающее господствующее настроеніе массы, останавливаетъ на себѣ его заботливое вниманіе и обыкновенно встрѣчаетъ съ его стороны большее или меньшее удовлетвореніе.

Именно въ такой обстановкѣ произошло болѣе года тому назадъ паденіе министерства Стоилова и насталъ конецъ господству народной партіи, которая представляла собою штабъ безъ арміи и, не пользуясь ни малѣйшимъ довѣріемъ населенія, могла, благодаря вышеуказаннымъ странностямъ болгарскаго конституціонализма, оставаться у власти около 5 лѣтъ и до самаго послѣдняго момента имѣть преданное народное собраніе, почти сплошь составленное изъ „своихъ людей". Запутавшись въ своей финансовой политикѣ, министерство Стоилова и К° увидѣло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ сдѣлкѣ съ своими кредиторами, разорительность которой для Болгаріи была очевидна всѣмъ. Договоръ былъ принятъ громаднымъ большинствомъ въ Собраніи, утвержденъ княземъ, но общественное мнѣніе рѣшительно отказалось ратификовать его. Вся оппозиція, всѣ „независимые", нѣкоторые даже изъ „правительственныхъ" были охвачены патріотическимъ негодованіемъ и—каждый на свой ладъ—начали взывать къ „высшей инстанціи"—къ народу. Партія Радославова, какъ наилучше организованная и въ составъ которой входятъ многіе отчаянные и близко стоящіе къ народной массѣ элементы, естественно оказалась во главѣ этой агитаціи и скоро придала вызванному ею движенію демонстративный характеръ опаснаго всенароднаго броженія. Повсюду начали устраиваться митинги протеста и негодованія, уличныя демонстраціи, столкновенія съ полиціею,—съ убитыми и ранеными. Какъ только движеніе противъ министерства Стоилова начало принимать серьезный характеръ, осторожный и благоразумный князь рѣшилъ разстаться съ своимъ давнишнимъ фаворитомъ и, чтобы выгородить свою личность отъ всякаго обвиненія въ соучастіи съ нимъ, тотчасъ-же и возможно болѣе демонстративно привелъ это рѣшеніе въ исполненіе. Стоилову и товарищамъ безъ всякихъ излишнихъ церемоній было предложено подать въ отставку.

Но какъ истинное воплощеніе того половинчатаго конституціонализма, который ему удалось водворить въ Болгаріи, князь Фердинандъ остался ему вѣренъ и въ этомъ случаѣ. Отказавшись

„по волѣ народа“ отъ сотрудничества Стоилова, онъ замѣнилъ его не Радославовымъ, признаннымъ вождемъ партіи, вынесшей на своихъ плечахъ чуть не все движеніе, а бывшимъ стамбулистомъ Грековымъ, не такъ давно формально отказавшимся отъ политической дѣятельности, но за то однимъ изъ придворныхъ фаворитовъ. Однако, хотя Грекову была дана carte blanche, составить кабинетъ ему не удалось такъ легко и просто, какъ это было бы при Стамбуловѣ. Онъ пытался войти въ соглашеніе со всѣми партіями поочередно, и всѣ онѣ—и „цанковисты“, и „каравелисты“, и „народняки“—выражали полную готовность войти съ нимъ въ министерскую комбинацію. Но каждая партія надѣялась, что безъ нея дѣло не устроится, предъявляла поэтому слишкомъ большія требованія,—и дѣло разстраивалось. Самымъ сговорчивымъ, да и наиболѣе подходящимъ оказался тотъ же обойденный раньше Радославовъ, съ которымъ Грековъ въ концѣ концовъ и сошелся, къ великому огорченію и еще большему негодованію всѣхъ своихъ соперниковъ.

Такимъ образомъ составился стамбулистско-радославистскій кабинетъ Грекова-Радославова. Этотъ кабинетъ, спустя нѣкоторое время, подвергся частичному кризису, результатомъ котораго было замѣщеніе стамбулиста Грекова радославистомъ Иванчовымъ и образованіе однороднаго радославистскаго кабинета. Но и теперь, какъ и тогда, душою и центральною фигурою министерства остается—и вѣроятно останется ею въ ближайшемъ будущемъ—признанный и давнишній вождь радославистской, или иначе—либеральной партіи, министръ внутреннихъ дѣлъ, В. Радославовъ. Остановимся же на минуту на личности и на прошломъ этого государственнаго мужа Болгаріи. Это не только позволитъ намъ легче понять смыслъ и значеніе того, что происходитъ теперь въ Болгаріи, но и поможетъ намъ до извѣстной степени разобраться въ той хаотической сутолокѣ, которую представляетъ собою современная болгарская политическая жизнь.

Радославовъ еще молодъ въ сравненіи съ такими знаменитыми болгарскими дѣятелями, какъ Цанковъ, Каравеловъ и нѣкоторые другіе. Его имя становится извѣстнымъ широкой публикѣ лишь въ „смутное время“ болгарскаго княжества, т. е. въ тотъ сравнительно недолгій періодъ, который начинается соединеніемъ Сѣверной Болгаріи съ Румеліею, ознаменовывается рядомъ глубокихъ внутреннихъ потрясеній и переворотовъ и заканчивается установленіемъ диктатуры Стамбулова (1885—88 г.). Къ этому времени Радославовъ успѣлъ уже стать извѣстнымъ, какъ лойальный либералъ, какъ убѣжденный руссофобъ, многообѣщающій политикъ и дѣятельный агитаторъ, имѣвшій уже за собою хвостъ партизановъ, составлявшихъ какъ бы зерно собственной партіи. Время было бурное, событія происходили съ головокружительною быстротою. Такъ же быстро создавались и

лопались репутаціи и карьеры политическихъ дѣятелей. Нечего, поэтому, удивляться, что, когда „внутренніе и внѣшніе враги" Болгаріи были окончательно побѣждены, т. е. когда, послѣ добровольнаго отреченья князя Александра—главный борецъ „независимой" Болгаріи сталъ, въ качествѣ одного изъ трехъ регентовъ, настоящимъ первымъ консуломъ Болгаріи, онъ выбралъ своимъ министромъ - президентомъ никого другого, какъ Радославова.

Выборъ этотъ оказался съ точки зрѣнія Стамбулова очень удачнымъ. Въ лицѣ Радославова Стамбуловъ нашелъ, одни говорятъ—послушное орудіе, другіе—достойнаго союзника, который вполнѣ вошелъ въ тонъ его политики „охраненія независимости Болгаріи какими-бы то ни было средствами". Но такая политика должна была сразу привести новаго президентъ - министра къ рѣзкому и безысходному конфликту со страною, громадное большинство которой, особенно среди сельскаго населенія — было глубоко преданно Россіи и, не допуская съ ея стороны ни малѣйшихъ посягательствъ на независимость ею же освобожденной страны, отличалось если не сознательнымъ, то инстинктивнымъ, не знающимъ сомнѣній, руссофильствомъ. Задушить въ народѣ эту преданность своимъ освободителямъ и сдѣлать его—хотя-бы по внѣшности — руссофобскимъ возможно было, очевидно, лишь путемъ послѣдовательнаго и безпощаднаго террора. Ни Стамбуловъ, душа и вдохновитель болгарской руссофобской политики, ни Радославовъ, легко подпавшій подъ его вліяніе, не остановились передъ такою перспективою, тѣмъ болѣе, что она имѣла не мало прецедентовъ въ недавнемъ прошломъ страны и ничуть не противорѣчила истинно восточной жестокости болгарскаго національнаго характера. Къ тому же нельзя не признать, что обстоятельства, въ которыхъ находилась тогда Болгарія, были воистину критическими, и внутренніе враги, съ которыми приходилось бороться тогдашнему правительству, тоже не отличались особенною деликатностью въ пріемахъ своей борьбы и не останавливались ни передъ чѣмъ въ своихъ попыткахъ низвергнуть регентство Стамбулова и завладѣть властью. Въ странѣ царила анархія; то въ одномъ, то въ другомъ концѣ ея — въ Силистріи, въ Рущукѣ, въ Варнѣ и т. д.—вспыхивали военныя возстанія; налаживались заговоры; происходили покушенія и убійства; совершались открытыя сопротивленія властямъ, причемъ почти повсюду „нарушители порядка" имѣли на своей сторонѣ симпатіи большинства населенія, которое только и ждало первой удачи, чтобы присоединиться къ нимъ. Не удивительно, что такое опасное положеніе дѣлъ казалось и Стамбулову, и Радославову, и всѣмъ ихъ сподвижникамъ, воспитавшимся въ турецко-болгарской школѣ внутренней политики, допускавшимъ всѣ мѣры для водворенія порядка. Вѣдь въ этомъ порядкѣ они видѣли не только гарантію

удержанія въ своихъ рукахъ власти, но и единственное средство сохранить „независимость отечества“.

Какъ-бы то ни было, первое министерство Радославова оказалось истиннымъ бичемъ божіимъ для несчастной Болгаріи и временемъ тяжелаго испытанія для ея молодой, неокрѣпшей еще свободы и конституціи. Законность, человѣчность, простое приличіе—все было принесено въ жертву „энергіи“ и „дѣйствительности“ правительственной дѣятельности. Административныя высылки, противузаконные аресты, безчеловѣчныя избіенія въ полицейскихъ участкахъ и тюрьмахъ, уличный терроръ при помощи организованныхъ полиціею шаекъ „палочниковъ“, экзекуціи,—все это считалось дозволеннымъ въ примѣненіи къ политическимъ противникамъ, поставленнымъ какъ-бы внѣ закона и объявленнымъ измѣнниками отечества. Наконецъ по всѣмъ концамъ страны были организованы особые патріотическіе „охранительные комитеты“ съ общимъ девизомъ „Болгарія за себе си“. Составленные изъ подонковъ населенія, они должны были изображать собою „народъ“ и въ качествѣ таковаго являться на сцену во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правительству необходимо было покрывать передъ Европою свои дѣла санкціею „народной воли“ или когда оно само не хотѣло брать на себя прямую отвѣтственность за нихъ. Однимъ словомъ, настоящій терроръ, — хотя и во имя спасенія отечества отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ,—таковъ былъ, по разсказамъ очевидцевъ, этотъ режимъ, изобрѣтенный Стамбуловымъ, поддержанный Радославовымъ и впослѣдствіи значительно усовершенствованный и возведенный въ квадратъ своимъ изобрѣтателемъ.

Къ сожалѣнію, я не жилъ въ Болгаріи въ это счастливое время, и потому мнѣ не остается ничего другого, какъ полагаться на показанія очевидцевъ, хотя то, что я знаю лично о Радославовѣ, какъ будто и не совсѣмъ совпадаетъ съ ихъ нѣсколько суздальскою мазнею. Но, съ другой стороны, не знаемъ-ли мы, что въ наше время между личною и политическою моралью лежитъ цѣлая бездна, что прекрасный семьянинъ и не злой по натурѣ человѣкъ можетъ придумывать, совершать или по крайней мѣрѣ оправдывать всевозможныя жестокости ради „будущаго блага“ или интересовъ службы.

Какъ-бы то ни было, но съ этого времени за Радославовымъ прочно установилась репутація бездушнаго, жестокаго тирана, готоваго на все, ради достиженія своихъ честолюбивыхъ и партійныхъ цѣлей. Правда, въ Болгаріи едва-ли найдется хоть одинъ выдающійся человѣкъ, о которомъ его политическіе противники—а это значитъ обыкновенно всѣ, кромѣ его собственныхъ партизановъ—отзывались-бы сколько-нибудь сносно. Чтобы недалеко ходить за примѣрами, возьмите, напр., хотя-бы Каравелова, несомнѣнно самаго умнаго, образованнаго и, пожалуй, искренно демо-

кратическаго изъ болгарскихъ государственныхъ людей: поскольку дѣло касается якобинскихъ пріемовъ управленія въ ихъ національно-болгарской формѣ, т. е. „палочной“ политики и суровыхъ расправъ съ своими политическими противниками, а, подчасъ, и съ самою „глупою толпою“,—его репутація очень немногимъ уступаетъ репутаціи Радославова. Но все-же,—если мы исключимъ неподражаемаго Стамбулова,—никому изъ лицъ, стоявшихъ здѣсь когда-нибудь во главѣ управленія, не выпала на долю такая прочная и широко-распространенная репутація „палочника“ и насильника, какъ Радославову. Другимъ какъ-то удавалось обыкновенно—если не вполнѣ, то хотя отчасти—искупить свои грѣхи въ годину бѣдствій, когда они попадали въ оппозицію и, не щадя живота, защищали отъ покушеній власти права и интересы народа. Радославову не помогло и это, не смотря на то, что онъ не могъ долго выдержать свое сотрудничество съ Стамбуловымъ и, рѣшительно разойдясь съ нимъ въ 1888 г., велъ противъ него до самаго его паденія (1894 г.) смѣлую и рѣшительную борьбу.

Дѣло въ томъ, что въ его оппозиціонной дѣятельности принципы занимали слишкомъ малое мѣсто. При всей своей смѣлости она очень мало подходила подъ конституціонное представленіе объ оппозиціи, не говоря уже о томъ, что культурный элементъ въ ней совершенно отсутствовалъ. Радославовъ не столько пропагандировалъ свои идеи и велъ агитацію въ народѣ, призывая его къ лучшему пониманію своихъ интересовъ и къ ихъ защитѣ, сколько вопіялъ къ князю, взывая къ его рыцарскому сердцу, къ его патріотизму, наконецъ, къ его собственнымъ интересамъ и къ его всемогуществу. Его оппозиція носила, такимъ образомъ, слишкомъ узкій, личный и партизанскій характеръ. Въ ней слишкомъ большое мѣсто занимало очевидное для всѣхъ стремленіе къ власти, ради ея самой. Поэтому она осталась безплодною для общественно-политической жизни страны, не способствовала развитію политическаго пониманія народной массы и гораздо меньше, чѣмъ слѣдовало-бы, подняла въ болгарскомъ обществѣ личную репутацію самого Радославова. Тѣмъ не менѣе, его оппозиція Стамбулову въ то время, когда тотъ былъ въ апогеѣ своего могущества и когда все передъ нимъ молчало и трепетало,—показала, что, каковы-бы ни были его недостатки, какъ государственнаго мужа, онъ обладалъ достаточнымъ запасомъ настойчивости, энергіи и безстрашія. А это уже было не мало...

Почти такъ же безслѣдно для поправленія репутаціи Радославова прошелъ и тотъ эфемерный періодъ сердечнаго единенія, который переживала Болгарія послѣ освобожденія отъ стамбуловскаго ига, хотя, между тѣмъ, именно ему—въ союзѣ съ Стоиловымъ—выпала завидная доля залечиванія ранъ, нанесенныхъ странѣ 8-ю годами безжалостнаго деспотизма, и выведенія ея на путь нормальной конституціонной жизни. Увы, этотъ періодъ еди-

ненія прошелъ слишкомъ быстро, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, и ожесточенная борьба между соперничавшими партіями скоро возобновилась въ своемъ прежнемъ видѣ. Между двумя коалиціонными правительственными партіями—радославистами и такъ называемыми „консерваторами“ или „народняками“, тоже начались нелады и взаимныя интриги, которыя не замедлили привести ихъ къ полному разрыву. Стоилову—какъ довѣренному лицу и любимцу князя, было поручено составленіе новаго коалиціоннаго кабинета, а радослависты были снова выброшены въ оппозицію. Такимъ образомъ и на этотъ разъ Радославову не удалось показать себя странѣ въ благопріятномъ свѣтѣ. Съ одной стороны онъ не имѣлъ для этого времени; съ другой и то короткое время, которое онъ провелъ въ качествѣ министра, было почти сплошь занято, чисто отрицательною работою расчистки почвы, загаженной стамбуловщиною.

Изгнаніе изъ министерства Радославова и его друзей повлекло за собою изгнаніе изъ ихъ едва насиженныхъ мѣстъ и его партизановъ,—иначе говоря, его партіи, оказавшейся такимъ образомъ снова въ оппозиціи. Не надо, однако, думать, что подъ „партіею“ здѣсь понимается то же, что и въ другихъ конституціонныхъ странахъ. Здѣсь это—постоянно колеблющаяся и измѣняющая свой составъ—главнымъ образомъ вслѣдствіе частыхъ ренегатствъ—агломерація политикановъ, которые связываютъ свою судьбу съ судьбою одного изъ „шефовъ“. Во времена его благоденствія благоденствуютъ и они, занимая чиновничьи мѣста, особенно по административному вѣдомству; въ печальные дни оппозиціи они немедленно изгоняются отовсюду и, не будучи пригодны ни къ чему другому, кромѣ службы, живутъ неизвѣстно чѣмъ, голодаютъ и со страстнымъ нетерпѣніемъ ждутъ новой „улыбки фортуны“. Если прибавить къ этому основному элементу здѣшней партіи разныхъ дѣльцовъ и подрядчиковъ, связавшихъ свои интересы съ даннымъ вождемъ, да всякія обиженныя и неудовлетворенныя самолюбія, то этимъ въ сущности и исчерпается составъ партіи. Таковы почти всѣ здѣшнія партіи, и если радослависты отличаются чѣмъ-нибудь отъ другихъ, то развѣ тѣмъ, что въ ихъ средѣ преобладаетъ чиновничья мелкота—бывшіе полицейскіе пристава и околодочные, городовые, писаря, неудачники-адвокаты, бывшіе кметы и иные сельскіе должностные чины, прогнанные съ своихъ мѣстъ еще со времени разрыва Радославова съ Стамбуловымъ.

И вотъ, такіе-то люди, состоявшіе въ оппозиціи (если не считать нѣсколькихъ мѣсяцевъ власти въ 1894 г.) цѣлыхъ 12 лѣтъ, изголодавшіеся, отчаянные и готовые на все, да къ тому-же сравнительно близко стоявшіе къ народной массѣ, наконецъ зачуяли, что приближается праздникъ и на ихъ улицѣ. Стоиловское министерство, разорявшее страну около 5 лѣтъ, начало какъ будто пошатываться. Этого было достаточно. Они бросились въ атаку

на ослабѣвшаго врага со всею силою горячихъ и опытныхъ народныхъ агитаторовъ, и если Стоиловъ палъ подъ „взрывомъ народнаго негодованія“, то честь этого низверженія, какъ я уже упоминалъ раньше, принадлежитъ главнымъ образомъ Радославову и его преторіанцамъ.

Смѣна министерства всегда вызываетъ сильное волненіе въ странѣ хотя бы уже по одному тому, что, повергая въ уныніе друзей и кліентовъ падающаго свѣтила, она окрыляетъ надеждами поклонниковъ восходящаго. Легко себѣ представить, поэтому, что должна была почувствовать болгарская интеллигенція и вообще всѣ прикосновенные къ политикѣ люди, при вѣсти о томъ, что ко власти призваны Грековъ, предводитель стамбулистовъ, и бывшій сотрудникъ Стамбулова, знаменитый Радославовъ. Такъ, вѣроятно, должны были чувствовать себя наши „тверичи“ или „куряне“ при вѣсти о приближеніи татарской орды, съ тою, однако, разницею въ пользу нашихъ предковъ, что они могли всетаки бороться и пасть со славою. А тутъ—было просто стадо овецъ, осужденныхъ на закланіе, знающихъ это и уже слышащихъ дикій вой и щелканіе зубовъ изголодавшейся волчьей стаи, въ видѣ которой ужасъ рисовалъ имъ идущихъ на власть радославистовъ. Да и какъ иначе могли чувствовать себя обитатели софійскихъ и иныхъ канцелярій? Перемѣщенія, отчисленія и иныя реформы этого рода обязательно сопровождаютъ всякую перемѣну министерства въ Болгаріи. Какъ же было не ожидать настоящаго вавилонскаго столпотворенія, когда новымъ министромъ былъ „самъ“ Радославовъ, да еще въ союзѣ со стамбулистами!

Я не болгарскій чиновникъ, не принимаю никакого участія въ мѣстной политической жизни и потому лично за себя мнѣ бояться было нечего, но, признаюсь, и я ожидалъ послѣдствій не безъ смѣшаннаго съ нѣкоторымъ страхомъ любопытства. Да и было отчего. Софія приняла видъ какъ-бы завоеваннаго города. Появилась масса новыхъ лицъ, которые вели себя, какъ побѣдители. Иные изъ нихъ были одѣты въ овчину,—очевидно претенденты на кметскія и другія сельскія должности; другіе—въ старомодные костюмы провинціальныхъ Собакевичей, съѣхавшихся сюда *требовать* себѣ подходящихъ мѣстъ; иные были совсѣмъ ободранцы, но въ нихъ замѣчались слѣды военной выправки, умѣнья и готовности повелѣвать;—эти были очевидно когда-то приставами, околійскими начальниками и т. п. Но всѣ они смотрѣли дѣйствительно какъ-то по волчьи, и видъ ихъ не внушалъ къ себѣ довѣрія. Были ли это злодѣи in potentia, или только несчастные, выбитые изъ колеи и достойные жалости? Они толпами наполняли квартиры и пріемныя своихъ министровъ; бродили кучами безъ дѣла по городскимъ улицамъ,—по преимуществу поближе къ домамъ министровъ; заполняли рестораны, въ которыхъ то таинственно шептались, какъ какіе-то заговорщики, склонившись надъ столомъ

головами, то возбужденно выкрикивали угрозы и ругательства по адресу павшаго режима. Они старались вести себя, какъ побѣдители, но въ самомъ ихъ торжествѣ чувствовалась какая-то горькая нота неувѣренности и надорванности.

И при всемъ томъ дни проходили за днями, а никакихъ „послѣдствій“ не происходило. За исключеніемъ административно-полицейскаго персонала, который не могъ не быть смѣненъ, какъ наполненный партизанами „Народной Партіи“, по другимъ вѣдомствамъ не происходило ничего подобнаго огульной смѣнѣ чиновниковъ. За рѣдкими, сравнительно, исключеніями, всегда находившими достаточное объясненіе, всѣ оставались на своихъ мѣстахъ. Число новыхъ лицъ въ городѣ понемногу уменьшалось, и все мало по малу успокаивалось и приходило въ порядокъ. Радославовъ, оказывалось, велъ себя въ качествѣ новой метлы гораздо корректнѣе, чѣмъ многіе и многіе изъ его соперниковъ и хулителей. Это казалось настолько невѣроятнымъ, что публика склонна была думать, что онъ откладываетъ настоящую расчистку до окончанія выборовъ. Но меня лично героизмъ Радославова начиналъ прямо поражать. Я не могъ не почувствовать нѣкотораго уваженія по отношенію къ человѣку, у котораго оказалось достаточно гражданскаго мужества, чтобы не поддаться страшному давленію со стороны своихъ партизановъ, и достаточно силы, чтобы сохранить за собою ихъ преданность. Вотъ вождь!—думалось мнѣ... Во всякомъ случаѣ, по первымъ шагамъ Радославова, какъ министра, можно было думать, что, если его репутація и была когда нибудь вѣрна, то тяжелые годы оппозиціи не прошли для него даромъ; что онъ многое забылъ и многому научился.

Еще большее удивленіе принесли съ собою выборы, ставшіе необходимыми вслѣдствіе распущенія стоиловскаго народнаго собранія. Но читатель долженъ знать, что представляютъ собою обыкновенно болгарскіе выборы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ политическимъ воспитаніемъ страны началъ заниматься Стамбуловъ: едва ли вы найдете здѣсь человѣка, который относился бы къ нимъ серьезно, какъ къ обставленному конституціонными гарантіями способу выясненія народной воли. Такая наивная точка зрѣнія должна была неизбѣжно выйти изъ обращенія, въ виду установившейся здѣсь правительственной традиціи—„дѣлать выборы“ при помощи довольно откровеннаго давленія на избирателей и иныхъ, какъ-бы узаконенныхъ практикою, насилій и беззаконій. Такъ „дѣлаютъ“ здѣсь выборы всѣ министерства, и чуть ли не единственнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила были выборы, происходившіе какъ-то въ бытность министромъ Цанкова (и, кстати сказать, окончившіеся не въ его пользу). Особенною безцеремонностью въ этомъ отношеніи отличался, конечно, Стамбуловъ, и одна изъ главъ извѣстнаго сочиненія молодого болгарскаго юмориста, А. Константинова, „Бай Ганю“ рисуетъ передъ

читателемъ чрезвычайно живую картину выборовъ, какъ ихъ обдѣлывали въ его время. Я очень жалѣю, что длина этой главы не позволяетъ мнѣ привести ее здѣсь цѣликомъ и заставляетъ меня ограничиться одною, двумя цитатами, которыя лучше всякихъ разсужденій познакомятъ читателей съ занимающимъ насъ вопросомъ. Вотъ, напримѣръ, сценка, въ которой правительственные кандидаты—Бай Ганю и его пріятели—вырабатываютъ планъ дѣйствій въ виду предстоящихъ выборовъ.

— „Экій ты дьяволъ, Бай Ганю—восклицаетъ восхищенный его изобрѣтательностью собесѣдникъ.—Какъ хорошо знаешь ты всѣ эти штуки!“

— „Вотъ важность-то!—отвѣчаетъ самодовольно Бай Ганю.—Хорошъ бы я былъ, еслибы не зналъ ихъ! Да пусти меня, голубчикъ, въ любой избирательный округъ, и я берусь выбрать тебѣ кого хочешь. Назначь кандидатомъ осла,—и осла, чортъ возьми, выберу... Только дай мнѣ въ распоряженіе околійскаго начальника съ жандармами да 1000—2000 франковъ... Какъ соберу я тебѣ, другъ любезный, человѣкъ 40—50 готовыхъ на все бродягъ-головорѣзовъ, да дамъ имъ по ведру на брата, да крикну: „эй, ребята, за Болгарію!“... Взгляни-ка на нихъ тогда хотя издали,—какъ наливаются кровью ихъ выпученныя глазища, какъ вытаскиваютъ они изъ за поясовъ ножи и свирѣпо стучатъ ими по столу,—все забудешь отъ страха, душа моя... Возьми-ка ихъ тогда, да проведи ночью по городскимъ улицамъ... Оппозиція?.. Что оппозиція, самъ дьяволъ убѣжитъ отъ нихъ на край свѣта. Проведи-ка ихъ вотъ этакимъ манеромъ мимо дома твоего противника... Боже, боже, за нѣсколько верстъ услышишь ихъ грозный ревъ, и кто бы ты ни былъ, почувствуешь, какъ волосы становятся дыбомъ у тебя на головѣ и по тѣлу пробѣгаютъ мурашки... А потомъ созови всѣхъ этихъ сельскихъ кметовъ и писарей, да заскрыпи на нихъ хорошенько зубами, да сверкни на нихъ глазами, да покажи имъ хоть издали свою гвардію!.. Что? Избиратели?.. И слѣда ихъ не увидишь. Вели пригнать тебѣ изъ всякаго села по 12 довѣренныхъ человѣкъ, созови чиновниковъ и писаришекъ, поставь у въѣздовъ жандармовъ, чтобы гнали вонъ сельскихъ избирателей, окружи избирательное бюро своими 40—50 пьяными головорѣзами, устрой въ удобный моментъ какой нибудь скандалъ и, воспользовавшись суматохою, напихай въ урну нѣсколько пачекъ заранѣе приготовленныхъ бюллетеней, и вотъ тебѣ оселъ—станетъ народнымъ представителемъ“.

Здѣсь въ схематическомъ, такъ сказать, и, конечно, нѣсколько преувеличенномъ видѣ дана программа подготовительныхъ мѣръ, къ которымъ долженъ прибѣгнуть правительственный кандидатъ, сомнѣвающійся въ своемъ успѣхѣ. А вотъ и другая картинка, изображающая одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ самихъ выборовъ. Набранная Баемъ Ганю шайка, которая должна будетъ со-

рвать выборы, всю ночь пьянствовала и теперь, готовая на все, медленно собирается въ сборномъ пунктѣ. Всѣ роли распредѣлены и хорошо выучены. Ждутъ лишь сигнала. Вотъ, наконецъ, прибѣгаетъ посланецъ отъ околійскаго начальника;—дѣло плохо: селяне успѣли пробиться черезъ тонкую цѣпь городовыхъ и въ большомъ числѣ собираются вокругъ избирательнаго пункта. Конная полиція пока успѣла оттѣснить ихъ грубою атакою назадъ, но ихъ много... надо спѣшить. Знакъ поданъ, и шайка Бая Ганю, какъ старая гвардія Наполеона, въ свою очередь вступаетъ въ дѣло.

... „Съ противоположнаго конца улицы вдругъ послышались пискъ кларнета, визгливыя ноты скрипокъ, шумъ приближающейся толпы,—и вдругъ дикій ревъ разнесся въ воздухѣ. На площади появились музыканты, за ними—съ молніею во взорѣ—бай Ганю съ своими приближенными, потомъ цыгане, самъ Данко Харцузинъ...

— „Да здравствуетъ правительство, ура!—закричалъ Данко.

— „Ура... раа... рааа!—заорала стоустая толпа.

„Граматиковъ (оппозиціонный кандидатъ) невольно задрожалъ. Въ его умѣ мелькнули воспоминанія 1876 г.: ужасы башибузукскихъ ордъ, страшное имя Фазлы-Паши...

„Между тѣмъ гвардія Бая Ганю нахлынула въ училищный дворъ (избират. пунктъ), въ которомъ успѣли удержаться нѣсколько десятковъ селянъ-избирателей, и началось выполненіе предначертанной программы. Данко схватилъ одного изъ оппозиціонныхъ вожаковъ и началъ кричать во все горло: „держите, держите,—онъ ругаетъ князя"... Въ то же время Петреску отбросилъ въ сторону ножъ, которымъ успѣлъ нанести нѣсколько ударовъ захваченнымъ врасплохъ избирателямъ, разодралъ въ клочья свою рубаху и, размазавъ на своемъ лицѣ кровь, началъ орать: „спасите, убиваютъ... убиваютъ за то, что кричу — да здравствуетъ князь"... Эти крики даютъ поводъ начать свою работу и полиціи. Она обнажаетъ шашки, и перепуганные избиратели разбѣгаются во всѣ стороны, преслѣдуемые байганевцами, въ то время какъ самъ Бай Ганю наполняетъ урну бюллетенями съ своимъ собственнымъ именемъ.

„А черезъ нѣсколько дней Граматиковъ читалъ въ одной изъ столичныхъ газетъ слѣдующую телеграммму: „Софія, Министру Президенту. Выборы прошли въ образцовомъ порядкѣ. Избраны бай Ганю и прочіе наши кандидаты. Оппозиціонные кандидаты провалились позорнѣйшимъ образомъ. Едва появились избиратели съ музыкою во главѣ, ихъ шайка разбѣжалась. Городъ ликуетъ. Да здравствуетъ князь!"

Вотъ какъ сплошь и рядомъ дѣлались выборы во времена Стамбулова, которому ничего другого и не оставалось, если онъ хотѣлъ держаться у власти противъ воли народа. Только этимъ и объясняется, что, при всей ненависти къ нему со стороны населенія, въ его послѣднемъ народномъ собраніи былъ только

одинъ представитель оппозиціи. Для достиженія *такого* результата, очевидно, были необходимы Бай Ганю и ихъ избирательные подвиги... Съ паденіемъ Стамбулова и воцареніемъ джентельмена Стоилова такіе грубые и рѣжущіе глаза пріемы административно-полицейскаго давленія на избирателей были оставлены. Ихъ замѣнили болѣе мягкія и менѣе уловимыя формы такъ называемаго здѣсь „моральнаго вліянія". Въ этомъ, конечно, сказался значительный прогрессъ политическихъ нравовъ въ Болгаріи, но все же и при новой системѣ оказывались возможными—не говоря уже о другихъ формахъ давленія на избирателей—такіе факты, какъ знаменитый приказъ Стоилова околійскому начальнику въ Бѣлой-Церкви (округъ, гдѣ была поставлена нежелательная правительству кандидатура Цанкова)—въ случаѣ неудачи „потушить свѣчи" въ моментъ провѣрки бюллетеней и, такимъ образомъ, сдѣлать выборы недѣйствительными.

И вотъ, при наличности подобныхъ традицій, является на сцену Радославовъ—тотъ самый Радославовъ, именемъ котораго болгарскія матери чуть ли не пугаютъ дѣтей—и даетъ странѣ „свободные выборы", т. е. выборы, въ которыхъ не было пущено въ ходъ ни явнаго вмѣшательства полиціи, ни фальсификаціи бюллетеней, ни тушенія свѣчей, ни иныхъ обычныхъ насилій и беззаконій. Радославовъ—и свободные выборы!—это казалось до такой степени невѣроятнымъ, что публика какъ бы оторопѣла и не рѣшалась вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ. Оппозиціонная пресса осталась, конечно, вѣрна себѣ — и безъ малѣйшихъ колебаній начала печатать телеграммы и корреспонденціи своихъ партизановъ, въ которыхъ, по общепринятому обычаю, разсказывалось о всевозможныхъ ужасахъ, совершенныхъ въ разныхъ избирательныхъ округахъ, о сотняхъ убитыхъ и раненыхъ оппозиціонеровъ, о разбитіи урнъ и т. п. (такъ, между прочимъ, въ провинціи былъ распущенъ слухъ о томъ, что въ столицѣ во время выборовъ было убито 10 избирателей, хотя, какъ я видѣлъ это самъ, въ дѣйствительности выборы въ Софіи прошли въ полномъ порядкѣ и спокойствіи). Но по провѣркѣ эти слухи оказывались почти всегда тенденціознымъ враньемъ, и почти всѣ драки и безпорядки, имѣвшіе мѣсто въ нѣкоторыхъ округахъ, объяснялись распаленными партизанскими страстями самихъ избирателей, особенно же вызывающимъ поведеніемъ оппозиціонныхъ агитаторовъ. Что это было такъ, видно было и изъ того обстоятельства, что почти всѣ раненые въ такихъ столкновеніяхъ принадлежали къ полиціи или къ правительственнымъ избирателямъ, и изъ дебатовъ въ народномъ собраніи, раскрывшихъ всю неосновательность обвиненій, высказанныхъ оппозиціонными депутатами. Наконецъ, главнымъ и безапеляціоннымъ доказательствомъ свободы выборовъ было то неслыханное въ лѣтописяхъ болгарской

политической жизни обстоятельство, что въ вышедшемъ изъ выборовъ собраніи было болѣе 60 оппозиціонеровъ!

Однимъ словомъ, вся сколько-нибудь независимая публика была, въ концѣ концовъ, принуждена признать, что выборы были дѣйствительно свободны. Но и тутъ, скорѣе чѣмъ измѣнить свое мнѣніе о Радославовѣ, она склонна была объяснять этотъ фактъ то тѣмъ, что Радославовъ, связанный сотрудничествомъ своимъ съ Грековымъ и контролемъ князя не былъ господиномъ положенія; то его надеждой поправить затѣмъ свои дѣлишки при помощи кассированья въ народномъ собраніи выборовъ вліятельнѣйшихъ изъ оппозиціонныхъ представителей. Въ этихъ догадкахъ мѣстныхъ скептиковъ есть, вѣроятно, доля истины, но основную причину „конституціонной щепетильности“ Радославова нужно, думается мнѣ, искать глубже. Она лежитъ, очевидно, въ томъ, что 12 лѣтъ, протекшія со времени разрыва Радославова со Стамбуловымъ, не прошли безслѣдно ни для Радославова въ частности, ни для политическихъ нравовъ страны вообще, значительно смягчивъ ихъ, сблизивъ ихъ нѣсколько съ принципами и формами дѣйствительно конституціоннаго режима, да и просто, наконецъ, заставивъ ихъ понять ту простую истину, что, при настоящемъ низкомъ уровнѣ политическаго развитія болгарскаго народа и при его привычкѣ пассивнаго подчиненія начальству, выборы должны всегда оканчиваться благопріятно для правительства и безъ всякихъ насилій,—если, конечно, этими выборами не затрогиваются жизненные и непосредственно понятные народу его интересы...

Такъ или иначе, свободные выборы дали Радославову преданное ему въ своемъ большинствѣ народное собраніе, съ помощью котораго онъ могъ приступить къ ликвидаціи оставленнаго Стоиловымъ наслѣдства. Читатель знаетъ изъ газетъ, какое было это наслѣдство, какой ужасный финансовый кризисъ тяготѣлъ надъ страной, угрожая ей настоящимъ банкротствомъ. Но ни Радославовъ, ни его друзья и приверженцы не отступили передъ задачею, оказавшеюся непосильною для ихъ предшественниковъ, и смѣлость ихъ, въ концѣ концовъ, увѣнчалась успѣхомъ. Рядомъ рѣшительныхъ и, можно сказать, героическихъ мѣръ, опасныхъ при нормальномъ ходѣ вещей, но оправдывавшихся критическими условіями настоящаго, народному собранію удалось устранить—если не окончательно, то временно—грозный кризисъ и спасти репутацію Болгаріи. Это — третья, тоже неожиданная заслуга Радославова передъ своею страною.

Теперь народное собраніе распущено, и до будущаго сентября Радославовъ остается господиномъ положенія, свободнымъ отъ интерпелляцій и нападокъ оппозиціи. Онъ вышелъ съ честью изъ тяжелыхъ испытаній; ему вѣрно его большинство; его готовы поддерживать народныя массы; предубѣжденіе противъ него начинаетъ замѣтно ослабѣвать даже среди интеллигенціи. Казалось

бы, его положеніе можетъ считаться вполнѣ прочнымъ? Ничуть не бывало: сегодня онъ крѣпко сидитъ на своемъ мѣстѣ, но завтра отъ него можетъ не остаться и слѣда. Такимъ образомъ, мы возвращаемся къ тому, съ чего начали: въ болгарской политикѣ нѣтъ мѣста не то что болѣе или менѣе отдаленнымъ предсказаніямъ, но и просто увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Не смотря на несомнѣнный прогрессъ, замѣчаемый въ политическомъ пониманіи народной массы и въ сознательномъ отношеніи ея къ своимъ правамъ и къ своимъ интересамъ; не смотря на несомнѣнное смягченіе политическихъ нравовъ, выражающееся хотя бы въ томъ, что теперь рѣже слышишь о партизанскомъ отношеніи къ чиновничеству, объ избіеніяхъ въ участкахъ, о бушующихъ по улицамъ шайкахъ и т. п., страна, очевидно, далеко еще не усвоила ни элементарныхъ формъ конституціонной жизни, ни—тѣмъ менѣе ея внутренняго смысла и содержанія. Въ ней нѣтъ ни установившихся политическихъ традицій, ни опредѣленныхъ парламентскихъ формъ, ни партій, которыя отличались бы одна отъ другой политическими принципами и практическими программами, ни, наконецъ, главнаго регулятора политической жизни,—общественнаго мнѣнія. Свободныя отъ контроля этого послѣдняго, ея партіи или, вѣрнѣе, мелкія политическія группы, отличающіяся одна отъ другой, главнымъ образомъ, по имени своего вождя—руководятся въ своей дѣятельности не идеалами будущаго, а воспоминаніями прошлыхъ сраженій, традиціями взаимной вражды и нетерпимости. Единственное, что связываетъ ихъ, это—еще большая вражда къ той партіи, которая стоитъ у кормила правленія, а съ другой стороны—готовность во всякую данную минуту войти въ любую партійную комбинацію, если только такая комбинація обѣщаетъ власть. Внѣ этихъ мотивовъ между ними нѣтъ ничего общаго—я исключаю, конечно, область патріотизма—и они представляютъ собою хаосъ переплетающихся теченій, въ которыхъ трудно разобраться и еще труднѣе распредѣлить между ними свои симпатіи и антипатіи.

А надъ этимъ хаосомъ возвышается единственная пока прочная, послѣдовательная и сознательная сила—корона, представляемая княземъ Фердинандомъ. Медленно, но настойчиво и неуклонно превращался этотъ умный, разсчетливый и осторожный внукъ Людовика Филиппа изъ безгласной тѣни, которою онъ былъ въ желѣзной рукѣ Стамбулова, въ главный факторъ политической жизни Болгаріи. Пользуясь съ замѣчательнымъ искусствомъ слабыми сторонами болгарскаго конституціонализма, съ его безплоднымъ партизанствомъ и погонею за властью, поочередно поддерживая и компрометируя въ глазахъ народа то одну, то другую партію и не отнимая окончательно надежды ни у одной, ловко лавируя между мѣстными Сциллами и Харибдами, онъ, въ концѣ концовъ, успѣлъ добиться своей завѣтной цѣли—признанія Турціи и Европы.

Съ этого момента усиленіе его значенія и во внѣшней, и во внутренней жизни страны идетъ все быстрѣе и быстрѣе. Не особенно гоняясь за популярностью, которая не помогла князю Александру быть изгнаннымъ его же собственными любимцами офицерами, онъ предпочитаетъ иные пути упроченія своей власти и династіи. Онъ создаетъ вокругъ себя обширную кліентелу людей, связанныхъ съ нимъ матеріальными интересами; онъ подчиняетъ себѣ армію; онъ забираетъ въ руки всѣхъ вождей партіи, всѣхъ кандидатовъ въ министры, прекрасно понимающихъ, что безъ него ихъ мечта никогда не осуществится и потому готовыхъ на все ради „княжескаго фавора“ и, въ концѣ концовъ, умѣло сохраняя всѣ конституціонные аппараты, становится все болѣе и болѣе неограниченнымъ распорядителемъ судебъ своей страны.

Такимъ образомъ въ современной политикѣ Болгаріи совершаются два идущіе параллельно, но прямо противоположные другъ другу процесса. Одинъ заключается въ медленномъ, но несомнѣнномъ подъемѣ сознательности и политическаго развитія въ народныхъ массахъ и конституціоннаго пониманія въ молодой части интеллигенціи; другой—въ систематическомъ и пока почти не встрѣчающемъ ни въ чемъ сопротивленія ростѣ „прерогативъ короны“, или, говоря проще, вліянія княжеской власти, которая постепенно присваиваетъ себѣ чуть не всѣ аттрибуты конституціоннаго народовластія. Эти два процесса идутъ навстрѣчу другъ другу, и столкновеніе между ними кажется неизбѣжнымъ. Произойдетъ-ли оно? Чѣмъ оно кончится? Вотъ вопросы, на которые не трудно было бы отвѣтить, если бы Болгарія жила своею изолированною жизнью, внѣ вліяній международной политики. Но современная Болгарія еще не закончила процесса своей государственной эволюціи; передъ нею еще стоятъ неразрѣшенными задачи внѣшней политики, передъ громаднымъ значеніемъ которыхъ блѣднѣютъ всякіе процессы, совершающіеся внутри ея. Возьмите хотя бы одинъ македонскій вопросъ. Не ясно-ли, что то или иное его рѣшеніе—дипломатическими и иными усиліями правительства, (иными словами, князя), или революціоннымъ путемъ спонтанейнаго возстанія—можетъ сразу перевернуть вверхъ дномъ внутреннюю политику Болгаріи и дать ей совершенно неожиданное направленіе.

А какъ рѣшится македонскій вопросъ? Не знаю, какъ кто, но я не берусь разгадывать эту загадку сфинкса и предпочитаю ждать событій, тѣмъ болѣе, что ждать ихъ едва-ли придется долго...

И—въ.

Изъ Англіи.

I.

Историческія событія повторяются. Древній Римъ... Колизей набитъ до верхнихъ галлерей. Наемный гладіаторъ только что сразилъ противника, котораго „колѣна скользятъ во прахѣ и крови". Побѣдитель замахнулся мечомъ и взглянулъ на галлереи: не раздастся ли тамъ приказъ о пощадѣ? Но толпа, опьяненная кровью, опустила большой палецъ. „Добей его!" раздаются всюду крики. И гладіаторъ опускаетъ мечъ.

Колизей теперь—это вся биржа, все царство биржевого капитала и вся большая публика, опьяненная кровью и сообщеніями о недавнихъ побѣдахъ. Наиболѣе осторожные наемные гладіаторы, только что хвалившіе маленькій героическій народъ, говорятъ объ умѣренности; но со всѣхъ галлерей раздается одинъ крикъ: „добей его!" Джинго составляютъ митинги для того, чтобы убѣдить правительство идти до конца и истребить окончательно республики. Присяжный пѣвецъ имперіализма Киплингъ пишетъ коментаріи къ книгѣ царей и доказываетъ, что всѣхъ мятежниковъ нужно карать пулей и веревкой. Такъ повелѣлъ Господь Самуилу. Изъ англиканскихъ церквей несется тотъ же вопль: „добей его!" Кощунственно цитируются стихи Библіи для доказательства, что государство обязано истребить „смердящихъ псовъ", т. е. бургеровъ, ихъ женъ и дѣтей, защищающихъ родной очагъ. Да, и женъ! Теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что женщины принимаютъ участіе въ рядахъ бургеровъ. Исторія отмѣтитъ, безъ сомнѣнія, позорное отношеніе священниковъ англиканской церкви къ этой войнѣ. Кто является зрителями въ новомъ Колизеѣ? Въ каждой странѣ капиталъ можетъ быть въ трехъ видахъ: капиталъ промышленный, торговый и биржевой. Промышленный капиталъ требуетъ рынковъ съ богатыми, а потому *свободными* покупателями. Промышленному капиталу, въ силу этого, нужны колоніи со свободнымъ, зажиточнымъ населеніемъ. Промышленный капиталъ, въ силу этого, противъ рабства въ колоніяхъ. Торговый капиталъ оперируетъ въ колоніяхъ и извлекаетъ оттуда продукты, идущіе въ метрополію. Этому капиталу нуженъ дешевый трудъ и безконтрольное владычество надъ трудомъ. Въ силу этого, торговый капиталъ вводитъ съ циничной откровенностью рабство въ колоніяхъ. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить добыча алмазовъ и золота въ южной Африкѣ.

Когда въ странѣ накопляется изобиліе денегъ, становится бо-

лѣе не выгоднымъ помѣщать ихъ въ промышленныя предпріятія; тогда капиталъ идетъ или въ иностранныя предпріятія, или на биржу. Промышленный капиталъ требуетъ извѣстной свободы для своего развитія; биржевой капиталъ — хищникъ; его операціи — темны, рѣдко не стоятъ на чертѣ между легальностью и преступленіемъ и очень часто переступаютъ ее. Чтобы биржевой капиталъ могъ оперировать, ему нужна продажная пресса, „клерджимэны", которые бы умѣли „хорошо" цитировать Библію, нужна, наконецъ, *масса,* „чернь", коль хотите, т. е. толпа людей, которые занимаютъ среднее мѣсто между сознательнымъ работникомъ и между интеллигенціей. И эта война является поучительной страницей изъ исторіи биржевого капитала и иллюстраціей „большой публики". Пока нельзя еще сказать, что „Troja lag in Schutt und Staub"; но большая публика празднуетъ побѣду. Прислушиваясь къ ликованіямъ, можно подумать, что свершилось уже то событіе, которымъ джинго пугаютъ другъ друга. Можно подумать, что коалиція европейскихъ державъ уже сдѣлала десантъ въ Англіи, и десантъ этотъ отбитъ. Трудно сочетать эти чрезмѣрныя ликованія съ чрезмѣрнымъ неравенствомъ силъ воюющихъ. Мужчины теперь, разговаривая съ вами, вдругъ начинаютъ цѣлиться изъ палки. Это они соображаютъ, какъ бы снесли бура. Дамы во время five o'clock tea обсуждаютъ достоинство штыковаго удара. Иногда отъ средней публики можно услышать совершенно своеобразную мотивировку войны.

— Да какъ же этихъ гадкихъ буровъ не бить!—сказала знакомая дама.—Знаете ли вы, сколько у нихъ „чопъ" (баранья котлета) стоитъ?—Два шиллинга.

Посѣщеніе театра и, въ особенности, „мюзикгалла", переноситъ теперь зрителя въ доисторическія времена. Ему кажется, что онъ не въ театрѣ, а на большой военной пляскѣ дикарей вокругъ костра, возлѣ котораго лежитъ связанный плѣнникъ. Въ „Альгамбрѣ" (въ одномъ изъ лондонскихъ театровъ), напр., огромный успѣхъ имѣетъ теперь нѣкто Фрэнкъ Фулшэмъ. Онъ выходитъ на сцену въ мундирѣ, въ „хаки", желтый цвѣтъ котораго сталъ теперь моднымъ, и подъ музыку въ одну минуту рисуетъ портреты и картины. Набросаетъ портретъ „Бобса" (генерала Робертса) и весь театръ въ бѣшеномъ восторгѣ: всѣ кричатъ „ура!", поютъ „God save the Queen". За Робертсомъ является Крюгеръ, и раздается оглушительный свистъ. Рисовальщикъ уходитъ на время за кулисы, потому что на сцену, въ портретъ, летятъ камни, яблоки, палки и т. д. Публика гудитъ, реветъ, воетъ, ругается. Портретъ принимается за живое существо.

Но вотъ рисовальщикъ набрасываетъ картину, которая пользуется наибольшимъ успѣхомъ: англійскій солдатъ закалываетъ штыкомъ бура. Подпись гласитъ: „Месть за Маджубу!" Театръ превращается въ пандемоніумъ: ревъ и патріотическіе крики

принимаютъ угрожающій характеръ. Этой толпѣ теперь мало пѣть „God save the Queen“ или „Вотъ солдаты королевы“. Ей нужно было бы кого нибудь поймать, изломать, избить!

И такими объектами являются „про-буры“, т. е. всѣ сторонники мира. Цѣлый рядъ мирныхъ митинговъ былъ сорванъ правильно организованной толпой буяновъ. О каждомъ изъ такихъ митинговъ джингоистская пресса сообщала заранѣе и совѣтовала „патріотамъ“ не давать „сѣять измѣну“. Патріоты являлись, брали приступомъ залъ и громили тамъ все; такіе разгромы произошли въ десяткѣ городовъ. Въ одномъ мѣстѣ, въ Скарборо, безпорядки приняли такой угрожающій характеръ, что пришлось вызвать войска и прочесть „актъ о мятежѣ“. „Про-буры“ подвергаются подчасъ серьезной опасности. Вотъ выдержка изъ „West Sussex Gazette“. Обыватель маленькаго городка, извѣстный своими „про-бурскими“ симпатіями, зашелъ къ цирюльнику побриться. По условленному сигналу „патріоты“ кинулись на „пробура“, вытащили его изъ цирюльни, вымазали дегтемъ съ головы до ногъ, уложили въ гробъ и затѣмъ понесли его, распѣвая похоронныя пѣсни. Въ маленькихъ городкахъ полиціи очень мало: два три полисмэна. Въ силу этого, несчастный долго пролежалъ въ гробу, покуда его освободили. За Кронрайтомъ Шрайнеромъ, мужемъ извѣстной писательницы Оливъ Шрайнеръ, устроили систематическую охоту. Его выслѣживали въ каждомъ городѣ, а въ Скарборо чуть-чуть не убили. Шрайнеръ пріѣхалъ лектировать въ Англіи „объ условіяхъ, при которыхъ возможенъ прочный миръ въ Южной Африкѣ“. „Daily Mail“, гнусная вдохновительница улицы, намекала въ своихъ статьяхъ о судѣ Линча.

„Дозволять безпрепятственно про-бурамъ возбуждать общественныя страсти, позорить родину и давать матеріалъ иностранцамъ,—значитъ, доводить до абсурда понятіе о свободѣ печати,—писала газета.—Въ Америкѣ, при подобныхъ обстоятельствахъ, про-бура вздернули бы на первый фонарный столбъ. Такимъ образомъ толпа выразила бы тамъ свое негодованіе“.

По поводу сорванныхъ митинговъ и по поводу того, что толпа врывается въ частныя помѣщенія,—былъ сдѣланъ запросъ въ парламентѣ. Бальфуръ отвѣтилъ, что отвѣтственность за безпорядки лежитъ не только на мѣстныхъ властяхъ и на тѣхъ, кто буянилъ, но также и на тѣхъ, кто устраивалъ митинги. „Нужно имѣть въ виду,—продолжалъ Бальфуръ,—что общественное мнѣніе сильно возбуждено въ настоящее время.... Устраивающіе митинги должны принимать во вниманіе, что люди—все же только человѣки и что негодованье не всегда можетъ быть обуздано“. Одному изъ крайнихъ джинго въ парламентѣ, коммонеру Бартли, показалось, что Бальфуръ выразился слишкомъ мягко, и онъ постарался оттѣнить слова лидера палаты.

„Нашъ народъ поступаетъ крайне похвально, когда проявляетъ

свое негодованіе. Онъ доказываетъ міру, что мы, патріоты, всѣ за одно, что теперь вся Англія, кромѣ горсти агитаторовъ и негодяевъ, желаетъ войны. Я въ восторгѣ, что духъ патріотизма (т. е. разгромъ квартиръ) проявился во многихъ городахъ, и желаю, чтобы онъ проявился во всей Англіи". Этотъ призывъ къ толпѣ бить ораторовъ, высказывающихъ мнѣнія, не нравящіяся министерству, встрѣтилъ отпоръ со стороны самихъ же тори, находящихся внѣ сферы вліянія биржевого капитала. Многіе изъ нихъ, какъ, напр., Дайси, крайній тори и защитникъ политики министерства, выступилъ адвокатомъ „про-буровъ", доказывая, что они имѣютъ неотъемлемое право выражать свое мнѣніе. Впрочемъ, „про-буры", повидимому, рѣшили теперь бороться тѣмъ же оружіемъ, что и буяны. Организованы спеціальные отряды атлетовъ для защиты митинговъ отъ нападенія буяновъ. Послѣдніе митинги прошли вполнѣ благополучно.

Нужно полагать, что патріотическое увлеченіе массы становится на практическую почву, судя по слѣдующему факту, по крайней мѣрѣ. Ивернесширская милиція (1000 человѣкъ) была мобилизирована въ Альдершотѣ. Милиціонеры согласились отправиться на службу заграницу; это значитъ — въ Мальту или въ Гибралтаръ. Ивернесширская милиція самая лучшая въ Англіи; ей предложили отправиться на службу въ Южную Африку. Милиціонеры отказались. Полковникъ сталъ убѣждать. Тогда полкъ попросилъ день на размышленіе. На другой день уполномоченные отъ всего полка заявили, что они готовы, пожалуй, отправиться въ Южную Африку, если правительство дастъ имъ всѣмъ паи въ золотыхъ пріискахъ, когда Трансвааль будетъ покоренъ. Предложеніе не было принято.

Теперь джинго торжествуютъ побѣду. Въ общемъ ликованіи тонутъ вопли безчисленныхъ вдовъ и сиротъ:

«In das wilde Fest der Freuden
Mischten sie den Wehgesang,
Weinnend um das eigne Leiden» *)

До сихъ поръ изъ строя выбыло около 20 тысячъ человѣкъ, а война еще на половину не окончена. Въ своей недавней поэмѣ Киплингъ говоритъ, что война спаяетъ двѣ націи; что онѣ, безъ злобы, станутъ вспоминать потомъ борьбу. Побѣды поведутъ къ наступленію царства всеобщей любви. Въ комедіи „Сонъ въ лѣтнюю ночь" Тезей говоритъ царицѣ амазонокъ: „Я овладѣлъ тобою, Ипполита! Моимъ мечомъ, враждой я пріобрѣлъ твою любовь". Только въ комедіи, да на придачу, въ фантастической—это возможно. Знатоки страны и логика говорятъ намъ, что битвы и

*) Къ торжеству дикой радости они примѣшиваютъ траурные напѣвы, вызванные собственными страданіями.

насиліе поведутъ въ Южной Африкѣ не къ примиренію, а къ ненависти. „Если Англія вступитъ въ Трансвааль, то не иначе, какъ по трупамъ лучшихъ гражданъ его, — говоритъ д-ръ Тилъ, авторъ капитальной исторіи Южной Африки.—Когда населеніе увидитъ, что побѣждено, оно уничтожитъ села и города и укочуетъ въ германскія или-же въ португальскія владѣнія, чтобы тамъ подготовлять мщеніе. Ненависть народа, прогнаннаго съ родной земли, никогда не ослабѣетъ... Въ Европѣ женщины являются наиболѣе горячими сторонниками мира,—продолжаетъ д-ръ Тилъ.— Въ Южной Африкѣ женщины всегда за борьбу за независимость. Жены и матери въ Трансваалѣ убѣждаютъ своихъ мужей и сыновей сражаться до конца съ врагомъ... Женщины тамъ являются носительницами великихъ легендъ. Отъ своихъ матерей маленькія дѣти, вмѣсто сказокъ, слышатъ разсказы о томъ, какъ ихъ предки боролись съ полчищами герцога Альбы, о томъ, какъ они рѣшили скорѣе затопить свою страну, чѣмъ сдать ее врагу. Дѣти слышатъ разсказы „о великомъ походѣ", когда отцы и дѣды бросили дома и земли и ушли въ пустыню, чтобы не подчиниться англичанамъ. Эти разсказы, и безъ того величественные, принимаютъ еще въ устахъ женщинъ легендарный характеръ. Трансваальцы теперь считаютъ Чэмберлэна и Родса—Альбой. Намъ, англичанамъ, достанется лишь пустыня въ такомъ видѣ, въ какомъ она была до тѣхъ поръ, покуда явились буры".

Авторъ предостерегаетъ свою страну отъ приговора исторіи; но, повидимому, на большую публику этотъ приговоръ не имѣетъ вліянія. Джинго говорятъ: „Теперь иное время. Событія древняго Карѳагена и московскаго похода не повторятся. Своего добра никто не уничтожаетъ, оно дорого всякому. Не истребятъ городовъ также и буры, въ особенности если отданы будутъ соотвѣтствующія распоряженія: Робертсъ, напр., можетъ пригрозить, что повѣситъ Крюгера и всѣхъ вождей, если города будутъ разрушены. Послѣ войны буры помирятся со своей участью. Пусть лишь „юніонъ-джэкъ" (англійскій флагъ) станетъ развѣваться надъ Преторіей, и тогда въ Южной Африкѣ наступитъ всеобщій миръ. Про-буры только пугаютъ людей несуществующими страхами." Такъ говорятъ джинго. Факты говорятъ, что оптимизмъ ихъ чрезмѣренъ; до окончанія войны еще далеко. Не смотря на взятіе Блюмфонтейна, возможно еще плѣненіе отрядовъ и пушекъ въ 18 миляхъ отъ занятаго города. А между тѣмъ Робертсъ сообщалъ, что Оранжевая республика уже стерта съ карты. Но предположимъ, что Трансвааль будетъ взятъ. Предположимъ, что партизанская война, которая, вѣроятно, будетъ упорна и продолжительна,—окончилась. Какъ же тогда будетъ возстановленъ миръ? Возможно ли, что побѣда привлечетъ въ Южную Африку *постоянное* англійское населеніе, которое на выборахъ возьметъ верхъ надъ голландцами? Ибо даже крайніе джинго признаютъ, что по-

кореннымъ республикамъ, превращеннымъ въ англійскія колоніи, должна быть дана широкая автономія. На всѣ эти вопросы мы находимъ отвѣтъ въ только что вышедшей книгѣ Гобсона „The war in South Africa“, съ которой я познакомлю теперь читателей.

II.

Прежде, чѣмъ обсуждать, какая форма правленія наиболѣе соотвѣтствуетъ Южной Африкѣ, необходимо выяснить политическіе и экономическіе проспекты страны. Каково число голландцевъ и англичанъ въ колоніяхъ? Возможно ли, что ближайшее будущее доставитъ побѣду англійской расѣ надъ голландской? Какова будущность горной промышленности въ Южной Африкѣ и въ частности въ Трансваалѣ? На сколько хватитъ тамъ золота? Возможно ли земледѣльческое развитіе страны, и если да, то какую роль при этомъ будутъ играть англійскіе колонисты? Какое вліяніе окажутъ инородцы на рабочій рынокъ? Выясненіе этихъ важныхъ вопросовъ даетъ намъ ключъ къ пониманію многихъ явленій.

Прежде всего, выяснимъ числовое отношеніе расъ въ Южной Африкѣ, хотя сдѣлать это довольно трудно. Ни въ колоніяхъ, ни въ республикахъ не было сдѣлано ни разу попытки отмѣтить при переписяхъ національность населенія. Отмѣчена лишь религія. Въ капской колоніи по статистическимъ даннымъ 1891 года числилось:

Протестантовъ	356,961
Католиковъ.	14,853
Евреевъ.	3,007
Магометанъ	31
	374,852

Изъ протестантовъ 228,627, или 60,65°|, принадлежали къ голландской церкви. Если мы предположимъ, что всѣ остальные протестанты англичане, если мы присоединимъ еще сюда всѣхъ католиковъ и евреевъ, хотя среди послѣднихъ много иностранцевъ, то мы получимъ 228,627 голландцевъ противъ 146,224 англійскихъ подданныхъ. Въ Наталѣ нѣтъ статистики даже по религіямъ, такъ что мы совершенно не можемъ опредѣлить процентнаго отношенія голландцевъ къ англичанамъ. Предполагается, однако, что изъ 61,000 населенія, числившагося въ 1898 г., большинство англичане. По всей вѣроятности, въ этой колоніи около 10 тысячъ голландцевъ. Лучшимъ источникомъ для статистики Трансвааля считается Staats Almanak. По немъ все бѣлое населеніе республики равняется 288,750 ч. Въ „Ежегодникѣ“ мы находимъ также списокъ бургеровъ, т. е. всѣхъ мужчинъ отъ 16—60 лѣтъ.

Таких 29,279. Если допустить, что процентное отношеніе половъ и возрастовъ въ Трансваалѣ такое же, какъ въ колоніяхъ, то все голландское населеніе можно считать въ 125,000. Уитлэндеровъ, значитъ, будетъ 163,750. Среди послѣднихъ много нѣмцевъ, евреевъ, американцевъ и т. д. Англичанъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть больше 100,000; но возьмемъ максимальный максимумъ—120,000. Въ Оранжевой республикѣ по переписи 1891 г. населенія было 77,716 ч. Національность ихъ мы, опять таки, приблизительно лишь можемъ опредѣлить по религіямъ. 68,940 принадлежали къ голландской церкви. Къ этой церкви принадлежитъ, вѣроятно, половина изъ тѣхъ 3,970 ч., которые не указали вѣроисповѣданія. Предположимъ, что всѣ остальные—англичане, хотя въ Оранжевой республикѣ много католиковъ, евреевъ и т. д. Мы получимъ, что въ республикѣ 70,925 голландцевъ и 6791 англичанинъ. Такимъ образомъ, слѣдующая таблица даетъ намъ представленіе о голландскомъ и англійскомъ населеніи въ Южной Африкѣ:

	Англичанъ.	Голландцевъ.
Въ Капской колоніи.	146,224	228,627
„ Наталѣ	51,000	10,000
„ Трансваалѣ.	120,000	125,000
„ Оранжевой республикѣ . .	6,791	70,925
	324,015	434,552

Выводъ слѣдующій: въ Южной Африкѣ голландское населеніе численностью превосходитъ англійское. Результаты эти крайне важны. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны явится обостренное отношеніе между двумя расами; между ними выроется громадная пропасть. Такъ какъ колоніямъ дано будетъ самоуправленіе, то, естественно, въ парламентахъ голландцы возьмутъ верхъ, они будутъ стоять у власти. Лишь въ одномъ Наталѣ англичане одержатъ верхъ на выборахъ. Если всѣ южно-африканскія колоніи будутъ соединены, какъ Канада, въ одну федерацію, то африкандеры станутъ контролировать правительство.

Но говорятъ, что лишь только главенство Англіи будетъ утверждено въ Юж. Африкѣ, туда нахлынутъ англійскіе колонисты. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ голландцы уже не будутъ составлять большинства. Мнѣ приходилось уже говорить, что Родезія имѣетъ очень мало шансовъ на то, что населеніе ея когда либо увеличится. Эта громадная тропическая страна рѣшительно не годна ни для бѣлыхъ, ни для черныхъ засельщиковъ. Говорящіе объ увеличеніи англійскаго населенія въ Южной Африкѣ имѣютъ въ виду собственно Трансвааль. Статистика доказываетъ, что голландцы размножаются быстрѣе англичанъ. Голландцы женятся очень рано, въ 17—18 лѣтъ; въ силу этого, не смотря на значительную смертность дѣтей, семьи у нихъ всегда большія. Во

многихъ странахъ въ деревняхъ населенiе увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ городахъ. Въ Южной Африкѣ мы видимъ совпаденiе экономическаго фактора съ расовымъ. Англичане, по преимуществу, горожане; голландцы же—деревенскiе жители. До сихъ поръ двѣ расы рѣзко раздѣлялись по занятiямъ. Землепашество, скотоводство и воспитыванiе страусовъ представляетъ очень мало привлекательнаго для англичанъ. Хотя въ Наталѣ, гдѣ почва крайне благопрiятствуетъ устройству громадныхъ фермъ, англiйскiе колонисты живутъ въ значительномъ числѣ,—англичане не проявляютъ ни малѣйшаго желанiя селиться въ республикахъ или въ Капской колонiи. До сихъ поръ „настоящимъ“ и единственнымъ засельщикомъ Южной Африки былъ голландецъ. Англичанинъ же является бродягой, который кочуетъ изъ Кэптауна въ Кимберлей, а оттуда въ Iоганесбургъ и Булавэйо, мѣняя каждый разъ занятiе, сообразно съ запросомъ момента. Не только въ Трансваалѣ, но во всей Южной Африкѣ мы наблюдаемъ рѣзкую разницу между голландцемъ и англичаниномъ „африкандеромъ“. Первый съ незапамятныхъ временъ оторвался уже совершенно отъ Европы. Единственной родиной для него является Южная Африка. Англичанинъ-африкандеръ, хотя бы три поколѣнiя его предковъ жили въ Южной Африкѣ, считаетъ единственной родиной Англiю и всегда думаетъ о томъ, какъ бы возвратиться туда.

„Фактъ этотъ имѣетъ огромное политическое значенiе,—говоритъ Гобсонъ.—Считающiе Южную Африку своей единственной родиной и крѣпко пустившiе корни тамъ, всегда будутъ имѣть на страну болѣе сильное влiянiе, чѣмъ временные жители, слабо привязанные къ ней. Абсолютно несправедливо, чтобы судьба страны находилась въ рукахъ перелетныхъ птицъ. Политическая сила голландца африкандера является послѣдствiемъ не только того, что онъ представитель болѣе многочисленной расы, но также того, что всѣ голландцы солидарны.—Если англичане желаютъ быть господствующей расой въ Южной Африкѣ не только въ силу завоеванiя и не только при помощи штыковъ, то для этого есть лишь одинъ путь: иммиграцiя лицъ, желающихъ заняться земледѣлiемъ и имѣющихъ намѣренiе развить промышленность страны. Переселенцы англичане должны образовать постоянную (а не кочевую) расу африкандеровъ“. Возможно-ли это? Отвѣтъ мы найдемъ въ разсмотрѣнiи главныхъ источниковъ дохода страны. Но прежде познакомимся со взглядами на расовой вопросъ другого спецiалиста—Кронрайта Шрайнера, мужа извѣстной писательницы Оливъ Шрайнеръ, хорошо извѣстной и у насъ въ Россiи.

Кронрайтъ Шрайнеръ гораздо болѣе рѣшителенъ въ своихъ выводахъ, чѣмъ Гобсонъ. Онъ говоритъ, что „африкандеры“ англичане и голландцы составили уже одну расу, которая рѣзко противъ войны. Самъ Шрайнеръ—африкандеръ. Онъ прiѣхалъ въ Англiю для того, чтобы лектировать „объ условiяхъ, при кото-

рыхъ продолжительный миръ возможенъ въ Южной Африкѣ". Отношеніе джингоистской прессы къ нему было позорное. Не только въ такихъ литературныхъ хлѣвахъ, какъ „Sun" или же „Daily Mail", но и въ *Times*'ѣ появились замѣтки о томъ, что „буръ" (между прочимъ, Шрайнеръ—англійскій подданный) имѣетъ наглость появиться на платформѣ предъ англичанами. Внушалось, что „патріоты" не должны потерпѣть этого. Въ результатѣ цѣлый рядъ митинговъ былъ сорванъ. „Патріоты" забирались въ залъ по поддѣльнымъ билетамъ, громили все и брали приступомъ эстраду. Серьезные безпорядки произошли въ цѣломъ рядѣ городовъ: въ Шефильдѣ, Іоркѣ, Глостерѣ, Гайбери, Лейстерѣ, Данди, Эдинбургѣ, Глазго, Стратфордѣ на Авонѣ и пр. Во всѣхъ этихъ городахъ залы, въ которыхъ состоялись митинги, были разгромлены; во всѣхъ этихъ городахъ буяны разнесли квартиры всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые были заподозрѣны въ „про-бурскихъ" симпатіяхъ. Во многихъ городахъ Шрайнеръ подвергался серьезной опасности. Не разъ, какъ преступника, друзья тихонько отвозили его на станцію желѣзной дороги. Наиболѣе серьезные безпорядки произошли въ Скарборо, въ Іоркширѣ. Тамъ разгромъ, учиненный патріотами, принялъ такіе размѣры, что пришлось вызвать войска и прочесть „законъ о мятежѣ". Въ Стратфордѣ на Авонѣ (на родинѣ Шекспира) „патріоты", разгромивъ частную квартиру лица, у котораго гостилъ Шрайнеръ, явились со знаменами и съ пѣньемъ „God Save the Queen" къ божеству англійскихъ „дикарей высшей культуры",—къ госпожѣ Маріи Корелли, романисткѣ, приводящей свою публику въ восторгъ матеріями изъ міра, лежащаго за четвертымъ измѣреніемъ. Г-жа Корелли вышла на балконъ и сказала, что если бы Шекспиръ воскресъ, онъ присоединился бы теперь къ патріотамъ.

Но ни угрозы, ни насилія не испугали Шрайнера. Тогда „Daily Chronicle, органъ ренегатовъ, заявилъ: „если Шрайнеръ будетъ продолжать читать свои лекціи, не смотря на негодованіе патріотовъ, то у насъ будетъ основаніе предполагать, что у него есть какіе-то другіе мотивы, помимо желанія абсолютной истины". Другими словами это значитъ: „если побои не могутъ зажать вамъ ротъ, мы попытаемся сдѣлать это клеветой". Посмотримъ же, какія ужасныя вещи проповѣдывалъ Кронрайтъ Шрайнеръ. „Граждане Великобританіи не сознаютъ, что въ Южной Африкѣ создалась новая раса, которая не можетъ быть названа ни голландской, ни англійской, но является смѣсью обѣихъ расъ",—говоритъ Шрайнеръ.—Раса эта имѣетъ отличительныя черты обѣихъ національностей, измѣненныя окружающими условіями. Въ новой расѣ течетъ небольшая примѣсь крови другихъ народностей, главнымъ образомъ, нѣмецкой. Выходецъ изъ Англіи женится въ Южной Африкѣ и устраивается хозяйствомъ на другой сторонѣ земного шара. Новая семья будетъ южно-африканской. Принято,—

говоритъ Шрайнеръ, — дѣлить населеніе южной Африки на англійское и голландское. Это — слишкомъ примитивный способъ классификаціи населенія, который болѣе уже не годится. Приведемъ, однако, цифры, показывающія приблизительно двѣ расы, сливающіяся въ одну. Въ Капской колоніи, въ Трансваалѣ, въ Оранжевой республикѣ и въ Наталѣ, въ круглыхъ цифрахъ, около 800 тысячъ бѣлыхъ. Изъ нихъ, по вычисленіямъ Шрайнера 440 т. голландцевъ и 360 т. не голландцевъ. Изъ 360.000 не-голландцевъ, — продолжаетъ нашъ авторъ, по крайней мѣрѣ 90 тысячъ — не агличане. Такимъ образомъ, изъ 800.000 бѣлыхъ — голландцевъ около 440 тысячъ, а англичанъ 270 тысячъ. Одно населеніе имѣетъ значительный перевѣсъ надъ другимъ. Этотъ перевѣсъ увеличивается, такъ какъ голландцы — осѣдлое населеніе и быстро размножаются. Но эти вычисленія, по мнѣнію автора, не даютъ ключа къ пониманію расоваго вопроса въ южной Африкѣ, такъ какъ демаркаціонная линія между двумя національностями не всюду можетъ быть точно проведена. „Англичане гораздо слабѣе въ южной Африкѣ, чѣмъ показываютъ цифры, а голландцы или точнѣе „африкандеры“— гораздо сильнѣе. Обѣ расы быстро смѣшиваются въ одну, которая уже не голландская и не англійская, хотя говоритъ по англійски. Всѣ африкандеры воспитываются въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ, въ одномъ и томъ же университетѣ. Всѣхъ волнуютъ общія радости и огорченія. Воспитаніе, общность интересовъ, взаимная дружба и смѣшанные браки быстро уничтожаютъ расовыя традиціи и образуютъ одинъ народъ. Сліяніе происходитъ, не смотря на то, что политиканы и капиталисты, въ виду собственныхъ интересовъ, раздуваютъ усиленно гаснущее пламя расовой жизни. Англичане не подозрѣваютъ, что возникаетъ одна раса. Выводъ отсюда слѣдующій: настоящая война является по преимуществу войной междуусобной“. Все равно, какъ если бы Англія воевала съ Шотландіей. Возьмемъ Капскую колонію. Тамъ мы видимъ двѣ партіи: „южно-Африканскую“ и „Родсовскую“. Въ общемъ, во всей южной Африкѣ можно наблюдать борьбу туземнаго бѣлаго населенія съ партіей спекуляторовъ-капиталистовъ. По мнѣнію Шрайнера, изъ 375 тысячъ бѣлыхъ въ Капской колоніи, не менѣе 265 тысячъ принадлежатъ къ южно-африканской партіи и враждебно относятся къ войнѣ. Къ этой партіи принадлежатъ не только лучшіе южно-африканскіе голландцы, но также лучшіе южно-африканскіе англичане. Народъ этотъ—главная сила южной Африки. „Онъ будетъ лояленъ до тѣхъ поръ, покуда съ нимъ будутъ обращаться, какъ со свободнымъ народомъ“. Если раздѣлить населеніе на двѣ партіи, на южно-африканскую и на партію налетныхъ капиталистовъ и тяготѣющихъ къ нимъ, то по вычисленіямъ Шрайнера, изъ 800 тысячнаго населенія — 555.000 относятся враждебно къ той политикѣ англичанъ, ко-

торая повела къ войнѣ. Эта часть населенія полагаетъ, что несправедливая война создана заговоромъ капиталистовъ. Большинство черныхъ, т. е. всѣ тѣ изъ нихъ, которые живутъ осѣдло, того же мнѣнія, что и южно-африканская партія. Кафры отлично знаютъ, что ихъ ждетъ рабство, какъ въ Кимберлеѣ или же въ Родезіи, если партія капиталистовъ возьметъ верхъ. Положеніе становится крайне серьезнымъ, когда англійское правительство желаетъ вести политику, къ которой враждебно относится все постоянное населеніе страны. Африкандеровъ, по словамъ Шрайнера, соединяютъ не только общность интересовъ и священныя узы дружбы и крови, но также горячая любовь къ родной странѣ. „Свойственна ли эта любовь лишь голландцамъ? Отнюдь нѣтъ. Въ южной Африкѣ не мало чистыхъ англичанъ по происхожденію, которые только эту страну считаютъ своей родиной. Канадцы и австралійцы не называютъ себя англичанами. Мы — тоже стали самостоятельнымъ народомъ, африкандерами, переставъ быть англичанами или голландцами“. По словамъ автора, Англія рискуетъ теперь отчудить отъ себя *всю* южно-африканскую расу. „Мы идеализировали Англію; мы любили ее такъ, какъ здѣсь ее никто не любитъ. И что же дала намъ дѣйствительность? Страна, которую мы такъ любили и такъ идеализировали, посылаетъ огромную армію и призываетъ еще на помощь другія колоніи, чтобы растоптать нашу конституцію, чтобы убивать нашихъ друзей и родственниковъ. Люди, никогда не видавшіе южной Африки и не любящіе ее—убиваютъ людей, родившихся тамъ и страстно любящихъ страну. И почему? Потому что шайка капиталистовъ и джинго сбила съ пути Англію. Шайка эта завлекла страну въ тенета. Въ результатѣ будетъ слѣдующее: капиталисты превратятъ всю южную Африку въ Кимберлей, который цѣликомъ вмѣстѣ съ жителями, купленъ Сесилемъ Родсомъ“.

Такимъ образомъ, въ сущности, выводы Гобсона и Шрайнера одни и тѣ же: существованіе населенія, рѣзко враждебнаго къ „перелетнымъ птицамъ“, къ капиталистамъ и свитѣ ихъ. Остается намъ разсмотрѣть, можетъ-ли путемъ иммиграціи англійское правительство, какъ совѣтуютъ джинго, образовать противовѣсъ „мятежнымъ“ голландцамъ и африкандерамъ?

III.

Что можетъ привлекать переселенцевъ въ Южную Африку? До какой степени могутъ быть развиты земледѣліе, горное дѣло и мануфактурная промышленность и могутъ-ли они дать занятія англійскимъ иммигрантамъ? „Тѣ, которые видятъ на картахъ громадныя пространства земли,—говоритъ Гобсонъ,—и знаютъ изъ таблицъ, что въ Южной Африкѣ на каждыя двѣ квад. мили при-

ходится по три человѣка, и что климатъ не вреденъ для бѣлыхъ,— могутъ придти къ заключенію, что страна можетъ быть заселена мелкими англійскими фермерами. Но первое же знакомство съ дѣйствительностью разсѣетъ, какъ дымъ, этотъ оптимизмъ". Во-первыхъ, не только въ Южную Африку, но даже въ Америку не направляется сколько-нибудь замѣтная волна англійскихъ эмигрантовъ земледѣльцевъ. Незначительное число эмигрантовъ, обладающихъ капиталомъ и знаніемъ дѣла, становятся крупными фермерами. Такихъ крупныхъ фермеровъ можно видѣть въ восточныхъ провинціяхъ Капской колоніи и, отчасти, въ Наталѣ, Оранжевой республикѣ и въ странѣ Бэчуэновъ. Здѣсь они достигли значительной степени благосостоянія. Но, въ общемъ, число фермеровъ не велико, и нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что „господство" Англіи надъ республиками привлечетъ туда рѣдѣющее земледѣльческое населеніе Великобританіи. „Даже если бы эмигранты нашлись, почему ихъ должна привлечь Южная Африка? Наиболѣе цѣнныя земли въ колоніяхъ и въ республикахъ уже заняты; что же касается Родезіи, то тамъ вся земля принадлежитъ синдикатамъ, которые усиленно спекулируютъ на нее".

Пространство земли, пригодной не только подъ плугъ, но даже подъ пастбища—очень не велико. Земледѣліе сопровождается бо́льшими трудностями и случайностями, чѣмъ гдѣ бы то ни было на землѣ. Сибирская язва, муха цеце и „лошадиная горячка" періодически уничтожаютъ скотъ; засухи, градъ и саранча губятъ жатву въ цѣлыхъ округахъ. Въ послѣднее время не безъ успѣха пробуютъ бороться съ нѣкоторыми изъ этихъ бѣдствій: противъ сибирской язвы практикуется прививка, противъ саранчи—грибной ядъ. Но борьба стоитъ дорого и, кромѣ того, остается еще не мало такихъ напастей, съ которыми бороться невозможно. Африка страна непріятныхъ сюрпризовъ: постоянно можетъ нахлынуть такая неожиданная бѣда, которая заставитъ англичанина-фермера опустить руки. Значительная часть земли мало плодородна. Въ степяхъ „Кару", чтобы выпасти овцу, требуется шесть акровъ. Въ Оранжевой республикѣ ферма въ 10,000 акровъ (5,000 моргеновъ) едва можетъ прокормить большую семью. Все это едва-ли можетъ привлечь мелкаго англійскаго фермера съ небольшимъ капиталомъ. Англичанинъ долженъ былъ-бы приспособиться къ условіямъ первобытной жизни, что такъ противно ему, и все для того, чтобы получить доходъ, который можетъ удовлетворить лишь бура. Возможно кое-гдѣ скотоводство въ широкихъ размѣрахъ, при условіи, что правительство станетъ конфисковать частныя земли, раздавать ихъ иммигрантамъ и помогать имъ въ значительной степени деньгами. Но все это, конечно, неосуществимо.

Большинство англичанъ, отправляющихся въ Южную Африку, идетъ на пріиски, или же въ города. Такъ, безъ сомнѣнія, бу-

детъ и впредь. „Характеръ страны и жизнь въ ней, — говоритъ Гобсонъ,—не годятся для англійскаго фермера. Это—страна скотоводовъ, гдѣ фермеръ ведетъ уединенную, скучную и монотонную жизнь и гдѣ вся грубая работа выполняется кафрами. Такія „ранчи", разбросанныя въ пустынѣ, никогда не дадутъ занятія многимъ англичанамъ". Въ своей книгѣ „Impressions of South Africa" большой знатокъ страны, Брайсъ говоритъ: „На большой „ранчѣ" число бѣлыхъ и черныхъ работниковъ относятся другъ къ другу, какъ 3:25. И хотя на ранчахъ близь городовъ число бѣлыхъ нѣсколько выше, но все же изъ этого отношенія можно видѣть, какъ мало бѣлыхъ работниковъ могутъ найти занятіе на фермахъ". Земля бѣдна и не благодарна даже въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Во всей Южной Африкѣ лишь одна Оранжевая республика не только производитъ достаточно земледѣльческихъ продуктовъ для собственнаго потребленія, но вывозитъ въ сосѣднія колоніи на 1 милліонъ ф. ст. въ годъ. Но даже и тамъ площадь, засѣянная пшеницей, сравнительно не велика. Пшеница, главнымъ образомъ, сѣется лишь на богатыхъ поляхъ, на границѣ страны Басутовъ. Нѣтъ никакой надежды на то, чтобъ Трансвааль кормился собственнымъ хлѣбомъ. „Лѣтомъ здѣсь пшеница не можетъ расти вслѣдствіе сильныхъ дождей, отъ которыхъ на полосѣ появляется ржа,—говоритъ капитанъ Янгэзсбандъ; зимой же потому, что свѣтитъ лишь солнце, но нѣтъ совсѣмъ дождя".

Громадные размѣры фермъ дѣлаютъ совершенно невозможной общественную жизнь. Семья живетъ вмѣстѣ до тѣхъ поръ, покуда составляетъ маленькій кланъ. Въ большинствѣ же случаевъ фермеры живутъ очень далеко другъ отъ друга, даже безъ сосѣдей. Для англичанина подобная жизнь невозможна, и если мужчины съ трудомъ могутъ переносить ее короткое время, то англичанки питаютъ къ ней рѣшительное отвращеніе. Въ силу этого, теперь можно наблюдать слѣдующее: даже въ англійскихъ колоніяхъ англичане фермеры вытѣсняются голландцами. Въ Южной Африкѣ возникновеніе многочисленнаго класса англійскихъ мелкихъ фермеровъ — невозможно. Невозможно, чтобы классъ этотъ численностью сравнялся съ голландскими фермерами. Путемъ естественнаго подбора, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ буры приспособились къ тяжелымъ условіямъ и привыкли переносить невзгоды, которыя могутъ убить англичанина. Потребности буровъ очень не велики, такъ что бѣдствія, которыхъ такъ много въ Южной Африкѣ, не могутъ лишить фермеровъ всѣхъ источниковъ къ существованію. Надежда на то, что въ Южной Африкѣ возникнетъ сельскохозяйственный районъ, который будетъ питаться продуктами земли и брать въ обмѣнъ англійскую мануфактуру—за хлѣбъ и мясо—совершенно призрачна.

Какова промышленная будущность Южной Африки?

Когда дѣлаются предсказанія о возможномъ быстромъ ростѣ

населенія, имѣются въ виду естественныя богатства страны. Полагается, что ископаемыя богатства привлекутъ, когда страна будетъ принадлежать англичанамъ, многихъ. Тогда голландцы будутъ отодвинуты на задній планъ и англійская раса станетъ господствующей. Насколько основательны эти соображенія? Золото и алмазы являются главными богатствами Южной Африки. Алмазы были открыты въ 1869—1870 г.г. Когда всѣмъ можно было искать ихъ, тогда въ слѣдующія пятнадцать лѣтъ выросъ большой городъ Кимберлей. Соотвѣтственно съ числомъ пріискателей увеличивалось число ремесленниковъ и торговцевъ въ городѣ. Но когда, въ 1885 г., компанія „Дебирсъ“ Сесиля Родса убила частныхъ пріискателей, ростъ города сразу остановился. Съ тѣхъ поръ добыча алмазовъ остановилась на извѣстномъ уровнѣ, повысилась лишь стоимость карата. Съ 1890 г., когда компанія „Дебирсъ“ стала полнымъ властелиномъ всего округа, число бѣлыхъ работниковъ на алмазныхъ пріискахъ стало постоянной величиной (около 1700 ч.).

И компанія рѣшила повидимому закрѣпить добычу алмазовъ на извѣстной цифрѣ (міровой рынокъ требуетъ ежегодно алмазовъ на 40 мил. рублей. Если бы было добыто больше алмазовъ, цѣнность ихъ понизилась-бы). Въ силу этого, лишь опредѣленное число бѣлыхъ работниковъ находятъ себѣ занятіе на алмазныхъ пріискахъ. Судя по всѣмъ даннымъ, компанія имѣетъ въ виду скорѣе сократить число бѣлыхъ и замѣнить ихъ дешевымъ трудомъ черныхъ.

Если какой либо промыселъ привлечетъ англійскихъ работниковъ, то это будутъ золотые, а не алмазные пріиски. Золото добывается теперь въ различныхъ мѣстахъ на югъ отъ рѣки Замбези. Кварцовыя жилы, содержащія золото, были найдены и разрабатывались нѣкоторое время въ Наталѣ, въ странѣ Зулусовъ, Свази, Бечуановъ и въ Капской колоніи. Показанія частныхъ экспертовъ говорятъ, что во всѣхъ этихъ кварцовыхъ жилахъ золота очень немного. На биржѣ сильно спекулировали на золото, которое было найдено въ другихъ мѣстахъ Трансвааля, кромѣ Іоганесбургскаго округа. Впослѣдствіи оказалось, что новыя кварцовыя жилы бѣдны содержаніемъ золота. Изъ сорока пріисковъ въ Де-Каапѣ теперь разрабатывается лишь одинъ, Шеба; остальные всѣ истощились. Слѣдующимъ по богатству, послѣ Уитвотерстрэнда (Іоганесбурга), золотымъ округомъ считается Лиденбургъ. О послѣднемъ спеціалисты говорятъ: „Кварцовая жила въ Лиденбургѣ узка и богатство ея золотомъ далеко не одинаково. Золото очень трудно добывать. Въ общемъ пріискъ разочаровалъ всѣхъ“. Цифры добычи золота съ 1896—1897 г.г. показываютъ, что значеніе всѣхъ округовъ, кромѣ Уитвотерстрэнда, совсѣмъ незначительно.

О будущности Родезіи я говорилъ уже мѣсяца четыре тому

назадъ. Хотя на золото, которое, будто бы, находится въ Родезіи, усиленно спекулировали, но до сихъ поръ всѣ факты говорятъ одно: золота въ Родезіи очень мало, такъ мало, что даже работа никогда не окупится. Всѣ пріиски истощатся раньше, чѣмъ окупится половина стоимости поставленныхъ машинъ. Въ своей книгѣ „The Impressions of South Africa“ Брайсъ такъ рисуетъ будущность страны. „Вѣроятно, хотя трудно сказать навѣрно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ откроются пріиски, которые дадутъ работу нѣсколькимъ тысячамъ черныхъ и нѣсколькимъ сотнямъ бѣлыхъ надсмотрщиковъ. Въ подобномъ случаѣ, возлѣ пріисковъ выростутъ города; земля вокругъ будетъ обработана; желѣзныя дороги проведены; въ городахъ поселятся купцы и ремесленники. Но жизнь этихъ золотыхъ пріисковъ не будетъ продолжительна. Такъ какъ золото находится въ кварцовыхъ жилахъ и лишь изрѣдка въ видѣ розсыпей, то добыча его требуетъ капитала, а потому будетъ производиться компаніями. Извлеченіе всего золота совершится быстро. Затѣмъ, городъ, возникшій въ пустынѣ, обреченъ будетъ на смерть“.

Мы видимъ, что развитіе золотыхъ пріисковъ не привлечетъ въ Южную Африку большого числа англійскихъ работниковъ. Въ сущности, до сихъ поръ изъ всѣхъ золотыхъ пріисковъ лишь одинъ Уитвотерстрэндскій округъ является fait accompli. Политическая будущность Трансвааля и Южной Африки въ значительной степени, такимъ образомъ, зависитъ отъ добычи золота въ этомъ округѣ. Запросъ на трудъ бѣлыхъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока владѣльцы этихъ пріисковъ найдутъ выгоднымъ разрабатывать ихъ. Нужно имѣть въ виду, что мѣстность хорошо изслѣдована; стоимость золота, которое можетъ быть добыто, вычислено приблизительно вѣрно въ круглыхъ цифрахъ: въ 700.000,000 ф. ст. Такъ говорятъ безпристрастные американскіе инженеры, работавшіе по порученію горнаго департамента. Инженеры акціонерныхъ компаній не согласны съ этими разсчетами. Они полагаютъ, что стоимость золота Уитвотерстрэнда равняется 800 мил. ф. ст. Примемъ эту цифру. Съ тѣхъ поръ, какъ разсчетъ былъ сдѣланъ, добыто золота на 50 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, остается еще добыть на 750 милл. ф. ст. На сколько лѣтъ это хватитъ? На 50 или на 60—говорятъ даже оптимисты. Капитанъ Янгэзсбандъ полагаетъ, что округъ просуществуетъ пятьдесятъ лѣтъ, Брайсъ же считаетъ, что пріиски истощатся раньше середины новаго столѣтія.

Недавно владѣльцы пріисковъ заявили, что съ покореніемъ Трансвааля и съ установленіемъ англійскаго главенства не только увеличится прибыль, но возрастетъ также количество добытаго золота. На послѣднемъ фактѣ строятъ свои предположенія также надѣющіеся, что покореніе республикъ привлечетъ много англійскихъ работниковъ, которые возьмутъ верхъ надъ голландцами.

Полагаютъ, что на пріискахъ будетъ большой спросъ на трудъ англичанъ и что въ Іоганесбургѣ тѣ же пріиски привлекутъ много народа, живущаго около пріискателей.

„Если мы возлагаемъ наши надежды на Уитвотерсрэндъ, что онъ привлечетъ большое англійское населеніе въ южную Африку, — говоритъ Гобсонъ,—то предъ нами является такого рода дилемма. Надежды основаны на томъ, что добыча золота будетъ такъ же быстро возрастать, какъ съ 1886 г. Но если добыча будетъ такъ быстро возрастать, то пріиски истощатся гораздо раньше, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ. Черезъ два года въ Уитвотерстрэндѣ будетъ добываться золота не меньше, чѣмъ на 30 мил. ф. ст. въ годъ. Если это станетъ предѣломъ (на что у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ), то черезъ 25 лѣтъ округъ будетъ совершенно истощенъ“. Владѣльцы пріисковъ, повидимому, надѣются добывать въ годъ гораздо больше золота, чѣмъ указанный предѣлъ. Въ 1899 году на пріискахъ работало 100 тысячъ кафровъ. Директоры компаній заявили, что имъ нужно не меньше 150 тысячъ черныхъ. „Если желѣзныя дороги будутъ проведены къ сѣверу; если будетъ установлено болѣе удобное сообщеніе съ португальскимъ берегомъ и обезпеченъ дешевый трудъ черныхъ, то добыча золота быстро возрастетъ; но тогда богатые пріиски будутъ быстро выработаны. Все показываетъ, что дѣло въ широкихъ размѣрахъ, дающее работу многимъ, не можетъ долго продержаться“. Замѣчательная правильность нахожденія золота во всей кварцовой жилѣ, что рѣзко отличаетъ іоганнесбургскій округъ отъ всѣхъ другихъ пріисковъ земного шара,—еще не является гарантіей правильности добычи золота и находящейся въ связи съ этимъ правильности занятій для работниковъ. Владѣльцы пріисковъ не установятъ предѣла, какъ мы это видѣли въ алмазныхъ копяхъ. Тамъ предѣлъ обусловливается тѣмъ, что всякое превышеніе его понижаетъ рыночную стоимость алмазовъ и уменьшаетъ, такимъ образомъ, прибыль. Владѣльцы золотыхъ пріисковъ будутъ стремиться къ тому, чтобы добыть возможно больше золота, если только сумѣютъ достать дешевыхъ и постоянныхъ работниковъ. Единственнымъ экономическимъ тормазомъ возрастанія добычи золота могло бы явиться пониженіе покупательной силы золота (всеобщее повышеніе цѣнъ), когда огромный запасъ его поступилъ бы на монетные дворы различныхъ странъ, но этого врядъ ли можно опасаться.

Знающіе инженеры предвидятъ быстрое повышеніе добычи золота. Инженеръ Холмъ, долго работавшій въ іоганнесбургскомъ округѣ, полагаетъ, что въ ближайшемъ будущемъ пріиски дадутъ занятіе 30 тысячамъ бѣлыхъ и 250 тысячамъ черныхъ. Если это вѣрно, то золота не хватитъ даже на двадцать лѣтъ. Итакъ, теперь мы можемъ формулировать дилемму: если добыча золота быстро увеличится, такъ что понадобится втрое больше бѣлыхъ работниковъ, — пріиски истощатся быстро. Въ такомъ случаѣ,

англичане не могутъ селиться прочно въ странѣ, которая не можетъ дать экономическаго базиса для ихъ существованія. Если, съ другой стороны, добыча золота не будетъ увеличена, и работа можетъ продолжаться 50 лѣтъ, то пріиски не привлекутъ значительнаго числа бѣлыхъ работниковъ. Въ такомъ случаѣ, „господства англичанъ надъ голландцами“ никогда не будетъ. „Постольку, поскольку на основаніи прошлаго можно предсказывать будущее,—говоритъ Гобсонъ,—можно предвидѣть, что никакой правильности въ добычѣ золота и въ работѣ—ожидать нельзя. Врядъ ли значительное число англійскихъ работниковъ получатъ постоянное занятіе въ Трансваалѣ. По всей вѣроятности, за побѣдами и за присоединеніемъ республикъ послѣдуетъ лихорадочная пріисковая работа. По всей вѣроятности, въ ближайшіе годы добыто будетъ огромное количество золота; но затѣмъ наступитъ реакція“.

Владѣльцы пріисковъ усиленно думаютъ о возможной замѣнѣ дорогого труда бѣлыхъ дешевымъ трудомъ черныхъ. Одинъ изъ директоровъ „Consolidated goldfiels“,—Рудъ, на собраніи акціонеровъ заявилъ, что задача истиннаго прогресса заключается въ томъ, чтобы заставить черныхъ работать. Побѣда Англіи, по словамъ директора, приведетъ къ тому, что черныхъ заставятъ хоть бы три мѣсяца въ годъ работать „для общей пользы“ (т. е. на пріискахъ). Бѣлые работники въ Трансваалѣ получаютъ 28 ф. ст. въ мѣсяцъ. Черные же—2—3 шиллинга въ день. Въ 1895 г. на пріискахъ черныхъ было въ девять разъ больше, чѣмъ бѣлыхъ. Между тѣмъ, заработная плата бѣлыхъ составляла 34,3% всѣхъ расходовъ, а заработная плата черныхъ—28,6%. Все доказываетъ, что даже при увеличеніи добычи золота владѣльцы пріисковъ постараются сократить число бѣлыхъ работниковъ. Все будетъ зависѣть отъ того, удастся ли золотопромышленникамъ установить законъ, существующій въ Родезіи, въ силу котораго черный становится крѣпостнымъ. Въ такомъ случаѣ, кафръ изучитъ дѣло и можетъ вполнѣ замѣнить бѣлаго.

По вычисленію Гобсона, наибольшее увеличеніе добычи золота можетъ привлечь въ южную Африку не болѣе пяти тысячъ новыхъ бѣлыхъ.

IV.

Могутъ ли привлекать бѣлыхъ другія естественныя богатства страны: каменный уголь, желѣзо, серебро, мѣдь, олово? Быть можетъ добыча и обработка этихъ продуктовъ создастъ крупные промышленные центры, которые явятся, въ свою очередь, рынками для прилегающихъ земледѣльческихъ районовъ? Въ настоящее время въ печати много говорятъ про естественныя богатства Южной Африки и, въ частности, обѣихъ республикъ; но покуда эти богатства—лишь бумажныя и служатъ для усиленной игры на

биржѣ. Есть данныя, что каменный уголь дѣйствительно найденъ въ довольно значительномъ количествѣ. Онъ добывается въ Уитвотерстрэндѣ и въ пяти другихъ округахъ (Боксбургъ, Гейдельбергъ, Миддельбургъ, Лиденбургъ и Преторія). Рынкомъ являются золотые пріиски; но Южная Африка отстоитъ слишкомъ далеко, чтобы стоило возить оттуда каменный уголь. Трансваальскій уголь не нашелъ даже себѣ рынка въ приморскихъ городахъ: онъ не пригоденъ для отопленія пароходовъ. Владѣльцы шахтъ, впрочемъ, того мнѣнія, что ихъ уголь, „немногимъ лишь уступающій кардифскому", завоюетъ рынокъ, какъ только будутъ проведены новыя линіи желѣзныхъ дорогъ. Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ Гобсонъ,—что въ Южной Африкѣ найденъ въ значительномъ количествѣ уголь низшаго и средняго достоинства. Будь уже въ странѣ густое, промышленное населеніе, угольное дѣло могло бы развиться; но привлечь такое населеніе эти угольныя шахты не могутъ".

На трансваальское желѣзо спекулируютъ въ Англіи еще больше, чѣмъ на уголь, по всей вѣроятности потому, что доходы съ него еще болѣе призрачны. Капитанъ Янгээссбандъ очень краснорѣчиво говоритъ о развитіи желѣзнаго и чугуннолитейнаго дѣла въ Южной Африкѣ. „Можно сказать,—говоритъ онъ,—что почти весь Іоганнесбургъ выстроенъ изъ волнистаго листового желѣза. Я знаю лишь одинъ домъ, который не крытъ такимъ желѣзомъ. Даже буры покрываютъ теперь свои дома не соломой, а волнистымъ желѣзомъ. Неужели же нельзя изготовлять на мѣстѣ все то желѣзо, которое необходимо для крышъ городковъ, выростающихъ вокругъ шахтъ? Неужели же нельзя на мѣстѣ прокатывать рельсы, отливать телеграфные и фонарные столбы и приготовлять много другихъ издѣлій". Но мы видѣли, что рынокъ крайне не проченъ. Быть можетъ, рэндъ станетъ изготовлять собственные локомотивы даже; но лишь только истощатся пріиски, погибнетъ немедленно вся остальная промышленность. Пока лишь биржевые „проспекторы" говорятъ о „желѣзныхъ горахъ", содержащихъ 70% чистаго желѣза, и приглашаютъ публику нести свои сбереженія. До сихъ поръ не было сдѣлано серьезныхъ попытокъ разрабатывать трансваальское желѣзо. Покуда нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ предположить, что желѣзное дѣло можетъ развиться. Магическое слово „британское главенство" не можетъ превратить желѣзную руду въ рельсы, локомотивы, фонарные столбы и пр. Цифровыя данныя рѣзко противорѣчатъ оптимизму газетъ и биржевиковъ. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ строить такія блестящія перспективы, какъ это дѣлаютъ джинго. Мы отнюдь не можемъ предсказать, что блестящая промышленная будущность ожидаетъ Трансвааль. Факты говорятъ совершенно другое.

„Внимательное изученіе фактовъ, — говоритъ Гобсонъ, — не даетъ намъ основанія предполагать, что Южную Африку ждетъ

блестящая промышленная будущность; у насъ нѣтъ данныхъ за то, что туда нахлынетъ многочисленное англійское населеніе, которое получитъ фактическій контроль надъ страной. Развитіе земледѣлія предполагаетъ существованіе многочисленнаго промышленнаго населенія; развитіе промышленности предполагаетъ существованіе многочисленныхъ классовъ пріискателей и земледѣльцевъ, на которыхъ она станетъ работать. Выгодная обработка минераловъ предполагаетъ существованіе большихъ промышленныхъ центровъ. Каждое изъ этихъ условій должно предварительно развиться, чтобы могли существовать другія условія. Вся постройка держится въ воздухѣ. Чтобы пришлое населеніе могло взять верхъ надъ африкандерами, оно, кромѣ того, должно осѣсть прочно, обзавестись домами, семьей. Между тѣмъ, статистика показываетъ намъ, что иммигранты—цыгане, которые только о томъ и думаютъ, какъ бы укочевать скорѣе".

Джингоистская пресса говоритъ, что иммигранты укочевывали, потому, что трансваальское правительство очень плохо и брало большіе косвенные налоги. Англійское правительство,—говоритъ пресса,—измѣнитъ все. Налоги уменьшатся, переѣздъ по желѣзной дорогѣ станетъ дешевле, жизнь не будетъ такъ дорога; тогда иммигранты останутся. Цифры и факты систематически перепутывались джингоистской прессой. Перепутаны также данныя относительно тяжести косвенныхъ налоговъ въ республикѣ *). Въ остальныхъ англійскихъ колоніяхъ налоги значительно выше, чѣмъ въ Трансваалѣ. Пресса жаловалась, что тяжесть налоговъ падаетъ на уитлэндеровъ; но та же пресса допускаетъ, что уитлэндерамъ принадлежитъ большая часть собственности въ республикахъ. Уитлэндерамъ хотѣлось бы придумать систему налоговъ, которая сваливала бы всю тяжесть ихъ съ плечъ имущихъ на спину неимущихъ. Меньше всего можно разсчитывать

---

*) Вотъ сравнительная таблица косвенныхъ налоговъ въ Капской колоніи и Трансваальской республикѣ.

	Капская колонія			Трансвааль		
	ф. ст.	шил.	пенсы.	ф. ст.	шил.	пенсы.
Налогъ на 100 ф. чая. . . .	2	10	—	—	5	—
» » 100 » цикорія .	—	16	8	—	7	6
» » 1 ф. масла. . . .	—	—	3	—	—	$^3/_5$
За убитаго вола.	1	10	—	—	—	—
» убитую овцу или пару .	—	5	—	—	—	—
» фунтъ консервир. мяса.	—	—	2	—	—	—
» » австрал. мяса . . .	—	—	2	—	—	—
» » консер. зелени . .	—	—	2	—	—	—
» » сала.	—	—	2	—	—	—
» 100 ф. кофе въ зернахъ.	—	6	3	—	—	—
» 100 » » молотаго. .	—	16	8	—	—	—
» 1 ф. сыра.	—	—	3	—	—	—

на то, что послѣ войны налоги уменьшатся. Они скорѣе увеличатся, такъ какъ Трансвааль долженъ будетъ уплатить большую контрибуцію, и на его счетъ будетъ содержаться большая армія для предупрежденія мятежа. Такимъ образомъ, жизнь не подешевѣетъ, и англійскій работникъ не обзаведется „домомъ".

Итакъ, каковъ же выводъ изъ всего сказаннаго? „Есть всѣ данныя предполагать, — говоритъ Гобсонъ,—что африкандеры и голландцы при всякомъ условіи и при всякой правительственной системѣ одержатъ верхъ, въ концѣ концовъ, надъ англичанами. Если даже пришлое населеніе въ Трансваалѣ временно численностью превзойдетъ туземное, то лишь до тѣхъ поръ, покуда будетъ добываться золото. Даже и тогда на выборахъ (если всѣ иммигранты получатъ право голоса) англійская партія встрѣтитъ упорное организованное сопротивленіе со стороны буровъ".

V.

Въ Южной Африкѣ есть еще одинъ важный вопросъ, который теперь выдвинутъ на первый планъ, вопросъ объ инородцахъ. Во всѣхъ колоніяхъ черные или кафры, какъ ихъ ошибочно называютъ, составляютъ подавляющее большинство населенія. Въ Капской колоніи и въ Трансваалѣ негровъ въ *два* раза болѣе, чѣмъ бѣлыхъ, въ Оранжевой республикѣ—вдвое больше, въ Наталѣ—въ десять разъ; въ Родезіи же, въ португальскихъ владѣніяхъ и въ территоріяхъ, находящихся подъ англійскимъ или же германскимъ протекторатомъ — отношеніе еще выше. По всей Южной Африкѣ, отъ рѣки Замбези до Кэптауна, бѣлыхъ не болѣе 800 тысячъ, черныхъ же — около 8.000,000. Три четверти всѣхъ черныхъ совершенно не тронуты европейскимъ вліяніемъ и управляются собственными вождями. Другіе же, какъ зулусы, базуто или бэчуаны, находятся подъ слабымъ контролемъ бѣлыхъ магистратовъ и коммиссіонеровъ. Даже въ колоніяхъ сотни тысячъ негровъ ведутъ старинную жизнь въ мѣстностяхъ, отведенныхъ для нихъ. Такъ какъ войны между отдѣльными племенами воспрещены, а казни тысячи людей, какъ прежде, за колдовство „уничтожены", то черные размножаются быстрѣе бѣлыхъ. Д-ръ Тикъ въ своей книгѣ „History of South Africa" цыфрами доказываетъ, что процентъ рожденій среди негровъ выше, а смертность ниже, чѣмъ среди бѣлыхъ.

Многіе изъ этихъ черныхъ—храбрые и свирѣпые воины. Одни изъ нихъ, какъ базуто и зулусы, вооружены, „какъ культурные люди"; другіе, какъ матабелы или тонга, довольствуются первобытнымъ оружіемъ. Всѣ черные не знаютъ дѣйствительныхъ силъ ихъ бѣлыхъ сосѣдей и очень немногіе дѣйствительно помирились съ тѣмъ, что ихъ земли отняты. Характеръ черныхъ мало изу-

ченъ даже тѣми бѣлыми, которые живутъ съ ними рядомъ. Наиболѣе свирѣпыя племена непостоянны и увлекаются порывомъ". Поголовное возстаніе черныхъ, возстаніе, которое можетъ увлечь даже племена, извѣстныя своимъ миролюбивымъ характеромъ,—можетъ случиться во всякое время. Каковъ бы ни былъ исходъ настоящей войны, она произведетъ на черныхъ глубокое впечатлѣніе. Зулусы, базуто и матабелы подчинились вслѣдствіе страха, а не уваженія къ бѣлымъ. Для черныхъ меньше всего поучительнымъ урокомъ будетъ то, что бѣлые рѣжутъ другъ друга. По всей вѣроятности, послѣдствіемъ войны явится возстаніе черныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію теперь, что англичане во многихъ случаяхъ подстрекаютъ черныхъ нападать на голландцевъ. Въ своихъ телеграммахъ Баденъ Пауэль не разъ сообщаетъ, что сформировалъ отрядъ изъ черныхъ, которыхъ послалъ на приступъ противъ буровъ. Корреспонденты англійскихъ газетъ сообщаютъ, что путь отъ Кимберлея до Блумфонтейна представляетъ страшную картину разоренія. Всѣ фермы ограблены, унесено все, что лишь возможно; не пощажены мебель и даже стѣны. Піанино и кресла изрублены въ щепки, стѣны разгромлены. Въ значительной степени фермы обобраны англійскими солдатами; но зданія разрушены не ими: это работа кафровъ. Война бѣлыхъ пробудила хищническій инстинктъ черныхъ. Если бы жены и дочери бургеровъ не умѣли такъ отлично обращаться съ оружіемъ, то картина набѣга черныхъ стала бы гораздо болѣе мрачной.

Будущность страны мрачна, — говоритъ Гобсонъ.—До сихъ поръ бѣлые хотя и враждовали между собою, но всегда соединялись вмѣстѣ, когда нужно было дать отпоръ чернымъ. На кафровъ имѣло сильное вліяніе это единодушіе бѣлыхъ. Теперь бѣлые подстрекаютъ черныхъ противъ своихъ же. „Черный вопросъ" особенно обострится послѣ войны, въ силу экономическихъ обстоятельствъ. Первымъ послѣдствіемъ англійскаго владычества будетъ, безъ сомнѣнія, та или другая форма крѣпостного права. Владѣльцы шахтъ открыто заявляли, что „культура" требуетъ, чтобы и черные внесли свою лепту. Подъ этимъ подразумѣвается обязанность негровъ работать три мѣсяца въ году въ рудникахъ. Директоры компаній заявили, что негру „совершенно безполезно" хорошее жалованье. Оно лишь портитъ его. Когда-то закрѣпощеніе черныхъ въ Родезіи повело къ поголовному возстанію матабеловъ. Есть много данныхъ за то, что то же явленіе повторится въ ближайшемъ будущемъ въ Южной Африкѣ. Биржевой капиталъ тамъ, гдѣ онъ является, вноситъ грабежъ, невольничество, зарево пожаровъ, коррупцію прессы и пр. Трудно лишь найти то положительное, что даетъ онъ. Настоящее положеніе Южной Африки мрачно, но еще мрачнѣе—будущность ея. Загадывая о ней, вспоминаются слова шиллеровской Кассандры:

«Eine Fackel seh' ich glühen,
Aber nicht in Hymens Hand;
Nach den Wolken seh' ich's ziehen,
Aber nicht wie Opferbrand» *).

Діонео.

Литература и жизнь.

Кое-что о г. Чеховѣ.

Ходятъ слухи о предстоящемъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ изданіи г. Марксомъ полнаго собранія сочиненій А. П. Чехова. Въ ожиданіи г. Марксъ издалъ чрезвычайно интересный сборникъ подъ заглавіемъ „Антонъ Чеховъ. Разсказы". Книга интересна не сама по себѣ: г. Чеховъ не новичекъ въ литературѣ и не одинъ разъ давалъ сборники разсказовъ гораздо болѣе значительныхъ и яркихъ въ смыслѣ талантливости („Юмористическіе разсказы", „Въ сумеркахъ", „Пестрые разсказы", „Хмурые люди"). Новый сборникъ интересенъ именно тѣмъ, что вошедшіе въ него разсказы не только не новы, а, по всѣмъ видимостямъ, относятся къ самымъ раннимъ произведеніямъ г. Чехова. Книга появилась безъ всякихъ объясненій, безъ предисловія, безъ хронологическихъ датъ, но на ней лежитъ несомнѣнная печать того, что можно назвать „первой манерой" г. Чехова. Это даетъ возможность возстановить не Богъ знаетъ какое далекое,—лѣтъ, примѣрно, за пятнадцать,—но всетаки прошлое даровитаго и плодовитаго писателя, которое такъ и заглохло бы, погребенное въ разныхъ мелкихъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ г. Чеховъ началъ свою дѣятельность подъ псевдонимомъ „Чехонтэ". А первые шаги писателя, занявшаго впослѣдствіи одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ, представляютъ, конечно, большой интересъ. Отсутствіе хронологическихъ датъ не представляетъ въ данномъ случаѣ большой бѣды. Можетъ быть, кое-что въ послѣдующихъ сборникахъ разсказовъ г. Чехова относится къ тому же времени, что и разсказы, вошедшіе въ книгу, изданную нынѣ г. Марксомъ; но это значитъ только, что авторъ самъ ихъ выдѣлилъ, какъ болѣе удовлетворяющіе его позднѣйшимъ требованіямъ, и только теперь, задумавъ полное собраніе своихъ сочиненій, рѣшился переиздать всѣ свои раннія произведенія. Во всякомъ случаѣ, тѣ слишкомъ

*) Я вижу пламенѣющій факелъ, но не въ рукѣ Гименея; вижу дымъ, поднимающійся къ небу, но это не дымъ жертвоприношенія.

семьдесятъ разсказовъ, которые изданы нынѣ, почти всѣ написаны однимъ и тѣмъ же стилемъ и, не смотря на чрезвычайное разнообразіе сюжетовъ,—въ сущности на одну и ту же тему. Не то, чтобы молодой авторъ задалъ себѣ эту тему и упорно искалъ ея проявленій въ жизни. Нѣтъ,—авторъ, напротивъ, очень неразборчивъ и торопливо набрасываетъ на бумагу рѣшительно все, что ему подскажутъ наблюденіе, память и воображеніе. Но общая тема сама постоянно подвертывается ему, сама, если можно такъ выразиться, лѣзетъ на удочку его темперамента и таланта, а онъ безпечно сидитъ на берегу житейскаго моря, вытаскивая изъ него штуку за штукой, одна другой забавнѣе. Забавность эту, однако, очень трудно передать своими словами,—въ переизложеніи она теряетъ весь свой ароматъ, потому что въ самыхъ фактахъ, разсказываемыхъ г. Чеховымъ, обыкновенно нѣтъ ничего забавнаго, и только именно особенности таланта и темперамента автора заставляютъ васъ то улыбнуться, то разсмѣяться. Г. Чеховъ „первой манеры“ отнюдь не могъ бы сказать о себѣ: „мерещится мнѣ всюду драма“, хотя сюжеты его сплошь и рядомъ глубоко драматичны.

Возьмемъ нѣсколько разсказовъ изъ супружеской жизни.

„Длинный языкъ“. Молодая дама, вернувшись изъ Ялты, разсказываетъ о своихъ тамошнихъ впечатлѣніяхъ,—о дороговизнѣ, о красотѣ горъ и проч. Мужъ спрашиваетъ о проводникахъ-татары: недавно онъ читалъ гдѣ-то про нихъ какія-то „мерзости“, говорятъ они большіе „донъ-жуаны“. Жена съ презрѣніемъ отзывается о проводникахъ, говоря, что видѣла ихъ „издалека, мелькомъ“: „указывали мнѣ на нихъ, но я не обратила вниманія“. Но, благодаря своему „длинному языку“, она въ увлеченіи сообщаетъ такія подробности, изъ которыхъ ясно видно, что она отнюдь не мелькомъ и не издали видѣла и Маметкула, и Сулеймана. Это не мѣшаетъ ей сердиться, когда мужъ указываетъ на противорѣчія и высказываетъ подозрѣнія. „Всегда у тебя такія гадкія мысли!—заключаетъ она.—Не стану же я тебѣ ничего разсказывать. Не стану!“

„Месть“. Нѣкоторый обыватель Турмановъ случайно подслушиваетъ разговоръ своей жены съ другимъ обывателемъ Дегтяревымъ. Оказывается, что Турмановъ обманутъ (и не въ первый разъ уже): его жена и Дегтяревъ находятся въ амурной связи, его, Турманова, величаютъ индюкомъ, Собакевичемъ и пузаномъ и изобрѣтаютъ новый способъ переписки: завтра, къ шести часамъ вечера, госпожа Турманова положитъ въ мраморную вазу, возлѣ виноградной бесѣдки, въ городскомъ саду записку, а Дегтяревъ, проходя черезъ городской садъ, вынетъ ее. Оскорбленный супругъ придумываетъ планъ мести и послѣ разныхъ предположеній останавливается на слѣдующемъ: онъ пишетъ богатому купцу Дулинову анонимное письмо, въ которомъ предлагаетъ ему положить въ мраморную вазу къ шести часамъ двѣсти рублей; въ против-

номъ случаѣ онъ будетъ убитъ. На слѣдующій день онъ въ шесть часовъ садится въ городскомъ саду за кустъ и съ злораднымъ нетерпѣніемъ ждетъ послѣдствій своей выдумки. Конечно, Дулиновъ далъ знать полиціи, и Дегтяревъ, засовывая руку въ мраморную вазу, будетъ накрытъ... Оказывается, однако, что Дулиновъ испугался угрозы и положилъ въ вазу двѣсти рублей, которые Дегтяревъ и взялъ.

„Въ почтовомъ отдѣленіи". Умерла двадцатилѣтняя жена шестидесятилѣтняго почтмейстера Сладкоперцева. На поминкахъ вдовецъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ оградилъ супружескую вѣрность покойницы. Онъ распространилъ по городу „нехорошій слухъ", будто жена его живетъ съ полицмейстеромъ Залихватскимъ. „Ни одинъ человѣкъ не осмѣливался ухаживать за Аленой, ибо боялся полицмейстерскаго гнѣва. Какъ, бывало, увидятъ ее, такъ и бѣгутъ прочь, чтобы Залихватскій чего не подумалъ". Слушатели изумлены и обижены,—они въ самомъ дѣлѣ вѣрили слуху...

„Мужъ". Въ уѣздномъ городишкѣ остановился на ночевку кавалерійскій полкъ. По этому случаю мѣстныя дамы потребовали бала, и балъ состоялся. Дамы, увлеченныя мимолетнымъ знакомствомъ съ офицерами, весело танцовали, совершенно забывая о своихъ „штатскихъ". Въ числѣ послѣднихъ находился акцизный Шаликовъ, „существо пьяное, узкое и злое, съ большой стриженой головой и съ жирными, отвислыми губами. Когда-то онъ былъ въ университетѣ, читалъ Писарева и Добролюбова, пѣлъ пѣсни, а теперь онъ говорилъ про себя, что онъ коллежскій ассесоръ и больше ничего". Шаликовъ стоялъ, прислонившись къ косяку, и не спускалъ глазъ съ жены, Анны Павловны, немолодой, некрасивой, но затянутой, напудренной и танцовавшей съ увлеченіемъ. Онъ смотрѣлъ на блаженство, разлитое по лицу и по всей фигурѣ жены; смотрѣлъ и злился. Наконецъ, „ему захотѣлось насмѣяться надъ этимъ блаженствомъ, дать почувствовать Аннѣ Павловнѣ, что она забылась, что жизнь вовсе не такъ прекрасна, какъ ей теперь кажется въ упоеніи... Мелкія чувства зависти, досады, оскорбленнаго самолюбія, маленькаго уѣзднаго человѣконенавистничества, того самаго, которое заводится въ маленькихъ чиновникахъ отъ водки и отъ сидячей жизни, закопошились въ немъ, какъ мыши". Анна Павловна весело разговаривала послѣ мазурки съ своимъ кавалеромъ („губы у нея были сложены сердечкомъ, и произносила она такъ: „у насъ въ Пютюрбюргѣ"), обмахивалась вѣеромъ и кокетливо щурила глаза. Шаликовъ подошелъ къ ней и вслухъ, грубо и рѣшительно потребовалъ, чтобы она шла съ нимъ домой, иначе—прибавилъ онъ въ отвѣтъ на протесты и просьбы жены—онъ „сдѣлаетъ скандалъ"... „Выйдя изъ клуба, супруги до самаго дома шли молча. Акцизный шелъ сзади жены и, глядя на ея согнувшуюся, убитую го-

ремъ и униженную фигурку, припоминалъ блаженство, которое такъ раздражало его въ клубѣ, и сознаніе, что блаженства уже нѣтъ, наполняло его душу побѣднымъ чувствомъ. Онъ былъ радъ и доволенъ, и въ то же время ему недоставало чего-то и хотѣлось вернуться въ клубъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ стало скучно и горько, и чтобы всѣ почувствовали, какъ ничтожна, плоска эта жизнь, когда вотъ идешь въ потемкахъ по улицѣ и слышишь, какъ подъ ногами всхлипываетъ грязь, и когда знаешь, что проснешься завтра утромъ—и опять ничего, кромѣ водки и кромѣ картъ! О, какъ это ужасно! А Анна Павловна едва шла... Она была все еще подъ впечатлѣніемъ танцевъ, музыки, разговоровъ, блеска, шума; она шла и спрашивала себя: за что ее покаралъ такъ Господь Богъ? Было ей горько, обидно и душно отъ ненависти, съ которой она прислушивалась къ тяжелымъ шагамъ мужа. Она молчала и старалась придумать какое-нибудь самое бранное, ѣдкое и ядовитое слово, чтобы пустить его мужу, и въ то же время сознавала, что ея акцизнаго не проймешь никакими словами. Что ему слова? Безпомощнѣе состоянія не могъ бы придумать и злѣйшій врагъ“...

Не довольно ли сценъ изъ супружеской жизни. Остановимся на минутку.

Послѣдній изъ переданныхъ нами разсказовъ представляетъ собою нѣчто довольно исключительное въ сборникѣ г. Чехова,—исключительное не по сюжету, а по тону, какимъ говоритъ авторъ. Про ялтинскую даму, только издали видѣвшую проводниковъ-татаръ, про неудачную месть Турманова, про удачную хитрость почтмейстера г. Чеховъ разсказываетъ весело, заражая своимъ весельемъ и читателя, который смѣется или, по крайней мѣрѣ, улыбается, не останавливаясь на кое-какихъ несообразностяхъ въ деталяхъ. И такихъ разсказовъ огромное большинство. Иное дѣло „Мужъ“. Тутъ авторъ и самъ не смѣется, и не желаетъ возбуждать смѣхъ въ читателѣ. Вамъ даже жутко становится, когда вы съ ясностью представляете себѣ эту шлепающую по грязи изъ клуба домой супружескую пару, до краевъ переполненную злобными чувствами. Сколько въ самомъ дѣлѣ дрянной, мелкой злобы! И эти люди вѣдь связаны на всю жизнь, вѣдь это настоящій адъ, на мгновеніе раскрывшійся передъ нами по случаю прибытія въ городъ кавалерійскаго полка... И какая гнусная скотина этотъ Шаликовъ... Однако, таково мастерство художника, набросившаго ровную тѣнь на все видимое пространство, что, дочитавъ разсказъ до конца (а въ немъ и всего-то пять страничекъ), вы ясно понимаете, что дѣло не въ этомъ грубомъ и злобномъ животномъ, а въ чемъ-то гораздо болѣе общемъ и важномъ. Не говоря о томъ, что и „пютюрбюргская“ дама не вызываетъ сама по себѣ большого сочувствія, читатель узнаетъ, что Шаликовъ не всегда былъ гнусной скотиной, что и

сейчасъ онъ, обросшій мохомъ и плѣсенью, можетъ быть, выше многихъ и многихъ изъ окружающихъ. Онъ золъ, грубъ и вообще скверенъ, но вѣдь онъ правъ, когда думаетъ, что „жизнь вовсе не такъ прекрасна, какъ Аннѣ Павловнѣ кажется теперь въ упоеніи", что „ничтожна, плоска эта жизнь". Онъ, этотъ злодѣй,—потому что его поступокъ хоть и мелкій, но дѣйствительно злодѣйскій,—есть жертва... чего?

Безпробудная пошлость жизни, всѣхъ и все покрывающая плѣсенью, такова общая тема старыхъ разсказовъ г. Чехова, вошедшихъ въ составъ новаго сборника. И эта ялтинская дама съ своимъ „длиннымъ языкомъ", и „мститель" Турмановъ, и купецъ Дулиновъ, и счастливый любовникъ Дегтяревъ, и остроумный почтмейстеръ Сладкоперцевъ, и всѣ слушатели его разсказа,—все это продукты той же житейской пошлости, которая выработала грубое животное Шаликова. Но разница въ отношеніяхъ къ нимъ автора. Къ Шаликову онъ относится съ очень сложнымъ чувствомъ, беретъ его со всѣми корнями и вѣтвями, тогда какъ дѣйствующія лица первыхъ трехъ разсказовъ ему просто смѣшны, и разсказываетъ онъ про нихъ именно на смѣхъ. Эта разница и на художественной сторонѣ разсказовъ отражается.

Разсказъ „Мужъ", не смотря на свой крошечный размѣръ, есть настоящій перлъ въ художественномъ отношеніи. Вотъ, напримѣръ, описаніе кавалера Анны Павловны въ мазуркѣ. Это былъ „черный офицеръ съ выпученными глазами и съ татарскими скулами. Онъ работалъ ногами серьезно и съ чувствомъ, дѣлая строгое лицо, и такъ выворачивалъ колѣни, что походилъ на игрушечнаго паяца, котораго дергаютъ за ниточку". Всего четыре, пять строкъ, а между тѣмъ это законченный портретъ. Такія же нѣсколько строкъ понадобились автору, чтобы изобразить, какъ Анна Павловна умаливала мужа шопотомъ, „съ улыбкой, чтобы публика не подумала, что у нея съ мужемъ недоразумѣніе". Эти маленькія подробности,—этотъ робкій шопотъ, эта напряженная, фальшивая улыбка,—мастерски оттѣняютъ душевное состояніе Анны Павловны... Этой тонкости отдѣлки нѣтъ и въ поминѣ въ трехъ другихъ вышеупомянутыхъ разсказахъ. Талантъ, конечно, сказывается и здѣсь, но это какой-то уже очень юный талантъ, брызжущій слишкомъ безпечно и небрежно, слишкомъ, я сказалъ бы, веселый, ничего кромѣ смѣха не имѣющій въ виду и не заботящійся даже о правдоподобіи, лишь бы смѣшно вышло. Я думаю, что это видно уже по моему изложенію тѣхъ трехъ разсказовъ. Но, для разнообразія, возьмемъ нѣсколько другихъ.

„Въ банѣ". Соль разсказа въ томъ, что цирульникъ Михайло принялъ въ банѣ дьякона за человѣка вреднаго образа мыслей,— длинные волосы у него и разговариваетъ о литературѣ. Михайло вознегодовалъ и уже послалъ было за какимъ-то Наза-

ромъ Захарычемъ—„протоколъ составить“, но недоумѣніе разъяснилось во время, и Михайло сталъ просить у дьякона прощенія, кланяясь ему въ ноги. „За что такое?“ спрашиваетъ удивленный дьяконъ.—„За то, что я подумалъ, что у васъ въ головѣ есть идеи!“ Это такъ грубо и явно на смѣхъ выдумано, что „комментаріи излишни“, какъ пишутъ въ газетахъ.

Но всего въ этомъ родѣ смѣшного не переберешь въ сборникѣ г. Чехова, и я приведу еще только одинъ разсказъ, но за то цѣликомъ. Выбираю одинъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ, то есть дѣйствительно очень забавныхъ. Называется онъ „Неудача“.

Илья Сергѣевичъ Пепловъ и жена его Клеопатра Петровна стояли у двери и жадно подслушивали. За дверью, въ маленькой залѣ, происходило, повидимому, объясненіе въ любви, объяснялись ихъ дочь Наташенька и учитель уѣзднаго училища Щупкинъ.

— Клюетъ!—шепталъ Пепловъ, дрожа отъ нетерпѣнія и потирая руки.— Смотри-же, Петровна, какъ только заговорятъ о чувствахъ, тотчасъ-же снимай со стѣны образъ и идемъ благословлять... Накроемъ... Благословеніе образомъ свято и нерушимо... Не отвертится тогда, пусть хоть въ судъ подаетъ.

А за дверью происходилъ такой разговоръ:

— Оставьте вашъ характеръ!—говорилъ Щупкинъ, зажигая спичку о свои клѣтчатыя брюки.—Вовсе я не писалъ вамъ писемъ!

— Ну, да! Будто я не знаю вашего почерка! — хохотала дѣвица, манерно взвизгивая и то и дѣло поглядывая на себя въ зеркало. — Я сразу узнала! И какіе вы странные! Учитель чистописанія, а почеркъ какъ у курицы! Какъ-же вы учите писать, если сами плохо пишете?

— Гм!.. Это ничего не значитъ-съ. Въ чистописаніи главное не почеркъ, главное, чтобъ ученики не забывались. Кого линейкой по головѣ ударишь, кого на колѣни... Да что почеркъ! Пустое дѣло! Некрасовъ писатель былъ, а совѣстно глядѣть, какъ онъ писалъ. Въ собраніи сочиненій показанъ его почеркъ.

— То Некрасовъ, а то вы... (вздохъ). Я за писателя съ удовольствіемъ-бы пошла. Онъ постоянно-бы мнѣ стихи на память писалъ!

— Стихи и я могу написать вамъ, ежели желаете.

— О чемъ-же вы писать можете?

— О любви... о чувствахъ... о вашихъ глазахъ... Прочтете — очумѣете. Слеза прошибетъ! А ежели я напишу вамъ поэтическіе стихи, то дадите тогда ручку поцѣловать?

— Велика важность! Да хоть сейчасъ цѣлуйте!

Щупкинъ вскочилъ и, выпучивъ глаза, припалъ къ пухлой, пахнувшей яичнымъ мыломъ ручкѣ.

— Снимай образъ!—заторопился Пепловъ, толкнувъ локтемъ свою жену, блѣднѣя и застегиваясь.—Идемъ! Ну!

И, не медля ни секунды, Пепловъ распахнулъ дверь.

— Дѣти...—забормоталъ онъ, воздѣвая руки и слезливо мигая глазами.— Господь васъ благословитъ, дѣти мои... Живите... плодитесь... размножайтесь...

— И... и я благословляю... — проговорила мамаша, плача отъ счастья. — Будьте счастливы, дорогіе! О, вы отнимаете у меня единственное сокровище!— обратилась она къ Щупкину.—Любите-же мою дочь, жалѣйте ее...

Щупкинъ разинулъ ротъ отъ изумленія и испуга. Приступъ родителей былъ такъ внезапенъ и смѣлъ, что онъ не могъ выговорить ни одного слова.

«Попался! Окрутили! — подумалъ онъ, млѣя отъ ужаса. — Крышка тебѣ теперь, братъ! Не выскочишь!»

И онъ покорно подставилъ свою голову, какъ-бы желая сказать: «берите, я побѣжденъ!»

— Бла... благословляю...—продолжалъ папаша и тоже заплакалъ.—Настенька, дочь моя, становись рядомъ... Петровна, давай образъ...

Но тутъ родитель вдругъ перестаиъ плакать и лицо у него перекосило отъ гнѣва.

— Тумба! — сердито сказалъ онъ женѣ. — Голова твоя глупая! Да нешто это образъ?

— Ахъ, батюшки-свѣты!

Что случилось? Учитель чистописанія несмѣло поднялъ глаза и увидѣлъ, что онъ спасенъ: мамаша впопыхахъ сняла со стѣны вмѣсто образа портретъ писателя Лажечникова. Старикъ Пепловъ и его супруга Клеопатра Петровна, съ портретомъ въ рукахъ, стояли сконфуженные, не зная, что имъ дѣлать и что говорить. Учитель чистописанія воспользовался смятеніемъ и бѣжалъ.

Сотни разъ въ нашихъ юмористическихъ газетахъ фигурировали родители, „накрывающіе“ такимъ способомъ жениха (способъ этотъ эксплуатировался отчасти и гр. Толстымъ въ „Войнѣ и мирѣ“: этимъ способомъ князь Василій Курагинъ преодолѣваетъ нерѣшительность Пьера Безухова). Но г. Чеховъ ввелъ въ эту избитую тему новый, оригинальный смѣхотворный эффектъ: портретъ Лажечникова вмѣсто образа. Эффектъ совершенно неправдоподобный, хотя бы уже потому, что образа у насъ вѣшаются совсѣмъ не тамъ, гдѣ можетъ висѣть портретъ Лажечникова; но эта маленькая несообразность не только не мѣшаетъ читателю смѣяться, а еще подбавляетъ веселаго настроенія...

Въ подзаголовкѣ предлагаемой статьи написано „*кое-что* о г. Чеховѣ“. Я не думаю исчерпать всего г. Чехова,—для этого подождемъ полнаго собранія его сочиненій. Мнѣ хочется лишь напомнить нѣкоторые моменты его развитія.

Прежде всего любопытно замѣтить, что у г. Чехова нѣтъ сколько-нибудь яркихъ литературныхъ ровесниковъ: все сколько-нибудь цѣнное въ литературѣ или гораздо старше его или развернулась значительно позже. Порывшись въ юмористическихъ листкахъ 80-хъ годовъ, мы нашли бы, можетъ быть, не одного писателя, начинавшаго такими же талантливыми забавностями, какъ г. Чеховъ, да и въ серьезной литературѣ того времени найдется, можетъ быть, не мало равноцѣнныхъ задатковъ. Но всѣ эти задатки или навсегда заглохли, не успѣвши расцвѣсть, или, если расцвѣли, то много позже. Дѣло въ томъ, что г. Чеховъ началъ свою литературную дѣятельность въ необыкновенно трудное для начинающаго писателя время. Разумѣю не внѣшнія, а внутреннія затрудненія, ту надломленность недавнихъ идеаловъ и вѣрованій, которая овладѣла обществомъ безъ замѣны ихъ какими-бы то ни было иными идеалами и вѣрованіями, ту странную и страшную сѣрость и плоскость, которая такъ или иначе должна была отразиться на литературѣ вообще, на начинающемъ писателѣ въ особенности. Таланты, вѣроятно,

рождались,—почему бы имъ не рождаться?—Но они быстро глохли, затеривались, задыхались въ этой сѣрой плоскости, какъ чахнутъ и сохнутъ растенія при недостаткѣ свѣта и влаги. Г. Чеховъ уцѣлѣлъ, хотя долго расплачивался за грѣхи общества. Человѣкъ высокодаровитый, съ огромнымъ запасомъ свѣжаго молодого юмора, онъ началъ съ того, что именно сѣлъ у житейскаго моря и... не ждалъ погоды, даже не думалъ о ней, а беззаботно выуживалъ изъ моря что попадется, разцвѣчая выуженное блестками веселой фантазіи. И что ни выудитъ,—то пошлость. Цѣльнаго, большого зеркала, въ которомъ отразилась бы вся жизнь цѣликомъ или хоть значительная доля ея,—въ его распоряженіи не было; но у него были безчисленные зеркальные осколки, комически отражающіе столь-же безчисленное множество отдѣльныхъ эпизодовъ житейской пошлости. И то хорошо, конечно, и то свидѣтельствуетъ, кромѣ таланта, о здоровомъ инстинктѣ, по крайней мѣрѣ не возводящемъ пошлость въ перлъ созданія,—потому что вѣдь и такое бывало. Но, во-первыхъ, обратите вниманіе на предѣлы кругозора молодого Чехова: цирульникъ, мелкій чиновникъ, сапожникъ, заскорузлый провинціальный купецъ, учитель уѣзднаго училища и т. д.,—вотъ герои его смѣшныхъ разсказовъ. И невольно приходитъ въ голову вопросъ: да неужели же мракъ пошлости клиномъ сошелся на этомъ мелкомъ людѣ? А во-вторыхъ, прислушайтесь къ этому смѣху. Какой это беззаботно веселый, благодушный, поверхностный и, если угодно, примирительный смѣхъ... Временами, очень рѣдко, на автора находитъ болѣе глубокое настроеніе, и онъ пишетъ что-нибудь въ родѣ „Мужа“, достигая вмѣстѣ съ тѣмъ и высокой степени истинно-художественнаго творчества. Но это настроеніе быстро проходитъ, и онъ опять съ беззаботнымъ весельемъ обзираетъ окружающую его пошлость. Ахъ, отчего не посмѣяться, и въ особенности молодому-то человѣку! Но, быть можетъ, нотка—не скажу гнѣва, а какой-нибудь изъ многочисленныхъ формъ недовольства не помѣшала-бы дѣлу художественнаго изображенія пошлости, какъ не только не помѣшала, а еще помогла она въ „Мужѣ“. Можно вѣдь и не исключительно съ смѣшной стороны посмотрѣть, напримѣръ, на этого цирульника, приглашающаго компетентное лицо для составленія протокола по случаю разговора длинноволосаго человѣка о литературѣ. Фраза цирюльника: „виноватъ, о. дьяконъ, я думалъ, что у васъ въ головѣ есть идеи“—рѣжетъ ухо своею выдуманностью, но она содержитъ въ себѣ намекъ на цѣлое теченіе въ русской жизни, теченіе слишкомъ мрачное, чтобы быть только смѣшнымъ.

Время шло. Г. Чеховъ продолжалъ предъявлять изумительную изобрѣтательность по части смѣхотворныхъ эффектовъ (трудно даже вспомнить безъ улыбки, напримѣръ, „Винтъ“ или „Драму“), но съ теченіемъ времени рядомъ съ ними становились и отнюдь

не комическіе сюжеты. Смѣхъ г. Чехова, не смотря на яркость отдѣльныхъ проявленій, въ общемъ мало по-малу затихалъ. Читатель знаетъ, что онъ, наконецъ, и совсѣмъ затихъ: прежній, веселый, смѣшливый и смѣшащій Чеховъ исчезъ, за послѣднее время изъ подъ его пера выходятъ картины одна другой мрачнѣе. И не по существу своему только онѣ мрачны,—прежній Чеховъ съумѣлъ бы и ихъ передать смѣшно и весело, быть можетъ даже затруднился бы передать ихъ иначе,—а по настроенію автора. Перемѣна состоитъ не только въ этомъ и не вдругъ она совершилась. Началось съ того, что на удочку г. Чехова стала попадаться не одна пошлость, и первое время онъ не зналъ, какъ отнестись къ этому новому, непривычному матеріалу: смѣяться не позывало, а сочувствовать, сожалѣть, восторгаться, скорбѣть, грустить, негодовать... для всего этого еще не пришло время г. Чехову, еще не звенѣли соотвѣтственныя струны въ его душѣ, да и въ окружающей сѣрой атмосферѣ не вѣяло вѣтра, который заставлялъ бы эти струны звенѣть. И, продолжая вытаскивать изъ безграничнаго житейскаго моря что попадется, г. Чеховъ безучастно, „объективно" описывалъ свою добычу, не различая ее по степени важности съ какой-бы то ни было точки зрѣнія. У него не было такой общей, руководящей, расцѣнивающей явленія жизни, точки зрѣнія; и въ числѣ странностей того страннаго времени, къ которому относится этотъ моментъ развитія г. Чехова, была и такая, что это отсутствіе руководящей точки зрѣнія ставилось ему въ заслугу. Праздноболтающіе литературные гамены, вытягивающіе изъ себя слова, слова, слова безъ всякаго смысла и связи, и доселѣ стоятъ въ этой позиціи, хотя самъ г. Чеховъ уже давно совсѣмъ не тотъ. Подъ какимъ соусомъ нынѣ подается это оправданіе или даже возвеличеніе безразличнаго отношенія къ темнымъ и свѣтлымъ явленіямъ жизни,—это даже не интересно. А въ свое время дѣло было поставлено такъ: „Для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно проникло сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все являетъ собою одну и ту-же тайну бытія, и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію".

Это, конечно, очень спокойно. Но талантъ рѣдко уживается со спокойствіемъ, въ большинствѣ случаевъ онъ есть нѣчто безпокойное, требовательное. А г. Чеховъ настоящій, большой талантъ, и неудивительно поэтому, что онъ не остался при безразличномъ отношеніи къ свѣту и мраку, хотя они и „являютъ собою одну и ту же тайну бытія", и „вытекаютъ изъ одного и того-же источника—природы". „Идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нами безсильны",—говорили теоретики „пантеистическаго" міросозерцанія. Пусть такъ,—наживайте свои, новые... Нажилъ-ли ихъ

г. Чеховъ, я не знаю, но онъ затосковалъ; понялъ, что „пантеизмъ“, которому онъ послужилъ „безъ борьбы, безъ думы роковой“, есть, собственно говоря, атеизмъ, и затосковалъ, или, по крайней мѣрѣ, превосходно изобразилъ эту тоску. Всякій разъ, какъ мнѣ приходится писать или думать о г. Чеховѣ, я вспоминаю слова, вложенныя имъ въ уста Николая Степановича въ „Скучной исторіи“: „Сколько-бы я ни думалъ и куда-бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго... Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ, и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего“...

Когда мнѣ пришлось въ первый разъ цитировать эти проникнутыя грустью строки, я выразилъ пожеланіе, чтобы г. Чеховъ, если ужъ для него безсильны идеалы отцовъ и дѣдовъ, а своей собственной „общей идеи или бога живого человѣка“ онъ выработать не можетъ,—сталъ пѣвцомъ тоски по этомъ богѣ... Мое пожеланіе исполнилось, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что дѣйствительность, когда-то настраивавшая г. Чехова на благодушно веселый ладъ, а потомъ ставшая предметомъ безразличнаго воспроизведенія въ безчисленныхъ зеркальныхъ осколкахъ, вызываетъ въ немъ нынѣ несравненно болѣе сложныя и несравненно болѣе опредѣленныя чувства.

Чрезвычайно любопытны двѣ художественныя экскурсіи г. Чехова въ область психіатріи: „Палата № 6“ (1892 г.) и „Черный монахъ“ (1894 г.), хотя собственно психіатрія тутъ, съ позволенія сказать, съ боку припека или, пожалуй, рамка, въ которую авторъ вставилъ нѣчто, не имѣющее никакого отношенія къ психіатріи. „Въ Палатѣ № 6“ мы имѣемъ превосходное описаніе больничныхъ порядковъ, въ „Черномъ монахѣ“—картинное изображеніе галлюцинаціи героя разсказа, но и эти больничные порядки, и эта галлюцинація представляютъ собою не болѣе, какъ обстановку, которая могла-бы быть и иною, и дѣло, очевидно, не въ нихъ.

„Въ Палатѣ № 6“ рѣшается вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ (или какъ не слѣдуетъ) относиться къ дѣйствительности. Представителями двухъ рѣзко различныхъ на этотъ счетъ мнѣній г. Чеховъ выбираетъ психически больного, содержащагося въ лѣчебницѣ Ивана Дмитрича Громова съ одной стороны, а съ другой—доктора Андрея Ефимовича Рагина, который, однако, тоже кончаетъ сумасшествіемъ. Они, впрочемъ, могли бы съ самого начала помѣняться мѣстами, эти два главныя дѣйствующія лица разсказа... Рагинъ, какъ это ни странно въ устахъ практикующаго

врача, исповѣдуетъ и проповѣдуетъ полное невмѣшательство въ ходъ событій. Онъ находитъ, что „не слѣдуетъ мѣшать людямъ сходить съ ума“. Онъ спрашиваетъ: „къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть законный и нормальный конецъ каждаго?“ и „зачѣмъ облегчать страданія?“ Онъ, пожалуй, „пантеистъ“, если позволительно разумѣть подъ пантеизмомъ примиреніе съ дѣйствительностью, какова-бы она ни была, только потому, что она—дѣйствительность. Для него все въ жизни, подлежащее сравненію, безразлично и равноцѣнно. Онъ, напримѣръ, говоритъ: „все вздоръ и суета, и разницы между лучшею вѣнской клиникой и моей больницей, въ сущности, нѣтъ никакой“, хотя очень хорошо знаетъ, что его больница есть просто скверность. И точно также „между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и этой палатой нѣтъ никакой разницы,—покой и довольство человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ“. Такъ разсуждаетъ докторъ Рагинъ. Сумасшедшій Громовъ не согласенъ съ такой „реабилитаціей дѣйствительности“. Онъ горячо возражаетъ: „Я знаю только, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ. По моему это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ воспріимчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность“.

Трудно сказать, почему разсуждающій такъ Громовъ есть сумасшедшій и почему докторъ Рагинъ призванъ его лѣчить. Послѣдній объясняетъ дѣло такъ: „Кого посадили, тотъ сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ,—вотъ и все. Въ томъ, что я докторъ, а вы душевный больной, нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность“. Это, конечно, мало объясняетъ дѣло, и рѣшеніе становится еще болѣе затруднительнымъ, когда самого доктора сажаютъ въ палату № 6, и онъ отказывается отъ своей теоріи безразличія и реабилитаціи дѣйствительности. Попавъ въ больницу, уже въ качествѣ больного, а не врача, Рагинъ сначала пробуетъ философствовать на свой старый образецъ. Но когда сторожъ Никита, согласно принятымъ въ больницѣ порядкамъ, прибилъ его,—„отъ боли онъ укусилъ подушку и стиснулъ зубы, и вдругъ въ головѣ его среди хаоса ясно мелькнула страшная, новыносимая мысль, что такую-же точно боль должны были испытывать годами, изо дня въ день, эти люди, казавшіеся теперь при лунномъ свѣтѣ черными тѣнями. Какъ могло случиться, что въ продолженіи больше чѣмъ двадцати лѣтъ онъ не зналъ и не хотѣлъ знать этого? Онъ не зналъ, не имѣлъ понятія о боли, значитъ, онъ не виноватъ, но совѣсть, такая-же несговорчивая и грубая, какъ Никита, заставила его похолодѣть

отъ затылка до пятъ“. На другой день докторъ Рагинъ умеръ отъ апоплексическаго удара...

Ясно, кажется, что психіатрія не причемъ во всей этой исторіи: Громовъ слишкомъ здравомыслящій человѣкъ для сумашедшаго, и если Рагинъ склоняется къ его образу мыслей и отказывается отъ реабилитаціи дѣйствительности, только уже самъ сидя въ сумашедшемъ домѣ, такъ вѣдь это просіяніе онъ могъ бы получить и внѣ его, и гораздо раньше,—стоило ему только испытать какую-нибудь серьезную „боль“. И однако г. Чеховъ счелъ почему-то нужнымъ вручить защиту мысли о естественной реакціи „органической ткани на всякое раздраженіе“ двумъ сумашедшимъ... а можетъ быть и не сумашедшимъ, а только по какой-то „случайности“ сидящимъ въ домѣ умалишенныхъ...

Перейдемъ къ „Черному монаху“.

Молодой ученый Ковринъ переутомился на работѣ и, по совѣту врача, уѣхалъ на весну и лѣто въ деревню. Но и въ деревнѣ онъ продолжалъ вести „такую же нервную и безпокойную жизнь, какъ въ городѣ“: много читалъ, мало спалъ, много говорилъ, пилъ вино, временами до изнеможенія слушалъ музыку. Между прочимъ, ему вспомнилась гдѣ то, когда то слышанная или читанная имъ легенда о черномъ монахѣ. Монахъ этотъ есть миражъ или даже миражъ миража, который черезъ тысячу лѣтъ послѣ перваго своего появленія на землѣ, постранствовавъ въ междупланетномъ пространствѣ, долженъ вновь попасть въ земную атмосферу и показаться людямъ. Ковринъ жилъ у своего бывшаго опекуна и воспитателя Высоцкаго, у котораго была дочь, Таня. Ковринъ разсказалъ ей какъ-то занимавшую его легенду о черномъ монахѣ и въ тотъ же вечеръ, гуляя въ полѣ, увидѣлъ монаха. „Не стараясь объяснить себѣ странное явленіе, довольный однимъ тѣмъ, что ему удалось такъ близко и такъ ясно видѣть не только черную одежду, но даже лицо и глаза, пріятно взволнованный, онъ вернулся домой. Въ паркѣ и въ саду покойно ходили люди, въ домѣ играли,—значитъ, только онъ одинъ видѣлъ монаха. Ему сильно хотѣлось разсказать обо всемъ Танѣ и Егору Семеновичу (Высоцкому), но онъ сообразилъ, что они навѣрное сочтутъ его слова за бредъ и это испугаетъ ихъ; лучше промолчать. Онъ громко смѣялся, пѣлъ, плясалъ мазурку, ему было весело и всѣ—часто и Таня, находили, что сегодня у него лицо какое то особенное, лучезарное, вдохновенное, и что онъ очень интересенъ“. Ложась въ этотъ день спать, Ковринъ было омрачился на нѣкоторое время, сообразивъ, что онъ должно быть боленъ и дошелъ уже до галлюцинацій, но скоро утѣшился: „вѣдь мнѣ хорошо и я никому не дѣлаю зла; значитъ, въ моихъ галлюцинаціяхъ нѣтъ ничего дурного“. И успокоившись на этой мысли, онъ почувствовалъ „непонятную радость, наполнявшую все его существо“. Принялся было за работу, но она не удовлетворяла его: „ему хотѣлось чего

то гигантскаго, необъятнаго, поражающаго". Онъ заснулъ только послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина. Скоро онъ опять увидѣлъ черного монаха, который съ нимъ даже въ разговоръ вступилъ. Онъ сказалъ Коврину много лестнаго и пріятнаго: что онъ „одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые по справедливости называются избранниками божіими"; что его мысли, намѣренія, его „удивительная наука" и вся его жизнь „носятъ на себѣ божественную, небесную печать, такъ какъ посвящены они разумному и прекрасному, то есть тому, что вѣчно"; что человѣчеству предстоитъ блестящая будущность, приближеніе которой на тысячи лѣтъ ускоряется такими людьми, какъ Ковринъ, и т. д. Все это было очень пріятно слушать, но Коврина брало сомнѣніе: вѣдь монахъ—призракъ, галлюцинація, значитъ онъ, Ковринъ, психически боленъ, не нормаленъ? На это черный монахъ возразилъ: „Ты боленъ, потому что работалъ черезъ силу и утомился, а это значитъ, что свое здоровье ты принесъ въ жертву идеѣ, и близко время, когда ты отдашь ей самую жизнь. Чего лучше? Это то, къ чему стремятся всѣ вообще одаренныя свыше, благородныя натуры... Почему ты знаешь, что геніальные люди, которымъ вѣритъ весь свѣтъ, тоже не видѣли призраковъ? Говорятъ же теперь ученые, что геній сродни умопомѣшательству. Другъ мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди... Повышенное настроеніе, возбужденіе, экстазъ, все то, что отличаетъ пророковъ, поэтовъ, мучениковъ за идею отъ обыкновенныхъ людей, противно животной сторонѣ человѣка, то есть его физическому здоровью... если хочешь быть здоровъ и нормаленъ, иди въ стадо". Эти рѣчи чернаго монаха привели Коврина въ восторженное и умиленное состояніе, и онъ, тотчасъ послѣ приведенной бесѣды, объяснился Танѣ въ любви и сдѣлалъ ей предложеніе. И Таня, и ея отецъ, давно ждавшіе этого, были въ восторгѣ.

Ковринъ женился. Переѣхали въ городъ. Однажды ночью Коврину не спалось, и вдругъ онъ увидѣлъ на креслѣ возлѣ постели чернаго монаха. Они стали бесѣдовать о славѣ, о счастьи, о радости. Таня проснулась и съ ужасомъ увидѣла, что мужъ, жестикулируя и смѣясь, разговариваетъ съ пустымъ кресломъ. Рѣшено было лѣчить Коврина, чему онъ и не противился. „Ковринъ отъ волненія не могъ говорить. Онъ хотѣлъ сказать тестю шутливымъ тономъ:—„поздравьте, я, кажется, схожу съ ума",—но пошевелилъ только губами и горько улыбнулся".

Опять наступило лѣто, и опять докторъ отправилъ Коврина въ деревню. Онъ уже выздоровѣлъ, черный монахъ ему больше не являлся, и дѣло шло только объ укрѣпленіи физическихъ силъ. Жена и тесть заботливо держали его на строгомъ гигіеническомъ режимѣ: онъ мало работалъ, совсѣмъ не пилъ вина, не курилъ, пилъ много молока. Но, поправляясь физически, онъ затосковалъ и сталъ раздражителенъ. Однажды послѣ прогулки по тѣмъ мѣстамъ,

гдѣ онъ въ первый разъ видѣлъ чернаго монаха, онъ наговорилъ Танѣ и тестю непріятностей за ихъ заботы о немъ. „Зачѣмъ, зачѣмъ вы меня лѣчили?—говорилъ онъ.—Бромистые препараты, праздность, теплыя ванны, надзоръ, малодушный страхъ за каждый глотокъ, за каждый шагъ, все это въ концѣ концовъ доведетъ меня до идіотизма. Я сходилъ съ ума, у меня была манія величія, но зато я былъ всегда бодръ и даже счастливъ, я былъ интересенъ и оригиналенъ. Теперь я сталъ разсудительнѣе и солиднѣе, но зато я такой, какъ всѣ, я—посредственность. мнѣ скучно жить... О, какъ вы жестоко поступили со мной!“ И еще: „Какъ счастливы Будда и Магометъ или Шекспиръ, что добрые родственники и доктора не лѣчили ихъ отъ экстаза и вдохновенія! Если-бы Магометъ принималъ отъ нервовъ бромистый калій, работалъ только два часа въ сутки и пилъ молоко, то послѣ этого замѣчательнаго человѣка осталось бы такъ же мало, какъ послѣ его собаки. Доктора и добрые родственники въ концѣ концовъ сдѣлаютъ то, что человѣчество отупѣетъ, посредственность будетъ считаться геніемъ и цивилизація погибнетъ“.

Семейная жизнь стала невозможною, и черезъ два года мы видимъ Коврина уже съ другой женщиной, въ Севастополѣ, по дорогѣ въ Ялту. Онъ болѣнъ физически: слабъ, кровь горломъ идетъ, но психически, повидимому, здоровъ. Онъ „теперь ясно сознавалъ, что онъ посредственность, и охотно мирился съ этимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, каждый человѣкъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что онъ есть“. Но вотъ, подъ вліяніемъ злого, раздраженнаго письма Тани, съ проклятіемъ извѣщающей о смерти отца, Ковринъ горько задумывается, и черный монахъ является ему опять со словами: „Отчего ты не повѣрилъ мнѣ? Если бы ты тогда повѣрилъ мнѣ, что ты геній, то эти два года ты провелъ бы не такъ печально и скудно“. Ковринъ тотчасъ же повѣрилъ, но кровь хлынула у него горломъ, и онъ умеръ подъ нашептываніе чернаго монаха, „что онъ геній и что онъ умираетъ только потому, что его слабое человѣческое тѣло уже утеряло равновѣсіе и не можетъ больше служить оболочкой для генія“.

Я съ подробностью передалъ содержаніе разсказа, поскольку оно касается „чернаго монаха“ и Коврина, оставивъ совсѣмъ въ сторонѣ прекрасно нарисованныя фигуры жены и тестя героя. Это вполнѣ обыкновенные люди съ своими слабостями и достоинствами. На Коврина они смотрятъ какъ на генія, человѣка необыкновеннаго, и въ этомъ собственно и состоитъ ихъ главная роль въ разсказѣ. Но что значитъ самый разсказъ? Каковъ его смыслъ? Есть ли это иллюстрація къ поговоркѣ: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало“, и не слѣдуетъ мѣшать людямъ съ ума сходить, какъ говоритъ докторъ Рагинъ въ „Палатѣ

№ 6“? Пусть, дескать, по крайней мѣрѣ тѣ больные, которые страдаютъ маніей величія, продолжаютъ величаться, — въ этомъ счастье, вѣдь они собой довольны и не знаютъ скорбей и уколовъ жизни... Или это указаніе на фатальную мелкость, сѣрость, скудость дѣйствительности, которую надо брать такъ, какъ она есть, и приспособляться къ ней, ибо всякая попытка подняться надъ нею грозитъ сумашествіемъ? Есть ли „черный монахъ“ добрый геній, успокаивающій утомленныхъ людей мечтами и грезами о роли „избранниковъ божіихъ“, благодѣтелей человѣчества, или, напротивъ, злой геній, коварной лестью увлекающій людей въ міръ болѣзни, несчастія и горя для окружающихъ близкихъ и, наконецъ, смерти? Я не знаю. Но думаю, что какъ „Палата № 6“, такъ и „Черный монахъ“ знаменуютъ собою моментъ нѣкотораго перелома въ г. Чеховѣ, какъ писателѣ; перелома въ его отношеніяхъ къ дѣйствительности...

Тѣмъ временемъ теорія „реабилитаціи дѣйствительности“ въ своемъ простѣйшемъ первоначальномъ видѣ—выдохлась. Случилось это чрезвычайно быстро (разумѣю, конечно, литературу). И это не удивительно. Потребность идеала, мечты, чего нибудь отличающагося отъ дѣйствительности и возвышающагося надъ ней, слишкомъ сильна въ людяхъ, чтобы по крайней мѣрѣ тѣ, кто призванъ поучать другихъ, могли долго оставаться въ предѣлахъ двухъ измѣреній, то есть на плоскости. Нужно, необходимо нужно и третье измѣреніе, нужна линія вверхъ, къ небесамъ, какъ бы кто эти небеса ни понималъ и ни представлялъ себѣ. Нужна эта линія вверхъ хотя бы уже для того, чтобы можно было видѣть что нибудь дальше своего носа, окинуть глазомъ съ нѣкоторой высоты сколько нибудь значительную часть дѣйствительности. Нужна она не только для руководства въ практической жизни, а и для теоретическаго пониманія дѣйствительности и даже для реабилитаціи ея. И вотъ началась работа. Но строители новаго зданія о трехъ измѣреніяхъ, всѣ эти открыватели „новыхъ мозговыхъ линій“, творцы „новыхъ словъ“, созидатели „ступеней новой красоты“—разбрелись розно. Единодушны они были только въ отрицаніи идеаловъ отцовъ и дѣдовъ. А затѣмъ, не говоря о юродствующихъ въ родѣ г. Розанова, пляшущихъ въ словесную присядку въ родѣ г. Евгенія Соловьева и т. п., изъ которыхъ каждый самъ по себѣ и никакого теченія не знаменуетъ, мы видимъ, во-первыхъ, людей, взобравшихся по ступенямъ новой красоты, можетъ быть, и очень высоко, но въ такомъ случаѣ столь высоко, что оттуда дѣйствительности совсѣмъ не видно. Да они и не хотятъ ее знать: „люблю я себя какъ Бога“, пишу глупые стихи, поклоняюсь мэонамъ, то есть несуществующимъ, „хочу быть развратнымъ“, созерцаю „тѣнь несозданныхъ созданій“, прислушиваюсь къ „громкозвучной тишинѣ“, пишу „то мягкимъ гусинымъ перомъ, то развязнымъ, размашистымъ языкомъ“ взвинченную

прозу и проч., и проч.,—а на то, что дѣлается на землѣ, въ дѣйствительности, мнѣ „вполнѣ и исключительно наплевать", какъ говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ Гл. Успенскаго. Отдѣльные ручейки, образовавшіе это теченіе, иногда очень противорѣчили другъ другу, такъ что, напримѣръ, гг. Мережковскій и Волынскій принуждены были весьма непочтительно отзываться одинъ о другомъ; но въ общемъ теченіе можетъ быть названо эстетическимъ, что ясно отпечаталось не только на художественныхъ произведеніяхъ, а и на философіи г. Минскаго, и на критикѣ гг. Волынскаго и Мережковскаго. Свое отношеніе къ дѣйствительности гг. Минскій и Волынскій очень опредѣленно выразили въ 1893 г. во французскомъ журнальчикѣ „l'Ermitage". „Грязь и кровь годятся для публицистовъ и политиковъ, а поэту тутъ не мѣсто",—гордо писалъ одинъ изъ нихъ; и не менѣе гордо другой: „художникъ живетъ внутреннею творческою жизнью, которая выше всѣхъ формъ жизни внѣшней, общественной". До какой безсмыслицы по содержанію и безобразія по формѣ можетъ доходить это ломанье,— свидѣтельствомъ тому могутъ служить двѣ литературныя новинки, только что вышедшія: сборникъ стихотвореній гг. Бальмонта, Брюсова, Дурнова и Коневского подъ заглавіемъ „Книга (! 82 странички маленькаго формата!) раздумій" и „трагедія" въ прозѣ г. Минскаго „Альма"...

Г. Чеховъ—художникъ, слишкомъ умный и по самой натурѣ своей несклонный къ ломанью, чтобы хотя на одну минуту увлечься всѣмъ этимъ взвинченнымъ вздоромъ. Это теченіе миновало его.

Другое теченіе было соблазнительнѣе. Оно, если угодно, было своего рода реабилитаціей дѣйствительности, но не въ той простодушной формѣ, въ какой эта реабилитація явилась впервые. Оно не отрицало наличности тяжелыхъ и мрачныхъ сторонъ жизни, но оно напирало на то, что эти стороны съ такою же необходимостью выступаютъ изъ нѣдръ исторіи, какъ и добро и свѣтъ, и вѣрило, что они опять же необходимо превратятся въ процессѣ исторіи въ свою противоположность, и даже очень скоро. Между прочимъ, въ составъ этого ученія входило убѣжденіе въ „idiотизмѣ деревенской жизни" и въ превосходствѣ „городской культуры" надъ деревенскою. Г. Чеховъ нечаянно угодилъ этому теченію разсказомъ „Мужики". Разсказъ этотъ, далеко не изъ лучшихъ, былъ сверхъ всякой мѣры расхваленъ, именно за тенденцію, которую въ ней увидѣли. Г. Чеховъ очень оригинально отвѣтилъ на эти похвалы: онъ издалъ „Мужиковъ" отдѣльной книжкой вмѣстѣ съ другимъ разсказомъ „Моя жизнь", въ которомъ „городская культура" изображалась въ своемъ родѣ еще болѣе мрачными красками, чѣмъ деревенская (или вѣрнѣе, отсутствіе культуры) въ „Мужикахъ"...

Такимъ образомъ, ни одно изъ современныхъ нашихъ модныхъ

теченій не захватило г. Чехова. Онъ остался самъ по себѣ. Но онъ далеко еще не сказалъ своего окончательнаго слова, далеко не вполнѣ выяснился ни въ смыслѣ силы таланта, все еще развертывающагося, ни въ смыслѣ отношеній къ дѣйствительности. Иногда она ему представляется въ видѣ ряда разрозненныхъ анекдотовъ, надъ которыми докторъ Рагинъ поставилъ бы эпиграфомъ слова: „здѣсь нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна случайность". Такіе же анекдоты писалъ г. Чеховъ въ первую пору своей дѣятельности, но какая разница и въ выборѣ темъ, и въ ихъ обработкѣ, и въ томъ тонѣ, который дѣлаетъ музыку! Теперь уже далеко не одна пошлость занимаетъ г. Чехова, а и истинно трудныя, драматическія положенія, истинное горе и страданіе. Анекдоты уже не разрѣшаются такими эффектами, какъ портретъ Лажечникова вмѣсто иконы или 200 р., вынутые изъ мраморной вазы вмѣсто любовной записки. И уже не возбуждаютъ они добродушнаго веселаго смѣха, напротивъ, возбуждаютъ грустное раздумье или чувство досады на нескладицу жизни, въ которой нѣтъ „ни нравственности, ни логики". Нѣтъ прежняго беззаботно-веселаго Чехова, но едва-ли кто-нибудь пожалѣетъ объ этой перемѣнѣ, потому что и какъ художникъ г. Чеховъ выросъ почти до неузнаваемости. И перемѣна произошла, можно сказать, на нашихъ глазахъ, въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ...

Очень характеренъ разсказъ „О любви" (1898 г.). Нѣкій Алехинъ разсказываетъ въ собравшемся у него въ деревнѣ маленькомъ обществѣ одинъ эпизодъ изъ своей жизни. Характеренъ уже самый приступъ Алехина къ разсказу: „До сихъ поръ о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что „тайна сія велика есть", все-же остальное, что писали и говорили о любви, было не рѣшеніемъ, а только постановкой вопросовъ, которые такъ и оставались неразрѣшенными. То объясненіе, которое, казалось-бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти другихъ, а самое лучшее, по моему,—это объяснять каждый случай въ отдѣльности, не пытаясь обобщать. Надо, какъ говорятъ доктора, индивидуализировать каждый отдѣльный случай".

Въ послѣднихъ словахъ слышится какъ-бы теоретическое оправданіе или обоснованіе всей литературной дѣятельности г. Чехова,—этой разсыпанной храмины безчисленныхъ житейскихъ явленій, въ которой, какъ говоритъ Николай Степановичъ въ „Скучной исторіи", „даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка". Но это уже почти пройденная ступень для автора разсказовъ „Въ банѣ" на одномъ концѣ лѣстницы и „Въ оврагѣ"—на другомъ. Алехинъ тутъ же, еще во вступленіи, предъявляетъ своимъ слушателямъ нѣкоторую общую идею, обнимающую далеко не одинъ только тотъ случай, который онъ собирается разска-

зать. Онъ говоритъ: „Мы, русскіе порядочные люди... когда любимъ, то не перестаемъ задавать себѣ вопросы: честно это или нечестно, умно или глупо, къ чему поведетъ эта любовь и такъ далѣе... Хорошо это или нѣтъ, я не знаю, но что это мѣшаетъ, не удовлетворяетъ, раздражаетъ—это я знаю“. Какъ видите, Алехинъ высказывается съ колебаніемъ. Оно и не удивительно, потому что общей формулы для всѣхъ безчисленныхъ комбинацій и варьяцій любовныхъ отношеній, конечно, быть не можетъ. И тѣмъ болѣе понятна осторожность Алехина, что, можетъ быть, ни подъ какимъ флагомъ не совершается столько грязныхъ подлостей, какъ подъ флагомъ любви. Однако, не такъ-же ужъ торчкомъ стоятъ отдѣльные относящіеся сюда случаи, чтобы было невозможно хоть какое нибудь частичное обобщеніе. И Алехинъ даетъ его.

Алехинъ любилъ нѣкую Анну Алексѣевну Лугановичъ, молодую, умную, красивую, обаятельную женщину. У нея былъ мужъ, почти старикъ, „неинтересный человѣкъ, добрякъ, простякъ, который разсуждалъ съ такимъ скучнымъ здравомысліемъ, на балахъ и вечеринкахъ держался около солидныхъ людей, вялый, ненужный, съ покорнымъ, безучастнымъ выраженіемъ, точно его привели сюда продавать, который вѣрилъ, однако, въ свое право быть счастливымъ, имѣть отъ нея дѣтей“. И Алехинъ „все старался понять, почему она встрѣтилась именно ему, а не мнѣ, и для чего это нужно было, чтобы въ нашей жизни произошла такая ужасная ошибка“. Докторъ Рагинъ изъ „Палаты № 6“ объяснилъ бы дѣло очень просто: тутъ нѣтъ ни нравственности, ни логики, а только одна случайность. И онъ былъ бы правъ, но отъ этого не легче тѣмъ, кого случайность бьетъ по сердцу. Анна Алексѣевна съ своей стороны тоже любила Алехина. И онъ это зналъ, вѣрнѣе, чувствовалъ, потому что они не обмѣнялись даже ни однимъ словомъ на эту страшную для нихъ тему. А страшна она для нихъ была вотъ почему. „Я любилъ нѣжно, глубоко,—разсказываетъ Алехинъ,—но я разсуждалъ, я спрашивалъ себя, къ чему можетъ повести наша любовь, если у насъ не хватитъ силъ бороться съ нею; мнѣ казалось невѣроятнымъ, что эта моя тихая, грустная любовь вдругъ грубо оборветъ счастливое теченіе жизни ея мужа, дѣтей, всего этого дома, гдѣ меня такъ любили и гдѣ мнѣ такъ вѣрили. Честно ли это? Она бы пошла за мной, но куда? Куда бы я могъ увести ее? Другое дѣло, если-бы у меня была красивая, интересная жизнь, если-бъ я, напримѣръ, боролся за освобожденіе родины или былъ знаменитымъ ученымъ, артистомъ, художникомъ, а то вѣдь изъ одной обычной, будничной обстановки пришлось бы увлечь ее въ такую же или еще болѣе будничную. И какъ бы долго продолжалось наше счастье?“ Подобныя же сомнѣнія и колебанія одолѣвали и Анну Алексѣевну. Они молча любили другъ друга, отъ самихъ себя пряча свою тайну. И тяжело имъ было.

„Минутами мнѣ становилось тяжела до слезъ эта роль благороднаго существа“,—говоритъ Алехинъ. Тяжело было и ей. Она стала чаще уѣзжать то къ матери, то къ сестрѣ; на нее часто находило дурное настроеніе, она лѣчилась отъ разстройства нервовъ. Кончилось тѣмъ, что Лугановича перевели на службу въ другой городъ, а передъ тѣмъ Анна Алексѣевна уѣхала, по совѣту врачей, въ Крымъ. Провожая ее, Алехинъ уже незадолго до третьяго звонка вбѣжалъ къ ней въ купе, чтобы положить на полку одну забытую ею корзинку. „Когда тутъ, въ купе, взгляды наши встрѣтились,— разсказываетъ Алехинъ,—душевныя силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо, плечи, руки, мокрыя отъ слезъ,— о, какъ мы были съ ней несчастны!—я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что мѣшало намъ любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго и болѣе важнаго, чѣмъ счастье и несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе“...

О, конечно, это рецептъ не для всѣхъ, но Алехинъ и указываетъ, для кого онъ годится и для кого не годится: нужно, чтобы на лицо было то „высшее“, то „болѣе важное“, съ высоты котораго равно пріемлемы счастье и несчастье. Алехинъ первый осудилъ бы примѣненіе своего рецепта безъ этого условія. Въ дѣйствительности бываетъ обыкновенно какъ разъ наоборотъ: Алехины и Анны Алексѣевны ломаютъ свою жизнь, а люди, за душой у которыхъ ничего „высшаго“ нѣтъ, которые съ наслажденіемъ купаются въ грязи, свободно примѣняютъ Алехинскій рецептъ. Такова дѣйствительность, и ясно кажется, какъ дорога стала г. Чехову вертикальная линія къ небесамъ, то третье измѣреніе, которое поднимаетъ людей надъ плоской дѣйствительностью; какъ далеко ушелъ онъ отъ „пантеистическаго“ (читай: атеистическаго) міросозерцанія, все принимающаго, какъ должное и развѣ только какъ смѣшное...

А бываютъ и такіе случаи („Дама съ собачкой“ 1899 г.). Господинъ Гуровъ и госпожа фонъ-Дидерицъ (она и есть „дама съ собачкой“) случайно встрѣтились въ Ялтѣ. Онъ женатъ, но жены не любитъ, да она и не стоитъ любви; она замужемъ, но по ея словамъ ея мужъ, „быть можетъ честный, хорошій человѣкъ, но вѣдь онъ лакей!“ Гуровъ уже давно и постоянно измѣнялъ женѣ и о женщинахъ отзывался презрительно: „низшая раса“. Но жить безъ этой низшей расы не могъ. „Въ его наружности, въ характерѣ, во всей его натурѣ было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало къ нему женщинъ, манило ихъ; онъ зналъ объ этомъ, и самого его тоже какая-то сила влекла къ нимъ“. Къ Аннѣ Сергѣевнѣ (такъ звали даму съ со-

бачкой) онъ отнесся также, какъ и къ другимъ женщинамъ: сошелся съ ней безъ настоящей любви, а такъ, по привычкѣ брать женщинъ. Она, молодая, легкомысленная, наивная, не знавшая жизни, отдалась тоже такъ, но потомъ полюбила его, не настолько однако, чтобы захотѣть соединить съ нимъ свою судьбу, хотя и называла его „необыковеннымъ, возвышеннымъ" и горько плакала при разставаньи. Разъѣхались въ разныя стороны, — онъ въ Москву, она въ С. Такъ какъ въ дѣйствительности въ Гуровѣ не было ничего, „необыкновеннаго и возвышеннаго", то онъ зажилъ въ Москвѣ своею обычною пустою жизнью и думалъ, что черезъ какой-нибудь мѣсяцъ Анна Сергѣевна уйдетъ изъ его памяти, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Случилось однако иначе: Анна Сергѣевна все назойливѣе и назойливѣе поднималась въ его памяти, и онъ, наконецъ, не выдержалъ, уѣхалъ въ С., а потомъ она, тоже не забывшая его, стала пріѣзжать къ нему въ Москву. Они видѣлись тайно и сравнительно рѣдко. Это ихъ мучило. „Только теперь, когда голова у него стала сѣдой, онъ полюбилъ по настоящему, какъ слѣдуетъ—первый разъ въ жизни. Они любили другъ друга, какъ очень близкіе люди, какъ мужъ и жена, какъ нѣжные друзья; имъ казалось, что сама судьба предназначила ихъ другъ для друга, и было непонятно, для чего онъ женатъ, а она замужемъ,—это было чудовищно; и точно это были двѣ перелетныя птицы, самецъ и самка, которыхъ поймали и заставили жить въ отдѣльныхъ клѣткахъ! Они простили другъ другу то, чего стыдились въ своемъ прошломъ, прощали все въ настоящемъ и чувствовали, что эта ихъ любовь измѣнила ихъ обоихъ"...

Въ обширномъ житейскомъ морѣ судьба столкнула Алехина и Анну Алексѣевну, Гурова и Анну Сергѣевну. Вотъ двѣ случайности, которыя могли-бы дать людямъ счастіе и полноту жизни. Но въ случайностяхъ нѣтъ ни нравственности, ни логики: обѣ пары встрѣтились слишкомъ поздно. Авторъ и они сами горько задумываются надъ этой безсмыслицей дѣйствительности, „реабилитировать" которую, конечно, мудрено. Но безполезно также и задумываться надъ вопросомъ: зачѣмъ это такъ оскорбительно и мучительно все вышло? Слѣпая судьба—или какъ-бы мы ее ни называли: необходимая причинная связь всѣхъ явленій, естественный ходъ вещей — не знаетъ этого вопроса. Она даетъ отвѣтъ только на вопросъ: почему? Судьба не другъ и не врагъ людей, не злодѣйка и не благодѣтельница и ни за что не отвѣтственна. И только сами люди, вторгаясь въ причинную связь явленій со своими цѣлями, берутъ на себя отвѣтственность, связанную съ вопросомъ: „зачѣмъ?" Страшная это бываетъ отвѣтственность, и все здѣсь зависитъ отъ достоинства цѣлей, ради которыхъ дѣлается тотъ или другой шагъ. Одно дѣло ялтинская дама, пріятно проводившая время съ Маметку-

ломъ и Сулейманомъ, и другое дѣло—Алехинъ и Анна Алексѣевна; одно дѣло Гуровъ въ началѣ знакомства съ Анной Сергѣевной и другое дѣло—онъ же въ концѣ разсказа. Имѣютъ ли онъ и Анна Сергѣевна право пользоваться Алехинскимъ рецептомъ, есть ли у нихъ такое „высшее", во имя котораго можно и должно принять счастіе и несчастіе, свое и чужое,—это дѣло ихъ совѣсти. Насъ занимаетъ здѣсь г. Чеховъ, и, я думаю, нѣтъ надобности распространяться о томъ, какая произошла въ немъ перемѣна и какія новыя стороны жизни ему открылись, какъ расширилось его пониманіе дѣйствительности и какъ усложнилось его отношеніе къ ней.

Старая тема г. Чехова—житейская пошлость продолжаетъ и теперь интересовать его. Но она уже не смѣшна для него, покрайней мѣрѣ не только смѣшна, а и страшна, и ненавистна. „Человѣкъ въ футлярѣ" (1898 г.) учитель греческаго языка Бѣликовъ—ходячая, воплощенная пошлость. И, однако, это ничтожнѣйшее существо, безсознательно наглое и вмѣстѣ трусливое, пятнадцать лѣтъ держало гимназію и весь городъ въ страхѣ. „Мыслящіе, порядочные, читаютъ и Щедрина, и Тургенева, разныхъ тамъ Боклей и прочее, а вотъ подчинились же, терпѣли... То-то вотъ оно и есть". Это „то-то вотъ оно и есть" символически выражаетъ недоумѣніе передъ силой пошлости: никакого объясненія люди не находятъ и только руками разводятъ. Когда почтмейстеръ Сладкоперцевъ распустилъ ложный слухъ, что его жена состоитъ въ любовной связи съ полицмейстеромъ Залихватскимъ, онъ зналъ, что дѣлалъ, зналъ нравы своего города: полицмейстера побоятся, онъ власть. Но Бѣликовъ даже и не власть, онъ просто мрачный и тупой пошлякъ. И достаточно было одного смѣлаго человѣка, который грубо обругалъ его и буквально спустилъ съ лѣстницы, чтобы Бѣликовъ просто на просто заболѣлъ отъ огорченія и умеръ. Но этотъ смѣлый человѣкъ явился въ городъ только послѣ пятнадцати лѣтъ тираническаго господства Бѣликова. Его „съ большимъ удовольствіемъ" похоронили, радуясь „свободѣ". „Но прошло не больше недѣли, и жизнь потекла по прежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполнѣ; не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили, а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ!—То-то вотъ оно и есть,—сказалъ Иванъ Иванычъ и закурилъ трубку.— Сколько ихъ еще будетъ!—повторилъ Буркинъ".

Такъ кончаетъ писатель, начавшій свою дѣятельность съ того, что каждымъ своимъ разсказцемъ говорилъ: весело жить на свѣтѣ, господа! Какое ужъ тутъ веселье, когда смѣлый человѣкъ, готовый спустить съ лѣстницы ничтожнаго пошляка, является въ пятнадцать лѣтъ разъ! Да и то еще остаются „человѣки въ футлярахъ" и люди только руками разводятъ: то-то вотъ оно и есть!

Я сказалъ: „такъ кончаетъ“ г. Чеховъ. Слѣдовало бы сказать: такъ продолжаетъ. Конца г. Чехову еще далеко не видно. За разсказами „О любви“, „Крыжовникъ“, „Человѣкъ въ футлярѣ“, „Случай изъ практики“ онъ далъ широко задуманный и превосходно выполненный разсказъ „Въ оврагѣ“. И это новый шагъ впередъ. Я не буду передавать содержаніе „Въ оврагѣ“, потому что эта вещь еще у всѣхъ въ памяти. Не буду теперь вообще говорить о ней, какъ ничего не говорилъ о драматическихъ произведеніяхъ г. Чехова. Я пока хотѣлъ сказать лишь „кое-что“ о немъ.

Ник. Михайловскій.

Замѣтки читателя.

Въ послѣдніе годы въ нѣкоторой части нашей литературы замѣчается чрезмѣрный, давно уже небывалый, интересъ къ вопросамъ искусства, и притомъ искусства „чистаго“, взятаго независимо отъ жизни съ ея „волненьями, корыстью и битвами“. Старый литературный споръ, казалось, такъ безповоротно рѣшенный еще Бѣлинскимъ въ послѣдніе годы его критической дѣятельности, возникаетъ на нашихъ глазахъ съ новою силой. „Красота есть *сама по себѣ* великое благо“, съ особенной настойчивостью провозглашаютъ теперь даже почтенные во многихъ отношеніяхъ органы и писатели, совершенно забывая при этомъ спросить себя: да полно, существуетъ ли красота „сама по себѣ“, внѣ отношенія къ человѣку, къ его живымъ потребностямъ и стремленіямъ? А если бы даже и существовала такая отвлеченная красота, то какую бы она цѣну и какой интересъ могла имѣть для насъ? Едва ли стоитъ доказывать, что это тяготѣніе въ сторону самодовлѣющей эстетики есть лишь одинъ изъ безчисленныхъ симптомовъ все продолжающагося въ нашей литературѣ пониженія духа гуманности, — скажу больше: идейности вообще. Когда людямъ становится не о чемъ говорить, когда кругъ предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію литературы, суживается до жалкихъ размѣровъ, на сцену обязательно выплываетъ каждый разъ вопросъ о „чистомъ искусствѣ“, о „красотѣ самой по себѣ“...

Въ 4 № „Русск. Бог.“ за прошлый годъ Н. К. Михайловскимъ была обстоятельно вскрыта идейная сторона любопытнаго романа г. Мережковскаго „Воскресшіе боги“, насколько можно было судить о ней по первымъ главамъ, печатавшимися въ журналѣ „Начало“. Въ нынѣшнемъ году этому произведенію гостепріимно откры-

ваетъ свои двери другой прогрессивный журналъ, „Міръ Божій“. Невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же такимъ плѣнилась почтенная редакція въ этомъ романѣ? Неужели „сверхчеловѣческой“ моралью героя, лежащей „по ту сторону добра и зла“ *)? Неужели реабилитаціей Іуды? Надо надѣяться, что отнюдь не этимъ, а прежде всего и единственно—„художественными красотами“, которыя „сами по себѣ составляютъ великое благо“... Ахъ, эти художественныя красоты! онѣ сводятъ въ наши дни съ ума многихъ очень неглупыхъ людей, поселяя въ ихъ душѣ равнодушіе къ тому, что должно бы, казалось, быть настоящей, высшей красотой для человѣка,—къ справедливости, къ человѣчности...

Посмотримъ же, въ чемъ именно заключается очарованіе символической манеры творчества г. Мережковскаго, и точно ли это очарованіе такъ ужъ неодолимо.

Четвертая глава романа носитъ интригующее названіе „Шабашъ вѣдьмъ“. Авторъ пытается представить здѣсь въ символической картинѣ конецъ среднихъ вѣковъ, когда болѣзненный и удушливый мракъ католической вѣры въ чертей, колдуновъ и вѣдьмъ начиналъ озаряться первыми лучами умственнаго разсвѣта, въ видѣ возврата жизнерадостнаго культа эллинскаго искусства. Это, дѣйствительно, полный высокаго интереса, далеко еще не вполнѣ разъясненный историческій моментъ, и возсоздать его въ образахъ искусства дѣло, конечно, нелегкое, доступное развѣ лишь геніальному художнику. Что же даетъ намъ г. Мережковскій? Читая упомянутую главу „Воскресшихъ Боговъ“, вспоминаешь полушуточную балладу Пушкина „Гусаръ“:

. . . . Молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.
. . . . Кумушка моя
Съ печи тихохонько спрыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула
И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой.
Тамъ съ печки скляночку взяла
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,
Раздѣлась до-нага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.
. . . .
Кой чортъ! подумалъ я; теперь
И мы попробуемъ! и духомъ

*) Говоря о русскихъ ницшіанцахъ, приходится употреблять ихъ собственную терминологію, какъ бы ни мало имѣла она сходства съ терминологіей учителя.

Всю стклянку выпилъ... Вѣрь, не вѣрь—
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.
Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда—не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!.. и на земь упадаю.
Гляжу: гора... На той горѣ
Кипятъ котлы, поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

И всѣ эти чудеса въ рѣшетѣ гусаръ не то во снѣ видѣлъ, послѣ выпитой кварты доброй кіевской „горілки", не то тутъ же, экспромптомъ, сфантазировалъ, желая подурачить „глупаго хлопца". Въ претенціозной „картинѣ-символѣ" г. Мережковскаго это безхитростное гусарское вранье, имѣющее два неоспоримыхъ достоинства—краткости и юмора, размазано на восьми длинныхъ печатныхъ страницахъ, причемъ простодушный народный юморъ замѣненъ глубокомысленной солидностью кропотливаго гелертерства и неудачными потугами художественнаго живописанія.

„Не торопясь, обошла старуха горницу, закрыла наглухо ставни, заткнула щели тряпицами, заперла двери на ключъ, залила водой золу на очагѣ, засвѣтила огарокъ чернаго волшебнаго сала и вынула изъ желѣзнаго рундучка глиняный горшокъ съ острo-пахучею мазью. — Окончивъ приготовленія, мона Сидонія раздѣлась до-нага, поставила горшокъ между корытами, сѣла въ одно изъ нихъ верхомъ на помело и стала натирать себя по всему тѣлу жирною, зеленоватою мазью. Пронзительный запахъ наполнилъ горницу. Это снадобье для полета вѣдьмъ приготовлялось изъ ядовитаго латука, болотнаго сельдерея, болиголова, паслёна, корней мандрагоры, снотворнаго мака, бѣлены, змѣиной крови и жира некрещеныхъ, колдуньями замученныхъ дѣтей", — „Изъ трубы очага вылетѣла Кассандра (племянница старой вѣдьмы), сидя верхомъ на черномъ козлѣ съ мягкою шерстью, пріятною для голыхъ ногъ. *Восторгъ наполнялъ ея душу и, задыхаясь, она кричала, визжала, какъ ласточка (?), утопающая въ небѣ:*—Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая! Летимъ, летимъ! — Нагая, простоволосая, безобразная тетка Сидонія мчалась рядомъ, верхомъ на помелѣ".

Но вотъ, наконецъ, и Гора. „Тонко и сипло пищали волынки изъ выдолбленныхъ мертвыхъ (?) костей; и барабанъ, натянутый кожей висѣльниковъ, ударяемый волчьимъ хвостомъ, мѣрно и глухо гудѣлъ, рокоталъ: тупъ, тупъ, тупъ. Въ гигантскихъ котлахъ закипала ужасная снѣдь, несказанно-лакомая, хотя и не соленая, ибо здѣшній Хозяинъ ненавидѣлъ соль". Начинается безумная пляска. „Чьи-то длинные, мокрые, словно моржовые усы сзади кололи шею Кассандрѣ; чей-то тонкій, твердый хвостъ щекоталъ ее спереди; кто-то ущипнулъ больно и безстыдно; кто-то укусилъ,

прошептавъ ей на ухо чудовищную ласку. *Но она не противилась: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, чѣмъ страшнѣе—тѣмъ упоительнѣе*".

Таковъ „символъ-картина" средневѣковаго мракобѣсія, и надо отдать автору справедливость—внѣшнюю сторону этого страннаго, несомнѣнно психопатическаго времени онъ изучилъ прекрасно, быть можетъ, по первоисточникамъ демонологической литературы. Къ сожалѣнію, далеко нельзя того же сказать о сторонѣ внутренней. Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, во всей этой чертовщинѣ, въ этомъ изысканно-мистическомъ туманѣ хоть слѣдъ настоящаго художественнаго проникновенія въ душу явленія, въ живое человѣческое сердце? Видна чисто-механическая работа талантливаго и начитаннаго литератора—и ничего больше. Рѣзче всего бросается это въ глаза, когда г. Мережковскій пытается дальше „символизировать" первое вѣяніе задавленнаго католическимъ изувѣрствомъ, но вновь возрождающагося духа свѣтлой Эллады. Избранная Ночнымъ Козломъ въ „невѣсты неневѣстныя", Кассандра побѣждаетъ отвращеніе и взглядываетъ на жениха. Да и почему бы ей не поглядѣть? Развѣ, летя на отвратительный шабашъ, рядомъ съ безобразной старой вѣдьмой, она не чувствовала восторга, не визжала, какъ ласточка, утопающая въ небѣ? Развѣ не принимала послушно чудовищныя ласки уродливыхъ колдуновъ и не находила, что „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше, чѣмъ страшнѣе — тѣмъ упоительнѣе"? Но... автору понадобился внезапно символъ иного рода, и вотъ— „чудо совершилось. Козлиная шкура упала съ него, какъ чешуя съ линяющаго змѣя, и древній олимпійскій богъ Діонисъ предсталъ съ улыбкой вѣчнаго веселья на губахъ, съ поднятымъ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградной кистью въ другой; пантера прыгала, стараясь лизнуть эту кисть языкомъ. И въ то же мгновеніе дьявольскій шабашъ превратился въ божественную оргію Вакха: старыя вѣдьмы—въ юныхъ менадъ, чудовищные демоны—въ козлоногихъ сатировъ...—Кассандра упала въ объятія бога".

Чѣмъ однако все это мотивировано? Какъ и почему въ душѣ молодой дѣвушки такъ удивительно совмѣщаются два враждебныхъ одно другому міропониманія? Sic volo—sic jubeo, можетъ, конечно, отвѣтить г. Меражковскій, и найдутся, навѣрно, цѣнители, которые вполнѣ удовлетворятся такой мотивировкой его художественныхъ изображеній.

И это-то наивное, рабское изложеніе схоластическихъ бредней, это механическое сшиваніе бѣлыми нитками готовыхъ, давно сдѣлавшихся вульгарными образовъ зовется „художественною красотою", „символизаціей" духа цѣлой эпохи, „новымъ словомъ" въ искусствѣ! Какъ подумаешь, просто и дешево даются нынче новыя слова! Художникъ реальной школы, взявшись за ту же тему, обязанъ былъ бы проникнуть въ умственные и сердечные тайники тѣхъ больныхъ и странныхъ людей, которые назывались въ средніе

вѣка колдунами и вѣдьмами, вооружиться ножомъ психіатрическаго анализа, а современный символистъ разскажетъ своими словами пушкинскаго „Гусара“, прибавивъ подробный рецептъ волшебнаго зелья и еще кой-какія демонологическія тонкости, но, главное, разскажетъ все это, ни разу не улыбнувшись, съ видомъ глубоко-серьезнымъ, почти мистическимъ—и въ шляпѣ дѣло!

Какъ бы съ цѣлью оправдать появленіе на страницахъ „Міра Божьяго“ романа „Воскресшіе Боги“, постоянный критикъ журнала, г. А. Б., выступилъ въ той же январьской книжкѣ съ оригинальной защитой символизма въ нашей литературѣ. Въ настоящее время, говоритъ г. А. Б., у насъ происходитъ смѣна не поколѣній только, а цѣлыхъ міросозерцаній. Среди современной молодежи намѣтились два типа (марксисты и символисты), представляющіе живое и здоровое зерно, изъ котораго разовьется мощный организмъ будущаго. Относительно перваго изъ этихъ типовъ критикъ ограничивается на этотъ разъ туманнымъ указаніемъ на то, что изъ узкаго доктринерства первыхъ дней уже выдѣляется жизненное и вполнѣ закономѣрное исканіе новыхъ рѣшеній вопроса, который на порогѣ новаго вѣка представляется далеко не столь простымъ, какъ въ началѣ. Но тѣмъ больше вниманія и сочувствія удѣляетъ г. А. Б. символизму. Здѣсь, на чисто литературной почвѣ, вопросъ представляется ему до того „простымъ“ и яснымъ, что онъ приходитъ къ самымъ неожиданнымъ по своей категоричности выводамъ. Онъ утверждаетъ, будто и русскую литературу, подобно западной, „постепенно охватываетъ предчувствіе новаго въ искусствѣ, *которое въ старой своей реалистической формѣ отстало отъ жизни* (курсивъ, какъ и ниже, нашъ. П. Г.)“...

Спрашивается: откуда сіе? Чѣмъ доказывается положеніе, будто искусство Бальзака, Диккенса, Теккерея, Тургенева, Достоевскаго, Рѣпина и Толстого „отстало отъ жизни“ и, потому, требуетъ коренныхъ измѣненій въ своей формѣ и творческихъ пріемахъ? Въ видѣ тяжелой артиллеріи г. А. Б. выдвигаетъ на сцену модныя нынче словечки *усложненіе жизни* и *усложненіе психики* современнаго человѣка *). „За послѣднюю четверть вѣка опредѣлился рядъ общественныхъ явленій, имѣющихъ огромное значеніе, почти стихійно вліяющихъ на жизнь каждаго изъ насъ. Капитализмъ, милитаризмъ, паровая машина и весь переворотъ, ею обусловленный, печать (русская печать?!), — вотъ явленія послѣдняго времени, *подавляющія единичную жизнь* и, несомнѣнно, оказывающія вліяніе на нашу психику. Мы не можемъ не поддаваться очарованію этихъ новыхъ соціальныхъ силъ, всѣми фибрами существа своего ощущая ихъ біеніе и испытывая ихъ неотвратимое воздѣйствіе... Древній грекъ (дѣ-

*) Противъ самого факта усложненія жизни я, конечно, ничего не имѣю и отрицать его не думаю. П. Г.

лаетъ критикъ маленькую экскурсію въ древнюю исторію) *въ эпоху высшаго расцвѣта своихъ свѣжихъ силъ* съ такою же страстью испытывалъ надъ собой вліяніе *невѣдомаго Бога,* котораго онъ называлъ рокомъ, и въ рядѣ символовъ пытался воспроизвести это роковое начало жизни, тяготѣвшее надъ нимъ („Прикованный Прометей" Эсхила, „Эдипъ" Софокла)". Отсюда выводъ, по мнѣнію критика, ясный: чтобы выразить „сущность" нашей усложненной эпохи, *„средства прежняго реалистическаго искусства безсильны,* и оно должно обратиться къ символизму"...

И выводъ вполнѣ неожиданный, и доказательства крайне сомнительныя. Не говоря ужъ о томъ, что comparaison n'est pas raison, г-ну А. Б. не мѣшало бы, толкуя о символизмѣ и мистицизмѣ Эсхила и Софокла, вспомнить, что въ основѣ его лежалъ историческій, *народный* мистицизмъ древнихъ грековъ, и что всѣ образы—символы великихъ греческихъ трагиковъ были заимствованы ими у народной поэзіи временъ Гомера. Оттого-то произведенія Эсхила и Софокла и отличаются такой величавой и вмѣстѣ трогательно-наивной простотой, такой неподдѣльной поэзіей. Никто не докажетъ намъ, чтобы „старецъ" Софоклъ и „младенецъ" Гомеръ были представителями двухъ *по существу* различныхъ и враждебныхъ школъ древне-греческаго искусства. А современные символисты? Какую почву имѣетъ подъ собой утонченный, искусственный мистицизмъ, который они несутъ народамъ-скептикамъ, эпохѣ—если и „высшаго расцвѣта", то никакъ не „свѣжихъ народныхъ силъ", а лишь такихъ продуктовъ человѣческаго духа, какъ милитаризмъ и капитализмъ?..

Но увлеченному блестящей аналогіей, г-ну А. Б. нѣтъ дѣла до явныхъ противорѣчій собственной аргументаціи, и онъ продолжаетъ: „Самъ натурализмъ, повидимому, столь чуждый и враждебный символизму, подготовилъ ему почву, раскрывъ въ романахъ, напр., Золя *коллективную душу соціальныхъ явленій,* власть неодушевленнаго міра вещей надъ единичной душой". И тотчасъ же вслѣдъ за этими строками, „душа" романовъ Золя перестаетъ быть „душой", и г-ну А. Б. символика Золя уже представляется „грубой по существу" (?), потому что она обрисовываетъ только *„внѣшность вещей",* а не выражаетъ „внутренняго состоянія" человѣчества. Какъ образчикъ, „намекающій" на символику высшаго типа, на символизмъ ближайшаго будущаго, г-нъ А. Б. приводитъ чье-то описаніе одной изъ картинъ Рошгросса:

Богатый промышленный городъ, безобразный и безпокойный; небо задернуто дымомъ и испареніями нездоровой, безполезной работы. И вотъ, охваченная отчаянной, неукротимой жаждой богатства, почестей, блеска и возвышенія, толпа въ братоубійственной свалкѣ встаетъ въ видѣ какой-то живой пирамиды, давя и толкая другъ друга, падая и снова вставая, цѣною мира, цѣною красоты, цѣною жизни подымаясь все выше и выше къ золотой Фор-

тунѣ, которая съ насмѣшливой улыбкой пролетаетъ тамъ, вверху, надъ протянутыми къ ней пустыми руками и... исчезаетъ.

Я не видалъ символическихъ картинъ Рошгросса, да и критикъ „Міра Божьяго" говоритъ о нихъ, точно съ чужихъ словъ (приведенная только что цитата стоитъ у него въ ковычкахъ). Но это не важно, такъ какъ разбираемая статья, обильная ссылками на произведенія Эсхила, Софокла и Золя, касается,—надо думать— вопросовъ искусства не въ спеціальномъ смыслѣ искусства—живописи, а въ широкомъ, обнимающемъ всѣ проявленія человѣческаго генія; къ тирадѣ, посвященной Рошгроссу, я позволяю себѣ поэтому отнестись, какъ къ чисто-литературному произведенію, вродѣ стихотворенія въ прозѣ.

Картинка, безспорно, поэтическая и выразительная, не смотря на нѣкоторую вычурность. Однако, что же такого въ ней *новаго по существу*, въ содержаніи или формѣ, чего нельзя было бы сыскать у десятковъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ, какъ у романтиковъ, такъ и реалистовъ, у Байрона, у Гете, у Гюго и Пушкина? Довольно вспомнить, хотя бы, извѣстную арію Мефистофеля:

На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный...

Отъ символовъ, какъ поэтическихъ образовъ, не отказывался еще ни одинъ поэтъ въ мірѣ, даже и такой, напр., ультрареалистъ, какъ нашъ Некрасовъ.

Чу! восклицанья послышались грозныя.
Топотъ и скрежетъ зубовъ.
Тѣнь набѣжала на стекла морозныя...
Что тамъ? — Толпа метвецовъ.
То обгоняютъ дорогу чугунную,
То сторонами бѣгутъ.
Слышишь-ли пѣніе: «Въ ночь эту лунную
Любо намъ видѣть нашъ трудъ».

Развѣ этотъ простой, но понятный нашему чувству образъ менѣе красивъ и выразителенъ, чѣмъ отзывающаяся искусственностью „сложная" картина Рошгросса? Развѣ мужики того же Некрасова, съ непокрытыми головами и обутыми въ лапти окровавленными ногами стоявшіе у роскошнаго подъѣзда вельможи, не символизировали собой всего состоянія дореформенной Россіи, и притомъ несравненно сильнѣе, чѣмъ напр., „Шабашъ вѣдьмъ" г. Мережковскаго—демономанію конца среднихъ вѣковъ? А „Мѣдный всадникъ" Пушкина развѣ не могучій символъ эпохи нашего собственнаго ренессанса? А „Тьма" Байрона, или „Фаустъ" Гете? А весь Шелли? На послѣдняго символисты нашихъ дней, правда, уже постарались надѣть узду своихъ мертворожденныхъ теорій, но одного никакъ не могли они вытравить изъ этой сво-

бодной, гордой поэзіи—истинной поэтичности ея образовъ, вытекавшихъ изъ проникнутаго пантеизмомъ *духа* великаго поэта, равно какъ ея глубокой человѣчности, т. е. всего того, чего и слѣда нѣтъ въ ихъ собственныхъ, *умомъ вымученныхъ*, твореніяхъ. Все чаще и чаще встрѣчаются въ послѣднее время попытки объявить „символистами" и многихъ другихъ великихъ поэтовъ, начаная съ Гете и кончая даже Пушкинымъ; но если такъ, если символистами были и Софоклъ съ Эсхиломъ, и Данте съ Кальдерономъ, и Гете, и Пушкинъ и Шелли, то не лучше ли, не сильнѣе ли всего говоритъ это *противъ* символистскихъ теорій, главное основаніе которыхъ — усложненіе *современной* жизни и современной человѣческой психики?..

Господа символисты, впрочемъ, оговариваются: то были лишь первые лучи утренней зари, намеки, предчувствія новаго... Процитировавъ Рошгросса, г. А. Б. прибавляетъ: „Еще утонченнѣе этотъ символизмъ въ картинахъ англійскихъ прерафаэлитовъ и у нѣмецкихъ художниковъ, какъ Беклинъ и Клингеръ, которые *цѣликомъ* уходятъ въ міръ *сложныхъ ощущеній того осложненнаго существа, какимъ является современный человѣкъ. И этотъ символизмъ вполнѣ законенъ, какъ въ свое время было законно реальное направленіе, уничтожившее мертвую манерность ложно-классицизма*". Такъ раскрываетъ въ концѣ концовъ свои карты замысловатый критикъ: онъ приглашаетъ русскую литературу и русское искусство къ подражанію англійскимъ прерафаэлитамъ, къ „погруженію цѣликомъ" въ мутный океанъ утонченныхъ и извращенныхъ чувствъ, такъ называемаго „эстетическаго идеализма"... Положительно не хочется этому вѣрить; невольно надѣешься, что здѣсь кроется какое - нибудь недоразумѣніе, что почтенный критикъ „Міра Божьяго" просто чего - нибудь не дописалъ или... переписалъ, что-ли. Иначе было бы слишкомъ ужъ грустно... Вѣдь подумать только: Толстымъ и Тургеневымъ предстоитъ въ самомъ близкомъ будущемъ горькая участь, постигшая нѣкогда „мертвыхъ и манерныхъ" лже-классиковъ, и замѣнятъ ихъ у насъ доморощенные Оскары Уайльды, прерафаэлиты и символисты!.. И, притомъ, символическая поэзія недалекаго будущаго будетъ состоять *„сплошь, цѣликомъ"* (на этомъ настаиваетъ г. А. Б.) изъ картинъ-символовъ вродѣ тѣхъ, на какія „намекаетъ" Рошгроссъ. Вмѣсто того, чтобы, напр., сказать простую фразу: „отворивъ дверь, онъ вышелъ", символисты станутъ изъясняться: „блеснула черная дыра—и отъ него осталось воспоминаніе", или что-нибудь въ этомъ родѣ. Я не знаю, конечно, что это будутъ за люди—читатели будущаго, умы, усложненные милитаризмомъ, утонченные паромъ, электричествомъ и проч., но и они, думается мнѣ, могутъ, наконецъ, всплакаться отъ излишняго обилія цвѣтовъ краснорѣчія! Что касается настоящаго, то, не находясь еще подъ „очарованіемъ новыхъ соціальныхъ силъ", я ни-

какъ не могу уразумѣть, почему это для выраженія, напр., стремленія къ возвышенному и идеальному пригоднѣе ребяческіе образы символистовъ (постройка высокихъ башенъ и восхожденіе на колокольни), чѣмъ правдивое изображеніе жизненныхъ коллизій, какое находимъ у реалистовъ. Развѣ жизнь, живая человѣческая жизнь не богата положеніями несравненно болѣе головокружительными, чѣмъ самыя высокія на свѣтѣ башни и колокольни? Если, напр., Гильда, фантастически-безплотная героиня ибсеновскаго „Строителя Сольнеса", символизируетъ собою беззавѣтное чувство женщины, сливающей порывъ къ идеальному съ личностью любимаго человѣка, то не въ тысячу ли разъ жизненнѣе, прекраснѣе и—если ужъ на то пошло,—сложнѣе вполнѣ реальный образъ тургеневской Елены? Беру первый подвернувшійся примѣръ, но вѣдь ихъ можно набрать сотни.

Хуже всего въ этихъ спорахъ о нарождающемся „новомъ" въ искусствѣ то, что сами прозелиты его и защитники очевидно далеко не уяснили себѣ, что такое они разумѣютъ подъ этимъ *новымъ*, и на каждомъ шагу забавно противорѣчатъ другъ другу. Такъ, напр., одинъ изъ первыхъ у насъ провозвѣстниковъ „символизма", г. Волынскій, опредѣлялъ „новое искусство", какъ „сочетаніе въ художественномъ изображеніи міра явленій съ міромъ божества". Не совсѣмъ это было ясно, но за то, по крайней мѣрѣ, глубокомысленно... Но вотъ читатели узнаютъ недавно отъ г-жи Гуревичъ, помѣщающей въ журналѣ „Жизнь" обозрѣнія новѣйшихъ литературныхъ теченій во Франціи и Германіи, что символизмъ есть не что иное, какъ „идейно-психологическая" литература... Вотъ такъ открытіе! Когда въ „Сѣв. Вѣстникѣ" опредѣляли символизмъ, какъ „сочетаніе міра божества съ міромъ явленій", тогда было, по крайней мѣрѣ, понятно, во имя чего Мальбругъ въ походъ собрался; но идейно - психологическая литература... Что же здѣсь „новаго"? Въ художественныхъ произведеніяхъ какой школы нѣтъ идей, нѣтъ психологіи?

Что касается г. А. Б., то онъ предпочелъ воздержаться отъ общаго опредѣленія символизма, предоставивъ не только читателю, но и самому себѣ полную въ этомъ отношеніи свободу. И это былъ весьма дальновидный ходъ, такъ какъ свобода понадобилась критику даже раньше, чѣмъ можно было разсчитывать. Статья г. А. Б., въ которой похоронено реальное искусство, напечатана въ январьской книжкѣ „Міра Божьяго", а уже въ февральской книжкѣ тому же г. А. Б. понадобилось съ колѣнопреклоненіемъ воскурить ѳиміамъ передъ новымъ произведеніемъ „великаго писателя земли русской"... Вспомнивъ объ „Аннѣ Карениной" и „Войнѣ и Мирѣ", критикъ находитъ, что въ „Воскресеніи" съ той же „широтой захвата жизни, легкостью и естественной простотой геніальный авторъ переноситъ насъ изъ тюрьмы въ залу суда, изъ суда въ великосвѣтское общество, изъ

деревни въ столицу, изъ пріемной министра въ камеру сибирскаго этапа. При этомъ не чувствуется ни малѣйшей дѣланности, какъ будто *сама жизнь развертывается передъ нами во всемъ своемъ разнообразіи. И какъ развертывается!* Вы испытываете одновременно и потрясеніе отъ видимаго ужаса и несправедливости человѣческихъ отношеній, и умиленіе и радость за неугасимую жажду правды, которая все время чувствуется въ каждомъ моментѣ этихъ отношеній".

Итакъ, съ одной стороны „реальное искусство отстало отъ жизни", а съ другой—оно „развертываетъ передъ нами жизнь во всемъ ея разнообразіи", да еще какъ развертываетъ! Что же теперь дѣлать читателямъ „Міра Божьяго"? Январьской или февральской книжкѣ журнала вѣрить? Не знаю, какъ поступятъ читатели, но г-ну А. Б. остается, кажется, одно: объявить Толстого символистомъ... А, впрочемъ, и это не будетъ ново: фельетонистъ одной петербургской газеты уже предвосхитилъ эту идею...

Предъидущая глава „замѣтокъ" была уже написана, когда я обратилъ вниманіе, что г. А. Б. уже и въ январьской своей статьѣ, посвященной восхваленію символизма, отзывается о „Воскресеніи" Толстого съ тѣмъ же чувствомъ глубокаго удивленія и уваженія, называя романъ явленіемъ огромнымъ, произведеніемъ „колоссальнымъ". Выходитъ, какъ будто, такъ, что я взвелъ неосновательный поклепъ на почтеннаго критика, и никакого противорѣчія самому себѣ, никакой быстроты въ перемѣнѣ взглядовъ у него нѣтъ, — прославленіе символизма онъ прекрасно умѣетъ совмѣщать съ признаніемъ истинныхъ заслугъ реальной школы. Къ сожалѣнію, въ мимолетномъ январьскомъ отзывѣ г. А. Б. о „Воскресеніи" есть маленькая оговорка, которая все уничтожаетъ и благодаря которой, вѣроятно, и самый отзывъ въ свое время не остановилъ на себѣ моего вниманія: новый романъ Толстого, по мнѣнію критика, настолько исключительное произведеніе, что къ нему *совершенно непримѣнимы обычныя мѣрки*... Это сама, молъ, дѣйствительность, сама правда, („ужасная правда"), а никакъ не продуктъ искусства, подлежащій обычнымъ законамъ творчества. „Толстой нисколько не *старается* (курсивъ г. А. Б.) въ художественномъ смыслѣ, онъ непостижимымъ образомъ творитъ ту жизнь, которая окружаетъ насъ на каждомъ шагу". Мысль очень странная и, конечно, невѣрная. Что въ произведеніяхъ крупныхъ художниковъ мы, читатели, не видимъ ихъ черновой работы, ихъ художественныхъ „стараній"—это такъ и должно быть; ничего тутъ спеціально свойственнаго толстовскому генію нѣтъ; но намъ вѣдь отлично извѣстно, что за кулисами своей поэтической работы „старался" даже самъ Пушкинъ, неустанно „старается" и Левъ Николаевичъ... Сомнительный ком-

плиментъ понадобился нашему критику, очевидно, для того только, чтобы поставить великаго романиста въ положеніе исключительное, свободное отъ всякихъ *мѣрокъ* и *школъ* и, тѣмъ самымъ, предоставить себѣ свободу „мѣрять", какъ угодно, всѣ остальныя произведенія литературы и искусства. Пріемъ этотъ по существу своему представляется мнѣ невѣрнымъ, такъ какъ законы человѣческаго искусства должны быть всегда и всюду одни и тѣ же, какъ для бездарностей, такъ и для геніевъ. Какъ ни великъ Толстой, онъ все же не богъ; да и развѣ есть что-либо постыдное для него въ томъ, что Европа признаетъ его единственнымъ въ настоящее время главою своего реальнаго искусства? Я продолжаю, поэтому, и теперь утверждать то же самое: въ одной книжкѣ журнала г. А. Б. развѣнчиваетъ реальное искусство, а въ другой—поетъ ему хвалы, въ лицѣ законнаго главы и представителя школы...

Меня нѣсколько смущаетъ другое возможное возраженіе со стороны г. А. Б.: Не о реальной вовсе школѣ *въ литературѣ* говорилъ я, а лишь—въ *искусствѣ*, въ живописи... Вѣдь говорилъ я почти исключительно о *картинахъ* Беклина, Клингера, Рошгосса... И, притомъ, я далеко не поклонникъ современнаго россійскаго символизма, его бездарнаго и пошлаго оригинальничанья! Въ той же инкриминируемой статьѣ я писалъ: „Такой символизмъ напоминаетъ символику дѣтей, когда они рисуютъ кривыя фигурки и серьезно видятъ въ нихъ принцевъ и фей. Чтобы увлечься такимъ символизмомъ, надо самому стать ребенкомъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать такому искусству скорый конецъ. Это та накипь, которая всплываетъ на поверхность при первомъ закипаніи воды, и не ей, конечно, суждено быть тѣмъ здоровымъ зерномъ, изъ котораго разовьется искусство будущаго. Замѣчательно, что ни одного таланта не создала эта новая группа. Всѣ сколько-нибудь талантливые—люди зрѣлаго возраста, проявившіе свои способности совсѣмъ въ иной области. Изъ молодыхъ же—никого, не только талантливаго художника, но даже просто способнаго, *ни въ поэзіи, ни въ живописи*, — признакъ роковой для любого направленія".

Да, все это, дѣйствительно, сказано въ январьскихъ „критическихъ замѣткахъ" г. А. Б., какъ сказано въ нихъ и многое другое, изъ чего можно вывести самые неожиданные и противорѣчивые выводы... Критика г. А. Б., вообще, очень тонкое и сложное кружево, въ узорахъ котораго намъ, обыкновеннымъ читателямъ, легко запутаться... Совершенно справедливо, что къ современнымъ представителямъ россійскаго символизма онъ относится безпощадно сурово, но не въ обиду будь сказано г-ну А. Б., литературный предшественникъ его по проповѣди символизма, г. Волынскій,—по собственному его картинному выраженію, — тоже вѣдь въ три кнута хлесталъ пресмыкавшихся у его ногъ симво-

листовъ-поэтовъ, рѣшительно ни за кѣмъ изъ нихъ не признавая настоящаго таланта. Что касается возможности ограниченія вопроса рамками искусства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то, я надѣюсь все таки, г. А. Б. не прибѣгнетъ къ такому странному объясненію своей статьи: не говоря уже о томъ, что въ статьѣ этой трактуется далеко не объ одной живописи,—съ какихъ это поръ дороги литературы и искусства разошлись такъ радикально, что настала пора установленія совершенно различныхъ законовъ для той и другой сферы творчества? Я жду, что всѣ мои недоумѣнія (да и мои ли только?) г. А. Б. разъяснитъ въ скоромъ времени самымъ основательнымъ образомъ...

Отчетъ г. А. Б. о весеннихъ выставкахъ, помѣщенный въ только что вышедшей апрѣльской книжкѣ „Міра Божьяго", ничего рѣшающаго въ этомъ отношеніи не даетъ. Не имѣя возможности личнымъ опытомъ провѣрить художественныя впечатлѣнія критика, большинство читающей публики видитъ одно, что и здѣсь г. А. Б. выступаетъ противникомъ реалистовъ-передвижниковъ и сторонникомъ символистовъ-академиковъ. Охотно допуская, что художники-реалисты на этотъ разъ оплошали, что въ ихъ средѣ нѣтъ въ настоящее время крупныхъ и свѣжихъ талантовъ, я однако не сдѣлалъ бы отсюда никакого обобщающаго вывода: отсутствіе силы не обозначаетъ еще и отсутствія права... Да и самъ г. А. Б., констатировавшій въ январѣ мѣсяцѣ убожество нашихъ символическихъ талантовъ,—какъ однако распинался онъ за будущее символической школы! Теперь онъ, напротивъ, усиленно подчеркиваетъ слабость представителей реальнаго искусства, желая видѣть въ этомъ явленіи дряхлость, замкнутость и оторванность школы отъ „современнаго настроенія"... За то критикъ въ полномъ восторгѣ отъ выставки академиковъ, которыхъ невѣжественная публика легкомысленно и несправедливо окрестила „декадентами". Помилуйте, какіе же это декаденты! Нелѣпости у нихъ, конечно, есть, но и эти нелѣпости имѣютъ свой raison d'être, такъ какъ, благодаря имъ, лучше оттѣняется высокая красота настоящихъ символическихъ перловъ. Одинъ изъ такихъ перловъ представляетъ, напр., по мнѣнію г. А. Б., „Баллада" г. Рущица. „Мчащаяся лѣсомъ карета, подъ шумъ и трескъ бури, гнущей и ломающей деревья, тревожно несущіяся облака и таинственно мигающій сквозь деревья свѣтъ — невольно охватываютъ зрителя дрожью, какъ предчувствіемъ какого-то преступленія, только что совершившагося (?), чего-то таинственнаго, страшнаго и неизбѣжнаго. Это чувство жуткаго страха передано г. Рущицемъ превосходно въ каждомъ штрихѣ картины, чувство страха и безсилія *передъ рокомъ* (очевидно, рокъ—это пупъ символическаго царства! П. Г.), отъ котораго не уйти, какъ не уйти и этой бѣшено несущейся каретѣ. Картина проникнута *однимъ* настроеніемъ тревоги, и въ томъ ея огромное

достоинство, помимо техники, тоже заслуживающей вниманія новизною пріема, что, впрочемъ, лучше видно на картинахъ другаго художника того же направленія, г. Зарубина—„Солнце садится“ и „Забытая дорога“. *Новизна этого пріема вначалѣ смущаетъ зрителя, который*, стоя вблизи, вплотную къ картинѣ, *ничего не видитъ, кромѣ странныхъ и грубыхъ мазковъ и пятенъ*, недающихъ никакого цѣльнаго представленія (курсивъ мой. П. Г.) „Что за нелѣпости!“—вотъ первое заключеніе. Но когда тотъ же зритель, отойдя отъ картины, случайно оглянется, онъ пораженъ: предъ нимъ вполнѣ опредѣленное и яркое изображеніе, вполнѣ гармоничное въ мельчайшихъ деталяхъ, оставляющее вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе“.

О другой подобной же картинѣ критикъ гововоритъ, что и она *„вблизи ничего не даетъ, кромѣ пятенъ и смутныхъ кружковъ странной, на первый взглядъ, окраски.* Краски эти кажутся неестественными, но на разстояніи, сливаясь въ общемъ, производятъ иллюзію полнѣйшей естественности“. Этотъ фокусъ-покусъ кажется г-ну А. Б. настоящимъ чудомъ искусства, квинтэссенціей художественности, и онъ отъ него въ восторгѣ сверхъ всякой мѣры. Объ одномъ только онъ жалѣетъ: пріемъ этотъ представляется ему чрезвычайно труднымъ, почему безталанные художники, пробующіе имъ пользоваться, кончаютъ полнѣйшей неудачей, какъ напр., г. Ціонглинскій, импрессіонизмъ котораго ничего не вызываетъ, кромѣ недоумѣнія. То же, хотя съ нѣкоторыми оговорками, можно сказать и о многочисленныхъ картинахъ г. Пурвита, который пытается воспроизвести нѣжные оттѣнки весеннихъ красокъ, зелени и особой прозрачности воздуха весною. Самое большое его полотно „Весна“, въ одномъ сплошномъ свѣтло-зеленомъ тонѣ, *съ какой стороны къ ней ни подходи*, все остаестя сплошнымъ зелено-желтымъ пятномъ, весьма-таки некрасивымъ“.

Но позвольте, почтеннѣйшій критикъ! Не поторопились ли вы съ приговоромъ? Точно ли *со всѣхъ сторонъ* подошли вы къ картинѣ г. Пурвита? А что если этотъ художникъ-символистъ похитрѣе и поискуснѣе гг. Рущица, Зарубина и К°, и нужно забраться на потолокъ для того, чтобы увидать какой-нибудь смыслъ въ его „зеленожелтомъ, весьма-таки некрасивомъ“ пятнѣ? Быть можетъ сумѣй зритель подойти къ картинѣ *съ этой* неожиданной стороны— и передъ нимъ по свѣтло-зеленому фону запрыгаютъ такіе зайчики, что онъ будетъ пораженъ: „Какъ это ново! Какъ хорошо! Весна, настоящая весна!“—Въ томъ-то вотъ и дѣло, что все это „новое искусство“ черезчуръ фокусъ-покусно, черезчуръ условно, зависитъ отъ всякаго рода настроеній, угловъ и точекъ зрѣній; средній, нормальный наблюдатель рискуетъ не увидать въ немъ ничего, кромѣ „странныхъ и грубыхъ пятенъ“ и остаться при своемъ мнѣніи профана, что искусство это—декадентское. Не по-

торопился ли поэтому г. А. Б. восторженно заключить о „новыхъ теченіяхъ въ нашемъ искусствѣ, о поискахъ новыхъ средствъ для выраженія *измѣнившихся взглядовъ* (ахъ, здѣсь-то, должно быть, и зарыта собака!) для болѣе тонкаго пониманія природы (!) и болѣе глубокаго отраженія *современныхъ настроеній*“. На этой выставкѣ, продолжаетъ критикъ, „чувствуется свѣжее вѣяніе (?), присутствіе молодого духа, стремительнаго и подчасъ ударяющагося въ крайности. Послѣдняго никто не станетъ отрицать (ну, еще бы!), но общій колоритъ сверкаетъ и искрится, какъ молодой задоръ, что увлекаетъ и зрителя, уходящаго освѣженнымъ и бодрымъ. Крайности исчезнутъ со временемъ, а новые таланты, которые здѣсь есть несомнѣнно, выбьются на истинный путь, *свой* путь, какъ все оригинальное и даровитое, что не можетъ удовлетворяться даннымъ шаблономъ и топтаться на мѣстѣ. Въ движеніи—сила, все—лучше, чѣмъ застой и неподвижность, печать которыхъ такъ ярко лежитъ на выставкѣ передвижниковъ текущаго года“.

Неужели *движеніе* (хотя бы то было и кривляніе паяцовъ), дѣйствительно, самая желанная вещь въ искусствѣ? Неужели *все*, рѣшительно *все*, всякая нелѣпость и безобразіе, лучше, чѣмъ—хотя бы только временная, выжидающая, полная грустной заботы и раздумья—неподвижность?..

Слѣдомъ за публицистами и критиками даже поэты пустились воспѣвать „усложненіе жизни“ и восторгаться его великими послѣдствіями. Въ концѣ прошлаго года въ „СПБ. Вѣдомостяхъ“ напечатано было слѣдующее курьезное стихотвореніе:

Жизнь растетъ безъ остановки
И шагаетъ безъ дороги;
Только вы одни неловки,
Только вы коротконоги.
За ея огромнымъ ростомъ
Какъ угнаться вашимъ шагомъ?
Передъ каждымъ вы прохвостомъ
Остаетеся за флагомъ.

Упрекъ направлялся по адресу какихъ-то шаблонныхъ либераловъ литературнаго міра, которымъ противопоставлялись „настоящіе“, очевидно, съ длинными ногами и соотвѣтствующей ловкостью, словомъ, люди съ усложненной психикой, съ „новымъ настроеніемъ“. Что это, однако, за люди?..

Мы видѣли выше, что въ пестромъ и сложномъ калейдоскопѣ современности г. А. Б. отмѣтилъ два главныхъ теченія, за которыми призналъ будущее,—символизмъ и марксизмъ; но мы видѣли также, что символизмъ есть нѣчто въ высшей степени смутное, неопредѣленное, сбивчивое, чего не уразумѣли еще въ достаточной мѣрѣ и сами его литературные провозвѣстники. Въ конечномъ

выводѣ символизмъ, какъ и декадентство, есть не болѣе какъ писательскій зудъ сказать что-то новое и великое, не имѣя за душой ровно ничего не только великаго, но и просто интереснаго. О другомъ отмѣченномъ г. А. Б. теченіи, я предпочту вовсе умолчать: со всѣхъ сторонъ идутъ слухи и толки о какомъ-то глубокомъ и благотворномъ броженіи, совершающемся въ нѣдрахъ современнаго марксизма; говорятъ, будто первоначальныя антипатичныя стороны теоріи, доктринерская односторонность, самомнѣніе, презрѣніе къ человѣческой личности, начинаютъ по-немногу исчезать; говорятъ, будто кое въ чемъ уже наблюдается возвратъ къ осмѣянному старому... Дай-то Богъ! Поживемъ—увидимъ!

Но, что бы ни сулило ближайшее будущее, одинъ фактъ навсегда, думается мнѣ, останется безспорнымъ фактомъ: первоначальный марксизмъ внесъ свою каплю меда въ пресловутое „новое настроеніе“ нашихъ дней. Создалась своеобразная литературная группа, усвоившая основныя положенія экономическаго матеріализма и какъ-то удивительно съумѣвшая связать ихъ съ нѣкоторыми идеями Ницше и идейками символистовъ. Связь, повидимому, совершенно противоестественная: ницшіанство принципіально враждебно толпѣ, символизмъ тяготѣетъ къ небу и презираетъ все грубо-матерьяльное; наоборотъ, марксизмъ изучаетъ законы жизненныхъ условій трудящихся массъ и больше всего чуждается всякаго фантазерства. И, тѣмъ не менѣе, какія-то точки касанія между противоположными міровоззрѣніями нашлись: это было, прежде всего, отрицательное отношеніе марксизма къ „народу“, равно какъ грубыя нападки на эпоху 70-хъ годовъ, которую наши эстеты имѣли слишкомъ довольно причинъ ненавидѣть...

Наиболѣе характерной, центральной идеей 70-хъ годовъ была, какъ извѣстно, мысль о „народѣ“, воплотившемъ въ себѣ труды и страданія не только настоящей минуты, но и цѣлаго ряда прошедшихъ вѣковъ. „Критически мыслящая личность“ должна была придти на помощь его стихійной мощи и общими усиліями повернуть колесо исторіи въ благопріятную сторону. Стимуломъ ея героической дѣятельности являлась благородная идея расплаты за огромную „цѣну прогресса“, благами котораго, купленными кровью и слезами трудящихся поколѣній, пользуются, главнымъ образомъ, культурные и интеллигентные слои, стоящіе наверху общественной лѣстницы... Таковъ былъ, въ краткихъ словахъ, кодексъ общественной морали 70-хъ годовъ; таково было „старое настроеніе“. Нужно-ли оговариваться, что идея „долга“ не была какимъ-то дамокловымъ мечемъ, съ угрозой висѣвшимъ надъ головой современнаго интеллигента, что у философовъ, публицистовъ и поэтовъ эпохи имѣлась одна только власть—власть свободной (да и то вполнѣ-ли?) проповѣди, обращенія къ уму и къ сердцу современниковъ? Излишне также пояснять, что выдающіеся

дѣятели того времени сами, быть можетъ, безконечно меньше своихъ теперешнихъ противниковъ нуждались въ напоминаніяхъ о „долгѣ“ для того, чтобы неустанно и самоотверженно служить интересамъ народа; высоко развитая личность иначе не представляетъ себѣ личнаго счастья, какъ справедливо выдѣленной изъ общаго блага доли, и если общество страдаетъ—она органически неспособна чувствовать довольство и счастье. И, тѣмъ не менѣе, горячая проповѣдь долга, любви къ народу, самопожертвованія имѣла глубокій практическій смыслъ: она воспитывала юношество, она создавала въ обществѣ повышенную нравственную атмосферу, зажигая даже лѣнивыхъ и равнодушныхъ и удваивая силы натуръ героическихъ.

„Ученики“ все это упразднили... И прежде всего, вмѣсто великаго слова народъ, написали на своемъ знамени опредѣленную *часть* народа, борющуюся за свои *классовые* интересы; интеллигенціи отвели послѣднее мѣсто въ исторіи, объявивъ ее quantité négligeable... Идея „долга“ становилась, при такой постановкѣ вопроса, какой-то ребяческой, романтически ненужной погремушкой; ее должны были замѣнить „желѣзные законы“ исторіи, холодное и трезвое сознаніе того, что только та идеологія сильна и прочна, которая опирается на классовые интересы.—Эти основныя идеи экономическаго матеріализма пришлись какъ нельзя болѣе по душѣ тому русскому интеллигенту, дряблую совѣсть котораго безмѣрно удручала проповѣдь отреченія предшествующей эпохи: не было силъ ни откровенно и громко сознаться въ желаніи пребывать въ станѣ ликующихъ и равнодушныхъ, ни пойти по иному пути. Новыя формулы совершенно развязывали этому безвольному интеллигенту руки, потому что объявляли его свободнымъ отъ всякихъ долговъ передъ кѣмъ бы то ни было,— и все это на строгихъ основаніяхъ объективной науки! Радость была безмѣрна; освобожденный „узникъ“ чувствовалъ себя, по всей вѣроятности, какъ теленокъ, выпущенный весной изъ душной и тѣсной загородки на свѣжую, зеленую травку. Какъ онъ брыкался, какъ рѣзвился! какъ храбро и побѣдоносно бодался воображаемыми рогами!

«Семидесятые годы (совсѣмъ еще недавно откровенничалъ одинъ изъ такихъ освобожденныхъ узниковъ, на страницахъ журнала «Жизнь») отличались огромной требовательностью по отношенію къ каждому отдѣльному человѣку, явно желали задѣть его совѣсть, представляя ему безмѣрность цѣны прогресса и выставляя на видъ всю полноту его нравственной отвѣтственности передъ страданіями прошлаго и настоящаго». — «*Безконечныя разсужденія «Отечественныхъ Записокъ» о тенденціяхъ въ художественныхъ произведеніяхъ—сухи и мертвы въ настоящее время*, но въ тоже время они поразительно характерны. *Тамъ постоянно проводилась одна и та же мысль объ обязанностяхъ художника служить своему времени, возбуждать жалость и сострадание къ обиженнымъ и угнетеннымъ, проводить прогрессивныя идеи* (курсивъ нашъ. П. Г.)», — «Въ проповѣдяхъ того времени настойчиво повторялось слово *уплата*

и даже серьезные люди охотно принимали тонъ моралистовъ и проповѣдниковъ. Создаются формулы прогресса, сочиняются философскіе и историческіе труды, и все это имѣетъ единственной цѣлью воздѣйствовать на совѣсть слушателя. Атмосфера была насыщена нравственной отвѣтственностью и считалось чѣмъ-то пошлымъ и прямо буржуазнымъ говорить о правѣ каждаго на личное счастье».—«Можно ли наваливать на человѣческую совѣсть слишкомъ большую ношу? не устанетъ ли она, наконецъ, отчего могутъ произойти въ высшей степени нежелательные результаты? Не вреденъ ли нравственный ригоризмъ вообще, не позволяющій человѣку сдѣлать и глотка свѣжаго воздуха ради самого себя, обрекающій его на безполое существованіе? Разсчетливо ли это вѣчно твердить ближнему своему: «ты долженъ, ты долженъ... Пора же подумать о расплатѣ».—«Если въ человѣка вложена органическая потребность личнаго счастья, то какъ же можно препятствовать ему стремиться къ его достиженію?» — «Было признано, что надо страдать (изъ любви къ страданію?! П. Г.). Надъ короткой человѣческой жизнью, надъ ея жаждой свѣта, приволья и счастья—требовательная, ригористическая этика набросила мрачную, пугающую тѣнь».

Я не для того привожу эти длинныя выдержки изъ печальной памяти статей г. Евгенія Соловьева, чтобы спорить заднимъ числомъ съ этимъ смѣлымъ писателемъ. На страницахъ „Р. Б." онъ уже получилъ достаточную и вполнѣ заслуженную отповѣдь. Мнѣ нуженъ г. Евг. Соловьевъ только, какъ самый яркій образчикъ того, что шумитъ теперь и назойливо лѣзетъ впередъ подъ именемъ „новаго настроенія". Обратите, читатель, особенное вниманіе на подчеркнутыя мной въ приведенной цитатѣ строки, на ихъ самоувѣренную и беззастѣнчивую откровенность. Не хуже любого восьмидесятника изъ „Книжекъ Недѣли", критикъ „Жизни" называетъ дѣломъ „сухимъ и мертвымъ въ настоящее время" служеніе литературы „прогрессивнымъ идеямъ", своему времени, угнетеннымъ и обиженнымъ. Его въ высшей степени возмущаетъ, что литераторы 70-хъ годовъ употребляли всѣ доступныя имъ усилія для воздѣйствія на человѣческую совѣсть; онъ беретъ подъ свою защиту свободу человѣческой личности, т. е. то, что онъ разумѣетъ подъ свободой,—право личности на „небезполое существованіе", глотаніе свѣжаго воздуха „ради самого себя" (?) и тому подобныя блага „личнаго счастья". Ему вообще кажется, что 70-ые годы пригнетали и *забивали* человѣческую личность, хотя тутъ же онъ и противорѣчитъ себѣ, говоря, что сдѣлать это было невозможно, такъ какъ стремленіе къ личному счастью органически присуще человѣку. Но противорѣчія — не въ счетъ у подобныхъ писателей. Люди 70-хъ годовъ представляются г. Соловьеву какой-то суровой и угрюмой пуританской сектой, которая въ корнѣ считала зломъ всякія мечты о „свѣтѣ, привольи и счастьи" на этой грѣшной землѣ; ему, какъ-будто, и въ голову не приходитъ, что въ „мрачной, пугающей тѣни", дѣйствительно висѣвшей надъ эпохой, меньше всего повинна была этика ея публицистовъ! Что послѣдніе не проповѣдывали какого-то безцѣльнаго, самодовлѣющаго монашества, что они не пригнетали, а, на-

противъ, поднимали человѣческую личность, открывая передъ ней великія перспективы, — смѣшно было бы доказывать этотъ общеизвѣстный фактъ. Самъ же г. Соловьевъ признаетъ, что философомъ-знаменоносцемъ эпохи былъ г. Михайловскій, а философія этого послѣдняго въ чемъ же другомъ и заключалась, какъ не въ проповѣди всесторонняго развитія личности, не въ пламенномъ гимнѣ свободному человѣку? Не его ли и не автора ли „Опыта исторіи мысли" упрекаютъ г. Евг. Соловьевъ и ему подобные въ „непомѣрномъ возвеличеніи индивида, его желаній и стремленій"? Что касается вопроса, *какъ чувствовала себя* личность въ 70-ые годы, была ли она счастливой или несчастной, глотала свѣжій или испорченный воздухъ, то кто отвѣтитъ на это? Какъ вѣдь кто понимаетъ счастье и свѣжій воздухъ... Представители 70-хъ годовъ, подавленные, по мнѣнію критика „Жизни", непосильной ношей нравственнаго ригоризма, быть можетъ, съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвернулись бы отъ картинъ „личнаго счастья", рисуемыхъ современными мудрецами дѣйствительности.

Упраздненіе идеи „долга" (на научныхъ основаніяхъ) до того придало духа развязнымъ теоретикамъ „новаго настроенія", что они стали отрицать самую идею справедливости не только въ прошедшей, но даже и въ будущей исторіи человѣчества.

«Альфа и омега соціологіи, ея высшая истина и послѣднее слово,—цитируетъ г. Соловьевъ «Основы Соціологіи» Гумпловича,—человѣческая исторія, *какъ естественный процессъ*. И хотя близорукіе люди, признавая по традиціи свободу самоопредѣленія, думаютъ, что эта истина уничтожаетъ «нравственность», въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ — она является вѣнцомъ всей человѣческой морали, ибо только она провозглашаетъ полное самоотреченіе, подчиненіе людей закону природы, закону, который только и управляетъ исторіей». — «Содѣйствуя познанію этого закона, соціологія кладетъ основаніе новой морали мудраго самоотреченія, т. е. морали болѣе высокой, нежели современная, покоющаяся на воображаемости личнаго самоопредѣленія, создающая *непомѣрныя желанія и стремленія его, которыя неизбѣжно приводятъ къ ужаснымъ преступленіямъ противъ естественно-законнаго строя*».

Пассивное подчиненіе законамъ природы признается здѣсь самоотреченіемъ болѣе высокимъ, нежели современная мораль, „вѣнцомъ всей человѣческой морали"! Человѣческій разумъ совершенно игнорируется и превращается въ слѣпое орудіе природы! Стремленіе интеллигенціи вліять на свойства и условія соціальной среды объявляется „ужаснѣйшимъ преступленіемъ противъ естественно-законнаго строя"! Вотъ превосходный образчикъ кабинетно-ученаго безсердечія и общественнаго квіетизма... Дальше идти было уже некуда, и г. Соловьеву оставалось только подтрунивать надъ „близорукими умами" 70-хъ годовъ, притворяясь непонимающимъ, о чемъ, собственно, шла у нихъ рѣчь: неужели эти наивные умы вѣрили въ спиритизмъ? Неужели серьезно

мечтали уплатить долгъ своимъ отошедшимъ въ вѣчность предкамъ? „Конечно, о счастьи грядущихъ поколѣній *говорить* можно, благосклонно поучалъ великолѣпный критикъ,—но о справедливости историческаго процесса *никогда ни слова, это самое лучшее*".

Однако аппетитъ, какъ говорятъ французы, vient en mangeant, и вскорѣ оказалось, что „самое лучшее"—никогда ни слова не говорить также и о счастьи грядущихъ поколѣній... Къ г. Соловьеву, очевидно, день и ночь скакали курьеры, очень много курьеровъ, цѣлыхъ тридцать тысячъ курьеровъ, все умоляя его сказать, наконецъ, что есть истина, и вотъ онъ придумалъ собственную „формулу прогресса", основанную исключительно на принципѣ „экономіи силъ" (вѣдь не даромъ же все-таки г. Евг. Соловьевъ съ лѣваго боку—экономическій матеріалистъ!). „Все, что увеличиваетъ силы человѣка, гласитъ формула, все, что позволяетъ ему достигать бо̀льшихъ результатовъ при тѣхъ же усиліяхъ, или тѣхъ же результатовъ при меньшихъ усиліяхъ — все это должно быть отнесено къ области прогрессивныхъ явленій" и наоборотъ; но „обезпечиваетъ ли такой процессъ счастье—мы не знаемъ", меланхолически прибавляетъ критикъ. Обезпечено за то безконечное развитіе техники и промышленности, обезпечено владычество человѣка надъ мертвой вселенной—и это чего-нибудь да стоитъ. Пускай люди превратятся, по новой формулѣ, въ тѣ чудовищныя существа, которыя изображены англійскимъ писателемъ Уэльсомъ въ его фантастическомъ романѣ „Борьба міровъ": могучіе знаніемъ повелители „желѣзныхъ рабовъ", пусть они будутъ совершенно лишены сердца, пусть будутъ внушать ужасъ и отвращеніе нашему современному чувству,—что изъ того! Вѣдь человѣческая исторія, — учитъ на̀съ объективная наука,—есть не болѣе, какъ естественный процессъ, управляемый своими „желѣзными" законами, и въ немъ не можетъ быть мѣста идеаламъ справедливости и человѣчности. Долой же эту устарѣлую мишуру наивной романтической эпохи! „Самое лучшее"—не думать и не говорить никогда ни о какихъ идеалахъ.

Наша жизнь затмится—
Новой расцвѣтать.
Будемъ веселиться,
Будемъ танцовать!

Ну, конечно, не такъ первобытно-просто, какъ эти старинные стишки, выска̀жутъ свои задушевныя мысли писатели, проникнутые „новымъ настроеніемъ", но по существу, мнѣ кажется, разницы никакой не будетъ. Вотъ какъ одинъ поэтъ, на страницахъ все той же „Жизни" (сентябрь 1899 г.), изображаетъ намъ душевное состояніе людей, не принадлежащихъ къ жалкой породѣ „коротконогихъ" и „неловкихъ" и надѣющихся „угнаться" за все растущей и усложняющейся жизнью:

Оставь свои настойчивыя рѣчи
О подвигахъ и жертвахъ безъ конца!
Я не возьму креста себѣ на плечи,
Я не хочу терноваго вѣнца.
Не говори: «Всемірному страданью
Великій долгъ несешь ты на себѣ,
И жизнь твоя должна явиться данью
И выкупомъ разгнѣванной судьбѣ».
Свободенъ я. Ничто меня не свяжетъ,
Изъ всякихъ узъ на вѣки выросъ я.
Твоя рука стези мнѣ не укажетъ:
Я самъ себѣ вожатый и судья.
Я жить хочу. Въ необозримомъ мірѣ
Я жизнь цѣню, какъ лучшій изъ даровъ.
И грань ея хочу раздвинуть шире
И сбросить прочь назойливый покровъ.
Хочу тепломъ и свѣтомъ я упиться,
Изгибы жилъ съ природою сплести (!),
И въ глубь земли корнями жадно впиться,
Какъ дубъ растетъ, всю жизнь свою расти.

Эта по-истинѣ „дубовая“ мечта, съ откровенностью нестыдящейся наготы объявляющая полный разрывъ со всѣми лучшими завѣтами прошлаго, на мой взглядъ, необыкновенно характерна для того литературнаго теченія настоящей минуты, которое меня занимаетъ. То, что у г.г. Соловьевыхъ, Андреевичей и другихъ публицистовъ и критиковъ надо по словечку выуживать изъ десятковъ и сотенъ страницъ, искусно выпрастывая изъ затѣйливой сѣти всяческихъ экивоковъ, намековъ, оговорокъ, передержекъ и заячьихъ ходовъ, здѣсь, у экспансивнаго поэта, все какъ на ладони, оголенное, высказанное рѣзко и прямо: „сверхчеловѣкомъ хочу быть, да и полно! Изгибы жилъ хочу съ природой сплести, а на человѣчество и его горе мнѣ-съ наплевать!“

Но какъ же это грустно, читатель, какъ обидно, какъ тяжкообидно... Два столь близкихъ хронологически поколѣнія — и уже говорятъ на столь различныхъ языкахъ! Да добро бы еще два дѣйствительно разныхъ поколѣнія, а то нерѣдко видишь, что одни и тѣ же люди...

Пора однако кончить. Хотѣлось бы поговорить, кстати, о новомъ очеркѣ г. Горькаго „Мужикъ“, но лучше отложить это до другого раза. Еще разъ напомню указаніе г. А. Б., что на порогѣ новаго вѣка вопросы, еще недавно казавшіеся многимъ столь простыми и ясными, представляются уже далеко не такими... Дѣйствительно, тамъ и сямъ раздаются голоса, что и роль „критически мыслящей личности“ не такъ ужъ безмѣрно-ничтожна, и даже понятіе „долга“ не такъ ужъ наивно-нелѣпо... Прекрасно! является, значитъ, утѣшительная надежда, что храмъ Діаны Эфесской будетъ вновь выстроенъ руками сжегшаго его Герострата. Удастся ли только?... Прекрасное созданіе искусства могъ въ одну ночь уничтожить полоумный славолюбецъ, но и сотня геніевъ не могла бы

возстановить его во всей прежней красотѣ! Не такъ-то просто и скоро возрождаются погибшія общественныя настроенія... Буря прошла, но раскачавшіяся волны долго еще будутъ оглашать берегъ плескомъ, и долго еще мы будемъ присутствовать при печальномъ зрѣлищѣ литературной пошлости и безпринципности!

П. Гриневичъ.

Наши ремесленники.

I.

Міръ ремесленниковъ—одинъ изъ самыхъ темныхъ уголковъ русской жизни. Теменъ онъ себѣ — отъ насквозь проникающаго его невѣжества и „звѣриной правды“ сложившихся въ немъ отношеній; теменъ онъ и для другихъ—благодаря отсутствію освѣщающихъ его изслѣдованій и недостатку воспроизводящихъ ремесленную жизнь художественныхъ описаній. Темный и забытый это міръ. Если до сихъ поръ онъ не могъ похвалиться избыткомъ общественнаго вниманія къ себѣ, то еще меньше онъ можетъ гордиться избыткомъ законодательнаго о себѣ попеченія. Правда, и для ремесленной промышленности имѣется „уставъ“, въ который еще 100 лѣтъ тому назадъ вписаны нормы, долженствующія регулировать отношенія въ ремесленномъ мірѣ. Но жизнь не знала и не знаетъ этого устава, по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ его частяхъ.

„Ремесленные рабочіе часы въ суткахъ, говорится въ 431 ст. ремесленнаго устава, суть отъ 6-ти часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ“. Но кто же не знаетъ, какъ часто фактическій рабочій день въ мастерскихъ длиннѣе этого десятичасового максимума, установленнаго въ законѣ? Ремесленный уставъ воспрещаетъ ремесленникамъ „продавать старое за новое или одно за другое“, но жизнь твердо держится другого правила—„не обманешь—не продашь“. Законъ запрещаетъ „торговать чужою работою“, а жизнь отвѣчаетъ на это требованіе самыми разнообразными формами эксплоатаціи чужого труда. Законъ вмѣняетъ въ обязанность мастеру „учениковъ своихъ учить усердно и занимать должное время наукой, не принуждая ихъ домашнему его служенію и работамъ“, а жизненная практика выработала другую систему ремесленной подготовки — „побѣгушки“—и цѣлыми годами держитъ въ этомъ стажѣ добивающихся ремесленной науки. Законъ обязываетъ стар-

шихъ „наставлять учениковъ благонравію" и „обходиться съ ними кротко и человѣколюбиво", а въ жизни вмѣсто кротости и человѣколюбія царятъ зуботычины и подзатыльники и вмѣсто благонравныхъ наставленій—несмолкаемые окрики...

Въ теченіе цѣлаго столѣтія мы сначала не додумывались, а потомъ не удосуживались сблизить законъ съ жизнью и призвать его на дѣйствительную службу—на защиту слабаго въ той средѣ, гдѣ и до сего дня царитъ, по истинѣ, „кулачное" право. Соотвѣтствующій „вопросъ" уже давно поставленъ на очередь. Еще въ 1882 году, при изданіи фабричнаго закона о работѣ малолѣтнихъ, было прямо высказано предположеніе распространить его на ремесленныя мастерскія. Послѣ того прошло 18 лѣтъ; все это время общественное мнѣніе и его выразительница печать при каждомъ удобномъ случаѣ настойчиво подчеркивали необходимость обратить законодательное вниманіе на ремесленную среду, а вопросъ и до сихъ поръ остается вопросомъ...

Недавно лучъ публичности освѣтилъ для общества свыше тысячи характерныхъ ремесленныхъ физіономій, собравшихся на первый всероссійскій ремесленный съѣздъ, созванный по иниціативѣ „общества для содѣйствія русской промышленности" и торговли. Не долго пробыли на публикѣ „делегаты отъ темнаго царства", какъ удачно г. Обнинскій назвалъ явившихся на съѣздъ ремесленниковъ, но и въ недѣльный срокъ они успѣли приковать къ себѣ общее вниманіе и глубоко взволновать общественную среду. Чтобы передать впечатлѣнія, оставленныя ремесленнымъ съѣздомъ, мы не будемъ перечислять принятыя имъ постановленія. Нѣкоторыя резолюціи были „спасены" посредствомъ различныхъ уловокъ или проведены подъ шумъ царившаго на съѣздѣ гвалта... Неожиданное по силѣ впечатлѣніе, оставленное ремесленнымъ съѣздомъ, во всякомъ случаѣ обусловлено не резолюціями, происхожденіе которыхъ подчасъ сомнительно и судьба еще неизвѣстна, а выросшей въ нѣдрахъ темнаго царства силой, заявившей о себѣ публично. Для характеристики этой силы достаточно передать нѣсколько наиболѣе яркихъ эпизодовъ, разыгравшихся на съѣздѣ.

Къ вопросамъ объ улучшеніи ремесленнаго быта и о лучшемъ оборудованіи ремесленнаго производства, въ цѣляхъ приданія ему большей жизнеспособности и устойчивости, господа ремесленники, собравшіеся на съѣздъ, все время относились очень холодно, а подчасъ и рѣзко враждебно. Правда, они не особенно противились высказыванію довольно многочисленныхъ пожеланій въ этомъ направленіи, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это не грозило имъ какими либо жертвами для общаго дѣла. Если же возникалъ вопросъ объ уступкахъ, то съѣздъ немедленно превращался, вы-

ражаясь словами одного репортерскаго отчета, въ „массу крайне экспансивную, шумно выражавшую ораторамъ свое одобреніе или неодобреніе“. Не менѣе живо откликались господа ремесленники и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ представлялась возможность произвести какой либо захватъ по линіямъ наименьшаго сопротивленія.

Важнѣйшей изъ такихъ линій оказалась та, на которой находятся рабочіе и ученики ремесленныхъ мастерскихъ. На этой линіи господа ремесленники и проявили наибольшую энергію въ дѣлѣ нападенія и защиты отъ „теоретическихъ увлеченій“ и „интеллигентныхъ поползновеній“. „Съ неимовѣрными криками восторга“, „въ интересахъ спокойствія всего ремесленнаго сословія“ провели они резолюцію о законодательномъ увеличеніи рабочаго дня въ ремесленныхъ заведеніяхъ съ 10 до 11½ часовъ и объ отмѣнѣ воспрещенія ночной работы въ мастерскихъ *). Когда былъ поставленъ вопросъ объ ограниченіи работы хотя бы малолѣтнихъ 8-ю часами, то „произошло нѣчто неописуемое; все зало превратилось въ ораторовъ“, и предложеніе было съ трескомъ провалено **). „Бурныя пренія, необыкновенныя даже на этомъ вообще очень шумномъ съѣздѣ, вынудившія предсѣдателя объявить, что онъ закроетъ собраніе, если присутствующіе не успокоятся“, вызвало предложеніе предоставить ученикамъ 6 часовъ въ недѣлю (за счетъ увеличеннаго даже рабочаго дня) для посѣщенія школы“ ***). „Выразителемъ общаго настроенія ремесленной среды явился г. Кортовичъ“, который „открыто призналъ, что ремесленники прекрасно сознаютъ необходимость образованія вообще, но они совершенно не желаютъ личными усиліями создавать себѣ же опасныхъ конкуррентовъ, которые могутъ поколебать ихъ положеніе, и потому наотрѣзъ отказываются признать необходимымъ для учениковъ посѣщеніе профессіональныхъ школъ въ будничное время“ ****). „Собраніе наградило оратора оглушительными аплодисментами“. „Такой же шумный восторгъ вызвалъ ремесленникъ Назаровъ, настаивавшій на томъ, что ремесленники не должны увлекаться рѣчами интеллигентныхъ членовъ съѣзда, незнакомыхъ съ ремесленнымъ бытомъ“. „Только одинъ въ этомъ хорѣ—смоленскій ремесленный старшина г. Степановъ—рѣзко разошелся со своими товарищами. Онъ уличалъ ихъ въ томъ, что всѣ ихъ жалобы на большіе расходы, чинимые для учениковъ, — выдумка и доказывалъ, что ученики, являясь предметомъ самой безсовѣстной эксплоатаціи со стороны ремесленниковъ,—одинъ изъ лучшихъ источниковъ дохода хозяевъ; поэтому хозяева должны для нихъ сдѣлать хоть одну уступку и посылать

*) «Сѣверный Курьеръ», 21 марта.

**) «Россія», 22 марта.

***) «Сѣверный Курьеръ», 22 марта.

****) «Сѣверный Курьеръ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости», 17 марта.

ихъ въ школы. Но смѣлый „новаторъ“ былъ освистанъ за человѣколюбивую попытку“ *).

Въ отвѣтъ на предложенія, внесенныя интеллигентами, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для ремесленныхъ учениковъ и объ уголовной отвѣтственности мастеровъ за ихъ истязанія, господа ремесленники изъявили согласіе поступиться правомъ, предоставленнымъ имъ 1377 ст. уложенія о наказаніяхъ, обращаться къ суду для наказанія учениковъ своихъ розгами. Этимъ правомъ они почти не пользуются и отказаться отъ него они согласны, но съ тѣмъ, чтобы въ ихъ распоряженіи были оставлены „мѣры домашняго исправленія“. На защиту этихъ домашнихъ мѣръ — розги и зуботычинъ безъ суда—возсталъ петербургскій ремесленникъ Волковъ. „Онъ говорилъ плавно, долго и съ какимъ-то страстнымъ проникновеніемъ. Такъ говорятъ маніаки и фанатики“. „Онъ краснорѣчиво уговаривалъ ремесленниковъ не увлекаться красивыми фразами и идеями и не осуждать безповоротно розгу“. Предложеніе, идущее со стороны интеллигенціи,—„одна философія“; самый фактъ обращенія къ ремесленникамъ съ такимъ „незрѣлымъ и опаснымъ“ предложеніемъ коробилъ оратора. „Конечно, людямъ пришлымъ, стороннимъ легко заступаться за ремесленныхъ учениковъ. Они не знаютъ и не подозрѣваютъ, сколько хозяевъ доходятъ до чахотки только благодаря ученикамъ... Постегиваніе — одно изъ главныхъ средствъ держать ремесленныхъ учениковъ въ страхѣ и послушаніи; благодаря розгамъ изъ баловниковъ выходятъ потомъ люди; запретите розги— и получится масса несчастныхъ недоучекъ, потому что хозяева, не имѣя возможности исправлять нерадивыхъ или строптивыхъ учениковъ, будутъ ихъ прямо выгонять вонъ на улицу. Не нужно де съ кафедры говорить „пустяки“ и не затѣмъ они, ремесленники, собрались на съѣздъ, чтобы слушать пустяки... Такой отвѣтъ интеллигентамъ „произвелъ необыкновенную сенсацію. Онъ довелъ собраніе до энтузіазма. Ремесленники наградили своего оратора оглушительными аплодисментами, которые то замирали, то вновь учащались съ новою силою. Къ г. Волкову подходили для устныхъ одобреній и рукопожатій. Защитнику постегиванія удалось такимъ образомъ пожать на съѣздѣ самые обильные лавры. Тріумфъ г. Волкова былъ необыкновенный. Ораторъ храбро и краснорѣчиво вышелъ навстрѣчу общему затаенному настроенію— и оно вознесло его“ **).

Для практики, опирающейся на такое затаенное, объявляющее о себѣ только въ моментъ энтузіазма, настроеніе, свѣтъ непріятенъ и опасенъ. Для ремесленниковъ важно поэтому было не только закрѣпить за собой права „постегиванія“, но и оградить

*) «Сынъ Отечества», 17 марта и «Русскія Вѣдомости», 18 марта.

**) «Русскія Вѣдомости», 21 и 26 марта.

свои дѣйствія отъ сторонней критики и тѣмъ болѣе сторонняго вмѣшательства. Чтобы „дисциплина въ ученической средѣ не подрывалась“ и чтобы „соръ изъ избы не выносился“, они съ жаромъ ухватились за мысль объ особыхъ ученическихъ коммиссіяхъ, которыя должны замѣнить общіе суды по разбору недоразумѣній между хозяевами и ихъ учениками. Въ преніяхъ по этому вопросу „рѣзко обнаружилось стремленіе ремесленниковъ освободиться отъ вторженія въ ихъ среду постороннихъ элементовъ, которые могли бы становиться на сторону беззащитныхъ учениковъ и выносить соръ изъ избы. Поэтому собраніе почти единогласно отвергло необходимость присутствія въ ученическихъ коммиссіяхъ представителей благотворительныхъ обществъ... Предполагая, что протестъ противъ представителей благотворительныхъ обществъ является плодомъ недоразумѣнія вслѣдствіе непониманія слова „патронатъ“, предсѣдатель сдѣлалъ необходимое поясненіе, но оно вызвало дружный откликъ присутствовавшихъ: „вотъ его-то намъ и не надо!“ *).

При всей приподнятости настроенія ремесленники не теряли сообразительности. Они хорошо понимали, что безъ уступокъ, хотя бы и формальныхъ, имъ не обойтись. Профессоръ Яроцкій объяснилъ имъ, что „немотивированный отказъ отъ уступокъ поведетъ только къ тому, что къ голосу ремесленниковъ вовсе не будутъ прислушиваться“. И господа ремесленники пошли на уступку духу времени: они согласились на учрежденіе инспекціи, но съ тѣмъ, чтобы „ремесленная инспекція была отдѣльною отъ фабричной и состояла изъ выборныхъ отъ ремесленниковъ“. Въ своихъ „лучшихъ“ людяхъ, въ томъ, что они не вынесутъ сора изъ избы, ремесленники, вѣдь, вполнѣ увѣрены. С.-Петербургскій отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія заявилъ недавно, что ему „неизвѣстно ни одного случая, когда бы защиту интересовъ малолѣтнихъ учениковъ приняли на себя должностныя лица ремесленной управы, на которыхъ возложено закономъ наблюденіе за обращеніемъ хозяевъ съ ихъ учениками“ **). Выборные изъ хозяевъ „инспектора“, конечно, не пойдутъ дальше этихъ тоже выборныхъ должностныхъ лицъ.

У такой инспекціи рабочій и ученикъ, конечно, не найдутъ защиты. Но господа ремесленники предвидѣли еще одну опасность: ученикъ или подмастерье могутъ просто-на-просто сбѣжать отъ хозяина, когда имъ станетъ невтерпежъ. Съѣздъ подумалъ и объ этомъ. „Лицо, содержащее мастерскую, постановилъ онъ, виновное въ принятіи ученика, записаннаго въ ученическую книгу въ управѣ того города, въ которомъ находится мастерская виновнаго, безъ увольнительной отмѣтки мастера въ книгѣ ученика,

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 19 марта.
**) «Сынъ Отечества», 4 апрѣля.

или виновное въ принятіи подмастерья, обязаннаго договоромъ и не уволеннаго мастеромъ, наказывалось бы пенею до 100 руб. и обязано было бы возмѣстить причиненные ему убытки". Уголовная отвѣтственность нанимателя за пріемъ бѣглыхъ—это, вѣдь, самый надежный способъ закрѣпостить наемника: при такой отвѣтственности бояться нечего—ученику и рабочему сбѣжать будетъ некуда.

Энергичной и предусмотрительной разработкой ученическаго и рабочаго вопроса не ограничились операціи господъ ремесленниковъ на линіяхъ наименьшаго сопротивленія. Въ ремесленной средѣ оказались и другіе слабые элементы, въ сторону которыхъ представлялась возможность произвести давленіе. При этомъ господа ремесленники обнаружили удивительную чуткость къ экономическимъ и политическимъ тенденціямъ своего времени.

При данныхъ экономическихъ условіяхъ, деревня значительно слабѣе города, а деревенскій кустарь—городского производителя. И вотъ, нѣсколькими провинціальными ремесленными управами вносится въ съѣздъ предложеніе передать въ вѣдѣніе ремесленныхъ управъ тѣхъ ремесленниковъ, которые имѣютъ заведенія въ уѣздахъ или, другими словами, отдать деревню подъ начало городу и обложить опасныхъ конкуррентовъ сборами на нужды городскихъ ремесленниковъ. Въ крупныхъ преуспѣвающихъ центрахъ ремесленникамъ живется лучше, чѣмъ въ захолустныхъ городишкахъ. И вотъ, столица стремится воспользоваться съѣздомъ, чтобы еще сильнѣе придавить провинцію, крупные города—чтобы замуровать маленькіе. Въ съѣздъ было внесено предложеніе „воспретить совершенно ввозъ въ С.-Петербургъ готоваго платья, такъ какъ провинціальные портные, пользуясь болѣе дешевыми рабочими руками, являются опасными конкуррентами для петербургскихъ" *). Столицѣ осуществить такую „запретительную систему" не удалось, за то крупные города добились существеннаго ограниченія права ремесленниковъ изъ маленькихъ городовъ селиться въ крупныхъ городскихъ центрахъ и столицахъ.

Еще большую чуткость насчетъ слабыхъ въ данное время элементовъ засѣдавшіе на съѣздѣ ремесленники проявили въ вопросахъ національныхъ.

Въ Петербургѣ существуютъ двѣ ремесленныя управы: русская и иностранная. Послѣдняя стоитъ значительно выше первой и представляетъ изъ себя „вполнѣ благоустроенное и законосообразное учрежденіе, кругомъ обставленное разными вспомогательными, полезными и нужными мѣрами содѣйствія иностранной ремесленной промышленности въ столицѣ... И вотъ, достаточно было произнести на съѣздѣ наименованіе иностранной ремесленной управы, чтобы петербургскіе, а вслѣдъ за ними и другіе ино-

*) «Сѣверный Курьеръ», 20 марта.

городніе ремесленники разразились шумными нападками, сейчасъ же перешедшими въ брань, совсѣмъ ужъ неосмысленную, направленную противъ безличнаго учрежденія. Одинъ изъ ремесленныхъ крикуновъ, щеголявшій наборомъ громкихъ словъ, провозгласилъ, что самое существованіе въ Петербургѣ иностранной ремесленной управы должно быть признано „наростомъ, болячкою и позоромъ для всѣхъ русскихъ людей". Эта бравада была встрѣчена съѣздомъ восторженно и баллотировка дала почти единогласное постановленіе собранія за уничтоженіе иностранной ремесленной управы. Такой исходъ вопроса вызвалъ даже крики „ура" *).

Закономъ участіе евреевъ въ ремесленномъ самоуправленіи ограничено предоставленнымъ имъ правомъ избирать въ мѣстахъ ихъ осѣдлости вторыхъ товарищей цеховыхъ старшинъ. Право, казалось бы, не особенно большое, но многіе ремесленники и ему позавидовали. Въ съѣздъ было внесено предложеніе о совершенномъ устраненіи евреевъ отъ какихъ либо должностей по ремесленному управленію. Во время обсужденія этого вопроса „въ залѣ засѣданія произошелъ такой шумъ, поднятый юдофобами, что предсѣдатель собранія потребовалъ удаленія изъ залы всей публики, кромѣ членовъ коммиссіи". Но и послѣ того лишь большинствомъ двухъ голосовъ евреямъ удалось отстоять свои прежнія права **).

Кажется, довольно и этихъ немногихъ выписокъ изъ газетныхъ отчетовъ, чтобы понять, что такое представлялъ изъ себя ремесленный съѣздъ или, правильнѣе, съѣздъ ремесленныхъ хозяевъ и представителей ремесленной выборной власти.

Ремесленное сословіе, даже и та его часть, которая засѣдала на съѣздѣ, принадлежитъ къ числу промежуточныхъ слоевъ современной экономической формаціи. Взаимныя отношенія крайнихъ слоевъ послѣдней вполнѣ опредѣленны и для всѣхъ ясны: какъ и во всякомъ напластованіи, верхніе слои давятъ нижніе, а нижніе выдерживаютъ это давленіе, сопротивляясь ему въ мѣру свойственной имъ упругости и въ мѣру охраны, оказываемой имъ государственной властью. Не такъ просты функціи промежуточныхъ слоевъ. Естественное стремленіе къ собственному благополучію они могутъ осуществлять въ двухъ направленіяхъ: или пользоваться свойственною имъ силою тяжести, или развивать въ себѣ силу упругости. Собравшіеся на съѣздъ господа ремесленники проявили желанье и умѣнье пользоваться только одной силой—силой давленія въ сторону слабѣйшаго. Или, говоря словами защитника ихъ классовой морали, „ремесленники гуманной терпимости не обнаружили, а заявили о своемъ желаніи быть единоличными господами ремесленнаго дѣла" ***).

*) «Русскія Вѣдомости», 26 марта.
**) «Сѣверный Курьеръ», 20 марта.
***) «Новое Время», 22 марта.

Такой опредѣленной и такой рѣзкой ноты, какую взяли „господа ремесленнаго дѣла“, кажется, никто не ожидалъ отъ съѣзда. Не ожидалъ ея во всякомъ случаѣ г. Левицкій, покинувшій Херсонскія артели и степи, чтобы на ремесленномъ съѣздѣ поискать новыхъ адептовъ дѣлу, къ которому онъ себя приставилъ. Не ожидали представители „классовой“ точки зрѣнія, всѣ пожеланія которыхъ насчетъ классоваго самосознанія и классовой морали оказались превзойденными. Столь звучной ноты не ожидали, повидимому, и оффиціальные руководители съѣзда, которымъ стоило немалыхъ и всетаки подчасъ безплодныхъ усилій, чтобы удерживать разошедшихся господъ ремесленниковъ въ границахъ приличія. Не смутился, правда, профессоръ Яроцкій... впрочемъ къ нему и его умѣнью „сторговываться“ мы вернемся нѣсколько ниже.

Смутились и растерялись многіе... но этимъ, кажется, и ограничилась общность впечатлѣній, оставленныхъ ремесленнымъ съѣздомъ. Затѣмъ, началась разноголосица.

Одни остались очень довольны господами ремесленниками и ихъ трудами. „Вы, сказалъ имъ предсѣдатель съѣзда гр. Игнатьевъ, оправдали наши надежды... Ваши ходатайства и резолюціи будутъ представлены соотвѣтствующимъ министерствамъ, и находящееся подъ моимъ предсѣдательствомъ общество для содѣйствія промышленности и торговлѣ употребитъ всѣ старанія, чтобы на ходатайства съѣзда было обращено надлежащее вниманіе“ *). Г. Буква, цитируя это прощальное слово, допускаетъ возможность въ немъ „очень тонкаго экивока“ **). Пусть такъ. Но вотъ г. Ракѣевъ принесъ благодарность членамъ съѣзда отъ попечительства императорскаго человѣколюбиваго общества „за всестороннюю разработку ученическаго вопроса“ ***). Могутъ, конечно, сказать, что эта благодарность была принесена на обѣдѣ, въ одномъ изъ застольныхъ тостовъ, когда не всякое лыко ставится въ строку. Однако, если и можно что подозрѣвать въ этомъ случаѣ, то уже не иронію, а нѣчто болѣе серьезное; если это не была благодарность всего попечительства, то была благодарность его представителя—г. Ракѣева. Правда, сердце послѣдняго было умягчено благодарственнымъ адресомъ, поднесеннымъ ему отъ съѣзда (ремесленники оказались большими дипломатами и на адреса не скупились), но это всетаки не даетъ права думать, что интересы ремесленныхъ учениковъ, которые долженъ былъ защищать г. Ракѣевъ, послѣ этого стали болѣе обезпечены.

Во всякомъ случаѣ доволенъ остался Ник. Э., сотрудникъ „Новаго Времени“. Ну что жъ, что „ремесленники гуманной терпимости не обнаружили“? за то „ихъ классовая мораль оказалась

*) «Русскія Вѣдомости», 22 марта.
**) «Русскія Вѣдомости», 26 марта.
***) «Сѣверный Курьеръ», 22 марта.

ярко націоналистическаго характера", за то они „очень недвусмысленно высказали нежеланіе идти подъ еврея, нѣмца, поляка". При томъ „прижимистость" „умныхъ громаднымъ опытомъ трудовой жизни" людей—это не то же, что интеллигентная легкость пожеланій. Съѣздъ—это не петербургская говорильня, „гдѣ едва одинъ пожелалъ мужику курицу въ супъ, другой валитъ туда барана, третій требуетъ быка. Отчего не пожелать въ самомъ дѣлѣ", когда „не потребуютъ ничего на осуществленіе этихъ пожеланій", когда „каждое пожеланіе, осуществляясь въ жизни, порождаетъ расширеніе штатовъ, создаетъ заботническія мѣста"... Съѣздъ—это „окно въ Россію". „Почаще бы отворять его, чтобы обновлять и оживлять застоявшійся воздухъ" *)

О чувствѣ удовлетворенности съѣздомъ и осужденіи интеллигенціи послышалось и съ другой стороны. „Намъ гораздо симпатичнѣе, заявилъ г. Изгоевъ, тѣ ремесленники-хозяева, которые прямо и грубо говорили, чего они хотятъ, въ чемъ они видятъ осуществленіе своихъ классовыхъ интересовъ", чѣмъ интеллигенція, пытающаяся „общими фразами" „замазать классовыя противорѣчія" **).

Большинство, однако, не испытало никакого удовольствія, хотя старалось съ разныхъ точекъ зрѣнія оправдать и истолковать въ благопріятномъ или хотя бы успокоительномъ свѣтѣ философію темнаго царства, столь рѣзко заявившую о себѣ въ трудахъ ремесленнаго съѣзда. Одни напирали на то, что это—первый съѣздъ. Даже Ник. Э. не прочь оказался пообѣщать „просвѣщенность и гуманность" за счетъ дальнѣйшихъ. Г. Изгоевъ тоже въ своей статьѣ два раза подчеркнулъ слово „первый", какъ бы намекая, что въ этомъ обстоятельствѣ кроется что то особенное. Другіе, сосредоточивъ свое вниманіе на разныхъ неопредѣленныхъ пожеланіяхъ съѣзда и на „спасенныхъ" резолюціяхъ, старались этимъ убогимъ активомъ прикрыть удручающій пассивъ его. Третьи искали болѣе серьезныхъ оправданій и истолкованій. Такъ поступилъ, напримѣръ, г. Николай Энгельгардтъ, пожелавшій смягчить и оправдать дифирамбы „націоналистической морали" и русской „прижимистости", за недѣлю передъ тѣмъ воспѣтые его коллегой г. Ник. Э. „Указываютъ, писалъ онъ, что постановленія съѣзда принесли въ нѣкоторыхъ пунктахъ интересы учениковъ въ жертву интересамъ мастеровъ. А не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что они принесены были въ жертву интересамъ мастерства и условіямъ, въ какихъ оно у насъ поставлено? Эти же условія строятся не одними мастерами-ремесленниками. Они строятся общимъ экономическимъ укладомъ нашего хозяйства" ***). Самымъ

*) «Новое Время», 22 марта.
**) «Южное Обозрѣніе», 25 марта.
***) «Новое Время», 30 марта.

серьезнымъ утѣшеніемъ во всякомъ случаѣ являлась ссылка на составъ съѣзда, на отсутствіе въ немъ представителей рабочихъ и учениковъ. Оттуда должны истечь свѣтъ и тепло, которыхъ такъ мало было на ремесленномъ съѣздѣ.

Во всѣхъ этихъ восторгахъ, оправданіяхъ, истолкованіяхъ и утѣшеніяхъ была все таки одна общая черточка—робость передъ людьми, „знающими чего они хотятъ", отсутствіе вѣры въ силу того, что мы знаемъ и хотимъ и, главное, отсутствіе мужества, чтобы до конца постоять за свои сознанныя желанія. Рѣшительный протестъ противъ делегатовъ темнаго царства во имя интеллигентныхъ пожеланій заявили очень немногіе. Наиболѣе опредѣленныя въ этомъ смыслѣ строки мы встрѣтили у г. Обнинскаго: „подъ формою совѣщательнаго съѣзда съ результатами in spe мы увидѣли, говоритъ почтенный авторъ, рѣшительную стачку противъ требованій закона, справедливости и человѣколюбія, — вызовъ, брошенный всѣмъ великодушнымъ начинаніямъ послѣдняго времени въ защиту безжалостно эксплоатируемаго дѣтства. Онъ ждетъ отвѣта, этотъ дерзновенный вызовъ,—отвѣта не словомъ только, но и дѣломъ" *).

Можетъ-ли быть не объяснена,—объяснить все можно,—а оправдана философія темнаго царства? Можетъ-ли быть допущена какая-либо уступка изъ интеллигентныхъ пожеланій въ угоду заявленнымъ на съѣздѣ интересамъ? Можно-ли интеллигенціи краснѣть и робѣть при встрѣчѣ съ людьми, считающими интеллигентныя заботы и рѣчи „пустяками"? Вотъ вопросы, которые ставятъ передъ нами и ремесленный съѣздъ, и его истолкователи.

Требованіе отъ интеллигенціи преклониться передъ „интересами"—національными, классовыми, сословными, мѣстными—въ наше время слышится очень часто. Призывъ не увлекаться „идейными интересами", какъ „отвлеченной философіей", раздается теперь не на ремесленныхъ только съѣздахъ. Читатели, конечно, не забыли еще рѣчи г. Кондоиди при открытіи самарскаго земскаго собранія и его просьбы къ „представителямъ помѣстныхъ обывателей" не „внимать слову интеллигентовъ" **). На вятскомъ собраніи тоже раздалось поощреніе не бояться „обвиненій въ обскурантизмѣ, неразвитости и недомысліи" ***). „Довольно, возглашалъ кн. Касаткинъ на курскомъ собраніи, намъ либеральничать, кого намъ бояться—„Русскихъ Вѣдомостей" что-ли?" Приведенныя выше инсинуаціи г. Ник. Э. по адресу „заботниковъ"— вѣдь это лишь маленькій эпизодъ въ систематическомъ походѣ „Новаго Времени" противъ интеллигенціи во имя „мѣстныхъ интересовъ". Да и самое „Новое Время" съ его „националисти-

*) «Русскія Вѣдомости», 6 апрѣля.
**) См. хронику внутренней жизни въ февральской кн.
***) «Русскія Вѣдомости», 5 февраля.

ческой моралью“ не есть-ли нашъ русскій отголосокъ на всесвѣтное движеніе противъ идеализма, достигшее наибольшаго напряженія и яркости у французскихъ націоналистовъ за послѣдній годъ?

Однако, дѣйствительно-ли „господа ремесленнаго дѣла“ „знаютъ чего они хотятъ“? Мы видѣли, что они хотятъ одного—давить тѣхъ, кто слабѣе ихъ, кто слабѣе въ ихъ средѣ! Въ этомъ-ли нуждается ихъ бытъ, въ этомъ-ли нуждается ихъ собственное „дѣло“? Не хуже ихъ мы знаемъ, что ремесло, угнетаемое фабрикой, переживаетъ трудное время. Но для него есть только два выхода. Фабрика сильна машиной и, зная это, стремится превратить рабочаго въ машинный придатокъ. На этомъ пути ремесленной промышленности не угнаться за фабрикой. „Ремесленный трудъ, говоритъ „Торгово-промышленная газета“, т. е. все, что въ немъ есть механическаго, не требующаго интеллектуальности,—тѣснитъ машина, и это обстоятельство будетъ обостряться чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Ремеслу остается та часть труда, которой машина замѣнить уже не можетъ и гдѣ нужны человѣческія руки, руководимыя талантомъ, человѣческимъ геніемъ. Это—художественность исполненія... И только школа можетъ дать такую художественную подготовку“ *). А въ школу-то именно господа ремесленники и не хотятъ пустить своихъ учениковъ; личность рабочаго, въ которой ихъ спасенье, они и хотятъ придавить во что-бы то ни стало. Нѣтъ! не интересамъ мастерства приносились жертвы на ремесленномъ съѣздѣ.

Фабрика сильна еще своими размѣрами. Тѣхъ же выгодъ ремесленники могутъ достигнуть только коопераціей, а они... освистали ее.

Насъ утѣшаютъ тѣмъ, что интересы хозяевъ будутъ имѣть свой противовѣсъ въ интересахъ рабочихъ и что въ результатѣ борьбы тѣхъ и другихъ будетъ благо. Но именно ремесленный съѣздъ съ особою наглядностью показалъ недостаточность борьбы интересовъ, какъ единственнаго регулятора жизни. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему ведетъ ничѣмъ не сдержанная борьба интересовъ? Мы видѣли, что русскій возстаетъ противъ нѣмца и еврея, горожанинъ противъ деревни, мастеръ противъ подмастерья, подмастерье противъ ученика... Въ перспективѣ, вѣдь, виднѣется тотъ строй жизни, въ которомъ человѣкъ человѣку волкъ. Тщетны надежды, что когда-нибудь интересъ будетъ двигать людей по линіи наибольшаго сопротивленія. Пока будутъ слабѣйшіе,—а они всегда будутъ, пока интересы различны—никому, какъ имъ, придется выдерживать давленіе.

Чтобы подняться до классоваго самознанія, чтобы не давить слабѣйшаго хотя бы въ своей средѣ, нужно участіе интеллектуальнаго фактора. И если при его содѣйствіи возможенъ обобщенный клас-

*) Цитируемъ по перепечаткѣ въ «Сѣверномъ Курьерѣ» отъ 15 марта.

совый интересъ, то почему-же невозможенъ еще болѣе обобщенный интересъ общечеловѣческій, а интересы „человѣка“—вѣдь, это именно и есть то, что знаетъ и чего хочетъ интеллигенція.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что нѣтъ такой группы, интересы которой совпадали бы съ общечеловѣческими. Нижнимъ слоямъ общественной формаціи давить не кого и уже поэтому для нихъ остается одна линія для движенія—вверхъ. И пока они движутся въ этомъ направленіи, ихъ интересы совпадаютъ съ самой благородной потребностью человѣчества—подниматься выше и выше. Но это не значитъ, что они именно несутъ знамя „высокихъ идеаловъ“. Окажись кто-нибудь ниже ихъ—и они не усомнятся прибѣгнуть къ силѣ тяжести. Это и происходитъ на нашихъ глазахъ, когда объединившіеся въ союзы пролетаріи изыскиваютъ мѣры, чтобы обуздать Lumpenproletariat и не объединенныхъ рабочихъ. Можно и должно искать опоры въ тѣхъ группахъ, интересы которыхъ совпадаютъ въ данное время съ общечеловѣческими, но было бы наивно думать, что интересы какой либо группы могутъ замѣнить общечеловѣческую правду.

Нѣтъ, не интеллигенціи, вышедшей изъ разныхъ слоевъ народа на защиту этой правды, уступать дорогу и краснѣть передъ всякими делегатами темнаго царства.

Мы совсѣмъ забыли про г. Яроцкаго. Наша замѣтка растянулась и потому мы ограничимся лишь нѣсколькими словами.

Г. Яроцкій не первый разъ встрѣчается на нашихъ глазахъ съ господами ремесленниками. „Въ теченіе многихъ лѣтъ входя съ ними въ тѣсныя сношенія и видя ту готовность, съ которой они идутъ на уступки“, еще въ 1896 г. на торгово-промышленномъ съѣздѣ онъ заявилъ объ особомъ своемъ удовольствіи, что „можетъ съ ними сторговаться“ *). И онъ тогда сторговался, промѣнявъ, между прочимъ, 8-часовой день для ремесленныхъ учениковъ на 10-часовой и правительственную инспекцію на выборную. Согласіе было тогда столь полное, что г. Яроцкій выступилъ даже съ деклараціей, которую ему вручили на этотъ счетъ представители с.-петербургскаго и московскаго ремесленныхъ сословій. Теперь онъ и еще кое-что уступилъ людямъ, столь готовымъ на уступки. Мы видѣли, что 10-часовой день увеличенъ до 11½ часовъ; ремень, зуботычины и подзатыльники нашли себѣ восторженную оцѣнку; проектъ закрѣпощенія составленъ и одобренъ... Но и это не нарушило трогательнаго согласія между ремесленнымъ сословіемъ и профессоромъ. Въ качествѣ почетнаго гостя на ремесленномъ обѣдѣ, онъ поднялъ бокалъ за работы съѣзда, заявивъ въ своемъ тостѣ, что „находитъ излишней въ области

*) Труды всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ. Спб. 1897. т. VII, стр. 458.

ремесла такую детальную регламентацію отношеній сторонъ, какъ на фабрикѣ; потому что здѣсь между хозяевами съ одной стороны и ремесленниками съ другой нѣтъ такой глубокой розни, какъ между фабрикантами и рабочими" *).

Конечно, каждый воленъ въ своихъ коммерческихъ операціяхъ. Но мы опасаемся, какъ-бы г. Яроцкій, при всемъ своемъ умѣньѣ,—употребимъ образное выраженіе ремесленнаго устава—„продавать одно за другое", въ конецъ не проторговался.

Да и не пора-ли ученому профессору понять, что есть вещи, которыми не торгуютъ, а, если начинаютъ торговать, то непремѣнно проторговываются.

А. П.

Хроника внутренней жизни.

I. Вопросы народнаго образованія.—Предполагагаемый съѣздъ дѣятелей народнаго образованія.—Сѣтованія «Гражданина».—Земская школа и ея учителя. II. Проекты реорганизаціи земства.—Планы фиксаціи земскихъ расходовъ.—Планы реформъ, исходящіе отъ земствъ.—Г. Леляновъ и «Московскія Вѣдомости».—Два слова о севастопольскомъ процессѣ.—III. Послѣднія вѣсти о голодѣ.—Чайная В. Высоцкаго и К°.

I.

Не такъ давно въ газетахъ появилось извѣстіе, что состоящее при московскомъ университетѣ педагогическое общество постановило ходатайствовать о разрѣшеніи ему созвать первый всероссійскій съѣздъ дѣятелей по начальному народному образованію въ память А. С. Пушкина. Согласно выработанному обществомъ проекту, предполагаемый съѣздъ имѣетъ своею цѣлью: 1) обсужденіе и разработку вопросовъ по начальному образованію, касающихся какъ организаціи начальныхъ училищъ и постановки въ нихъ преподаванія и воспитанія, такъ и организаціи разныхъ учрежденій, стоящихъ въ связи съ задачами начальной школы, и 2) обсужденіе мѣръ содѣйствія лицамъ, посвящающимъ себя педагогической дѣятельности, въ ихъ подготовкѣ къ этой дѣятельности. Съѣздъ будетъ распадаться на слѣдующія секціи: 1) секція начальныхъ училищъ, 2) секція по вопросамъ о педагогической подготовкѣ учащихъ въ начальныхъ училищахъ, 3) секція повторныхъ и дополнительныхъ курсовъ, 4) секція воскресныхъ школъ,

*) «Сѣверный Курьеръ», 22 марта.

5) секція до-школьнаго воспитанія и обученія, 6) секція библіотекъ и читаленъ, 7) секція народныхъ чтеній и общеобразовательныхъ развлеченій и 8) секція физическаго воспитанія. Членами съѣзда могутъ быть представители всѣхъ существующихъ въ Россіи педагогическихъ и просвѣтительныхъ обществъ, учащіе въ начальныхъ школахъ и низшихъ училищахъ 3-го разряда, и вообще лица, имѣющія какое-либо отношеніе къ учрежденіямъ по начальному образованію. Самый созывъ съѣзда предполагается пріурочить къ рождественскимъ каникуламъ 1900—1901 учебнаго года.

Начинаніе московскихъ педагоговъ, конечно, заслуживаетъ полнаго успѣха и остается лишь пожелать, чтобы это начинаніе не осталось исключительно въ области благихъ проектовъ, которыми такъ богата русская жизнь, а перешло и въ сферу практической дѣйствительности. Въ послѣднемъ случаѣ оно можетъ получить большое и серьезное значеніе. Проектируемый съѣздъ положилъ бы начало объединенію разрозненныхъ усилій отдѣльныхъ работниковъ на поприщѣ народнаго образованія и далъ бы возможность послѣднимъ сообща подвести итоги пройденнаго уже пути, намѣтить цѣли работы въ ближайшемъ будущемъ и выяснить средства къ ихъ достиженію. Наряду съ этимъ онъ былъ бы полезенъ еще и въ другомъ отношеніи, способствуя усиленію интереса къ народной школѣ въ широкихъ кругахъ общества путемъ ознакомленія ихъ съ жизнью этой школы и ея наиболѣе назрѣвшими нуждами. Эти нужды такъ велики и разнообразны и вмѣстѣ такъ мало изучены, что уже одно правильное ихъ освѣщеніе имѣло бы немалую важность. Въ настоящее время высшая и средняя школа, съ которыми масса обществъ связана гораздо болѣе близкими и непосредственными интересами, въ значительно большей мѣрѣ привлекаютъ къ себѣ ея вниманіе, чѣмъ собственно дѣло народнаго образованія. Между тѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, что наша начальная школа далеко не можетъ считаться благоустроенной и для сколько-нибудь правильнаго развитія своего нуждается въ самомъ пристальномъ вниманіи и участіи со стороны общества. Жизнь не стоитъ, конечно, на мѣстѣ и за послѣдніе годы въ области народнаго образованія, равно какъ и въ отношеніи къ нему различныхъ общественныхъ сферъ, достигнуты извѣстные успѣхи. Еще недавно эти успѣхи были своеобразно засвидѣтельствованы жалобами кн. Мещерскаго. „Поглядите поближе—писалъ издатель „Гражданина“—въ провинціальную вообще и въ сельскую жизнь въ особенности, и вы сейчасъ же замѣтите, какъ сильно прогрессировала проповѣдь либераловъ противъ розогъ и за школу. Съ каждымъ годомъ въ огромныхъ размѣрахъ увеличиваются между земскими начальниками, между членами уѣздныхъ и губернскихъ присутствій и между административными лицами—противники розогъ, съ каждымъ годомъ, какъ грибы, выростаютъ завѣдомо пло-

хія школы для образованія народа, а рядомъ съ этимъ все съуживается число лицъ, отстаивающихъ розгу и для дѣтей, и для озорниковъ и предпочитающихъ отсутствіе школы дурной школѣ". Нѣтъ надобности раздѣлять сѣтованія публициста „Гражданина" для того, чтобы признать правильность указываемыхъ имъ фактовъ, хотя и принимающихъ подъ его перомъ нѣсколько преувеличенныя очертанія. И розга, и неграмотность продолжають еще тяготѣть надъ населеніемъ русскихъ деревень, но, дѣйствительно, число сторонниковъ той и другой постепенно сокращается даже въ рядахъ администраціи, хотя процессъ этого сокращенія совершается, къ сожалѣнію, далеко не съ такой быстротой, какая рисуется напуганному воображенію кн. Мещерскаго. Любопытнымъ подтвержденіемъ этому могутъ служить хотя бы проникшія въ печать свѣдѣнія о недавнемъ циркулярѣ департамента народныхъ училищъ къ попечителямъ провинціальныхъ учебныхъ округовъ. Въ своемъ циркулярѣ департаментъ указываетъ на крайнюю недостаточность и скудость ассигнованій по смѣтамъ земскихъ сборовъ на устройство и содержаніе начальныхъ училищъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія. Такъ, по смѣтамъ 1896 г. въ 17 губерніяхъ не было ничего назначено на этотъ предметъ, въ 12 губерніяхъ назначено до 10 процентовъ общаго расходнаго бюджета начальныхъ училищъ, и только въ 8 губерніяхъ ассигнованія изъ земскихъ сборовъ превышали этотъ предѣлъ, доходя до 20, 30 и до 50% общаго школьнаго расхода. Такое положеніе дѣлъ, по мнѣнію департамента, стоитъ въ тѣсной связи съ отсутствіемъ надлежащей энергіи и цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ. Мѣстные органы школьнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія обыкновенно вовсе не возбуждаютъ ходатайствъ передъ губернскимъ начальствомъ о внесеніи въ смѣты земскихъ повинностей суммъ на устройство и содержаніе училищъ, не смотря на крайнюю подчасъ недостаточность существующихъ образовательныхъ средствъ. Если же и возбуждаются такія ходатайства, то они недостаточно убѣдительно мотивируются. Въ свою очередь министерство, не имѣя свѣдѣній о возбужденныхъ ходатайствахъ, лишено возможности ихъ поддержать. Всѣ эти обстоятельства заставили департаментъ просить попечителей предложить директорамъ училищъ своевременно заявлять присутствіямъ, составляющимъ смѣты земскихъ сборовъ, о потребностяхъ народнаго образованія *).

Какъ бы то ни было, однако, хотя бы и не съ такою быстротой, „какъ грибы", народныя школы все же увеличиваются въ числѣ съ каждымъ годомъ, и этотъ ростъ особенно замѣтенъ за послѣдніе годы въ земскихъ губерніяхъ благодаря энергичнымъ усиліямъ земствъ приблизиться къ порядку всеобщаго обученія.

*) «Россія», 8 марта 1900 г.

Правъ, наконецъ, „Гражданинъ“ и въ томъ, что при наличности количественнаго роста народныхъ школъ качественный ихъ уровень продолжаетъ оставаться весьма низкимъ, а подчасъ еще и понижается сравнительно съ предъидущимъ временемъ. Только причину этого послѣдняго явленія руководитель „Гражданина“ ищетъ не тамъ, гдѣ она находится въ дѣйствительности. Одною изъ наиболѣе серьезныхъ причинъ такого явленія, несомнѣнно, послужило рѣшительно преобладавшее въ правительственныхъ сферахъ за время съ 1880 по 1894 годъ стремленіе создать особую удешевленную и упрощенную народную школу. Эти годы были ознаменованы сильнымъ ростомъ числа школъ грамоты и церковно-приходскихъ, наряду съ ослабленнымъ расширеніемъ сѣти школъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. „Число церковныхъ школъ—говорилось по этому поводу въ докладѣ спеціальной коммиссіи одного изъ петербургскихъ педагогическихъ обществъ въ декабрѣ 1899 г. *)—съ 4348 въ 1880 г. поднялось къ 1894 г. до 31835, т. е. за 14-лѣтній періодъ возросло болѣе чѣмъ на 632%; въ то же время число начальныхъ школъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія возросло съ 21762 до 29241, т. е. на 34%. Такое численное отношеніе сравнительно благоустроенныхъ свѣтскихъ школъ къ школамъ дешеваго типа явилось, несомнѣнно, результатомъ общей тенденціи удешевить народное образованіе. Послѣднее станетъ еще болѣе очевиднымъ, если сравнить расходы, затраченные на тѣ и другія школы. На церковныя школы въ 1894—5 гг. было ассигновано изъ разныхъ источниковъ 4.020,569 р. или въ среднемъ на каждую школу 126 р. 30 к. На начальныя школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія было израсходовано въ 1894 г. 18.171,209 р., въ среднемъ на каждую школу 619 р. 42 к. Вообще начальная школа, независимо отъ вѣдомства, стоила въ 1894 г. въ среднемъ 363 р. 35 к. Тенденція къ удешевленію школы, а вмѣстѣ и народнаго образованія, рельефно обнаруживается изъ сравненія этой цифры съ цифрою1885 г., когда средній расходъ на школу составлялъ 425 р. 65 к. „Легко представить себѣ, что можетъ дать населенію школа, разсчитанная на нѣсколько десятковъ учениковъ и обходящаяся въ 10 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Правда, за послѣдніе годы расходы духовнаго вѣдомства на начальныя школы сильно возросли, но этотъ излишекъ расходовъ затрачивается не столько на самыя школы, сколько на организацію инспекторскаго надзора за ними. Съ другой стороны, хотя земства втеченіе истекающаго пятилѣтія значительно увеличили количество своихъ школъ, послѣднія въ свою очередь не могли остаться

*) Докладъ чрезвычайному общему собранію Общества взаимнаго вспомоществованія бывшихъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго Учительскаго Института Коммиссіи по содѣйствію научно-педагогическимъ занятіямъ членовъ. «СПБ. Вѣдом.», 5 января 1900 г.

всецѣло внѣ воздѣйствія общихъ тенденцій правительственной политики. Не останавливаясь теперь на всѣхъ проявленіяхъ этихъ тенденцій, мы попытаемся прослѣдить ихъ дѣйствіе именно въ примѣненіи къ жизни земской школы, поскольку порядки этой жизни обрисовались въ земской сессіи настоящаго года. Такой пріемъ представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что земская школа была и остается у насъ наилучше обставленной народной школой. Этотъ фактъ, и самъ по себѣ стоящій внѣ сомнѣнія, не далѣе, какъ на дняхъ, получилъ себѣ новое подтвержденіе изъ такого источника, который даже реакціонная пресса едва-ли рѣшится заподозрить въ тенденціозномъ пристрастіи къ земству. Именно, „Правительственный Вѣстникъ", разбирая новую книгу, изданную департаментомъ народнаго просвѣщенія: „Статистическія свѣдѣнія по народному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 г.", въ видѣ общаго вывода изъ нея отмѣчаетъ то обстоятельство, что „въ земскихъ губерніяхъ дѣло народнаго образованія идетъ болѣе успѣшно" *). Такимъ образомъ, слѣдя за болѣе крупными явленіями въ жизни земской школы, мы получаемъ возможность сдѣлать и нѣкоторые выводы относительно всей постановки дѣла народнаго образованія, намѣтить силы, двигающія его впередъ, и взвѣсить препятствія, стоящія на пути правильнаго его развитія. Между тѣмъ именно послѣдняя сессія земскихъ собраній представила немало любопытныхъ фактовъ, которые позволяютъ вскрыть, если и не всѣ, то во всякомъ случаѣ многія характерныя особенности дѣятельности земства въ области народнаго образованія.

Основнымъ стимуломъ этой дѣятельности для многихъ земствъ служило стремленіе какъ можно скорѣе приблизиться къ порядку всеобщаго обученія, исключающему безграмотность населенія и сопутствующія ей крайнія проявленія народнаго невѣжества. Такое стремленіе за минувшіе 5—6 лѣтъ проявилось особенно энергично, сдѣлавшись лозунгомъ просвѣтительной работы не только земства, но и частныхъ общественныхъ организацій и даже отдѣльныхъ людей. Настоящій годъ показалъ, однако, что въ условіяхъ текущей дѣйствительности и эта скромная цѣль является не особенно близкой и не очень легко достижимой. На дорогѣ къ ней выросли довольно разнообразныя препятствія.

Прежде всего нѣкоторыя земства, отчасти въ связи съ измѣненіемъ ихъ состава, радикально измѣнили и свое отношеніе къ вопросамъ народнаго образованія, какъ и вообще къ нуждамъ народной жизни. Въ самарскомъ губернскомъ собраніи въ этомъ году „все, что предлагалось управой въ интересахъ крестьянскаго населенія, подвергалось, нападкамъ и отвергалось съ остервененіемъ; особенной мишенью для нападокъ служили доклады управы по народному образованію". Управа предлагала губернскому земству, въ

*) Цитируемъ по «Сыну Отечества». 28 марта 1900 г.

цѣляхъ расширенія сѣти земскихъ школъ, придти на помощь уѣзднымъ земствамъ путемъ назначенія безвозвратныхъ пособій на постройку новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ школъ, въ размѣрѣ одной трети стоимости школьнаго зданія, съ тѣмъ, чтобы остальныя двѣ трети подлежали возвращенію въ касссу губернскаго земства въ теченіе десяти лѣтъ безъ процентовъ. Общая сумма такихъ пособій была опредѣлена въ 10.000 р. на каждый уѣздъ, а всего на губернію въ 70.000 р. Собраніе отвергло это предложеніе, какъ отвергло и другое—устроить при всѣхъ земскихъ школахъ библіотеки, которыми пользовались бы не только учащіеся, но и окрестное населеніе, на что предполагалось ассигновать 14.500 р. на 580 школъ, т. е. по 25 р. на библіотеку. Точно также отклонены были доклады управы объ изданіи земскаго органа и объ открытіи книжнаго склада. За невнесеніе перваго изъ этихъ докладовъ въ прошлую сессію управѣ въ свое время сдѣланъ былъ упрекъ со стороны собранія. Что касается второго доклада, то онъ былъ даже принятъ въ прошломъ собраніи, но затѣмъ опротестованъ губернаторомъ по чисто формальнымъ основаніямъ. Теперь управа предполагала обойти эти формальности, собраніе же отвергло принятый ранѣе докладъ. Въ прошломъ году бугульминское земство просило губернское ходатайствовать передъ правительствомъ о субсидіи на введеніе всеобщаго обученія, но собраніе отвергло эту просьбу на томъ основаніи, что уѣздное земство просило слишкомъ мало денегъ. Теперь самарское уѣздное земство обратилось къ губернскому съ аналогичной просьбой, но собраніе отклонило ее, мотивировавъ это тѣмъ, что уѣздъ проситъ „слишкомъ много“ (80.000 р.). Во время этихъ дебатовъ одинъ изъ гласныхъ, г. Реутовскій, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и въ настоящее время редакторъ „Самарскаго Вѣстника“, высказываясь противъ субсидіи на введеніе всеобщаго обученія, сравнилъ послѣднее съ...бутылкою шампанскаго *). Не вездѣ, конечно, противники грамотности были настроены столь игриво и могли выступать съ такимъ рѣшительнымъ апломбомъ. Но поворотъ во взглядахъ на дѣло народнаго образованія, хотя бы и не столь крутой какъ въ Самарѣ, можно было наблюдать и въ нѣкоторыхъ другихъ земствахъ. Пермское земское собраніе, въ которомъ послѣднее время получили силу уральскіе заводчики, также ознаменовано было стремленіемъ сократить расходы по народному образованію. Въ Тульской губерніи Одоевскій уѣздъ давно уже не имѣетъ земскихъ школъ. Послѣ 1896 года къ нему присоединился Чернскій уѣздъ, передавшій свои школы въ вѣдѣніе духовенства. Въ Ефремовскомъ и Новосильскомъ уѣздахъ число земскихъ школъ за эти годы уменьшилось, остальные же уѣзды

*) «Сынъ От.», 2 февр. 1900 г.; «Нижег. Листокъ», 13 марта 1900 г.

хотя и не отказались отъ мысли осуществить общедоступность обученія, но ростъ школъ въ нихъ настолько незначителенъ, что естественный ростъ населенія превышаетъ увеличеніе числа учащихся въ земскихъ училищахъ *).

Въ другихъ случаяхъ сократительныя тенденціи по отношенію къ расходамъ на народное образованіе возникали внѣ собственно земскихъ собраній, идя въ разрѣзъ со стремленіями по крайней мѣрѣ большинства мѣстныхъ земскихъ дѣятелей. Истекшая земская сессія была ознаменована давно небывалою массою губернаторскихъ протестовъ на земскія смѣты, причемъ опротестованію подверглись главнымъ образомъ постановленія, имѣвшія своею цѣлью расширеніе школьныхъ и вообще просвѣтительныхъ начинаній земства. Въ Харьковской губерніи остается еще неразрѣшеннымъ сенатомъ вопросъ о правильности ассигновки губернскимъ собраніемъ 1898 г. 200.000 р. на постройку новыхъ школъ въ уѣздахъ; въ свое время эта ассигновка вызвала протестъ губернатора, обжалованный земскимъ собраніемъ въ сенатъ. Теперь сторонники экономіи, находившіе такую ассигновку чрезмѣрной, хотя она и предназначается „на весьма полезное, даже болѣе того, святое дѣло народнаго образованія", ссылались въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній на протестъ губернатора. Большинство собранія отстояло, однако, 200.000-ную ассигновку въ смѣтѣ на 1900 годъ. По этому поводу корреспондентъ „Р. Вѣдомостей" привелъ интересную справку изъ всеподданѣйшаго отчета харьковскаго губернатора за 1898 г. Въ этомъ документѣ губернаторъ такъ характеризовалъ дѣятельность земства по народному образованію. „Какъ и въ предшествующіе годы, земству принадлежитъ преимущественное значеніе въ народномъ образованіи: оно принимаетъ въ немъ самое живое участіе и находитъ возможнымъ и справедливымъ заносить въ свои смѣты значительныя суммы на это дѣло, давая такимъ образомъ хорошій примѣръ тѣмъ сельскимъ обществамъ, гдѣ сочувствіе народному образованію не сдѣлалось еще принадлежностью большинства" **). Подобная аттестація земской дѣятельности нѣсколько неожиданна, правда, въ устахъ автора протеста на земскую смѣту, но наша жизнь издавна богата такими неожиданностями... Въ Курскѣ губернаторъ опротестовалъ постановленіе собранія объ ежегодной ассигновкѣ 30.000 р. на постройку новыхъ школъ, въ Тверской губерніи, губернаторомъ заявлено было 165 протестовъ на уѣздныя смѣты, причемъ большая часть этихъ протестовъ была направлена опять-таки къ сокращенію расходовъ по народному образованію. Опротестовано было и постановленіе самарскаго уѣзднаго собранія о введеніи въ уѣздѣ всеобщаго обученія, какъ не соотвѣт-

*) «Россія» 31 января 1900 г.

**) «Сынъ От.», 2 февр. 1900 г.; «Р. Вѣд.», 27 янв. 1900 г.

ствующее платежнымъ силамъ населенія. Славяносербское уѣздное собраніе постановило завѣщанные земству М. О. Тепловой 40.000 р. употребить на устройство новыхъ и ремонтъ старыхъ школъ въ уѣздѣ, но екатеринославскій губернаторъ опротестовалъ это рѣшеніе на томъ основаніи, что собраніе не испросило предварительно разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ на распредѣленіе пожертвованной суммы *). Можно надѣяться, конечно, что сенатъ признаетъ эти расходы не противорѣчащими мѣстнымъ нуждамъ и отмѣнитъ силу губернаторскихъ протестовъ, но пока во всякомъ случаѣ развитіе народнаго образованія оказалось задержаннымъ въ рядѣ губерній.

Слѣдя за всѣми этими хлопотами задержать сколько-нибудь энергичную просвѣтительную дѣятельность земства, хлопотами, возникающими то въ самыхъ стѣнахъ земскихъ собраній, то внѣ этихъ стѣнъ, можно подумать, что дѣло народнаго просвѣщенія поставлено у насъ въ общемъ удовлетворительно и что экстренные расходы на него вызываются развѣ какими-либо крайними увлеченіями. Въ дѣйствительности утверждать что-либо подобное значило бы далеко разойтись съ истиной. Земскія школьныя коммиссіи, изслѣдовавшія положеніе учебнаго дѣла, пришли, какъ видно изъ представленныхъ ими въ собранія докладовъ, къ прямо противоположному выводу. Даже въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ просвѣтительная традиція земства еше сильна и не встрѣчаетъ извнѣ серьезныхъ препятствій для своего осуществленія, положеніе школьнаго дѣла оставляетъ желать еще весьма многаго. Такъ, въ Бердянскомъ уѣздѣ, одномъ изъ первыхъ въ Россіи по развитію грамотности, и теперь еще остается, однако, масса дѣтей школьнаго возраста (19,000 изъ 40,000), для которыхъ пока закрыты двери школы, и для введенія всеобщаго обученія необходимы были бы, по разсчетамъ управы, такіе расходы, которые превышаютъ средства земства. Въ Ярославской губерніи, также одной изъ передовыхъ по постановкѣ народнаго образованія, изслѣдовавшая школьное дѣло земская коммиссія нашла, что „хотя грамотность распространена въ губерніи очень широко, но самыя школы находятся въ весьма неудовлетворительномъ положеніи и требуютъ большихъ заботъ со стороны и общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ“. Петербургскому губернскому собранію также пришлось констатировать неудовлетворительность школьныхъ помѣщеній, недостаточность библіотекъ при школахъ и серьезныя затрудненія въ прінсканіи обладающихъ спеціальной подготовкой учителей, доходящія до того, что въ текущемъ году многія школы были открыты лишь въ концѣ октября **).

*) «Спб. Вѣд.», 5-го февр.; «Сѣв. Курьеръ», 30-го марта 1900 г.

**) «Спб. Вѣд.», 12-го февр.; «С. От.», 10-го ф.; «Новости», 12-го февр. 1900 г.

При желаніи можно было бы во много разъ увеличить число этихъ примѣровъ.

Существующая народная школа, такимъ образомъ, и недостаточна для населенія, и слишкомъ бѣдна для того, чтобы имѣть возможность вполнѣ удовлетворять потребности даже тѣхъ учениковъ, которыхъ она вмѣщаетъ въ себя. Считаясь съ этимъ общимъ фактомъ, земству приходится изыскивать новые пути для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія, но, какъ мы только что видѣли, въ выборѣ этихъ путей оно не всегда оказывается свободнымъ, а порою и само не располагаетъ достаточными средствами для того, чтобы поднять школьное дѣло на желательную высоту. Настоящій годъ какъ будто принесъ съ собою указаніе возможнаго выхода изъ этого положенія дѣлъ. Осенью этого года министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, земскимъ управамъ съ сообщеніемъ, что оно желаетъ придти на помощь земству въ дѣлѣ народнаго образованія и проситъ земскія собранія представить свои соображенія по вопросу о томъ, въ какомъ видѣ можетъ быть оказана эта помощь. Въ печати имѣются свѣдѣнія объ отвѣтахъ, данныхъ на этотъ запросъ земствами двухъ губерній, отвѣтахъ, въ главныхъ чертахъ сходныхъ между собою. Уѣздныя земства Тульской губерніи (исключая, конечно, Одоевскаго и Чернскаго уѣздовъ, которые, отдавъ свои школы въ чужія руки, вполнѣ довольны существующимъ положеніемъ вещей) признали крайне желательной матеріальную помощь со стороны министерства на перестройку училищныхъ зданій, на увеличеніе жалованья учащимъ до 330 р., учрежденіе эмеритуры и, наконецъ, на устройство для учителей періодическихъ курсовъ, образцовой школы и учительскихъ библіотекъ. При этомъ уѣздныя собранія считали, однако, необходимымъ сохранить существующій типъ собственно земской школы и оставить завѣдываніе ею въ рукахъ земства и училищныхъ совѣтовъ, не передавая его дирекціи начальныхъ училищъ. Владимірская губернская управа, отвѣчая на подобный же запросъ министерства, указала, что „пособіе отъ государства дало бы возможность земству быстрѣе идти по намѣченному пути и осуществить въ недалекомъ будущемъ главныя задачи въ области просвѣщенія народа". По мнѣнію управы, которое было затѣмъ всецѣло принято и земскимъ собраніемъ, оказаніе въ этомъ дѣлѣ пособія земству отъ правительства находитъ себѣ основаніе и въ томъ, что источники дохода послѣдняго значительно разнятся отъ таковыхъ же земскаго бюджета, и въ томъ, что государствомъ уже выдаются субсидіи на церковно-приходскія школы, и было бы поэтому совершенно логично оказать подобную же помощь и земству. Къ аналогичному проекту самостоятельно пришло воронежское земство. Особая коммиссія, избранная имъ, выработала планъ осуществленія всеобщаго обученія въ 10-лѣтній срокъ,

путемъ открытія новыхъ 750 школъ; на постройку зданій для этихъ школъ должно пойти $1^1/_2$ милліона рублей, а на годовое содержаніе каждой школы 500 р. Губернское собраніе одобрило этотъ планъ и постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ оказаніи земству пособія со стороны казны въ размѣрѣ половинной стоимости содержанія школъ, о дозволеніи земству пользоваться для указанныхъ цѣлей процентами со страхового капитала и объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ *). Вполнѣ признавая, слѣдовательно, желательность и даже необходимость правительственной помощи для дальнѣйшаго развитія учебнаго дѣла, земства настаиваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на томъ, чтобы самая организація его оставалась въ ихъ рукахъ. Такой исходъ, несомнѣнно, представлялся бы наиболѣе правильнымъ и естественнымъ въ виду признанія самимъ правительствомъ выдающихся заслугъ земства въ дѣлѣ народнаго образованія. Ближайшее будущее должно показать, насколько сочувственно отнесется министерство народнаго просвѣщенія къ этимъ проектамъ земскихъ собраній.

Скудость матеріальныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи земства, сама по себѣ уже, конечно, вліяетъ не только на число училищъ и на внѣшнія условія ихъ существованія, но ею одною во всякомъ случаѣ не исчерпываются темныя стороны дѣйствующей системы народнаго образованія. За послѣдніе годы вниманіе общества было сосредоточено по преимуществу на способахъ достиженія общедоступности образованія, и передъ вытекающими отсюда вопросами отступали болѣе или менѣе на задній планъ вопросы, касающіеся внутренняго строя народной школы, характера ея педагогическихъ и воспитательныхъ пріемовъ. Между тѣмъ эти послѣдніе заслуживаютъ не менѣе пристальнаго и серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что именно въ этихъ сторонахъ жизни народной школы въ послѣднее время приходится считаться съ весьма нежелательными явленіями. Оставаясь еще пока болѣе жизненною, нежели средне-образовательныя училища, наша низшая школа все же довольно быстро идетъ по пути усвоенія чисто механическихъ пріемовъ преподаванія и замѣны стремленія къ умственному развитію ученика формальною его выучкой. Основною причиной, толкающей жизнь народной школы въ эту сторону, служатъ тѣ требованія, какія ставятся для ближайшихъ руководителей школьнаго быта. Въ этомъ отношеніи весьма характерны изданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1897 г. примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства этого министерства. Согласно правиламъ этихъ программъ, „при выборѣ преподавателя должно давать рѣшительное предпочтеніе“ лицу, умѣющему обучать цер-

*) «С. От.», 8-го февр.; «Н. Вр.», 24-го янв.; «Р. Вѣд.», 11-го марта 1900 г.

ковному пѣнію; при обученіи азбукѣ „необходимо во всякомъ случаѣ избѣгать такихъ пріемовъ, которые безъ существенной пользы замедляютъ изученіе азбуки, напр., т. н. предметныхъ бесѣдъ съ дѣтьми"; правила предлагаютъ, наконецъ, учителю не „увлекаться желаніемъ дѣлиться съ дѣтьми всѣми свѣдѣніями, которыя онъ самъ имѣетъ о данномъ предметѣ" *). Учителя земскихъ школъ, подчиненные въ своей педагогической практикѣ училищнымъ совѣтамъ, въ которыхъ представители земствъ являются лишь ничтожнымъ меньшинствомъ, необходимо сообразуются въ значительной мѣрѣ съ этими требованіями и въ результатѣ сведенія всего преподаванія къ усвоенію чисто внѣшнихъ знаній въ народную школу нерѣдко проникаетъ тотъ же мертвящій формализмъ, который такъ хорошо знакомъ воспитанникамъ нашей средней школы. По этому поводу одна изъ петербургскихъ газетъ вспоминала недавно цѣнное изслѣдованіе, предпринятое нѣсколько лѣтъ тому назадъ московскимъ земствомъ и опубликованное въ книгѣ: „Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи" **). Въ свою очередь мы позволимъ себѣ заимствовать изъ этого источника двѣ выдержки, достаточно разъясняющія размѣры и смыслъ того явленія, о которомъ у насъ идетъ теперь рѣчь. Опросъ учителей о томъ, какіе предметы въ начальной школѣ требуютъ наибольшаго вниманія и труда отъ учащихъ и учащихся, далъ слѣдующіе результаты. Изъ 427 отвѣтовъ 63 гласили, что на всѣ предметы обращается одинаковое вниманіе; по остальнымъ 364 отвѣтамъ наибольшаго труда и вниманія требуютъ: преподаваніе правописанія и грамматики въ 94 проц. школъ, ариѳметики въ 45 проц., каллиграфіи — въ 7 проц., чтенія — въ 4 проц., славянскаго чтенія—въ 4 проц., пересказа въ 3 проц., объяснительнаго чтенія—въ 1 проц. и письменнаго изложенія въ 1 процентѣ школъ. Эти цифры, и сами по себѣ достаточно краснорѣчивыя, находятъ себѣ еще яркій комментарій въ такомъ заявленіи одного изъ учителей:

„Я служу въ земскихъ школахъ Московскаго уѣзда 14 лѣтъ, и за это время, по моему мнѣнію, только первые 2—3 года моей службы наша земская школа стояла на настоящей дорогѣ. Въ это время самою главною цѣлью земской школы было—насколько возможно полное и всестороннее нравственное и умственное развитіе учениковъ. Къ этой главной цѣли и приспособлялось все, что дѣлалось въ школѣ. Началъ было мало-по-малу обрисовываться оригинальный типъ общеобразовательной сельской школы, приспособленной исключительно къ нуждамъ и потребностямъ русской деревни. Но скоро этотъ путь былъ покинутъ. Подъ влія-

*) Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Спб. 1899, т. II, с. 91.

**) «Сѣв. Курьеръ», 4 февр. 1900.

ніемъ требованій ревизоровъ и экзаменаторовъ на первый планъ стали мало-по-малу выдвигаться чисто формальныя стороны обученія: бѣглость чтенія — безъ связи съ основательнымъ пониманіемъ прочитаннаго; красивое письмо, бойкій счетъ безъ умѣнья рѣшить съ толкомъ сколько-нибудь цѣльную задачу, бойкій грамматическій разборъ безъ основательнаго пониманія грамматическихъ формъ и, главное, безошибочное письмо подъ диктантъ... Ко всему этому въ послѣднее время прибавилось еще непомѣрное расширеніе теоретическихъ знаній изъ грамматики и ариѳметики и изъятіе изъ употребленія лучшихъ книгъ для класснаго чтенія".

Порядки, обрисовываемые въ этихъ свидѣтельствахъ, повидимому, не обратили на себя вниманія земствъ, отвѣчавшихъ на запросъ министерства о нуждахъ народнаго образованія, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что такіе порядки далеко не представляютъ собою явленія, свойственнаго лишь одной какой-либо мѣстности. Наша низшая школа не менѣе средней нуждается въ серьезномъ обновленіи своего внутренняго строя, которое сдѣлало бы ее болѣе отзывчивой на потребности жизни и открыло бы для нея болѣе широкіе горизонты. И если для сближенія средней школы съ жизнью приходится еще изыскивать новые пути, то по отношенію къ земской народной школѣ, благодаря основнымъ условіямъ ея существованія, та же самая задача является въ значительно упрощенномъ видѣ, хотя это одно, само собою, еще не даетъ гарантій правильнаго ея разрѣшенія. Во всякомъ случаѣ путь такого разрѣшенія подсказывается, намъ кажется, самою жизнью, заключаясь въ такомъ расширеніи компетенціи земства, которое предоставило бы ему болѣе активную роль въ завѣдываніи не только хозяйственной, но и учебной частью школьнаго дѣла. До той поры, пока у содержащаго школы земства нѣтъ прочныхъ правъ на эту активную роль, оно вынуждено оставаться простымъ свидѣтелемъ подчасъ весьма ненормальныхъ явленій въ школьномъ быту, и устраненіе даже наиболѣе рѣзкихъ изъ такихъ явленій возможно лишь путемъ совершенно экстренныхъ мѣръ. Хорошимъ доказательствомъ этому могутъ служить недавнія сообщенія газетъ о вмѣшательствѣ тамбовскаго дворянскаго собранія въ одинъ изъ вопросовъ училищной практики. Въ печати былъ опубликованъ циркуляръ моршанскаго училищнаго совѣта, который предлагалъ исключать учениковъ за непосѣщеніе церковныхъ службъ. По словамъ „Недѣли", на губернскомъ собраніи „дворянинъ Новосильцевъ обратился къ моршанскому предводителю Вольскому съ вопросомъ,—былъ ли такой циркуляръ,—и, получивъ подтвержденіе, заявилъ, что такая принудительная мѣра несимпатична и не можетъ принести хорошихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что въ школахъ бываютъ дѣти раскольниковъ". Такъ какъ дворянство единственное сословіе, имѣющее право возбуждать во-

просы о неправильныхъ дѣйствіяхъ административныхъ мѣстъ и лицъ, то собранію, по мнѣнію г. Новосильцева, слѣдовало обратиться къ губернскому училищному совѣту съ выраженіемъ желанія дворянства, чтобы названный циркуляръ былъ отмѣненъ. Собраніе одобрило это мнѣніе и постановило просить губернскій совѣтъ обсудить цѣлесообразность рекомендуемыхъ циркуляромъ мѣръ *). Весьма возможно, однакоже, что этотъ циркуляръ не былъ бы и изданъ, если бы училищный совѣтъ не былъ въ такой мѣрѣ изолированъ отъ вліянія земства. Съ другой стороны, дворянское собраніе, съигравшее въ этомъ инцидентѣ столь видную роль, въ общемъ все же стоитъ слишкомъ далеко отъ нуждъ народной школы, чтобы имѣть возможность постоянно и настойчиво интересоваться ими.

Мы не хотимъ, конечно, сказать, что при существующихъ условіяхъ уже одна передача земству завѣдыванія внутреннею жизнью школы сама по себѣ могла бы всегда и во всѣхъ случаяхъ гарантировать правильное теченіе этой жизни. Текущая дѣйствительность даетъ и яркіе примѣры иного рода. На послѣднемъ совѣщаніи земскихъ врачей Ананьевскаго уѣзда заявлено было, что въ нѣкоторыхъ школахъ практикуются еще физическія наказанія. Автора этого заявленія, доктора Рослякова, особенно поразило то обстоятельство, что практикующіе эти наказанія учителя обнаруживаютъ полное непониманіе какъ всей неприглядности и негуманности такихъ воздѣйствій, такъ и нецѣлесообразности ихъ. Совѣщаніе врачей постановило просить управу ходатайствовать предъ училищнымъ совѣтомъ объ изгнаніи изъ школъ физическихъ наказаній и, видя главную вину ихъ существованія въ низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ учителей, сочло умѣстнымъ рекомендовать училищному совѣту устройство возможно частыхъ съѣздовъ учителей для обмѣна мнѣніями по поводу постановки дѣла обученія школьниковъ. Въ свою очередь предсѣдатель управы благодарилъ д-ра Рослякова за его сообщеніе и за внимательное отношеніе къ школьнымъ порядкамъ и просилъ земскихъ врачей извѣщать управу о всѣхъ встрѣчающихся имъ подобныхъ случаяхъ **). Болѣе сложная исторія почти одновременно разыгралась въ Казани, гдѣ недавно происходили засѣданія экстреннаго земскаго собранія. Послѣднему предстояло, между прочимъ, обсудить докладъ ревизіонной коммиссіи по земскому сиротскому дому, заранѣе возбуждавшій большое любопытство въ виду ходившихъ по городу слуховъ о безпорядкахъ въ управленіи этимъ домомъ. Коммиссія въ своемъ докладѣ не коснулась, однако, этихъ безпорядковъ, а заявила лишь собранію, что она „располагаетъ достаточнымъ матеріаломъ для выясненія подробностей хода дѣла въ

*) «Недѣля» № 6.

**) «Россія», 20 марта; «Р. Вѣд.», 20 марта 1900 г.

сиротскомъ домѣ, но обнаруженіе подобныхъ мелкихъ фактовъ лежитъ скорѣе на обязанности управы, чѣмъ ревизіонной коммиссіи". Дальше — произошло слѣдующее. „Во время преній одинъ изъ ревизоровъ заявилъ, что въ сиротскомъ домѣ недавно высѣкли одну дѣвушку такъ, что ее пришлось отправить въ больницу. Но тотчасъ раздался встревоженный голосъ другого ревизора (кн. П. Л. Ухтомскаго): „По принципу (?), коммиссія рѣшила не говорить объ этомъ"... Собраніе не согласилось однакоже съ правильностью такого „принципа". Гласный Аристовъ, справедливо замѣтивъ, что „никакими принципами нельзя оправдывать сокрытіе вопіющихъ фактовъ", подробно разсказалъ о порядкахъ казанскаго сиротскаго дома. Въ немъ, какъ явствовало изъ этого разсказа, сироты ходятъ полуодѣтые, полуголодные; обувь призрѣваемыхъ такъ хороша, что причиняетъ раны на ногахъ; младенцы содержатся такъ небрежно, что значительный процентъ ихъ умираетъ. Размѣщеніе дѣтей по деревнямъ и, болѣе взрослыхъ, по мастерскимъ происходитъ весьма безпорядочно, безъ всякаго контроля, и какъ живутъ эти дѣти,—никто изъ завѣдующихъ сиротскимъ домомъ не интересуется. Дѣвушекъ изъ этого дома чуть не насильно отдаютъ замужъ за перваго попавшагося, ставя имъ такой ультиматумъ: или выходи замужъ, или убирайся на улицу... Причину всѣхъ этихъ безпорядковъ гласный видѣлъ въ томъ, что начальницей сиротскаго дома состоитъ родственница завѣдующаго имъ члена управы. Управа не смогла представить собранію достаточныхъ объясненій по поводу указанныхъ фактовъ и въ результатѣ, хотя ей и не было выражено прямаго неодобренія, предсѣдатель и два члена ея отказались отъ своихъ должностей *).

Приведенные случаи достаточно громко свидѣтельствуютъ о томъ, что и непосредственный контроль земства надъ школою не всегда обезпечиваетъ послѣдней отсутствіе неправильныхъ педагогическихъ пріемовъ. Но даже въ этихъ самыхъ случаяхъ можно видѣть и оборотную сторону медали. Земская дѣятельность въ принципѣ всегда открыта критикѣ и общественному контролю во всѣхъ его видахъ и, пока сохраняется эта основная особенность ея, можно быть увѣреннымъ, что ея ошибки и неправильности будутъ скорѣе обнаружены и исправлены, чѣмъ это было бы мыслимо при другихъ условіяхъ, и что вся она въ цѣломъ не превратится въ формальное исполненіе служебной повинности. Въ этомъ одномъ уже заключается важный залогъ преимуществъ земскаго завѣдыванія школами. Во время совѣщаній о средней школѣ не разъ высказывалась мысль о томъ, что представителей земствъ слѣдовало бы допустить къ участію въ дѣятельности педагогическихъ совѣтовъ тѣхъ гимназій, которыя содержатся отчасти на земскія средства. Было бы еще болѣе естественно увеличить ком-

*) «Волгарь», 23 марта 1900.

петенцію земства въ завѣдываніи педагогическою частью народныхъ училищъ, всецѣло находящихся на его иждивеніи. Такой порядокъ установилъ бы болѣе нормальныя отношенія между земствами и учебной инспекціей и избавилъ бы народную школу отъ опасности застоя.

Оба главные недостатка низшей школы, о которыхъ шла у насъ рѣчь выше,—и скудость ея матеріальныхъ средствъ, и отсутствіе у нея сколько нибудь самостоятельнаго положенія,—нелегкимъ бременемъ падаютъ на плечи ея важнѣйшаго работника, сельскаго педагога. Народный учитель, этотъ первый носитель и дѣятель культуры въ глубинахъ народной жизни, поставленъ у насъ въ крайне тяжелое, чтобъ не сказать, жалкое положеніе и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Ничтожность вознагражденія за его трудъ слишкомъ общеизвѣстна и для иллюстраціи этой стороны дѣла достаточно взять немногія данныя. Въ Тульской губерніи средній окладъ жалованья земскаго учителя колеблется около 200 р. Въ Воронежской губ., по собраннымъ губернской управой свѣдѣніямъ, средній окладъ учительскаго жалованья составляетъ 273 р. въ годъ, причемъ около половины учителей получаютъ менѣе этой суммы, а многіе—150 р. въ годъ. Еще печальнѣе положеніе помощниковъ учителей: средній окладъ ихъ жалованья—156 р. въ годъ, но громадное большинство пользуется еще меньшимъ окладомъ, а 27 человѣкъ изъ 206 получаютъ по 84 р. въ годъ, т. е. по 7 р. въ мѣсяцъ *). Учительницы Спасскаго уѣзда Казанской губ. получаютъ 180—200 р. въ годъ. Идеальнымъ окладомъ учительскаго жалованья, о которомъ пока еще только мечтаетъ большинство земствъ, является 300 р. Вдобавокъ, стоитъ свалиться на земскую кассу какому-либо экстренному бѣдствію, вродѣ неуплаты налоговъ населеніемъ благодаря голоду, и нерѣдко первыми прекращаются платежи жалованья именно учителямъ и учительницамъ, какъ это было въ настоящемъ году въ томъ же Спасскомъ уѣздѣ **). И какъ получается иногда это жалованье? Недавно газеты обошелъ разсказъ о томъ, какъ народная учительница въ Сибири должна была, чтобы только получить свое жалованье, по требованію пьянаго старшины и волостного писаря плясать передъ ними. А измѣняютъ силы, уходитъ здоровье, нѣтъ болѣе возможности по старости или слабости продолжать службу,—и дѣятелю народнаго просвѣщенія предстоитъ до смѣшного жалкая пенсія или и того проще—нищенская сума. Недавно же газеты перепечатывали „письмо въ редакцію“ одного изъ такихъ лицъ, прослужившаго 51 годъ народнымъ учите-

*) «Сѣв. Кур.», 28 янв. 1900 г.
**) «С. От.», 15 янв. 1900 г.

лемъ и просившаго совѣта, какъ ему поступить, чтобы „хотя послѣдніе годы можно было отдохнуть“. Такъ какъ на мѣстѣ службы этого учителя земской эмеритальной кассы нѣтъ, то получить пенсіи онъ не могъ и подать ему совѣтъ оказывалось довольно трудно *). Послѣднее губернское собраніе петербургскаго земства обсуждало между прочимъ вопросъ о назначеніи пенсіи по 3 р. въ мѣсяцъ двумъ учителямъ, изъ которыхъ одинъ прослужилъ въ сельскихъ (большею частью не земскихъ) школахъ 27½ лѣтъ, а другой—22 года, и въ концѣ концовъ, хотя не безъ оппозиціи нѣкоторыхъ гласныхъ, назначило обоимъ по 50 р. въ годъ **). Собственно земскіе учителя получаютъ въ Петербургской губерніи пенсію въ размѣрѣ 180 р., но въ другихъ губерніяхъ подобные размѣры пенсій крайне рѣдки.

Это одна сторона дѣла. Другая заключается въ непомѣрныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ учителю, и въ крайней подчиненности его положенія. „На учителя сельской школы—пишутъ „Сѣв. Краю“—у насъ привыкли смотрѣть какъ на вола, съ котораго можно драть семь шкуръ... Учитель долженъ быть пчеловодомъ, переплетчикомъ, огородникомъ, столяромъ и пр. Чаще всего на учителя смотрятъ какъ на регента и вмѣняютъ ему въ обязанность устройство церковныхъ хоровъ... Въ этомъ случаѣ учителю уже не до школы“ ***)... Придавленные нуждой, обращенные въ безгласныхъ исполнителей многочисленныхъ программъ и правилъ, окруженные атмосферой опасливыхъ подозрѣній, скромные дѣятели просвѣтительной миссіи въ деревнѣ, при общей некультурности нашихъ нравовъ, плохо гарантированы и отъ оскорбительнаго отношенія къ нимъ тѣхъ самыхъ лицъ, въ которыхъ они должны бы находить себѣ защитниковъ. Читатели помнятъ, вѣроятно, дѣло г. Бекетова и учительницы Б., о которомъ была рѣчь на страницахъ хроники „Русскаго Богатства“ и которое является яркой иллюстраціей этого факта. Названное дѣло, кстати сказать, имѣло свое продолженіе, весьма характерное. Какъ сообщаетъ одна изъ петербургскихъ газетъ, въ виду безрезультатности перваго дознанія, московское дворянство, считающее себя представителемъ всего русскаго дворянства, обратилось съ ходатайствомъ къ кому слѣдуетъ о назначеніи вторичнаго разслѣдованія. Ходатайство это было уважено и послѣдовало распоряженіе произвести дознаніе чрезъ мѣстное жандармское управленіе. Газета задается только вопросомъ: „чѣмъ объяснить то, что не привлекаютъ къ дознанію тѣхъ лицъ, которыя знаютъ всѣ похожденія бывшаго предсѣдателя, а также лицъ, знающихъ Б. и всѣ обстоятельства, вызвавшія инцидентъ въ земскомъ собраніи?“ По словамъ той же газеты, хотя

*) «Россія», 17-го марта 1900 г.

**) «Сынъ От.», 1-го февр. 1900 г.

***) «Сѣв. Край», 2 февраля 1900 г.

г-жа Б. категорически отказалась отъ всякой помощи г. Бекетова, онъ грозитъ ей обвиненіемъ въ шантажѣ и „желтымъ билетомъ“ *). По-истинѣ, угрозы, достойныя своего автора! Къ сожалѣнію, гг. Бекетовы водятся не въ одной только Казани.

Принимая во вниманіе всѣ эти условія работы въ деревнѣ надъ народнымъ просвѣщеніемъ, едва-ли можно особенно удивляться тому обстоятельству, что за послѣднее время учителя сельскихъ школъ все въ большемъ числѣ покидаютъ свои мѣста и ищутъ другой дѣятельности, которая давала бы имъ возможность лучше удовлетворять ихъ матеріальныя и духовныя потребности. По деревнямъ наблюдается нѣчто вродѣ массоваго бѣгства учителей изъ школъ. Серьезнымъ конкуррентомъ народной школы является при этомъ... казенная винная лавка. Не мѣшаетъ припомнить, что минимальный окладъ ея сидѣльца только въ 4 восточныхъ губерніяхъ составляетъ 240 р., въ большинствѣ же случаевъ равняется 300 р., а максимальный окладъ равенъ 900 р.; помощникъ сидѣльца получаетъ 180—240 р. Результаты на лицо: въ 1896 г., второмъ для 4 восточныхъ и первомъ для 9 южныхъ губерній по введеніи монополіи, въ восточныхъ губерніяхъ состояло 46 сидѣльцевъ изъ бывшихъ учителей, въ южныхъ—498; при этомъ въ трехъ неземскихъ губерніяхъ, гдѣ преобладаетъ упрощенный типъ школъ, школу на винную лавку промѣняло 326 учителей или 61% общаго числа, а въ 10 земскихъ—лишь 38%“ *). Такъ продолжается и теперь: всюду, гдѣ является винная лавка, пустѣютъ школы. „Со введеніемъ у насъ въ іюлѣ настоящаго года винной монополіи—пишутъ изъ Курска—многіе учителя получаютъ должности по монополіи, главнымъ образомъ сидѣльцевъ винныхъ лавокъ. Оставляютъ свои учительскія мѣста преимущественно наиболѣе подготовленные, обладающіе болѣе высокимъ образовательнымъ цензомъ“ ***). Изъ Лифляндской губерніи сообщаютъ, что и тамъ большинство сидѣльцевъ винныхъ лавокъ набирается изъ сельскихъ учителей, благодаря чему многія школы рискуютъ остаться безъ преподавателей ****).

Это повальное бѣгство учителей представляетъ собою слишкомъ серьезный признакъ неустройства школьнаго дѣла, чтобы его можно было пропустить безъ вниманія. Бороться съ этимъ явленіемъ, очевидно, мыслимо только путемъ поднятія положенія школы и учителя. Тамъ, гдѣ школа поставлена лучше, менѣе замѣтно и подобное бѣгство. Земства могутъ собственными усиліями улучшить матеріальную обстановку жизни учителя, и они принимаютъ уже въ этомъ направленіи нѣкоторыя мѣры, хотя часто еще и недостаточно энергичныя. Но они безсильны сами

*) «Россія», 15 марта 1900 г.
**) «Спб. Вѣд.», 5 января 1900 г.
***) «С. От.», 22 марта 1900 г.
****) «С. От.», 12 апрѣля 1900 г.

по себѣ измѣнить тѣ стороны этой жизни, которыя коренятся въ общихъ условіяхъ существованія народной школы. Къ сожалѣнію, въ этихъ общихъ условіяхъ едва-ли можно ожидать быстрой и коренной перемѣны. За послѣднее время министерство народнаго просвѣщенія приняло только одну крупную мѣру по отношенію къ начальной школѣ и характеръ этой мѣры таковъ, что не предвѣщаетъ какихъ-либо реформаторскихъ стремленій министерскихъ круговъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Попечителямъ учебныхъ округовъ разосланы именно не такъ давно утвержденныя министромъ временныя правила о съѣздахъ учащихъ въ начальныхъ училищахъ. Газеты передаютъ содержаніе этихъ правилъ въ слѣдующемъ видѣ. Съѣзды эти созываются съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по соглашенію съ мѣстнымъ губернаторомъ. При ходатайствѣ представляется программа вопросовъ, предположенныхъ къ обсужденію на съѣздѣ, составленная инспекторомъ народныхъ училищъ на основаніи какъ собственныхъ его соображеній, такъ и вопросовъ со стороны мѣстнаго училищнаго совѣта, его членовъ и самихъ учащихъ въ народныхъ училищахъ. Въ съѣздѣ могутъ участвовать учащіе лишь одного района, подчиненнаго одному инспектору народныхъ училищъ. Списокъ членовъ съѣзда препровождается, предварительно разрѣшенія самого съѣзда, на заключеніе мѣстной высшей гражданской власти. Засѣданія съѣзда не публичны. Съѣзды устраиваются преимущественно въ неучебное время и продолжаются по возможности короткое время и, во всякомъ случаѣ, не свыше 7 дней. Предсѣдателемъ и руководителемъ съѣзда состоитъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ. Нѣсколько съѣздовъ одновременно въ одной и той же губерніи не могутъ быть разрѣшаемы. Вопросы программы подвергаются только обсужденію; ни голосованія мнѣній и никакихъ постановленій съѣздъ не дѣлаетъ. Отчетъ о каждомъ съѣздѣ представляется съ заключеніемъ попечителя учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія *).

Судя по этимъ правиламъ, приходится предположить, что въ планы министерства не входитъ предоставленіе учителямъ начальныхъ училищъ бо́льшей самостоятельности въ школьномъ дѣлѣ, которая однако могла бы привязать ихъ прочнѣе къ школѣ и ея интересамъ. Предпринятая министерствомъ реформаторская работа, по всей видимости, ограничится нуждами средней школы и не внесетъ новыхъ тенденцій въ дѣло собственно народнаго образованія, исключая развѣ нѣкотораго количественнаго его расширенія.

---

*) «Сѣв. Кур.», 4 февр. 1900 г.

II.

Дальнѣйшее развитіе земской школы, какъ и всѣхъ вообще отраслей земскаго хозяйства, мыслимо, конечно, лишь при условіи безпрепятственнаго прогресса дѣятельности самого земства. Но въ послѣднее время именно возможность такого прогресса оказалась подверженной весьма серьезнымъ сомнѣніямъ. Въ недавніе годы, послѣдовавшіе за изданіемъ новаго земскаго Положенія, мы не разъ уже были свидѣтелями попытокъ еще болѣе съузить права и компетенцію земства, путемъ ли обращенія его въ отдѣльныхъ случаяхъ въ простой подчиненный органъ центральной администраціи или путемъ полнаго изъятія изъ его вѣдѣнія важныхъ отраслей мѣстнаго хозяйства. Такая тенденція проникала проектъ больничнаго устава, она же сказалась и въ разбиравшемся недавно на страницахъ „Р. Богатства" проектѣ устава о народномъ продовольствіи. Теперь мы имѣемъ дѣло съ новою попыткой такого рода, носящей, однако, болѣе общій и планомѣрный характеръ. Въ правительственныхъ сферахъ дальнѣйшій ростъ земскаго обложенія признанъ, повидимому, чрезмѣрно обременительнымъ для платежныхъ средствъ населенія и въ связи съ этимъ въ теченіе всего настоящаго года упорно ходятъ слухи о готовящихся планахъ фиксаціи земскихъ расходовъ. Напомнимъ вкратцѣ суть этихъ плановъ, какъ они переданы въ печати.

Существуетъ намѣреніе опредѣлить закономъ ту долю цѣнности или доходности облагаемыхъ земствомъ имуществъ, которой не должны превышать земскіе сборы. Но такъ какъ установленіе предѣльности земскаго обложенія въ этомъ видѣ было бы возможно лишь по окончаніи переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ результатѣ предпринятыхъ на основаніи законовъ 1893 г. и 8 іюня 1899 г. оцѣночныхъ работъ, то проектируется установить пока временныя правила, направленныя къ фиксаціи земскихъ расходовъ. Земства должны такимъ образомъ лишиться на будущее время права увеличивать по собственному усмотрѣнію свои расходныя смѣты. При этомъ первоначально рѣчь шла о безусловной фиксаціи этихъ смѣтъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были назначены на 1900 годъ. Позднѣе выяснилось, что министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предполагается предоставить, по взаимному ихъ соглашенію, утвержденіе и такихъ смѣтъ, въ которыхъ процентъ обложенія превыситъ назначенный на 1900 годъ. Еще немного спустя проектъ урегулированія земскихъ расходовъ предсталъ въ нѣсколько иномъ видѣ. Земствамъ проектируется теперь предоставить право при составленіи смѣтъ увеличивать сборы съ недвижимыхъ имуществъ на $2^1/_2$% противъ окладовъ предшествующаго года. Эта общая норма для от-

дѣльныхъ губерній и уѣздовъ можетъ быть, по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, повышаема до 5%, а по положеніямъ комитета министровъ—понижаема до 1%. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда два названные министра не найдутъ возможнымъ утвердить предположенный земскимъ собраніемъ размѣръ обложенія, превышающій окладъ предъидущаго года болѣе, чѣмъ на 2½%, но самое исчисленіе расходовъ признаютъ правильнымъ, они могутъ войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о принятіи нѣкоторыхъ расходовъ данной губерніи или уѣзда на счетъ казны или объ оказаніи пособія земству изъ особо предназначеннаго на эту цѣль кредита *).

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о цѣлесообразности проектируемаго порядка, не трудно видѣть, что непосредственнымъ результатомъ введенія его въ дѣйствіе должна, во всякомъ случаѣ, явиться полная реорганизація земской дѣятельности. Весь смыслъ хозяйственныхъ полномочій земства заключается въ самостоятельномъ опредѣленіи мѣстныхъ нуждъ и удовлетвореніи ихъ сообразно средствамъ населенія. И въ настоящее время земство исполняетъ эти свои функціи подъ бдительнымъ контролемъ администраціи, нерѣдко, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, придирчивымъ и строгимъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ положеніе 1890 г. дало губернаторамъ возможность вмѣшиваться въ земскія смѣты по существу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь припомнить земскую сессію текущаго года, когда въ рядѣ губерній смѣты оказались фактически фиксированными благодаря губернаторскимъ протестамъ. Но разъ такой порядокъ войдетъ въ законъ, разъ у земствъ будутъ отняты ихъ естественныя функціи и имъ придется дѣйствовать въ тѣсныхъ рамкахъ впередъ установленнаго бюджета, все дѣло земскаго самоуправленія неизбѣжно зачахнетъ и подвергнется застою, если не разложенію. Никакое новое дѣло—а сколько ихъ создало и выдвинуло въ свое время земство?—немыслимо безъ денежныхъ затратъ, на первыхъ порахъ, обыкновенно, особенно значительныхъ; немалыя затраты нужны земствамъ, какъ наглядно показалъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, и на развитіе существующихъ уже отраслей мѣстнаго общественнаго хозяйства: въ среднемъ земскіе бюджеты выростали за это время на 5% въ годъ. При установленіи же предполагаемой ничтожной нормы повышенія бюджета на 1%, причемъ всякое ея увеличеніе будетъ зависѣть уже отъ усмотрѣнія министровъ, земству, въ виду все усложняющихся условій жизни и ростущей дороговизны, едва ли удастся поддержать даже и существующій порядокъ своего хозяйства. Къ этому необходимо прибавить и еще одно соображеніе. Въ настоящее время земскіе бюджеты далеко не одинаковы въ различныхъ гу-

*) «Сѣв. Кур.», 2 апр. 1900 г.

берніяхъ и уѣздахъ, но представляютъ весьма пеструю, чтобъ не сказать,—причудливую, картину: въ однихъ уѣздахъ обложеніе дѣйствительно высоко и зато земское хозяйство въ полномъ ходу, другіе, почему-либо отставшіе, соединяютъ низкое обложеніе съ сравнительнымъ застоемъ важнѣйшихъ дѣлъ, находящихся на ихъ попеченіи. Проектируемая реформа, установивъ однообразный для всѣхъ мѣстностей порядокъ повышенія бюджета, тѣмъ самымъ лишаетъ отсталыя земства возможности догнать другія, опередившія ихъ мѣстности и закрѣпляетъ различія, съ точки зрѣнія интересовъ населенія едва-ли заслуживающія поддержанія. Центръ тяжести мѣстной жизни при этой реформѣ окончательно переносится изъ провинцій въ столицу, гдѣ общія соображенія всегда будутъ преобладать надъ знаніемъ конкретныхъ нуждъ или пожеланій той, либо другой мѣстности. Въ концѣ концовъ новый порядокъ врядъ-ли можетъ остаться безъ серьезнаго вліянія на самый механизмъ земства въ нынѣшнемъ его видѣ. Наличность впередъ установленной смѣты, въ самомъ дѣлѣ, почти исключаетъ необходимость въ работѣ земскихъ собраній и послѣднія, надо думать, легко атрофируются въ результатѣ этого порядка, а земскія управы обратятся въ совершенно подчиненный губернской администраціи органъ, исполняющій подъ ея контролемъ назначенную сверху смѣту. Во всякомъ случаѣ на это необходимо сведется въ итогѣ осуществленія даннаго проекта содержаніе земской дѣятельности, если-бы даже формы ея и остались прежними. Едва-ли только, даже при нынѣшнемъ пониженіи пульса земской жизни, съ такою реформою примирятся сколько-нибудь энергичные мѣстные дѣятели, исключая развѣ тѣхъ, все участіе которыхъ въ земской дѣятельности выражается въ накопленіи недоимокъ на своихъ имѣніяхъ. Въ этомъ смыслѣ мы уже и имѣемъ краснорѣчивыя заявленія. Вотъ что писалъ, напр., въ „Н. Время“ небезъизвѣстный земецъ г. Шатиловъ: „Живя давно и постоянно въ деревнѣ и принимая близкое участіе въ дѣятельности уѣзднаго и губернскаго земства и въ исключительные въ жизни земства годы, какъ 91, 92 и 93, когда были голодъ и холера, и въ повседневной будничной его жизни, я смѣло утверждаю, что фиксація земскихъ смѣтъ положительно невозможна и повлечетъ за собою совершенное уничтоженіе всякой самодѣятельности и прогресса въ земскомъ хозяйствѣ, что будетъ равносильно уничтоженію самого земства, такъ какъ какой же дѣятельный гласный пойдетъ въ таковые, заранѣе зная, что вся его дѣятельность на благо губерніи и уѣзда будетъ парализована“ *). Итакъ, отливъ живыхъ общественныхъ силъ отъ омертвѣвшаго организма мѣстнаго самоуправленія,—вотъ каковъ обѣщаетъ быть логическій исходъ урегулированія земскихъ рас-

*) «Н. Вр.», 25 февр. 1900 г.

ходовъ, заключающаго дѣло этого самоуправленія въ строгія рамки бюрократическаго режима.

Но существуетъ ли еще та опасность, для борьбы съ которой предлагаются столь героическія средства? Ростъ земскихъ бюджетовъ несомнѣненъ, какъ несомнѣнно и то, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ этотъ ростъ былъ довольно значительнымъ. Другой вопросъ, однако, такъ ли ужъ этотъ ростъ обременителенъ для платежныхъ средствъ населенія и, если даже такое обремененіе существуетъ въ дѣйствительности, то не имѣется ли другихъ способовъ устранить его, кромѣ фиксаціи земскихъ смѣтъ. Ростъ земскаго бюджета, вызываемый какъ естественнымъ приростомъ населенія, такъ и увеличивающимися потребностями мѣстной жизни, все время идетъ параллельно съ ростомъ бюджета государственнаго, и въ одномъ этомъ обстоятельствѣ заключается уже немаловажное указаніе его нормальности и законности. За время съ 1868 по 1895 г. государственный бюджетъ увеличился въ 3,1 раза, земскій—въ 3,7 раза, причемъ земство въ началѣ этого періода только еще заводило свое хозяйство. Но если такимъ образомъ относительныя цифры возрастанія обоихъ бюджетовъ довольно близки между собою, то абсолютныя цифры земскихъ расходовъ совершенно тонутъ передъ громадными расходами государства. Въ томъ же 1895 г. общая сумма обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ государства равнялась 1.521 милл. рублей, а земскіе расходы немногимъ превышали 56 милл. рублей, составляя, слѣдовательно, менѣе 4% государственнаго бюджета. За послѣдніе годы ростъ однихъ лишь обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ далеко превышалъ весь земскій бюджетъ въ его цѣломъ. Такъ, въ 1897 г. эти расходы увеличились на 71 милліонъ рублей, въ 1899 г.—на 104 милліона, въ 1900 г.—на 102 милліона. Въ виду этихъ фактовъ врядъ-ли возможно вполнѣ серьезно говорить о крайней обременительности земскаго бюджета. По крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ сферъ, въ которыхъ по преимуществу раздаются сѣтованія на эту обременительность, мы что-то не слышали голосовъ, которые бы говорили о тяжести государственнаго обложенія.

Не совсѣмъ понятными представляются упомянутыя сѣтованія и въ томъ случаѣ, если разсматривать земскіе расходы сами по себѣ, внѣ ихъ отношенія къ государственнымъ. „Странно предполагать, — писалъ, между прочимъ, г. Шатиловъ въ цитировавшейся уже нами статьѣ, — чтобы люди обкладывали сами себя совершенно сознательно и при стѣсненныхъ часто обстоятельствахъ на ненужныя потребности. Въ земствѣ только тогда проходитъ обложеніе, когда польза его необходимости сознана большинствомъ, причемъ всякій непремѣнно серьезно взвѣситъ, выгодно ли ему или нѣтъ данное обложеніе“. Дѣйствительность какъ нельзя болѣе убѣдительно оправдываетъ эти слова. Бюджеты

земствъ диктуются на практикѣ соображеніями не только о пользѣ земскаго хозяйства, но и о ближайшихъ конкретныхъ выгодахъ тѣхъ классовъ плательщиковъ, которые поставляютъ большинство гласныхъ въ собранія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить тотъ общій для большинства мѣстностей земской Россіи фактъ, что земское обложеніе понижается въ губерніяхъ съ болѣе высокою доходностью земли, тогда какъ расходы земствъ въ такихъ губерніяхъ сравнительно велики. Очевидно, это обложеніе, при существующемъ составѣ собраній, скорѣе держится на уровнѣ крайней необходимости, нежели стремится полностью удовлетворить имѣющіяся у населенія потребности путемъ развитія общественнаго хозяйства. И такой выводъ находитъ себѣ новое подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ немногочисленныхъ уѣздахъ, гдѣ преобладаютъ гласные отъ крестьянъ, т. е. класса, наиболѣе нуждающагося въ услугахъ земства, и норма обложенія, и расходы значительно выше, чѣмъ въ остальныхъ. Дѣйствующій порядокъ земскаго представительства, созданный Положеніемъ 1890 г., самъ по себѣ уже болѣе, чѣмъ достаточно, ограждаетъ земскія собранія отъ всякихъ увлеченій, сопровождаемыхъ ростомъ бюджета. Если, тѣмъ не менѣе, такой ростъ въ дѣйствительности совершается, то это происходитъ уже въ силу необходимости и менѣе всего можетъ свидѣтельствовать объ излишней обременительности обложенія. Небезъинтересныя свѣдѣнія по этому поводу сообщаетъ докладъ, представленный харьковской губернской управой послѣднему земскому собранію. Собранныя управою цифровыя данныя по всей земской Россіи позволили ей придти къ слѣдующему общему заключенію относительно эволюціи, наблюдаемой въ расходахъ земства: „земскіе расходы возрастаютъ прогрессивно, причемъ расходы необязательные возрастаютъ самымъ правильнымъ образомъ въ ущербъ обязательнымъ, а народное образованіе и медицина составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ расходовъ не только по отношенію къ обязательнымъ, но и къ общимъ суммамъ“. Трудно, кажется, доказывать непроизводительность расходовъ, направленныхъ на избавленіе населенія отъ невѣжества и болѣзней. Но выше мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находится и теперь еще дѣло народнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ и мыслима ли пріостановка расходовъ на дальнѣйшее его упроченіе и развитіе. Приблизительно таково же состояніе и земской медицины, далеко еще не удовлетворяющей, какъ извѣстно, всѣхъ потребностей населенія въ медицинской помощи.

Приведенныя соображенія заставляютъ, кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что попытка урегулированія земскихъ расходовъ, угрожая серьезнымъ переворотомъ въ области всего земскаго дѣла, почти равняющимся уничтоженію мѣстнаго самоуправленія, вмѣстѣ съ тѣмъ не вызывается какою-либо настоятельною необходимостью

и весьма мало соотвѣтствуетъ интересамъ населенія. При существующихъ условіяхъ въ видахъ правильнаго удовлетворенія этихъ интересовъ было бы естественнѣе желать не замедленія роста земскихъ бюджетовъ, а болѣе быстраго ихъ увеличенія. Если развитіе мѣстнаго общественаго хозяйства въ указанномъ направленіи и встрѣчаетъ себѣ порою серьезныя препятствія, то они скрываются не въ количествѣ дѣлаемыхъ уже земствомъ расходовъ, а въ способѣ полученія имъ своихъ доходовъ. Главнымъ объектомъ земскаго обложенія была и остается земля, выносящая на себѣ непропорціонально больщую, по сравненію съ торговлей и промышленностью, долю платежей въ пользу земства. По даннымъ, приводимымъ харьковской управой, въ 1871 г. земство получало съ земель 76% своихъ сборовъ, съ недвижимыхъ имуществъ — 11,9% и съ торговыхъ документовъ—12,1%; въ 1895 г. эти сборы распредѣлялись такимъ образомъ: съ земель—72,8%, съ недвижимыхъ имуществъ — 18,5 и съ торговыхъ документовъ— 8,7%. Между тѣмъ за время, прошедшее съ начала 70-хъ годовъ, народное хозяйство значительно измѣнило свой видъ, но усиленное развитіе торговли и промышленности, ознаменовавшее собою этотъ періодъ, не сопровождалось соотвѣтственнымъ обложеніемъ ихъ въ пользу земства, не смотря на неоднократныя ходатайства послѣдняго. Большая доля истины заключается поэтому въ утвержденіи харьковской управы, что въ такомъ одностороннемъ характерѣ земскаго обложенія „и кроется главная причина недочетовъ въ земскихъ финансахъ: одна земля не въ силахъ уже выносить всѣхъ возложенныхъ на нее платежей—необходимо въ большей степени привлечь къ земскому обложенію города, фабрики, заводы, торгово-промышленныя заведенія и желѣзныя дороги“. Относясь съ рѣшительнымъ несочувствіемъ къ мысли о нормировкѣ земскаго обложенія, названная управа въ результатѣ разсмотрѣнія главнѣйшихъ условій земскаго хозяйства приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „1) роль земствъ вовсе не заключается въ возможномъ сокращеніи расходовъ; 2) наоборотъ, дѣятельность земства должна направляться по пути возможно широкаго удовлетворенія нуждъ и пользъ населенія, а, слѣдовательно, и прогрессивнаго увеличенія расхода; 3) необходимыми средствами для развитія земскихъ финансовъ являются: а) поднятіе производительныхъ силъ населенія и б) привлеченіе къ земскому обложенію другихъ, кромѣ земли, предметовъ“. Взгляды мѣстныхъ дѣятелей на нужды земскаго хозяйства, такимъ образомъ, радикально расходятся съ проектируемой его реформой, и этимъ лишній разъ подчеркивается ея истинный характеръ.

Тѣ вопросы организаціи мѣстнаго самоуправленія, которые въ концѣ концовъ глубоко задѣваются проектомъ нормировки зем-

скихъ расходовъ, лишь съ виду опирающимся исключительно на финансовыя соображенія, нашли себѣ въ недавніе мѣсяцы освѣщеніе и съ другой стороны. На земскихъ собраніяхъ послѣдней сессіи не разъ дѣлались указанія на существенные недостатки той организаціи земства, какая придана ему Положеніемъ 1890 г., и въ нѣсколькихъ уѣздахъ и губерніяхъ были приняты постановленія ходатайствовать объ измѣненіи тѣхъ или другихъ статей этого закона. Отмѣтимъ важнѣйшія изъ такихъ постановленій. Какъ мы увидимъ, они вскрываютъ нѣкоторыя интересныя черты въ современной жизни русской провинціи и въ цѣломъ складываются въ довольно любопытный итогъ.

Основными особенностями Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г., рѣзко отличающими его отъ предшествовавшаго Положенія 1864 г., явились установленіе надъ дѣятельностью земства строгаго административнаго контроля, нерѣдко переходящаго въ прямое вмѣшательство губернской администраціи въ эту дѣятельность, и организація земскаго представительства на началахъ сословности, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента надъ всѣми другими. Прошло десять лѣтъ, — срокъ, во всякомъ случаѣ, достаточный для испытанія и оцѣнки общественнаго учрежденія. Жизнь земства за это время сильно потускнѣла и поблекла, задачи его дѣятельности съузились, болѣе или менѣе широкая постановка общественныхъ вопросовъ во многихъ мѣстахъ замѣнилась проповѣдью „малыхъ дѣлъ“ и крайней экономіи, ведущей къ ничего-недѣланію,—и лишь въ самые послѣдніе годы въ порѣдѣвшихъ рядахъ земскихъ гласныхъ вновь пробѣжала волна живительнаго подъема. Устойчивъ ли этотъ подъемъ,—пока еще трудно сказать. Характерно, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что при первыхъ же его признакахъ съ особенною силою почувствовались неудобства новыхъ порядковъ, установленныхъ для земства, и ожили воспоминанія о прежней его организаціи. Пережитый въ этомъ отношеніи опытъ и вызвалъ со стороны отдѣльныхъ земствъ рядъ ходатайствъ, направленныхъ къ частичной отмѣнѣ дѣйствующаго Положенія.

По иниціативѣ харьковскаго земства поставленъ на очередь вопросъ о разрѣшеніи созыва экстренныхъ земскихъ собраній губернаторомъ во избѣжаніе проволочекъ при необходимости такого созыва. Въ отвѣтъ на ходатайство въ этомъ смыслѣ министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ харьковскую управу, что онъ затрудняется дать немедленно дальнѣйшее движеніе настоящему ходатайству, такъ какъ удовлетвореніе его могло бы послѣдовать не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, путемъ измѣненія ст. 68 земскаго Положенія, а отъ другихъ земствъ въ министерство не поступало заявленій о неудобствѣ примѣненія этой статьи; если, однако, въ министерствѣ возникнетъ общій вопросъ о пересмотрѣ отдѣльныхъ статей земскаго Положенія, то при этомъ пере-

смотрѣ будутъ приняты во вниманіе и соображенія харьковскаго земства. Въ виду этого отвѣта послѣднее харьковское собраніе поручило управѣ сообщить содержаніе бумаги министра всѣмъ губернскимъ земскимъ управамъ и просить ихъ войти съ соотвѣтствующимъ докладомъ въ ближайшія земскія собранія *).

Болѣе важный вопросъ возбудило усть-сысольское уѣздное земство въ своемъ ходатайствѣ о предоставленіи ему права избирать предсѣдателя уѣздной управы изъ гласныхъ, не имѣющихъ права поступленія на государственную службу. Дѣло въ томъ, что земское положеніе 1890 г., предоставивъ предсѣдателямъ управъ преимущества государственной службы, вмѣстѣ съ тѣмъ обязало замѣщать эти должности исключительно лицами, имѣющими по закону право на вступленіе въ государственную службу. Между тѣмъ законъ,—въ данномъ случаѣ, устарѣлый уставъ о службѣ гражданской,—безусловно предоставляетъ такое право дворянамъ потомственнымъ и личнымъ и т. н. „гражданамъ", т. е. сыновьямъ чиновниковъ, священно-служителей, художниковъ и т. п., а лицамъ бывшихъ податныхъ сословій—купцамъ, мѣщанамъ, крестьянамъ—даетъ его только при условіи окончанія ими какого-либо высшаго учебнаго заведенія. Благодаря этому, на практикѣ создалось очень значительное ограниченіе правъ городского и крестьянскаго сословія въ земствѣ; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ имѣется въ очень маломъ количествѣ или вовсе отсутствуетъ помѣстное дворянство, какъ въ Вологодской, Олонецкой, Вятской и другихъ, это условіе повело и къ ограниченію правъ самого земства, такъ какъ за отсутствіемъ среди гласныхъ лицъ, удовлетворяющихъ требованію закона, въ предсѣдатели уѣздныхъ управъ здѣсь часто назначаются лица, совершенно посторонніе земству. Такъ, напр., изъ одиннадцати уѣздовъ Вятской губерніи въ пяти предсѣдателями управъ состоятъ чиновники по назначенію отъ правительства. Едва-ли есть надобность разъяснять неудобство такого порядка, при которомъ во главѣ земской дѣятельности ставится человѣкъ, ничѣмъ органически съ ней не связанный и всегда доступный постороннему вліянію. Вологодское земство уже въ 1893 г. возбуждало ходатайство объ измѣненіи этого порядка, но ходатайство его было отклонено комитетомъ министровъ, причемъ мотивы этого отклоненія не были сообщены земству. Теперь усть-сысольское уѣздное земство, которому при дѣйствіи новаго Положенія только разъ удалось избрать предсѣдателя управы, да и тотъ не былъ утвержденъ, предполагало вновь возбудить такое ходатайство, указывая для него три мотива: во-первыхъ, въ настоящее время въ предсѣдатели уѣздной управы по назначенію поступаютъ люди, совершенно незнакомые ни съ мѣстными условіями, ни съ мѣстнымъ земскимъ хозяйствомъ; во-вторыхъ, назначенные предсѣда-

*) «С. От.», 28 марта 1900 г.

тели слишкомъ часто смѣняются, что неблагопріятно вліяетъ на ходъ земскаго дѣла, и въ третьихъ, назначеніе предсѣдателей налагаетъ на земство новые расходы по выдачѣ подъемныхъ и прогонныхъ денегъ при каждомъ назначеніи. Но мотивированное такимъ образомъ ходатайство постигла неожиданная судьба. По прочтеніи доклада уѣзднаго земства въ губернскомъ собраніи предсѣдатель послѣдняго заявилъ, что собраніе можетъ принять докладъ лишь къ свѣдѣнію, преній же и постановленія по нему онъ допустить не можетъ. На вопросъ одного изъ гласныхъ, не сдѣлано ли это въ силу какого-либо циркуляра или инструкціи, неизвѣстныхъ собранію, предсѣдатель заявилъ, что никакихъ особыхъ инструкцій и циркуляровъ по этому предмету онъ не имѣетъ, а поступилъ такъ потому, что обсужденіе собраніемъ доклада считаетъ критикой Высочайшей воли, такъ какъ отклоненіе предъидущаго ходатайства комитетомъ министровъ утверждено Высочайшею властью. Гласные протестовали противъ такого оригинальнаго пониманія предсѣдателемъ права земствъ на ходатайства передъ властью, но данное ходатайство все же не могло быть немедленно обсуждено *).

Въ иной постановкѣ вопросъ о сословныхъ прерогативахъ въ земствѣ возникъ на собраніяхъ трехъ другихъ губерній, гдѣ обращено было вниманіе уже не на органы земства, а на самую систему выборовъ гласныхъ. Эта система одновременно подверглась разсмотрѣнію въ земскихъ собраніяхъ Костромской, Нижегородской и Новгородской губерній. Вездѣ критики ея исходили изъ признанія того факта, что въ настоящее время различныя группы населенія представлены въ земствѣ неравномѣрно и несоотвѣтственно дѣйствительному своему значенію въ жизни, но затѣмъ средства для исправленія этого недостатка въ разныхъ мѣстахъ намѣчались неодинаковыя. Проще всего рѣшенъ былъ этотъ послѣдній вопросъ въ Костромской губерніи. Здѣсь ветлужское и варнавинское уѣздныя земства постановили ходатайствовать лишь объ увеличеніи числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Поводомъ къ этому послужило заявленіе крестьянскихъ гласныхъ, что при ограниченномъ новымъ закономъ числѣ представителей сельскаго населенія въ земствѣ „собраніе не всегда можетъ вѣрно опредѣлить, какая для крестьянъ наиболѣе нужна и должна быть постановлена мѣра для улучшенія экономическаго положенія, не всегда можетъ оцѣнить,—вознаграждается-ли новою мѣрою возвышеніе налоговъ“. Къ этому аргументу варнавинское собраніе добавило убѣдительный цифровый разсчетъ: въ настоящее время въ этомъ уѣздѣ гласный отъ землевладѣльцевъ является представителемъ интересовъ 16.825 десятинъ, цѣнностью въ 50.040 р., а

*) «Сынъ От.», 1 февр. 1900 г.; «Сѣв. Кур.», 16 февр, 1900 г.

гласный отъ сельскихъ обществъ—представителемъ 43.917 дес. земли, цѣнностью въ 413.734 р. *).

На болѣе широкую принципіальную почву стало въ своей критикѣ дѣйствующей системы земскаго представительства земство Нижегородской губерніи. Въ ней ходатайства объ измѣненіи этой системы были представлены балахнинскимъ и нижегородскимъ уѣздными собраніями, подвергшими разсмотрѣнію весь порядокъ избранія гласныхъ отъ городскихъ сословій и крестьянъ. По мнѣнію названныхъ собраній, основное начало, опредѣляющее въ настоящій моментъ этотъ порядокъ, должно быть замѣнено другимъ, прямо ему противоположнымъ. „Такъ какъ земскія учрежденія—говорится въ ихъ ходатайствахъ—безсословныя, то справедливо было бы уничтожить въ избирательыхъ собраніяхъ сословность, т. е. возвратиться къ порядку, установленному Положеніемъ 1864 г.“. Существующій же порядокъ несправедливъ и неудобенъ какъ по отношенію къ торговопромышленному классу, являющемуся крупнымъ плательщикомъ земства и нуждающемуся въ соотвѣтственномъ представительствѣ своихъ интересовъ, такъ и по отношенію къ крестьянамъ. Ходатайства предлагаютъ установить два избирательныхъ собранія: „1) отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и представителей торгово-промышленныхъ предпріятій и 2) отъ крестьянскихъ обществъ; городское населеніе должно имѣть также представительство въ земскія собранія, причемъ гласные должны выбираться въ думахъ отдѣльно отъ избирателей-землевладѣльцевъ другихъ сословій“. Спеціально по отношенію къ крестьянамъ уѣздныя собранія обратили вниманіе на существующій порядокъ выбора отъ крестьянъ лишь кандидатовъ, изъ которыхъ гласные назначаются уже губернской администраціей, и высказались за его отмѣну, равно какъ за увеличеніе числа крестьянскихъ гласныхъ. „Тогда какъ въ остальныхъ сословіяхъ—говорится по этому поводу въ ходатайствѣ нижегородскаго уѣзднаго собранія—гласные болѣе или менѣе являются выразителями интересовъ избравшихъ ихъ сословій, составъ крестьянъ-гласныхъ является случайнымъ, зявисящимъ не отъ выборщиковъ, а отъ назначенія. При такомъ условіи можетъ случиться, что онъ будетъ мѣняться цѣликомъ каждое трехлѣтіе и въ составѣ собранія вовсе не будутъ встрѣчаться старые опытные гласные изъ крестьянъ. Для устраненія этого явленія было бы желательно, чтобы всѣ выборныя волостными сходами лица вступали въ права гласныхъ или же выборы производились по старому, по участкамъ, безъ назначенія гласныхъ по усмотрѣнію администраціи“. Въ губернскомъ собраніи эти ходатайства уѣздовъ вызвали любопытныя пренія. Гласный Хотяинцевъ находилъ такія ходатайства и безполезными, и безпочвенными. Безполезны они потому, что правительство не

*) «Орловскій Вѣстникъ», 1 февр. 1900 г.

станетъ вновь измѣнять земское Положеніе изъ-за того лишь, что „порядокъ выборовъ не отвѣчаетъ цѣлямъ той части общества, которая ждала на почвѣ прежняго порядка новаго крупнаго переворота въ нашемъ государствѣ"; безпочвенны — потому, что крестьяне равнодушны ко всякой общественной службѣ. Представитель Балахнинскаго уѣзда, гласный Килевейнъ, возражалъ на это, что простая справедливость требуетъ, чтобы общее право принадлежало и крестьянству. Съ освобожденіемъ крестьянъ и введеніемъ земскихъ учрежденій, съ крестьянъ была снята опека другихъ сословій и теперь необходимо стремиться къ тому, чтобы снятіе этой опеки довершилось и на практикѣ. Крестьяне, по крайней мѣрѣ въ Балахнинскомъ уѣздѣ, не смотрятъ уже на земское дѣло исключительно какъ на обузу или повинность и интересуются имъ не меньше, чѣмъ дворяне. При такихъ условіяхъ странно требовать, чтобы за крестьянъ думалъ только предводитель дворянства или земскій начальникъ. Въ результатѣ этихъ преній собраніе большинствомъ голосовъ постановило поддержать ходатайство уѣздовъ *).

Аналогичное ходатайство объ установленіи безсословности земскихъ выборовъ было принято и въ новгородскомъ губернскомъ собраніи. Въ послѣднемъ этотъ вопросъ возникалъ уже въ 1897 г., былъ переданъ тогда на разсмотрѣніе уѣздовъ и въ нынѣшнюю сессію, по докладу управы, вновь вернулся въ губернское собраніе, вызвавъ въ немъ оживленныя пренія. Въ собраніи нашлось немало сторонниковъ сословности земства, защищавшихъ ее аргументами, по обыкновенію, заимствованными не столько изъ современной жизни, сколько изъ исторіи, и сводившимися главнымъ образомъ къ государственнымъ заслугамъ дворянства въ прошломъ. Одинъ изъ гласныхъ, г. Кульжинскій, вспомнилъ даже о французской революціи и „объяснилъ, что евангеліе революціи—свобода, равенство и братство—привело, сверхъ ожиданія философовъ, его провозгласившихъ, къ анархіи и диктатурѣ, и все только потому, что апостолы этого евангелія забыли объ одной основной посылкѣ,—что равныхъ людей пѣтъ на свѣтѣ". По мнѣнію г. Кульжинскаго, съ умаленіемъ значенія наиболѣе культурнаго дворянскаго класса въ земской жизни, могутъ серьезно пострадать интересы нравственнаго порядка. Измѣняя условія земскихъ выборовъ, говорилъ встревоженный гласный, „мы можемъ дать въ дѣлахъ господство новому сословію — „господину капиталу", а я не вижу, чтобы Европа отъ него благоденствовала и не желаю, чтобы доброе мое отечество вступило на тотъ же опасный путь". Представители противоположнаго мнѣнія вынуждены были объяснять почтенному оратору, что рѣчь идетъ не объ уничтоженіи сословій въ Россіи, а всего лишь о перестройкѣ

*) «Р. Вѣд.», 31 янв. и 26 февр.; «Волгарь», 10 февр. 1900 г.

земскаго представительства на началѣ безсословности. Въ концѣ концовъ собраніе большинствомъ одного голоса постановило ходатайствовать о пересмотрѣ системы земскаго представительства, установленной въ 1890 г., и признать, что новая избирательная система должна имѣть въ основѣ различіе хозяйственно-экономическихъ интересовъ отдѣльныхъ группъ населенія, сообразно съ чѣмъ и должны составляться собранія для выбора гласныхъ. По сообщеніямъ газетъ, рѣшающее значеніе въ голосованіи этого постановленія имѣла рѣчь предсѣдателя губернской управы, г. Сомова. Эта рѣчь и сама по себѣ заслуживаетъ вниманія оригинальностью мотивировки, приданной въ ней ходатайству земства, въ виду чего на ней стоитъ нѣсколько остановиться. Г. Сомовъ указывалъ, что Положеніе 1890 г., исходя изъ стремленія упорядочить веденіе земскаго дѣла и придавъ съ этою цѣлью рѣшительное преобладаніе въ составѣ земства одному сословію—дворянству, какъ признанному наиболѣе благонадежнымъ, въ то же время установило болѣе строгій контроль администраціи надъ земствомъ въ новомъ его видѣ, нежели какой существовалъ раньше, такъ что въ настоящее время губернская администрація вмѣстѣ съ представителями мѣстнаго населенія принимаетъ участіе въ веденіи земскихъ дѣлъ. Но этотъ порядокъ лишь на первый взглядъ заключаетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе. Исторія и практика общественныхъ учрежденій показываетъ, что организація ихъ на сословномъ началѣ неизбѣжно влечетъ за собою и подчиненіе ихъ дѣятельной охранѣ администраціи, которая предполагается стоящей внѣ борьбы сословныхъ интересовъ. Однакоже два начала, бюрократическое и земское, сведенныя въ одномъ дѣлѣ, трудно уживаются вмѣстѣ. „Естественно, что администрація, поставленная въ роль судьи мѣстныхъ интересовъ, будетъ стремиться расширить свою власть; будетъ идти къ тому, чтобы принимать въ рѣшеніи земскихъ дѣлъ все большее и большее участіе; будетъ стремиться получить непосредственное руководительство въ рѣшеніи земскихъ дѣлъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе будетъ падать значеніе общества, какъ самостоятельно функціонирующаго организма; съ паденіемъ же значенія общества, будетъ падать и мѣстное значеніе дворянства“. Отсюда г. Сомовъ дѣлаетъ выводъ, что „новое земское Положеніе создало ложныя условія для существованія земскихъ учрежденій“ *). Къ этому выводу г. Сомовъ приходитъ, не измѣняя усвоенной имъ точкѣ зрѣнія интересовъ дворянскаго сословія, и тѣмъ любопытнѣе его рѣчь, являющаяся, можно думать, своего рода отраженіемъ эволюціи, происходящей во взглядахъ части русскаго дворянства. Пережитый опытъ убѣдилъ, повидимому, нѣкоторыхъ представителей сословія въ томъ, что искусственное его первенство въ мѣстномъ

*) «Нижег. Листокъ», 4 февр.; «Сѣв. Кур.», 12 февр. 1900 г.

самоуправленіи, достигаемое путемъ административной опеки надъ населеніемъ, въ концѣ концовъ, покупается дорогою цѣною потери самостоятельной общественной роли и что для самого дворянства было бы выгоднѣе вести совмѣстную съ другими классами работу на началахъ равноправности.

Жизнь стремится такимъ образомъ раздвинуть тѣсныя рамки, созданныя предшествующимъ временемъ для мѣстнаго самоуправленія. И тотъ узкій сословный фундаментъ, на которомъ построена его современная организація, и та зависимость, въ какую оно поставлено отъ администраціи, послѣ десятилѣтняго испытанія въ глазахъ многихъ мѣстныхъ дѣятелей оказались несостоятельными, причемъ эта несостоятельность ихъ одинаково признается съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Нужды мѣстнаго хозяйства, въ видѣ правильнаго обложенія и расходованія земскихъ средствъ, соображенія справедливости и сознаніе правъ крестьянскаго населенія, а въ иныхъ случаяхъ даже и интересы первенствующаго по закону дворянскаго сословія, сливаясь въ одно общее теченіе, равно ведутъ къ требованію расширенія системы земскаго самоуправленія. Это теченіе на первыхъ же порахъ своего существованія, въ условіяхъ самой мѣстной жизни, должно считаться съ серьезными препятствіями и такія препятствія будутъ все возрастать по мѣрѣ его дальнѣйшаго развитія, ставящаго его лицомъ къ лицу съ враждебными земству тенденціями. Въ виду этого разсчитывать на его полный успѣхъ въ ближайшемъ будущемъ едва-ли приходится. Но какъ бы ни сложилось это ближайшее будущее, можно съ увѣренностью сказать одно, что указанное теченіе во всякомъ случаѣ не замретъ окончательно: слишкомъ элементарно ясны и слишкомъ сильны для этого требованія жизни, за голосомъ которыхъ оно идетъ.

Сторонники дворянскаго принципа, выступающіе въ печати, идутъ гораздо дальше, чѣмъ ихъ собратья, ратующіе въ дѣйствительной жизни. Послѣдніе отстаиваютъ господство сословія въ земствѣ, первые готовы были бы доставить ему такое же господство въ городскомъ самоуправленіи, на что само дворянство, кажется, вовсе не претендуетъ, да едва-ли и имѣло бы малѣйшія основанія претендовать. Но услужливые люди нерѣдко бываютъ довольны малѣйшимъ поводомъ оказать услугу, не справляясь о желаніи того, кому она оказывается. На этотъ разъ поводомъ для услуги россійскому дворянству со стороны одного изъ органовъ русской прессы послужили замѣшательства въ дѣятельности петербургской думы. Къ этой дѣятельности въ ея цѣломъ мы разсчитываемъ вернуться въ другой разъ, а пока отмѣтимъ лишь одинъ эпизодъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ нашей темѣ. Въ настоящемъ году Петербургъ является свидѣтелемъ

странныхъ отношенiй, установившихся между столичной думой и городскимъ головою г. Леляновымъ. Послѣднiй, повидимому, считаетъ себя ничѣмъ не связаннымъ ни съ гласными думы, ни съ членами управы. Постановленiй думы онъ не исполняетъ и скрываетъ отъ нея свои дѣйствiя, на управу подаетъ жалобы. При этомъ г. Леляновъ, не обладая самъ даромъ слова, не любитъ его и въ другихъ, въ особенности же не любитъ критики своихъ поступковъ. Благодаря этому, въ думѣ бывали крайне оригинальныя засѣданiя: гласные, одинъ за другимъ, предъявляютъ запросы къ городскому головѣ и просятъ объясненiя его дѣйствiй,— г. Леляновъ молчитъ; гласные переходятъ къ обсужденiю этихъ дѣйствiй,—г. Леляновъ, въ качествѣ предсѣдателя собранiя, лишаетъ ораторовъ слова. Наконецъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей думы, г. Стасюлевичъ, состоявшiй предсѣдателемъ городской коммиссiи по народному образованiю, а вмѣстѣ съ тѣмъ по должности и членомъ управы, не вынесъ оригинальнаго поведенiя городского головы и попустительства думы и сложилъ съ себя предсѣдательство въ училищной коммиссiи. Громадное большинство органовъ ежедневной прессы съ большимъ сожалѣнiемъ отнеслось къ уходу г. Стасюлевича съ этой должности, которую онъ занималъ уже въ теченiе десяти лѣтъ. Трудно и въ самомъ дѣлѣ не сожалѣть объ этомъ уходѣ. Мы далеко не принадлежимъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ дѣятельности г. Стасюлевича въ петербургской думѣ, полагая, что коммиссiя по народному образованiю недостаточно энергично удовлетворяла нужды столичнаго населенiя и слишкомъ мало принимала во вниманiе интересы педагогическаго персонала городскихъ училищъ. Тѣмъ не менѣе мы должны сказать, что въ лицѣ бывшаго предсѣдателя этой коммиссiи дума потеряла дѣятельнаго и знающаго работника. Возмѣстить такую потерю думѣ, въ виду малаго количества интеллигентныхъ дѣятелей въ ея составѣ, всегда было бы трудно, а въ настоящее время такое затрудненiе становится особенно ощутительнымъ, благодаря тому, что вызывающее поведенiе г. Лелянова послѣ отказа г. Стасюлевича заставило наиболѣе интеллигентную часть гласныхъ отказаться даже отъ посѣщенiя засѣданiй думы.

Таковъ самый инцидентъ, въ сущности своей весьма не сложный и дающiй только поводъ лишнiй разъ указать на всѣ неудобства дѣйствующей системы городского представительства, ограничивающей число городскихъ избирателей крайне тѣснымъ кругомъ лицъ. Но въ довольно единодушномъ хорѣ голосовъ, вызванныхъ въ печати этимъ инцидентомъ, прозвучалъ одинъ, внесшiй въ его обсужденiе крайне своеобразную ноту. „Моск. Вѣдомости“ сперва удивились, почему поведенiе г. Лелянова вызвало всеобщее негодованiе, а затѣмъ глубокомысленно открыли причину его въ томъ, что „Леляновъ не выбранный, а назначен-

ный правительствомъ голова". Тѣмъ не менѣе московская газета и сама не вполнѣ довольна г. Леляновымъ: по ея собственнымъ словамъ, „голова онъ для столицы не совсѣмъ удачный" (хотя и назначенный?). Въ виду этого она задается вопросомъ,—„не пора ли столицѣ россійской имперіи покончить съ „купеческимъ представительствомъ"? Не должно ли высшее представительство русской столицы, какъ и вообще руководящая роль въ столичномъ самоуправленіи, принадлежать не купечеству, вообще не торговому классу, а русскому дворянству, которому принадлежитъ высшее представительство и руководящая роль и въ государственномъ управленіи?" *)... Къ сожалѣнію, рецептъ московской газеты покрытъ слишкомъ густымъ слоемъ архивной пыли. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ кн. Щербатовъ предлагалъ нѣчто подобное и не имѣлъ успѣха. Но то, что не удалось въ эпоху полнаго расцвѣта сословной мощи дворянства, едва-ли можетъ удасться въ настоящее время.

Зала судебныхъ засѣданій въ недавніе мѣсяцы дала намъ нѣсколько яркихъ иллюстрацій тѣхъ неудобствъ, которыя возникаютъ иногда въ результатѣ полнаго отсутствія гласнаго контроля надъ хозяйственными операціями и надъ которыми не мѣшало бы задуматься противникамъ земскаго хозяйства. Наиболѣе выдающеюся изъ такихъ иллюстрацій явился грандіозный севастопольскій процессъ о злоупотребленіяхъ при поставкѣ минеральнаго топлива и иныхъ матеріаловъ для черноморскаго флота. Мы не станемъ передавать содержаніе этого процесса, несомнѣнно извѣстнаго читателямъ по газетамъ. Сущность явленія, подавшаго къ нему поводъ, была рельефно обрисована въ талантливой рѣчи г. Грузенберга, явившагося на судѣ защитникомъ одного изъ подсудимыхъ, и мы позволимъ себѣ лишь привести относящуюся сюда выдержку изъ этой рѣчи. Ораторъ указывалъ, что, начиная съ 20-хъ годовъ нашего вѣка, моменты подъема патріотическихъ чувствъ нерѣдко служили вмѣстѣ съ тѣмъ и моментами особеннаго развитія темныхъ операцій въ флотѣ, прикрывавшихся флагомъ патріотизма. „Благодареніе Богу,—продолжалъ онъ,—послѣ 1877—8 гг. у насъ не было войнъ, но патріотизмъ не ослабѣвалъ! Генералъ Мочалинъ посвятилъ свои силы патріотическому дѣлу: истребленію англійскаго кардифа и замѣнѣ его русско-донецкимъ углемъ. Правда, управляющій морскимъ министерствомъ указывалъ, что врядъ-ли патріотическій проектъ послужитъ на пользу флоту, но побѣда осталась за патріотомъ. Правда, патріотизмъ этотъ получилъ какой-то странный характеръ: бокъ-о-бокъ съ нимъ шли куртажи, преміи и прочія радости сѣренькой жизни портовыхъ тру-

*) «Моск. Вѣд.», 17 марта 1900 г.

жениковъ. Но полный расцвѣтъ патріотизма явился вмѣстѣ съ почтенными попытками пересадить на нашу почву организацію угольнаго дѣла на островѣ Мальтѣ. Прежде, чѣмъ удалось сдѣлать въ этомъ направленіи первые шаги, образовался какой-то своеобразный мальтійско-севастопольскій орденъ. Главою его сталъ статскій совѣтникъ Кочергинъ, а членами — портовая и прочихъ наименованій братія. Скромно, безшумно и съ неуклонной настойчивостью свершалъ этотъ орденъ свою духовно-просвѣтительную миссію, снискивая себѣ пропитаніе отъ щедрой бенификаціи грѣховныхъ міряпъ, гдѣ молитвами, а когда и угрозами отлученія и проклятія. Вѣчный, не разрѣшенный вѣками вопросъ,—что есть истина, севастопольско-мальтійская братія разрѣшила краткою и въ то же время многозначительною формулой: истина есть премія, ослабленная, однако, во-время контръ-преміей. При расходованіи установленныхъ нормъ и штатовъ они проявляли скромность, доходившую порой до аскетизма. Экономія, пуще всего экономія,—вотъ ихъ лозунгъ. Орденъ этотъ не былъ чуждъ мистицизма, когда обращалъ свой любвеобильный взоръ на грѣшную землю. Стоило кому-либо изъ мірянъ подойти къ какой-либо изъ обителей ордена, къ портовой-ли конторѣ, къ складу или кораблю, какъ къ нему выбѣгали на встрѣчу съ распростертыми и трясущимися отъ братской любви руками севастопольцы-мальтійцы. Есть предсказаніе ветхозавѣтнаго пророка о томъ, что настанетъ для насъ радостный день, когда къ каждому мужчинѣ будутъ обращаться нѣсколько женъ и, ловя его за одежду, молить: „Войди въ домъ мой и будь моимъ господиномъ“! Братія севастопольскаго ордена какъ-бы осуществила это пророчество. Они гурьбою обступали мірянина и, разрывая его на части, волокли въ домъ свой, и онъ входилъ. И, вошедши, принималъ на себя всѣ печали и тяготы брата своего. Заботился о доставленіи кроватей для отдохновенія отъ трудовъ праведныхъ, „матрацовъ“ для поддержанія слабѣющихъ силъ, „умывальниковъ“, для очищенія отъ скверкъ житейскихъ, и денегъ, денегъ безъ конца—для развитія полезной дѣятельности ордена. Когда въ домъ брата входили болѣзнь и смерть, мірянинъ со скорбію душевной сколачивалъ гробъ для умершаго“ *).

„Севастопольско-мальтійская братія“, по терминологіи г. Грузенберга, или „бандитская шайка воровъ“, по болѣе грубой терминологіи одного изъ свидѣтелей, 20 лѣтъ продолжала свою дѣятельность по поставкѣ въ черноморскій флотъ угля и другихъ матеріаловъ, не допуская къ этимъ поставкамъ никого, кромѣ своихъ участниковъ и кліентовъ, — и на двадцать первый годъ 42 человѣка очутились на скамьѣ подсудимыхъ по обвиненію въ поставкѣ негодныхъ матеріаловъ, подкупахъ и взяткахъ. Судъ однако, оправдалъ изъ нихъ 15 человѣкъ, а къ остальнымъ при-

*) «Сынъ От.», 28-го марта 1900 г.

мѣнилъ сравнительно легкія наказанія. Мягкость приговора порою вызывала даже нареканія. Дѣло, однако, не въ обвиненіи отдѣльныхъ лицъ, и болѣе правильный взглядъ былъ высказанъ на этотъ разъ сотрудникомъ „Моск. Вѣдомостей", г. Черноморцемъ. Онъ отмѣчаетъ „фактъ", хотя и не занесенный на скрижали процесса, но самъ собою бросающійся въ глаза, это — то обстоятельство, что на скамьѣ подсудимыхъ фигурируютъ мелкіе чинушки, коммиссары, надсмотрщики, поставщики, пріемщики, механики и прочій „подлый" (по старой терминологіи) народъ, и совершенно отсутствуютъ командиры судовъ, старшіе офицеры, ревизоры, высшіе портовые начальники и командиры эскадръ, которыхъ за 20 лѣтъ „дѣйствія" перемѣнилось не мало, — одни ушли, другіе еще живы". „Какъ хотите, — продолжаетъ онъ, — а это фактъ очень „утѣшительный": имъ подтверждается, что всѣ эти лица, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси, очевидно, непричастны къ дѣлу расхищенія казны, къ дѣлу погибели родного флота, на которомъ они служили и служатъ... Просто,—люди ничего не знали и не вѣдали, что во ввѣренныхъ имъ портахъ и на ихъ судахъ творится! Sancta simplicitas"...

„Какой же отсюда выводъ? — спрашиваетъ затѣмъ г. Черноморецъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:— „Казенные милліоны пропали, ихъ не вернуть уже; *виновные* *)— коммиссары, пріемщики, механики и пр.,—какъ въ баснѣ Крылова *Моръ Звѣрей*,—отысканы и будутъ наказаны; *невинные*,—выйдутъ попрежнему, съ высоко поднятымъ челомъ и пойдутъ въ свои „благопріобрѣтенные" дома, къ своимъ семьямъ; *котлы же надо немедленно всѣ осмотрѣть и негодные перемѣнить*. Время не ждетъ и послѣ „дѣла" нечего стараться сохранять видъ простодушнаго непониманія: вѣдь котлы *на всемъ флотѣ* портились не годъ, не два, а десятки лѣтъ, они *не могутъ* быть удовлетворительными" **).

III.

Въ южныхъ губерніяхъ, прошлымъ лѣтомъ пострадавшихъ отъ неурожая, теперь весна въ полномъ разгарѣ и вмѣстѣ въ полномъ разгарѣ человѣческая нужда. Скудныя средства помощи, гдѣ они и были, или на исходѣ, или уже изсякли, а голодъ, свирѣпствовавшій здѣсь всю зиму, подъ конецъ ея, какъ и слѣдовало ожидать, далъ себя знать съ особенною силой. Въ предъидущей нашей хроникѣ мы уже отмѣчали появленіе цынги въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. Состоявшееся въ началѣ марта правительственное сообщеніе увѣдомило, что „въ селахъ Осиновомъ-Гаѣ, Верхозовкѣ, Новопендѣлкѣ и Алтарѣ Новоузенскаго уѣзда появилась

*) Курсивъ, какъ и дальше, принадлежитъ «Моск. Вѣдомостямъ».
**) «Моск. Вѣдом.», 15-го марта 1900 г.

цынга, которою заболѣло по 19 февраля всего 58 человѣкъ; кромѣ того, имѣется предрасположенныхъ къ цынгѣ съ ослабленнымъ питаніемъ 362 человѣка" *). Были отдѣльные случаи цынги, какъ сообщаетъ предсѣдатель мѣстной земской управы, и въ Аккерманскомъ уѣздѣ **). Повидимому, та же роковая болѣзнь, свидѣтельствующая о полномъ истощеніи силъ населенія, вспыхнула и въ Измаильскомъ уѣздѣ. По крайней мѣрѣ, вотъ что передаетъ уполномоченный отъ попечительства трудовой помощи баронъ Буксгевденъ, осматривавшій посадъ Тузлы въ этомъ уѣздѣ. „Вслѣдствіе полнаго отсутствія овощей въ Тузлахъ развилась особаго рода болѣзнь: гніеніе десенъ. Въ числѣ тридцати больныхъ 8 дѣтей, продолжавшихъ было посѣщать школу, но сидѣвшіе рядомъ съ ними дѣти отказались отъ ихъ сосѣдства; болѣзнь сопровождается зловоннымъ дыханіемъ... Болѣзнь пока не называется цынгой, но имѣетъ много съ нею сходства" ***). Голодный тифъ и теперь уже называется въ Измаильскомъ уѣздѣ голоднымъ тифомъ. Мѣстами онъ принимаетъ грандіозные размѣры повальнаго бѣдствія. По словамъ того же барона Буксгевдена, въ с. Саріарахъ изъ семи семействъ, его населяющихъ, „некому имѣть уходъ за больными, ибо всѣ лежатъ въ тифѣ. Двое умерло вслѣдствіе того, что больные по слабости не могли сами переворачиваться съ боку на бокъ, отчего образовались у нихъ раны и гангрена". Люди умираютъ, впрочемъ, и безъ эпидемій, просто отъ голода. Въ Бендерскомъ уѣздѣ, сообщаетъ „Южное обозрѣніе", голодъ начинаетъ принимать очень большіе размѣры и бываютъ даже смертные случаи отъ голода. Такъ, на-дняхъ, въ д. Петровкѣ умерла женщина, нѣкая Табачнеръ, со своимъ ребенкомъ. Или вотъ нѣсколько случаевъ, разсказанныхъ въ оглашенномъ газетами письмѣ изъ Измаильскаго уѣзда. „Въ с. Магалѣ пришла женщина, упала, потеряла сознаніе: 4 дня не ѣла. Въ Мартазѣ въ столовую пришелъ крестьянинъ просить хлѣба для семьи и упалъ въ обморокъ: „давно не кушалъ". Старикъ говорилъ со слезами, что желалъ-бы смерти жены, чтобы не видѣть ее „голодной". Въ Балабанкѣ крестьянинъ погналъ продавать послѣднюю корову, чтобы купить хлѣба, но за околицей селенія она пала. Тамъ же у крестьянина, всѣми силами и неправдами сохранившаго пару лошадей къ пашнѣ, сразу пали обѣ: за неимѣніемъ клока соломы, „обкушались кураемъ". Раздраженная колючкой, лошадь бросается къ водѣ, пьетъ и падаетъ въ страшныхъ мученіяхъ" ****).

Истомленные нуждой, ища спасенія отъ блѣднаго призрака голодной смерти, населеніе молитъ о работѣ и жадно хватается

*) «Сѣв. Кур.», 12 марта 1900.
**) «Бессарабецъ», 27 марта 1900 г.
***) «Н. Время», 8 апр. 1900 г.
****) «Спб. Вѣд.», 23-го марта 1900 г.

за малѣйшій, самый скудный заработокъ. Одно изъ лицъ, отправившихся на помощь крестьянамъ Измаильскаго уѣзда, г-жа Веселовская, описываетъ, какъ ей удалось доставить жителямъ трехъ селъ работу въ видѣ запруды прудовъ. „Передъ моимъ взоромъ трогательная картина... Изморенныя лошади, кормившіяся всю зиму исключительно соломой, падаютъ, выбиваясь изъ силъ. Безлошадные работаютъ цѣлыми семьями; взрослые сами, вмѣсто лошадей, впрягаются въ тачки, а ребятишки носятъ землю въ шапкахъ и фартукахъ; за день семья такимъ образомъ успѣваетъ заработать 50 к., а пудъ муки стоитъ 1 р. 25 к. Работаютъ до поздняго вечера, не щадятъ силъ, только-бы заработать больше— и все-таки приходится довольствоваться коркой хлѣба" *).

Жажда заработка, который далъ-бы возможность приподнять упавшее хозяйство, такъ велика, что крестьяне рѣшаются даже на „самовольныя" работы, не зная, получатъ-ли плату за нихъ. Характерный эпизодъ такого рода разсказанъ въ письмахъ г. Буксгевдена. Въ г. Ново-Карагачѣ онъ, по просьбѣ населенія, устроилъ общественныя работы въ видѣ копанія пруда, причемъ оказалось возможнымъ, по разсчету имѣвшихся средствъ, принять на эти работы 88 дворовъ съ условіемъ платы каждому по 6 пудовъ ячменя для засѣва 1 десятины и 1 п. кукурузы для засѣва другой. Но затѣмъ еще 40 человѣкъ стали самовольно на работу, не смотря на предупрежденія, что имъ, по всей вѣроятности, не заплатятъ за нее. „Узнавъ о моемъ пріѣздѣ,— разсказываетъ г. Буксгевденъ,—болѣе 30 человѣкъ пришли ко мнѣ, бросились всѣ на колѣни, умоляя простить ихъ за самовольную работу, причемъ заявили, что ихъ къ тому побудилъ голодъ, что имъ ѣсть нечего. Они подъ эту работу уже заняли 60 р. у еврейки. Я вынужденъ былъ обѣщать по окончаніи работы вознаградить частью самовольно работавшихъ". „Полагаю,—говоритъ онъ уже въ другомъ своемъ письмѣ,—что послѣ этого нельзя сомнѣваться въ желаніи голодающихъ трудиться" **).

Такъ сколачивали крестьяне средства на возобновленіе своего хозяйства. Обезсиленные нуждой и болѣзнями, лишенные рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, они все же спѣшатъ вспахать и засѣять свои поля, чтобы не остаться безъ хлѣба и на будущій годъ. Тяжелыя сцены разыгрываются теперь на этихъ поляхъ, уже впитавшихъ въ себя столько человѣческаго пота и слезъ. „Цѣлыя семьи — пишетъ г-жа Чудковская изъ Аккерманскаго уѣзда — выходятъ въ степь съ сапками и съ помощью этого новаго „земледѣльческаго орудія" взрыхляютъ землю, предварительно бросивъ въ нее зерно. Иные предпочитаютъ другой способъ: по два человѣка впрягаются въ маленькіе огородные плужки и, замѣняя лошадей, обрабатываютъ свою десятину. Погода стоитъ

*) «Россія», 21-го марта 1900 г.

**) «Нов. Вр.», 8-го апрѣля 1900 г.; «Бессарабецъ», 27-го марта 1900 г.

холодная, вѣтреная, одежда у большинства плохая, отъ физическаго напряженія „человѣкъ-лошадь“ распахнется и къ вечеру готова лихорадка. Масса больныхъ появилась на этихъ дняхъ,—все простуженные и надорванные отъ непосильнаго труда“ *). Прибавлять къ этимъ описаніямъ нечего.

Выбьются ли однако крестьяне цѣною всѣхъ этихъ жертвъ и усилій изъ оковъ крайней нужды, успѣютъ ли они засѣять свои поля и тѣмъ, при условіи урожая, спастись отъ новаго голода? Мѣстные наблюдатели отвѣчаютъ на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Больные люди плохіе работники, человѣческая запряжка не такъ годна для вспашки земли, какъ лошадиная или воловья, сапка не замѣняетъ плуга и, наконецъ, у населенія недостаточно сѣмянъ на посѣвъ. Въ Херсонской губерніи губернаторъ еще 18 марта обратился къ уѣзднымъ земскимъ управамъ съ предложеніемъ озаботиться немедленной раздачей яровыхъ сѣмянъ для оставшихся незасѣянными крестьянскихъ надѣловъ. Писала объ этомъ и губернская херсонская управа. Но, судя по газетамъ, не были своевременно изысканы средства, необходимыя для удовлетворенія этой нужды **). Частная помощь продолжаетъ оставаться скудной.

Немного помощи видѣли южные крестьяне въ истекающемъ году, но много готовности воспользоваться ихъ нуждой. Эпоха народнаго бѣдствія, по обычаю, оказалась вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой усиленнаго перемѣщенія цѣнностей, происходившаго, вдобавокъ, на очень тяжелыхъ условіяхъ для одной стороны и на очень льготныхъ—для другой. Скупка за жалкіе гроши крестьянскаго имущества и продажа по высокимъ цѣнамъ хлѣба голодающимъ—таковы были главныя формы, подъ которыми происходилъ процессъ такого перемѣщенія. Были, правда, и попытки остановить этотъ процессъ, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе грубыхъ его проявленіяхъ, но онѣ приняли слишкомъ односторонній характеръ и направились по такому пути, на которомъ едва-ли можно было ожидать серьезнаго успѣха. По представленію предсѣдателя аккерманской уѣздной управы, г. Пуришкевича, о томъ, что мѣстные купцы назначаютъ весьма высокія цѣны на хлѣбъ, бессарабскій губернаторъ поручилъ аккерманскому полиціймейстеру „оказать съ своей стороны возможное воздѣйствіе на торговцевъ къ прекращенію ими такой эксплуататорской дѣятельности“. Предписаніе губернатора было объявлено всѣмъ хлѣботорговцамъ и отъ нихъ были отобраны подписки.

„И что же? каковъ результатъ?—говоритъ объ этомъ корреспондентъ „СПБ. Вѣдомостей“.—Всѣ мѣстные купцы отказываютъ теперь поселянамъ вовсе въ продажѣ хлѣба, утверждая, что по

---

*) «Од. Нов.», 30 марта 1900 г.

**) «Од. Нов.», 21 марта 1900 г.

ходатайству земства губернаторъ запретилъ продавать его и крестьянскій русскій людъ, по халатности, намъ—русскимъ свойственной, всегда все дѣлающій въ послѣднюю минуту, мечется изъ стороны въ сторону, ища хлѣба за какія угодно цѣны, евреи же предлагаютъ продавать... но въ виду бумаги губернатора требуютъ при каждой сдѣлкѣ санкціи управы, не желая однако уступать ни гроша" *).

Корреспондентъ „СПБ. Вѣдомостей" особенно подчеркиваетъ дѣятельность евреевъ. Другіе органы печати, указывая, что на поприщѣ подобной дѣятельности мирно сходились представители различныхъ національностей, также констатировали тотъ фактъ, что административное воздѣйствіе оказалось безсильно положить ей конецъ. Этого и слѣдовало, конечно, ожидать. Черезчуръ упрощенныя средства рѣдко достигаютъ цѣли и въ данномъ случаѣ борьба съ эксплуатаціей населенія могла вестись вполнѣ плодотворно лишь путемъ дѣятельной помощи послѣднему.

Было бы, конечно, наивно думать, что вліяніе указанныхъ условій ограничивается сравнительно тѣсными предѣлами мѣстностей, пораженныхъ голодомъ. Дѣйствительность недавно представила яркій примѣръ того, какъ далеко идутъ потрясенія народнаго хозяйства, вызываемыя голодовками, какими опасностями сопровождаются они для общественнаго блага и какія крайнія формы эксплуатаціи труда влекутъ за собою. Прошлогодній голодъ въ Казанской губерніи, оказывается, могъ отозваться въ этомъ году голоднымъ тифомъ въ Москвѣ.

5 марта, въ газетѣ „Россія", появилось сообщеніе, что въ Москвѣ по распоряженію администраціи закрыты развѣсочныя чаеторговой фирмы „В. Высоцкій и К°", благодаря эпидеміи голоднаго тифа, появившейся среди рабочихъ этой фирмы и сопровождавшейся нѣсколькими смертными случаями. По разсказу газеты, названная фирма наняла въ прошломъ году значительное количество рабочихъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ Казанской и Симбирской губерній, преимущественно среди татаръ, и воспользовавшись ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, заключила съ ними прямо невѣроятныя условія. „Нанято было рабочихъ въ развѣсочныя и другія отдѣленія фирмы болѣе 500 чел. съ жалованьемъ по 6 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ и квартирѣ". Живя по угламъ, рабочіе платили въ среднемъ по 3 р. за уголъ, а на остальныя деньги должны были существовать въ теченіе мѣсяца; при этомъ работа производилась въ холодныхъ, сырыхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Въ результатѣ—голодный тифъ. Уже больные, ра-

*) «Р. Вѣд.», 5 марта; «СПБ. Вѣд.», 3 марта 1900 г.

бочіе продолжали работу и, лишь совершенно свалившись съ ногъ, отправлялись въ больницу. Нѣкоторое время это сообщеніе, съ подобающими случаю комментаріями, безпрепятственно обходило газетные столбцы. Затѣмъ, однако, во многихъ провинціальныхъ газетахъ появилось слѣдующее объявленіе. „Въ виду распространенія нашими конкурентами ложныхъ слуховъ о товариществѣ чайной торговли В. Высоцкій и К° чрезъ посредство одной газеты, изъ которой затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ явились перепечатки, имѣемъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что московская развѣска Т-ва В. Высоцкій и К° продолжаетъ по прежнему работать въ прежнемъ расширенномъ помѣщеніи" *). И способъ этого опроверженія, и самая его терминологія („прежнее расширенное помѣщеніе") способны были все же внушить нѣкоторыя сомнѣнія. Еще нѣсколько времени спустя въ столичныхъ газетахъ было помѣщено письмо правленія товарищества, рѣшительно отвергавшее справедливость разошедшихся слуховъ. „Въ обоихъ нашихъ развѣсочныхъ помѣщеніяхъ—писало правленіе—работаетъ около 700 чел., получающихъ жалованье отъ 7 до 40 р. и по полуфунту чая и по 2 ф. сахару въ мѣсяцъ, причемъ отъ 7 до 10 р. жалованья получаютъ только начинающіе, т. е. едва 10% всего числа рабочихъ. Всѣ, получающіе жалованье отъ 7 до 19 р. въ мѣсяцъ, пользуются даровымъ горячимъ обѣдомъ изъ 2 блюдъ. Изъ числа нашихъ рабочихъ, получающихъ жалованья менѣе 15 р. въ мѣсяцъ, 120 чел. пользуются даровой квартирой отъ фирмы... Обѣ развѣски наши представляютъ изъ себя громадныя свѣтлыя помѣщенія, освѣщаемыя электричествомъ и снабженныя большимъ количествомъ электрическихъ и механическихъ вентиляторовъ... Эпидеміи тифа у насъ не было.. Правда, среди нашихъ рабочихъ, живущихъ на собственныхъ квартирахъ, было нѣсколько единичныхъ случаевъ заболѣваній, которыя, благодаря энергично принятымъ нами мѣрамъ были прекращены"... Правленіе, „по собственной инціативѣ", сдѣлало временный перерывъ работъ, но теперь онѣ возобновлены. „Для провѣрки сообщаемыхъ свѣдѣній", правленіе указывало на санитарную коммиссію при московской городской управѣ и на фабричную инспекцію, а съ своей стороны выражало готовность открыть свои двери сотрудникамъ всѣхъ газетъ **). Итакъ, согласно заявленію самого правленія, въ развѣсочной были рабочіе, получавшіе 7 р. въ мѣсяцъ и обѣдъ, и среди нихъ развился тифъ. Воспользовавшись указаніемъ правленія, сотрудникъ „Р. Листка", г. Осиповъ, обратился къ предсѣдателю медицинскаго совѣта при московской городской управѣ и опубликовалъ полученныя отъ него разъясненія. Такъ какъ никакого опроверженія

*) Заимствуемъ это объявленіе изъ «Донск. Рѣчи», отъ 22 марта 1900 г.
**) «Россія», 29 марта 1900 г.

со стороны опрошеннаго лица не послѣдовало, то его показанія, на которыя ссылалось само правленіе товарищества, могутъ быть признаны окончательно разъясняющими дѣло. Изъ нихъ оказывается, что чайная Высоцкихъ въ санитарномъ отношеніи была одной изъ самыхъ худшихъ въ Москвѣ. Заболѣванія рабочихъ въ ней носили массовый характеръ, причемъ всѣ больные страдали тифознымъ заболѣваніемъ на почвѣ плохого питанія и антигигіенической жизни. По предложенію предсѣдателя медицинскаго совѣта, гг. Высоцкіе произвели дезинфекцію помѣщенія, расширили его, такъ какъ оно было слишкомъ тѣсно, устроили электрическіе вентиляторы, столовую для рабочихъ и наняли нѣкоторымъ квартиры, словомъ, „постарались привести развѣсочную въ образцовый видъ" *). Теперь они могутъ, конечно, спокойно показывать ее сотрудникамъ газетъ. Заболѣвшіе же рабочіе, какъ выяснилось позднѣе, частью лежатъ въ больницахъ, частью отправлены товариществомъ на родину **). Тамъ они, если и не поправятся скорѣе, чѣмъ въ Москвѣ, то все же меньше обратятъ на себя вниманія.

Ближайшимъ практическимъ выводомъ изъ этой прискорбной исторіи является, конечно, необходимость подчиненія чайныхъ развѣсочныхъ надзору фабричной инспекціи. Но приведенный фактъ можетъ навести и на болѣе общія размышленія, бросая лишній и весьма яркій лучъ свѣта на результаты нашихъ голодовокъ.

---

*) «Н. Вр.», 30 марта 1900 г.
**) «С. От.», 1 апр. 1900 г.

Издатели: Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій.
Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

